

М. Ф. Видясова

Джихад без войны

Тунисский опыт модернизации и
политическое наследие Хабиба Бургибы
(1903-2000)

324
В-42
62
№55
24
Г. Институт философии
Фабр

М. Ф. Видясова

14557

Джихад без войны

Тунисский опыт модернизации и
политическое наследие Хабиба Бургибы
(1903—2000)

Том I
Книга 1

Человек из Сахеля и его путь
к «тунисскому возрождению»

Москва
2005 г.

М. Ф. Видясова

Джихад без войны

Тунисский опыт модернизации и политическое наследие
Хабиба Бургибы (1903–2000)

Том I. Книга 1

Человек из Сахеля и его путь к «тунисскому возрождению»

Работа из 2-х томов посвящена политической биографии Хабиба Бургибы, первого президента Тунисской республики (1957–1987) и крупного светского реформатора середины XX века. Рассматриваются узловые эпизоды его деятельности, неразрывно связанной с историей партии Новый Дустур, которая сыграла ключевую роль в национальном движении, а затем такую же роль – в становлении государственности независимого Туниса. Особое внимание уделено острой дискуссии о политическом наследии Бургибы, развернувшейся в научных кругах этой страны после отставки и кончины экс-президента. В работе использованы автобиографические заметки, речи и письма Бургибы, архивные документы, в том числе донесения французской полиции, мемуарная литература и материалы тунисской прессы разных лет. Широко представлены результаты исследований современных тунисских историков и социологов. Публикация рассчитана на специалистов-востоковедов и широкую аудиторию, интересующуюся историей арабского региона, а также проблемами демократии и авторитаризма, роли личности на Востоке, диалектики традиционного и современного в процессах политической модернизации. Книга 1 первого тома хронологически охватывает период между двумя мировыми войнами.

Ответственный редактор: профессор Л.А. Фридман

Редактор: доц. Б.Н. Ромачев

Рецензенты: проф. С.А. Кириллина
проф. М.С. Мейер

ISBN 5-89394-141-1

© М.Ф.Видясова

©ИСАА при МГУ им. М.В.Ломоносова

«Без свободомыслия нет и свободы!»

Хабиб Бургиба в Национальном
Учредительном собрании Туниса,
12 июля 1956 г.

*«И этот светильник – светильник Разума
и мысли, воспламененный от Божественного
света, ведь это он горящим угольком
освещал нам путь в дороге, ведущей к неза-
висимости и к победе! Светильник этот
нам в помощь и теперь...»*

Он же в молитвенной речи,
Кайруан, мечеть Сиди Окбы,
в день рождения Пророка,
3 сентября 1960 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	24
Дустур – это конституция. Рождение «двух Дустуров»	29
«Столица Арлекина»... и самое обычное начало одной биографии	36
Старый Дустур. Партия с улицы Паши?	91
Людовик Святой, «Сатрап» и размежевание националистов (1930–1934)	108
Во главе партии «néos», или от Голоса к Действию	132
Как сделать партию массовой... и при чем тут кладбища?	144
«Великая депрессия» и арабский мир. Некоторые исторические параллели	170
Новый Дустур и французские социалисты. Возвращение шейха	203
Разрыв времен. «Мятеж» 9 апреля 1938 г.	241
Новый Дустур уходит в подполье. Кольцо Монсеф-бея	266
Исторические справки и комментарии	294
Биографическое приложение (к книгам 1 и 2)	390

Предисловие

Среди острейших социально-политических проблем, если угодно – вызовов, переходящих из XX века в новое тысячелетие, не последнее место занимает так называемый кризис идентичности, получивший свое развитие как на постсоветском, или «евразийском» пространстве, так и в странах, которые еще недавно считались «третьим миром». Одним из проявлений этого кризиса является новое историческое столкновение светского и религиозного сознания, конфликт между национальной (гражданской) и этно-конфессиональной самоидентификацией. Излишне напоминать, сколь широкие масштабы и трагический характер приобрело подобное противостояние в некоторых районах традиционного распространения ислама. Поскольку к таковому относится и Россия, а уж во всяком случае – значительная часть территории СНГ, для нас самый непосредственный интерес представляет изучение опыта государственной политики в отношении ислама как такового и мусульманского радикализма (исламизма) в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки. Хотя их часто представляют как некое единое целое – Арабский Восток, или «арабский мир», государственное развитие в регионе после распада колониальной системы, а по сути – еще в доколониальный период шло разными путями. Существенные различия наблюдаются и в характере официальной идеологии, включая отношение к религии, ее месту в государственной жизни. Что касается Туниса, бывшего протектората Франции (1881–1956), получившего независимость в сравнительно мирных условиях, то о нем всегда говорили как о примере наиболее решительного выбора в пользу светской формы развития и модернизации общественных структур. Создание национального государства (Etat-nation), максимально приближенного к европейской модели, было в программе победившей политической элиты, представленной руководством Новой Либерально-конституционной партии (иначе: Новый Дустур)¹, и ее лидером Хабибом Бургибой, возглавлявшим эту партию более пятидесяти лет.

¹ В отечественной литературе принято также написание Новый Дестур, что ближе к французскому Néo-Destour. С 1964 по 1988 г. называлась Социалистической дустуровской партией (СДП). Ныне эта партия носит название *Таджамму* – ад-дустурий ад-димократий / Rassemblement Constitutionnel Démocratique (RSD). В

Предисловие

В самом названии партии (*дустур*: конституция) содержалось указание на ту эмблему, под которой действовал националистический авангард. В свою очередь, отец-основатель правящей партии, которого считают и архитектором независимого Туниса, снискал репутацию едва ли не самого последовательного реформатора-западника в первом поколении лидеров освободившихся афро-азиатских стран. У себя на родине Бургиба носил неформальный титул «*аль-муджахид аль-акбар*» (Верховный борец)², когда-то неразлучный с его именем и употреблявшийся в партийных кругах задолго до обретения тунисского суверенитета.

Свою политическую деятельность он, как его соратники «первого часа», начинал в рядах тунисской Либерально-конституционной партии – Старый Дустур (основана в 1920 г.), аристократизм и конституционные иллюзии которой, обращенные в прошлое, не устраивали демократическое крыло дустуровцев. Молодых и жаждущих активной деятельности людей, влившихся в партию на рубеже 20-30-х годов и остро реагировавших на социальные проблемы, порожденные мировым экономическим кризисом, влияние которого в Тунисе было тяжелым и продолжительным. На базе радикального крыла дустуровского движения и возникла в 1934 г., а фактически еще в 1933 г., параллельная партия Новый Дустур, которая «намеревалась не только освободить страну, но и построить новое общество»³. При этом из числа соучредителей Нового Дустура – горстки близких друзей и соратников Бургибы лишь он один дошел до конца, порой восстанав-

русскоязычной справочной литературе: Демократическое конституционное объединение (ДКО). По аналогии с СДП, вполне корректно было бы перевести ее современное название на русский и как «Демократическое дустуровское объединение».

² Мы придерживаемся перевода, принятого в отечественной литературе. Однако уважительное прозвище Бургибы – «*аль-муджахид аль-акбар*», имеющее традиционный, даже религиозный оттенок, можно перевести и как «Великий борец». По-французски Бургибу называли «*le Combattant Suprême*». Любопытно, что в этом варианте, вроде бы эквивалентном арабскому, религиозная окраска прозвища исчезает. Под этой «кличкой», которая закрепилась за ним в конце сороковых, лидер партии Новый Дустур устойчиво фигурировал в документах сыскальной полиции. В дальнейшем она стала заменой всех его партийно-государственных титулов, вместе взятых, и даже имени собственного. Употреблялась в средствах массовой информации чаще, чем сочетание «президент Бургиба».

³ *Abun-Nasr J.M. A History of the Maghrib. Second Edition, London: Cambridge University Press, 1977, p. 346.*

Предисловие

ливая партию из пепла, привлекая новых лидеров. Умел ценить в других организаторский талант и создавать вокруг себя «блестящую когорту».

К личности этого человека, которого ставят в один ряд с крупнейшими политиками афро-азиатского мира – такими, как Джавахарлал Неру, Гамаль Абдель Насер, Леопольд Сенгор, – обращались и обращаются многие историки. Как отмечал недавно американский востоковед Л. Карл Браун, стиль первого президента Туниса, напоминающий учительство, состоял в том, чтобы идти впереди своих сограждан, всегда требуя от них большего. «*Бургибу сравнивали со многими и разными политическими деятелями. Но самое верное сравнение, пожалуй, с турецким лидером Кемалем Ататюрком. Оба человека точно знали, чего они хотят для своей страны. Оба полностью полагались на собственное понимание вещей: что именно необходимо и как этого добиться. Ни тот, ни другой не верили в президентство «скрытой руки» и в пользу ожидания консенсуса. Они видели свою задачу в том, чтобы бежать против стрелки часов. У них не было времени ждать, пока догонит последний отстающий. Рывок к модернизации стоял на повестке дня. И когда нужно, оба проявляли нетерпеливость и самонадеянность*»⁴.

К этому следует добавить, что мнения соотечественников Бургибы, сегодня обсуждающих, который не имеет для них очевидного ответа, почему тунисское общество, казалось бы, имевшее предпосылки для лучшего, потерпело и терпит неудачи в движении к демократии, колеблются между двумя (не взаимоисключающими) объяснениями. Первое: суть в глубинных и неотвратимых факторах, которые действуют во всех странах «третьего мира», остающихся в плену авторитаризма. Иные примеры, такие, как Индия, парламентская республика, которую с первых лет ее независимости окрестили «самой большой демократией» на планете, – единичны; и мы не найдем их ни в Африке, ни на Арабском Востоке, где до недавнего времени господствовали однопартийные системы⁵. Второе: главная вина лежит на Бургибе, загнавшем общество в этот плен...

⁴ *Brown L. C. Bourguiba and Bourguibism Revisited: Reflections and Interpretations, «Middle East Journal», Volume 55, № 1, 2001, p. 57.*

⁵ В Тунисе однопартийная система была введена с 1962 г. и отменена в 1981 г. Нынешним руководством страны, которое пришло к власти 7 ноября 1987 г., открыв так называемую Эпоху Перемен, акцент был сделан на развитие политического плюрализма под контролем правящей дустуровской партии – «партии большинства».

Предисловие

Действительно, установленный им режим явно противоречил лозунгу, с каким тот же самый человек и его товарищи в былые годы выводили толпу на улицу: «Власть тунисскому парламенту!». И этот режим, обслуживавший единоличную власть президента, который пользовался ею почти столько же лет, сколько он за нее боролся, и уже не мыслил ни себя без власти, ни страну без себя... благополучно пережил своего творца. Человека, которого сразу записали, едва он достиг своей цели — независимости Туниса, в одну «шеренгу с Боливаром, Ганди и другими выдающимися личностями, научившими смыслу жизни людские массы», объявили носителем опыта, пригодного «везде, где народы освобождаются от чужеземного господства»⁶; а затем твердили, что он-де усадил всю тунисскую нацию за одну парту «школы человеческого достоинства — l'Ecole de Bourguiba!»⁷... И усадил ее в «поезд, с которого уже не сойти»?

Можно по разному расценить слова самого Бургибы, произнесенные им на семнадцатом году правления, слова произнесенные публично и поэтому даже в его устах какие-то странные, будто похожие на печальное раздумье или сбывающееся предсказание. Но в следующей его фразе: «Мой приход к руководству этой страной наложил на нее неизгладимую печать, она вовеки не сотрется!»⁸, — есть зерно истины. И каждый будет прав, понимая ее по своему.

Ведь правда и то, что Верховный борец, присвоивший себе такое имя, когда его персональную судьбу еще никто не взялся бы точно предсказать, был высокообразованным и трезвомыслящим политиком, в чем-то даже и провидцем; а на вершине власти — отнюдь не жестоким тираном, напротив, «скорее просветителем, чем деспотом». Быть может, надеялся привить народу гражданское самосознание, но не сумел воспитать в самом себе доверия к народу и расстаться с ролью его пастыря... Или просто дал волю врожденному властолюбию? Вспоминают же бывшие друзья и со-

⁶ «L'Action», Тунис, 17 сентября 1956 г.

⁷ Bouali M. Les Temps de la Non-Révolte, 1827–1832, Tunis: STD, 1976, p. 8. Цитируемая фраза содержится в предисловии Махмуда Буали к книге, задуманной автором как первый том серии исторических исследований, которая завершилась бы трилогией «Бургиба». Трилогией из следующих частей: «Три вызова», «Триумфальное восхождение», «Апофеоз». Он же автор трехтомника: Bouali M. Introduction à l'histoire constitutionnelle de la Tunisie, Tunis: Ed. En-Najah, 1963–1976.

⁸ Хабиб Бургиба. Речь перед членами парламента, 12 апреля 1973 г.

Предисловие

ратники Бургибы, среди них и самые стойкие его поклонники, что смолоду им руководило желание доминировать над людьми, и ничто ему так не претило, как роль «второго», и так не льстило, как гром оваций. А некоторые даже утверждают, что президенту была дорога не столько власть сама по себе, сколько знаки поклонения и собственные «выезды триумфатора». Во всяком случае, не секрет, что еще за годы до того, как наступила та долгожданная минута, и Бургиба ударил жезлом председателя Национального учредительного собрания, он укрепился в мысли, что вправе говорить, один, от имени тунисской нации...

Отсюда разве не вытекает правдоподобный вывод, что этот целеустремленный человек, имея в руках столь мощный инструмент, как большую и хорошо организованную партию, им же (для этого?) созданную и вышколенную, употребил ее влияние и авторитет в угоду своим амбициям. А если основатель Тунисской республики искренне заявлял себя поборником либеральных ценностей, то в таком случае он явно потерпел поражение. Поражение в том, что обрек общество на ведение политики такого стиля, который зиждется на неразрывном единстве правящей или «доминирующей» партии (различие, на деле — не столь глубокое) и государства, как бы он, этот стиль, ни подстраивался под современные стандарты.

Более того, в отличие от других подобных ему политических игроков, скажем, от египетского президента Насера, который сам не пользовался выражением «насеризм» и не хотел выглядеть самодержцем, хотя был таковым, Хабиб Бургиба откровенно навязывал обществу доктрину «бургибизма», ее пропагандировал и, наконец, утешил свою гордыню тем, что его избрали пожизненным главой республики и правящей партии. Тем самым не где-нибудь, а в Тунисе был создан (де-юре) единственный такого рода — в арабском мире — прецедент. И что же? Сорвав плоды этой сомнительной победы, le Combattant Suprême говорил только о себе, расписывая все в новых красках легенду своей жизни, а тунисцы «уже не знали, любят они его за то, что он был, или ненавидят за то, что он все еще хочет быть...»⁹.

Однако! Не самоуверенность ли Бургибы, который демонстрировал это с первых своих шагов и, например, писал, обращаясь к руководству (подпольной) партии: «Если...я не смог вас убедить, подчиняйтесь!»

⁹ Bessis S., Belhassen S. Bourguiba. A la conquête d'un destin (1901–1957), Paris: Groupe Jeune Afrique, 1988, p.10.

Предисловие

*Это – вам мой приказ. Его не обсуждайте!*¹⁰; не его ли качества естественного лидера, привыкшего брать всю ответственность на себя, послужили на благо Бургиба проводить свои секуляристские реформы (1956–1958 гг.), которых общество в своей массе тогда не требовало. У него были провалы в экономической политике, но в целом избранная стратегия оказалась успешной, и бедное нефтью государство прочно вошло в группу наиболее динамично развивающихся стран региона. И далее, благодаря настойчивому стремлению Бургибы экономить на военных расходах, страна выиграла экономически, но не только... Тунис минимизировал влияние армии на внутриполитическую жизнь, в итоге не заразившись хронической болезнью военных переворотов, какой страдает афро-азиатский мир. Подобное перечисление «про и контра», светлых и темных тонов, мелькающих на политическом портрете Бургибы, можно продолжать и дальше. Так не следует ли теперь, с расстояния прошедшего времени, постараться снять мифологические наслоения с его образа?

Здесь встает еще одна проблема: возможны ли вообще научные подходы к «бургибизму», что под этим подразумевается, если не сумма действий и личных черт вождя, характер политического поведения верных ему людей? Эти вопросы и оказались в поле зрения тунисских ученых-обществоведов. «Хабиб Бургиба и строительство национального государства» – такова была, в частности, тематика международной конференции, состоявшейся в декабре 1999 г. под эгидой тунисского исследовательского центра FTERSI (Загуан), получившего за последние годы широкую известность¹¹. В ее заседаниях, проходивших в форме круглого стола, приняли участие в основном представители местной университетской профессуры (из столицы и крупных городов Сус и Сфакс), а также некоторые иностранные гости (Франция, Ливия). Таким образом, разговор на конференции отразил прежде всего восприятие проблемы тунисской интеллектуальной элитой, разумеется, светской; причем некоторые из докладчиков в

¹⁰ Письмо Бургибы из вишистской зоны Франции в Тунис от 8 августа 1942 г. к Хабибу Тамеру, руководителю подпольного политбюро Нового Дустура (подробнее см. ниже).

¹¹ Fondation Temimi pour la recherche scientifique et l'information (FTERSI) частный научный фонд, созданный в г. Загуан под руководством профессора Тунисского университета А. Тмими. Приоритетное направление – изучение архивов по новой и новейшей истории. Ведет самостоятельную издательскую деятельность, организует регулярные конференции, поддерживает широкие международные связи.

Предисловие

иные годы находились на левом фланге оппозиции к режиму. По сути дела, дискуссия развернулась вокруг таких узловых вопросов, как роль личности в истории, модернизация и ее ограничители на Востоке, перспективы демократического процесса – в свете влияния традиционной политической культуры и т.п., хотя в докладах разбирались и детали психологического портрета бывшего президента страны, затрагивались многие частные эпизоды его деятельности.

В своем вступительном слове директор исследовательского центра FTERSI, профессор Абдельжалиль Тмими сказал, что видит задачу обсуждения в том, чтобы с позиций сегодняшнего дня дать объективную оценку политики Бургибы, «избегая как прежнего возвеличивания, так и затушевывания его фигуры» (к чему подталкивала обстановка последнего времени). Поясним, что конференция проходила спустя 12 лет после мягкой, так называемой «жасминной революции» 7 ноября 1987 г., итогом которой стала отмена института пожизненного президентства Бургибы и его принудительная отставка. Материалы конференции были опубликованы в апреле 2000 г., и случилось так, что книга, посвященная Бургибе¹², увидела свет в дни траура по его кончине, когда скорбевшая страна как бы вторично прощалась со своим историческим лидером и его эпохой.

В этой связи обращает на себя внимание различная реакция населения на тот и другой эпизод. Первое расставание с героем борьбы за независимость – его падение с политического Олимпа – было встречено почти равнодушно. Публика тогда, в 1987 г., уставшая от многолетнего правления Бургибы, видела в нем прежде всего дряхлеющего старца, задержавшегося в президентском кресле. Да и государственный переворот прошел очень тихо и без всяких жертв. Правящая партия осталась у власти, обещая радужные перемены. Короче, после стагнации ждали «перестройки»... Второе же расставание с Бургибой – его уход из жизни – вызвало всплеск эмоций. И дело не в том, что, несмотря на непогоду, произошло стихийное стечение народа на официальную церемонию похорон полузабытого экс-президента, которого везли к месту последнего упокоения на пушечном лафете в сопровождении высоких представителей ряда иностранных госу-

¹² Habib Bourguiba et l'établissement de l'Etat national: Approches scientifiques du bourguibisme. Etudes réunies et préfacés par prof. Abdeljalil Temimi. Zaghuan, 2000. (Сборник представленных авторами докладов и стенограмма нескольких сеансов дискуссии; тексты на арабском и французском языках).

дарств, в том числе главы Французской республики; и не в том, что кончина почти столетнего деятеля отозвалась в сердцах ностальгией по прошлому... А дело в том, что с уст срывались слова: «Прощай, отец!».

Мерилом специфики политического развития Туниса в минувшем веке является, помимо всего прочего, сама по себе продолжительность политической биографии Бургибы — человека, который много лет тому назад встал за штурвал на корабле в новый для страны исторический период и перешел на президентском посту не только Насера, но и Садата, а закончил свою карьеру, когда давно не было в живых ни Неру, ни Сукарно; и уже почти забылась короткая, но яркая эпоха первого алжирского президента Бен Беллы.

Начиналась же политическая деятельность Бургибы — публициста и партийного организатора в те годы, когда Тунисское регентство¹³ жило еще под впечатлением первой мировой войны, а представители либерально-патриотических кругов едва успели остудить в себе надежды, порожденные сколь знаменитой, столь и туманной декларацией Вильсона о послевоенном мире, предусматривавшей в одном из своих 14 пунктов «свободное, чистосердечное и совершенно беспристрастное разрешение всех колониальных споров, основанное на строгом соблюдении принципа, что... интересы населения соответственных колоний должны иметь одинаковый вес со справедливыми притязаниями того правительства, права которого должны быть определены»¹⁴.

В те годы в Тунисском регентстве, представлявшем собой абсолютную монархию беев Хусейнидов, унаследованную от османских времен [1]¹⁵, развернулась борьба за изменения в системе местного управления, которых старались добиться от метрополии отчасти и сами члены царствующего дома, но главным образом — близкие к дворцовым кругам образованные

¹³ «Régence de Tunis» — официальное название Туниса при французском протекторате, которое европейцами употреблялось и раньше (по аналогии с османским Алжиром: «Régence d'Alger»). Во внутренних указах использовались также два других названия страны: либо «Royaume de Tunisie», либо «Royaume de Tunis». Оба — калька с арабского «*мамлякату тунис*», что означает «Тунисское королевство» или «Тунисское княжество». Это название сохранялось и после отмены французского протектората (в 1956-1957 гг.) вплоть до упразднения монархии.

¹⁴ Цит. по: Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Перевод с английского. Т. 1, Москва: Изд-во Иностранной литературы, 1957, с. 69-71.

¹⁵ В квадратных скобках указаны №№ исторических справок и комментариев.

люди, создавшие довольно влиятельную политическую партию, Либерально-конституционную (Дустур). Пройдет десяток лет, и станет восходить звезда «Верховного борца», затмившая славу прежних выразителей национальных чаяний. Но потребуются еще годы, за которые он испил чашу надежд и разочарований, прошел через тернии, прежде чем его понесет на руках толпа в день возвращения из последней ссылки. Прежде, чем Бургиба — уже глава правительства независимого Туниса — склонится за спиною бея, наблюдая как тот скрепляет своей печатью указ о ликвидации монархии. Этим документом оставалось лишь подтвердить свершившийся факт: переход власти в руки премьер-министра и через час-другой — президента Тунисской Республики. В эту должность он вступил 25 июля 1957 г., спустя 35 лет после того, как юношей-лицеистом впервые шагнул в толпе манифестантов, возмущенных режимом протектората.

Одной, столь долгой и насыщенной событиями персональной истории Бургибы было бы достаточно, чтобы понять, почему тунисские ученые и — шире — образованные люди настойчиво обращаются к вопросу об идейном наследии политика, чьи личные убеждения и практическая деятельность строителя современного государства определили очертания общества, в котором они живут.

Мы же, со своей стороны, взялись за эту тему с двоякой целью: и для того, чтобы уловить то общее, что есть в мироощущении, а соответственно, — и в оценках политических явлений между российской и арабской интеллигенцией (в данном случае — тунисской), и с тем, чтобы попытаться более адекватно изложить суть свершений и неудач одного из крупнейших светских реформаторов, который, по мнению специалистов, в сравнении с другими арабскими политическими деятелями второй половины XX века, пошел на самые глубокие преобразования в социально-правовой сфере. Но разумеется, эту деятельность президента нельзя рассматривать в отрыве от других аспектов его политики, направленной, как повторял сам Хабиб Бургиба, на то, чтобы создать современную нацию и вылепить ее из «песка и пыли» старого социума с его локальными уровнями лояльности (принадлежностью индивида к разрозненным большесемейным, соседским и клановым сообществам патриархального типа). А это, в свою очередь, связано с общими представлениями национального лидера о месте его страны на исторической и политической карте мира.

Обращение к данной теме важно и потому, что в дискуссии о про-

блемах, ныне злободневных для ННГ, т. е. новых независимых государств на просторах бывшего Советского Союза (nation-building, авторитаризм и его закономерность для переходных обществ, диалектика мусульманского «возрожденчества» и демократии), многие политологи – по понятным причинам – апеллируют к опыту арабских стран и используют его для аргументации своих позиций. В качестве примера приведем статью из алмаатинского журнала «Analytic», выходящего с января 2001 г. и являющегося изданием Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. Автор публикации Е.В. Тукумов совершенно не случайно поставил вопрос о том, что «понимание проблемы распространения радикального ислама, осознание потенциала исходящей от нее угрозы безопасности ННГ Центральной Азии обуславливает активный поиск объяснения данному явлению» и в этой связи «анализ развития ситуации в ряде мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока, несомненно, будет чрезвычайно полезен для стран Центрально-азиатского региона»¹⁶. К такому же сравнительному анализу обращаются российские политологи, занимающиеся Кавказом и Центральной Азией, а также всем комплексом проблем, связанных с «пробуждением» ислама и его политизацией¹⁷.

При этом, с точки зрения многих наблюдателей, современные тенденции позволяют считать более продуктивным диалог власти с умеренными представителями исламской оппозиции, нежели полное отрицание политически ангажированного мусульманского фундаментализма и такую конфронтацию с ним, которая чревата вооруженным конфликтом или гражданской войной.

К сожалению, некоторые иллюстрации общих тезисов примерами стран Ближнего Востока и Северной Африки носят поверхностный и даже искажающий характер: по причине использования устаревших данных либо кочующей из одного издания в другое ошибочной информации. Так, в журнале «Analytic» предлагается типология взаимоотношений правящей элиты и исламской оппозиции в арабском регионе. Автор статьи выделяет

¹⁶ Тукумов Е. В. Проблема религиозного экстремизма в странах Ближнего и Среднего Востока. «Analytic. Аналитическое обозрение», Алматы, № 1, 2001, с. 16.

¹⁷ См., например, Поляков К. Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-е годы XX в. (на примере арабских стран). // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. / под редакцией А. Малашенко и М. Брилл Олкотт (Московский центр Карнеги), М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001, с. 265–310.

в своей классификации группу стран, избравших стратегию «на создание своего рода политического консенсуса», объединив по этому признаку Иорданию, Йемен, Египет и Тунис, где «исламистам было разрешено участвовать в парламентских выборах»¹⁸. Обойдем вопрос с Египтом, где таковое участие, как показали выборы 2000 г. в Народное собрание, не приветствуется (волна арестов, направленных против «Братьев-мусульман», запрет Социалистической партии труда¹⁹ и ее газеты «*Ша'аб*» и т. д.). Что касается Туниса, то исламисты лишь однажды, в ходе электоральной кампании 1989 г., смогли продемонстрировать свою относительную популярность на выборах в законодательный орган власти (Палату депутатов). По разным оценкам, поборники «исламского пути», выступавшие по списку независимых кандидатов, собрали от 8 до 17 % голосов; но в парламент того созыва ни один представитель оппозиции вообще не прошел. Мажоритарная избирательная система (с голосованием по спискам в один тур) давала шанс на получение мандатов только очень крупной политической силе, а на тунисском политическом небосклоне это – правящая партия: Демократическое конституционное объединение (ДКО). И палата была сформирована на однопартийной основе. В дальнейшем правительство, внося изменения в избирательный кодекс, откровенно позаботилось о том, чтобы зарезервировать скамейку в законодательной ассамблее для партий

¹⁸ Тукумов Е. В. Указ. соч., с. 19.

¹⁹ Социалистическая партия труда (СПТ), которая выступала, и небезуспешно, на парламентских выборах 1987 г. в альянсе с нелегальной ассоциацией «Братья-мусульмане», подверглась нападкам властей накануне последней избирательной кампании. Деятельность СПТ с мая 2000 г. официально приостановлена на неопределенный срок, а газета «*Ша'аб*» не получила права на выпуск, несмотря на десяток судебных решений в ее пользу, состоявшихся к середине следующего года. Желая добиться возвращения к легальной деятельности, СПТ в 2001 г. исключила из своего руководства редактора партийной газеты и других деятелей, известных своей близостью к «Братьям-мусульманам». Последние сумели, однако, провести в парламент последнего созыва 17 своих представителей (против одного в прошлом составе), баллотировавшихся в качестве «независимых». Среди них в основном фигурировали кандидаты, «просочившиеся» на выборы благодаря тому, что они являлись не крупными публичными политиками, а людьми, известными в местных избирательных округах. (Подробнее см.: Умеров М. Ш. Четверть века «демократизации сверху». Осенние парламентские выборы 2000 г. в Египте // Ближний Восток и современность. Сборник статей. Выпуск одиннадцатый, М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001, с. 262–263).

Предисловие

легальной оппозиции, но отсесть возможность успеха на выборах независимых кандидатов, «под видом которых в депутатский корпус могли бы проникнуть мусульманские фанатики»²⁰. Так что вывод о «консенсусе» с исламистами не отвечает действительности: вернее было бы сказать, что по отношению к последним в Тунисе проводится тактика подавления, а в Египте — сдерживания.

Такие же досадные неточности, о каких говорилось выше, можно встретить и в работах некоторых уважаемых российских коллег. Например, Д. Б. Малышева, предлагая взвешенный подход к проблеме исламизма, может быть, и справедливо рассуждает, что легализация Исламского фронта спасения (ИФС) в Алжире, не пойдя правительство в 1991-1992 гг. на противостояние с фронтом, «расширила бы базу умеренных в этом движении», но при этом читателя отсылают к недостоверным фактам в той части, что касается Туниса и Египта. Так, говорится, что в АРЕ «фундаменталистская оппозиция вошла в правительственную коалицию» (sic!), а это якобы подает обнадеживающий знак, поскольку «в Египте, Йемене, Тунисе, Иордании фундаменталистам даже в условиях временного вхождения во власть не удастся менять ход общественных процессов»; зато, продолжает автор, «идет процесс легализации фундаменталистской оппозиции и приобщения ее к государственным институтам»²¹.

Между тем официальное участие исламистов в парламентских выборах наблюдалось в девяностые годы, насколько нам известно, в трех арабских странах: Йемене после объединения Севера и Юга (1990 г.), а также в Хашимитском Иорданском королевстве и Кувейте. Эти государства имеют между собой то общее, что в Республике Йемен и обеих конституционных монархиях: в Иордании, где в 1992 г. король разрешил деятельность партий (запрещенных на протяжении 35 лет) и в Кувейте, где с того же года возобновилась деятельность парламента, но партийной системы не

²⁰ Шаабан С. Тунис: путь к политическому плюрализму, М.: ИСАА при МГУ, 1996, с. 142. Цитируемые слова принадлежат бывшему министру юстиции, он же — председатель штаба избирательной кампании 1999 г., а ныне — министр образования. Автор книги, которая в оригинале вышла под названием «Бен Али и путь к плюрализму» (Шаабан С. Бен Али ва ат-тарик иля ат-та'аддудийа, Тунис, 1995), выражал официальную точку зрения, облекая в научную форму взгляды президента.

²¹ Малышева Д. Б. Исламский фундаментализм в современном мире // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. Сборник 2. Глобализация и периферия. М.: Московский общественный научный фонд, ИМЭМО РАН, 1999, с. 245, 247.

Предисловие

существует, большое влияние на формирование баланса политических сил оказывает «племенной фактор», в двух случаях — орудие монархии. Так, в Иордании (где только в столице проживает 1,7 из 5 млн. населения) львиную долю парламентских мандатов завоевывают кандидаты, представляющие малонаселенные «племенные» территории. Им дано преимущество в избирательном процессе. В Кувейте же, который является почти городом-государством, ибо доля столичных жителей здесь превышает 90%, а сельское хозяйство дает 1% ВВП, едва ли не половина депутатов представляет неких кочевников. Эти так называемые депутаты-бедуины, они же парламентарии-«традиционалисты», ориентированные на поддержку двора, иногда блокируются с исламистами, но в целом их нейтрализуют²².

Что касается Йемена — единственной республики на Аравийском полуострове и беднейшей арабской страны, то вряд ли справедливо утверждение, что исламистам не удастся здесь менять ход общественных процессов, ибо после поражения сил «социалистического крыла» южан, понесенного перед силами северян в короткой, но бурной гражданской войне (май 1994 г.) законотворчество развивалось отнюдь не в светском духе. Специфика же общеполитического развития этой страны заключается в том, что йеменская «молодая и хрупкая» государственность покоится на союзе официальной Саны с традиционными племенными нотаблями и квазиплеменными лидерами. Те и другие служат опорой президентской партии Всенародный конгресс и, в свою очередь, его основному конкуренту на выборах — «реформистской» партии *Ислах*²³,

²² Подробнее см.: Korany B., Brynen R., Noble P. Political Liberalization and Democratization in the Arab World. V.2. Comparative Experiences, Boulder (Colorado), London Lynne Rienner Publishers, 1998; Baaklini A., Denoex G., Springborg R. Legislative Politics in the Arab World. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1999).

²³ Партия-коалиция *Ислах* (полное название: Йеменское объединение за реформы) сумела завоевать на выборах 1993 г. и 1997 г. второе место в парламенте. Состоит из трех разнородных и неравных компонентов: (1) прозелиты «неоваххабитского» пуританизма, среди которых есть бывшие рабочие-эмигранты, вернувшиеся из Саудовской Аравии, (2) мелкое городское купечество южных провинций, потерявшее собственность при существовании Народной Демократической Республики Йемен, (3) члены и приверженцы могущественного рода Хашид, в свое время, до 1970 г., выступавшего в гражданской войне на стороне республиканцев против роялистов. Глава самой крупной племенной конфедерации северного Йемена, шейх Абдаллах ибн Хусейн аль-Ахмар из рода Хашид, занял должность спикера в парла-

Предисловие

которая пользуется поддержкой избирателей в районах, прилегающих к Саудовской Аравии.

Поэтому сопоставление вышеназванных арабских государств с Египтом, где влияние бедуинских шейхов на исход парламентских выборов не существенно, а также с Тунисом, где таковое влияние отсутствует, как нет и самих шейхов (племенная структура давно разрушена), следует проводить с известной долей осторожности. Оставим за скобками вопрос, тоже спорный, о позитивных результатах «приобщения» умеренных исламистов к государственным институтам, поскольку, во первых, это не имеет отношения к тунисской действительности, во вторых, предполагает анализ конкретных и зачастую совершенно различных факторов, внутренних и внешних, определяющих ситуацию в каждой отдельно взятой арабской стране, занимающей свое место на шкале развития и в системе региональных международных отношений.

Возвращаясь к проблеме исламизма, который в Магрибе называют на французский манер интегризмом, надо уточнить, что движение его приверженцев зародилось в Тунисе на рубеже 70-х годов, приобрело определенный размах в 80-х и отчасти послужило катализатором «жасминной революции», приведшей к отставке Бургибы и другим персональным изменениям в верхних эшелонах власти. В этой связи стоит сказать несколько слов о московском сборнике с актуальным названием «Ислам и политика» (2001 г.). Хотя большинство статей в нем посвящены Турции, Ирану и Пакистану, здесь нашли место ссылки и на арабские страны, в том числе Тунис²⁴. В статье И.Л. Фадеевой «Оппозиция в странах Ближнего и Среднего Востока» сюжету, связанному с Тунисом, посвящена, правда, одна неполная страница. Но здесь допущено сразу несколько ошибок. Начнем с того, что автор, опираясь на работу английского исследователя, опубликованную в 1994 г.²⁵, говорит, подразумевая тунисских исламистов: «В конце нашего столетия Тунис превратился в арену противостояния различных

менте созыва 1997 г. (Подробнее см.: *Carapico Sh. Pluralism, Polarization, and Popular Politics in Yemen / Korany B., Brynen R., Noble P. Op. cit., p.246-247*).

²⁴ Фадеева И. Л. Оппозиция в странах Ближнего и Среднего Востока: статус и цели. // Ислам и политика, М.: Крафт+ИВ РАН, 2001.

²⁵ См.: Холлидей Ф. Политика исламского фундаментализма: Иран, Тунис и вызов светскому государству // РЖ Востоковедение и африканистика, 1997, № 4, с. 79.

Предисловие

политических сил, исход которого пока не вполне ясен»²⁶. Между тем само тунисское правительство еще в середине 90-х годов заявило, и не без оснований, что проблема мусульманских радикалов в стране решена – как силовыми, так и политическими методами, а Движение исламской направленности (ДИН), которое в 1989 г. присвоило себе нейтральное название «*Нахда*» (Возрождение), уничтожено под корень. Действительно, главные идеологи тунисского фундаментализма давно в эмиграции, подпольные структуры исламистов (второе дно запрещенной партии *Нахда*), по всей видимости, прекратили существование; террористы обезврежены. Другое дело, что в стране остались «сочувствующие», а репрессии служб внутренней безопасности, примененные в 1991-1992 гг. к активистам ДИН, и желание властей покрыть завесой молчания саму проблему воинствующего ислама, даже наложить табу на ее академическое изучение – вызывают протесты правозащитников и представителей светской оппозиции, недовольных оковами цензуры²⁷.

Далее, автор статьи в сборнике «Ислам и политика» частично грешит против истины, отмечая, что в Тунисе «возрастающая угроза со стороны исламистов стала одной из причин военного переворота 7 ноября 1987 г.»²⁸. Но этот переворот, не нарушивший конституционной нормы, ибо она предусматривала прекращение полномочий пожизненного президента по случаю болезни, предполагающей недееспособность (оставалось доказать последнее), никак не являлся военным, армейским. Инициатива исходила из гражданской среды и созрела в партийно-правительственных верхах, осознавших – перед лицом формирования мусульманской контр-элиты (и расширения ее сегмента общественных симпатий), необходимость устранить с президентского поста Бургибу, который перестал быть национальным символом и гарантом стабильности; в силу своего преклонного возраста и потери популярности. Пришедший ему на смену Зин аль-

²⁶ Фадеева И. Л. Указ. соч., с.55.

²⁷ См.: Видясова М. Ф. Тунис и проблема нелиберальной демократии. Арабские страны Западной Азии и Северной Африке, М.: ИВ РАН, 2000, с. 87-91; *Garon L. Le Silence tunisien*. Paris: L'Harmattan, 1998. *Beau N., Tuquoi J.-P.* Notre ami Ben Ali. L'envers du «miracle tunisien», Paris: La Decourverte, 1999; *Lamloum O., Ravined R.* La Tunisie de Ben Ali. La société contre le régime, Paris: L'Harmattan, 2002.

²⁸ Фадеева И.Л. Указ. соч., с. 55.

Предисловие

Абиддин Бен Али, тогдашний премьер-министр и генеральный секретарь правящей партии, а в прошлом – генерал службы безопасности, действовал во время заговора не от имени армии, и если не вопреки, то без ведома представителей ее командного состава, которых поставили перед свершившимся фактом. И последнее, нынешний руководитель, Бен Али, – глава государства и председатель партии ДКО, еще в 1984 г. вышел в отставку с военной службы, как только перед ним открылась многообещающая политическая карьера. (По тунисским законам, участие военных в руководящих органах правящей – и любой другой – партии исключено).

Сомнительный и далеко идущий вывод о появлении армии на политической сцене Туниса, который таким образом якобы «лишь следовал в фарватере общих тенденций региональной эволюции», был сделан Г.И. Гучетлем в книге о политических сдвигах в этой стране, наметившихся в русле «Перемен 7 ноября», и в Сирии после прихода к власти (1970 г.) военного крыла партии Баас²⁹. При написании книги также, видимо, исходили из того формального обстоятельства, что действующий президент Бен Али – в отличие от предшественника – получил высшее военное, а не гражданское образование и в свое время заслужил генеральские погоны; хотя на уровне личностных характеристик первого и второго президентов независимого Туниса этот факт, конечно, имеет значение. Но очевидна и преемственность в развитии режима, не отказавшегося, несмотря на изменения в пафосе официальной речи, ни от своего демилитаризованного характера, ни от заложенной Бургибой светской и прозападной ориентации³⁰.

Правда, с учетом общей ситуации в регионе, а также в поисках союза с официальными служителями ислама (против интегрлистов), ны-

²⁹ Гучетль Г.И. Демократизация в арабском мире: Опыт Туниса и Сирии, М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999, с.41.

³⁰ Через год после смены власти в стране, на фоне критики «режима культа личности» и в целях изоляции движения исламистов, представителями различных партий и общественных сил был заключен Национальный пакт, лейтмотивом которого послужила излюбленная идея Бургибы о том, что «авангардистской» особенностью тунисского ислама являются то ключевое место, которое отводится в нем самостоятельному постижению вопросов веры (*иджтихад*), и признание величия человеческого разума. В свою очередь, «государственный феминизм» остается в Тунисе важнейшим элементом официальной идеологии (см. Le Pacte National. 7 Novembre 1988, Tunis: Agence Tunisienne de Communication Extérieure, 1993, p. 11-13).

Предисловие

нешнее руководство Туниса во многом отошло от прежней практики в вопросах религии: поощряет внимание к изучению Корана, распорядилось разносить через громкоговорители голос муэдзина, вернуло самостоятельность богословскому университету аз-Зейтуна, строит новые культовые здания и т.д. Но это не означает, что правительство намерено идти на серьезные уступки в области конституционного и гражданского права. Напротив, при Бен Али был принят закон о партийном строительстве, запрещающий учреждение партий на конфессиональной основе³¹. Другой важный закон, о «деполитизации мечетей», принятый в 1988 г., наложил запрет на проведение в них каких либо манифестаций и собраний, кроме молитвенных. А нынешние стандартные учебники в тунисской школе по курсу «гражданское воспитание» квалифицируют «Закон о личном статусе», воплотивший идею Бургибы о женском равноправии и действующий с 1956 г., как принципиальное достижение страны, нарушившее старые мусульманские заветы³².

Последнее тем более показательно, поскольку ««женский вопрос» всегда был своего рода лакмусовой бумажкой, позволявшей определить, насколько менталитет того или иного мусульманина, общественной группы коррелирует с их восприятием мира через призму ислама»³³, и этот вопрос немедленно возникает по мере появления в той или иной стране исламистских («салафистских») ³⁴ движений, ориентированных на переустройство общественно-политической системы.

О непримиримой позиции правительства Туниса по отношению к исламистам, писал, например, откликаясь на события 11 сентября 2001 г., журнал «The Middle East» в специальном обзоре под красноречивым названием «Как Тунис выиграл войну против терроризма», где подчеркивалось, что наиболее эффективным ответом тунисского режима на вызов ис-

³¹ См. Loi organique organisant les parties politiques, Tunis, 1988.

³² *Китаб ат-тарбия аль-мадания ли талямиз ас-сана аль-хамиса мин ат-та'лим ас-санауи* (Учебник гражданского воспитания для пятого класса средней школы), Тунис [199-], с. 95.

³³ Малащенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа, М.: «Гендальф», 2001, с. 27.

³⁴ «Салафизм» – термин, который ближе к средневековым понятиям и происходит от арабского *салафийун*, что означает: поддерживающие традиции предков, «очищающие» учение от поздних наслоений. По мнению ряда исследователей, он предпочтительней, чем «фундаментализм» или «исламизм».

ламистов стали экономические успехи и социальные программы³⁵. Но более убедительным, чем хвалебные статьи такого рода, является недвусмысленное заявление, что «тунисские исламисты проиграли политическую битву с режимом Бен Али в 1991 г.», принадлежащее Мухаммеду Хамди, одному из бывших лидеров Движения исламской направленности (ДИН), который опубликовал в США книгу, посвященную истории этого движения, уже распавшегося. При этом автор, со своей точки зрения, следующим образом оценивает ситуацию, имея в виду не только правительство, но и широкие слои тунисской интеллигенции: «современные элиты Туниса в их радикальном и недемократическом отношении к исламистам не имеют себе равных даже в считающейся светской Турции»³⁶. Нетрудно заметить, что эти слова человека, причастного к событиям, о которых пишет, расходятся как с представлением, что в Тунисе на рубеже веков не утихали выступления исламистов, так и с недостоверной картиной толерантного отношения к ним со стороны правящих кругов.

Все эти предварительные замечания мы считаем уместными, поскольку при разговоре о политическом наследии того или иного деятеля, необходимо представлять себе атмосферу, в какой это наследие оценивается у него на родине, хотя взгляд со стороны, в том числе из России, имеет другие соизмерения и свои преимущества.

К слову, книжная полка изданий исторического содержания, посвященных Тунису, в нашей литературе невелика; несколько подробнее изучалась, в том числе и автором этих строк, экономическая политика страны в первые десятилетия ее независимого развития³⁷. Что касается

³⁵ *Versi A.* How Tunisia won the war against terrorism. «The Middle East», № 317, November 2001, p. 37-40.

³⁶ *Hamdi M. E.* The Politicisation of Islam. A Case Study of Tunisia. Boulder, Colorado & Oxford: Westview Press, 1998, p. 126, 130. Автор сообщает о себе в предисловии к этой книге, написанной в академическом стиле, что в 1978-1992 гг. он являлся руководителем студенческого крыла и членом «политбюро» Движения исламской направленности. Подвергался судебным преследованиям: в 1983 г. шесть месяцев провел в заключении. В конце восьмидесятых находился вместе с лидером движения, Рашидом аль-Ганнуши, в лондонской эмиграции и в 1987 г. был заочно приговорен в Тунисе к 20 годам тюрьмы (Ibid, p. 4).

³⁷ *Видясова М.Ф.* Рабочий класс в социальной структуре Туниса. М.: Наука, 1975; *Зудина Л.П.* Аграрные отношения в Тунисе (1956-1971), М.: Наука, 1976; *Мельянцев В.А.* Экономический рост стран Магриба, М.: Наука, 1984.

светских реформ Бургибы, то они получили специальный анализ в немногих отечественных исследованиях³⁸. Хотя его деятельность на этом направлении часто упоминается в работах обзорного и общетеоретического характера по проблемам общественных преобразований на Востоке. Книга известного арабиста Н.А. Иванова остается единственным фундаментальным исследованием довоенной истории тунисского национального движения³⁹; более поздние события освещены на страницах изданий учебного и справочного характера. Да и сама проблема антиколониальной борьбы в афро-азиатском мире, ее путей и конкретных форм утратила на определенном этапе свою привлекательность, и фокус научных интересов отечественного востоковедения сдвинулся на другие, более жгучие вопросы. Настало время к ней вернуться.

Разумеется, нас в основном интересуют итоги тридцатилетней политической деятельности Хабиба Бургибы в роли главы независимого государства. Но содержание и форму его преобразований, в том числе — мероприятий, во многом повторивших (хотя и не буквально) кемалистский «лаицизм», не удастся понять без учета той предыстории, что связана с жизнью президента в те годы, когда он являлся лидером борющейся партии. Кроме того, важной и, на наш взгляд, недооцененной составляющей частью политического наследия Бургибы можно считать его особый подход к задачам и долгосрочным целям национально-освободительного (антиколониального) движения, которое на рубеже тысячелетий, на фоне новейших геополитических сдвигов и потрясений, и в эпоху глобализации, развития информационного общества и т.д., получило в разных уголках земли видимость своего второго рождения. Это, думается, создает дополнительный интерес к началам долгой политической судьбы человека, который был ровесником века и вместе с ним покинул этот бренный мир.

³⁸ *Ворончанова Н.И.* Культурные преобразования в современном Тунисе. М.: Наука, 1978; Она же. Ислам в общественно-политической жизни Туниса, М.: Наука, 1986; *Максименко В.И.* Интеллигенция в странах Магриба (Идеи и тенденции). М.: Наука, 1980.

³⁹ *Иванов Н.А.* Кризис французского протектората в Тунисе (1918-1939 гг.), М.: Наука, 1971.

Введение

«Передо мной боец, политик и государственный вождь, размаху и честолюбию которого тесно в рамках его страны»

[президент де Голль о Бургибе, февраль 1961 г.]

«Я буду отвечать за эту страну, живой или мертвый...»

[президент Тунисской республики, 1959 г.]

В созвездии арабских политиков минувшего столетия, чьи имена символизируют закат колониальной эры, президент Бургиба, строивший у себя, если верить публицистической гиперболе его поклонника, «республику Платона»⁴⁰, безусловно, представлял собой не только яркую фигуру среди борцов за независимость Арабского Магриба («Французской Северной Африки»), но и в какой-то мере одинокого странника — вождя, который вел за собой толпу, глядя на свою звезду. Оставляя в стороне апологику времен культа личности Бургибы, надо сказать, что в самом Тунисе и за рубежом — будь то в научных или правительственных кругах — не обходится без упоминания покойного экс-президента как человека, исповедовавшего идеалы, восходящие к родникам политической мысли *Siècle des Lumières*, и «повернувшего свою страну на путь создания государства современного типа». (Последние слова мы цитируем из редакционной колонки официальной тунисской газеты, вышедшей в день его похорон)⁴¹.

С этими общественными идеалами были связаны — не покажется то странным — как принадлежность Бургибы к лагерю «непримиримых» в составе национального движения, так и прозападная ориентация внешней политики тунисского президента, стоявшего особняком среди арабских государственных деятелей 50-60-х годов, которых было принято подразделять, вспомним, на две категории: руководителей консервативных и прогрессивных («революционно-демократических») режимов.

⁴⁰ Rossi P. La Tunisie de Bourguiba. Tunis: Kahia, 1967, с.95.

⁴¹ «La Presse de la Tunisie», 9. 4. 2000.

Введение

По словам одного из участников упомянутой выше конференции, профессора Али Махжуби, особенностью Бургибы, который положил жизнь на борьбу с европейским колониальным присутствием, была его преданная любовь к французской культуре, как таковой, откуда он черпал свои модернистские идеи, и недоверие к философии панисламизма или же арабского единства. Будучи идеологом тунисского патриотизма, руководитель национального движения подчеркивал *тунисскую* сущность своей страны (*tunisianité*) и на этой почве разошелся с арабским национализмом, который набирал силу после Суэцкого кризиса 1956 г., разразившегося как раз в год обретения Тунисом независимости и «подтолкнувшего многих лидеров Арабского Востока к союзу с советским блоком»⁴².

Недаром Бургибе и его политическому стилю посвящена весьма обширная литература. При этом западных исследователей, начиная с Феликса Гара, автора книги «Бургиба и рождение нации»⁴³, особенно привлекала в тунисском лидере его стратегия модернизации общества по европейским меркам. Например, американский политолог Клемент-Генри Мур подчеркивал, что еще в период антиколониальной борьбы, и со всей отчетливостью — с конца 40-х годов, Бургиба стал развивать национальный миф в тех терминах и представлениях, которые «могли бы принадлежать французскому историку», помещая прошлое Туниса в контекст скорее средиземноморской, нежели арабо-мусульманской цивилизации.⁴⁴ Отсюда и ориентация на уроки западного прогресса в культурной, социальной политике и в деле государственного строительства...

С первых лет своего пребывания у власти Бургиба настойчиво призывал к «реформе умов», о чем он непрестанно говорил, в чем убеждал,

⁴² Habib Bourguiba et l'établissement de l'Etat national..., p. 103-104.

⁴³ Garas F. Bourguiba et la naissance d'une nation. Paris: Julliard, 1956. Эта книга, представляющая собой по жанру нечто среднее между научным исследованием и публицистикой, сошла с печатного станка на шестой день после объявления независимости Туниса. Автора, явно симпатизировавшего Бургибе, впоследствии упрекали за то, что он несколько идеализировал фигуру будущего президента, глядя на него через розовые очки. Тем не менее, книга Феликса Гара до сих пор является одной из широко цитируемых. Мы рассматриваем ее также как источник, отражающий общественное мнение «прогрессивной» Франции эпохи разгара и завершения ее колониальных войн.

⁴⁴ Moore C.I.H. Tunisia Since Independence. The Dynamics of One-Party Government, Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1965, p. 39.

доказывая необходимость разрушения архаических (читай: традиционных) устоев старой жизни. В одной из своих речей, которую тогдашняя официальная газета «L'Action» опубликовала в декабре 1956 г., Бургиба подчеркивал, что вступающая в новую историческую стадию страна, сохраняя верность собственному наследию, должна распахнуть окно в современный мир и «прежде всего открыть доступ западной культуре, ... памятуя о том, чем мы обязаны таким мыслителям, как Декарт, Вольтер, Дидро, Руссо и др.»⁴⁵ Из арабских же авторов кумиром Бургибы был прославленный историк XIV века, уроженец Туниса Абдеррахман ибн Халдун, которого сравнивают с великими европейцами за рационализм в истолковании общественных явлений. Так или иначе, в тонах и обертонах страстного голоса Бургибы «прогресс» звучал как доминирующая нота.

Хотя он и отверг идею конституционного отделения «церкви» от государства (принятый в 1959 г. и ныне действующий Основной закон гласит: «Тунис – свободное, независимое, суверенное государство, его религия ислам, язык арабский, режим – республика»), общая направленность политики Бургибы, и особенно его когда-то нашумевшие призывы к населению отказаться под предлогом «экономического джихада», то есть борьбы за преодоление хозяйственной отсталости Туниса и повышение темпов роста производства, от изнурительного мусульманского поста, позволили многим считать главу республики антиклерикалом, если не атеистом. Во всяком случае, как человек и политик он выглядел откровенно светским деятелем (французы о таких говорят «laïque», турки «laiklik») и сторонником ускоренной вестернизации страны, вступившей на этот путь еще в османскую эпоху. А насыщенность его риторики типично мусульманскими аллюзиями и кораническими подтекстами не меняет этой сути.

Наконец, уже сказано, ему были чужды лозунги арабо-мусульманской солидарности, которой Бургиба предпочитал пропаганду тунисского национализма, лишённого религиозной окраски. Еще в начале 30-х годов его газета писала: «Тунис, свободу которого мы хотим завоевать, не станет Тунисом для мусульман... Он станет отечеством для всех, без различия религии и расы, для всех, кто считает страну своей родиной и станет жить в ней, подчиняясь эгалитарным законам, предполагающим равные права и равные обязанности для каждого»⁴⁶. Ведь Франция, – рас-

⁴⁵ Цит. по: Habib Bourguiba et l'établissement de l'Etat national ..., с.22

⁴⁶ Цит. по: Garas F. Op. cit., с. 71.

суждал тогда Бургиба, – помогла освобождению народов Центральной Европы, входивших в состав Австро-Венгерской империи. Почему же она не хочет освободить народ, который проливал за нее кровь на полях сражений мировой войны? Значит, этот народ, дружественный Франции, должен сам реализовать свою национальную идею. «Народ, который веками страдал от предательства привилегированного меньшинства: то в бурнусах с шелковыми шнурами, то в униформе с золотыми галунами» [2].

Двадцать лет спустя после того, как были написаны эти слова, ведущий лидер антиколониальной оппозиции, способный поднять народ на вооруженную борьбу и приказать ему опустить оружие, выдвинет идею о глубинной взаимозависимости Запада и Востока, подведя эту мысль в основу диалога Туниса с державой-протектором, а затем и в основу внешней политики суверенного тунисского государства.

На разных этапах своей политической деятельности Хабиб Бургиба общался со многими и очень разными людьми, включая французских интеллектуалов – ученых, парламентариев, журналистов, стоявших на антиколониалистских позициях. Одному из них принадлежит рельефная характеристика Бургибы, описывая первую встречу с которым, состоявшуюся в летнем Париже 1936 г., он говорит следующее. «О нем, Бургибе, уже сложилась легенда как об экзальтированном мятежнике, однако он поразил меня логикой своего мышления и гибкостью. Со мной беседовал человек государственного ума, твердо усвоивший, что политику, который хочет быть на высоте, необходима европейская культура». По мнению автора, чьи дружеские контакты с Бургибой продолжались добрых полвека, его фигуру, чтобы ее понять, надо брать только целиком (en bloc), хотя это не просто; его фигура многолика. А в общем это был «человек, рожденный командовать и способный возражать самому себе, думать над альтернативами, но не терпящий возражений, тем паче – сопротивления, когда он уже определился в своем решении, пылко отстаивавший свою точку зрения...и всегда убежденный, что он лучше других видит правильный путь»⁴⁷.

Заканчивая этот эскизный, намеченный пока пунктиром, портрет политического деятеля, хотелось бы подчеркнуть, что при всей неповторимой индивидуальности Бургибы, в его натуре были собраны, пожалуй,

⁴⁷ Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante...(1951-1957), Paris: Les Editions Jeune Afrique, 1985, p. 22-23.

наиболее выразительные черты тунисского «сахельца». А это означает не только и не столько быть *афаки* (провинциалом) и выходцем с Восточного побережья страны (Сахель), являться уроженцем маленького, хотя по здешним масштабам – «среднего» города, насчитывавшего 8-10 тыс. населения, но не лишённого традиций сельской общины. (Давно ли его жители, мелкие землевладельцы, ремесленники, торговцы и рыбаки, ходили всем миром возделывать общинную запашку!)⁴⁸. Это означает в социальной практике принадлежность к активному, пусть неформальному, общественному слою. Его представители, образованные выходцы из Сахеля, люди разных поколений, самих себя охотно называют «*риффи*» (деревенскими, грубоватыми) или «*афаки*» – синонимичное слово и однокоренное с горизонтом, миром, светом и «непоседливым бродягой».

Социальному типу и характеру этих людей, прочно занявших место в современной, и не только политической, элите тунисского общества, присущ своеобразный сплав крестьянского самосознания, врожденной привязанности к земле и мобильности горожанина, с детских лет привыкшего видеть море, а через него – широкий мир.

⁴⁸ О старинном г. Монастир, где родился Бургиба, в том числе о занятиях и земельной собственности жителей этого населенного пункта, этимология названия которого (тождественного названия ряда балканских городов) остается спорной, см.: *Bouzgarrou-Larguèche D.* Wtan al Munastir. Fiscalité et Société (1676-1856). Tunis: Université de Tunis I, 1993; *Sayadi M. S.* Monastir. Essai d'histoire sociale du XIX siècle, Tunis: Imprimerie la Presse, 1979.

Дустур – это конституция. Рождение «двух Дустуров».

«Так скажи себе, что жизнь есть непрестанная борьба, и в ней преуспеет лишь тот, кто с юности приобрел болезненный и трудный опыт»

[Хабиб Бургиба в письме к сыну, 1948 г.]

«Я ведь – Югурта, который стяжал победу! Но для этого пришлось ждать тысячелетия...»

[Он же в беседе с Аминторе Фанфани, 1973 г.]

Любитель исторических аналогий и метафор, Хабиб Бургиба сравнивал себя подчас с восставшим против Рима нумидийским царем Югуртой⁴⁹. С тем смелым и яростным вождем-агеллидом берберских племен, что поднял меч против могущества державы, только что сокрушившей Карфаген. Но президент, которого стали величать «отцом

⁴⁹ Югурта, Jugurtha (160-104 до н.э.) внук туземного царя «агеллида» Массиниссы, участника II и III пунических войн, выступавшего сперва на стороне карфагенян и закончившего последнюю войну, которую он же отчасти и спровоцировал, союзником римлян. Массинисса имел наследником на царстве Миципсу, которому Югурта, родившийся от наложницы, приходился усыновленным племянником. Не без помощи подкупленного им римского сената Югурта, имевший сомнительные права на престол, становится (с 117 г.) правителем Нумидии, раскинувшейся на землях современного Алжира и частично – Туниса. Столицей Нумидии являлась Цирта, погребенная под современной Константиной. Вскоре Югурта объявил Риму войну (111-105 гг.), потерпел поражение, был приведен пленником в Рим на триумф консула Мария, своего победителя, затем казнен. «Югуртинская война», вызванная распрей в царской (княжьей) семье и вмешательством в эти дела римлян, по существу означала сопротивление политике сената, направленной на расширение африканских владений, отнятых у Карфагена, путем присоединения к Риму, а затем и поглощения вассальных берберских «царств». В современной историографии стран Магриба иногда ложно трактуется как первая попытка национально-освободительной борьбы коренного населения Северной Африки против чужеземных поработителей.

тунисской нации», гордо уточнял, мол, в отличие от своего героя, Бургиба – не поверженный, а победивший агеллид...

Поскольку книга Саллюстия «Война с Югуртой», видимо, прочтенная Бургибой в юности, всегда была у него под рукой, украшая рабочий стол президента, он, надо думать, помнил наизусть слова ее зачина: *«Попусту жалуется люди на свою природу. Будто они немощны и коротки веком и потому правит ими не доблесть, а случай. Неверно! Поразмысли – и ты убедишься, что нет ничего выше и прекраснее человеческой природы и что не силы и не века ей мало, но воли к действию. Вожатый и повелитель смертных – дух. И если он путем доблести шагает к славе, он бодр, и могуч, и ясен без меры, и ничем не обязан судьбе...»*⁵⁰. Свой дух и политическую волю, ее энергию, разбег, «*élan vital*», как говорил Бургиба, он считал двигателем партии, которую создал, и гарантией успеха ее дела.

Между тем личная биография Хабиба Бургибы неотделима от истории партии Новый Дустур, которую молодой адвокат с образованием, полученным в Сорбонне, и редактор газеты «L'Action Tunisienne» основал вместе с группой своих единомышленников еще в далеком 1934 г. Напомним, что эта массовая и хорошо структурированная политическая партия не имела себе равных в соседних странах – ни по уровню охвата населения, ни даже по абсолютной численности своих индивидуальных членов. (Около 300 тысяч, то есть до 20 процентов взрослого коренного населения, к моменту ликвидации французского протектората). Во главе «новой» дустуровской партии, элиту которой составили по-европейски образованные интеллигенты-разночинцы, Бургиба четверть века руководил антиколониальным движением, вместе ней выстраивал государственность независимого Туниса. При этом Бургибу, прирожденного оратора и актера, отличала особая способность к политическому маневру, умение идти на уступки и компромиссы (что иногда и называют, в узком смысле: «бургибизм»). Эту способность он в середине 50-х годов блестяще проявил в переговорах с Францией, выбрав – вразрез с позицией иных своих соратников – постепенность как средство достижения главной цели. И, наконец, добился государственного суверенитета для своей страны через предоставление Тунису (с сентября 1955 г. по март 1956 г.) внутренней автономии⁵¹.

⁵⁰ Гай Саллюстий Крисп. «Война с Югуртой» в переводе С. Маркиша. (Историки Рима. Переводы с латинского. М.: Изд-во «Художественная литература», 1969, с. 70).

⁵¹ Декларация о внутренней автономии Туниса была сделана французским премьером

Если история этого человека на жизненном поприще неотделима от истории партии, то верно и обратное: история ее основания и развития сливается с его биографией, а современный политический строй Тунисской республики, в свою очередь, не только оплодотворен мыслью и деятельностью этой партии, но и зиждется на заложенном ею базисе. Более того, государственная машина функционирует под руководством все той же партии, хотя ее название «подкорректировано» в духе времени. И сама она строится в общем-то на принципах того же устава, который был принят еще на учредительном съезде Нового Дустура.

* * *

Многие политические партии, которые стояли у власти в освободившихся афро-азиатских странах 60-х годов (возможно, пришли к ней раньше и оставались во власти позже, но это десятилетие – период торжества однопартийных режимов), были созданы *ad hoc*. Как правило, для подведения более твердого фундамента под уже возникшее единовластие. Например, единовластие армейской группировки, если угодно, хунты, постепенно преобразующейся из «Совета революционного командования» в институт отправления регулярной гражданской или военно-партийной власти. Классический тому пример: Арабский социалистический союз (АСС), созданный в 1962 г. одним росчерком пера Гамала Абделя Насера. В лучшие свои годы эта партия насчитывала до 5 млн. членов, но с легкостью была расчленена, а затем и распущена вторым египетским президентом, Ливаром Садатом. (Хотя преемственность между нынешней «президентской» партией Египта⁵² и АСС, безусловно, существует).

Попытку скопировать опыт Насера делал в свое время, но отказался от нее полковник Каддафи, осуществивший военный переворот в 1969 г. и ныне пользующийся официальным титулом «лидера Ливийской револю-

Мендес-Франсом 31 июля 1954 г. во время его визита в протекторат. 3 июня 1955 г. было подписано соответствующее франко-тунисское соглашение (вступало в силу с 31 августа 1955 г.), согласно которому метрополия сохраняла в своем ведении вопросы обороны и внешней политики Туниса, как и войска на его территории. Новый статус Туниса рассматривался как переходный и был рассчитан на несколько лет вперед. Благоприятно сложившаяся внешнеполитическая обстановка позволила ускорить решение вопроса о независимости Туниса (подробнее см. ниже).

⁵² Имеется в виду Национально-демократическая партия (НДП), возглавляемая президентом Хосни Мубараком.

ции». В некоторых случаях имело место формирование так называемых военно-партийных режимов, опиравшихся на партию, которая создавалась «снизу» как инструмент ведения войны. Один из таких примеров это – Алжирская Народная Демократическая республика, где принцип однопартийности как основы всей «системы политических институтов» был закреплён законодательно (1 главой II раздела конституции АНДР 1976 г.) и отменен конституцией 1989 г., которая впервые предусмотрела разделение властей, а также гарантировала право на создание политических ассоциаций.

Алжирский вариант, при котором, образно говоря, «не государство имело свою армию, но армия имела свое государство», был достаточно эффективным в течение первых двадцати лет существования АНДР. Однако, не выдержав «вызовов» последнего десятилетия XX века, партия-коалиция – ФНО, созданная в ходе освободительной войны 1954-1962 гг., рухнула и едва не была запрещена накануне президентских выборов 2004 г. Таким образом, среди ныне властвующих партий арабского региона только две: сирийская Баас, то есть «Возрождение» и тунисская Дустур, то есть «Конституция» (оба эти названия – сокращенные, которые употребляются в официальной прессе, государственной речи и т.д.) являются партиями, возникшими еще до обретения той и другой страной государственной независимости.

Из этих двух партий сирийская Баас, или Партия арабского социалистического возрождения – сравнительно молодая. Она возникла в 1942 г. (учредительный съезд провела в Дамаске в апреле 1947 г.)⁵³ и до того, как она пришла к власти в 1963 г. путем военного переворота, в ее

⁵³ На съезде присутствовало около 250 человек из разных арабских стран, в основном мусульмане-сунниты и православные, принадлежавшие к верхушке и средним слоям городского населения. В политической программе было записано, что «арабы составляют единую нацию, ...ни одна арабская страна не может жить отдельно от других». Отсюда делался вывод о необходимости строительства общего государства для народа, который характеризовался как мессианская нация (Devlin J.F. The Ba'ath Party: A History from its origins to 1966, Stanford, California: Hoover Institution Press, 1976, p. 15). Партия Баас возникла на базе Движения арабского возрождения, основанного Мишелем Афляком и Салах ад-Дином Битаром, которые сдружились в тридцатых на учебе в Париже (оба потом учителями). Свое нынешнее название получила в 1952 г. после слияния с Арабской социалистической партией. Лидер этой партии, Акрам Хуран, содействовал привлечению в ПАСВ военных и работников учебных заведений. На выборах 1954 г. баасисты завоевали 13 мест из 141 в Национальном собрании Сирии.

рядах насчитывалось лишь несколько сот человек. Ее устав определяет индивидуальное членство, а также кандидатский стаж для вступающих. При этом в ней исторически образовались два крыла: военное и гражданское.

Гораздо более солидный возраст, более 80 лет, имеет дустуровская организация⁵⁴, которая в этом смысле, причем – именно в данном смысле, сравнима, пожалуй, с Индийским национальным конгрессом (ИНК), который пользуется престижем «великой исторической партии». Впрочем, дустуровское движение, если брать его как целое, походит на ИНК еще и в том отношении, что оба слагаемых этого движения: «партия национального интереса» и общепризнанный вождь, доказавший свое право на эту роль, имеют гражданское происхождение. Словом, в Тунисе на базе «устоявшегося» национального движения, зародившегося еще до первой мировой войны и после нее возглавленного Старым Дустуром, а в тридцатых Новым Дустуром, получила развитие власть, которая не вышла «из офицерского мундира».

Вместе с тем, сам по себе Новый Дустур к 1956 г. был уже «готовой властью», со всеми элементами отлаженного внутрипартийного взаимодействия, связями с другими национальными (общественными) организациями, со своей прессой и другими информационными службами и, наконец, внешним представительством за рубежом. Оставалось только все это развернуть до государственно-партийного уровня и приступить к реформам в социально-экономической и административной областях, что и было незамедлительно сделано.

Отсюда вытекает следующий вопрос: действовал ли в данном случае, если иметь в виду эволюцию партии Новый Дустур, от ее основания до прихода к власти и так дальше, «железный закон олигархии», которому подвержены, как известно, и европейские партии, исторически выражавшие интересы определенных сословий и развивающихся классов буржуазного общества. Речь идет о выведенном еще Роберто Михельсом законе бюрократизации и специализации партийной верхушки, в результате которого снижается влияние рядовых членов на политику партии и происходит ослабление контроля снизу над партийными лидерами и аппаратом. Для партий, в частности, марксистских, созданных с целью мобилизовать и возглавить массовое движение, трансформация такого рода – неизбежность. И она в Новом Дустуре, особенно в Социалистической дустуровской

⁵⁴ Современное ДКО официально возводит свое основание к 1920 г., времени возникновения «Старого Дустура».

партии (СДП), той же организации, но под новым названием (принято на ее VII съезде в 1964 г.), наблюдалась и усиливалась по мере ослабления «ротации элит». Однако все это, вместе взятое, явно не составляет особую восточную специфику. Тогда можно взглянуть на вопрос с другой стороны. Или его переформулировать: не является ли многолетняя история и предыстория правящей партии Туниса одним из распространенных вариантов возникновения партии приверженцев либо одного человека с обычными лидерскими задатками и амбициями (нескольких людей: дуумвиров, триумвиров...), либо сакрализованного лидера-спасителя, принимающего на себя если не божественные, то мессианские функции?

Наконец, не относится ли дустуровская партия, несмотря на свою массовость, ныне – заведомо – искусственно раздутую (свыше 2 млн. индивидуальных членов), к вневременному типу партии «группы интересов». То есть к числу таких партий, которые могут возникать наново или вследствие самораспада (деления, раскола) каких-то более ранних квазипартийных образований, отстаивающих, каковы бы ни были их лозунги, узко групповые: местнические, иногда конфессионально-земляческие и тому подобные интересы. Хорошо известно, что иногда процессы размежевания и «отпочкования» новых партий происходят в результате «бунта молодежи» или пересмотра определенной частью сторонников/членов отдельно взятой партии обветшалых концепций, не оправдавшей себя тактики, а также из-за тривиальной борьбы за лидерство в верхних партийных эшелонах. Так ведь и произошло с Дустуром, который поделился на «Старый» и «Новый», причем первый из них постепенно отмирал.

Как правило, в разных комбинациях все эти элементы процесса совмещены, даже если речь идет о глубоких социальных сдвигах, получающих отражение во внутрипартийном расколе и фракционной борьбе, выливающейся в появление вновь образованных партий. На первый взгляд, последовательные фазы развития дустуровского движения в Тунисе, где сначала появилась одна партия, разветвившаяся на две (не считая фракционных партий-однодневок вроде «Независимого Дустура» 1922 г.), походят на вариант с доминирующей линией «бунта молодежи». Бунта младших братьев в семье против старших, с естественным для него периодом противоборства старого вождя и нового, из которых побеждает более энергичный и молодой, к тому же обладающий выносливостью, моральной и физической, лишенный предрассудков и способный личным обаянием, волей,

если не хитростью и коварством, сплотить вокруг себя людей, гасить их разногласия, менять команду игроков, жертвуя, если надо, лучшими. Посмотрим на соответствия и несоответствия реальности этой предварительной гипотезе, которая в общем-то отвечает сложившимся в литературе представлениям о Новом Дустуре, но содержит еще один вопрос: какой была изначально эта партия: традиционной или «современной»? Обратимся к фактам.

Целесообразно начать с характеристики социального происхождения и условий формирования личности человека, которому было суждено стать членом команды основателей и предводителем Нового Дустура, хотя он являлся далеко не единственным «мозгом» этой партии. Его ранняя биография интересна и тем, что она достаточно типична, даже заурядна. Предварительно напомним, хотя бы бегло, обстоятельства завоевания Туниса и попробуем описать тот вид, который приобрела страна через четверть века после установления французского протектората, то есть ко времени, когда уже заявило о себе первое поколение тунисских националистов и вступало в сознательную жизнь второе их поколение.

«Столица Арлекина»... и самое обычное начало одной биографии

В Тунисе-столице, где осенью 1907 г. впервые появился пятилетний Хабиб Бургиба, чтобы сесть за школьную парту⁵⁵, проживало больше европейцев, чем мусульман⁵⁶. Старая часть города, медина (*араб.* «город»), расположенная на покатом склоне от солончакового озера Седжуми к морской лагуне, сохранила древние мечети, заложенные в первые века после арабского завоевания, и жилые здания XIV-XV вв., но в основном ее топография и архитектурный облик сложились в османскую эпоху. Европейская часть, раскинувшаяся по направлению к Тунисскому заливу от Морских ворот (один из фрагментов снесенной по всему периметру городской стены), строилась с середины XIX в., завоевывая неудобья. Выросшая из ядра маленького «квартала франков»⁵⁷, который шагнул за пределы этих ворот, она в начале прошлого века уже представляла собой благоустроенный город с широкими проспектами и прямыми улицами под уютной кроной тенистых деревьев. На самой длинной улице *avenue de Paris*, ведущей из центра к площади имени Пастера, тень создавала стройная средиземноморская акация, расцветающая пышными лиловыми шапками, которые со временем стали вровень с крышами домов. На самой широкой улице *avenue Jule Ferry*, на-

⁵⁵ Об этом сказано в его мемуарах, изданных в 1966 г. Что касается официальной даты рождения Хабиба Бургибы, 3 августа 1903 г., то она впервые была названа им самим осенью 1921 г. при поступлении в лицей, а много позже уточнялась президентом, который по своим соображениям переносил ее с 1903 г. на 1902 г. и обратно. Некоторые биографы Бургибы думают, сопоставляя воспоминания его родни, что он мог появиться на свет и раньше – в 1900 или 1901 г. Метрики тогда не составлялись, но иногда день и год рождения детей записывали на свободном листке Корана, хранившегося в доме (что в данном случае не потрудились сделать).

⁵⁶ Переписью 1921 г. в городе было учтено 112 000 тунисцев, евреев и мусульман, и 81 000 европейцев, до этого численность тунисцев оценивалась приблизительно.

⁵⁷ В 1856 г. католическая миссия насчитала 12 тыс. христиан в Тунисе, из них 9 150 в столице страны, но эти данные были явно неполными. Судя реестрам консулов и другим источникам, в Тунисе проживало всего 50-60 французских семей, остальные – итальянцы, мальтийцы и прочие. Зачастую они были без документов и определенного места жительства (См. *Рясова Т.Г.* Этнокофессиональные меньшинства в социально-культурной жизни Магриба (1880-1939 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, ИСАА при МГУ, 2003).

званной в честь французского премьера, при котором был установлен променад (сначала она называлась *Promenade de la Marine*), царствовали деревья, поддающиеся фигурной стрижке и образующие бульвар, где вечерами прогуливалась «чистая» публика, присаживаясь за столики кафе на тротуарах. Центральную часть города, над которой господствует кафедральный собор с росписями, изображающими среди героев библейских сцен кардинала Лавижери, основателя Карфагенского архиепископства⁵⁸, заняли трех-четырёхэтажные дома в причудливом мавританском стиле либо в стиле модерна, здания банков, отелей и ресторанов. Через мелководную лагуну был прорыт донный канал, сделавший ее судоходной, а Тунис – морской гаванью, связанной с аванпортом Ла Гулетт (Хальк эль-Уэд). По городу уже ходили трамваи, правда, не по главным улицам, где они теперь тоже громяют, а железная дорога связывала его с дальними предместьями: ожерельем городков, усеявшихся по берегу залива.

Одним из таких предместий являлся Carthage/Карфаген, где стараниями Лавижери в 1890 г. на бывшем холме Бирса (агора и деловой центр финикийского города) был сооружен огромный костел, в архитектуре которого использованы арабские мотивы. Он получил название собора Святого Людовика и виден издали парящим над соседними холмами, эвкалиптовыми рощами и утопающими в зелени коттеджами приморских поселков.

⁵⁸ Кардинал Лавижери (1825-1892), основатель орденов Белых отцов и Белых сестер, с 1867 г. архиепископ Алжирский, в 1881 г. возглавил Карфагенскую епархию в Тунисе. 10 ноября 1884 г. буллой папы Льва XIII здесь было восстановлено Карфагенское архиепископство «в память о древней церкви Святого Киприана и Святого Августина», на него возлагалась руководящая роль в отношении всей Африки, а кардинал Лавижери принял сан примата Африканского. Убедившись на опыте Алжира в тщетности миссионерской деятельности среди мусульман, Лавижери отказался в Тунисе от прозелитизма. Его усилия были направлены на то, чтобы уменьшить влияние итальянского клира и монашества, численность которых он резко сократил. В этой связи одна итальянская газета раздраженно писала, что «само присутствие Лавижери заменяет в Тунисе целую французскую армию» (Цит. по: *Рясова Т.Г.* Указ. соч., с. 227). Сам архиепископ сетовал в 1882 г., что итальянцы объявили ему войну и «распустили слух, якобы он метит в папы Римские». Его собеседник, французский резидент Поль Камбон, не исключал, что в уме этого «величественного человека с окладистой белой бородой» может быть, и бродит идея возвысить Карфаген над Римом, а самому утвердиться в Африке главой католической церкви под французским знаменем (*Cambon P.* *Correspondance 1870-1924*, Paris: Grasset, 1940, p. 168-170).

Пригородный поезд, как и сейчас, делал конечную остановку в поселке Ла Марса, где находился один из дворцов бея, а другой его дворец стоял в Карфагене прямо у воды на скалах. Дворец гладкостенный и небольшой, размером с помещичий дом средней руки, ныне он занят научной библиотекой Бейт аль-Хикма; вблизи – крошечный пляж меж валунов и одно из мест паломничества туристов, «вилла Магона», остатки имения знаменитого карфагенского агронома.

Вид авеню Жюль Ферри в начале XX века

В вагончике своего рода наземного метро можно было добраться и до селения Бардо (*Барду*), название которого происходит от испанского «prado» (лужайка, парк, королевское поместье). С последней трети XVII века оно служило постоянной резиденцией беев, представляя собой отдельный город, окруженный стеной, со своими базарами, казармами и проч. От всего этого сохранился поздний государев дворец, строившийся в конце XVIII и первых десятилетиях XIX века⁵⁹. К его парадному подъезду ведет Львиная лестница, по

⁵⁹ Ныне одно его крыло служит зданием тунисского парламента, в другом располо-

сию пору охраняемая театральными сипахиями в белоснежной чалме и таком же плаще поверх огненно красного одеяния. В эпоху протектората здесь устраивались лишь торжественные церемонии по случаю издания бейских декретов, больших мусульманских праздников, на которые приглашалась верхушка колониальной администрации, визитов почетных гостей и т.п. Политический Олимп перенесся в здание французской Резиденции, прозванное «Домом Франции» («Maison de France»). Этот белый особняк за палисадником с чугунной решеткой, расположенный в центре Туниса напротив пышного костела и примыкающей к нему со двора греческой церкви, ныне занимает французское посольство; а построен он был еще в 1860 г. для размещения консульства. И рядом с ним был разбит апельсиновый сад, которого уж нет.

«Алжир – город весь белый...» – написал бывший унтер-офицер полка африканских стрелков Жорж Дюруа, сподобившийся взяться за перо мемуариста, и не мог сдвинуться дальше этой фразы. Сам же автор «Милого друга» не испытывал недостатка слов, чтобы обрисовать в путевых заметках конца 1887 г. и Алжир-город, развернутый амфитеатром к морю, где на 105 тыс. прочих жителей приходилось лишь 30 тыс. мусульман⁶⁰, замкнувшихся в своей Касбе на высокой горе – месте не для прогулки европейцев, и такую же белостенную столицу Тунисского регентства, которая уже на излете XIX века имела физиономию типичного колониального города, но в то же время обрела свой неподражаемый колорит.

Любого заезжего влекло в тунисскую медину, еще живой музей средневековья, где над торговыми рядами, напоминающими пещеру Али Бабы, кое-где красовались крупные вывески по-французски. Наблюдая многоцветье одежды ее жителей – мавров, безмятежно сидящих на скамеечках у своих лавок, или почтенных горожан (*gros bourgeois*), помеси турок и арабов, важно шествующих по узким улочкам в кашемировых бурнусах, Ги де Мопассан восхищался «пьянящей глаз» феерией красок, розовых, лазоревых, оранжевых или в тонах опавшей листвы, или прозрачной морской волны... А вообще весь этот город, Тунис, состоящий из трех городов, европейского, еврейского и

жены собрание мусульманских древностей и музей античного искусства, известнейший богатейшей коллекцией римских мозаик. В музейный комплекс входят также жилые апартаменты бея, оформленные в традиционном восточном духе.

⁶⁰ Данные переписи 1901 г. Она учла в г. Алжир 94 тыс. европейцев, 11 тыс. «израелитов» и 30 тыс. мусульман. Здесь «Касба» это общее современное название мусульманского квартала, в г. Тунис – только площади на краю старого города.

арабского, показался ему столицей Арлекина, который одел своих подданных в самые фантастические наряды: и в элегантные костюмы из Лондона и Парижа, и в шелка Востока, и в лохмотья нищеты⁶¹. Другая писательница — экзальтированная полурусская дама Изабель Эберхард, родившаяся в 1877 г. в Женеве и в свои двадцать лет пустившаяся странствовать по Северной Африке в мужском платье араба, изучая суфизм, а заодно, вероятно, занимаясь разведкой, романтически описывала «мистическое молчание лунных ночей» в медицине Туниса⁶². За решетчатым окном ее жилища лежал заброшенный маленький квартал, обитатели которого либо куда-то уехали, либо умерли. Никто о них не помнил. На руинах домов с обвалившимися террасами вился дикий виноград и росла трава, огромные кусты жасмина мерцали во тьме звездами своих цветов. По ночам в одном из пустующих дворики появлялся то ли реальный, то ли призренный юноша-мавр, сидевший в задумчивости на камне, иногда заводя бедуинскую песню или играя на флейте...

Читая подобные строки, нельзя забывать, что Тунис был единственным крупным городом страны, отъехав от него верст за тридцать, путешественник попадал совсем в другую, патриархальную жизнь, которую только начали подтачивать европейские веяния. А чем ближе к югу, где нет уже ни оливковых рощ, ни пламенеющих весной маковых ковров, и слышно знойное дыхание Сахары, путник попадал в край мелких оазисов и кочевий. Чтобы покорить вольных бедуинов, французские военные разрушали их амбары, представлявшие собой многоярусную глинобитную крепость из маленьких чуланов с дверьми, ключи от которых каждый хозяин носил на поясе. И чем больше ключей висело у него на поясе, тем он был сильнее и знатней. Около 15 тыс. берберов обитали в горах Матмата, это так называемые троглодиты, оборудующие свое жилье в пещерах, спасаясь от жары. Первый визит в эти курьезные места, на Крайний Юг, глава гражданской колониальной администрации нанес в апреле 1885 г., где пещерные люди его приветливо встретили, а один старик даже сказался «другом Гизо», ибо в качестве повара сопровождал Ахмед-бея в Париж во времена Луи-Филиппа⁶³.

⁶¹ *Maupassant G. De Tunis à Kairouan*. Русский перевод этого очерка см.: Мопассан Г. Полное собрание сочинений, Т. 9, М.: Изд-во Правда, 1958, с. 88.

⁶² См. *Eberhardt I. Ecrits sur le sable, «Récits, notes et journal» // Oeuvres complètes*, Paris: Grasset, 1988.

⁶³ *Cambon P. Correspondance 1870-1924*, Paris: Grasset, 1940, p. 243-244.

Стены, окна и мостовые столичных улиц, образующих лабиринт в старом городе и пересекающихся под прямым углом в новом городе, своим языком рассказывают о событиях прошлого, в том числе историю европейского проникновения в Тунис, начавшегося задолго до того дня, 12 мая 1881 г., на закате которого в Зеркальном зале дворца Бардо (или *Ksar Sétid*) был заключен договор «о союзе и гарантиях», — так о нем наутро были оповещены державы, — подписанный четырьмя лицами: генералом Бреаром, явившимся с войсками, оставленными поодаль, и Мухаммедом Садок-беем, которого снедала мысль, что в карете Бреара сидит его младший брат и претендент на трон, принц Тайеб-бей, а также французским консулом и главным визирем бея, вместе подстроившими эту операцию. В самом деле, еще 8 августа 1830 г., то есть за полвека до сцены во дворце и спустя всего два месяца после высадки французского флота в алжирской гавани Сиди Ферруш, с чего развернулась оккупация Алжира, которая еще потребовала много времени, пороха и крови, Франция заключила договор о свободе торговли с Тунисом, где она к тому времени уже 253 года имела свое консульство (первое из открытых здесь после османского завоевания), а по договору от 15 ноября 1824 г. пользовалась привилегиями на основе принципа наибольшего благоприятствования. К середине XIX века около трети товарооборота Туниса приходилось на Францию, не считая торговли с Алжиром, и больше четверти — на Англию. Тунисский экспорт состоял в основном из оливкового масла (55% вывоза по стоимости), шерсти (15%) и зерна (10%), остальное — разные товары⁶⁴. Следовательно, на сельскохозяйственную продукцию падало как минимум 4/5 вывоза, что походило на структуру внешней торговли Туниса, скажем, XIII-XIV вв., хотя ведущие партнеры у него, а точнее, у султаната Хафсидов со столицей в Тунисе, тогда были иные: Генуя, Флоренция, Венеция, Арагонское королевство.

Новые возможности для извлечения торговых барышей в этой стране у французов и их главных конкурентов, англичан, появились с 1857 г., когда Мухаммед-бей принял так называемый Фундаментальный пакт, по-арабски *'Ахд аль-Аман* (Обет неприкосновенности), что было сделано не без давления консулов обеих иноземных держав. Этот манифест, по сути

⁶⁴ Последние данные относятся к 1857 г. (*Chater Kh. Dépendance et mutation précoloniales. La Régence de Tunis de 1815 à 1857*, Tunis: Publ. de l'Université de Tunis, 1984, p. 589). Разумеется, от года к году ценовое соотношение основных статей экспорта менялось, в зависимости от урожая.

навязанный бею, предшественник которого и кузен Ахмед-бей, демонстрируя свой непокорный нрав, ранее отказался ввести в Тунисе порядок, вытекавший из первой «хартии» турецкого танзимата (и в 1840 г. не принял ее к исполнению), в основном повторял положения этой хартии⁶⁵. Но поскольку *'Ахд аль-Аман* являлся все же самостоятельным документом, и некоторые историки даже называют его первой тунисской конституцией, то можно сказать, что он непосредственно воспроизводил идеи Декларации прав человека и гражданина. Частным следствием этой акции было то, что Тунис, в деловых кругах которого, как и в других странах Средиземноморья, подвизались многочисленные приверженцы иудейской веры, обогнал некоторые европейские государства (например Австрию и Испанию) в эмансипации евреев и — шире — вводил идею гражданственности, ибо провозглашал равенство жителей страны без различия религии и расы⁶⁶. Обратная сторона медали состояла в том, что издание этого документа широко распахнуло двери для европейского капитала. Одна из его статей, в которой, собственно, и были заинтересованы иностранцы, предоставила им право приобретать во владениях бея недвижимость, производить ипотечные операции⁶⁷. Тем самым был открыт процесс финансового закабаления

⁶⁵ Речь идет о Гюльханейском хатт-и шерифе от 1839 г., присланном в Тунис и здесь проигнорированном.

⁶⁶ В Австрии евреям пришлось ожидать конституции 1867 г., чтобы увидеть равенство всех жителей империи перед законом. В Италии революция 1848 г. упразднила последние гетто, но они были восстановлены абсолютистской реакцией. Затем лишь по мере того, как Сардинское королевство (Пьемонт) присоединяло новые государства, евреи, подданные этих государств, получали свободу: в Тоскане, Ломбардии, Романье и Модене в 1859 г., в Умбрии в 1860 г., в Неаполе и на Сицилии — 1861 г.; и так вплоть до папской области — 1870 г. В Испании евреи были эмансипированы в 1868 г., однако публичное богослужение им не было дозволено (История XIX века под редакцией профессоров Лависса и Рамбо. Перевод с французского, Т. 6, М.: ОГИЗ, 1938, с. 535-536). Евреи во всем Магрибе составляли единственную иноверческую общину среди местного населения. Разумеется, до реальной их эмансипации в Тунисе после 1857 г. было далеко, но они вышли из статуса «зиммиев».

⁶⁷ Свою конкретизацию это положение получило в двусторонних договорах. Так, статьей 1-ой договора, заключенного Тунисом с Англией 10 октября 1863 г., устанавливалось, что «отныне английским подданным будет дозволено приобретать и владеть в Тунисском регентстве недвижимой собственностью всякого рода». Это подтверждалось статьей 5-ой нового англо-тунисского договора от 19

Туниса и его «колонизации изнутри», аналогичный тому, что имел место в Египте примерно того же времени, да и в метрополии, в данном случае Османской империи. Спустя несколько лет — в 1871 г. Высокая Порта, не желая совсем потерять Тунис, издала удивительный на первый взгляд фирман о его вхождении в состав империи, но дело в том, что по тексту этого фирмана автономия Хусейнидов признавалась официально.

Бей-реформаторы и французские колонизаторы. Местная традиция относит трех последовательно правивших государей, Ахмед-бея (1837-1855), Мухаммед-бея (1855-1859) и Садок-бея (1859-1882) к плеяде бейев-реформаторов, хотя такого эпитета заслуживал разве что первый из них, человек энергичный, малообразованный, но не чуждый интереса к просвещению. Его усилия были в основном направлены на военную реорганизацию, начатую еще в 1830 г. главным визирем, черкесом Шакером, который окончательно распустил янычарский корпус и создал первые два батальона регулярной армии. Эта политика отнюдь не вытекала из стремления защитить страну от возможной европейской агрессии. Напротив, при бейском дворе с облегчением восприняли высадку французских войск в Алжире, надеясь, что падение янычарского государства, граница с которым была установлена (на севере) еще в 1628 г., но то и дело нарушалась, избавит Тунис от постоянно висевшей над ним угрозы неприятельского вторжения с запада. Вероятным противником, говоря современным языком, при Ахмед-бее считалась скорее Османская империя, которая в 1835 г. свергла династию Караманли в Триполи, восстановив там прямое турецкое управление. Опасаясь той же судьбы, тунисский владетель наращивал свое войско, перестраивая его по европейскому образцу. Созданное в 1838-1840 гг. при дворце военно-инженерное училище, названное Политехнической школой, стало первой «кузницей кадров» вестернизированной тунисской элиты.

Распоряжением Ахмед-бея страна была открыта для христианских миссионеров, которые основали коллеж св. Людовика, а также арабскую типографию и положили начало тунисскому книгопечатанию. В 1860 г. была построена государственная типография и стала выпускаться первая местная газета на арабском языке, правительственный вестник. Некоторые

июля 1875 г. По договорам, заключенным с другими европейскими державами, такие же права предоставлялись австрийцам, немцам и итальянцам (*Себа П. Тунис. Опыт монографии*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953, с. 42).

воспитанники военного училища вошли в кружок туниских реформаторов. Однако самыми яркими фигурами в этой группе были два человека: придворный секретарь Ибн Абиля Диаф, получивший религиозное образование при Большой мечети аз-Зейтуна⁶⁸, и морской министр Хайрадин-паша, абхазец, который приобщился к наукам в Стамбуле, где приобрел знание турецкого и французского языков (подробнее о нем см. Биографическое приложение). Крайне узок был круг этих людей, не наберется и десятка, да и создан он был «сверху», в виде различных комиссий, учрежденных беєм для осуществления реформ в развитие положений Фундаментального пакта. Эти реформы касались целой серии вопросов: от модернизации судопроизводства и административного аппарата до упорядочения городской стражи. Главным плодом работы комиссий, от которой уклонились мусульманские улемы, стал проект Конституции (вступила в силу 23 апреля 1861 г.), введившей частичное разделение властей.

Современные тунисцы, в том числе официальные власти, чрезвычайно гордятся этим историческим событием, ибо их страна несколько опередила и Турцию – имперского сюзерена, и Египет в принятии своей конституции⁶⁹. Однако, по словам Мустафы Крайема, «скромности ради»

⁶⁸ Следует пояснить, что в Магрибе главную городскую мечеть называют «Большой». Соборная мечеть аз-Зейтуна (мечеть Оливки) была основана в 734 г. и ныне имеет архитектурный облик, сложившийся к концу IX века. По поводу ее названия существуют две версии. Первая исходит из того, что аз-Зейтуна была построена на месте вырубленной оливковой рощи, уцелевшие деревья которой некогда росли во внутреннем дворе здания. (В городе были еще три не сохранившиеся мечети с аналогичным названием). Вторая версия якобы принадлежит арагонскому королю, который в 1402 г. объявил, что мечеть аз-Зейтуна была построена на фундаменте церкви Святой Оливки, существовавшей при вандалах и византийцах. Полагают, что до XI века включительно, когда столица местных правителей находилась в Кайруане, главная мечеть г. Тунис имела при себе лишь обычные для такого культового центра образовательные кружки. После того, как Кайруан был razорен кочевниками, значение аз-Зейтуны повысилось. В нее была перевезена библиотека, и под эгидой имама Большой мечети получил развитие богословский университет, расцвет которого пришелся на XIII-XV вв., когда Тунис становится столицей династии Хафсидов (Подробнее см.: *Abdel Moula M. L'Université Zaytounienne et la société tunisienne*, Tunis: CNRS, 1971, p. 30-32).

⁶⁹ 27 ноября 1866 г. открылась египетская законодательная палата. 19 марта 1877 г. открылся первый турецкий парламент (меджлис), избранный на основании султанского рескрипта о конституции от 23 декабря 1876.

надо признать, что ее появление было инициировано европейцами, в частности французским консулом Ля Рошем, и нисколько не отвечало тогдашнему состоянию умов, если его можно назвать общественным мнением; а реформаторский пыл кружка Хайрадина – Ибн Абиля Диафа наталкивался на саботаж «партии улемов». В сентябре 1861 г. они даже устроили невиданное дело, митинг во дворе Большой мечети против конституции; их пропаганда была проста: этот дьявольский текст – христианское изобретение⁷⁰.

Статья 9 конституции обязывала монарха, названного «главой государства», при восхождении на трон произнести клятву во имя Аллаха «не предпринимать никаких действий, противоречащих Фундаментальному пакту и вытекающим из него законам». В случае нарушения этой клятвы быть ему низложенным. Статья 11 устанавливала его ответственность за нарушение законов перед Верховным советом, создание которого предусмотрела конституция. Согласно статьям 29 и 30, государю-бею на его нужды полагалось из доходов казны ежегодно 1 200 тыс. пиастров (тогдашняя тунисская денежная единица), а прочим беям, по-французски – принципам, 66 тыс. пиастров каждому семейному, а холостому 6 тыс., ежели он при живом отце, и 12 тыс. сироте. Не забыты были и принцессы, замужние и незамужние, и вдовы-бейши, но их пенсия была ниже, чем у представителей сильного пола в доме Хусейнидов. Зато, наоборот, разовые выплаты для расходов на свадьбу были выше у невест.

Верховный совет из 60 членов, назначаемых тем же беєм, но с условием их ротации, приобретал, согласно конституции, функцию коллективного соправителя⁷¹. Он объявлялся гарантом Фундаментального пакта и его за-

⁷⁰ *Kraïem M. La Tunisie précoloniale*, Tome II. Economie, société, Tunis: STD, 1973, p. 295, 301.

⁷¹ Согласно конституции 1861 г., бею как «главе государства и царствующей фамилии» (Ст.3) полностью принадлежала исполнительная власть, которую он осуществлял с помощью своих министров, коих не мог смещать без согласия на то Верховного (или Большого) совета, по-арабски: «аль-маджлис аль-акбар». В этот орган набиралось не менее 60 человек, своего рода «государевых советников», назначаемых на пятилетний срок; в дальнейшем предусматривалась ежегодная ротация с обновлением состава на пятую часть, и таким образом полномочия члена совета, если это не министр, могли бы составить максимум 10 лет (Ст. 46). Одна треть членов совета рекрутировалась из числа министров (визирей), высших чиновников и военачальников; две трети – из числа «нотаблей» со всей страны. Конституция предусматривала, что Верховный совет заседает еже-

конов, наделялся правом аннулировать указы, противоречащие этим законам, и контролировать государственные доходы и расходы. Конституция подтверждала неприкосновенность (*аман*) личности и имущества всех подданных бея, их право на свободу выбора занятий, они не подлежали в этом никакому принуждению, кроме несения военной службы (что регулировалось особым уложением). Наконец, иностранцам гарантировались свобода отправления культа и право заниматься экспортно-импортными операциями на равных правах с тунисскими подданными.

Конституционный порядок продержался недолго. Бей его отменил, воспользовавшись восстанием против налогового гнета, вполне традиционным, которое возглавил бедуинский вождь, разожгло суфийское братство *Тиджанийя* и поддерживала подавляющая масса населения. Сначала выступили кочевники, потом оседлые и жители всех городов, кроме столицы. В конце апреля 1864 г. бей пообещал временно приостановить действие конституции, против которой выступали религиозные лидеры и, соответственно, повстанцы, а 30 августа издал указ о прекращении деятельности Верховного совета и судов, созданных по европейскому образцу. Тем самым была отменена и конституция; хотя впоследствии (в 1921 г.) тунисские националисты испросили и получили заключение независимых французских юристов о том, что она, строго говоря, была не отменена, а именно приостановлена и как бы не утратила силу. Но это не меняло дела: Садок-бей, возможно, по наущению своего главного министра и фаворита Мустафы Хазнадара (который ранее входил в круг «либералов», но своей алчностью и воровством был во многом повинен в оскудении казны)⁷², вернул на место режим абсолют-

дельно во дворце Дар Эль-Бей (в столице на площади Касбы), между тем «малый», или «ближний» совет из 12 человек осуществляет текущую деятельность. Всего эта конституция – первая в мусульманском мире, включала 13 глав и 114 статей. Действовала менее четырех лет. (Подробнее об обстоятельствах ее принятия и полный текст конституции: *Guellouz E., Masmoudi A., Smida M. Histoire de la Tunisie. Les temps modernes*, Tunis: STD, 1983, p. 336-341, 393-417).

⁷² Грек по происхождению, Мустафа Хазнадар (1817-1878) ухитрился 36 лет быть в фаворитах при трех беях и только с 1873 г. впал в немилость. Некоторые французские историки, опираясь прежде всего на консульскую корреспонденцию, изображают этих трех беев моральными уродами, а принятие конституции 1861 г. приписывают исключительно желанию Мустафы, тогдашнего министра №1, де-факто лишить бея власти, чтобы он его не прирезал, как это ранее случалось сплошь и рядом с другими фаворитами (См., например, *Ganiage J. Histoire*

ной монархии. Это не означало, однако, что все реформаторские усилия были напрасными.

Страна сдвинулась с мертвой точки средневековья, но, как и все опоздавшие, попала в капкан колониальной зависимости. Модернизация здесь началась, по образу и подобию Египта эпохи Мухаммеда Али-паши (1805-1848), с военного строительства; и в этом ракурсе отдаленно напоминала петровские реформы. Сама по себе армия, достигшая при Ахмед бее, по разным данным, 26-40 тыс. человек⁷³, была непомерным бременем для государства с населением приблизительно 1,5 млн. жителей. Их нещадно выкосила жестокая засуха второй половины 60-х годов, с которой пришли ее черные спутники: эпизоотия, тиф и холера. В те же годы в Алжире умерло голодной смертью или от эпидемий около 300 тыс. мусульман, и чуть не пошли прахом все труды европейских колонистов; однако элементарная гигиеническая практика, уже введенная в алжирских департаментах, видимо, позволила демографическому росту быстро восстановиться. Тунис же буквально опустел. На пике бедствий в стране засеивалось всего 60 тыс. га. против 500 тыс. в хорошие годы. Даже «феодалы» отдали свои земли сорнякам, которыми и питались несчастные. Точных сведений о числе погибших нет, Ибн Абиля Диаф утверждал в хронике *«Итхаф ахль аз-заман...»*, что потери составили треть населения. Оно бежало отовсюду в столицу, умирая по дороге, а добравшиеся завалили своими трупами город, жители которого волей-неволей превратились в кладбищенских слуг. Тем временем государственный долг Туниса, сначала внутренний, а затем и внешний возрос с 12 млн. фр. в 1860 г. до 150 млн. к концу правления Садок-бея, который то ли сам был склонен к престижному расточительству, то ли стал жертвой «коррупции» своих сановников. С легкой руки Мустафы Хазнадара в 1863 г. был сделан первый внешний заем, причем выбрана «ненадежная фирма». Через 4 года государство объявило себя банкротом⁷⁴, но жулик-министр продолжал делать новые займы, сам ска-

Contemporaine du Maghreb de 1830 à nos jours, Paris: Fayard, 1994, p. 226-282). Эта версия верна наполовину.

⁷³ Под конец своей жизни он ее почти распустил, закрылись и казенные фабрики, производившие армейское обмундирование. Затем ее численность снова возрастала и сокращалась, к 1881 г. она составляла около 3 тыс. человек.

⁷⁴ Был образован консолидированный тунисский долг, международная комиссия вела контроль за расходами и доходами бейского правительства. Но из-за неупла-

зочно обогащался, полученные путем конфискации имущества восставшего населения (вплоть до последнего женского колечка) средства исчезли вместе с бежавшими за границу другими жуликами и, наконец, в 1880 г. бейское правительство перестало выплачивать проценты по иностранным займам.

Итак, стремление «беев-реформаторов», а точнее их просвещенных советников, модернизировать армию и вытащить телегу государства с немощными дорогами на тот путь, который теперь называют догоняющим развитием, ввергло тунисскую казну в полное разорение. В 1869 г. тяжелое финансовое положение страны, которая пережила анархию мятежа, повернувшего вспять реформы, а затем – беспощадные репрессии против мятежников, многолетнюю засуху и цикл эпидемий, привело к организации Международной комиссии тунисского долга⁷⁵. В комиссии, возглавленной Хайрадин-пашой, который в 1873-1877 г. был также главным министром, употребляя сизифов труд на укрепление государства и его бюджета, хозяйничали иностранные контролеры. Между ними шла ожесточенная борьба за выгодные сделки; французская компания получила концессию на телеграф, из-за железнодорожных концессий шла грызня между английским, французским и итальянским капиталом.

Тем временем изменился баланс политических сил в Европе; истощенный Тунис оказался разменной монетой в колониальной игре между Францией и Англией. В конечном итоге последней достался Египет, хотя Суэцкий канал построили французы (руками египтян), а Франция стала округлять свои владения в Северной Африке и других регионах. Что превалировало среди стимулов к этому рывку Третьей республики на юг и на восток? Погоня ли за новыми источниками аграрно-сырьевых ресурсов, корысть ли спекулянтов, задачи ли обеспечения национальной безопасно-

ты процентов акции тунисского займа упали к 1881 г. с 500 франков номинальной стоимости до 75 франков. Скупивший львиную долю этих бумаг франко-египетский банк беспокоился (*Атюхина-Московченко В.И.* История Франции 1870-1819, М.: Изд-во ИМО 1963, с. 511).

⁷⁵ Решение о создании комиссии было принято в январе 1868 г., и после долгих согласований между Парижем, Лондоном и Флоренцией эта комиссия была учреждена бейским указом от 5 июля 1869 г. В ней были представлены 2 француза, 2 англичанина и два итальянца. Вице-президента комиссии, француза Виктора Вилле, в шутку называли «Вилли-беем». Однако франко-прусская война подарила Тунису еще 12 лет независимости.

сти, как они тогда понимались? Это отдельный вопрос⁷⁶. Возможно, все три фактора играли свою роль в сложной комбинации интересов Франции.

Захват Туниса был предрешен летом 1878 г. на Берлинском конгрессе, после которого британский министр иностранных дел лорд Солсбери заверил французов, что правительство королевы не станет препятствовать «естественному развитию» их политики в Тунисе, а канцлер Отто фон Бисмарк, задачей которого было обеспечить Германии главенствующее место в Европе, утраченное Францией, и приковать ее воображение к богатствам заморских стран, советовал Парижу скорее «сорвать созревшую сливу». В этой связи о французском министре иностранных дел Ваддингтоне говорили, мол, если пошарить в его карманах после возвращения из Берлина, то, «быть может, найдешь там ключ от Туниса». И действительно, он писал 19 июля 1878 г. Теодору Рустану⁷⁷, что Франции нетрудно будет навязать свой «исключительный протекторат» этой стране, испрашивая его мнение: подпишет ли бей договор о «тесном альянсе с Францией», подразумевающий «оккупацию некоторых пунктов, таких, как Бизерта, Ла Гулетт и т.д.», имеющих стратегическое значение, и какие силы понадобятся, если бей заупрямится⁷⁸. Однако ни правительство самого Ваддингтона (февраль – декабрь 1879), ни следующие кабинеты не спешили воспользоваться относительно благоприятной дипломатической обстановкой, которую портила лишь Италия, втянувшаяся в «консульскую войну» в Тунисе, помогая там концессий на земли, рудники и железнодорожное строительство. Медлительность Франции объяснялась прежде всего внутренними причинами: боязнью правительства не угодить неопределенному парламентскому большинству. Интересы «колониальной партии», то есть партии финансовых дельцов, желавших тунисского похода, наталкивались на фронт оппозиции, которая руководствовалась разными соображениями, в частности мнением, что для французского бюджета колониальные авантюры – бочка Данаид.

⁷⁶ В этой связи хотелось бы обратить внимание на статью Л.Б. Алаева, который ставит вопрос о соотношении рациональных и иррациональных мотивов колониальной экспансии («Восток» – «Oriens», № 4, 2002, с. 51-62).

⁷⁷ Теодор Рустан являлся французским консулом в Тунисе с 1874 до марта 1882 г. и сыграл большую роль в подготовке его захвата.

⁷⁸ *Martin J.-F.* Histoire de la Tunisie contemporaine. De Ferry à Bourguiba 1881-1956, Paris: L'Harmattan, 1993, p. 29.

«И какой идиот поверит, что мы собираемся истратить миллионы...единственно ради того, чтобы покарать трех бандитов, время от времени похищающих у наших колонистов корову ценою 90 франков?» – язвила накануне тунисской экспедиции газета, близкая к партии радикалов⁷⁹. Но сколько бы ни шумела оппозиция и сколько бы ни изощрялись фельетонисты, высмеивая пустяковый *casus belli*, найденный для нападения на Тунис, «колониальная партия», в финансовые аферы которой, возможно, были втянуты и знаменитый республиканский трибун Леон Гамбетта, и мелкая рыбешка консул Рустан, оказалась сильнее. Как результат, премьер Жюль Ферри, который еще в январе 1881 г. уверял, что в год парламентских выборов нечего и думать об экспедиции в Тунис, все же ее санкционировал.

Завоевательная экспедиция, поводом которой послужил набег на алжирскую территорию кочевников из горного района Крумирия (на с.-з. Туниса), была встречена в метрополии отнюдь не под всеобщие аплодисменты. Правые и левые политики считали безрассудством отвлечение войск с враждебной германской границы. Многие сомневались в самом факте набега крумиров, племени в триста всадников, за которыми погналась 23-тысячная армия со стороны Алжира, не считая 8-итысячного корпуса, отплывшего из Тулона. Как уверяла оппозиционная пресса, нагреть руки на этой военной затее собирались вкладчики франко-египетского банка, среди которых числились Теодор Рустан и видные члены республиканской партии, скупившие акции тунисского займа, играя на их понижение в расчете на то, что Франция возьмет на себя гарантию этого займа; и тогда цена их повысится. Разоблачая спекулятивные махинации буржуазии, социалист Жюль Гед писал: «В Тунисе дело вовсе не связано с безопасностью границ нашего Алжира» («Le Citoyen de Paris», 23.6.1881).

Аппетиты финансовых дельцов толкали Третью республику на это предприятие, которое не представляло собой обособленного факта. С него началась эпопея «возрождения» французской колониальной империи, почти потерянной за прежние годы неудач, преследовавших Францию, сумевшую, однако, воспрянуть после такой ужасной катастрофы, как военное поражение, отнявшее у нее территорию с населением почти в 2 млн. человек (из 38,5 млн. за год до франко-прусской войны) и позволившее Вильгельму I короноваться императором в Версале... Прошло десять лет, и в 1881 г. протекторат Франции над Тунисом дополнил ее господство над Алжиром, а следом завоеватели

⁷⁹ «L'Intransigeant», 22.4.1881 (Цит. по: Ibid., p. 48).

шагнули далеко вперед как по руслу Сенегала, выйдя к Нигеру, так и по долине Меконга. К середине восьмидесятых XIX в. вместо маленькой колонии Кохинхина, впрочем, самой богатой в Юго-Восточной Азии, образовался обширный Французский Индокитай, в 1895 г. был захвачен остров Мадагаскар в Индийском океане и, наконец, в 1912 г. установлен протекторат над Марокко.

За всю свою историю Франция не приобрела и 1/9 доли того, что сумела приобрести за 33 года перед первой мировой войной, причем правительство, как бы ни менялся его личный состав, подчинялось воле финансового капитала, искавшего себе наиболее выгодного помещения. И не внимало предупреждениям оппозиции, что «колонии слишком дорого стоят стране, что Франция, в колониях которой насчитывается (в середине 90-х годов XIX века) 32 миллиона человек, ежегодно тратит на колонии 74 миллиона франков, тогда как Англия на свою колониальную империю, где живет 375 миллионов человек, тратит всего 62 миллиона франков в год»⁸⁰.

Общеизвестно, что двигателем колониальной политики Французской республики являлись интересы ее финансовой олигархии. Что касается идеологического обоснования колониальной экспансии в Магрибе, то эта доктрина, встречавшая во Франции начиная с 1830 г. своих скептиков и оппонентов, явилась плодом усилий целой армии историков, журналистов и литераторов разных поколений и самых разных политических оттенков. В безбрежном море их продукции, созданной как солидными учеными, среди которых можно назвать медиевиста Э.-Ф. Готье (профессор Алжирского университета, автор книги «Прошлое Северной Африки. Темные века», трижды изданной в 1927-1942 гг.), так и заурядными апологетами колониального дела, обращает на себя внимание книга «Новая Франция», принадлежащая либералу Л.-А. Прево-Парадолю (1829-1870), мечтавшему о 80-100 млн. своих соотечественников по обе стороны Средиземного моря. Этот остроумный публицист, член Французской Академии, дебютировавший со «Всемирной историей», которую он написал за скромный гонорар и в один присест; он же – факультетский лектор в Экс-ан-Провансе, читавший курс о французских моралистах, изданный им отдельной книгой, шумно прославился едкими сатирами на «режим сабли» эпохи Наполеона III, но больше всего шума наделал его внезапный уход из жизни. Круто изменив лагерь оппозиции (после ареста, суда над ним и запрета газеты, пе-

⁸⁰ Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма 1871-1919 гг., М.-Л.: Государственное издательство, 1928, с. 133.

чатавшей его сатиры) и перейдя на сторону императорского двора, он принял должность посланника в США, где и узнал, едва добравшись до места службы, о начале франко-прусской войны и, предвидя ее исход, немедленно застрелился. Так вот, этот *failor* на политическом поприще, дважды неудачно баллотировавшийся в депутаты и, возможно, павший жертвой неуемных амбиций, писал за два года до самоубийства: «Пусть же скорее наступит тот день, когда наши соотечественники...переплывут в Тунис и Марокко и создадут, наконец, средиземноморскую империю, которая послужит не только удовлетворению нашей гордости, но и безусловно станет в грядущем мироустройстве последним резервом нашего величия». В противном случае, рассуждал автор, «мы впадем в позорную незначимость на планете, оккупированной потомками наших старых врагов, говорящими на их языке, подвластными их нравам и поглощенными их делами, составят ли они союз, чтобы эксплуатировать остальное человечество, или станут соперничать, противоборствуя над нашей головой»⁸¹.

Почти теми же словами выражался лидер «Республиканского союза» и спикер парламента Леон Гамбетта, который подчеркивал, что овладение Тунисом — вопрос «политики национальной гордости». Считавшийся сторонником франко-итальянского сближения, он неожиданно горячо поддерживал план военного похода в Тунис и писал Жюлю Ферри, поздравляя его с заключением Бардоского договора, что Франция «снова занимает свое место в ряду великих держав»⁸². В свою очередь умеренный республиканец и дважды премьер Жюль Ферри, памятник которому был позже водружен посреди тунисской столицы⁸³, доказывал 31 октября 1882 г. с парламентской трибуны: «Франции нужна колониальная политика. Любая часть ее колониальных владений, ничтожнейшие клочки их должны быть для нас священны... Речь идет не о завтрашнем дне, а о целом полувеке, о

⁸¹ *Prévost-Paradol*. La France nouvelle, Paris: Calman Levy, 1868, p. 416-418. Об этом авторе и оценке его прогноза см., например: *Mazedier R.* Histoire de la presse Parisienne, Paris: Ed. de Pavois, 1945, p. 125-130.

⁸² *Aubry O.* Histoire de France, Paris: Flammarion, 1947, p. 474; *Martin J.-F.* Op. cit., p. 46.

⁸³ Установленный на скрещении проспектов им. Жюля Ферри и им. Гамбетты, он представлял собой статую Ферри на высоком постаменте, внизу — сидящий воин, опирающийся на меч, и женщина, воздевающая руки к центральной фигуре композиции. После обретения Тунисом независимости памятник был снесен, на его месте появилась конная статуя Бургибы, ныне высится башня с часами.

веке вперед; речь идет о самой будущности нашей родины»⁸⁴. Другая сторона того же патриотического замысла, внешне альтруистическая, как нельзя проще и ёмко выражена заключительной фразой мемуарных записок руководителя французской дипломатической миссии в Марокко (август 1901 — июль 1906). Фразой в форме риторического вопроса: «Не это ли одна из величайших и самых смелых задач для взрослого народа — взять на себя покровительство над народом-дитятей?»⁸⁵.

Возвращаясь к событиям 1881 г., позволившим Франции помочь тунисскому бею водворить порядок в его владениях и сделаться опекуной над его «детьми», или «чадами» (*ауляди*) — так государь называл своих подданных), надо сказать, что никакого сопротивления внезапному нашествию, без объявления войны, бейская армия не оказала. Напротив, наследный принц Али-бей, считавшийся заклятым врагом французов, перешел на их сторону и бросился со своим войском искать, чтобы наказать «кумиров и могодов — ныне бесследно исчезнувшие горские племена, совершившие воровской налет на алжирскую территорию. И вот, появляется на свет «союзный» договор, получивший в литературе не совсем точное название договора о протекторате, ибо таковой им предусматривался, но еще не устанавливался и даже не упоминался. Его еще предстояло создать как административно-политическую систему.

Поясним, что договор, заключенный 12 мая 1881 г., был дополнен конвенцией, подписанной 8 июня 1883 г. в пригороде столицы Ла Марса. В силу Бардоского договора, состоявшего из 10 статей в форме «союзных соглашений», бей заручался «поддержкой» Французской республики «против всякой опасности, угрожающей спокойствию его государства», обязывался не заключать самостоятельно никаких международных договоров без предварительного согласия Франции, делегировал французской стороне защиту интересов Тунисского регентства и его подданных в третьих странах и, наконец, соглашался на временную оккупацию французами «тех пунктов, которые они сочтут необходимым, для восстановления порядка на границах и побережье». Договор оставлял неприкосновенной власть бея над своими подданными, а уступка внутреннего суверенитета Туниса предусматривалась только в части финансовой организации, чтобы обеспечить

⁸⁴ Цит. по: *Guenin*. L'Épopée coloniale de la France racontée par les contemporains, Paris, 1932, p. 303.

⁸⁵ *Taillandier S.-R.* Les origines du Maroc Français, Paris: Plon, 1930, p. 357.

выплату накопленного казной государственного долга и гарантирован права иностранных кредиторов. Конвенция от 8 июня 1883 г. впервые содержала термин «протекторат», но суть вещей крылась в положении о том, что бей обязуется приступить к осуществлению реформ, «кои французское правительство сочтет полезными» в административно-финансовой и юридической сфере. Благодаря этому пункту Генеральный резидент в дипломатическом ранге посланника, «облеченный всей полнотой власти Республики в пределах Туниса», мог диктовать здесь любые решения⁸⁶.

Мятеж племен и второй поход. 16 мая 1881 г. Стамбул впустую заявил протест на Бардоский договор. Французский парламент, собравшийся 24 мая для его ратификации, ворчал. Одни обвиняли правительство в том, что оно обмануло депутатов, которые ассигновали 5,7 млн. франков на экспедицию, не подозревая об ее истинной цели. Войска были отправлены для наведения порядка на границе, но каким-то чудесным образом оказались под тунисской столицей, и теперь «мы поставлены перед свершившимся фактом» – возмущался Жорж Клемансо, лидер партии радикалов. Другие высказывали опасение, что французы, выйдя на границу с Триполитанией, а значит, и с Турцией, могут испортить отношения со всей Европой, потому что «быть соседом Порты, это все равно, что быть соседом всех», – предупреждал граф де Брокли. Оппортунисты говорили: «Раз уж мы там, надо оставаться». В итоге за ратификацию договора было подано 430 голосов, 89 человек воздержались и один был против⁸⁷. В июне 1881 г. парламент примерно с таким же количеством воздержавшихся и без единого «против» выделил средства для второй экспедиции в Тунис, понадобившейся для того, чтобы не упустить достигнутый успех, ибо там взволновались бедуинские (или, как выражались французы, «бродячие») племена. К ноябрю 1881 г. численность войск в Тунисе была вновь доведена до 35-40 тыс. человек; мятежники откатились далеко на юг, а часть из них бежала в Триполитанию. Однако первый кабинет Ферри пал под огнем критики оппозиционной прессы и депутатов, недовольных медленным ходом экспедиции.

Вторичное завоевание Туниса развивалось следующим образом. Наскоро сформированные из боевых единиц, взятых из разных корпусов,

⁸⁶ Такую власть и приставку «генеральный» он получил с июня 1885 г.

⁸⁷ Martin J.-F. Op. cit., p. 47.

французские войска, выступившие в поход весной 1881 г., в основном были эвакуированы из Туниса после «легкой прогулки», не потребовавшей даже оккупации столицы, ибо Садок-бей, кстати, правитель малограмотный, едва умевший читать и писать, поразмышляв три часа, сдался на ультиматум генерала Бреара. Однако летом пришлось снаряжать новую экспедицию, дабы с моря и с суши блокировать взбунтовавшиеся южные племена, исподволь поощряемые турками (те спешно доставили в Триполи около 35 тыс. своих солдат) и поднятые «религиозными фанатиками». В июне моряки французской эскадры штурмовали Сфакс, где жители организовали самооборону, затем адмирал Гарно занял порты Сус и Габес и большой остров Джербу, а в октябре было развернуто наступление на Кайруан, вероятный опорный пункт и политический центр движения мятежников. Они действовали под главенством 80-летнего Али бен Хелифы, каида полукочевников *нефдет*, обитавших на границе с Триполитанией, который сумел объединить вокруг себя и жителей Джерида – страны финиковых пальм, и степняков центрального Туниса, ранее делившихся, впрочем, как и все соседние племена, на два враждебных клана, *хусейтийя* и *баийя*, возникшие в период междоусобицы предыдущего столетия.

Восстание было сломлено лишь осенью 1881 г., когда генерал Ложеро, заняв холм Бельведер, господствующий над Тунисом-столицей, ввел свои силы в город, и следом три колонны войск (вторая выступила из Суса, третья с территории Алжира) собрались под Кайруаном, без боя открывшим свои ворота. Здешний каид Си Мухаммед аль-Мрабет сдал «священный город» 26 октября первому из офицеров, чей конь стукнул копытом у ворот. Часть повстанцев, в том числе бродячее племя *хаммама* и группа полукочевников *злазз*, отступила в Триполитанию, где 14 ноября 1884 г. умер Али бен Хелифа. Набеги из османской провинции тут же сникли. Возможно, масштабы этих набегов были вообще сильно преувеличены, а конфликты с «отложившимися» племенами приостановились благодаря тому, что новый представитель Франции, сменивший бывшего консула Теодора Рустана, настоял на сокращении оккупационных войск в Тунисе. Еще в августе 1884 г. он предавался грустным раздумьям:

«История завоевания Африки полна ложных сражений и лживых донесений. В прошлом году газеты наводнились сообщениями о военных стычках. Граница (с Триполитанией – М.В.) якобы постоянно находится под угрозой провала... То, что арабские воры крадут друг у друга несколько овец и обмениваются выстрелами, нас не должно касаться, и нечего поднимать по тревоге француз-

скую армию из-за таких мелочей... Все эти поводы, выставляемые скучающими офицерами, не стоит принимать всерьез. Они сами кружат себе голову, распивая абсент, и если им верить, то приходится снаряжать полки, которые стоят сумасшедших денег и надолго спутывают карты. В конце 1881 г. массы диссидентов, возвращавшихся в Тунис, подверглись избиению, учиненному генералом Сен-Жаном, который отбросил их еще на целый год в Триполитанию. В 1882 г. безоружные арабы, изъявившие покорность и пустившиеся в обратный путь со своими женам, детьми и скотом, были бессмысленно атакованы полковником Ла Роком, который изгнал их с территории. (Беженцы «изъявили покорность» благодаря стараниям Феро, французского консула в Триполи – *М.В.*). Наконец, 1883 г., когда в апреле я был в Париже, комендант Пон...выдумал эту священную войну в Тамерзе, она потребовала посылки туда трех воинских колонн против единственного человека, полубезумного марабута, которого нашли в одиночестве и взяли под стражу...А когда я думаю об ужасном расточительстве людских жизней и денег, навязанном Франции военщиной в Алжире, то все больше и больше убеждаюсь в том, что следует создать гражданское военное министерство»⁸⁸.

Архитектор протектората и генералы. Автор этих строк, Поль Камбон (1843-1924), ставленник Жюля Ферри, отправлялся в Тунис на новое для него место службы с поста префекта департамента Нор, получив широкие полномочия от правительства левых республиканцев, кабинета Фрейсине (30 января – 29 июля 1882), и с личной программой: «никакой аннексии, сохранение правительства бея, под прикрытием чьего имени все и будет делаться». В его планы входило: ликвидировать Международную комиссию тунисского долга и режим капитуляций (от позднелатинского *capitulum*)⁸⁹, заключить с беем новый договор вместо Бардоского, который он считал неудачным, и лишить военных возможности «третировать Тунис как завоеванную страну». Эта политика – поиска *modus vivendi* с монархией Хусейнидов – диктовалась международной конъюнктурой, требовавшей урегулирования вопроса о государственной задолженности Туниса, учета претензий на него со стороны Италии (сделавшейся союзницей Германии и Австрии после того, как французы водворились в Тунисе), а также необходимостью считаться с общественным мнением во Франции. Даже некоторым генералам, подвизавшимся в парижских салонах, Тунис казался «политическим болотом, из которого трудно вылезти», а тогдашний военный министр называл его завоевание ошибкой⁹⁰. Сам же Камбон, получивший от

⁸⁸ *Cambon P. Correspondance 1870-1924, Paris: Grasset, 1940, p. 237.*

⁸⁹ Договоры о неподсудности европейских граждан местным судам и проч. льготах.

⁹⁰ *Cambon P. Op. cit., p. 155, 164.*

министра финансов Леона Сэ полезную информацию о положении дел в Тунисе и иронически-утешительное напутствие, мол, «вдохновляйтесь примером англичан в Индии, Писарро в Перу и римлян в Карфагене, и тогда все легко наладится», рассуждал перед своим отъездом: «Придется теперь, как сказал Бисмарк, войти в тот небольшой круг людей, что заправляют делами наций как своими собственными»⁹¹.

Забавными ему показались нравы местного двора. Вот что он писал жене в апреле 1882 г. о посещении дворца Мухаммеда ас-Садока, вскоре умершего. «Вся бейская армия встретила нас при оружии... Бей приблизился ко мне и протянул руку... Говорят, что гороскоп предсказал грядущее низложение Бея; и этот бедняга, взирая на мое прибытие (накануне в порт Ла Гулетт – *М.В.*) под пушечный салют и в сопровождении большого военного отряда, решил, что я явился занять его трон. Мои речи его успокоили. И теперь он, вообразив, что я не расположен долго ждать, ужасно рассердился на своего премьер-министра, который медленно спускался по лестнице мне навстречу. Вот вам кан-кан Бардо». Письмо через три дня: «Мы отправились в Ла Марсу нанести визит архиепископу и Али-бею, брату Бея, который является предположительным наследником престола (паша-бей с 1882 по 1902 – *М.В.*). Принц – старик примерно 65 лет. Он мне представил троих своих сыновей в дешевеньких серых костюмах и фесках. Мы обменивались бесконечными любезностями. Никогда не видал я такого выражения симпатии; однако сие не мешает думать, что этот добрый малый, если бы он смог нас скинуть в море, сделал бы это с большим удовольствием»⁹².

Летом того же года, в одно прекрасное утро на Promenade de la Marine, где на эстраде красовался трон – зеленое кресло с полумесяцем, доставленное из загородного дворца, собрались европейские консулы и пышная бейская свита во главе с государем. С вокзала, где его встречал генерал Форжемоль (командующий оккупационным корпусом) со всем своим штабом, он прибыл в ландо, запряженном четырьмя мулами под медной сбруей. «Казалось, все звезды с неба попадали на тучные животы тунисских генералов», которые, пытаясь, взбирались на подмостки. На груди премьер-министра Мустафы бен Исмаила виднелась лента ордена Почетного легиона, на головном уборе Садок-бея сверкали три золотых украшения с бриллиантами. Дождавшись, ко-

⁹¹ *Ibid., p. 155-156.*

⁹² *Ibid., p. 167-168.*

гда приглашенные займут свои места, он воссел на трон с Полем Камбоном по правую руку и премьер-министром по левую руку — кресла для них притащили одно из расположенной поблизости французской Резиденции, другое из дома правительства на площади Касбы — и наблюдал за прохождением 5 тыс. солдат по аллее, над которой умельцы соорудили нечто вроде триумфальной арки. Гремел оркестр, выводя то бодрые такты Марсельезы, то тягучую мелодию бейского гимна. Отмечался французский национальный праздник 14 июля, день взятия Бастилии, учрежденный в 1880 г. Публика, сбегавшаяся со всех концов и даже взмывшая на крыши, хранила гробовое молчание, французы тоже глазели молча на парад, «спектакль им был в новинку» — заметил Поль Камбон, которому предстояло по завершении парада, закончившегося до жары, принять у себя французскую колонию, а затем «протезе», арабов и евреев⁹³. С ними «все одно и то же: Я ваш отец, вы мои дети, этот дом — ваш и т.д...». Делегат французской колонии завел речь о ликвидации международной финансовой комиссии и капитуляций, на что Камбон отвечал: «Вы правы, но ничего нельзя сделать без законодательных палат, надо сначала их убедить, а потом посмотрим»⁹⁴.

Резидент и сам понимал, что власть Франции над Тунисом, где всеми делами на местах заведовали военные комендатуры, еще шаткая и почитал своим долгом ее укрепить. Кроме всего прочего, Бардоский договор, наспех подписанный генералом Бреаром, был уязвим в том пункте, что подтверждал действие всех торговых соглашений, ранее заключенных беями с иностранными державами. (Лишь в 1886-1887 г. Франции удалось добиться их пересмотра). Вся гражданская администрация в Тунисе, французская, на тот момент состояла из трех человек: самого Резидента, его помощника на все руки, которого он взял с собой из Лилля, и заместителя, порекомендованного на Кэ д'Орсэ как знатока английских дел. Последний почти не вылезал из Лондона, улаживая с правительством королевы Виктории вопрос о капитуляциях, по которому британцы, имевшие в Тунисе своих подданных — мальтийцев, вдруг стали проявлять неуступчивость.

Поль Камбон прослужил в Тунисе с 1882 до 1886 г., заложив основы управления протекторатом. Он добился-таки от Англии, а затем и от других держав, включая Россию (правда, не имевшую здесь ни одного

⁹³ В данном случае имеется в виду особый юридический статус лица как «protégé» европейской державы, который приобретался в индивидуальном порядке.

⁹⁴ Ibid., p. 177-178.

подданного, а только дряхлого консула неопределенной национальности), отмены режима капитуляций, что означало переход всех европейцев, проживающих в Тунисе, под юрисдикцию французских судов. Заключил с бе-ем новый договор, сузивший власть монарха, который молил об одном, «уважать его права суверена»⁹⁵. Оставил от прежнего бейского правительства всего двух министров — великого визиря и баш-катиба, именуемого также «министром пера», назначив на эти должности угодных ему людей, которые пробыли, каждый, на своей синекуре свыше двадцати лет. Создал три новых ведомства во главе с французами (по делам общественных работ, финансов и народного просвещения), стимулировал земельную колонизацию, учредил институт «гражданских контролеров», содействовал началу археологических работ и, наконец, перекроил административно-территориальную карту страны. При этом потратил уйму времени и сил на конфликт, из которого вышел победителем, с новым командующим оккупационным корпусом в Тунисе, генералом Буланже (будущим лидером небызывестного «движения буланжистов» во Франции), который был возмущен тем, что вверенные ему войска поставлены под начало Генерального резидента⁹⁶.

⁹⁵ Ibid., p. 177. Новый договор, заключенный 8 июля 1882 г. между Камбоном и Садок-бе-ем, не разглашался. Франция исполнила принятое ею на себя обязательство и сохранила старую династию, возведя на трон Али-бея, наследовавшего своему брату Садок-бею, скончавшемуся в ночь с 27 на 28 октября 1882 г. Как откровенно писал Камбон, «мы решили передать корону Али-бею». Между тем он имел на нее право по обычаю, а не упустил свой шанс, пообещав подписать новый, уже третий франко-тунисский договор, что вскоре и было сделано. Еще у смертного одра старшего брата Али-бей письменно обещал: «Доверяясь дружбе с Францией и признавая благотворность ее протектората, я никогда не буду действовать иначе, как следуя советам правительства Республики». 30 октября 1882 г., лишь только закончились траурные церемонии, он приватно подписал требуемый договор, который был подтвержден летом следующего года франко-тунисской конвенцией, на сей раз обнародованной и увенчавшей процесс юридического установления протектората над Тунисом (*Mahjoubi A. Les origines du mouvement national en Tunisie, 1904-1934. Tunis: Publications de l'Université de Tunis, 1982, p. 85*).

⁹⁶ Назначаемый и сменяемый МИДом Франции, глава колониальной администрации в Тунисе с 1885 г. (согласно декрету от 23 июня) стал называться Генеральным резидентом (*Résident Général*). Он считался дипломатическим посланником Французской республики и в этом качестве именовался «*Ministre Résident*», одно-

Вздорный человек и любитель пустить пыль в глаза, Буланже, явившийся 14 июля 1884 г. на военный парад в Тунисе с эскортом, превышавшим количество участников парада, а спустя несколько лет метивший в президенты Франции и ее диктаторы, развязал громкий конфликт с Камбоном, тянувшийся полгода, отдав приказ своим подчиненным стрелять во всякого, кто оскорбит офицерский мундир. А в целом военные, которых поддерживали в этом алжирские колонисты, ратовали за прямую аннексию Туниса. Об этом свидетельствует беседа Поля Камбона с вышеупомянутым генералом Форжемолем, одним из бывших руководителей тунисского похода. Она состоялась между ними 7 ноября 1883 г., и генерал заявил: «Мы в Африке, у нас Алжир, где мы как-то уже обустроились; возможно ли это, чтобы две сопредельные провинции управлялись разным образом?». На что его собеседник возражал: «А почему бы нет?» и в следующих словах прокомментировал вопрос генерала: «Вот вам, пожалуйста, характер мышления французов, они везде хотят видеть симметрию. Идея Туниса, управляемого иначе, чем Алжир, не укладывается в их сознании»⁹⁷.

Покидая Тунис в ноябре 1886 г., Поль Камбон, которому еще предстояла долгая дипломатическая карьера (посла в Мадриде, Стамбуле, Лондоне), сорвал на память цветок жасмина в саду Резиденции, чтобы послать его жене. И признавался, что с грустью оставляет полюбившуюся ему страну, где поначалу обнаружил «нищету, мотовство и всеобщую разруху», бея с алмазными эгретами и без гроша в кармане, обобранного своими ловкими фаворитами... Но рад больше не видеть лукаво подобострастные физиономии Али-бея и наследного принца Тайеба (того самого проходимца из обоза Бреара, который, посидев за измену в чулане, стал «походным беєм», то есть кронпринцем – М.В.). «Глупец думает, что мой преемник оплатит его долги!». В Париже он встретил Жюля Ферри, расхвалившего его прощальную речь перед отъездом из Туниса. «Эти изобретатели протектората, – резюмировал Камбон, – наконец-то в него поверили после того, как я запустил в ход систему, которой я же и дал это имя»⁹⁸.

Более всего Камбон, один из великих строителей империи, сыгравший в Тунисе роль, аналогичную роли маршала Лиото в Марокко, и человек, как видно, небессердечный, по политическим воззрениям – умеренный рес-

временно пользовался полномочиями министра внешних сношений регентства.

⁹⁷ *Cambon P. Correspondance 1870-1924*, Paris: Grasset, 1940, p. 195.

⁹⁸ *Ibid.*, p. 171, 217, 289.

публиканец, гордился тем, что отстоял идею протектората и, главное, юридически ее закрепил, а также ввел в практику, «запустил в ход систему» (затем использованную в других протекторатах). Как она работала с ним и без него?

Развитие системы управления Тунисом в период раннего протектората распадается на три этапа. Первый, 1881-1890 гг., это – этап формирования гражданских учреждений во главе с Генеральным резидентом и его аппаратом, выросшим из консульской службы. Под контролем военных комендатур («бюро по делам туземцев») остался лишь Крайний Юг, область, приравненная в этом смысле к алжирской Сахаре⁹⁹. Второй этап, 1890-1896 гг., начало собственно колониальной эры для Туниса, положенное его таможенным союзом с метрополией, открывшим широкий доступ местных товаров на французский рынок¹⁰⁰, а также – время консолидации французской поселенческой колонии, получившей представительство в выборной Консультативной конференции, учрежденной 24 октября 1890 г. и утвердившей местный бюджет. Третий этап, с 1896 г., – расцвет колонизации, административные устои которой в общих чертах сложились в период правления первого Генерального резидента.

Исключительная широта полномочий этого должностного лица обрекала Тунис на зависимость не только от деловых интересов французских латифундистов, банкиров и финансово-промышленных трестов, но и от губернаторской прихоти, а следовательно, от личных убеждений и темперамента Генерального резидента. И тем самым, во-первых, выхолащивала саму идею протектората, формально не отменявшего внутренний суве-

⁹⁹ Крайний Юг был объявлен военной зоной (Territories militaires) и передан под управление французской армии в 1887 г., но лишь в 1910 г. решился вопрос о делимитации тунисско-турецкой границы, будущей границы Туниса с Ливией, в пользу которой, как полагают некоторые современные тунисские авторы, французы щедро отдали «наши исконные земли» (*Kassab A. Histoire de la Tunisie. L'Epoque contemporaine*, Tunis: STD, 1976, p. 38).

¹⁰⁰ По сравнению с 1886 г., торговый оборот между Францией и Тунисом возрос к 1900 г. с 48 до 100 млн. франков (*Gharbi M.-L. Le Capital français à la traite. Ebauche d'un réseau bancaire au Maghreb colonial (1847-1914)*, Tunis: Université de la Manouba, 2003, p. 279). Автор этой работы, опирающейся на архивные источники, показывает, что до 1902 г. рост внешнеторгового оборота не сопровождался существенным притоком капиталов в Тунис из метрополии. Повышенный интерес к нему проявлял Алжирский банк, который в конечном итоге становится для Туниса эмиссионным учреждением; «тунисские» франки выпускались с особой маркировкой.

регитет тунисского государства, за которым даже была оставлена некая «individualité internationale»¹⁰¹; во-вторых, превращала его в двухголовую монархию, одна голова которой выше другой.

Местные декреты (термин, который в данном случае означал акты законодательной и исполнительной власти), издавались от имени бея, поэтому назывались «бейскими декретами». Если они исходили от него, то требовали одобрения Генерального резидента, фактического суверена, а если — от Генерального резидента, то бей прикладывал к ним свою печать. Кроме того, резидент-наместник издавал постановления, имеющие силу законодательной или исполнительной власти по делам, затрагивающим интересы французов и прочих европейцев, проживающих в Тунисе. Некоторые декреты исходили непосредственно от французского государства в лице президента Французской республики.

Бею вместо распушенной тунисской армии оставили гвардейский полк в 600 человек для охраны его особы и парадных церемоний, а также его мундир турецкого маршала, гимн и штандарт. Статья 3 конвенции, подписанной в Ла Марсе, определяла ему ежегодное содержание 2 млн. пиастров, которые после упразднения этой валюты и введения в Тунисе франка составляли эквивалентную сумму. При этом сохранялась видимость «бейского правительства» во главе с тунисцем-премьером («великим визирем»), замещаемым в случае необходимости «министром пера». Кстати, французские авторы признавали, что принятое изначально в Тунисе обозначение «великого визиря», или «главного министра» (*аль-вазир аль-акбар*) как «premier-ministre» было крайне неудачным и вводило в заблуждение, ибо председателем совета правительства де-факто и де-юре являлся Генеральный резидент. Заседания тунисского правительства проходили под его председательством, а премьер-тунисец, теоретически возглавлявший бейское правительство, являлся лишь тенью французского наместника.

Совет правительства состоял в основном из французов, они назывались «директорами» своих ведомств, а те — «департаментами». Членом правительства являлся также командующий французскими сухопутными и морскими вооруженными силами, дислоцированными в Тунисе. Их чис-

¹⁰¹ Это означало, что Тунисское регентство могло выступать одной из сторон при заключении договоров и соглашений с другими государствами; однако декрет от 9 июня 1881 г. предоставил французскому резиденту роль «официального и единственного» посредника в делах, касающихся взаимоотношений с другими державами.

ленность колебалась: сокращенная в первые годы протектората с 40 до 15 тыс., она затем возрастала, в том числе за счет арабских соединений типа мобильных кавалерийских отрядов и, не в последнюю очередь, благодаря военно-морской базе в Бизерте, которая сама по себе превратилась в гарнизонный город. Однако постоянные перемещения войск по территории Северной Африки, скажем, их переброска на подавление восстания в Рифе (в этом участвовали и алжирцы, и тунисцы, призванные под французские знамена), затрудняют точное определение размеров вооруженных сил в отдельно взятой стране. В целом их численность, по некоторым оценкам, могла колебаться в мирное время на территории Магриба (без испанской зоны Марокко) от 70 до 200 тыс. человек; и это превышало личный состав английских вооруженных сил, размещенных в Египте¹⁰².

Частично они выполняли полицейские функции, причем не только в военной зоне. В Тунисе между 1911 и 1955 г. систематически объявлялось осадное положение (*état de siège*), и таким образом режим протектората превращался в оккупационный режим. Для этого было достаточно решения Генерального резидента, прикрывавшегося «бейским декретом». Правда, тунисцы, живя вроде бы в своем государстве, не подвергались действию таких унижительных законов, как алжирский «Туземный кодекс», позволявший подвергать туземцев порке, сажать их в тюрьмы решением местных властей, запрещать им передвижение из одного района страны в другой (кроме ограничений, касавшихся в Тунисе все той же военной зоны, ставшей со временем традиционным местом ссылки). Поэтому, если вдуматься, тунисцы могли бы поблагодарить зодчего протектората, Поля Камбона, за то, что он не допустил «алжиризации» Туниса, то есть его аннексии. Но так можно думать только с вершины прошедшего времени.

Лики колониальной модернизации. Коль скоро тунисская экспедиция затевалась с целью укрепить позиции, занятые французами в Алжире, и построить «великую средиземноморскую империю», то в экономическом смысле это удалось: продвижение капиталов и трестов в новоприобретенную провинцию шло непосредственно из Алжира; и в хозяйственном отношении (имеется в виду колониально-капиталистическое хозяйство) обе эти страны образовали почти единый организм. Иначе обстоит дело с нечтой о миллионах французов по обе стороны моря, хотя пропагандисты

¹⁰² Laroui A. L'Histoire du Maghreb. Un essai de synthèse, Paris: Maspero, 1970, p. 326.

создания мощной поселенческой колонии в Тунисе продолжали носиться с этой идеей. Один из них, Жюль Сорэн, писал в 1894 г.: «Как бы усилилось наше влияние, если бы 100 тыс. французов, обосновавшихся в Тунисе, составляли 30 тыс. солдат, состоящих в запасе или территориальных частях! В наших силах осуществить этот идеал и превратить Тунис в настоящую французскую колонию, заселенную земледельцами, связанными с этой землей неразрывными узами»¹⁰³. Планка, поставленная этим автором, на первый взгляд выглядела вполне реалистической, с учетом того, что в Алжире последняя треть XIX века была отмечена существенным притоком населения извне; к 1901 г. здесь проживало 580 тыс. европейцев, из них 375 тыс. французских граждан. Однако эта планка в 100 тыс. французов, проживающих в Тунисе, не скоро была достигнута.

«Много гектаров, но мало людей», — так характеризовал Жан Жорес колонизацию в Тунисе. Действительно, число французов на постоянном жительстве здесь увеличилось с 700 до 3,5 тыс. человек за 1881–1886 гг., достигло 10 тыс. в 1891 г., 16 тыс. — в 1896 г. и 24 тыс. — в 1901 г., но метрополия к этому времени была уже страной с низким уровнем рождаемости при относительно высокой норме смертности, то есть оказалась едва ли не первой страной Запада, двигавшейся к суженному воспроизводству народонаселения¹⁰⁴. Попытки переселения в Тунис французского крестьянства, за что взялась, например, компания «Société des Fermes Françaises de Tunisie»,

¹⁰³ Saurin J. Le Peuplement français en Tunisie, Tunis, 1910 (Себа П. Указ. соч., с. 45).

¹⁰⁴ Если в начале XIX в. перевес рождаемости над смертностью составлял во Франции 66 человек в расчете на 10 000 жителей, то в 1861–1865 гг. это соотношение падает до 38, в 1906–1910 гг. до 11, а в 1931–1935 гг. — до 8. С этого времени смертность во Франции начинает превышать рождаемость. Иная тенденция складывалась в Италии, где население в 1871 г. составляло 26 800 тыс. человек, а в 1911 г. — 34 670 тыс. на пространстве вдвое меньше Франции, население которой в 1911 г. составляло 39 605 тыс. человек и в 1934 г. достигло своего довоенного максимума — 41 950 тыс. (Беттельхейм Ш. Экономика Франции, М.: Изд-во иностранной литературы, 1953, с. 23–25; Тарле Е.В. Указ. соч., с. 185). Вопрос о недостатке земельной площади обострялся с первых лет существования Объединенного королевства, и сотни тысяч жителей Апеннинского п-ова и Сицилии уезжали в Америку и другие страны искать себе пропитания. Одним из своих потоков их эмиграция направлялась в Тунис и сопредельные районы Алжира, а также в Триполитанию. Городской квартал под названием «Малая Сицилия» возник в Тунисе-столице возле лагуны еще в доколониальный период, подобный обр-зовался в Бизерте.

учрежденная в 1898 г., потерпели провал. Из 13 центров колонизации, строившихся по образцу алжирских агропоселений (вокруг церкви, почты, жандармерии других общественных зданий), уцелели лишь три деревни¹⁰⁵. Большинство латифундистов, в том числе акционеры аграрных и многоотраслевых компаний, проживали во Франции, не только не ведя собственно-го хозяйства, но возможно, даже и не видев ни разу свои тунисские владения. Многие из них перепродавали земли по спекулятивным ценам либо сдавали землю в аренду итальянцам, которые в ряде случаев ее «оживляли», получая в итоге половину участка, что соответствовало местной традиции «мугараса», то есть контракту об аренде пустошей с условием будущего раздела земли, освоенной под многолетние культуры.

Европейское население протектората продолжало расти, однако главный приток его шел из Италии. Численность итальянцев уже в 1884 г. составляла 15 тыс. (против 11, 2 тыс. в 1881 г.), она достигла 71, 6 тыс. в 1901 г. и 88 тыс. в 1911 г. Итальянцы в сельском хозяйстве Туниса были в основном виноградарями. В городах — рабочими. Виноградари на полуострове Кап-Бон (иначе: Эт-Тиб)¹⁰⁶ и в долине Меджерды, как правило, владели участками от 1 до 10 га, приобретенными либо после нескольких лет работы каменщиками, на разгрузке пароходов либо благодаря заключению контракта мугараса с частным лицом или с акционерной компанией.

Возникает вопрос: откуда брались свободные земли для колонизации? Опыт Алжира, где проводились и конфискация земель у восставших племен, и захват пустошей, на которые все же находились старые владельцы, подсказывал, что то и другое чревато новыми восстаниями. Поэтому французские власти прибегли в Тунисе к обходному пути. Здесь была применена так называемая система Торренса, впервые опробованная в Австралии губернатором сэром Робертом Торренсом, который в 1858 г. организовал имматрикуляцию (опись) земли и недвижимого имущества с выдачей соответствующих документов на собственность. В Тунисе имматрикуляция проводилась добровольно, ею воспользовались многие придворные. Она избавляла владельцев, права которых на недвижимость были сомни-

¹⁰⁵ Kassab A. Op. cit., p. 73–74.

¹⁰⁶ Этот полуостров, вытянутый в сторону Сицилии, la presqu'île du Cap-Bon, заканчивающийся мысом Кар-Бон (ра'ас эт-тиб) на отечественных географических картах ранее обозначался как п-ов мыса Бон, ныне указан только мыс Эт-Тиб. Мы пользуемся названием места, распространенным в исторической литературе.

тельными (это могло касаться и обладателей земли, пожалованной беєм то ли в вечное владение, то ли в «кормление»), от неопределенности, мешавшей им вступать в купчие сделки, и облегчала ипотечные операции.

За исключением нескольких крупных приобретений, сделанных французами еще до 1881 г., остальная земля принадлежала тунисам, которые владели ею или пользовались на основе мусульманского права. Закон от 1 июля 1885 г. об имматрикуляции открыл широкую дорогу частной колонизации, которая, как говорилось выше, привлекла капиталы, но не людей. До 1890 г. появление земельных магнатов-европейцев не влекло за собой никакого изменения поземельных отношений. Поместья (*хенишир*) приобретались вместе с сидевшими на них феллахами, продолжавшими обрабатывать землю своим инвентарем. Крестьяне оставались издольщиками-хаммасами, зачастую прикрепленными к земле, как то определил закон, принятый бейским правительством незадолго до установления протектората. В 1892 г. насчитывалось 400 французов, имевших в среднем по 1000 га земли каждый, это были хозяева-абсентеисты. Зато около 1000 итальянцев владели в среднем по 30 га на семью¹⁰⁷. С этого времени власти протектората взяли дело в свои руки, развернув «официальную колонизацию», для этого была создана специальная касса, финансируемая из бюджетного резерва. Средства колонизационного фонда, созданного в 1897 г. и реорганизованного по декрету от 25 сентября 1900 г., образовались из этой первоначальной дотации тунисского казначейства, из авансов и субсидий Алжирского банка и других источников, в том числе сумм, выплачиваемых лицами, получившими земельные участки. Для них предусматривались льготы и рассрочки. Ведомство государственных земель подчинялось сначала департаменту финансов, а затем департаменту сельского хозяйства. Оно получило в свое ведение казенные земли «бейлик», кроме лесов, порученных управлению лесного хозяйства. 13 января 1896 г. было объявлено о превращении в собственность государства тех земель, которые по мусульманскому праву считаются «мертвыми». Сюда же, в фонд официальной колонизации, была отнесена часть земель 'арш, то есть коллективных или племенных, хотя их имматрикуляция шла медленно¹⁰⁸. Декрет от 13 ноября

¹⁰⁷ Себа П. Указ. соч., с. 45.

¹⁰⁸ Декретом от 30 декабря 1935 г. категория земель 'арш была признана неприкосновенной, их имматрикуляция приостановлена. К вопросу об упразднении общинных земель вернулось в 1956-1957 гг. правительство Бургибы.

1898 г. предусматривал, что управление вакуфными землями, *Джемайа хабус*, будет ежегодно предоставлять в распоряжение этого фонда по 2 тыс. га. Наконец, государством были скуплены земли у французских компаний или частных лиц, успевших приобрести крупные участки, оставшиеся неиспользованными. Все это Поль Себа предлагал рассматривать как двойное перераспределение земельной собственности. Лицам, получавшим землю на льготных условиях, предлагалось возвести жилой дом, хозяйственные постройки, освоить участок в определенные сроки и проживать на приобретенной земле или поселить здесь французскую семью. Согласно декрету 16 декабря 1903 г., преимуществом в покупке земли на заранее оборудованных участках с подведенными к ним дорогами пользовались отставные сержанты и солдаты Африканской армии либо вышедшие на пенсию служащие. К 1914 г. до 70% такой земли было продано итальянцам или тунисцам¹⁰⁹, а после первой мировой войны (с которой не вернулись многие колонисты), несмотря на прилагаемые властями протектората усилия, чтобы продвинуть вперед политику заселения Туниса французами, перекупка земельной собственности вела лишь к дальнейшей ее концентрации.

В первые два десятилетия протектората колонизация Туниса в основном носила аграрный характер, и лишь на рубеже веков наступила фаза интенсивного освоения его недр. Первыми настоящими горными разработками были свинцовые рудники в горе Джебель-Расас («Свинцовой горе») неподалеку от столицы. Ее силуэт, неожиданно вырастающий на равнине, можно видеть справа от дороги, ведущей из Туниса к ныне знаменитому курортному местечку Хаммамет. В 1868 г. они были отданы в концессию итальянской компании, а в 1876 г. концессию на разработку свинцовых рудников в Джеббе получила французская компания. 1 декабря 1881 г. был провозглашен принцип государственной собственности на горные разработки, что позволило перейти к систематическому изучению геологических запасов Туниса. Рудники сдавались за умеренную плату в концессию или аренду.

Минеральные богатства этой страны, приуроченные к Атласскому горному массиву (основная их часть находится на северо-западе, близ границы с Алжиром), довольно скудные, послужили основой развития металлургии, которая к середине XX века была представлена всего тремя литейными заводами: в Бизерте и в окрестностях Сук эль-Хемиса, а также в Мегрине под Тунисом. Здесь действовал самый крупный свинцовоплавильный

¹⁰⁹ Martin P.-J. Op. cit., 72.

завод страны, принадлежавший франко-испанскому акционерному обществу Пеньяройя. Он переплавлял руды, добываемые на различных рудниках, в том числе эксплуатируемых другими компаниями, частично завозил сырье из Алжира и Марокко. Выпускал свинцовые трубы и пули для охотничьих ружей. Железная руда полностью вывозилась в необработанном виде¹¹⁰.

Главным событием, оживившим рост добывающей промышленности Туниса и общую деловую активность в стране, стало то, что в 1885 г. сотрудником колониальной администрации, естествоиспытателем Филиппом Тома, были открыты залежи фосфоритов, которые оказались среди крупнейших в мире. Но разрабатываться они стали только с 1899 г. Их освоение потянуло за собой новое железнодорожное строительство, частично ориентированное, как линия «Сфакс – Гафса», принадлежавшая горнодобывающей компании с тем же названием, исключительно на грузоперевозки. Прокладка «экономических» железных дорог, связывающих карьеры и шахты с портами, была развернута с 1902 г. и осуществлялась на средства тунисской казны, сделавшей для этих целей заем в 40 млн. фр.¹¹¹ Из трех месторождений самым значительным и перспективным являлся южный фосфоритоносный бассейн, расположенный к северу от Шотт-эль-Джерид, между оазисом Гафса и границей с Алжиром. Здесь образовалась группа шахтерских поселков Редейеф, Муларес, Метлави, Мдилла. Их географическое положение, а также спрос на неквалифицированную рабочую силу определили приток на шахты «бедуинского» населения степных районов страны. Многие искали здесь временный заработок, в том числе отходники из Алжира и Триполитании.

Железная дорога была проложена из г. Тунис в направлении к Алжиру через северные районы, но самая оживленная пассажирско-грузовая линия связала столицу с главными городами восточного побережья, Сусом и Сфаксом, а затем дотянулась и до Габеса. Само по себе это способство-

¹¹⁰ Начата в 1908 г., добыча железной руды в Тунисе достигла максимума – 981 тыс. т в 1929 г. Добыча свинца достигла 59 тыс. т в 1913 г., и в дальнейшем она уже никогда не производилась в таких размерах. Добыча цинка достигла максимума (37,4 тыс. т) в 1912 г., но начиная с этой даты цинковая руда в силу бедности ее месторождений все больше поступала как побочный продукт, получаемый при добыче свинцовой руды. Она полностью вывозилась во Францию. Производство в 1938 г. – 1,4 тыс. т (*Себа П.* Указ соч., с. 99-100).

¹¹¹ *Gharbi M.L.* Op. cit., p. 414. В дальнейшем делались новые займы, Тунис снова оказался страной-должником.

вало повышению мобильности жителей приморья. Однако развитие современной сети путей сообщения не только не сгладило, а напротив, акцентировало исторически сложившиеся различия между приморским и «внутренним» Тунисом. Иными словами, это развитие, как и колониальная модернизация в целом, углубили дихотомию страны, географически вытянутую с севера на юг и словно повернутую одним «лицом» к бесконечному разнообразию Средиземноморья, другим – к горам и пустыням Магриба.

Как изменился сельский ландшафт страны? Земельная колонизация, о которой говорилось выше, распространилась главным образом на область севернее Тунисского хребта, где выпадает наибольшее количество осадков. Эта область, она называется Телль, поражает монотонным и почти безлюдным пейзажем, как это ни странно, напоминающим печаль волнистых среднерусских равнин, если отвернуться от гор, стоящих на горизонте. Межгорные равнины по реке Баграда (ныне Меджерда), в древности, еще до того как им стать житницей Рима, звались «великими полями», их домогался берберский вождь Массинисса, союзник римлян в III Пунической войне. Спустя века их разделили между собой воины-германцы, потом вернули себе потомки византийских посессоров; их сказочное плодородие воспевали раннесредневековые арабские географы, их выпасывали кочевники, но все же и в османскую эпоху эти «великие поля» оставались хлебной страной... Французы превратили Телль в зону пшеничной монокультуры. Южнее дугообразного Тунисского хребта (Dorsale), вытянутого с юго-запада на северо-восток, последние отроги которого разнообразят пейзаж вокруг столицы Туниса, раскинулись сухие степи, мало привлекавшие европейцев. Лишь изредка они брались за скотоводство в американо-африканском духе, гоня овец по плоским, как стол, степям центральной части страны, а на восточном ее побережье, в традиционной зоне оливководства, образовалось два «острова» колонизации. Один – это огромное имение Эфида (Domaine d'Enfida) между Хаммаметом и Сусом, целая волость в 120 тыс. га, ранее принадлежавшая главному визирю Хайрадин-паше, который ликвидировал всю свою собственность в Тунисе, переехав в 1878 г. на жительство в Стамбул. После долгой и невероятно запутанной истории с продажей этого имения оно досталось французскому акционерному обществу. Другой «остров» – молодая плантация олив возле Сфакса на так называемых сиаловых землях (по фамилии их прежних владельцев Сиала, оставивших эти земли «мертвыми»). Они также перешли в руки крупного

акционерного общества¹¹². Плантация закладывалась с помощью местных жителей, горожан, которым со временем досталась изрядная часть сиаловых земель. Вместе с тем одной только «Compagnie des Phosphates et des Chemins de Fer Sfax-Gafsa» принадлежало 27 тыс. га возле Сфакса (данные 1929 г.)¹¹³.

Областью, свободной от европейского землевладения, остался туниССкий Сахель. Что он представлял собой? Прежде всего следует сказать, что это не административный район, а историко-географическая область, отличающаяся от других своим хозяйственным укладом, напрямую связанным с культурой оливкового дерева. Арабское слово «сахель» означает «берег». Однако не все побережье Туниса, составляющее около 1200 км и почти столь же протяженное, как побережье Алжира (1400 км), и даже далеко не все восточное побережье страны являлось Сахелем «с большой буквы». По дороге между имением Энфида и Сфаксом все пространство, куда ни кинь глаз, покрыто бесконечным оливковым лесом, уходящим ровными рядами за горизонт, как будто он выращен одной рукой. Это и есть Сахель. В действительности его искусственный лес (*gâba*), который трудно назвать оливковой рощей, был поделен на множество мелких и средних участков, иногда по два-три дерева на каждом. Причем зачастую сахельцы имели деревья в разных и удаленных друг от друга местах (кстати, и собственность здесь было принято учитывать не в единицах площади, а по количеству стволов культурной маслины). Насколько древней была культура оливкового дерева на восточном побережье Туниса, наглядно рассказывают римские мозаики. А какие богатства приносило оливководство, повествует легенда, относящаяся не к самым лучшим временам бывшей античной провинции Африка, которую арабы стали называть Ифрикией. Это был 647 или 648 г., из Египта вторично, а может быть, уже в третий раз прискакали в Ифрикию отряды арабских завоевателей, но отступили не перед оружием

¹¹² Земли, о которых идет речь, занимают около 4200 кв. км. Семейство Сиала получило их в «ильтизам» от бея в 1759 г., они вернулись государству, то есть перешли в категорию «бейлик» в 1871 г. как выморочные. Через систему официальной колонизации продавались по 10 фр. за га. К 1914 г. возле Сфакса поселилось 319 европейских колонистов. Затем за дело взялись акционерные общества (Poncet J. La colonisation et l'agriculture européenne en Tunisie depuis 1881, Paris: Mouton, 1962, p. 199; аль-Кунсантини К. «аль-арьяф аль-махаллийа ва ра'ас малъ аль-исти'амарий захир сфакус», 1892-1929, Тунис: Факультет Мануба, 1992, с. 183.

¹¹³ Там же, с. 322.

византийской армии (она была разбита, карфагенский экзарх Григорий погиб), а перед мешком с деньгами. Его им отсыпали в качестве откупного мирные жители, укрывшиеся в огромном амфитеатре города Фидрус (совр. Эль-Джем), сбежавшие из окрестных сел и городов. И вот какой разговор передают хронисты. Предводитель мусульманского войска, получив контрибуцию в размере 2,5 млн. динаров (золотых монет) и выдав каждому воину по 3 тыс., спросил жителей: откуда у них столько золота и серебра? Один человек наклонился к земле и поднял косточку маслины. «Вот, – сказал он, – источник нашего богатства, потому что заморские купцы и рстро-витяне, у которых нет оливкового масла, приезжают покупать его у нас»¹¹⁴.

Населенные пункты туниССкого Сахеля, городки и села, похожие друг на друга, тяготеют к морю, хотя не все стоят прямо на берегу. С высоты птичьего полета они выглядят как «гроздь поселений», окруженных оливковыми рощами, которые выстраиваются ровным лесом в сторону степей, уже по пустынной местности. А граница между Нижней Степью (Basse Steppe) и Сахелем, подвижная и никаким естественно-географическим рубежом не обозначенная, исторически то наступала на степь, то отступала назад под ее давлением. Иначе говоря, то земледелец двигался с востока на запад, закладывая новые плантации деревьев с серебристой кроной и горькими плодами, то кочевник прижимал его к морю, и vice versa. Этот «Старый Сахель» имел на западе свою культурную границу, создававшуюся трудом человеческих рук¹¹⁵. Прирост площадей под оливковыми плантациями шел после установления протектората в пользу туниССцев. Так, в 1881 г. в стране имелось 8 140 тыс. оливковых деревьев, к 1931 г. их стало 16 128 тыс., европейцам принадлежало 1 970 тыс.¹¹⁶

¹¹⁴ Подробнее об этой легенде см. Видясова М.Ф. Социальные структуры доколониального Магриба. Генезис и типология, М.: Наука, 1987, с. 38, 54.

¹¹⁵ По нашим оценкам, на Сахель в конце XIX века приходилось 20 процентов населения страны и половина горожан; в 30-е годы XX века – около 14 процентов населения и примерно четверть горожан, а составляет этот район, если иметь в виду «Старый Сахель», без степных окраин, не больше 2% общей территории страны, но там было сосредоточено одно из ее важнейших богатств – оливковые насаждения. Лучшая книга по истории хозяйства Сахеля с древнейших времен: Despois J. La Tunisie orientale. Sahel et Basse Steppe, Paris: P.U.F., 1955. Об экономике этого района и распределении земельной площади по данным аграрной переписи 1962 г. см. также: Видясова М.Ф. Рабочий класс в социальной структуре Туниса, М.: Наука, 1975, с. 137-139.

¹¹⁶ Себа П. Указ. соч., с. 87.

Институт протектората, впервые получивший организационное оформление именно в Тунисе, имел для французской казны вполне очевидные преимущества. Проведение общественных работ, инфраструктурное строительство, а также система образования и медицинского обслуживания и содержание административного аппарата лежали на статье расходов местного бюджета. Им ведал департамент финансов Тунисского регентства, созданный в 1884 г. Несколько позже появилась выборная Консультативная конференция, аналог алжирских Финансовых делегаций, учрежденная 24 октября 1890 г. и вотирующая бюджет (с февраля 1896 г. в этот совещательный орган было допущено несколько тунисцев). В первые годы протектората за счет внутренних источников удалось ликвидировать язву Туниса – его консолидированный международный долг, гарантию по которому взяла на себя Франция. В дальнейшем для покрытия бюджетного дефицита приходилось прибегать к займам из средств французского государства. Между тем управленческие расходы поглощали около 40% местного бюджета, обеспечиваемого налогами с населения¹¹⁷, а штат администрации, от высших функционеров до писемоводителей, состоявший в начале 80-х годов XIX в. из десятка-другого служащих (если иметь в виду зачаточные колониальные учреждения), разбухал и к 1938 г. вырос до 11,5 тыс. человек; в том числе 7 тыс. из них были европейцами¹¹⁸.

Защитники «туземных интересов» и новый ученик. Не случайно одним из постоянных требований националистов становится расширение доступа тунисцев к государственной службе, на которую претендовали выпускники средних и высших учебных заведений. Преимуществом, конечно, пользовались те, кто владел французским языком, имея соответствующий аттестат. И таких было достаточно уже в конце XIX века; хотя высшее светское образование имели единицы.[3] Эти люди прилагали усилия к созданию культурно-просветительских обществ, а 7 февраля 1907 г. произошло важное событие: опубликование первой развернутой програм-

¹¹⁷ В 1901 г. министр иностранных дел Теофиль Делькассэ (1898-1906), находившийся под влиянием наиболее предприимчивой группы финансовых дельцов и колониальных деятелей, признавал, что за счет туземцев формируется 4/5 доходной части тунисского бюджета, на них падает 95% прямых налоговых поступлений и 78% коммунальных налогов (*Chérif M.-H. Le fonctionnement du Protectorat après Paul Cambon. Mémoire DES d'histoire, [Paris], 1958, p.117*).

¹¹⁸ *Martin J.-F. Histoire de la Tunisie contemporaine. De Ferry à Bourguiba 1881-1956, Paris: L'Harmattan, 1993, p. 55.*

мы в защиту «туземных интересов». Она появилась в №1 газеты «Le Tunisien» (органе партии младотунисцев), где и ставился со всей остротой вопрос о доступе туземцев на государственную службу и говорилось, что Франция, «следуя своим демократическим традициям», должна распространить на протекторат свою систему обязательного и бесплатного начального образования¹¹⁹. Речь шла и о том, что метрополия обязана помочь тунисцам в получении университетских дипломов, а в перспективе – об их деятельном участии в управлении своей страной. Как раз осенью того года, когда открылась патриотическая газета «Le Tunisien» со статьей «Наша программа», в Тунисе-столице появился Хабиб Бургиба, чтобы сесть за школьную парту рядом с другими первоклассниками. Этот маленький выходец из Сахеля был не одинок в том смысле, что в той же школе сидели за партой не только незнакомые дети, но и его земляки, а лет через 25 – соратники.

В социальном плане лидер национального движения и будущий президент Тунисской республики, как и большинство других видных деятелей Нового Дустура, был из тех людей, которых по-английски называют «climbers». Выходец из уважаемого, но далеко не богатого семейства горожан-провинциалов, разоренных земельными конфискациями еще за сорок лет до его рождения [4], Хабиб Бургиба сумел получить солидное образование, закончив его во Франции; учился на государственные и благотворительные стипендии, нередко испытывая нужду.

Сын отставного лейтенанта бейской армии¹²⁰, седьмой и последний ребенок в семье, он родился в приморском городке Монастир, что раскинулся в 163 км на юг от г. Тунис под сенью средневековой крепости и минаретами

¹¹⁹ Напомним, что после закрытия (декретом 29 марта 1880 г.) клерикальных учебных заведений бесплатное начальное образование было организовано во Франции с июня 1881 г. и узаконено декретом 28 марта 1882 г.

¹²⁰ Али бен Альхадж Мухаммед Бургиба (1850-1926) поступил на военную службу в 1864 или 1865 г., когда после подавления восстания в Сахеле велись принудительные рекрутские наборы. Со временем получил младшее офицерское звание (*мулязим*), а когда бейская армия была распущена, вернулся домой в г. Монастир, где и оставался до конца своих дней. В 1893-1897 г. исполнял здесь должность старейшины (*шейху тураб*) – представителя центральной администрации в одном из четырех городских кварталов; входил ex officio в состав муниципального совета, позднее служил уполномоченным (амином) по вопросам землеустройства. (См.: Бургиба Х. *Хайатуху ва джихадуху* [Его жизнь и борьба]. *Тунис: аль-матбаа ар-расмийа*, 1966, с. 19-20; *Sayadi M. S. Op. cit., p. 139*).

тридцати мечетей. Рано оказался сиротой по матери, воспитываясь на попечении взрослых братьев, один из которых был канцелярским служащим переводчиком и жил в столице, другой получил медицинское образование и работал фельдшером в госпитале Эль-Кефа (областной центр на северо-западе страны). В этом городе среди холмов и пшеничных полей Хабиб Бургиба юношей загостился по болезни; зато он мог воочию наблюдать обстановку, типичную для зоны французской аграрной колонизации, наслушался от бывших фронтовиков рассказов войне и, наконец, получил от сорокалетнего брата Мухаммеда, человека интеллигентного и добросердечного, недостававшую ему отеческую ласку. Братьев у него было четверо¹²¹, и двое из них — М'хамед и Махмуд в дальнейшем окажутся в числе новых дустуровцев, увлеченные

¹²¹ Самый старший из братьев, Мухаммед Бургиба (1881-1930), медик, работал в больнице Садыкия (г. Тунис) и некоторое время — в Эль-Кефе, где у него с января 1920 г. до осени следующего года жил Хабиб Бургиба, поправляя здоровье. Мухаммед — массивный и добродушный мужчина, фактически руководивший губернской больницей, директор которой не радел о службе, слыл оригиналом, презирал святош, создал семью с медсестрой-итальянкой, но пользовался большим авторитетом в городе, так как всех лечил, а главное, отдавал досуг самодеятельной театральной труппе. Разъезжая по окрестностям, артисты дважды в неделю играли переделанную на арабский лад французскую пьесу «Родина», переименованную в «Мучеников свободы». Запрет этой постановки в 1921 г. так расстроил Мухаммеда, пережившего диабетический криз, что он перестал появляться на любительских подмостках. (Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 29-31). В декабре 1921 г., видимо, вернувшись в Тунис, участвовал в деятельности партии Дустур, был замечен среди лиц, регулярно посещавших собрания Тунисской федерации Французской компартии, не ясно, был ли ее постоянным членом. (Kraiem M. Le Parti Communiste Tunisien pendant la période coloniale, Tunis: Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National, Université de Tunis I, 1997, p. 46). Следующими по старшинству являлись Ахмед, М'хамед и Махмуд, все трое служавшие. В то время, когда Хабиб гостил в Эль-Кефе, он часто навещал Ахмеда, который жил в расположенном неподалеку от границы с Алжиром городке Тала, работая переводчиком в аппарате французского «гражданского контролера». Там был дислоцирован полк спаги — африканских кавалеристов, арабов берберов. Они, как пишут биографы Хабиба Бургибы, научили его «элегантной верховой езде» (Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 30), чем тот впоследствии часто пользовался, появляясь во время своих агитационных поездок в глубинке, гарцуя на лошади. Ахмед был, судя по всему, единственным из пяти братьев, не принимавшим деятельного участия в национальном движении. Сестер звали Наджия и Айшуша (Айша), обе вышли замуж, последняя была старше Хабиба на 7 или 8 лет.

порывом младшего...

Глава семейства — Али бен Альхадж Бургиба, сыгравший свадьбу в 1880 г. с девушкой из того же города, которая была его единственной женой и родила восьмерых детей (один умер во младенчестве), был человеком суровым, от него будущий президент мог унаследовать властный характер и вспыльчивость. Жил в основном на пенсию 36 франков в год и доходы от трех земельных участков, оставленных покойным Хаджи Мухаммедом¹²² ему и двум братьям, один из которых был слепым. Лет двадцать женатый отец и дядя Хабиба Бургибы жили вместе, каждому по комнате, в сравнительно большом, но тесном для них доме и общую землю разделили поздно¹²³. Это были посадки оливы и фруктовых деревьев — обычное достояние обычной, хотя и не бедствовавшей семьи в таком местечке, как Монастир или соседняя Махдия — бывшая столица грозных Фатимидов¹²⁴, от которых остались развалины их заброшенной мечети, или соседний Мокнин с его 10 тыс. жителей — большое село без всякой примечательной истории.

В позапрошлом веке (до французского протектората) в Монастире размещался армейский гарнизон. Некоторые достопочтенные горожане и земельные собственники, например, Торкман, Бузгарру, Мзали, относились к потомственному военному сословию, хотя совсем не обязательно являлись турками-османами по происхождению. Мзали нашли во время хаджа своих дальних родичей в Мекке. Они и другие «лучшие люди» из числа местных уроженцев зачастую держали маслобойни, услугами которых

¹²² Дед Хабиба Бургибы по отцу, еще молодым умер в 1865 г.

¹²³ Своими воспоминаниями о детстве, в том числе о семейном укладе в родительском доме, президент Бургиба делился на лекциях для молодежи, которые легли в основу его мемуарной книги, из которой яствует, что у его отца было двадцать деревьев, полученных по наследству, к концу жизни он купил еще один участок на котором росло 110 олив. Все имение было поделено между его детьми. Затем Хабиб Бургиба выкупил у братьев и сестер их долю и все продал, чтобы оставить деньги на жизнь жене и сыну перед своей эмиграцией в Египет. (См.: Bourguiba H. Ma vie. Mon œuvre. Mon combat, Tunis: Dar el Amal, 1985). Когда он уже был главой государства, у него имелся небольшой земельный участок под Монастиром, доставлявший маслины к президентскому столу.

¹²⁴ Фатимиды (X–XII вв.) династия шиитов-исмаилитов родом из Сирии. Основатель династии — Убейдаллах аль-Махди. Первоначальным ядром формирования их империи — халифата Фатимидов являлась Ифрикия (Тунис). Завоевав Египет (969 г.), они перенесли свою столицу в Каир и вскоре утратили влияние в Магрибе.

пользовались другие хозяева, не столь зажиточные. Получали в аренду (лизма) земли домена, периодически занимали должность каидов, то есть управителей целого округа, центром которого являлся Монастир («династия» каидов Нуира, Хайаши и др.), и платили хорошую мзду за это прибыльное место¹²⁵. Что касается представителей семейства Бургиба, то эти выше квартальных старейшин не поднимались.

Али бен Альхадж Бургиба стал военным поневоле. Местное предание гласит, что после подавления восстания 1864 г. подросток Али, вырывая отца, брошенного в тюрьму, отнес в узелке семейные драгоценности, да и попался на глаза жадному генералу Зарруку¹²⁶, который «забрал» его в солдаты. Вспоминают, что Дядюшка Али, как его звали в Монастире, где все друг друга знали, не любил военную профессию, которой отдал 19 лет жизни, но никогда не расставался с офицерской саблей и размахивал ею во время семейных ссор. Бывало, отходя ко сну, положит рядом саблю. Тем не менее, прилагал все усилия для того, чтобы его дети получили образование. «Сумасброд Али, – говорила родня, – не жалеет последнего гроша

¹²⁵ Bouzgarrou-Larguèche D. Wtan al Munastir. Fiscalité et Société (1676-1856), Tunis: Université de Tunis I, 1993, p. 90-92. Уточним, что местные нотабли подвизались на административных должностях главным образом до 1837 г., с этого времени *ватан* (район) Монастира подпадает под управление высших бейских чиновников. После установления протектората в Тунисе было произведено укрупнение административных областей, кандат Монастир упразднен и вошел в округ Сус, охватывавший приблизительно весь Сахель.

¹²⁶ Градация военных чинов, высшим из которых был «амир-уль-умара» (дивизионный генерал), не считая маршальского чина, который принадлежал только августейшей особе, строилась примерно по такой же схеме, как в османской армии. При отсутствии гражданской табели о рангах, многие министры и придворные имели «фиктивные» генеральские звания. В данном случае речь идет о военачальнике Ахмеди Зарруке, которому было поручено усмирить восстание под предводительством «антибея» Али Бен Гедехума из племени *злазз* (полукочевники Кайруанских степей). Перекинувшееся на приморские районы, восстание было подавлено с беспрецедентной жесткостью, а *махалла* (поход) Заррука оставила глубокий след как в экономике разграбленного Сахеля, так и в народной памяти. Проведя карательную экспедицию, Ахмед Заррук становится каидом Монастира (1865-1869). После этих событий «выжили» лишь немногие представители провинциальной элиты Сахеля, благодаря той монопольной роли, которую они успели приобрести в посреднической торговле продукцией оливководства. Это прежде всего семейные династии Джеллули (выходцы из Сфакса) и Бен Айед (сахельцы). Представители обеих занимали высокие посты в бейской администрации до 1881 г. и в период протектората.

на детские тетрадки и башмаки». Эти затраты окупились. Когда у него родился самый младший и поздний ребенок, трое сыновей уже неплохо зарабатывали и помогали отцу, а четвертый – Махмуд учился в коллеже Садык-ийа. Помимо всего прочего, наличие диплома избавляло молодых людей от воинской повинности, к чему их отец и стремился.

Али Бургиба с сыновьями внуками. Во втором ряду слева направо: Махмуд, Ахмед, Мухаммед, М'хамед, Хабиб (около 1920 г.)

Со временем дела пошли, если не в гору, то на лад и у самого отставного офицера. К пенсии добавилось жалование эксперта по земельным вопросам, и он смог отделиться от братьев, построив собственный дом. Помогла и мать жены, бабушка Хадуджа Мзали, которая жила вместе с ними. Она продала участок земли, принадлежавшей ей по наследству. Короче, денег набралось, чтобы завести дом с тремя жилыми комнатами и двумя вестибюлями, они же «приемные» для гостей, мужчин или женщин. Внутри было патио с колодцем, а гостиную украшали изображения скачущих газелей на керамических плитках, которыми так любят тунисцы выкладывать стены, столи-

ки и даже скамейки в своих жилищах. После смерти обоих родителей хозяйкой здесь стала одна из сестер будущего президента, в замужестве Наджи Бугарру, рано овдовевшая. Это «родовое гнездо» Хабиба Бургибы, который в 1956 г. стал по совместительству мэром г. Монастир, – вытянутое одноэтажное строение, белое с голубыми ставнями под плоской крышей, стоит в двух шагах от моря. Оно хорошо сохранилось, но выглядит иначе, чем прежде, так как соседние здания были снесены.

Мальчиком Хабиб Бургиба поступил в начальные классы при столичной школе (*мадраса*) Садыкийи, а затем продолжил в ней же среднее образование. Об этой школе, через которую еще до Бургибы прошли многие зачинатели национального движения, следует сказать особо. Созданная незадолго до установления французского протектората (в 1875 г.) при тогдашнем правителе Мухаммеде Садок-бее, имя которого она носит, школа-колледж Садыкийи функционировала как казенное светское учебное заведение, доступное представителям средних сословий. Согласно идее основателя колледжа, визиря-реформатора Хайрадин-паши, воспитанники Садыкийи имели возможность, получая классическое арабское образование, приобщаться к европейским знаниям [5]. Следует также иметь в виду, что учебное заведение, где Бургиба провел около шести лет в интернате, являлось не только образовательным центром, но и полюсом притяжения общественной мысли. Существующая с 1905 г., и поныне, ассоциация ее выпускников Anciens de Sadiki, или *Джамаа Садыкийи*, быстро затмившая собой более традиционалистское и «старшее» культурно-просветительское общество *Халдунийа* (с 1896)¹²⁷, стояла у истоков движения младотунисцев (1907-1912 гг.), а затем – и первой дуэтуровской партии «конституционных свобод» [6].

Пока Хабиб Бургиба учился в начальных классах, он жил у старшего брата М'хамеда на улице Турбат аль-Бей в тунисской медине неподалеку от мавзолея беев Хусейнидов; отсюда и название этой средневековой улицы, где соседствовали ремесленники, торговцы и мелкие служащие. Летом возвращался домой к родителям и сестрам. Закончил начальное образование и перешел в средние классы в 1913 г., поселившись в интернате. Той же осенью умерла его мать Фатуна, которой не минуло еще и пятидесяти. Эту потерю Хабиб очень тяжело переживал, о чем пишут все его био-

¹²⁷ Общество Халдунийа, названное в честь философа Ибн Халдуна (1332-1406), было учреждено 22 декабря 1896 г. Открыло библиотеку. Его создатели даже замышляли организовать на основе общества Халдунийа светский университет.

графы и подчеркивал он сам, вспоминая то детское горе, которое ему пришлось выплакать одному, вдали от дома¹²⁸.

Некоторые историки даже считают, что трудная женская доля его матери, как и несчастливая жизнь бабушки Хадуджи (она была разведена с мужем – фактически «отвергнута» по мусульманскому обычаю), произвели на юного Бургибу столь глубокое впечатление, что впоследствии он стал убежденным «феминистом»: рьяным сторонником изменения брачно-семейных отношений, политики планирования рождаемости и т.д., словом, женской эмансипации. Президент и сам вроде бы развивал эту мысль, сокращаясь, что его мать безвременно свели в могилу многократные роды и изнуряющие домашние «повинности»; хотя на среднестатистическом уровне прожитая ею жизнь была, наверное, относительно благополучной.

Если же подойти к этому вопросу с социологической точки зрения, имея в виду не только родителей, но и братьев Хабиба Бургибы, взявших над ним опеку, то фамильный «коллектив», его воспитавший, наверное, можно отнести к семейству переходного типа (*type familial transitionnel*), в отличие от типа консервативного (*conservateur*) или, наоборот, продвинутого (*évolué*), с поправкой на то, что мы пользуемся терминологией, предложенной – автором специального исследования – применительно к явлению более позднего времени, а именно к нуклеарным, по преимуществу, тунисским семьям эпохи самого президента-реформатора¹²⁹. Как бы то ни было, лучшей в его памяти картиной остались дни раннего детства, прошедшие (по арабской традиции: на «женской половине») под крылом матери и в окружении прочих родственников, стара и млада; сколь мало бы они им не занимались, поглощенные с утра до вечера домашним трудом, включая сезонные сельскохозяйственные работы. Подобными делами его и самого сызмальства нагружали. Расставание же с этим по своему уютным семейным мирком – в день, когда пятилетнего Хабиба отправили в повозке мальтийца Карло к ближайшей железнодорожной станции в Сусе и оттуда поездом до столицы, естественно, стало для него глубоким потрясением.

Брат, приютивший его в Тунисе, был строгим, к тому же он потерял молодую жену, которая, ожидая первенца, умерла в 1911 г. от холеры. Сам в свободное время посещал образовательные курсы, рассчи-

¹²⁸ Бургиба Х. *Хайатуху ва джихадуху...*, с. 21.

¹²⁹ Demeerseman A. La famille tunisienne et les temps nouveaux. Essai de psychologie sociale, Tunis: Maison Tunisienne de l'Edition, 1967, p. 351-404.

тывая подняться в карьере¹³⁰, и за мальчиком приглядывала не слишком внимательная служанка. Если верить мемуарам президента, эта единственная прислуга, мулатка Давия, которая заведовала нехитрым братниным хозяйством, без устали гоняла его с разными поручениями и за мелкими покупками. Особенно врезалось ему в память, как он обронил по дороге одно су («всего одно су!»), получив за это страшную выволочку. Этот эпизод, даже если он слегка драматизирован в описании Бургибы, лишний раз подтверждает, что вся его семья, включая уже выбившихся в люди братьев, принадлежала к прослойке горожан со стесненными материальными средствами.

Но и жизнь в интернате, где кормили и одевали за казенный счет¹³¹, тоже была не раем (кормили-то плохо), хотя, в отличие от некото-

¹³⁰ Позднее М'хамед заочно окончил университет и стал адвокатом, в первой половине тридцатых тесно сотрудничал с Хабибом Бургибой на журналистском и политическом поприще. В то время, о котором здесь идет речь, посещал просветительское общество Халдунийа, готовясь к экзаменам на степень бакалавра, которая по французской системе примерно соответствует аттестату зрелости. Пока Хабиб был еще школьником, М'хамед женился вторично на Мемии Сахейб ат-Таби'а, что для последней было мезальянсом, ибо она, дочь бывшего придворного, принадлежала к старой столичной аристократии (*Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 29.*)

¹³¹ При открытии Садыкийи в ее пользу был учрежден хабус (вакф) из части собственности, изъятой у впавшего в немилость Мустафы Хазнадара, бывшего премьер-министра, которого заменил в этой должности его идейный и политический противник Хайрадин-паша. После установления протектората французские власти, заинтересованные в том, чтобы сохранить Садыкийю как «питомник переводчиков», оставили в основном нетронутым ее учредительный устав, вверив это учебное заведение Департаменту просвещения, которое в смешанном бейском правительстве возглавлял француз. Оно продолжало финансироваться преимущественно за счет собственного фонда, в том числе освоенных «мертвых земель», которые к нему перешли, обращенные в хабус. Согласно уставу, в коллеж набирали 50 мальчиков на полный пансион и еще 100 на бесплатное обучение. Со временем количество тех и других возросло. Далеко не все они заканчивали полный цикл обучения, рассчитанный на семь лет для тех, кто прошел начальную школу. Он охватывал, помимо «арабских наук», которые изучались по тем же учебникам, что в аз-Зейтуне или каирском аль-Азхаре, так называемые европейские дисциплины; обязательным являлось изучение иностранных языков по выбору: турецкого, итальянского и французского. После 1881 г. преподавание первых двух заглохло. Преподавательский корпус был смешанным, состоял из тунисцев и французов, некоторые дисциплины вели шейхи аз-Зейтуны (Подробнее см.: *Sraïeb N. Le collège Sadiki: Histoire*

рых однокашников, своих соседей по дортуару, Хабиб все же имел родню в городе и проводил у брата выходные и праздники. Среди соучеников Бургибы были разные дети, в том числе мальчики из обеспеченных семей; те состояли на полупансионе и вечерами расходились по домам. И с ними, например с Шадли Халлади (тоже будущим политиком), который жил с родителями в пригороде Радес, он водил дружбу на равных, хотя остро ощущал разницу в социальном статусе между собой, провинциалом, которого легко было узнать по «деревенскому» говору в арабской речи или простому платью, и теми его товарищами, которые по рождению и образу жизни относились к столичной элите, *бальди*¹³². В целом же обстановка в коллеже, где все, включая бейских сыновей-племянников, подчинялись общему внутреннему регламенту, была достаточно демократичной.

Шла первая мировая война, в которой участвовали многие тунисцы¹³³, они сражались на стороне Антанты, но общественные симпатии в ре-

d'une institution. La Tunisie mosaïque. Toulouse: Presse Univ. du Mirail, 2000, p. 287-317.

¹³² Арабское «бальди» (букв.: горожанин или горожане) совпадало в местном лексиконе с французским «*Tunisois*», что в прямом смысле означает житель или уроженец Туниса-столицы, в переносном – аристократ старой закваски или «буржуа», принадлежащий к высшему кругу общества, к рафинированной публике и т.п.

¹³³ Данные разных источников указывают, что на войну ушли свыше 80 тыс. тунисцев, не считая 30-40 тыс. мобилизованных в трудовые корпуса. Те были заняты на военных заводах или в сельском хозяйстве Франции, компенсируя там нехватку рабочей силы. Всего из Северной Африки участниками войны по призыву, реже добровольцами, стали 300 тыс. мусульман – солдат и офицеров, а также 180 тыс. рабочих тыла (*Ganiage J. Histoire contemporaine du Maghreb de 1830 à nos jours, Paris: Fayard, 1994, p. 417.*) По данным патриотической печати Туниса, с полей сражений не вернулись живыми либо получили серьезные ранения 45-50 тыс. человек; к этой цифре апеллировала партия Дустур, выдвигая свои требования к метрополии. (См., например: *Bourguiba H. Introduction à l'Histoire du Mouvement National, Tunis, 1962, p. 39.*) Более реальными, по мнению А. Махжуби, являются сведения тогдашних французских властей о 10 тыс. тунисцев, погибших или пропавших без вести, плюс раненые на главном европейском театре военных действий. Кроме того, безвозвратные потери могли составить до 5 тыс. в экспедиционном корпусе на востоке. Вкупе это составило как минимум 20% непосредственных участников войны из Туниса, что, конечно, было каплей в море, по сравнению с почти полутора миллионами погибших французов, но для регентства, где насчитывалось неполных 1,8 млн. жителей-мусульман, это означало существенные людские потери (*Mahjoubi A. Op. cit., p.*

гентстве лежали на стороне Турции. Старшие школьники с волнением рассказывали младшим о восстании племен, которое разыгралось на юге Туниса в 1915–1916 гг. под началом Халифы Бен Аскера¹³⁴, передавали друг другу патриотические стихи. Одним из ярких воспоминаний Хабиба Бургибы остался день 15 апреля 1917 г., когда приехавший навестить сыновей отец отвел его на кладбище Джеллаз, чтобы присутствовать на похоронах Бешира Сфара, бывшего губернатора области Сус и крупного общественного деятеля, соучредителя Халдунийи и газеты «Аль-Хадира» («Столица»), закрытой шесть лет тому назад. Церемония проходила без речей, в торжественном молчании — это был не политический митинг. Время для того, чтобы возобновить дело, начатое Беширом Сфаром, Али Баш Хамбой и другими воспитанниками Садыкийи, принадлежавшими к довоенному кругу «младотунисцев», еще не наступило, хотя и близилось. Так, в декабре 1919 г., пишет Ха-

184–186). Кстати, другой современный автор, исследуя архивные источники, пришел к выводу, что общее число тунисцев — участников войны составило в итоге 80,3 тыс. человек, в том числе 38,2 тыс. воевавших на Западном фронте и 35,9 тыс. павших. (Цифра, которая ближе к данным партии Дустур). Многие прошли через немецкий плен. При этом мобилизация 1914 г. коснулась всего 4-х тыс. человек, но резко возросла в течение 1917 г., когда вновь сформированные контингенты направлялись, а старые перебрывались на Восточный фронт. Уже после перемирия, заключенного в ноябре 1918 г., некоторые рабочие из трудовых корпусов, возвращенные домой на борту судна «Босфор», умерли от подхваченной в пути «испанки» (Arnoulet F. Les Tunisiens et la première guerre mondiale, «Revue de l'Occident Musulman et de la Méditerranée», Aix-en-Provence: CNRS, № 38, 1984, p. 48, 59). Так или иначе, следствием призыва молодых и сильных мужчин под французские знамена оказалась «демографическая яма» в стране, где естественный прирост населения был еще низким (в 1919–1928 гг. он составил среди мусульман 0,7 % в год). Этим, в частности, объясняются острые эмоции, связанные здесь с первой мировой войной. Вместе с тем на широкие общественные настроения в Тунисе оказали заметное влияние бывшие фронтовики, вернувшиеся из Европы и повивавшие «другую жизнь».

¹³⁴ Халифа Бен Аскер — шейх племенной группы *аскаррийа*, проживавшей на пограничной территории между Ливией и Тунисом. Родился ок. 1879 г. в Налуте; его семья принадлежала к ибадитской конфессиональной группе. Участник итало-турецкой войны. В августе 1915 г. возглавил восстание на юге Туниса против расквартированных здесь частей французской армии, в конце июня следующего года потерпел поражение и бежал в Ливию. Повешен итальянцами в 1922 г. Его восстание поддерживал орден сенуситов (Подробнее см.: Abdelmoula. Jihad et colonialisme. La Tunisie et la Tripolitanie (1914–1918), Tunis: Ed. Tiers-Monde, 1987, p. 84–85).

биб Бургиба¹³⁵, заболев и очутившись в школьной больнице, он каким-то образом раздобыл и прочел запретную книгу «Тунис-мученик» (см. ниже), которая определила взгляды, да и жизненный путь многих его друзей и сверстников. Все это позволяет предположить, что будущий президент мог рано заинтересоваться политикой, к которой, как видно, были равнодушны его соученики и старшие родственники; но пока его беспокоили более прозаические вещи.

Один из соучредителей Нового Дустура, который был значительно старше Хабиба Бургибы, рассказывал в статье, опубликованной 4 августа 1958 г. по случаю 55-летия первого тунисского президента, что запомнил его еще мальчиком лет десяти, поступившим в коллеж Садыкийи. Новичка нельзя было не заметить из-за больших светлых глаз, «казавшихся огромными на маленьком лице». Поскольку Махмуд Бургиба заботился о брате, «Крошке-Хабибу», как его прозвали, было разрешено обедать вместе со старшими школьниками. Он развлекал соседей по столу своей неугомонной «детской болтовней, в которой вдруг проскальзывали замечания совсем не по возрасту». Когда Раймон Пуанкаре был избран в 1913 г. президентом Французской республики, крошка «солидно произнес: “Пуанкаре — война”. Произнес, конечно, не свои слова, а наверное, подслушанные от одного из своих старших братьев, постоянных читателей “Courtier de Tunisie” — тогдашней газеты социалистов. Но не свидетельствовало ли это о его будущем призвании политика...»¹³⁶.

Прервав учебу на целых два года из-за начинавшегося туберкулеза, Бургиба вернулся на школьную скамью в столичном лицее Карно (одноименный с известным парижским лицеем), который являлся тогда единственным в Тунисе учебным заведением, выдававшим диплом бакалавра, необходимый для поступления в университет¹³⁷. В Карно он проучился три года (1921–1924) и за это время успел примкнуть к национальному движению, вступив 5 апреля 1922 г. в партию Дустур, которая организовала в тот день массовые политические демонстрации, пополнив свои ряды молодежью. Но впереди еще были годы учебы. Наверстывая упущенное, Хабиб Бургиба получил сертификат по арабскому языку и словесности, что ему следовало бы сделать в Садыкийи, из

¹³⁵ Бургиба Х. *Хайатуху ва джихадуху...*, с. 21.

¹³⁶ *El Materi M. Itinéraire d'un militant (1926–1942)*, Tunis: Cérés Productions, 1992, p. 214.

¹³⁷ Созданный на основе французского коллежа им. Карла Святого (collège Saint Charles), этот лицей в 1889–1894 гг. носил название «lycée Sadiki», что отражало идею, потом оставленную, обратиться к Садыкийи в чисто европейское учебное заведение (*Sraïeb N. Op. cit.*, p. 305).

которой он выбыл, а выпускные экзамены решил сдавать по философии, не прислушавшись к мнению учителей, прочивших его в математики.

Любопытно, что когда 18-летний Хабиб Бургиба выздоравливал, семейный совет в лице старших братьев и своячениц решил было устроить его приказчиком в лавку или к сельскому хозяину, сочтя младшего неудачником. К тому же в престижном лицее Карно, куда он собирался поступить и где дети мусульман были редкостью, учеников не брали на пансион. Но холостой Махмуд, служивший в министерстве юстиции за 150 фр. в месяц, проявил альтруизм и взял на себя расходы брата, что делал и потом, регулярно высылая деньги в Париж, где будущий президент становится студентом. И на первых порах это служило последнему решающей подмогой, пока он не получил стипендию на продолжение учебы от Садыкии 1800 фр. в год, которая ему не полагалась, так как он не являлся ее выпускником. Для назначения стипендии понадобились хлопоты земляка Хабиба Бургиба, работавшего в коллеже.

Итак, воспользовавшись помощью брата, который и позже его выручал, он отправляется во Францию, где пробыл с осени 1924 г. до лета 1927 г., прослушав курсы в Парижском университете и Свободной школе политических наук¹³⁸. В Сорбонне Хабиб Бургиба окончил юридический факультет, а второй диплом получил на отделении государственных финансов вышеназванной школы. Кроме того, в течение года он посещал лекции по литературе светила арабистики Вильяма Марсе, находил время для занятий по психологии, анатомии и проч., наконец, и для того, чтобы послушать парламентские дебаты в Бурбонском дворце или посидеть с газетой в руках в Люксембургском саду, где велись бурные политические споры. «Главной задачей для меня, — писал он позже, — было понять механизм этой цивилизации и секрет могущества страны, которая свела мою на положение колонии»¹³⁹.

Живя впроголодь в своей неотопливаемой комнатухе, где иногда были только хлеб да оливки, присланные семьей из дома, он выкраивал несколько франков, чтобы доставить себе наивысшее удовольствие — посещение театров Odéon и Comédie Française. А выходя со спектакля, еще долго цитировал вслух сцены из «Руи Блаза» или «Сиды». Круг его чтения был обширным. Больше всего (как пишет Ф. Гара, один из биографов Бургиба)

¹³⁸ Это престижное учебное заведение, Ecole libre des sciences Politiques, ныне называется Ecole des sciences Politiques.

¹³⁹ Цит. по: Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 40.

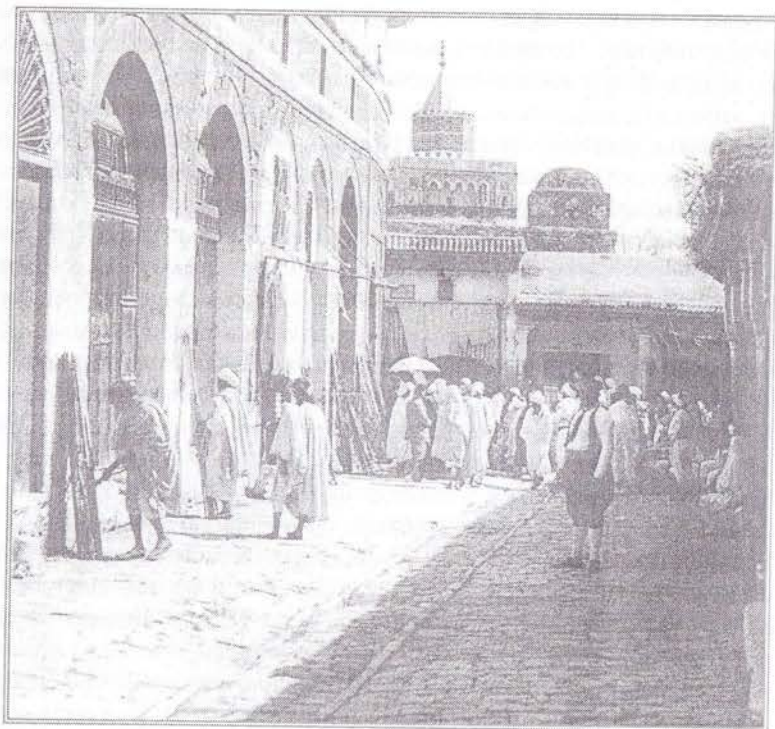
его зажигала литература по истории и социально-экономическим вопросам; при этом Гегелю он предпочитал Ренана и с особой тщательностью изучал «Происхождение христианства». Но вопреки мнению, что немецкая философия наводила на него скуку, позже Бургиба упомянул в личной переписке Шопенгауэра среди авторов, которые произвели на него в молодости глубокое впечатление. Не забывал он следить и за публикациями модных египетских писателей, таких, как Таха Хусейн.

В Латинском квартале у него сложился круг тунисских друзей, которые станут спутниками в политической борьбе. Среди них следует особо упомянуть Махмуда Матри (1897–1972), о котором ниже еще пойдет речь, в то время студента медицинского факультета и члена французской Лиги в защиту прав человека (Ligue des droits de l'Homme). В лице хозяйки своей парижской квартиры, дочери прачки и офицерской вдовы Матильды Лоррен, подарившей Бургиба его единственного сына, он находит и спутницу жизни, которая в дальнейшем стойко разделяла с мужем тяготы судьбы, хотя сама была далека от политики. (Первый брак президента просуществовал до 1962 г.). С Матильдой, которая жила в 20-м округе Парижа на улочке, выходящей к кладбищу Пер-Лашез, где она, ее мать, брат и сестра снимали комнаты в доходном доме, он познакомился на второй год своей учебы. Их встреча не была случайной авантюрой в большом городе. Визит к 35-летней вдове, милой, но худосочной женщине с прямым пробором выходящих волос, забранных в пучок на затылке, и строгой католичке, он нанес по рекомендации знакомого француза, учителя из Монастира.

Найдя однажды ее адрес в своих бумагах, он отправился по нему без особой цели. Они разговорились, и он отвлек скромную секретаршу, потерявшую мужа в день перемирия, от мыслей о вечном трауре, стал получать приглашения на обед, а затем и переехал к ней, оставив свою каморку в общежитии товарищу. Чтобы не огорчать ее старомодных родственников, они симитировали свадьбу, но когда она забеременела, огорчился сам Бургиба. Не потому что не хотел ребенка, а по той причине, что считал себя человеком, которому судьба велела отдать политике всю свою жизнь без остатка. Сверх того, связь с французенкой расстроила его отношения с дальними родственниками из Монастира, видевшими в нем будущего жениха своей дочери. Да и близкая родня Бургиба смотрела на его парижский роман косо. Но мысль бросить подругу ему и не приходила в голову, хотя их супружеские отношения обернулись отнюдь не райским

счастьем. Как вспоминают друзья этой семьи, Матильда была женщиной с категорическим мнением по всем вопросам, что делало обыкновением домашние ссоры. Однако не только у друзей дома, но и у всех тунисцев она снискала огромное уважение, бесстрашно выполняя некоторые опасные поручения мужа. Бывший сподвижник Бургибы, д-р Бен Слиман, рассказывает в мемуарах, что в один прекрасный день, уже старухой и разведенной женой президента, Матильда спускалась по трапу с парохода, доставившего ее из поездки во Францию, и вся толпа на набережной вдруг оглушалась и начала ей аплодировать. Прошло еще несколько лет, и получая почетный орден из рук Бургибы, она сказала: «Все, что я сделала, то из любви к тебе и твоей стране». Но это было потом.

Улица в медине Туниса под минаретом аз-Зейтуны, 1890 г.

Жан-Хабиб родился 9 апреля 1927 г., и семейная пара, еще не оформившая брак, переехала в пригород, где они снимали комнату, служившую и спальней, и гостиной и детской. Сам молодой отец, полубольной и терзаемый безденежьем, под крики младенца, которого ласково прозвали «Биби», готовился к выпускным экзаменам. В эти последние месяцы парижской жизни ему было уже не до театров и не до походов с приятелями в ресторанчик Astropole, и не до политических собраний, которые он раньше охотно посещал.

Франция, где Хабиб Бургиба, по сравнению с некоторыми другими его земляками и товарищами, пробыл не так уж долго, находилась под властью правительства Левого картеля, а затем – переходных кабинетов Бриана и коалиционного правительства «Национального единения» во главе с Пуанкаре, который вернулся в июле 1926 г. в премьерское кресло после двухлетнего перерыва. Среди главных персонажей этой эпохи, отмеченной обострением политической борьбы и подъемом левых сил в метрополии, Бургибе, видимо, больше всего импонировал Эдуард Эррио, председатель партии радикал-социалистов, впервые избранный на этот пост в 1919 г. Не склонный к большим уступкам в колониальных делах, но разглядевший угрозу германского реваншизма и считавший залогом безопасности сотрудничество с «Советами» (при его кабинете Франция признала СССР и завязала с ним торговые отношения, в частности заключила сделку по мазуту), Эррио оставил в истории своей страны глубокий след. В 1924 г., когда он занял пост премьер-министра, ему было 52 года.

«В галерее политических деятелей буржуазной Франции Эррио был одной из наиболее колоритных фигур... Эрудит, знаток классической и французской литературы, человек широкого диапазона, тонкий ценитель живописи, скульптуры, музыки», этот поборник светской и демократической внутренней политики «оставался вместе с тем человеком, не забывшим о том, что он вышел из низов»¹⁴⁰. Его прадед по отцу был чернорабочим, дед капралом, бабка дочерью угольщика. Отец был офицером, дослужившимся до небольшого чина, и рано умер, но успел заразить сына интересом к античности; и первым сочинением Эдуарда Эррио стала книга, посвященная Филону Александрийскому. Его общественная карьера началась весной 1904 г. с избрания муниципальным советником в Лионе,

¹⁴⁰ Манфред А.З. Очерки истории Франции XVIII-XX вв., М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961, с. 522-524.

где он работал учителем риторики. «Высокого роста, с квадратным лицом, ясным и сильным голосом, он был таким же прекрасным лектором на кафедре, как и популярным оратором; его трубка, его простодушие нравились и лионцам и парижанам» — таким описывали премьера Эррио современники¹⁴¹. Он был убежден в исторической правоте принципов Великой буржуазной революции, «принципов 1789 года», и оставался им верен до конца жизни, будучи в течение десяти лет при Четвертой республике председателем, а затем почетным председателем Национального собрания.

Незабываемым впечатлением Бургибы, едва успевшего приехать в Париж, явилась представшая его глазам 23 ноября 1924 г. массовая манифестация социалистов и радикалов, переносивших прах Жана Жореса в Пантеон. Реакция немедленно открыла атаку на правительство Эррио, правая пресса обвинила премьера, впрочем безосновательно, в попустительстве коммунизму и потребовала репрессий против ФКП. К этому времени относится появление фашистских и полуфашистских лиг, таких, как «Королевские молодцы» и «Молодые патриоты» (депутата Тетанже). Но в целом Левый картель выглядел тогда прочным, это была его лучшая пора. Плачевное состояние государственных финансов, которое Эррио предлагал исправить повышением налогов на имущество денежных тузов, не затрагивая «производительный капитал», представляло собой резкий контраст с общим экономическим положением Франции. В 1924 г. ее промышленное производство достигло довоенного уровня. Рабочих рук не хватало, и страна приняла до миллиона рабочих-иммигрантов, в том числе около 100 тыс. алжирцев и 10 тыс. марокканцев¹⁴². Между тем с апреля 1925 г. (в те дни, когда формировалось правительство Пенлеве) Франция втянулась в войну в Испанском Марокко, а летом она уже вела две колониальные войны — в Марокко и Сирии, обе закончились в 1926 г. и вызвали понятное возмущение мусульман, работавших или учившихся во Франции.

¹⁴¹ См., например: История Франции, Т. 3, М.: Наука, 1973, с. 106.

¹⁴² Между 1921 и 1924 гг. во Францию въехало 338,2 тыс. человек из Северной Африки и 232,5 тыс. выехало. Это дает положительный баланс 106,3 тыс. Среди них было около 10 тыс. марокканцев и незначительное количество тунисцев. Подавляющая масса иммигрантов прибывала из Большой и Малой Кабилии, прежде всего из-под Тизи-Узу и Бужи (Алжир) или из районов Сус и Анти-Атлас (Марокко); 90% иммигрантов составляли берберы (*Hamed-Touati M. Immigration Maghrébine et activités politiques en France, Tunis: Univ. de Tunis I, 1994, p. 38-39.*

Только компартия с самого начала выступила в поддержку Республики Риф и призвала французских солдат к братанию с повстанцами; напротив, социалисты заявляли, что президент этой горной республики, эмир Абделькерим (Абд аль-Крим), всего лишь феодальный вождь нескольких племен. В период кризиса левого блока ФКП развернула забастовочную борьбу, а на V съезде в июне 1926 г., который состоялся в Клиши, приняла решение об установлении связи между «пролетарским единым фронтом и движением средних классов» при строгом соблюдении независимости партии и руководящей роли пролетариата. Стратегическое направление «политики Клиши» определил пункт резолюции съезда, гласивший, что партия должна привлечь колониальные народы и крестьянские массы, чтобы нейтрализовать средние слои¹⁴³. Прямым следствием решений V съезда ФКП стала активизация ее пропаганды среди рабочих-иммигрантов, которых она стремилась привлечь в свои профсоюзы. Эту задачу выполнял бывший Комитет по колониальным исследованиям ФКП, еще в 1924 г. преобразованный в Колониальную комиссию.

Одним из результатов этой работы стало создание в Париже ассоциации «Североафриканская Звезда» (САЗ), костяк которой составили рабочие-алжирцы. Она провела свое учредительное собрание и избрала руководство в марте 1926 г. Председателем стал тунисец, генеральным секретарем — алжирец. К новой организации Хабиб Бургиба проявлял интерес, хотя в активистах «Звезды» не числился. Тем не менее, агентура парижской полиции, которая организовала специальный отдел по работе с выходцами из Северной Африки, доставляла информацию, впрочем, не лишённую доли фантазии, о том, что этот студент из Туниса — горячий националист, «симпатизирующий коммунистам»¹⁴⁴.

Вернувшись на родину, Бургиба занялся адвокатской практикой, специализируясь на земельных тяжбах, но со временем становится «про-

¹⁴³ История Франции,.... с. 123.

¹⁴⁴ Так, в секретном досье, составленном на Бургибу в мае 1930 г., когда полиция им вновь заинтересовалась, сообщалось, что якобы в студенческие годы он был осужден на три месяца тюрьмы за коммунистическую деятельность, но «остепенился» и сейчас ни с какой коммунистической группой в Тунисе не связан (Архивный документ из фондов французского министерства внутренних дел. Факсимиле см.: журнал «Watha'iq», Université de Tunis; Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National (ISHMN), № 24-25, 1998-1999, p. 153-156).

фессиональным революционером», живущим на деньги партии¹⁴⁵. За период с 1934 г. по июнь 1955 г. ему довелось в общей сложности 10 лет пробыть во французских тюрьмах, в ссылке или под домашним арестом. Кроме того, после второй мировой войны он четыре года с лишним провел в добровольной эмиграции, развернув свою заграничную деятельность в Каире.

В этом огромном и пыльном городе, встретившем его неприветливо, он явно скучал по дому и ярким пейзажам своей родины. И позволил себе однажды (письмо к сыну) пожаловаться на чувство ностальгии, «тем более мучительное, что неумолимая судьба приговаривает меня к одиночеству...».

¹⁴⁵ Свои выступления в судах Хабиб Бургиба, принятый по прохождении стажировки в коллегии адвокатов Туниса, прервал в 1933 г., переключившись на журналистскую и политическую деятельность; частично возобновил — лишь под конец 1944 г., вновь заведя собственную адвокатскую контору, что в основном имело целью усыпить бдительность французской полиции, под надзором которой он находился, для прикрытия плана нелегальной эмиграции. Этот план Бургиба осуществил 26 марта 1945 г. с ведома немногих активистов партии.

Старый Дустур. Партия с улицы Паши?

Говоря об основании партии Новый Дустур, которое относится, как мы уже говорили, к 1934 г., когда прошел ее учредительный съезд, следует подчеркнуть, что речь шла о качественно новом этапе национального движения, идейно восходящего через просветительские общества и деятельность «Младотунисцев» («Эволюционистов») к эпохе визиря Хайрадин-паши, с участием которого в доколониальном Тунисе были введены элементы ограниченной монархии: манифест 1857 г. о правах под двойным названием «*'Ахд аль-Аман*» или «Фундаментальный пакт» и ранняя конституция, действовавшая с 1861 г. по 1864 г. Именно этот комплекс исторических реформ послужил отправной точкой идеологии тунисского национального движения, получившего свое развитие после первой мировой войны.

На этом этапе властительницей умов становится партия Дустур — ровесница египетского Вафда, которая возникла на сопоставимой (с Вафдом) социальной базе и даже при сходных обстоятельствах. (В Алжире и Марокко, равно как и в арабских странах Ближнего Востока, кроме Египта, националистические партии, бравшие на вооружение европейские идеи и методы, появляются лишь в 30-е годы)¹⁴⁶. Однако в отличие от вафдистов, представители дустуровского движения в начале своей деятельности не ставили вопроса о полной независимости страны, ограничиваясь конституционными требованиями. Тем не менее их демарши в кулуарах Парижской мирной конференции (18 января 1919 — 21 января 1920) и циркулировавшие во Франции, а затем и в Тунисе печатные издания, в которых осуждался режим протектората, не на шутку встревожили колонистов, посчитавших, что цель экстремистского крыла дустуровцев «сбросить французов в море». В ответ были приняты репрессивные меры против ряда тунисских националистов, имевшие обратный эффект — волну протеста, к которой присоединились люди, ранее думавшие лишь о хлебе насущном.

Опуская детали обстоятельств рождения партии Дустур, которую впоследствии стали называть «старой», в отличие от партии, возглавленной Бургибой (сведения о лидерах Старого Дустура см. в Биографическом приложении), отметим, что апогей ее популярности пришелся на 1920–1922 гг., когда она создала вокруг себя своего рода «аморфный анти-

¹⁴⁶ См., например: Hourani A. Histoire des peuples arabes. Paris: Seuil, 1993, p. 434–435.

империалистический фронт»¹⁴⁷, реанимировав традиции довоенной организации младотунисцев, и находилась в руках столичного патрициата.

Благодаря своему положению, дустуровцы сумели заручиться поддержкой со стороны членов царствующего дома Хусейнидов, включая самого бея Мухаммеда ан-Насера (1906-1922), а также принца Монсеф-бея, и в короткий срок завоевали симпатии широких слоев местного населения. Сочувствовали им и в левых кругах европейских поселенцев. Так, один из лидеров Тунисской федерации Французской социалистической партии (СФИО) – Дюран-Анливьер присоединился к делегации дустуровцев, направленной в конце 1920 г. для переговоров в Париже, на которых был поднят вопрос о введении в протекторате представительных учреждений и восстановлении тунисской конституции¹⁴⁸. Это была уже вторая подобная делегация (по-арабски *вафд*). Первая, состоявшая из 5 человек (три адвоката, в их числе секретарь партии Дустур – Ахмед ас-Сафи, и двое религиоз-

¹⁴⁷ Иванов Н. А. Кризис французского протектората в Тунисе (1918–1939 гг.). М.: Наука, с. 55. Более удачным нам кажется определение раннего Дустура как партии-коалиции, внутри которой сотрудничали представители нескольких тенденций национального движения, «сохранявших свободу своих действий и взглядов» (*Lejri M.-S. Evolution du mouvement national. Des origines à la deuxième guerre mondiale. Vol. I, Tunis: Maison Tunisienne de l'Édition, 1974, p. 206*). В дальнейшем межличностная конкуренция, равно как изменение обстановки, на которую реагировали дустуровцы, влекли за собой расслоение партии. Узловой точкой в процессе этого расслоения становится апрель 1922 г., когда в регентстве были введены выборные учреждения и населению, соответственно, предоставлено избирательное право – частичное для тунисцев и всеобщее для французов. Тогда и обнажились изначальные противоречия между а) «реформистами», по сути республиканцами и сторонниками безусловной ориентации на Францию, и б) «экстремистами», как называли их французы. Последнее определение – не точное, ибо основное течение в партии тоже было реформистским, но ориентированным на эмансипацию Туниса в форме конституционной монархии и на основе модернизированного ислама. Закоснев в этих убеждениях, руководители Либерально-конституционной партии все больше выглядели в глазах молодого поколения дустуровцев во главе с Бургибой, да и французов «традиционалистами», хотя именно от них Новый Дустур принял эстафету обновленческих идей, придав им более светский характер (Подробнее см.: *Mahjoubi A. Les origines du mouvement national en Tunisie, 1904-1934, Tunis: Publications de l'Université de Tunis, 1982*).

¹⁴⁸ Делегацию, которая пробыла во Франции до февраля 1921 г., возглавлял Тахар Бен Аммар – крупный землевладелец и умеренный националист. Она оставила в Париже своим представителем Фархата Бен Аййеда.

ных шейхов-марабутов[7]), побывала в Париже летом 1920 г. Но ее миссия не увенчалась успехом, если не считать бесед с представителями прессы, некоторыми депутатами от оппозиции, а также приема у г-на де Бомарше, заместителя начальника отдела Африки министерства иностранных дел.

Еще раньше, а именно в 1919 г. группа тунисских деятелей с помощью студентов, обучавшихся в Париже, развернула бурную пропагандистскую кампанию во французской столице. Они посещали редакции газет, отдельных журналистов и парламентариев с целью добиться постановления тунисского вопроса на Парижской мирной конференции. Тогда же было объявлено о создании «Тунисской партии свободы», или просто – «Тунисской партии», видимо, не имевшей никаких четких организационных контуров¹⁴⁹, но послужившей основой для будущего Дустура, который весной 1920 г. обнародовал свой манифест, а на следующий год приступил к созданию первичных ячеек, появившихся в столице и на периферии.

В энциклопедических справочниках и научных публикациях советского времени было принято различать Старый Дустур как буржуазно-помещичью партию и Новый Дустур – как мелкобуржуазную, что укладывается в понятную схему, но далеко не полно отражает специфику истории и состава обеих организаций. Партия Дустур, которая была учреждена в феврале 1920 г., когда в Тунисе состоялась демонстрация против реформы хабусов и нелегально было создано руководство партии¹⁵⁰, сразу набрала

¹⁴⁹ Впервые Тунисская партия заявила о себе в апреле 1919 г. Воспользовавшись проездом через Рим президента США, она подала ему от своего имени меморандум. Его текст отражал надежды, вдохновленные небезызвестной декларацией Вильсона «Четырнадцать пунктов», обещавшей в послевоенном мире право для всех народов распоряжаться своей судьбой. Разумеется, ответа не последовало (*Kassab A. Histoire de la Tunisie. L'époque contemporaine. Tunis: STD, 1976, p. 379*).

¹⁵⁰ Подробнее о структуре руководства, созданного стараниями Ахмеда ас-Сафи и Хасана Геллати, см. Иванов Н. А. Указ. соч., с. 46, 48. В литературе довольно часто называется июнь 1920 г. как время основания партии Дустур. В этом месяце ее манифест, составленный еще в марте и получивший одобрение шейха Таальби, появился в печати. Первой его обнародовала газета «*Ас-Савваб*», которая вышла 15 июня с публикацией тезисов манифеста под крупным заголовком «Дустур в Тунисе» (*Kassab A. Op. cit., p. 381*). Вскоре, 18 июня, в день праздника розговенья, делегация из 30 человек во главе с шейхом Садоком ан-Ниффером посетила дворец и вручила бейю Мухаммеду ан-Насеру петицию с тысячами подписей, в которой говорилось: «Тунисская нация обращается с просьбой к своему возлюбленному государю признать все принадлежащие ей права и вольности». Далее

силу, и в ней сотрудничали представители разных общественных направлений. Например, бывшие младотунисцы Хасан Геллати и Мухаммед Ноаман (авторы Манифеста партии, составленного 7 марта 1920 г.), а также генеральный секретарь Дустура, Ахмед ас-Сафи, о котором упоминалось выше, состояли в местном отделении Французской социалистической партии. (Двойное членство тогда было в порядке вещей). Некоторые дустуровцы с 1921 г. примкнули к коммунистическому движению. Западники левого толка, принимавшие участие в создании Дустура, как правило, оставляли его ряды, одни через год-другой перекочевали в Реформистскую партию, другие – позднее – в Новый Дустур, третьи вовсе покинули политическую сцену¹⁵¹.

излагались требования из 8 пунктов, к которым впоследствии добавился 9-й пункт «о всеобщем и обязательном начальном образовании», некогда занимавший центральное место в программе «младотунисцев», опубликованной 7 февраля 1907 г. (см. наш комментарий [3]). Все тот же энергичный шейх ан-Ниффер, представитель богословских кругов аз-Зейтуны, в мае 1920 г. подал Генеральному резиденту – Этьену Фландену меморандум относительно сохранения частных хабусов (вакфов), покушение на институт которых взбудоражило общественность. Во время наступившего Рамадана собирались подписи под вышеупомянутой петицией, адресованной бео. Таким образом, из совокупности этих шагов и складывалось образование Дустура, которое падает на первую половину 1920 г.

¹⁵¹ Например, один из видных деятелей партии Дустур 20-х годов – Шедли Хайраллах, издатель газеты «La Voix du Tunisie» (с 1930 г.), был до этого первым председателем эмигрантской организации «Североафриканская Звезда», созданной не без влияния марксистов и действовавшей в Париже. На собрании руководства партии Дустур, состоявшемся в январе 1927 г., Шедли Хайраллах назначается ее постоянным представителем во Франции. Через год он был депортирован из Франции за антиколониальную агитацию, на родине встречается с Бургибой, завязалось их журналистское сотрудничество. В 1930 г. Хайраллах часто видели на улице Сиди аль-Хакк вместе с торговым служащим Тайебом Деббабом (активным коммунистом) в доме г-жи Херман, урожденной Рената, итальянки. Она собиралась основать в Тунисе филиал литературного общества «Les Amis du Monde», которое возглавлял Анри Барбюсс (*Kraiem M. Op. cit., p. 132*). В начале 1935 г. Ш. Хайраллах берет на себя руководство Новым Дустуром, учредители которого находились в ссылке. Возглавил 3-е политбюро, организовывал ряд массовых демонстраций и вел пропаганду в пользу партии Новый Дустур, вместе с тем стремился выполнить роль мирного посредника между властями и ссыльными. Обвиненный в самовольном искажении доктрины партии, попытке совместить ее принципы с идеями довоенной организации «младотунисцев» и

Напротив, усиливалось влияние религиозно настроенных лиц. Среди них можно назвать, например, Тауфика аль-Мадани, одного из будущих идеологов и главу (в пятидесятых) алжирской Ассоциации улемов-реформаторов, или «штатного певца» Дустура, а заодно и придворного лирика – Шедли Хазнадара, которому принадлежит достойное место на пьедестале основоположников «патриотического» жанра арабской поэзии XX века.

Штаб-квартирой Дустуровской партии в начале ее существования служил дом одного из основателей этой партии Али Кахья, расположенный на самой «знатной» улице старого Туниса, улице Паши (*нахдж Баши*), которая вьется от северо-западных ворот средневекового города к Касбе, главной площади, где еще в эпоху правителей Хафсидов (1229-1574) сложился комплекс административных зданий. В османские времена на этой улице, от которой рукой подать до Большой мечети, селились приближенные бея и военачальники, по ней шествовали кавалькады всадников, янычар и мамлюков [8]. Здесь находились «дворцы», которые, как водится на мусульманском Востоке, представляют собой мало примечательные снаружи здания, выделяющиеся разве что красивым порталом и богато украшенными изнутри. В одном из таких зданий по улице Паши, точнее – на ее ответвлении, в переулке Гарнута (переселенцев из Гранады), в доме Али Кахьи проходили собрания дустуровцев, а по сути заседал кружок друзей, принадлежавших к сливкам местного общества, *айанам*, то есть нобилитету, хотя некоторые были из обедневших семей, но с хорошими связями.

К партии Дустур, которая на первых порах была довольно бесформенной организацией, примкнули и аристократы, близкие к дворцовым кругам, и мелкий чиновный люд, студенты медресе и светских учебных заведений... Тон задавали, однако, тяготевшие к панарабизму сторонники шейха Абдельазиза Таальби, скорее духовного, чем практического лидера Старого Дустура, который вместе с Ахмедом Сакка, своим переводчиком и наперсником, попытался поставить вопрос о будущем Туниса на Парижской мирной конференции, а в начале 1920 г., по другим сведениям – в ноябре 1919 г., опубликовал во Франции памфлет под выразительным назва-

Старого Дустура, он отошел от партийно-политической деятельности, продолжая издавать газету патриотического направления «La Voix du Tunisie». Траектория судьбы Шедли Хайраллаха, сына придворного сановника высокого ранга – Хайраллаха бен Мустафы, бывшего участника движения «младотунисцев», по-своему показательна. (Подробнее о нем см. ниже и в Биографическом приложении).

нием «La Tunisie-martyre» («Тунис-Мученик»), где в идиллических тонах рисовалась государственность эпохи тунисских беев-реформаторов.

Лейтмотивом этой книги, снабженной обильными статистическими выкладками, была идея общей деградации Туниса под режимом протектората. Особое место в памфлете занимало осуждение политики колониальных властей, направленной на обезземеливание тунисцев¹⁵². В заключительной части выдвигались следующие требования тунисского народа:

Натурализация всех лиц, родившихся в Тунисе или проживших в нем более десяти лет (что в данном случае следует понимать как переход иностранцев в подданство тунисского бея), равенство всех перед законом. Прекращение практики конфискации тунисской земельной собственности, восстановление прав и прерогатив бейской фамилии, передача исполнительной власти бею и его министрам, которые должны отчетываться перед Верховным советом. Образование этого совета в составе 60 членов – исключительно тунисцев, как предусматривалось утраченной конституцией 1861 г. Реорганизация судебной системы, обязательное начальное образование на арабском языке и сохранение французского языка в средней школе, развитие здравоохранения и т.д. Проведение земельного кадастра и признание земельных прав племен, свобода частного предпринимательства. Создание банков для финансирования сельского хозяйства, торговли и промышленности, покровительство властей в деле организации предприятий. Наконец, предоставление рабочим и служащим права на объединение в профессиональные союзы и ассоциации. Книга, изданная по-французски и не имеющая арабского оригинала, предназначалась для европейского читателя.

В своих действиях, рассчитанных на внимание международной общественности, дустуровцы сознательно копировали египетских националистов во главе с Саадом Заглулом, которые весной 1919 г. сумели направить на Парижскую мирную конференцию делегацию из 55 человек, рассчитывая на решение держав-участниц об отмене британского протектората над Египтом. В ходе подготовки этой делегации, поездке которой предшествовали драматические события (арест Саада Заглула и его высылка на Мальту, вспыхнувшее в ответ народное восстание т.д.), сложилась влия-

¹⁵² «Мы должны вскрыть истинный характер французской колонизации в Тунисе: это борьба не на жизнь, а на смерть, крестовый поход против нашего общества, это организованный грабёж наших богатств» (La Tunisie martyre. Ses revendications, Paris: Jouve et Cie, 1920, p. 112).

тельная буржуазная партия, которая приняла своим названием «Вафд» (Делегация), а после предоставления в 1922 г. Египту формальной независимости неоднократно одерживала победу на парламентских выборах и формировала кабинеты министров. Как известно, парламентарии-вафдисты принадлежали к классу египетских пашей, крупных земельных собственников, местных «феодалов», втягивавшихся в капиталистическое предпринимательство [9].

В свою очередь, верхушку Либерально-конституционной партии (Дустур) составили именитые люди, отпрыски известных фамилий, отцы и деды которых служили при дворе, занимали должность верховных кадиев (мусульманских судей), принадлежали к числу цеховых старейшин и т.п. Провинциалы и выходцы из среднего сословия в числе отцов-основателей партии Дустур были редкостью [10]. Как правило, эти люди имели светское образование, некоторые успели пожить и поучиться во Франции. Правда, в дустуровский круг входили и богословы, которых принято называть шейхами, даже если они не заняты непосредственно религиозной деятельностью. Большинство из них закончили в Тунисе-столице старинный мусульманский университет аз-Зейтуна (на местном диалекте: *аз-Зитуна*), который являлся одним из крупнейших учебных заведений такого рода в арабском мире, в средние века мог поспорить славой с каирским аль-Азхаром, а в Магрибе делил ее лишь с марокканским университетом аль-Карауин (г. Фес). В аз-Зейтуну отправлялись за религиозным образованием не только тунисцы, но и выходцы из других мусульманских стран, прежде всего – алжирцы.

Воспитанником аз-Зейтуны являлся и шейх Абдельазиз Таальби, в довоенные годы опубликовавший книгу «Дух свободы в Коране» (Париж, 1905 г.) и принимавший участие в движении младотунисцев, не полностью разделяя их взгляды. Затем он много путешествовал, главным образом по Востоку, побывал в Турции, Египте, Индии, останавливался в Париже. Возвратясь домой, на несколько лет целиком ушел в частную жизнь. Вновь выехал во Францию 10 июля 1919 г., предварительно посетив бейский дворец, где завел разговор о конституционном правлении. Его детище «Тунис-мученик», в арабском переводе «*Тунис аш-Шахид*» – довольно пространное сочинение на 200 страницах, было опубликовано анонимно и первоначально предназначалось для французских и других европейских дипломатов, журналистов и политиков, участвовавших в Парижской мирной конференции или освещавших ее работу. Но вскоре памфлет оказался в Тунисе, где им зачитывались, передавая книжку из-под полы.

Появившийся практически одновременно манифест партии Дустур повторял основные положения «Туниса-мученика» с той разницей, что в памфлете шейха Таальби содержался, как пишет Н.А. Иванов, призыв «назад к дустуру», то есть к конституции 1861 г., предусматривавший функционирование Верховного совета в форме назначаемого законодательно-совещательного органа, при этом чисто тунисского по составу, тогда как манифест и другие прокламации партии делали упор на равноправии обеих этнических групп (европейской и тунисской) и на развитии выборных начал в общественно-политической жизни страны¹⁵³. Тем не менее, «Тунис-мученик» и сейчас рассматривается как произведение, давшее толчок дустуровскому и – шире – национальному движению. На протяжении полутора десятков лет шейх Таальби являлся символом этого движения; а тем временем само слово «дустур» закрепилось в массовом сознании и тунисском общественно-политическом словаре как синоним слова «патриотизм» и обозначение партии националистов.

Многие историки отмечают, что А. Таальби – профессиональный литератор и выразитель модернистского течения в мусульманской мысли по своему личному характеру не был призван к политическому руководству. И даже его авторство знаменитого памфлета остается под сомнением¹⁵⁴. Выдвижение в лидеры этого человека стало результатом стечения

¹⁵³ Иванов Н. А. Указ. соч., с. 48. Следует уточнить, что пожелание, выраженное в «Тунисе-мученике», восстановить Верховный совет, который состоял бы из одних тунисцев, не исключало возможности участия в нем европейцев, если они станут подданными бея. Что касается «Манифеста» партии Дустур и требований первой тунисской делегации в Париже, возглавленной Ахмедом ас-Сафи, то они предусматривали создание в Тунисе представительной ассамблеи с участием европейцев, которые составляли бы 1/3 или половину депутатов. Комментируя этот пункт в тунисской газете «L'Avenir Social» 24 июня 1920 г., Геллати обосновывал его тем, что французская колония «обладает более высокими техническими и научными знаниями». Вопрос о присутствии на территории Туниса французской армии дустуровцы обходили молчанием (*Mahjoubi A.* Op. cit., p. 225-227).

¹⁵⁴ Серьезный повод для таких сомнений подает тот факт, что шейх Таальби не владел французским языком. Во всяком случае, не знал французский настолько, чтобы пользоваться всем его изяществом и выразительными средствами. Наиболее вероятным автором (или соавтором) памфлета называют тунисца Ахмеда Сакку, который тесно сотрудничал с Таальби в Париже, а сам работал помощником одного из левых депутатов французского парламента. Бытует и версия, что «Тунис-мученик» – плод коллективного творчества нескольких человек. Книга была от-

обстоятельств, в том числе неуклюжих шагов французской администрации. 11 июля 1920, когда Париж еще не успела покинуть первая делегация дустуровцев, которым находившийся здесь Таальби помогал установить полезные связи, он подвергся аресту по распоряжению французского Генерального резидента в Тунисе. Вскоре он был выслан из Франции, доставлен на родину, где и предстал перед судом, который приговорил его к пяти годам тюремного заключения по статье «за покушение на государственную безопасность». Арест Таальби прославил его имя, вся арабская печать от Туниса до Ирака именovala его «тунисским Заглулом», а сам он приобрел в глазах общественности ореол шахида и национального героя.

Прибывший в Тунис весной следующего года новый Генеральный резидент Люсьен Сэн, пообещавший проводить политику «сотрудничества с тунисским элементом», счел за благо выпустить Таальби из тюрьмы, где тот провел девять месяцев. Со всех сторон к нему прибывали приветствия и поздравления, а также депутации восхищенных граждан, которых шейх принимал в доме Али Кахьи. Сюда приходили делегации трамвайщиков и рабочих железной дороги, почтальоны с поздравительными телеграммами и гонимцы с письмами из отдаленных мест. В этих посланиях содержались

печата на тиражом в 2 тыс. экземпляров, из которых 400 тайно переправлены в Тунис. Несколько экземпляров разосланы в редакции крупных европейских газет и журналов в Испанию, Италию, Англию и Швейцарию, а также по турецким, египетским и сирийским адресам (См.: Иванов Н. А. Указ. соч., с. 43-44). Показательно, что в докладной записке генерала Робийо, начальника французского военного контингента в Тунисе, от 5 августа 1920 г. прозвучало особое опасение на тот счет, что Таальби действовал по заданию Баш-Хамбы. Имелся ввиду Мухаммед Баш-Хамба. Последний находился то в Женеве, то в Берлине, проживал уже много лет в эмиграции, а в годы войны, симпатизировал кайзеровской Германии. (Как и его брат – бывший лидер младотунисцев Али Баш-Хамба, умерший в 1918 г. в Стамбуле). Автор докладной записки, адресованной Генеральному резиденту в Тунисе, отмечал, что после ареста Таальби на его парижской квартире была найдена обширная заграничная корреспонденция хозяина и несколько машинописных черновиков книги «Тунис-мученик». Из этих материалов и агентурных данных вытекало: если Таальби и не был автором всех глав, то он руководил подготовкой рукописи к печати, участвовал в распространении книги не только во Франции, «что не имело бы особого значения», но и в Тунисе. Общий вывод: «книга содержит фальшивые обвинения против Франции, полна духом ксенофобии, а ее цель – возбудить в населении ненависть ко всему французскому и всему, что связано с Францией» (См.: «Watha'iq», № 24-25, 1998-1999, p. 27-30).

жалобы на притеснения, чинимые французами, и слова поддержки в адрес людей, сумевших поднять голос против иностранного засилья.

В мае 1921 г. состоялось совещание дустуровских активистов, на котором избрали Исполнительную комиссию, или комитет (*дяджени таифизийя*), в составе 27 человек¹⁵⁵. Официальным вождем партии был объявлен Абдельазиз Таальби¹⁵⁶, генеральным секретарем остался Ахмед

¹⁵⁵ Трое из них – представители еврейской общины Туниса не стали участвовать в работе Исполнительной комиссии, поэтому она состояла из 24 человек. В том числе крупные землевладельцы и собственники городской недвижимости (Мустафа Ага, Мануби Даргут, Али Кахья, Хаммуда аль-Мстири, Тайеб Радван, Фархат Бен Айед, Тахар Бен Аммар), коммерсанты (Мухаммед Тили, Мухаммед Бен Аммар, Салах Бен Яхья), преподаватели аз-Зейтуны (шейх Садок ан-Ниффер и шейх Ахмед Джайт), офицер бейской гвардии Шедли Хазнадар, остальные адвокаты и журналисты. Некоторые из этих последних принадлежали к знатым семьям (например, Шедли Мурали), другие помимо журналистской деятельности, весьма непостоянной, занимались ремеслом: один башмачник (Тайеб Бен Айсса), другой портной (Мухаммед Джайби), третий бакалейщик (Слиман аль-Джадв). Ответственными за печать, а значит, и за пропаганду являлись адвокат Тайеб Джамаиль и недоучившийся студент аз-Зейтуны – Тауфик аль-Мадани, который в тунисском высшем обществе не принадлежал. Поскольку 21 марта 1921 г. в Тунисе был отменен действовавший на протяжении 9 с лишним лет режим «осадного положения», Исполнительная комиссия партии работала фактически легально. Ее собрания, напоминавшие небольшие митинги, происходили открыто, в них по желанию мог участвовать любой дустуровец, лишних не пропускали только в случае, если не хватало места (*Mahjoubi A. Op. cit., p. 257-258*).

¹⁵⁶ Утверждение, что в мае 1921 г. шейх Таальби «стал официальным вождем и председателем партии» (*Иванов Н. А. Указ. соч., с. 53*) во второй части ошибочно. Арабская пресса и вправду именвала вождя националистов «саадад ар-раис», что в самом общем смысле означает: «г-н президент, ...начальник, глава» и т.п., однако Таальби не был официальным председателем Дустура, довольствуясь простым членством в партии (См., например: *Mahjoubi A. Op. cit., p. 257*). К авторитетному мнению шейха прислушивались, даже когда он был вдалеке от страны. По возвращении Таальби на родину после эмиграции (1923-1937 гг.) у него на квартире устраивались политические совещания; и так велось до его кончины. В межвоенный период практическое руководство Дустура, затем – Старого Дустура находилось в руках «тройки»: Ахмед Сафи (ум. 1935 г.), Салах Фархат и Мохиддин Клиби. Последний несколько позже, чем первые двое, вошел в руководство Дустура, становится одним из секретарей Исполкома и с 1923 г. считался неформальным «директором» партии, поскольку был занят вопросами ее организационного строительства; пользовался особым доверием Таальби.

ас-Сафи. Начались сбор средств в партийную кассу и выдача членских билетов¹⁵⁷. Тем не менее уже летом 1921 г. вспыхнула публичная полемика между Таальби и Геллати, к последнему присоединился Ноаман. В своих статьях они высмеивали шейха как «недалекого фанатика» и честолюбца, а публикацию уже ставшего знаменитым памфлета «Тунис-мученик» осуждали за ненужный удар по самолюбию французской общественности. В ответных газетных публикациях «геллатисты» были названы политическими двурушниками и оппортунистами. Не осталось без внимания их небрежение правилами мусульманского поведения в быту. Масла в огонь подливала и начавшаяся в 1921 г. дискуссия между социалистами и коммунистами; как раз в том году образовалась местная секция ФКП [11]. Первые поддерживали группировку Геллати – Ноамана, вторые защищали Таальби и ас-Сафи¹⁵⁸.

Неоднородность состава национального движения привела к первому расколу партии Дустур, из которой в результате этой полемики вышла группировка «западников» во главе с Хасаном Геллати, основавшим эфемерную, впрочем, Реформистскую партию (*Хизбу-ль-ислах*) [12]. В отличие от большинства дустуровцев, она с одобрением встретила введенные в июле 1922 г. – шестью декретами бея и одним декретом французского Генерального резидента – административные новшества, опробованные в Алжире. Такие, как создание советов, избираемых нотаблями в каидатах и крупных областях [13], а также Большого Совета, наделенного правом обсуждать местный бюджет и состоявшего из двух секций: европейской и тунисской.

По поводу этих реформ, незадолго до введения которых прокатились

¹⁵⁷ По его словам, Тауфик аль-Мадани в сентябре 1921 г. получил вдвоем с другим членом Исполнительной комиссии, Мухаммедом Джайби, задание начать организацию партийных ячеек в провинции, что оба и сделали, отправившись в населенные пункты восточного побережья страны по «линии» Сус – Габес. Их миссия увенчалась успехом (См.: Тауфик аль-Мадани А. *Хайату кифах* [Жизнь в борьбе], т. 1, Алжир, 1976, с. 228-233; *Mahjoubi A. Op. cit., p. 259*).

¹⁵⁸ В свою очередь, отношения между «вождем» и генеральным секретарем Дустура развивались не в лучшую сторону. Ахмед ас-Сафи представлял, условно говоря, центристскую линию в руководстве партии, Таальби – «экстремистскую». Более решительный националист, чем «геллатисты», Ахмед ас-Сафи стремился неукоснительно держаться юридических формулировок в тунисских требованиях (не преступая границ, очерченных договорами о протекторате) и обвинял Таальби в сговоре с коммунистами, которые через свою газету «L'Avenir Social» высказывались за независимость Туниса (и в этом пункте сходились с шейхом).

массовые демонстрации в поддержку бея ан-Насера, пригрозившего отречением от престола, если пожелания тунисской стороны не будут удовлетворены. разошлись мнения внутри самой партии Дустур¹⁵⁹. Наступило разочарование куцым эффектом реформ, которые лишили, однако, националистов их главного лозунга (перестроить систему управления регентством), а также тщетой усилий, проявленных дустуровцами в ходе апрельского кризиса 1922 г., когда они пытались повернуть дело в нужное им русло. К тому же наметилось охлаждение отношений между дворцовыми кругами и лидерами партии. Понес урон своему авторитету, шейх Таальби в июле 1923 г. надолго покидает страну. Его путь лежал в Италию, а затем в Каир.

Подготовка реформ, позже названных Бургибой «мерзким надувательством»¹⁶⁰, шла уже в начале 1922 г., и за них горячо ратовали тунисские социалисты. Между тем известие об отмене британского протектората над Египтом (28 февраля 1922 г.) подхлестнуло боевой дух дустуровцев. Для некоторых настало время заявить о том, что долго скрывалось, о желании независимости. Определенные иллюзии, видимо, возникли у самого бея, который поспешил действовать, поскольку близился час визита в Тунис президента Французской республики А. Мильерана, объезжавшего Северную Африку¹⁶¹. 3 апреля бей Мухаммед

¹⁵⁹ Одним из характерных эпизодов было образование в мае 1922 г. по инициативе бывшего представителя Дустура во Франции — Фархата Бен Аййеда так называемой Независимой Дустуровской партии. Она не предполагала ни клятвы верности при вступлении в нее, ни членских взносов. Развернула активные нападки на бывших соратников, однако ее деятельность сошла на нет, когда Фархат Бен Аййед получил в 1924 г. придворную должность хранителя печати, «посвятив остаток своей жизни службе протекторату». Кроме него в «независимый» Дустур ушли члены Исполкома партии — Шедли Мурали и Тайеб Бен Айсса (*Mahjoubi A.* Op. cit., p. 307-309).

¹⁶⁰ Статья в «L'Action Tunisienne» 21 февраля 1933 г. (Цит. по: *Bourguiba H.* La Tunisie et la France. Vingt-cinq ans de lutte pour une coopération libre, Paris: Julliard, 1954, p. 33).

¹⁶¹ Визит начался с Марокко, где все прошло гладко. В Алжире раздался один недовольный голос: выступление в мечети эмира Халида (род. в Дамаске в 1875 г., внук эмира Абд аль-Кадера), который потребовал представительства мусульман в парламенте Франции. За это эмир Халид — выпускник военного училища Сен-Сир, участник французской кампании 1912 г. в Марокко и волонтер на первой мировой войне — был выслан в начале 1923 г. из Алжира и поселился в Египте, получив от французского правительства солидную пенсию (*Ganiage J.* Op. cit., p. 424). Затем появился во Франции, откуда был выслан в 1924 г., и вернулся в Египет, а потом в Сирию, где в 1936 г. скончался. Считается человеком, «разбудившим» национальное движение в Алжире: безуспешно пытался создать в

ан-Насер предъявил французам подлинный ультиматум. Это был список из 18 пунктов, воспроизводивший программу-минимум партии Дустур, дополненную рядом требований в отношении царствующей фамилии, которая желала к себе «уважения, соответствующего ее традициям, престижу и положению». А также невмешательства в ее семейные дела. Среди важнейших пунктов был вопрос о прекращении официальной колонизации, то есть расширения европейского земельного фонда. Между беем и французским Генеральным резидентом возник конфликт, слухи о нем наполнили город, и 5 апреля по призыву руководства Дустура закрылись базары, мусульманские кварталы замерли. Огромная толпа во главе с А. Таальби направилась к летней резиденции бея в Ла-Марсе (километрах в 20-и от столицы), куда монарх отправился раньше положенного времени. Несколько дней подряд торговцы и ремесленники не возобновляли работу, молодежь массами вступала в Дустур, получая членские билеты. То там, то здесь устраивались демонстрации в поддержку бея и национальных требований. Конфликт в верхах, впрочем, закончился мирно, бей взял назад угрозу своего отречения, и вопрос об ультиматуме был забыт. 27 апреля А. Мильеран прибыл в Тунис, не упустив случая напомнить о «нерасторжимых узах Туниса и Франции». Вскоре после президентского визита престарелый Мухаммед ан-Насер тяжело заболел и умер. Декреты об ограниченных реформах, по сути увеличивших через систему выборных собраний роль европейцев в управлении страной, подписал в июле 1922 г. бей Мухаммед аль-Хабиб (1922-1929). При нем дустуровцы потеряли свободный доступ во дворец, и не исключено, что бей каким-то образом подтолкнул Таальби к эмиграции, шантажируя шейха некими туманными секретами из его личной биографии¹⁶².

1922 г. политическую ассоциацию «Алжирское братство» (*Ланда Р. Г.* История Алжира XX век, М.: ИВ РАН, 1999, с. 55).

¹⁶² Спустя четыре месяца после отъезда Таальби, 30 ноября 1923 г., из генеральной резиденции в Тунисе письмом на имя Пуанкаре сообщали: «стремясь доказать, что бегство Таальби не привело к исчезновению партии, они (дустуровцы — *М.В.*) пользуются любым поводом, чтобы создать шум вокруг себя». Однако теперь это уже «не та партия, которая добивалась "Конституции",... они лишь от случая к случаю упоминают знаменитые тунисские "требования", которые, будь они реализованы, и составили бы "конституцию". Главная причина подобного молчания проета — июльские реформы 1922 г. воплотили в жизнь все, что было разумного из пожеланий дустуровцев». Отныне, продолжает текст письма, обнажились и вышли на первый план их истинные цели, а именно: вести неистовую борьбу с Францией, «подорвать ее позиции в Тунисе и дожидаться в один прекрасный день ее ухода». Однако силы партии «все больше сводятся к ее штабу», а из средств пропаганды у дустуровцев осталось всего три газеты: две в г. Тунис и одна в г. Сфакс — вместо «многочисленных листов, поддерживавших дело партии еще год тому назад» (См.: «*Watha'iq*», № 24-25, 1998-1999, p. 50-52).

Едва организовав отделения и ячейки на местах, партия Дустур в середине 20-х годов отмежевывалась от профсоюзного движения¹⁶³ и впадала в бездействие, но все же оставалась наиболее притягательной организацией для патристически настроенных слоев образованного общества, ратуя за всеобщее избирательное право для тунисцев (мужского пола)¹⁶⁴, разделение властей, исполнительную, законодательную и судебную, свободу прессы, бесплатное начальное образование и т.д., имея при себе спортивные клубы и литературные кружки. Хабиб Бургиба вступил в нее, как уже сообщалось, в 1922 г. и вернулся к активной работе с 1929-1930 гг. в качестве автора аналитических статей в дустуровских изданиях. Вскоре создал собственную газету, а в мае 1933 г., на съезде партии, вошел в состав ее Исполкома, настояв на включении в программу («Хартию»), которая была здесь принята, ряда новых требований. Однако уже в сентябре того же года наметилось второе, и более серьезное, размежевание в рядах Дустура, когда группа сторонников Бургибы покинула Исполком, обвинив старших коллег в инертности и соглашательстве. Расхождения возникли прежде всего по тактическим вопросам, касавшимся, в частности, реакции на натурализацию тунисцев, то есть предоставление им французского гражданства, к чему мы вернемся в другой связи. Ссора же внутри Исполкома разгорелась и вовсе, казалось бы, по мелкому поводу: «старички» посетили Генерального резидента, минуя Бургибу, о чем тому стало известно через одного из участников визита, Бахри Гигу¹⁶⁵, выдавшего секрет. Последовал

¹⁶³ Подробнее см.: *Menaja A. Mohammed Ali al-Hammi. Fondateur du Syndicalisme Tunisien, Tunis: Artypo, 1985.*

¹⁶⁴ Напомним, что этим правом до второй мировой войны не пользовались французы. За уравнение женщины в избирательных правах впервые высказалась Временная консультативная ассамблея, созванная 3 ноября 1943 г. в Алжире после образования здесь Французского комитета национального освобождения (ФКНО). Причем голосованию ассамблеи 24 марта 1944 г. по данному вопросу предшествовала бурная дискуссия. Поступали предложения допустить французов к выборам в парламент, но не к муниципальным и кантональным выборам. Самой экзотической идеей, вспоминал Фернан Гренье — тогдашний комиссар по делам авиации, было предложение наделить женщин правом баллотироваться в депутаты, но право голоса на парламентских выборах оставить только за мужчинами (*Grenier F. C'était ainsi... (souvenirs), Paris: Editions sociales, 1959, p. 167.*)

¹⁶⁵ Бахри Гига, как и Тахар Сфар, оба будущие учредители Нового Дустура, были школьными товарищами Хабиба Бургибы по лицезу Карно, где их называли

разрыв, имевший не только характер конфликта поколений, но и социальную подоплеку, которая со временем становилась все более очевидной¹⁶⁶.

Таким образом, в руководстве Дустура образуется фракция¹⁶⁷, которая вскоре проводит свой чрезвычайный, раскольнический съезд, присвоив себе, название Новый Дустур (хотя приставка «новый», *джадид*, в документах, воззваниях и манифестах, исходивших от этой партии, довольно часто опускалась). Наступали и такие моменты, когда движение «обоих Дустуров» готово было слиться вновь в единое русло; но все же более деятельная и организованная партия Новый Дустур выиграла схватку за лидерство и подтвердила верность своего направления в вопросе о путях к достижению независимости страны.

После партийного раскола, идейно подготовленного выступлениями газеты «L'Action Tunisienne», первый номер которой вышел 1 ноября 1932 г.¹⁶⁸, и ставшего необратимым, когда 2 марта 1934 г. Бургиба орга-

«тройцей сахельцев» (*Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 33.*) Хотя первый из них, строго говоря, был из другого района — местечка Такруна на возвышенности у залива Хаммамет. Это чуть севернее Сахеля. Кстати, Такруна одно из редких селений Туниса, кроме расположенных в горном массиве Матмата (иначе Ксур) на юге страны, где сохранились берберские диалекты. «Троица» продолжала встречаться в Париже, где Бахри Гига в 1930 г. защитил диссертацию «Эволюция шарриата и его применение в юридической практике Туниса». С ноября 1932 г. — сотрудник газеты «L'Action Tunisienne», 12 мая 1933 г. был избран вместе с другими членами ее редакции в Исполком партии Дустур.

¹⁶⁶ Анри де Монтети — ученый-социолог и чиновник французской администрации, который по долгу службы следил за деятельностью тунисских националистов, подсчитал в конце 30-х годов, что представители «старинных фамилий», условно говоря, аристократы, составляли около 70 % в руководстве Старого Дустура и всего 15 % среди лидеров Нового Дустура (См.: *Moore Cl.-H. Op. cit., p. 30.*)

¹⁶⁷ Французские спецслужбы называли ее группой «L'Action Tunisienne». Некоторые историки именуют эту фракционную группировку, существовавшую в конце 1933 — начале 1934 г., «Партией действия» дустуровской молодежи (*Kassab A. Histoire de la Tunisie. L'époque contemporaine, Tunis: STD, 1976, p. 414.*)

¹⁶⁸ «L'Action Tunisienne» выходила с 1 ноября 1932 г. по 30 мая 1933 г. (ежедневно), а затем с 16 декабря 1936 г. по 9 апреля 1938 г. (как еженедельник). С разрешения французской администрации, полученного в мае 1934 г., партия Новый Дустур до 3 сентября того же года выпускала дважды в неделю газету на арабском языке под названием «Аль-Амаль» («Действие»). В 1936-1938 гг. параллельно выходили обе газеты, а точнее — два варианта одной и той же газеты, запрещенной 10 апреля 1938 г. в связи с приказом распустить партию Новый Дустур.

низует в городке текстильщиков Ксар-Хелляль учредительный съезд Нового Дустура, материнская, а теперь конкурирующая партия «старый» Дустур стала терять свое влияние. Хотя просуществовала она до конца 50-х годов¹⁶⁹. Носительница образа мысли традиционной, и в основном столичной, городской элиты, «зараженной европейскими веяниями»¹⁷⁰, стародустуровская организация, которую Бургиба и люди его круга именовали на партийном жаргоне «archéos», в отличие от «néos», оставалась в целом на позициях идеализации доколониального прошлого и со временем все больше склонялась к исламофильским настроениям. Ее численность, по оценкам на 1937 г., составляла 9-10 тыс. человек – против 50 тыс. членов новодустуровских ячеек. (Данные французского политического сыска)¹⁷¹. После второй мировой войны Старый Дустур даже более непреклонно, чем «новые», выступал за немедленное провозглашение независимости Туниса, «несмотря на отсутствие организации в подлинном смысле этого слова» и способности завоевать массовую поддержку за пределами дворцовых кругов, корпуса улемов и студентов столичного мусульманского университета¹⁷². В первые годы независимости Старый Дустур представлял собой, по выражению Клемента Г. Мура, всего лишь «предмет антиквариата».

С учетом сказанного выше, приходим к выводу, что особенностью развития Туниса, начиная с 1934 г. и на протяжении двадцати с лишним лет, предшествовавших независимости, было наличие широкого «дустуровского» движения, двухпартийного в своей основе. При этом партия Новый Дустур,

¹⁶⁹ Обе одноименные партии в ряде случаев выступали с согласованными требованиями, но чаще находились в конфликтных отношениях, настолько острых, что дело шло к уличным баталиям. Так произошло в 1937 г., когда из длительной эмиграции вернулся шейх Абдельазиз Таальби, который попытался вернуть национальное движение под свое крыло. Дело кончилось шумными альтернативными митингами и стычками, которые пришлось умирять французской полицией. По ее донесениям, вслед за арестом всех руководителей Нового Дустура (апрель 1938 г.) и временным разгромом этой партии, старые дустуровские ячейки активно вербовали «новых» в свой состав. Возможность объединения конкурентов на платформе «национального фронта» вновь возникла в середине сороковых, о чем свидетельствует, например, совместный конгресс дустуровцев обоих направлений, состоявшийся летом 1946 г. с принятием общей декларации (подробнее см. ниже).

¹⁷⁰ Максименко В. И. Политические партии в переходном обществе. Марокко. Алжир. Тунис. 20-80-е годы XX века, М.: «Наука», 1985, с. 145.

¹⁷¹ Ganiage J. Histoire contemporaine du Maghreb. Paris: Fayard, с. 755.

¹⁷² Себа П. Тунис. Опыт монографии, М.: Изд-во иностранной литературы, 1953, с. 245.

более демократическая по духу и составу, приобрела надежную социальную опору, благодаря своим организационным преимуществам и умелой тактике. Старый Дустур вырождался в клуб, но держался на плаву за счет сближения с религиозными кругами, к которым партия исходно тяготела.

Поскольку эти обстоятельства имели немаловажное значение для процессов модернизации тунисского общества, развернувшихся с 1956 г., остановимся подробнее на истории вопроса. И возьмем за точку отсчета период, когда Бургиба, завершая учебу за границей, пристально следил за событиями в стране. Но, вернувшись на родину, не сразу взялся за политику. На руках у него была семья, хотя и маленькая – жена и сын. Для того чтобы стать адвокатом, он три года работал стажером, пользуясь материальной помощью своих небогатых родственников. И тем временем разбирался в обстановке, изменившейся за годы его парижской жизни, наблюдая за переменами в общественных настроениях. Стали появляться его заметки, а затем и более развернутые выступления в тунисской прессе...

Людовик Святой, «Сатрап» и размежевание националистов (1930-1934)

Какова же была социально-психологическая атмосфера, в которой делались первые шаги начинающих политиков – Бургибы и его товарищей? Ее отличали, с одной стороны, совпадение во времени процессов назревавшего экономического кризиса и демографического «бума», ускоривших пауперизацию крестьян (особенно в северных районах Туниса), миграцию из деревни в город, с другой, – брожение умов, литературные и политические споры, разногласия мнений вокруг актуальных для страны вопросов. Студенческая молодежь возвращалась из Франции, набравшись знаний о теории и впечатлений о практике европейской политической жизни. Таких молодых людей было, конечно, меньше по сравнению с теми, кто выходил из стен аз-Зейтуны и коранических школ; в среднем – несколько десятков против 2 тыс. ежегодно. Но их было заметно больше, чем в других странах Северной Африки. (Например, в 1931-1932 гг. во французских университетах учился 151 магрибинец, в том числе 119 тунисцев, 21 алжирец и 11 марокканцев)¹⁷³. Да и вокруг аз-Зейтуны складывался круг людей, не чуждых интереса к европейским достижениям и мечтавших о другой свободе, нежели та, какой мусульмане пользовались «до французов».

Еще в Париже Бургиба вместе с Махмудом Матри обдумывали планы создания массовой националистической партии. Однако обстановка конца двадцатых этому пока не способствовала. «Горячие» 1924-1925 гг., ознаменованные подъемом стачечного движения и «третьим вафдом», по волеизъявлению партии Дустур в Париж [14], были позади. В регентстве воцарилось внешнее спокойствие. Падение правительства Левого картели (июль 1926 г.) позволило Люсьену Сэну, о возможной отставке которого уже поговаривали, прочно усесться в губернаторском кресле и дослужить в Тунисе почти десятилетний срок¹⁷⁴. С 29 января 1926 г. здесь действовали

¹⁷³ Moore Cl.-H. Op. cit., p. 22. Эти цифры приводятся также в других монографиях. Источник: сообщение Ассоциации североафриканских студентов-мусульман, обучающихся во Франции, которая была основана в 1927 г.

¹⁷⁴ В 1929 г. был переведен на аналогичную должность – Генерального резидента в Марокко, где отметил свою деятельность изданием «берберского дахира» 1930 г., названного так противниками этого султанского указа (см. ниже), выпущенного

драконовские законы, изданные Генеральным резидентом. В стране были существенно ограничены политические свободы, что касалось, разумеется, не только Дустура, но и партий, а также профсоюзов, тесно связанных с социалистическим и рабочим движением в метрополии.

Поясним, что первый в Тунисе рабочий союз (L'Union des travailleurs français) был создан и возглавлен в 1894 г. Виктором де Карньером, крупным колонистом, который, радуя о заселении Туниса выходцами из метрополии, ставил перед этой организацией задачу «завершить дело, начатое в 1881 г. французской армией». Подлинное развитие рабочего движения берет начало с 1900 г., когда по инициативе нескольких французов-каменщиков было создано «интернациональное общество каменотесов г. Тунис», а осенью прошла многодневная стачка железнодорожников. 1 мая 1904 г. впервые была объявлена всеобщая забастовка, в которой участвовали итальянцы, французы и тунисцы, в том числе докеры, кожевники и плотники. С этого времени один за другим стали складываться отраслевые профсоюзы, в создании которых большую роль сыграли социалисты и анархисты (Колозио, Конверти, Буассон, Марандон). 1 мая 1907 г. анархисты провели демонстрацию против «реформистского» течения в синдикализме. Опасаясь их влияния, администрация отказывалась применить в Тунисе французский закон 1884 г. о свободе профсоюзной деятельности¹⁷⁵. После первой мировой войны ведущей силой в рабочем движении страны становится Департаментское объединение Всеобщей конфедерации труда Франции (ДО ВКТ), в котором, правда, ощущались дух патернализма и надменное отношение рабочих-европейцев к местным. Условия деятельности профсоюзов определялись местным законодательством. Оно было относительно либеральным в 1921-1925 гг., то есть в первую половину правления Люсьена Сэна, который при своем появлении в Тунисе отменил «осадное положение» и даровал свободу прессы. Январские декреты 1926 г., изданные тем же Генеральным резидентом, поставили профсоюзы вне закона. Положения декретов предусматривали тяжкие наказания за политические правонарушения. «Всякий, кто разжигал ненависть к властям», провоцировал любым способом недовольство, «способное нарушить общественный порядок», мог быть подвергнут тюремному заключению на срок от двух до трех лет. Уголовные наказания вводились также «за мятежные возгласы и песни» и иные действия, «порочащие государя, правительство и администрацию протек-

по той же схеме, как выпускались бейские декреты в Тунисе. Они разрабатывались французской Резиденцией, вступали в силу со дня опубликования, перед этим украшались монаршей печатью.

¹⁷⁵ Лишь 16 ноября 1932 г. был издан декрет о легализации профсоюзов, которые отныне могли создаваться в Тунисе свободно, без предварительного разрешения правительства. С 23 июня 1933 г. введен восьмичасовой рабочий день (во Франции эта норма была установлена еще в 1919 г.).

тората». Эти указы во многом явились реакцией на первую попытку создания в Тунисе автономных, независимых от ВКТ национальных профсоюзов. Так, осенью 1924 г. под руководством Мухаммеда Али аль-Хамми – молодого человека, начинавшего шофером и сумевшего после войны, живя в Германии, получить образование в области экономики и политических наук, была создана Всеобщая конфедерация тунисских трудящихся (ВКТТ), распущенная властями в феврале 1925 г., вскоре после того, как она провела свой учредительный съезд. Некоторые видные дустуровцы, например, Тауфик аль-Мадани, издатель газеты «Ифрикийя», на первых порах поддерживали ВКТТ, чем было отмечено новое появление партии на политической сцене Туниса как организации, связанной с массовым движением. Его высокая волна пришлась на период с августа 1924 г. по январь 1925 г., когда состоялась крупная забастовка тунисских докеров и прошли другие рабочие выступления. Среди энтузиастов создания автономного профцентра был лидер тунисских коммунистов Жан-Поль Финидори, издатель «L'Avenir Social», по решению суда высланный из страны. Такой же вердикт был вынесен и Мухаммеду Али. Ко времени их ареста вожди Дустура, стремясь всячески опровергнуть тезис о наличии «дустуровско-коммунистического заговора», деятельность ВКТТ уже порицали. Это объяснялось еще и тем, что новообразованный профцентр подчеркивал свою синдикалистскую природу и, следовательно, независимость от какой-бы то ни было партии. Кроме того, лидеры Дустура питали надежду, что правительство Эдуара Эррио санкционирует либеральные реформы в регентстве, поэтому старались создать впечатление, будто они и не помышляют о ликвидации режима протектората, а их партия – отнюдь не возбудитель нарушения общественного спокойствия. Правда, в мае 1925 г., на фоне распространившихся слухов, что французы намерены упразднить тунисскую (шариатскую) юстицию и целиком заменить ее на систему смешанных судов, партия Дустур призвала торговцев и ремесленников к однодневной забастовке, которая нашла естественную поддержку со стороны учащих аз-Зейтуны и стала последней уличной демонстрацией, возглавленной «старым» Дустуром. В следующем году в Тунисе были ущемлены общественные свободы, запрещены стачки и деятельность профсоюзов. Национальное движение пошло на спад, руководители Дустура если не были загнаны в подполье, то спрятались в политических салонах.

На журналистов легла тяжелая рука цензуры. Неусыпное око ведомителей следило как за всевозможными публичными собраниями, вроде собраний футбольной команды или самодеятельной артистической труппы, так и за домашними праздниками, которые могли стать местом подозрительных сходов¹⁷⁶. Тунисские арабоязычные газеты составляли

¹⁷⁶ Французская полиция с беспокойством доносила, что открытие спортивного клуба, состоявшееся 28 декабря 1928 г. в театральном помещении г. Сфакс, сопровождалось пением со словами «О, моя страна, моя страна! Ты моя любовь, и я

предмет особого беспокойства цензоров, поскольку их читали, а точнее зачитывали вслух в кофейнях (они в любой арабской стране играли роль общественного клуба и уголка «политинформации»). Такие газеты были вынуждены ограничиваться беззубой критикой правительства, по мере возможности откликаясь на зарубежные события, перепечатывая статьи из египетской прессы.

При этом партия Дустур с разочарованием отнеслась к установлению республиканского режима и светским реформам в Турции¹⁷⁷. Ей, этой партии, больше импонировали египетские политики, добившиеся «корольской» конституции (обнародована в апреле 1923 г. рескриптом Фуада I) и открывшие для себя дверь в парламент. Дустуровская печать с вниманием следила и за развернувшейся в интеллектуальных кругах Каира дискуссией между сторонниками национального партикуляризма, выступавшими под лозунгом «Египет прежде всего!», и их оппонентами, утверждавшими, что «родина араба – арабский мир», симпатизируя последним¹⁷⁸. Со временем газета «Ирада» (центральный орган партии Старый Дустур с 1934 г.), отводившая свои страницы главным образом вопросам культурной жизни,

верю, что я смогу увидеть тебя независимой...», затем на сцене возник тунисский государственный флаг. Для подобных манифестаций использовались даже свадьбы. Однажды возле кофейни того же г. Сфакс арестовали троицу нищих, распевавших песню во славу «бандита» Дагбаги (один из вождей восстания племен 1915-1916 гг., ставший эпическим героем бедуинской поэзии), в которой сквозил подтекст, «разжигающий ненависть к правительству и Армии». Нищих потом судили не за бродяжничество, а за политическую провокацию («Watha'iq», № 24-25, 1998-1999, р. 113-114, 119-120, 128-130).

¹⁷⁷ Возможно, под влиянием своего эмигрировавшего лидера, забрасывавшего их письмами, члены исполкома партии Дустур еще в 1924 г. отрицательно отнеслись к такой акции турецкого правительства, как ликвидация халифата. При партии была даже создана специальная «халифатская комиссия», которую поручили заботам Тауфика аль-Мадани – секретаря Дустура по пропаганде, выпускавшего газету «Ифрикийя» (выходила до июня 1925 г.). Халифатская комиссия направила телеграмму протеста Ататюрку, взяла на себя организацию соответствующей кампании в местной прессе. («Watha'iq», № 24-25, 1998-1999, р. 33, 38).

¹⁷⁸ О дискуссии вокруг понятий «нация» и «родина» среди египетских деятелей 20-30-х годов, а также об усилении позиций идеологов панарабизма в ущерб сторонникам идеи принадлежности Египта к средиземноморской цивилизации (к числу которых относился «западник» Таха Хусейн), подробнее см. Левин З. И. Развитие арабской общественной мысли. 1917-1945, М.: Наука, 1972, с. 41-67.

становится проводником идей Саты аль-Хусри, виднейшего идеолога пан-арабизма, который был одним из первых, кто неустанно доказывал принадлежность египтян к арабской нации и утверждал, что именно Египту суждена ведущая роль в арабском освободительном движении.

Между тем с повестки дня обсуждений руководства партии Дустур не сходил вопрос о защите хабусов (вакфов), неотчуждаемой собственности, завещанной религиозным учреждениям и регулируемой мусульманским правом. Сам по себе этот вопрос был для партии исконной темой, но вспышка интереса к нему, обозначившаяся во второй половине 20-х гг., отражала определенные изменения. По мнению Н.А. Иванова, к этому времени социальная база Дустура, терявшего поддержку деловых людей, которые осваивали современные формы предпринимательства, свелась в основном к «традиционалистским кругам мусульманской буржуазии, связанным с хабусным землевладением». Эта рафинированная публика, вызывавшая к народу, но опасавшаяся его и недолюбливавшая «чернь», подвергалась насмешкам Бургибы в его публицистических выступлениях. Кстати, надев адвокатскую мантию, он вел дела наследственных держателей (*джеддари*) против владельцев хабусных имений, оспаривавших имущественные права феллахов, «сидевших» на этой земле и обложенных всякого рода повинностями в денежной и натуральной форме. Практический опыт адвоката позволил Бургибе в тонкостях разобраться в паутине юридических вопросов, относившихся к учреждению и использованию хабусов. Наверное, еще в ту пору он стал задумываться над необходимостью ликвидации этого архаического института, на котором покоилась имущественная власть тунисского верхушечного сословия. Однако упразднение хабусов, вошедшее «в пакет» светских реформ Бургибы, было делом отдаленного будущего, а на рассматриваемом этапе в центре внимания находился колониальный вопрос, и внутренняя полемика между дустуровцами была сосредоточена на выборе подходов к его решению.

Элитарный характер Дустура — «партии эстетов и буржуа»¹⁷⁹, которых партийная молодежь наградила прозвищем «старые тюрбаны», выразился в том, что она делала ставку на методы борьбы, с каких и начинала. Петиции, громкие заявления, обращения к международной общественности, рассчитанные уже не столько на внимание французских парламентариев и представителей Запада, как это было в 1919-1920 гг. или в период

¹⁷⁹ Garas F. Op. cit., p. 43.

«третьего вафда» 1924 г. — последней попытки Дустура снискать к себе благосклонное внимание французского правительства, сколько на поддержку со стороны авторитетных деятелей Арабского Востока, стремившихся положить религию и язык в основу национальной идеи [15].

Выходившая в Париже газета «Аль-Икдам» («Отвага»), принадлежавшая организации «Североафриканская Звезда», не без ехидства писала в 1928 г., что вся деятельность вождей Дустура сводилась к иллюминированию по праздникам фасада центрального правления партии на rue d'Angleterre¹⁸⁰. Это обвинение было не совсем справедливым, а впечатление, что партия Дустур ушла в себя и жила в летаргическом сне, — обманчивым. Активную группу ее сторонников составляли несколько сот человек, в том числе выпускавших газеты или вращавшихся в литературных кругах. Патриотическая пресса откликалась на колониальный произвол как в Тунисе, так и в Марокко или Сирии, нередко в стихотворной форме. Эпиром тунисских поэтов (*амир аш-шу'ара*) слыл Шедли Хазнадар, сочинивший «вирши» на случай таких событий, как политическое преследование какого-нибудь деятеля или его благополучное возвращение домой, делегация или отправка телеграммы протеста во французские адреса. Хазнадару принадлежат, например, такие строки:

¹⁸⁰ Иванов Н. А. Указ. соч., с. 115. Подобную картину живописует Махмуд Матри, который пишет, что по своему возвращению в Тунис нашел партию Дустур в полумертвом состоянии. Оба адвоката — генеральный секретарь и его заместитель «больше занимались своими собственными делами, чем политикой. Единственным активным элементом был Мохиддин Клиби, именовавший себя Директором Партии. Бывший учащийся Большой мечети, наделенный ораторским талантом и характером интригана, он демонстрировал словесную непримиримость... В марте 1927 г. я был приглашен Исполнительной комиссией на собрание, которое Дустур организовал по случаю годовщины своего основания 17 Рамадана 1338 г. (1920 г.). Не знаю, было ли много приглашенных, но присутствующих — максимум человек пятьдесят». Заслушали, рассказывает дальше автор, монотонную речь Ахмеда ас-Сафи, несколько более эмоциональную — Салаха Фархата и краткое выступление Мохиддина Клиби. «Через полтора часа все разошлись по домам, чтобы ждать следующего 17 Рамадана... Ничто меня не вдохновило на вступление в эту призрачную партию. Я ушел, еще более укрепившись в мысли, что надо сначала и во что бы то ни стало сформировать широкую образованную элиту, чтобы руководить освободительным движением и подготовить кадры для будущего Туниса. Так что я решил посвятить свое время профессиональным занятиям и оказанию помощи студентам» (*El Materi M. Op. cit., p. 35-36*).

«К эпохе праведных халифов обращаю свой взор. И взираю на них как на могучую твердыню. В их времена дела решались между ними советом; в их времена никто не попирает правду...»¹⁸¹. В том же стиле он восклицал: «О благородный народ, пробудись, Ты идешь с попутным ветром. Обрати свои взоры к четырем халифам — преемникам Пророка; вера их вера, и они были ее хранителями. Пробудись, нельзя больше спать»¹⁸².

Тем временем Мохиддин Клиби — консерватор по убеждению, но сторонник придания национальному движению более массового характера, взял на себя задачу количественного расширения Дустура. Увеличивалось число его ячеек, формировавшихся вокруг «сознательных лиц». Сразу же после съезда партии, прошедшего в декабре 1927 г., Мохиддин Клиби, еще раньше назначенный секретарем по пропаганде (вместо Тауфика аль-Мадани, высланного в Алжир), приступил к созданию молодежного союза, составлявшего резерв партии, которая охватила сетью своих ячеек не только городские, но и сельские населенные пункты¹⁸³.

Однако слабым местом Дустура (в организационном плане) являлась раздробленность его руководства. Каждый действовал на свой вкус. «Великий вождь» зарабатывал себе авторитет на Востоке, где шейх Таальби, возглавляя разные мусульманские комитеты или участвуя в них, представлял, например, Ирак, а не Тунис. Между тем внутрипартийная жизнь дустуровцев отличалась увеличением роли отдельных лидеров, газетных редакций, клубов и секций партии на местах. Последнее обстоятельство и позволило активистам новой волны в течение каких-нибудь 3-4-х лет «завоевать партию изнутри». Старый Дустур послужил им трамплином.

По ряду причин, объективно послуживших на руку «пéос», переломным для общественных настроений, складывавшихся в местной среде,

¹⁸¹ Стихотворение «Воззвание» (Цит. по: *Пантучек С.* Тунисская литература. Краткий очерк, М.: Наука, 1969, с. 61).

¹⁸² Цит. по: *Иванов Н. А.* Указ. соч., с. 101.

¹⁸³ Обращает на себя внимание, что с 1927 г. молодежные союзы, отчасти имитировавшие европейское скаутское движение, получают распространение в арабских странах. В качестве примера можно привести египетскую «Ассоциацию молодых мусульман», созданную в 1927 г., она возникла прежде, чем появилось общество «Братья-мусульмане», а затем существовала параллельно с ним. Как это известно по истории Туниса и Марокко, в тридцатых здесь создавались организации «мусульманских скаутов», в той или иной степени связанные с партиями националистов — Новым Дустуром и Марокканским блоком национального действия (МБНД).

оказался 1930 г., когда колонизаторы, со своей стороны, праздновали столетие завоевания Алжира и готовились отметить 50 лет протектората над Тунисом. В ожидании второй круглой даты в Большом Совете, который, напомним, состоял из двух секций, «туземной» и «французской», развернулась дискуссия вокруг выделения средств на юбилей; их предполагалось изыскать в бюджете регентства. Вдобавок оно стало арендой проведения Евхаристического конгресса (7–11 мая 1930 г.), центром которого был выбран Карфагенский епископат. Церковное мероприятие, устроенное под эгидой разговоров о Северной Африке как родине св. Августина и колыбели западного христианства, обставили вызывающе пышным образом. Из столицы в пригород Карфаген потянулась процессия молодых людей, облаченных в одежды крестоносцев (ни много, ни мало: 12 тыс. человек) во главе с «карнавальным» Людовиком Святым — предводителем восьмого и последнего крестового похода, погибшем на этой земле¹⁸⁴. Можно пред-

¹⁸⁴ Французский король Людовик IX организовал за свою жизнь два неудачных крестовых похода, завуалированной целью которых был подрыв итальянской торговой гегемонии на Средиземном море. С первым собственным и седьмым по историческому счету крестовым походом он отправился в Египет (1248 г.). Со вторым — на территорию Туниса, которую рассматривал как возможный опорный пункт для борьбы за восточные рынки и нового вторжения в Египет. Крестоносцы, появившиеся в тунисской гавани 17 июля 1270 г., были обмануты военной хитростью местного правителя Мухаммеда аль-Мустансира из династии Хафсидов и вместо того, чтобы овладеть его незащищенной столицей (г. Тунис), остановились лагерем несколько севернее, у развалин Карфагена, предварительно взяв штурмом небольшую сторожевую крепость. Изматывая противника, который ждал подкреплений с Сицилии, аль-Мустансир завел переговоры о мире, Людовик требовал в ответ, чтобы султан, кстати, носивший халифский титул, принял христианство. Тем временем в лагере разразилась то ли чума, то ли холера, от которой и скончался французский король, позднее причисленный к лику святых. Восьмой крестовый поход, бесславный по военным результатам, имел своим следствием заключение «Договора о мире и торговле» от 21 ноября 1270 г. Он был подписан с мусульманской стороны аль-Мустансиром, под давлением которого тогда находилась добрая половина Магриба, с европейской стороны тремя венценосцами: Филиппом III, королем Франции, Тибо — королем Наварры и Карлом Анжуйским — королем Неаполя и Сицилии, братом несчастного Людовика, во время не подоспевшим ему на помощь. Французская историография колониальных времен придавала большое значение этому старинному договору, на котором строился тезис об исторической миссии Франции в Северной Африке, приправленный идеей о христианском смысле французского присутствия в этом регионе.

ставить себе недовольство местного населения, в глазах которого «вселенский собор» католиков, организованный в стране Ислама, выглядел надругательством над религиозными чувствами мусульман¹⁸⁵.

В апреле 1931 г. регентство посетили президент Французской республики и многочисленные гости, присутствовавшие на парадах, приемах и спортивных представлениях, посвященных 50-летию установления французского протектората. Двукратные юбилейные торжества – в Алжире и Тунисе, как и пресловутый «берберский дахир», то есть указ (от 16 мая 1930 г.), неприкрытой целью которого было посеять рознь между представителями основных этнических групп населения Марокко, взбудоражили мусульманскую общественность всей Северной Африки, дав повод националистам для развертывания антиколониальной пропаганды [16].

Стечение вышеназванных событий, долженствовавших подчеркнуть незыблемость французского владычества в Магрибе, и в первую очередь проведение Евхаристического конгресса, подтолкнуло Бургибу, который доселе публиковал газетные заметки от случая к случаю, отчасти ради гонорара, с головой окунуться в политику. В этой связи он обратился к уже известному журналисту и достаточно состоятельному человеку, Шедли Хайраллаху, с предложением превратить газету «La Voix du Tunisien», которую тот выпускал (с 26 марта 1930 г.), из еженедельной в ежедневную, увеличить ее тираж и сделать рупором национального движения. С 16 февраля 1931 г. газета стала выходить в

¹⁸⁵ На Евхаристический конгресс съехались свыше 6 тыс. делегатов, его организатором и вдохновителем являлся архиепископ Карфагенский, монсеньер Лемэтр, бывший капеллан. Одиозным выглядело участие бея и главы корпуса тунисских служителей культа (*шейху-ль-ислам*) в официальных церемониях конгресса, который вызвал шквал критики с самых разных сторон. В кампанию протестов включились как дустуровские газеты, так и независимые издания патристического толка; не остались в стороне тунисские социалисты, выступавшие с антиклерикальных позиций. В частности, Дюран-Анливьер опубликовал статью с провокационным названием «Евхаристический конгресс в Карфагене не только вырвал пропасть между Исламом и Церковью, но и подорвал престиж Франции в Тунисе» («Tunis Socialiste», 12 juin 1930). Коммунисты, которых в то время насчитывалось несколько десятков человек, распространили листовку, квалифицировавшую конгресс как «маневр французского колониализма, направленный против освободительного движения» (*Kraïem M. Le Parti Communiste Tunisien pendant la période coloniale. Tunis: ISHMN, 1997, p. 123*).

новом формате; ее редколлегию составили Шедли Хайраллах – издатель, два брата – М'хамед и Хабиб Бургиба, д-р Матри и Тахар Сфар, а также их общий приятель Бахри Гига, недавно вернувшийся из Франции.

В издательский совет вошли некоторые члены Исполнительной комиссии Дустура¹⁸⁶, в том числе Салах Фархат – заместитель генерального секретаря партии, у которого, кстати, Хабиб Бургиба недолго стажировался в адвокатской конторе. Эта газета еще не имела четкого лица, она и была задумана как объединяющий орган националистов, но сразу взяла решительный тон, а попытка закрыть ее в судебном порядке – по обвинению в «разжигании расовой ненависти» – вызвала бурю протеста, и судебное преследование приостановили¹⁸⁷.

¹⁸⁶ Али Махжуби называет среди членов редакционно-издательского совета «La Voix du Tunisien» Мохиддина Клиби и Мухаммеда Хмири как официальных представителей Исполкома партии Дустур (*Mahjoubi A. Op. cit., 463*).

¹⁸⁷ Дело было возбуждено в связи с серией критических статей вокруг празднования юбилея протектората. В день суда над газетой, 8 июня 1931 г., власти поставили на ноги всю полицию, жандармерию и войска столичного гарнизона. Подсудимые, наоборот, во избежание беспорядков распространили просьбу к людям не выходить из дома, и в тот день на улицах вообще не было видно мусульман, закрылись лавки медин. Однако у Дворца правосудия все же собралась толпа, которая буквально пронесла на руках вышедших из зала заседания членов редколлегии, о чем М'хамед Бургиба тут же и написал в статье «Исторический день». Может быть, он действительно стал историческим еще и в том смысле, что будущие лидеры Нового Дустура получили поддержку с двух сторон – от населения и от представителей либеральных кругов метрополии. Большую роль в защите «La Voix du Tunisien» сыграло участие двух французских депутатов, которые прибыли в Тунис с заявкой выступить адвокатами на суде. Один из них – Мариус Мутз являлся членом СФИО, другой – Гастон Бержери видным деятелем радикал-социалистической партии. Обоих подвинул на эту поездку дустуровец Шедли Халлади, находившийся в Париже. Депутат Бержери, бывший сотрудник кабинета Эдуарда Эррио, еще до приезда в Тунис успел обратиться в МИД с требованием остановить преследование газеты. Поэтому судебный процесс был *sine die* отложен на неопределенный срок. С этого времени сложились доверительные отношения между Бержери и Хабибом Бургибой, который в дальнейшем неоднократно получал поддержку от французского парламентария, активно выступавшего в тридцатых за сплочение всех левых сил (*Иванов Н. А. Указ. соч., с. 128-129; Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 52, 88*). Газета «La Voix du Tunisien» была далеко не единственным печатным органом, ухватившимся за празднование 50-летия протектората, чтобы развернуть критику режима в продолжение аналогич-

Издатель к тому времени, о котором речь, являлся наиболее заметной фигурой в «журналистском цехе». Патриотическая газета «L'Etendard Tunisien», которую Шедли Хайраллах ранее выпускал (с 4 января 1929 г. по 10 февраля 1930 г.)¹⁸⁸, опубликовала серию статей «Формирование нового тунисца», где ративалось новое понятие родины. Газета утверждала: «тунисец чувствует себя дома только в Тунисе», что противоречило традиционным представлениям о религиозной общности мусульман, преодолевающей все границы. Несколько позже появилась статья Абд аль-Хакка (псевдоним), опубликованная в парижском журнале «Maghreb», важный отрывок из которой воспроизводится в ряде книг, посвященных истории дустуровского движения. Речь идет о концепции тунисской нации, которая была изложена у Абд аль-Хакка следующим образом: «Можно сказать, что тунисская нация в действительности появилась на свет лишь тогда, когда французский протекторат географически отделил регентство от остального мусульманского мира. Если бы тунисский национализм существовал ранее, существовал в стране, де-факто пользовавшейся независимостью, то он мог бы найти прекрасный повод проявить себя в момент, когда Франция оккупировала тунисскую территорию»¹⁸⁹. Такой взгляд на вещи выражал объективный и трез-

ных заявлений в связи с Евхаристическим конгрессом. Например, Ахмед Бен Милед выпустил (под псевдонимом Хеди Заман) в мае 1931 г. брошюру «Cinquante années de prépondérance française en Tunisie» (Париж), в которой доказывал, что политика властей в социальной области и вопросах образования – ничто иное, как отрицание всякой цивилизаторской миссии Франции. Кампания протеста накануне юбилейных торжеств была настолько дружной, что за нее пострадала даже «Нахда» – орган Реформистской партии, издание которой 12 мая 1931 г. было приостановлено (Mahjoubi A. Op. cit., p. 483-486).

¹⁸⁸ «L'Etendard Tunisien» закрылась из-за отказа ее владельца (gérant), Жоржа Морона, местного француза либеральных взглядов, продолжать это дело. Затеяв издание новой газеты «La Voix du Tunisien», Шедли Хайраллах дал ей подзаголовок «L'hebdomadaire de défense des intérêts tunisiens» (Еженедельник в защиту тунисских национальных интересов), чем она отличалась от прежней дустуровской газеты «Le Libéral» (с 29 ноября 1924 по 16 января 1926), которую, между прочим, выпускал тот же Хайраллах и которая первоначально имела подзаголовок «Organe de collaboration franco-tunisienne» (Орган франко-тунисского сотрудничества), а начиная с 5 сентября 1925 г., представляла себя как «Organe des revendications tunisiennes» (Орган тунисских требований). В палитре этих подзаголовков прослеживается смена политических лозунгов (Mahjoubi A. Op. cit., p. 462-464).

¹⁸⁹ Цит. по: Garas F. Op. cit., p. 69-70. Ссылаясь на этого автора, Кл. Г. Мур, чье мнение было затем подхвачено Н.А. Ивановым, пишет, что под журналистским псевдонимом Абд аль-Хакк выступал Шедли Хайраллах, которому якобы и принадлежит процитированный отрывок (Moor Cl. H. Op. cit., p. 32; см. также: Иванов Н.А. Указ. соч., с. 110). Однако известно, что псевдонимом Абд аль-Хакк

вый подход к проблеме «нация – народ – страна», волновавшей думающую часть общества. Возможно, этот взгляд разделялся, если не был подсказан Бургибой (одним из постоянных авторов «L'Etendard Tunisien»); во всяком случае, впоследствии будущий президент в своих словах выражал подобную точку зрения¹⁹⁰.

Тот же самый – напряженный 1930 г. был отмечен уходом в тень двух романтических и словно преждевременных фигур тунисской истории. Поэт Абу-ль-Касема аш-Шабби (1909-1934), певца свободы, и поэта-любителя Тахара аль-Хаддада (1899-1935), более известного за философско-юридический трактат «Наша женщина в шариате и обществе». Обоим судьба доставила короткую жизнь и под конец – горький удел изгоя. Первый был родом из южного оазиса области Джерид, что на границе с Сахарой, где будущая звезда тунисской литературы и появился на свет. Его отец, обладатель диплома каирского аль-Азхара, служил судьей в провинциальных тунисских городах и возил за собой маленького сына, позволив ему повидать страну. Второй родился на десять лет раньше в г. Тунис, где отец Тахара аль-Хаддада, выходец из местечка Эль-Хамма под Габесом, держал мясную лавку на Центральном столичном рынке, торгуя битой птицей. Оба – первоклассный лирический поэт и стихотворец-любитель получили религиозное образование и не посещали европейских школ. Азы западной культуры они познавали в библиотеках. Первый не принадлежал к партии Дустур, но привлек к себе внимание завсегдатаев литературного кружка при обществе Садыкийа лекцией «Поэтическое воображение у арабов» (1 февраля 1929 г.), которую смог опубликовать на деньги подписчиков.

Второй – Тахар аль-Хаддад рано стал членом партии, в 1923 г. был кооптирован в ее исполнительную комиссию, в отдел пропаганды, однако после отъезда Таальби, к которому был близок, активной работы не вел. Затем увлекся профсоюзным движением, став на этом поприще сподвижником Мухаммеда Али аль-Хамми, своего друга и по отцу земляка; вышел

пользовался Шедли Халлади – один из видных деятелей Дустура (затем Старого Дустура), который печатался в журнале «Maghreb» и в тунисских газетах; именно под этим псевдонимом он упоминался в сводках полиции.

¹⁹⁰ Так, в 1955 г. Бургиба заявил: «Осмелюсь утверждать, что до Франции, раньше, Тунис был своего рода пустотой, без собственной реальности и души. А если обнаруживается где-то пустующее место, то истории угодно, чтобы рядом возникла превосходящая сила (la puissance supérieure), спешащая его занять. Надо признать, что на Францию легла эта историческая задача» (Цит. по: Daniel J. Le temps qui reste, Paris: Stock, 1973, p. 55).

из руководства Дустура, но сохранял членство в ячейке столичного квартала Хальфавин. Скандал вокруг аль-Хаддада разразился осенью 1930 г., когда он опубликовал свою знаменитую книгу, в которой излагались доказательства того, что шариат, если правильно его интерпретировать, не противоречит женской эмансипации, а попутно в нелестном свете изображалась семейная жизнь пророка Мухаммеда. Это стоило аль-Хаддаду обвинения в ереси. На автора посыпались памфлеты и сатиры, в которых высмеивали заодно и египетского писателя-новатора Таху Хусейна. Как нередко бывает, самые отчаянные критики хвастались тем, что и не читали книги, которую поносят (статья в газете «*Ан-Надим*» от 1 ноября 1930 г.)¹⁹¹. Шейх аз-Зейтуны, Мухаммед Салах Бен Мрад, опубликовал брошюру под издательским заголовком «*Аль-Хидад 'аля мар'ати-ль-Хаддад*» («Граурный платок на жену аль-Хаддада»).

Затравленный мусульманскими ортодоксами, лишенный не только диплома аз-Зейтуны, признанного недействительным, но и скромного места службы, а именно должности секретаря Мусульманского благотворительного общества, Тахар аль-Хаддад провел последние годы жизни в нищете и забвении. «Раздумья» – таково название сборника его максим, труд над которым он закончил в 1933 г., развивая и оттачивая мысли своего «окаянного» сочинения. Продолжал делать поэтические наброски...

Мраком покрыты и последние дни Абу-ль-Касема аш-Шабби. После публикации своей провокационной лекции, в которой он развенчал достоинства древней бедуинской поэзии, считавшейся – как известно – кладезем выра-

¹⁹¹ Халед А. *Ат-Тахар аль-Хаддад. Фикр танурий ва нидаль тахририй ва ма'алим 'аля тарик аль-хадаса*. (Тахар Хаддад. Просветительская мысль, освободительная борьба и вехи на пути к модернизации), Paris: Imp. Champs Elysées [1999], с. 372. О реакции египетской прессы свидетельствует заметка анонима, видимо, исходящая из аххаритских кругов, под названием «Книга, отрицающая Божественное откровение». В заметке подчеркивалось, что автор богопротивного сочинения имел наглость «изобрести собственное толкование шариата, чтобы отбросить любое предписание Ислама, которое ему не по вкусу» (*Smith Cantwell W. Islam in Modern History*, New Jersey: Princeton University Press, 1957, p. 155-156; См. также: Халед А. *Ат-Тахар аль-Хаддад ва масала аль-хадаса фи китебиhi имраатуна фи-ль-шари'a ва-ль-муджтама'* [Тахар аль-Хаддад и проблема модернизации в его книге «Наша женщина в шариате и обществе», Paris: Imp. Champs Elysées, 2002; *Lakhdar L. La conscience religieuse historique face aux remparts de l'esprit théologique*, «Rawafid», № 6, 2001, p. 75-84).

зительных средств и эталоном для изящного пера, автор нашел меньше поклонников, чем злобных критиков. К началу 1930 г. он вернулся в родные места и там женился, но на ком – мало кому известно, а вскоре умер, но не известно, от какой болезни¹⁹². Остались его стихи, в том числе эти строки:

*Если народ захочет жить,
Он бросит вызов Судьбе.
Заставит ночь рассеяться,
Оковы – разорваться.*

В своих «Молитвах в храме любви», созвучных эоловой арфе Шатобриана и Мюссе, тунисский мастер создал образцы вдохновенного обожествления женщины. В других поэмах, и это главная тема его творчества, звучал мотив страданий одинокой души. Смерть поэта, угасшего почти юным, наступила в том самом году, когда возникла партия Новый Дустур. Она во многом последовала заветам мятежного аш-Шабби. А первое же правительство, сформированное лидером этой партии, воплотило в жизнь революционные (для мусульманского общества) социальные идеи Тахара аль-Хаддада. Если бы он дожился до обретения страной независимости, мог бы порадоваться, что в тунисском календаре 13 августа – национальный праздник, который учрежден в память о летнем дне 1956 г., когда был принят «Закон о личном статусе», ежегодно отмечается как «Женский день»¹⁹³ и нерабочий.

За два года журналистского сотрудничества Бургибы с Шедди Хайраллахом между ними обозначились расхождения, личного и политического свойства. Получив отказ в желании возглавить редакцию, Бургиба решил основать свою газету «*L'Action Tunisienne*». Его поддержали в этом начинании д-р Матри и Бахри Гига, а также старший брат – М'хамед.

¹⁹² Абу-ль-Касем аш-Шабби скончался 9 октября 1934 г. в итальянском госпитале тунисской столицы. Страдать здоровьем он начал раньше, сразу после своего возвращения в деревню Шаббия возле г. Таузар, куда его позвала смерть отца. Предполагают, что виной болезни стали годы, проведенные в сырых общежитиях, где ютились слушатели аз-Зейтуны. В своем деревенском уединении Абу-ль-Касем продолжал писать, и его стихи появлялись с 1933 г. в египетском журнале «*Apollo*». Настоящее признание пришло к этому поэту, которого считают зачинателем романтического направления в современной арабской литературе, лишь спустя 21 год после его смерти, когда вышел в свет первый диван его стихов (Подробнее см.: *Пантучек С.* Указ. соч. с. 72-73).

¹⁹³ Официальное название праздника «*Fête Nationale de la Femme*» / «аль-'ид аль-ватаний ли-ль-мар'а».

Пятым членом редколлегии стал Али Бухаджеб, фармацевт. В задней комнате его аптеки на улице Бэб Свика, расположенной в «народном квартале», либо за столиками соседних кофеен и работали над выпусками. В издательский совет входили также Тахар Сфар, Мехджеби и др.

Подзаголовок «L'Action Tunisienne» сообщал: «Независимая ежедневная газета. Орган защиты тунисских интересов»¹⁹⁴. В этом не было ничего революционного, ни нового. Ежедневник «Le Tunisien» Али Бани Хамбы выходил в 1907-1912 гг. почти с таким же подзаголовком, и точно таким – «La Voix du Tunisien». Тем не менее, «L'Action Tunisienne» все больше отдалялась от других дустуровских изданий; уже наметилась линия разрыва в национальном движении. Поддерживая его общие лозунги, газета призывала расстаться с пустыми словопрениями «старых тюрбанов»¹⁹⁵. Партийным бонзам ставились в вину безразличие к животрепещущим проблемам страны, витийство, фразёрство, малодушие и т.п. Особенно доставалось Ахмеду ас-Сафи, генеральному секретарю Дустура, в чей адрес посыпались упреки за его инертность и боязнь обратиться напрямую к народу, что как раз и делали члены группы «L'Action Tunisienne», выступая не только на страницах своей газеты, но и на митингах.

Спасая положение, вожди партии согласились провести внеочередной, «объединительный» съезд, приуроченный к печальной годовщине подписания договора о протекторате. Местом собрания послужил партийный клуб на rue de la Montagne (г. Тунис), поэтому оно вошло в историю

¹⁹⁴ Газета была запрещена 31 мая 1933 г.; возобновила выпуск в 1936-1938 г. и в этот второй период своего существования являлась официальным печатным органом партии Новый Дустур, выходя с подзаголовком «Hebdomadaire du Parti Libéral Constitutionnaliste» (Еженедельник Либерально-конституционной партии) (См. Kassab A. Histoire de la Tunisie. L'époque contemporaine, Tunis: STD, 1976, p. 412).

¹⁹⁵ Ироническое «старые тюрбаны» возникло как негативное прозвище улемов-традиционалистов. Получило хождение в Тунисе и Алжире в тот период, когда представители местной просвещенной элиты, испытавшие на себе влияние Джамаль ад-Дина аль-Афгани, который основал в Париже (1884 г.) тайное общество «аль-Урва аль-Вуска» и выпускал газету под таким же названием, ополчились на мусульманских схоластов. Позднее это выражение стало употребляться в расширительном смысле как «консерватор», «живущий вчерашним днем», утратив более узкий изначальный смысл. В полемике националистической молодежи со старым ареопагом Дустура употреблялось наряду с эпитетами «качки», «бончи» и т.п., позаимствованными из европейского партийно-политического лексикона.

как «Съезд на улице Горы». На этом съезде, состоявшемся 12-13 мая 1933 г., была утверждена программа, которую обычно называют Хартией Дустура. Она в основном воспроизводила «требования», сформулированные еще в 1920 г.; о независимости в ней не говорилось, хотя эта мысль читалась между строк¹⁹⁶. Получил одобрение и новый партийный устав, оставшийся, однако, втуне. Главный результат съезда состоял в том, что редакционный совет «L'Action Tunisienne» был в полном составе принят в Исполнительную комиссию – высший орган партии, расширенный по этому случаю.

О дальнейшем развитии событий – в общих чертах – уже рассказано. Следует только добавить, что «L'Action Tunisienne» была запрещена 31 мая 1933 г. по ложному обвинению в связях с итальянской разведкой; некое сомнительное лицо (возможно, провокатор) имело при себе удостоверение корреспондента этой газеты. Но запретили также две другие газеты на французском языке: «La Voix du Tunisien» и «La Voix du Peuple»¹⁹⁷. Генеральный резидент Жозеф Мансерон (1929-1933) издал постановление о роспуске Дустура и закрытии всех помещений партии. Возмущенные авторитарным решением властей, тунисские социалисты приостановили всякую критику дустуровцев. С июня 1933 г. в стране развернулась кампания гражданского неповиновения, которая имела подчеркнуто ненасильственный характер. На этом настаивали агитаторы, среди которых выдвинулся Бургиба. Тунисцы не пользовались услугами почты и телеграфа, а также современными средствами транспор-

¹⁹⁶ Хартия отличалась от Манифеста партии Дустур (1920 г.) тем, что вместо требования учредить «консультативную ассамблею» ставился вопрос о создании тунисского парламента, наделенного полноценной законодательной властью, а также об ответственности правительства, включая французского Генерального резидента, перед этим парламентом, избираемым всеобщим голосованием. В преамбуле звучала мысль, что Либерально-конституционная партия призвана вывести страну на путь «эмансипации» (Mahjoubi A. Op. cit., p. 503).

¹⁹⁷ «La Voix du peuple», которая выходила с 11 марта 1933 г. до конца мая того же года, считалась официальным органом Исполнительной комиссии Дустура. Газеты «La Voix du Tunisien» и «L'Action Tunisienne», а также некоторые арабоязычные издания, формально независимые, относились к дустуровскому кругу. Однако еще 12 мая 1931 г., в день празднования 50-ой годовщины протектората, была закрыта газета «аль-Вазир», а 7 декабря 1932 г. аналогичной санкции подвергся журнал «аль-Алям», и с тех пор Дустур (до февраля 1934 г.) практически не имел арабских газет, выразивших его мнение.

та, мужское население отказывалось от потребления табака – импортного товара, патриотически настроенные дамы рвали свои европейские платья, студенты аз-Зейтуны отказывались сдавать экзамены, хозяева арабских торговых заведений демонстративно опускали занавеси лавок и т.д.

Бойкот завозной продукции, объявленный в то время, когда североафриканские колонии Франции захлестнула волна Великой депрессии, был главным отличительным признаком летних волнений 1933 г. Многие исследователи усматривают в этой кампании подражание гандизму, для властей же она прозвучала как сигнал бедствия.

Губернаторская деятельность Мансерона была признана в Париже неудовлетворительной, и на смену ему в начале августа прибыл опытный колониальный чиновник, Марсель Пейрутон, веривший в испытанное средство «разделяй и властвуй». Службу в колониях он начал на Таяити и Мадагаскаре, продолжил в Того и Восточном Камеруне, затем в Алжире, откуда его и перевели с повышением в Тунис. Хорошо осведомленный о разногласиях в кругах тунисских националистов, Марсель Пейрутон, подобно другим деятелям французского правого крыла, безотчетно симпатизировал «старым тюрбанам» и с подозрением относился к разночинцам-франкофилам, усматривая в них более грозных оппонентов¹⁹⁸. Наделенный профессиональным чутьем, он даже намеревался ввести строгую квоту на выезд тунисских учащихся во Францию, а тем временем отпустил вожжи и на первых порах создал иллюзию, что в регентстве наступила либеральная эра.

Не отменяя декрет Мансерона о роспуске Дустура, он разрешил уважаемым лицам из этой партии, как и всякой другой «частной группы», проводить собрания, по приезду принял их делегацию во главе с Ахмедом ас-Сафи, но без участия Бургибы, и тем самым подал яблоко раздора дустуровцам. Судя по всему, съезд в Ксар-Хелляле не вызвал беспокойства у Генерального резидента. Более того, в конце мая 1934 г., спустя три месяца после этого исторического съезда и преобразования группы «L'Action Tunisienne» в политбюро новой партии, он дал ей разрешение выпускать свою газету, причем на арабском языке. Но обманувшись в надеждах на ослабление национального движения, которое по логике вещей должно было пострадать от раскола, и получив обратное, Пейрутон бросился действовать методом репрессий, что стоило Бургибе и еще десяткам людей тяжелой ссылки. В нее попал и Мохиддин Клиби – «директор» партии

¹⁹⁸ Подробнее о появлении Пейрутона в Тунисе см.: Иванов Н. А. Указ. соч. с. 151-154.

Старый Дустур. Причиной его ареста послужило участие в демонстрациях протеста и обращениях к бею против преследования руководителей конкурирующей организации. Последняя же не только перехватила часть низовых структур бывшей единой партии, но и стремительно расширялась.

Голодной зимой 1933-1934 гг., возглавив Временный комитет по подготовке чрезвычайного съезда партии Дустур, Бургиба и его друзья объезжали партийные ячейки, добившись того, что большинство из них, некоторые – новообразованные, поддержали идею созыва съезда¹⁹⁹. Противники объявили его съездом «раскольников». На нем Хабиб Бургиба был избран генеральным секретарем; его ближайший соратник на тот момент – Махмуд Матри занял пост председателя Нового Дустура. Оставшимся в меньшинстве партийным деятелям не оставалось ничего лучшего, как провести собственный съезд (27 апреля 1934 г.). С тех пор «меньшевики» стали называть Старым Дустуром. Участники обоих съездов объявили своей программой сформулированную ранее Хартию 1933 г. При этом молодая партия – Новый Дустур, «не придавая большого значе-

¹⁹⁹ В работе съезда 2 марта 1934 г. приняли участие около 60 делегатов, съехавшихся в Ксар-Хелляле и представлявших 49 из 80 ячеек партии Дустур, в том числе 12 столичных и 36 провинциальных. Собрание проходило в частном доме Ахмеда Аййеда, дустуровца со стажем, известного своими независимыми взглядами, который в свое время как «вольный стрелок» поддерживал и Мухаммеда Али аль-Хамми, и Тахара Хаддада; на сей раз поддержал бунтующую партийную молодежь. Центральным вопросом обсуждения на съезде стали причины расхождений между членами Исполнительного комитета и прежде всего – отношение к Генеральному резиденту, Марселю Пейрутону, который приложил руку к ссоре в прежнем руководстве. Дискуссия обернулась бурной и закончилась в пользу инициаторов съезда, благодаря убедительной речи Бургибы. Он заклеил идею сотрудничества с резидентом, а заодно и самих «коллораборационистов». Два проекта решения были поставлены на голосование. Первый был предложен Хабибом Бугетфой (делегат от ячейки в г. Бизерта) и состоял в том, чтобы выразить недоверие Исполнительной комиссии. Второй предложил Хабиб Бургиба: исключить членов комиссии из партии. Принятая резолюция объявила распущенным Исполком, избранный на предыдущем съезде (1933 г.). Вместо него создавалось Политбюро (*диван сийасий*), в состав которого вошли пять человек, они же считаются учредителями новой партии: Махмуд Матри – председатель, Хабиб Бургиба – генеральный секретарь, Тахар Сфар – зам. генерального секретаря, М'хамед Бургиба и Бахри Гига – казначей. С докладом по организационному вопросу выступил Тахар Сфар, который предложил устав, одобренный съездом и в дальнейшем подвергнутый уточнениям. Был утвержден на II съезде Нового Дустура, состоявшемся в 1937 г. (О ходе съезда см., например: *El-Materi M. Op. cit.*, p. 55-57).

ния обновлению политической программы»²⁰⁰, выработала для себя четкую организационную структуру, зафиксированную уставом. И сразу перешла к делу. Развернутая штабом Нового Дустура вторая кампания гражданского неповиновения вскоре охватила полстраны... На рассвете 3 сентября 1934 г. в дверь дома Бургибы, который в то утро находился в г. Монастир, постучалась полиция. Это означало, что долгие месяцы он проведет на Крайнем Юге, в лагере, затерянном среди песков. Некоторые из ссыльных, включая старшего брата генерального секретаря – М'хамеда Бургибу, сломились духом и обменяли свои убеждения на досрочное возвращение домой. Другие вышли на свободу вместе с Бургибой – младшим. В следующей агитационной кампании Махмуд Матри – скорее идеолог партии, чем ее организатор, не принимал деятельного участия. Этого нельзя сказать о Хабибе Бургибе, который с бешеной энергией принялся за свои «туры», появляясь в разных уголках Туниса то пешком, то конным, то за рулем автомобиля (подробнее см. ниже).

В ходе размежевания Дустура лишь небольшая часть прежних лидеров склонялась к сотрудничеству с «пéос», которых большинство членов Исполкома Старого Дустура обвиняло в авантюризме. Многие пункты требований обеих партий совпадали (в 1934 г. и позже). Однако в отличие от Нового Дустура, ориентированного «на принципы европейского государственного права» и отнюдь – не на идеалы «восточной теократии»²⁰¹, хранители традиций старых либерал-конституционалистов лелеяли мечту вернуть потерянный рай, стояли на позициях социального консерватизма. Разумеется, это – характеристика партии, а не ее отдельных членов, среди

²⁰⁰ Шериф М.-Х. *Тарих тунис* [История Туниса], *Тунис: аль-идара аш-шари'я*, 1985, с. 122.

²⁰¹ *Martin J.-F. Histoire de la Tunisie contemporaine. De Ferry à Bourguiba 1881-1956*, Paris: L'Harmattan, 1993, p.131. Автор в данном случае почти дословно повторяет формулировку Ш. А. Жюльена (из книги «L'Afrique du Nord en marche», опубликованной в 1952 г.). Заостряя ее, Н.А. Иванов сделал еще более категоричный вывод: «Старый Дустур был партией улемов и помещиков, опиравшихся на остальные слои городского мещанства, страдавшего от развития капитализма и слепо ненавидевшего все, что несла с собой западно-европейская цивилизация. Новый Дустур был партией европеизированной интеллигенции и мелкой предпринимательской буржуазии, апеллировавших к пролетарским слоям города и деревни, втягивавшихся в русло капиталистической цивилизации» (Иванов Н. А. Указ. соч., с. 160). В свете новых источников, введенных в научный оборот, в том числе огромного массива архивных документов, собранных в Тунисе Высшим институтом истории национального движения, эти оценки по целому ряду пунктов нуждаются в уточнении.

которых, даже относившихся к руководящему звену, встречались выпускники Садыкийи и лица Карно, обладатели французских дипломов о высшем образовании и друзья социалистов (упомянутый выше Али Бухаджеб²⁰², адвокат Шедли Халлади, врач Ахмед Бен Милед, чьим увлечением юности было коммунистическое движение, и др.). Вместе с тем в Исполкоме партии на видных ролях оставались некоторые ставленники шейха Таальби. В этом смысле идейную разноплановость, присущую Старому Дустуру еще в начальной фазе его развития, партия сохранила и в дальнейшем. Временные тунисские авторы предлагают более гибкие оценки, нежели те, которые унаследованы от французской литературы колониального периода, считая упрощенным стереотипное представление, что между Старым Дустуром и Новым Дустуром пролегла зияющая пропасть. Первый просто выполнил на определенном этапе свою историческую роль, уступив место новому поколению политиков, более активных и решительных, чем то «усталое» руководство, которое возглавляло национальное движение к началу 30-х годов²⁰³.

Вместе с тем стоит прислушаться к недавно извлеченному на свет мнению наблюдателя-практика, заслуживающего доверия. Никто иной, как Генеральный резидент отмечал, разъясняя собственное поведение в регентстве, что Старый Дустур – «партия эволюционистов»; похоже, они готовы отказаться от идеи независимости ради требований в пользу «продвинутых тунисских классов» (*en faveur des classes tunisiennes évoluées*) и предаются интенсивной пропаганде, хватая через край, лишь тогда, когда им надо защищаться против «пéос», чтобы удержать собственное влияние на своих поборников и «набить себе цену»²⁰⁴.

Рисуя собирательный портрет влиятельного деятеля Старого Дустура, каким он выглядел к середине тридцатых, Феликс Гара писал, что это – тип политика, в характере которого доминирует нежелание менять свои идеи и ме-

²⁰² Али Бухаджеб, начинавший свою политическую деятельность членом СФИО еще во Франции, примкнул к патриотическому движению на родине в качестве соредатора «L'Action Tunisienne», однако уже в 1933 г. разминувшись с этой группой; после раскола националистов был членом руководящего состава Старого Дустура.

²⁰³ Эта мысль красной нитью проходит, например в монографии Али Махжуби, на которую мы ссылались.

²⁰⁴ Служебная записка М. Пейрутона, составленная осенью 1934 г. Архив Кэ д'Орсе (Цит. по: *El Mechat S. Le Nationalisme tunisien. Scission et conflits 1934-1944*, Paris: L'Harmattan, 2002, p. 32).

тоды. «Он за полную независимость, зная, что никогда ее не получит», темнота себя твердостью собственных позиций, не упускает случая их продемонстрировать; и это стало частью ритуала. «Archéo – ученый муж, зачастую наставник в мечети. Его культура преимущественно арабская. Ему не любопытен Запад, к которому он относится отрицательно, потому что оттуда исходят импульсы эмансипации, в том числе женской, которые он считает опасными. Он традиционалист, защитник трона и алтаря. Можно сказать: легитимист. Старые дустуровцы в основном происходят из мамлюкских фамилий, из “увенчанных тюрбаном”, из среды крупных коммерсантов и землевладельцев... Это люди, достойные уважения. Их беда состоит в том, что, поворачиваясь спиной ко времени, они предпочитают принципы реальностям времени. Столько уж лет они бесплодно протестовали, что к этому привыкли. Не имеет значения, каков результат, важна красота жеста!»²⁰⁵.

Отчетливым стал этот облик партии Старый Дустур после того, как она утратила часть армии своей поддержки (численность рядовых активистов, видимо, сократилась втрое), а вместо тяжело заболевшего Ахмеда ас-Сафи ее возглавил Салах Фархат, избранный в ноябре 1935 г. генеральным секретарем. Партия сосредоточила все усилия на антифранцузской пропаганде в стиле алжирских «улемов-реформаторов»²⁰⁶, вместе с

²⁰⁵ Garas F. Op. cit., p. 84-85..

²⁰⁶ Алжирская «Ассоциация улемов-реформаторов» во главе с известным богословом Бен Бадисом (который 1908-1913 гг. провел в аз-Зейтуне) существовала с 1931 г., объединив в своих рядах арабоязычных писателей, поэтов, публицистов и религиозных деятелей. Ее лозунг – за самобытность «алжирской мусульманской нации» завоевал популярность в Алжире; под ее руководством работали до 50 дочерних культурных ассоциаций, которые выступали как против схоластики официального «духовенства», так и против носителей «магии и суеверия» в лице марабутов – предводителей религиозных братств суфийского толка. (Мечети и медресе для их пропаганды были недоступны). Бен Бадис становится в 1936-1937 г. вице-президентом, а затем и президентом так называемого Мусульманского конгресса – фронта алжирской оппозиции, объединившего на временной и непрочной основе представителей различных течений: от улемов-реформаторов до коммунистов, от глашатаев разрыва с Францией до поборников «ассимиляции» и т.д. После отказа Бен Бадиса от руководства Мусульманским Конгрессом (конец 1937 г.) он агонизировал и на следующий год распался. В мае 1940 г. Бен Бадис скончался, и ассоциацию возглавил шейх Брахими Си аль-Башир, который провел несколько лет в Египте и Сирии, с 1932 г. главенствовал среди улемов-реформаторов в департаменте Оран. (См.: Ланда Р. Г. История Алжира. XX век.

тем отвечала на заигрывания Марселя Пейрутона, который, надо отдать ему должное, сумел принять меры по выведению сельского хозяйства – основного сектора экономики Туниса – из кризиса²⁰⁷, повел бескомпромиссную борьбу с коррупцией, «фростовщиством, управленческой неразберихой (gambegie) и кое-какими злоупотреблениями колонизации»²⁰⁸.

Под предлогом этой борьбы – и в целях консолидации административного аппарата – Пейрутон восстановил упраздненный в 1922 г. пост «генерального секретаря» правительства. Этот секретарь-француз визирировал все решения и контролировал повседневную работу кабинета министров, для видимости возглавляемого тунисцем («главным» министром, который на деле не являлся председателем правительства). Зато было расширено число мест в туземной палате Большого Совета; теоретически (поскольку следующее правило нарушалось) была увеличена до 55% квота служащих-тунисцев в государственных учреждениях. Как результат, несмотря на откровенно грубый личный характер и авторитарный стиль своего правления, Марсель Пейрутон, прозванный «Сатрапом», оставил обманчивое впечатление о себе у некоторых благомыслящих тунисцев-мусульман, настроенных на патриотический лад²⁰⁹.

М.: ИВ РАН, 1999, с. 64-72; Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche. Nationalismes musulmans et souveraineté française, Tunis, 2001 [Факсимиле третьего издания – Paris: Julliard, 1972], p. 169).

²⁰⁷ Речь идет о мерах протекционистского характера, которые примерно в то же время принимались в других странах Северной Африки.

²⁰⁸ Berque J. Le Maghreb entre deux guerres. Paris: Seuil, 1962, p. 262.

²⁰⁹ Когда спустя несколько лет, в военном 1940 г., Пейрутон вновь появился в Тунисе с «экстраординарной миссией» и занял на месяц-другой главный кабинет Резиденции, старые дустуровцы выразили ему почтение, высоко оценили его прошлые «счастливые реформы» и признали, что репрессии против Нового Дустура в 1935-1936 гг. были оправданными. (Khaled A. Documents secrets du 2-ème bureau. Tunisie-Maghreb dans la conjoncture de pré-guerre 1937-1940. Tunis: STD, 1983, p. 734). Между тем спецслужбы отметили в сводке о содержании арабской прессы Туниса, монотонной и безликой (в сороковом выходили лишь две газеты), следующий любопытный текст. Некий псевдоним напечатал оду, где говорилось: «Сыны отчизны, вставайте на борьбу с нацизмом. О, дети Пророка, вставайте на борьбу с тираном. Вы, благородные мужи! Вам надо львами стать, а не бежать трусливо. Пейрутон – вот он, бесстрашный лев. Идите вслед за ним, не сомневаясь...» (Ibid., p. 739). Секретный «пресс-релиз», обративший внимание на эту публикацию, датирован 24 июня 1940 г., то есть был составлен на третий день

²¹⁰ Джихад без войны. Т. 1. Кн. 1.

Проведя в Тунисе три неполных года (с августа 1933 по март 1936 г.), которые стали здесь целой эпохой, наполненной знаменательными событиями, «Сатрап» был переведен губернаторствовать в Марокко. После его отъезда, состоявшегося незадолго до создания во Франции правительства Народного фронта (4 июня 1936 г.), старая когорта дустуровцев без энтузиазма восприняла крен влево, наметившийся в Париже и отозвавшийся расширением демократических свобод в Тунисе, а также обещанием, застрявшим, правда, в канцеляриях и выполненным далеко не полностью, распространить на регентство французское социальное законодательство. В этой связи Н.А. Иванов справедливо заметил: «Начиная с Пейрутона во взаимоотношениях между Францией и тунисскими националистами стала довольно четко проследиваться вполне определенная закономерность: чем правее становилось французское правительство, тем сговорчивее оказывались «старые тюрбаны», поспешно отмежевывавшиеся от «авантюризма» левых националистов; и наоборот, сдвиг влево во Франции почти автоматически возрождал непримиримость «старых тюрбанов», немедленно переходивших на экстремистские позиции»²¹⁰. В противофазе раскачивался маятник поведения лидеров Нового Дустура.

Показательно, что когда Бургиба, совершивший в июне-августе 1936 г. поездку во Францию, был преисполнен радужных надежд на возможность «эволюции» протектората, то есть движение к его отмене через поэтапную либерализацию существующей системы, и Новый Дустур выразил доверие кабинету Леона Блюма, в частности, социалисту Пьеру Вьено²¹¹, старые дустуровцы, ничего не предпринимая, упорствовали в своих словесных требованиях о предоставлении Тунису независимости. Как только общая ситуация изменилась, и Бургиба, поддержанный большинством участников II съезда Нового Дустура, перешел в атаку на власти протектората, лидеры Старого Дустура изъявили им лояльность. А вернувшийся на родину летом 1937 г. шейх Таальби, не сумевший восстановить

после подписания французской капитуляции в Компьенском лесу. Вскоре Пейрутон вошел в кабинет правительства Виши.

²¹⁰ Иванов Н. А. Указ. соч., с. 154.

²¹¹ Пьер Вьено (1897-1944) возглавил созданное в 1936 г. специальное ведомство по делам подмандатных территорий и протекторатов. Член первого кабинета Леона Блюма в ранге заместителя министра иностранных дел.

себя в роли знаменосца национальной идеи, щедро отвечивал партии соперников нелестные оценки.

Лучше всех резюмировал различия между «новыми» и «старыми» сам шейх Таальби, давая свидетельские показания в связи апрельскими событиями 1938 г. (см. ниже), после которых Бургибе с сотоварищи были предъявлены обвинения по той же статье «покушение на государственную безопасность», по какой шейх был осужден на 18 лет раньше. В архивах французского военного трибунала сохранился протокол показаний Таальби, подписанный им самим, судебным следователем и переводчиком. В протоколе содержатся следующие слова:

«По моему мнению, руководители Нового Дустура танцуют на двух канатах. Тунисскому народу они обещают независимость, которую он якобы обретет только благодаря им, одновременно толкуют о себе французам как о поборниках сотрудничества и совместного суверенитета (co-souveraineté). Доказательством служат их арабские публикации, которые не совпадают с публикациями по-французски... Наша партия признает, что тунисский народ находится в приниженном положении со всех точек зрения: социальной, экономической и прочих... Наша конечная цель – все та же, которая была изложена в Хартии 1933 г., но мы расходимся с Новым Дустуром в выборе методов деятельности. Мы полагаемся на убеждение и терпение, тогда как Новый Дустур призывает к насилию. Мы ведем работу с французскими государственными властями, оставляя народ в стороне и не давая ему обещаний (en laissant le peuple de côté et en ne lui faisant pas de promesse)»²¹².

²¹² Histoire du mouvement national tunisien. 9 avril 1938. Le «procès» Bourguiba. Documents inédits. Interrogatoires et dépositions. Tunis: C. D. N., 1967, p. 77-78.

Во главе партии «néos», или от Голоса к Действию

Что касается новых дустуровцев, ядро которых сложилось вокруг издательства вышеназванной газеты «L'Action Tunisienne», то они, обращаясь к народу от имени униженных и оскорбленных, представляли себя именно как всенародную партию, собирательницу нации. Сквозной мыслью идеологической программы Нового Дустура (которая, правда, не фиксировалась в виде специального документа, а вытекала из содержания речей Бургибы и других партийных лидеров) была идея возрождения достоинства нации, попранного властями протектората, и человеческого достоинства, которое эти власти не желают уважать. Как пишет Ф. Гара, в устах Бургибы – этого неслыханного «нового пророка», колесившего по стране в стареньком Пежо и являвшегося куда-нибудь в деревню или к бедным племенам простоволосым и во взмокшей рубашке, обычно в сопровождении кого-нибудь из своих французских друзей, но заводившего речь на экзотическом народном диалекте; в его устах перспектива освобождения страны должна была обеспечить соблюдение естественных и гражданских прав человека, обещала людям равенство и братство.

Сразу отметим, что на примере партии Новый Дустур мы сталкиваемся с явлением устойчивого политического лидерства. И речь идет не только о личном лидерстве Бургибы, а в первую очередь – о доминирующем влиянии на политическую жизнь страны вполне определенной социально-культурной группы, отнюдь не этнической или конфессиональной, и даже не земляческой, хотя последним признаком эта группа в известной мере обладала.

Любой специалист по истории тунисского национального движения упомянет в своей работе то обстоятельство, что решающую роль в развитии антиколониальной оппозиции сыграли, начиная с 30-х годов, выходцы из Сахеля – страны крупных сел и малых городов, раскинувшейся вдоль низкого морского берега; и царства оливкового дерева, без которого и не было бы Сахеля. Именно из этого старинного земледельческого края были родом многие, разумеется не все, активисты Нового Дустура: и кадры «первого призыва», и другие, пришедшие в руководство партии, скажем, в конце 40-х или в 50-е годы. В частности, Хабиб Бургиба, о чем уже говорилось выше, был уроженцем г. Монастир, расположенного в самом сер-

це Сахеля; и в отчий дом он периодически возвращался, жил здесь подолгу, вел агитацию. Но правда и то, что первая команда партийных лидеров, быстро сумевшая превратить Сахель в плацдарм своей организации, сама по себе складывалась вдали от патриархальной атмосферы здешних «bourgades»; и личные контакты между этими людьми завязывались на студенческой скамье, в парижских кафе или возле типографского станка, печатавшего в столице патриотическую газету: «L'Etendard Tunisien», «La Voix du Tunisien» и затем – «L'Action Tunisienne». Собрание, организованное этой кучкой людей, которое стало считаться официальным учредительным съездом Нового Дустура, произошло опять-таки в Сахеле, но не в родном городе Бургибы, а в находящемся неподалеку промысловом селе Ксар-Хелляль, где многие жители, не порывая с земледелием, а у настоящего сахельца всегда была своя хоть крохотная оливковая плантация, зарабатывали себе кусок хлеба на полукустарных текстильных фабриках. Кроме того, в программе партии Новый Дустур, которая на скрывала, а напротив, подчеркивала свои сахельские корни²¹³, никогда не содержалось каких-либо отдельных требований в интересах Центрально-Восточного района.

Из сказанного выше уже очевидно, что Бургиба и другие активисты, образовавшие свою фракцию в Либерально-конституционной партии – Дустур еще в 1933 г., начинали с выступлений в печати. Собственно, и первое политбюро Нового Дустура, образованное через год в Ксар-Хелляле, состояло почти целиком из членов редакции «L'Action Tunisienne». А до учреждения этой самостоятельной газеты Хабиб Бургиба и его коллеги печатались в уже существовавших дустуровских газетах, выходивших на французском языке. (Местное законодательство в протекторате было таково, что открыть арабское периодическое издание, политического свойства, оказывалось затруднительным, а то и невозможным [17]). В новой газете существовала редакционная колонка, подписанная вымышленным именем

²¹³ Из пяти официальных учредителей Нового Дустура четверо – два брата Бургиба, Бахри Гига и Тахар Сфар были сахельцами и только один, Махмуд Матри – столичным уроженцем. Земляком Хабиба Бургибы являлся также молодой, по сравнению с ним, руководитель парижской секции партии Хеди Нуира – будущий премьер-министр Тунисской республики, которого «Верховный борец» еще в тридцатых прочил себе в замену, и вновь вернулся к этой идее в 70-е годы. Полный список сахельцев, входивших в руководящие органы партии до и после независимости, составил бы не на одну страницу. (Сведения о главных соратниках президента см. в Биографическом приложении).

Guenillard, создававшим собирательный образ народного заступника – нечто вроде санкюлота или благородного рыцаря в отрепьях. Этот, скоро ставший популярным, литературный герой рассказывал маленькие истории о повседневных унижениях, испытываемых тунисцем – грузчиком в порту или слугой у французского хозяина, сельским бедняком или крепостным у европейского колона. За собственной подписью Бургибы выходили статьи на тему, скажем, бюджетного анализа или продолжавшие начатую уже давно полемику с местными социалистами, всегда готовыми защищать интересы человека труда, но встающими горой против «туземца», покушающегося на саму идею французского протектората. По тональности газета явно обращалась к демократической аудитории, но и не слишком широкой, поскольку тунисцев-мусульман, читающих по-французски, да и просто грамотных было тогда немного. Между тем еще накануне образования своей партии и особенно после выхода руководителей из южной ссылки в 1936 г., когда «новые» резко усилили свою пропаганду, они обращались к массам при помощи устной агитации на другом языке; а главное – с простыми и понятными лозунгами.

Зачастую разъезды Бургибы по провинции, чтобы подогреть энтузиазм и воодушевление встречающих, обставлялись в духе традиционного праздника. С оркестром, наигрывающим ритмичные народные мелодии, с гортанными выкриками и пением, с участием юношей, одинаково одетых в подобие белой униформы; наконец, к собранию подъезжал грузовик, в кузове которого находился оратор и сопровождавшие его люди. При Новом Дустуре существовали две похожие организации: «Дустуровская молодежь» и «Бойскаутская звезда»²¹⁴, видимо, адаптировавшие к местным

²¹⁴ Максименко В.И. Партии в переходном обществе..., с. 153. «Дустуровскую молодежь», которая представляла собой нечто вроде охранных отрядов партии, возглавлял поэт Лайд Джебари, «Бойскаутскую звезду» – Хассуна Зауали (*El Mechat S. Le Nationalisme tunisien. Scission et conflits 1934-1944*, Paris: L'Harmattan, 2002, p. 123). Кроме того, в Тунисе в 30-х годов создавались и другие бойскаутские союзы, иногда с просветительскими или спортивными интересами, они получили развитие и среди европейской молодежи. Весной 1934 г. в одну из новых организаций, «Мусульманские скауты Туниса», вступил 16-летний юноша Азеддин Аззуз, который позднее вспоминал, как они давали клятву перед тунисским знаменем служить своему отечеству, помогать ближнему и соблюдать скаутские законы. В своих мемуарах он уделит место выражению благодарности «сердечному француз», графу Рене Шандон-Моз – «одному из основателей скаутского дви-

правам модную тогда европейскую (бойскаутскую) модель, которая, надо думать, легко прижилась, отвечая и вполне типичной для мусульманской среды, а специалистам хорошо знакомой по фольклору и средневековой арабской прозе – в жанре городского рассказа – дружинной форме юношеских союзов «молодцов» (*фитьян*). Все это отвлекало мужскую молодежь от социализации в рамках орденовских союзов, включая суфийские братства (к которым новые дустуровцы относились крайне враждебно), увеличивая притягательность движения, стремительно набиравшего сторонников.

Но та же партия Новый Дустур, при известном своем традиционализме, по многим параметрам выглядела вполне современным политическим образованием; а на некоторых этапах, и особенно – в послевоенный период приобретала в глазах наблюдателей черты лейбористской организации («*parti travailliste*»), переплетаясь на разных уровнях со Всеобщим тунисским союзом труда (ВТСТ). Другую группу солидарных с ней организаций составляли предпринимательские объединения, вроде ассоциации промышленников и торговцев, тунисского агросоюза и т.д.

Феномен Нового Дустура как мобилизационной силы тунисского освободительного движения, крупной и дисциплинированной партии, действовавшей в окружении национальных организаций-сателлитов, давно оказался в поле зрения исследователей, вызывая не меньший интерес, чем фигура ее лидера, чьи портреты еще в канун провозглашения независимости красовались на стенах почти каждого простого тунисского дома. При незначительных расхождениях в частных оценках, исследователи, как правило, дают этой партии, которая, «не дотягивая до западных стандартов, все же резко отличалась от клановых партийных образований восточного типа»²¹⁵, следующие характеристики:

1. Наличие хорошо организованного центрального аппарата и развитой структуры на местах (свыше 400 первичных ячеек ко второму съезду Нового Дустура, состоявшемуся в ноябре 1937 г.);
2. Широкая социальная база, включавшая самые разнообразные демократические слои общества: от ремесленно-крестьянской массы и мелких предпринимателей в полугородских местечках (бальда) на

жения в Тунисе» (*Azzouze A. L'histoire ne pardonne pas. Tunisie: 1938-1969*, Paris: L'Harmattan, Tunis: Dar Ashraf, 1988, p. 18-19).

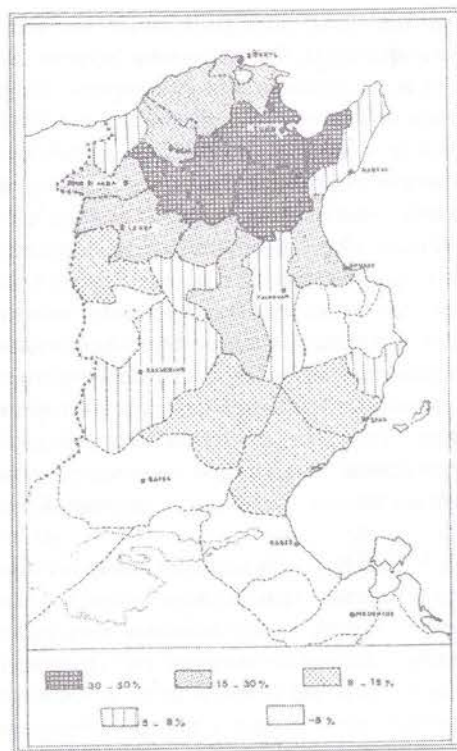
²¹⁵ Garas F. Op. cit., p. 94.

восточном побережье страны, колыбели Нового Дустура, до жителей степных кочевий и шахтерских городков;

3. Раннее проникновение в среду городских промышленных рабочих и тесная связь с профсоюзами. В 30-е годы Бургиба реанимирует Всетунисскую общую конфедерацию тунисских трудящихся (ВКТТ), распушенную в начале 1925 г. и «наводняет ее неодустуровцами»; после второй мировой войны организует сотрудничество с единым профцентром Всетунисский союз тунисских трудящихся (ВТСТ), в блоке с которым партия и приходит к власти, одержав победу на выборах в Национальное учредительное собрание (созвано 8 апреля 1956 г.);
4. Выдвижение Новым Дустуром с первых своих шагов стратегического лозунга национальной независимости, не исключавшего промежуточные требования (в том числе участие в бейском правительстве);
5. Гибкая тактика борьбы, подразумевавшая, с учетом обстоятельств, переход от силового давления (организация массовых выступлений, забастовки и т.д.) к переговорам с колониальной администрацией и правительством метрополии на основе программы-минимум (например, попытка договориться о реформах с кабинетом Леона Блюма). В этом смысле метод «бургибизма» являлся блестящим примером следования тезису о политике как искусстве возможного;
6. Ориентация на перспективу мирных и партнерских отношений с бывшей метрополией, тезис: «независимость при взаимозависимости» (l'indépendance dans l'interdépendance), что рельефно отражает заглавие книги Хабиба Бургибы «Тунис и Франция. 25 лет борьбы во имя свободного сотрудничества» (сборник его речей и писем разных лет, увидевший свет в конце 1954 г.)²¹⁶;
7. Гуманная направленность идеологической программы, которая, как уже говорилось выше, не имела целостного вида, а с приходом партии к власти постепенно вылилась в комплекс идей «социально ориентированного национализма», бравшего себе за образец опыт европейской социал-демократии. Конкретно же – скандинавскую модель, в которой заговорили уже на V-ом партийном съезде (ноябрь 1955 г.), состоявшемся незадолго до провозглашения независимости страны.

²¹⁶ Bourguiba Habib. La Tunisie et la France. Vingt-cinq ans de lutte pour une coopération libre, Paris: Julliard, 1954.

Удельный вес европейских фермерских хозяйств в различных районах Туниса

Разумеется, с годами партия Новый Дустур претерпела – и в идеологическом и в организационном смысле – целый ряд превращений, и этот процесс стал развиваться, если не с V-ого съезда, накануне которого численность ее рядов сразу утроилась, то по крайней мере, начиная с внутрипартийной реформы 1958 г., происходившей через два года после завоевания независимости страны: в тех условиях, когда в «верхах» откристаллизовалась концепция «партийно-государственного симбиоза»... Тем не менее, как пишет В.И. Максименко, для которого страны Магриба послужили материалом сравнительного исследования роли политических партий в переходном обществе, «к специфическим (и даже уникальным) чертам

тунисского варианта политического развития относится то, что *ведущим носителем функции национальной интеграции* (курсив автора – М.В.) здесь выступила не армия и не традиционная монархия, опирающаяся на разветвленный репрессивный аппарат, а массовая политическая партия»²¹⁷.

Также нельзя не согласиться с В.И. Максименко, когда он отмечает, что неодустуровская партийная традиция, как таковая, берет начало между двумя мировыми войнами, а складывалась она в контексте демократизации состава местной «бикультурной элиты» и выдвижения на первый план «разночинного провинциального элемента» из тунисского Сахеля – анклава, свободного как от европейской аграрной колонизации, так и от господства крупного землевладения восточно-феодалного типа. Причем немаловажную, продолжает автор, а в отдельные исторические моменты решающую роль в формировании неодустуровской партийной модели сыграло лидерство Хабиба Бургибы, соединившего харизму – природный дар магнетического воздействия на массы, с качествами «умелого партийного организатора, талантом маневрирования, незаурядной широтой политического кругозора»²¹⁸.

Коль скоро Хабиб Бургиба персонифицирует целую эпоху в истории Туниса, и за последовательными ее периодами всплывает меняющийся с годами образ этого человека, стоит добавить несколько живых мазков к портрету «Верховного борца», как назовет своего вождя партия «néos» и как будет твердить о нем государственная пропаганда, не жалеющая средств на парадные портреты статного и улыбчивого президента. А с фотографий Бургибы довоенного времени глядит красивое интеллигентное лицо с иногда страдальческим и напряженным взглядом. В жизни он производил впечатление человека нервного и необычайно подвижного, способного при невысоком росте, войдя в дверь, сразу заполнить собою все пространство. В его внешнем облике поражало сочетание бурной жестикуляции итальянца с волевым, тяжеловатым подбородком англосакса и нездешние прозрачные глаза с морской синью, выдававшие в нем, наверное, дальних берберских предков. А европейский лоск и театральность не только на трибуне, но и в личном общении, наводили друзей на сравнения то с Жераром Филиппом в роли князя Мышкина, то с Чарльзом Чаплиным в роли Великого Диктатора или... «маленького человека». Когда он говорил перед толпой, то мог и пла-

²¹⁷ Максименко В. И. Партии в переходном обществе..., с. 188.

²¹⁸ Там же, с. 189.

вать, и смеяться. Когда оказывался в тюремной камере, то снова ходил и говорил. Его настигали минуты депрессии, в письмах он признавался, что тоскует по домашнему теплу. Однако политика была его стихией...

За свою жизнь Бургиба выступал так много, что его преследовала болезнь голосовых связок, о которой он сообщал еще в письмах середины 40-х годов; да и вообще, с детства он много болел, но по натуре был гедонистом, любившим общение. Он тщательно следил за своим внешним видом, отдыхал за роялем, а в студенческие годы танцевал чарльстон, не прочь был повозиться на кухне и часто бывал поваром для своих товарищей. Любил пошутить, не уклонялся от праздников и готов был пожертвовать всеми радостями жизни во имя заветной цели. «Добиться независимости или погибнуть!» – таков был его девиз. Единственная, пожалуй, опасная черта, проявившая себя на ранней стадии его деятельности, это была боязнь предательства, предвещавшая тяжелые срывы характера в пожилом возрасте. Вместе с тем, люди, тесно сотрудничавшие с ним, рекомендовали Бургибу как человека отважного, проявлявшего это свойство в самых острых ситуациях. Видимо, он был в этом смысле даже фаталистом, веря как мусульманин в божью благодать «барака», которая его хранила.

Президент Бургиба как-то вспоминал, что молодым, ощутив в себе дар красноречия, он понял, каким могучим оружием владеет, способным послужить общему делу²¹⁹. Тем не менее, симптоматично, что начав с публикаций в «La Voix du Tunisien» («Голос тунисца»), где 23 февраля 1931 г. появилась его первая статья в этой газете, посвященная доказательству «юридической необоснованности продления режима протектората»²²⁰, он вскоре создает другую газету «L'Action tunisienne» («Тунисское действие»). Эту символику названий: от «Голоса» к «Действию» – подметил в свое время Жак Берк в известной монографии «Магриб между двумя мировыми войнами»²²¹. В свойственной ему манере исторического импрессионизма автор указывает также, что вместе с Бургибой в политику ворвались новые люди, которые, используя со всей исчерпывающей возможностью традиционную для мусульманской политической культуры силу «зова», риторику, эмоциональной устной речи, были вполне оригинальны – и не потому,

²¹⁹ Camau M. Tunisie au présent. Une modernité au-dessus de tout soupçon? Paris: CNRS, 1987, p. 146.

²²⁰ Хабиб Бургиба. *Хайатуху ва джихадуху...*, с. 32.

²²¹ Berque J. Le Maghreb entre deux guerres. Paris: Seuil, 1962, p. 263.

что актуализировали потенциал крестьянского бунтарства (ведь Саад не глух уже разбудил египетского феллаха). А поскольку они уловили истинность поля своего действия и, может быть, по естеству, отчасти — на рациональному расчету, умело подбирали ключи к сердцам своего народа, желая сделать его «народом, преодолевающим свою судьбу». (Формула-рефрен в речах Бургибы — *M.B.*). И трудно, пишет затем Жак Берк, размышляя о первых шагах партии Новый Дустур, отрешиться от образа оны с ее корнями, которые тысячелетиями врастали в почву тунисского Саада и с ветвью, «символика которой понятна всюду»²²².

* * *

Закономерно возникает вопрос, какое влияние на формирование неодаустуровской платформы 30-х годов и взглядов самого Бургибы могли оказывать идеология левого крыла французского политического спектра (*la gauche française*), нашедшая свое место в интеллектуальной жизни Туниса и в том числе — влияние тунисского коммунистического движения, представленного изначально в основном европейцами, итальянцами или французами, либо выходцами из образованной верхушки местной еврейской общины. Они же, пестрые по своему культурно-этническому составу «евроафриканцы» становились, как это было и в других странах Магриба (и в Египте), первыми организаторами профсоюзного движения, проникнутого марксистскими идеями. По словам Ж. Берка, голос французских левых давал тунисцам представление о другой — лучшей стороне Франции, радикально «отличавшейся от ее колониального лица». Он звучал и в Консультативной конференции (по бюджетным вопросам) при Генеральном резиденте, которая служила представительным органом здешних французских граждан, а с 1907 г. была расширена за счет нескольких лиц, назначаемых беом: 15-и мусульман и одного еврея, против 36 французов, избиравшихся путем голосования²²³. Интересна и такая деталь, которую можно найти в упомянутой выше книге «Магриб между двумя мировыми войнами», что в период с 1924 г. по 1934 г. газета «Tunis-Socialiste» являлась единственным социалистическим изданием, ежедневно выходившим за пределами самой Франции²²⁴. В этой газете регулярно публиковалась разоблачительная эво-

²²² Ibid., p. 265.

²²³ Консультативная конференция в 1922 г. уступила место Большому Совету.

²²⁴ Berque J. Op. cit., p. 350.

мическая хроника Дюрана-Анливьееля «Открытое окно», и ее страницы являлись приютом даустуровцам, когда их собственная печать подвергалась преследованиям цензуры²²⁵.

Не вдаваясь в излишние подробности, скажем, что среди наиболее ярких деятелей и агитаторов партии Новый Дустур, для руководства которой за годы до завоевания независимости было избрано несколько политбюро с меняющимся составом, встречались люди разных взглядов и политических настроений, каковые, в свою очередь, эволюционировали у каждого. Последнее в полной мере относится к «философии политического действия» Бургибы, как он сам определял свою теорию, где не было места призывам к социальной революции. Путевой звездой этой философии была идея тунисского возрождения (*nahda tunisienne*), а содержанием — поиск оптимальных методов сплочения народа, каков он есть. Хотя на раннем этапе среди ближайших соратников лидера был, например, Махмуд Матри — соучредитель Нового Дустура и его первый председатель, раньше состоявший членом Французской компартии (исключен в 1924 г. за троцкистский уклоны)²²⁶. Вторым бывшим коммунистом из пяти соучредителей партии являлся М'хамед Бургиба-старший. Да и сам Хабиб Бургиба в свои молодые годы, проведенные в Париже, имел определенные контакты с кругами французских левых. Правда, он любил читать Гюго и, судя по всему, «никогда не брался за марксистскую литературу, считая, — пишет Кл. Г. Мур, — безынтересной для Туниса теорию об индустриальном обществе»²²⁷.

Думается, это утверждение автора верно лишь наполовину. Бургиба был слишком любознательным человеком, чтобы не поинтересоваться литературой — пусть не штудировать ее, — которая определяла состояние умов и парижского студенчества середины 20-х годов, то есть той среды, где вращался будущий президент, и многих его учителей, включая видных

²²⁵ Эта газета была основана в 1921 г. адвокатом А. Дюраном-Анливьеелем, одним из лидеров тунисского отделения СФИО. С 31 мая 1933 г. до следующей весны, когда печать националистов находилась под запретом, «Tunis-Socialiste» открыла рубрику для журналистов-даустуровцев, которая так и называлась «Droit d'Asile» («Право убежища»). Сама эта газета была запрещена 10 сентября 1934 г. — через неделю после ареста первой группы лидеров Нового Дустура, затем выходила в 1936-1938 гг. и в послевоенное время.

²²⁶ C.H. Moore. Op. cit., p. 107 (Автор ссылается на информацию, полученную им в беседе с М. Матри).

²²⁷ Ibid., c. 43.

деятели старой или, точнее, – ранней партии Дустур. От соответствующей идеологии он отказывался по принципиальным соображениям. Показательно, что в автобиографии Бургиба начинается изложение истории своей политической жизни с двух статей, написанных его рукой и опубликованных в газете «L'Etendard Tunisien». Первая из них «La Voile» была посвящена вопросу о чадре и вышла 11 января 1929 г.; вторая появилась 23 февраля 1929 г. В этой статье под названием «Le «Durellisme» ou le Socialisme boîteux» («Дюреллизм» или Хромающий социализм») автор, как он сам вспоминает, раскритиковал двусмысленную позицию французских социалистов в Тунисе, «которые, с одной стороны, как правило, выступают за свободу тунисского народа, но с другой, – отрицают существование такого народа»²²⁸. Известно, что подобного рода противоречия между носителями националистической идеологии и социалистами (сюда прибавим и коммунистов)²²⁹ существовали в политической среде всех стран Северной Африки; а двусмысленность позиции лучших представителей французской интеллигенции в отношении проблемы, о которой говорил Бургиба в своей статье, отразилась и в ряде, бесспорно, значительных научных работ, в частности, принадлежащих историку Шарлю-Андре Жюльену – многие годы и до глубокой старости личному другу тунисского президента. (Подробнее о нем см.: Биографическое приложение).

Контакты и личные связи с французскими социалистами, особенно укрепившиеся в короткий период правительства Народного Фронта, когда возникла была надежда на успех переговоров с Кэ д'Орсэ о реформе режима протектората, Бургиба и его сподвижники поддерживали посто-

²²⁸ Бургиба Х. Указ. соч., с. 30. Под «дюреллизмом» имелась в виду позиция лидера ДО ВКТ – тунисского социалиста Иохима Дюреля (позже его место занял Альбер Бузанке).

²²⁹ Последнее в большей мере относится к алжирским коммунистам, среди которых до «арабизации» их отделения (местной федерации) ФКП, рекомендованной VI конгрессом Коминтерна, алжирцы составляли ничтожное меньшинство. В тунисской федерации, затем – компартии (ТКП), ситуация была иной. (См. наш комментарий [11]). Отношения между коммунистами и дустуровцами в начале становления обеих организаций были тесными, порой в них участвовали одни и те же лица. В дальнейшем эти отношения развивались через сложные этапы, что диктовалось не только внутренней обстановкой, но и факторами мировой политики, равно как отражением «колебаний линии» ФКП и сменой лозунгов Коминтерна по национально-колониальному вопросу.

янно. Хотя «на месте» жестко соревновались с теми же социалистами за влияние на рабочую среду. В это время большое значение придавалось развитию внешнего отдела партии, возглавленного в Париже студентом юридического факультета Хеди Нуирой, в задачи которого входила связь с информационными агентствами и размещение статей в демократической французской прессе. В одном из писем этому адресату от ноября 1936 г. Бургиба сообщает, что в помещении Нового Дустура в Тунис проходят митинги Комитета безработных, а в Монастире партия взяла под свою руку найм поденщиков на строительно-ремонтные площадки, что на Севере партийцы перетянули на свою сторону некоторые отделения профсоюза сельскохозяйственных рабочих, выведя их под контроля СФИО и т.д.²³⁰ Конечно, во многих случаях социальные требования дустуровцев и «левых» совпадали, но и расхождения были велики: в том числе по вопросу о религиозных ценностях.

²³⁰ Histoire du mouvement national tunisien. 9 avril 1938. Le «procès» Bourguiba. Documents inédits, interrogatoires et dépositions, Tunis: Ed. CDN, 1967, p. 54, 65.

Как сделать партию массовой... и при чем тут кладбища?

Пожалуй, самым неопределенным пунктом идеологии Нового Дустура до его прихода к власти было как раз отношение к религии и к традиционному комплексу ислама – в широком смысле. В зависимости от того, из каких общественных кругов метрополии исходили соответствующие оценки, характеристика лидерского ядра Нового Дустура могла варьироваться в широком спектре. Картезианцы, умело манипулирующие религиозными чувствами народа; опасные «интеллектуальные метисы»; или же, напротив, замешанные на французских дрожжах и прогрессивно мыслящие «*évolués*», искренне желающие примирить в самих себе принадлежность к двум цивилизациям и достигнуть синтеза культур в новом общественном сознании.

Что касается самого Бургибы, то в период освободительной борьбы он, – по словам одного из наиболее авторитетных современных тунисских историков, – фактически обходил в своих высказываниях проблему религии, в сравнительно редких случаях из чисто тактических соображений апеллировал к защите мусульманских традиций²³¹. Об исламе лидер партии заговорил, и в ином ключе, уже на посту государственного руководителя.

Однако, если не вернуться к одному, но критическому из тех эпизодов, когда Бургиба вставал на защиту мусульманских традиций, останется открытым вопрос: «Как же случилось, что “европеизированные” националисты – неадустуровцы получили широкую поддержку коренного населения, не разделявшего их мировоззрения?»²³² Мировоззрения скорее «адептов принципа конфессиональной нейтральности, нежели поклонников восточной теократии», как их оценивали Ш.-А. Жюльен и другие европейские историки, ... скорее деистов, чем верующих (во всяком случае, таким был Бургиба)²³³, завоевавших поддержку населения в основном негра

²³¹ Cherif M. El-Hadi. *Reformes et Islam chez Bourguiba*. – *Annuaire de l'Afrique du Nord*. Ex-en-Provence: CNRS Edition, T. XXXIII, 1994, с. 60.

²³² Левин З. И. Развитие арабской общественной мысли. 1917-1945, М.: Наука, с. 96.

²³³ Некоторые авторы высказывали мнение, что Хабиб Бургиба являлся глубоко религиозным человеком и с этой точки зрения интерпретировали всю его деятельность (См., например: Begue C. *Le message de Bourguiba*, Paris: L'Hachette, 1977). Его биографы, как правило, говорят иное. Еще Бахри Гига утверждал: «Бургиба

и причем тут кладбища?

никого, для которого высшим авторитетом являлись шейхи аз-Зейтуны, а непосредственным наставником – чаще всего местный марабут или деревенский сосед, умевший читать Коран.

Между тем парадокс или секрет популярности – как угодно – партии Новый Дустур заключался в том, что она умела использовать религиозные символы, привлекая к себе симпатии населения. В свою очередь, лидер этой партии, политический прагматик, которому были присущи способность идти на рассчитанный риск и смелость – «смелость, сочетавшаяся с каким-то сверхъестественным даром Бургибы приспособляться к обстоятельствам и использовать их в своих интересах»²³⁴, сумел в начале 30-х годов обезоружить старых вождей Дустура, обостряя их собственные традиционалистские лозунги. Заодно он выбил из седла ученых наставников аз-Зейтуны, оказавшись на время «правее» их самих.

При поверхностном знакомстве с историей Туниса довоенного периода может показаться странным диссонансом в поведении Бургибы то обстоятельство, что он выступал за ношение женщинами чадры... А событием, которое послужило прелюдией к расколу в рядах Дустура, стала несколько иная история с демонстрацией населения против захоронения на мусульманском кладбище г. Монастир умершего сына некоего натурализованного, то есть, принявшего французское гражданство тунисца. Вопреки желанию «партийных бонз», Хабиб Бургиба откровенно поддержал эту акцию... Более того, объявил своих земляков героями, а одного из них, погибшего в столкновениях со стражами порядка, – страстотерпцем и способствовал тому, чтобы могила этого «шахида» стала местом паломничества.

никогда не был верующим...» (Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 48). От многих современных тунисцев – как от активных членов дустуровской партии (ДКО), так и от людей, политически нейтральных, как от поклонников, так и от ярых критиков Бургибы, автору этих строк приходилось слышать категорическое мнение, что президент был атеистом. Последнее, разумеется, не мешало ему подчеркивать свою мусульманскую культурную принадлежность. Гадать, что на самом деле было у него в душе, – дело бессмысленное. Однако характерен рассказ, который передают со слов одного из бывших тунисских министров, весьма известного человека. Тот спросил Бургибу, верит ли он в Бога. Поступил следующий ответ: «Ну, да... когда я болен, нездоров... Но если он существует, то был бы доволен мною! А если его нет, то я доволен сам собой».

²³⁴ Иванов Н. А. Указ. соч., с. 132.

Чем объяснить такую позицию лидера, казалось бы не отличавшегося ни ксенофобией, ни консерватизмом? И почему Бургиба считал, что, «записанная на скрижали истории современного Туниса»²³⁵, борьба его партии против обретения мусульманами гражданства метрополии сыграла столь важную роль не только в становлении Нового Дустура, но и в судьбе страны?

Дело в том, что именно в Тунисе вопрос о натурализации оказался в центре политических страстей: колониальная администрация поощряла переход местных жителей, евреев и мусульман, во французское гражданство и даже имела количественные планы-задания на этот счет, не надеясь на приток новых поселенцев из метрополии в протекторат и желая создать в регентстве перевес французов над итальянцами. Последнее было с трудом достигнуто лишь накануне второй мировой войны [18]. Приверженцы Старого Дустура в тридцатых не столь решительно выступали против подобных планов в отличие от «новых», которые в этом пункте расходились и со старыми мэтрами тунисского национализма, и с видными алжирскими деятелями, а именно – с «Федерацией туземных избранных». (Политическая партия, которая стояла как раз за ассимиляцию – придание коренным жителям Алжира статуса французских граждан, а соответственно и получение всех вытекающих отсюда прав)²³⁶.

²³⁵ Бургиба Х. *Хайатуху ва джихдуху*..., с. 35.

²³⁶ Еще в XIX в. все европейцы, родившиеся в Алжире, а также местные евреи (с 1870 г.) автоматически получили французское гражданство. Основная масса алжирцев-мусульман, кроме натурализованных, имела статус «подданных» (*sujets français*). По данным Ш.-А. Жюльена, за период с 1865 г. по 1934 г. процедуру натурализации прошли 2,5 тыс. алжирцев, то есть в среднем по 36 человек ежегодно (*Julien Ch.-A. Op. cit.*, p. 49). Декрет от 4 февраля 1919 г. узаконил эту процедуру, но одновременно ее и усложнил, поэтому натурализация в Алжире замедлилась. (Подробнее см.: *Ganiage J. Op. cit.*, 749). Вместе с тем была расширена категория лиц из числа «туземцев», наделенных избирательным правом. Мужчины старше 25 лет – землевладельцы, патентованные торговцы и чиновники, военнослужащие, обладатели дипломов (хотя бы о начальном образовании), наград и т.п. смогли участвовать в муниципальных и окружных выборах. Депутатов в парламент метрополии избирали только те, кто имел французское гражданство, против чего и возражали первые националисты, начиная с эмира Халида безуспешно пытавшегося создать в 1922 г. ассоциацию «Алжирское братство». В 1927 г. возникла Федерация туземных избранных (ФТИ), которую образовали около 150 алжирских представителей в различных выборных органах местного уровня: в так называемых финансовых делегациях, «генеральных» и муници-

Между тем сохранение «тунисского лица» страны было краеугольным камнем идеологии Бургибы. И новые дустуровцы крайне опасались «алжиризации» Туниса, то есть попыток растворить его население, загубить культуру, отнять львиную долю пахотных земель и даже сделать владения тунисского бея (а такие проекты обсуждались с 1881 г.) четвертым заморским департаментом Франции, в дополнение к тем трем, из которых состоял колониальный Алжир, считавшийся непосредственным продолжением французской территории. Понятно, что твердая позиция Нового Дустура в пользу не столько религии, сколько национальной идентичности (пусть символом таковой до поры до времени останется паранджа) разводила взгляды этой партии и левых интернационалистов.

Протесты против натурализации тунисцев-мусульман были не новы: партия Дустур была озабочена этим вопросом с 1923 г. – с тех пор, как резидент Люсьен Сэн принял соответствующий закон, который дал националистам новую пищу для антифранцузской пропаганды²³⁷. Дустур в этой

пальных советах. Федерацию, которая не пользовалась влиянием за пределами департамента Константина и в значительной мере состояла из алжирцев с французским гражданством, лишь условно можно назвать партией или эмбрионом партии. Ее возглавили Мухаммед Бен Джаллуд и Белькасем Бентами. Со временем в идеологи ФТИ выдвинулся молодой фармацевт из г. Сетиф – Фархат Аббас, опубликовавший в 1931 г. сборник своих статей предыдущих лет, в которых он, восхваляя достоинства арабской цивилизации, признавал, что «Алжир – французская земля, а мы – французы со своим мусульманским личным статусом». Тем самым было высказано его кредо: добиваться превращения Алжира из колонии Франции в ее настоящую провинцию (См.: *Ланда Р.Г. История Алжира XX век*, М.: ИВ РАН, с. 62-64, 85; *Ch.-A. Julien. Op. cit.*, p. 163-164; *Berque J. Op. cit.*, p. 281).

²³⁷ Закон от 20 декабря 1923 г., предложенный еще в мае (затем он прошел обсуждение в Палате депутатов и Сенате) и продиктованный конъюнктурными обстоятельствами, облегчал процедуру натурализации. Согласно ранее действовавшему закону от 1910 г., французское гражданство мог обрести подданный бея, чьи данные отвечают как минимум одному из 4-х условий. Если он прослужил не менее трех лет в французской армии, женат на француженке, имеет университетское образование или «оказал Франции выдающиеся услуги». Отныне образовательный ценз был снижен и даже не требовалось обязательное знание французского языка. Разумеется, власти и не предполагали поголовное предоставление тунисцам гражданства метрополии. Закон 1923 г. о натурализации, как и предыдущие декреты от 8 ноября 1921 г., один французский, другой тунисский (касавшиеся только европейцев), был нацелен главным образом на увеличение численности

связи даже обратился через голову аз-Зейтуны к авторитету шейхов аль-Азхара, разъяснивших, что правоверного с французским гражданством следует считать «отступником». Арабские газеты Туниса запестрили возмущенными письмами с мест и фельетонами, высмеивавшими новоиспеченных господ-европейцев; развернули дискуссию о понятии «нация», доказывая что оно тождественно вероисповеданию и, следовательно, натурализация – святотатство²³⁸. Однако подобные протесты мало-помалу затих-

французской колонии в Тунисе за счет выходцев с Мальты и прочих европейских разного этнического происхождения, а также за счет местных евреев. Тунисские мусульмане не спешили им воспользоваться, опасаясь быть подвергнутыми ostracismu со стороны соседей и родственников, хотя приобретение французского гражданства сулило большие выгоды (для чиновника: автоматическое увеличение жалованья на одну треть). Охотнее на это шли приезжие мусульмане. Националисты отчасти искусственно гальванизировали проблему натурализации, ухватившись за этот повод, чтобы преодолеть разброд в собственных рядах. Однако после того, как стало ясно, что аз-Зейтуна не выдает фетву, осуждающую закон, и бей разрешил его опубликовать, первая кампания против натурализации, которая имела место на протяжении нескольких месяцев 1923 г., свернулась сама собой, чтобы вновь вспыхнуть десять лет спустя (См.: *Ch.-A. Julien. Op. cit., p. 115; Mahjoubi A. Op. cit., p. 345-350*).

²³⁸ В качестве иллюстрации приведем несколько пассажей из дустуровских газетных публикаций лета и осени 1923 г. в том виде, в каком их цитировала французская служба политического надзора (записка, направленная 12 октября на имя Пуанкаре). «Вот уже сорок лет тунисцев пытаются прельстить обещаниями и обязательствами уважать их обычаи и религию... Проект закона о натурализации – новая ловушка. Вся французская пресса о нем шумит, усматривая долг Франции в том, чтобы... в грядущие 25 лет сделать из жителей Северной Африки французов. Надо, говорят французские газеты, избежать ошибки, допущенной Англией в Египте. И постараться абсорбировать туземцев Северной Африки, чтобы они не сказали Франции то же самое, что египтяне сказали Англии: «Страна – наша. Мы можем теперь обойтись без вас. Убирайтесь вон!». (Газета «*Савваб*»). «Но авторы проекта глубоко ошибаются, если думают, что тунисцы откажутся от своей национальности, которой они гордятся...они не дадут заманить себя в ловушку. Предоставление французского гражданства – не больше, чем способ заглотнуть жирный кусок, который представляет из себя Тунис («*Аср Джадид*», г. Сфакс). «Христианство не поднялось до понятия единой семьи и распалось на различные национальности, тогда как Ислам рассматривает всех своих приверженцев как равных братьев, подчиняющихся одним и тем же законам... Многие европеизированные молодые мусульмане говорят: «двери натурализации открыты европейцам-иностранцам. Почему бы и нам не последовать за ними?». Эти несчаст-

ли, а представители официального духовенства, поглощенные своими проблемами (в том числе реформой богословского образования), не только индифферентно отнеслись к Евхаристическому конгрессу, но и посмотрели сквозь пальцы на обозначившееся в начале тридцатых – и понятное в логике международных событий – стремление французских властей ускорить натурализацию²³⁹.

К этому времени в регентстве имела лишь небольшая группа мусульман, принявших французское гражданство. Это были коренные жители страны, а зачастую – осевшие здесь алжирцы, натурализовавшиеся в силу разных причин, иногда вследствие браков с француженками. Они объединялись в Лигу франко-мусульман, насчитывавшую около 2 тыс. человек²⁴⁰. Причиной недружелюбия к ним могли быть, помимо всего прочего,

ные не понимают, что натурализация не спасет их от государственного произвола. Ведь сказано в Евангелии: Богу – богово, а Кесарю – кесарево». («*Аль-Умма*»). «Какой человек пойдет на изменение своей национальности? У нас славное прошлое: Аглабиды..., Хафсиды, Хусейниды (династии, правившие в Тунисе – М. В.), не наши ли они? Не мы ли являлись цивилизаторами? Какая национальность может соперничать с нашей? Несчастье на голову того, кто выйдет из ислама! Несчастье тому, кто осквернит славу наших предков!» («*Каирван*», г. Каируан). Столичные и провинциальные газеты развивали к тому же мысль, что переход во французское гражданство повлечет за собой нарушение мусульманских семейных традиций, в частности обычая многоженства и процедуры развода мужа с женой, а также правил наследования имущества, хотя на деле натурализация не предполагала обязательного перехода под французскую юрисдикцию в делах гражданского состояния («*Watha'iq*», № 24-25, 1998-1999, p. 68-77). Единственное в этом отношении условие, введенное еще в Алжире, – чтобы претендент на французское гражданство был холост или находился в моногамном браке.
²³⁹ Еще в ноябре 1922 г. Муссолини заявил в интервью газете «*Le Temps*», что Франция своими законами о гражданстве, распространенными на Тунис, создает прямую угрозу Италии, где «нас уже 40 миллионов на территории, которой не хватает. Нам нужно более широкое пространство». (Цит. по: *Adda L. Le statut des Italiens de Tunisie. Cent ans de tergiversations // Les relations tuniso-italiennes dans le contexte du protectorat, Tunis: ISHMN, 1999, p. 34*).

²⁴⁰ Ее основал в конце 1924 г. адвокат Абделькадер Кебайли, выходец из Алжира; печатным органом этой организации являлся «*Bulletin annuel de la Ligue des Musulmans Français de Tunisie*». По данным на 1933 г., среди урожденных тунисцев насчитывалось 710 глав семейств, принявших французское гражданство. (Дети натурализованных могли свое гражданство подтвердить или отказаться от него по достижении 21 года). Дустуровцы, не колеблясь, прибегали к их услугам.

решения Мусульманского конгресса в Иерусалиме (1931 г.), который принял знаменитый Арабский пакт, где содержался призыв к полному и неделимому единству арабских стран, а также «к ожесточенной борьбе против натурализации мусульман в странах ислама, управляемых Францией». (Председателем конгресса был небезызвестный палестинский муфтий Амин аль-Хусейни; видным участником – шейх Абдельазиз Таальби)²⁴¹.

Как бы то ни было, страсти вокруг проблемы гражданства вновь разгорелись в Тунисе с 31 декабря 1932 г., после того как в Бизерте умер один натурализованный тунисец, и уездный муфтий, прислушавшись к толпе, собравшейся возле дома покойного, издал фетву, запрещающую хоронить таких людей на общем мусульманском кладбище²⁴². На соответствующий запрос правительства, направленный в шариатскую коллегия, собственно, их было две – ханифитская и маликитская, иерархи духовного управления ответили фетвой противоположного смысла: тот мусульманин, который стал французом по гражданству, но исповедует ислам, неукоснительно придерживаясь его предписаний, остается в лоне своей религии. Одновременно было дезавуировано решение муфтия Бизерты²⁴³. Губерния

Так, по местному законодательству, газеты, выходившие на французском языке, должны были иметь учредителя-француза. «L'Action Tunisienne», как и «Le voix du Tunisie», имели такого в лице натурализованного мусульманина Бешира Яена (*Mahjoubi A. Op. cit.*, p. 488, 537-539).

²⁴¹ На обсуждение Мусульманского конгресса в Иерусалиме был вынесен вопрос, как после упразднения халифата распространять мусульманскую культуру и защитить ее от натиска колониализма. Шейх Таальби вошел затем в так называемое Постоянное бюро этого конгресса, в котором считался представителем Магриба.

²⁴² Это был прецедент, впервые проблема натурализации коснулась такой чувствительной темы, как похороны. После фетвы шейха Идриса «население Бизерты воспротивилось преданию земле натурализованного на мусульманском кладбище. Это была манифестация довольно бурная, манифестация грандиозная и шумная. Само собой, тунисские националисты во главе с дустуровцами были здесь ни при чем» (*El Materi M. Op. cit.*, p. 46).

²⁴³ Иванов Н.А. Указ. соч., с. 141. Следует уточнить, что улемы-маликиты, собравшиеся 3 апреля, и улемы-ханифиты, заседавшие на следующий день, вынесли двусмысленный вердикт. Те и другие сочли, что натурализованный – ренегат, но ежели он раскается, то достоин получить место в земле рядом с единоверцами. При этом ханифитская фетва никак не описывала процедуру раскаяния, а маликитская гласила, что довольно будет, если натурализованный откажется перед кадием в устной форме от французского гражданства и произнесет символ веры

тор Ж. Монсерон отдал распоряжение производить захоронение натурализованных мусульман под охраной полиции и солдат. Срочно создавались и отдельные кладбища для франко-мусульман, когда к лету стало видно, что волнениям нет конца.

«Волей случая, – вспоминал д-р Матри, – несколько натурализованных умерли один за другим в это время, и все более неистовые манифестации шли в городах провинции и Тунисе», самые крупные происходили на площадях Хальфавин и Бэб Свика²⁴⁴. Благодаря националистам, которые усматривали в натурализации подрыв и без того ущербной тунисской государственности, проблема обрела острый политический характер. Они повели сражение против натурализации, в которое со всей энергией включились д-р Матри и Бургиба. 7 апреля 1933 г. «L'Action Tunisienne» опубликовала резкую статью, разоблачавшую предательство улемов. На следующий день в разных районах столицы происходили беспорядочные митинги против фетвы и ее авторов. Народ готов был разувериться в непогрешимости «увенчанных тюрбаном»... Это была важная психологическая победа Бургибы, чьи бурные выступления против Евхаристического конгресса уже сделали ему политическое имя²⁴⁵.

Ни на один день его газета не оставляла вниманием происшествия вокруг кладбищ, возле которых был выставлен заслон из солдат африканского корпуса. Сам же старался быть на виду у манифестантов, не откладывая в сторону перо. Так, 15 апреля Хабиб Бургиба язвительно писал в статье под названием «Полиция за работой», что сенегальцы служат теперь «факельщиками» при катафалках (*les croque-morts*) и лично генерал Ногес²⁴⁶ прибыл наблюдать за военными действиями против безоружного на-

«Нет Бога, кроме Аллаха...». (*Mahjoubi A. Op. cit.*, p. 490). По существу позиция аз-Зейтуны была попыткой принять соломоново решение в отношении тех, кто французское гражданство уже имел, но отнюдь не поощряла натурализацию как таковую. Поэтому фетва шариатских коллегий, которая не удовлетворила ни правительство, ни националистов, в итоге приостановила процесс натурализации мусульман, нравственно его осудив.

²⁴⁴ *El Materi M. Op. cit.*, p. 47.

²⁴⁵ Хабиб Бургиба выступил защитником на судебном процессе, возбужденном против задержанных участников демонстраций протеста в связи с Евхаристическим конгрессом (*Bessis S., Belhassen S. Op. cit.*, p. 80).

²⁴⁶ Генерал Ногес род. в 1876 г., выпускник Политехнического института. Начинал службу лейтенантом во Франции, продолжил ее в Тунисе и Алжире (1908-1911),

селения. 17 апреля оба брата, Хабиб и М'хамед Бургиба, возглавили от имени своей группы митинг возле бейского дворца в Хаммам-Лифе, где собравшиеся требовали отставки высших иерархов мусульманской общины; затем Хабиб Бургиба был принят во дворце как руководитель делегации, которая выразила надежду, что государь встанет на защиту своих подданных. «L'Action Tunisienne» открыла специальную рубрику «Протесты со всей страны», где дружно осуждалась позиция высшего шариатского суда. В том же духе высказывалась газета Шедли Хайраллаха «La Voix du Tunisien»²⁴⁷.

До конца апреля волнения в столице не утихали. Отряды сенегальских стрелков оцепили не только столичное кладбище аль-Джеллаз, особо почитаемое в народе, но и арабский квартал Хальфавин, известный своим беспокойным людом²⁴⁸. 14 апреля здесь произошли серьезные столкнове-

затем в Марокко (1912-1914), куда вернулся с фронта в 1917 г., чтобы принять командование артиллерийским полком. Потом — служба в военном совете при президенте Французской республики, участие в военных операциях против Абд аль-Крима в Рифе, работа начальником артиллерийского училища в Фонтенбло, снова служба в Марокко (1928-1930), командование пехотной дивизией под Парижем. В 1933-1936 гг. он командующий армейским корпусом в Алжире. В марте 1936 г. назначается членом Высшего военного совета Франции, с июня того же года — генеральным инспектором вооруженных сил в Северной Африке, а с 16 сентября Генеральным резидентом в Марокко (подал в отставку 4 июня 1943).

²⁴⁷ После выхода 1 ноября 1932 г. Махмуда Матри и Хабиба Бургибы из редакции «La Voix du Tunisien» газета приостановила свой выпуск, возобновила с 28 марта 1933 г.

²⁴⁸ Этот квартал, пересеченный центральной улицей, которая зовется по-французски rue de l'Alfa, расположен на окраине «арабского города», точнее — в одном из предместий медины. Его название происходит от травы альфа (род ковыля), в изобилии растущей в степях Центрального Туниса. Она служила материалом для одного из наиболее развитых в стране традиционных промыслов — плетения циновки и разнообразных предметов домашнего обихода. В квартале Хальфавин, соответственно, селились специалисты этого дела, здесь была построена и завия Сиди аль-Хальфави — их «святого» покровителя. Но, как известно, чем дальше тот или иной ремесленный квартал расположен от Большой мечети, тем ниже социальный статус цеха, который занят данным ремеслом. К тому времени, о котором идет речь, цеховая структура была скорее воспоминанием, а такие кварталы, как Хальфавин, притягивали мигрантов из самых бедных районов страны. В основном это были южане. Квартал Хальфавин часто фигурировал в истории Туниса как один из активных очагов деятельности националистов, как Старого, так и Нового Дустура. (О городской топонимике см.: *Pellegrin A. Le Vieux Tunis. Les noms de rues de la ville arabe*, Tunis: Espace Diwan [2002], p. 44).

ния с полицией возле дома натурализованного, слух о смерти которого не подтвердился, но этой искры было уже достаточно, чтобы по городу побежало пламя. Дело было под большой мусульманский праздник и верующие отказывались посещать пятничную молитву в мечетях, где службу вели неудобные имамы. Студенты аз-Зейтуны, объявившие бойкот своим учителям, стайками бродили по городу, затеявая скандалы. Многие разехались по своим деревням, и накаленная «атмосфера бунта» к концу месяца распространилась на провинцию. Только с 18 по 22 апреля дустуровцы устроили демонстрации в девяти городах, включая Кайруан, Сус, Сфакс, Махдию, Монастир...

Политический кризис, спровоцированный конфликтом между противоречивыми фетвами муфтия Бизерты и собрания улемов, осложнила совпавшая по времени забастовка учащихся аз-Зейтуны, недовольных подготовленной в том же году реформой традиционного образования. Бей Сиди Ахмед подписал 30 марта соответствующий декрет. Он состоял из 252 глав и предусматривал как изменение организации, методики и программы преподавания, так и введение новых предметов из цикла естественных наук. Кроме того, усиливалась учебная дисциплина и вводилась система экзаменов. Хотя декрет был опубликован 29 апреля 1933 г., слухи о нем распространились раньше. «Талибы», которые сами не первый год требовали модернизации обучения в аз-Зейтуне и ее филиалах, считали новшества недостаточными, а главное, они выступали за расширение прав выпускников и увеличение количества должностей, на которые они могли бы претендовать, отнюдь — не за увеличение количества учебных часов и трудоемких экзаменов²⁴⁹. Обманутые в своих ожиданиях, зейтуновцы саботировали занятия и

²⁴⁹ Вопрос о модернизации традиционного обучения стоял уже давно. Слушатели аз-Зейтуны первые свои требования на этот счет выдвинули в ходе манифестации, состоявшейся в 1897 г., и на следующий год правительство учредило Совет по реформе зейтуновского образования, который оказался «долгим парламентом» и в 1930 г. был созван в четвертом составе. В самом начале деятельности Совета, куда входили не только мусульмане, но также два француза, а именно генеральный секретарь правительства и директор Департамента просвещения, была отвергнута раз и навсегда идея подчинить богословский университет данному департаменту. В итоге учебная система при главной мечети аз-Зейтуна, сохранив административную автономию, действовала под надзором премьер-министра, тунисца. Что касается сути дела, то с 1898 г. к преподаванию богословия, фикха (шариатского права) и тафсира (толкования Корана), а также арабского языка и еловесности, были добавлены такие дисциплины, как элементарная математика, история и география. Затем в 1912 г., по образцу каирского аль-Азхара, программа обучения в аз-Зейтуне получила, помимо арифметики, также геометрию и алгебру, топографию и астрономию, но доля таких дисциплин не составляла и тре-

охотно присоединялись к толпам демонстрантов, митинговавших вокруг кладбищ. С этого момента «студенческое движение» впервые получило политическую окраску, а его представители, прошедшие курс риторики, стали неплохими массовыми агитаторами, тем более, что сами они являлись, как правило, провинциалами, выходцами из «мещанства» или относительно зажиточной прослойки деревенских жителей²⁵⁰. Таким образом, кампания против натурализации получила поддержку и с этой стороны, обеспечив молодым журналистам помощников, на которых они даже и не рассчитывали.

Один из членов редакции «L'Action Tunisienne», Бахри Гига, с удовлетворением заявил: «Связь между народом и его мыслящими представителями, намеченная нашим Баш Хамбой (покойный лидер младотунисцев, пытавшийся, и неудачно, соединить политическое движение элиты с народным восстанием – М.В.), в конце концов установлена. Мечта всей молодежи – укреплять ее все больше и больше»²⁵¹. 27 апреля 1933 г. газета

ти в общем перечне предметов, среди них отсутствовал французский язык, без которого невозможно было найти работу в большинстве учреждений. С тех пор мало что изменилось. Совет по реформе все продолжал дискутировать, а зейтуновцы тем временем создали свою ассоциацию (1907 г.), куда входили студенты и некоторые их учителя. Преподавательский корпус разделился на два лагеря – «консерваторов» и «реформаторов». Последние с 1920 г. получили поддержку в лице партии Дустур, а через десять лет правительство, пытаясь сгладить неблагоприятное впечатление от Евхаристического конгресса, пошло им навстречу, и дело сдвинулось с мертвой точки. Реформа 1933 г. не решила, однако, основной вопрос, волновавший учащихся аз-Зейтуны, чтобы их свидетельства (трех уровней: о среднем, продвинутом среднем и высшем образовании) были приравнены к тем аттестатам, какие выдавались в государственной, то есть светской школе. Вопреки усилиям «реформаторов», схоластика все же царила в учебных классах аз-Зейтуны, и студенческие беспорядки вспыхнули с новой силой в 1950 г. (Подробнее см.: *Abdel Moula M. L'Université Zaytounienne et la société tunisienne*, Tunis: CNRS, 1971, p. 122-133).

²⁵⁰ По некоторым оценкам, половина партийных кадров Нового Дустура к 1937 г. состояла из лиц, получивших образование в системе учебных заведений аз-Зейтуны, тогда как типичным этапом в биографии руководителей высшего партийного аппарата являлась учеба в Садыкии, продолженная во французских вузах. (*Cl.-H. Moore. Op. cit., p. 35*). Несмотря на это, отношения между так называемым «зейтуновским движением» и национальным движением, которое возглавил Новый Дустур, были в дальнейшем сложными, а порой и конфликтными.

²⁵¹ Цит. по: *Micaud Ch.-A., Brown L. C., Moore Cl.H. Tunisia. The Politics of Modernization*, New York – London: Praeger, 1964, p. 63.

поместила статью «Наш реванш» за коллективной подписью *Молодой тунисец*, где было сказано, мол, ошибаются те ретрограды, кто думают, что молодые тунисцы, получившие европейское образование, утратили истинную веру, набравшись западной культуры. Напротив, продолжала статья, тунисская молодежь, преданная духовным идеалам ислама, хочет порвать лишь с теми предрассудками, которые накопились за века невежества и упадка... «Недавние события показали, что молодые люди, усвоившие западную культуру, были первыми, кто осудил эту фетву (шариатских коллегий – М.В.), разоблачив ее антимусульманский характер. Теперь возникает естественный вопрос: кто же, понтифики или молодые люди, наносят урон подлинной мусульманской религии?»²⁵². Под «понтификами» в данном случае имелись в виду улемы аз-Зейтуны, против которых было направлено острое критики «L'Action Tunisienne».

Одновременно газета принялась за вождей Дустура, осуждая их замедленную и робкую реакцию на пресловутую фетву²⁵³. Главный упрек состоял в том, что уважаемые дустуровские деятели избегают появляться в мятежных кварталах. «L'Action Tunisienne» выражала особое

²⁵² Цит. по: *Mahjoubi A. Op. cit., p. 531*.

²⁵³ Действительно, запаздывая по сравнению со своими молодыми политическими конкурентами, Исполнительная комиссия Дустура распространила 8 апреля 1933 г. циркуляр низовым ячейкам с призывом направлять во всевозможные адреса телеграммы протеста, но избегала слишком откровенной конфронтации с улемами. Более жестко их критиковала египетская пресса. Вероятным организатором этой кампании был шейх Таальби, не оставшийся равнодушным к событиям на родине. Так, вафдистский орган «*Каукаб аш-Шарк*» в мае 1933 г. поместил серию статей самого Таальби, который акцентировал внимание на том, что колониализм имеет как экономический, так и духовный, в том числе «лингвистический» аспект, что политика натурализации посягает на мусульманскую религию, и на примере в Северной Африке можно видеть, как «идея евангелизации завоевывает себе место». В свою очередь, газета «*ас-Сияса*», рупор партии Либералов-конституционалистов (одноименная с Дустуром египетская партия правого толка) подчеркивала, что французский колониализм всеми способами стремится деисламизировать, дезарабизировать и разъединить народы Магриба. Другая каирская газета «*аль-Джихад*» указывала 22 апреля того же года, что санкция авторитетов аз-Зейтуны в пользу натурализации свидетельствует лишь о продажности и меркантилизме ложных улемов. Выступивший на страницах этой газеты шейх аль-Занкалави восхвалял собственную мудрую фетву, которую он вынес в 1924 г. по просьбе тунисских националистов (См.: *Mahjoubi A. Op. cit., p. 499*).

удивление тем, что партийные лидеры ни словом не обмолвились в своей печати о грубых действиях полиции, которая в середине апреля произвела аресты в квартале Хальфавин и оставила много раненых.

Между тем депутат от Константины – Эмиль Морино, выступив перед французским парламентом с речью, в которой он горячо одобрил фетву аз-Зейтуны, оказал медвежью услугу как улемам, так и властям протектората²⁵⁴. Местные колонисты, обеспокоенные за собственную безопасность, требовали прислать на губернаторское место человека жесточе. Генеральный резидент Ж. Мансерон, чувствуя, что кресло под ним уже качается, решил 6 мая на принятие законов, которые на время притушили внутренние разногласия националистов. Они назвали эти законы «сверхчеловеческими» (*super-scélérats*), но бей их утвердил и выпустил от своего имени. Суть законов, оформленных указом «владыки королевства Тунис», состояла в том, что отныне административные санкции к виновным в нарушении общественного спокойствия можно применять, минуя судебные инстанции.

На этом фоне, напомним, 12-13 мая в г. Тунис состоялся «объединительный» съезд партии Дустур, который иногда называют «Съездом на улице Горь», где Бургиба вместе с другими издателями «*L'Action Tunisienne*» был включен в состав Исполнительной комиссии и принята Хартия 1933 г., более радикальная в части требований о развитии законодательной ветви власти, чем предыдущие партийные документы. На этом съезде Бургиба заявил, что «страна многого ждет от великой партии тунисского национализма в тот час, когда народ обрел самосознание», ждет от нее неустанных и энергичных действий, но подчеркнул, что независимость Туниса будет дополнена

²⁵⁴ Эмиль Морино имел репутацию представителя могущественной верхушки колонизаторов. В 1922 г., возглавляя парламентскую комиссию по делам Алжира, колоний и протекторатов, поддержал план реформ в Тунисе, который в основных чертах был реализован и крайне раздосадовал дустуровцев. Закон о натурализации 1923 г. иногда называли «законом Морино». Еще раз пытался в 1925 г. вмешаться в дела, связанные с натурализацией в Тунисе, сделав заявление, что всему еврейскому меньшинству регентства следует коллективно предоставить французское гражданство, как это было сделано в Алжире. Протесты дустуровцев тогда заставили Морино, между тем известного антисемита, взять свои слова назад; и тунисцы-евреи получали французское гражданство индивидуально, на тех же основаниях, что и желающие мусульмане. Парламентское выступление Э. Морино в апреле 1933 г., одобренное фетву тунисских улемов, лишь навредило их авторитету (Иванов Н. А. Указ. соч., с. 64; Julien Ch.-A. Op. cit., Vol. I, p. 119; Mahjoubi A. Op. cit., p. 396).

«договором о дружбе с великой Французской республикой, который гарантирует интересы всей иностранной колонии – таков идеал тунисского национального движения»²⁵⁵. Короче, пробуждение масс, которым воспользовались молодые дустуровцы, позволило им расширить национальные требования, строго говоря, не имевшие отношения к исламу.

В день открытия съезда Бургиба выступил со статьей «Отречение», в которой подверг нелицеприятной критике Ахмед-бей за подписанный им декрет, напомнив, что, «исходя из...закона от 4 августа 1920 г., применяемого в Алжире, и по согласованию с правительством Франции», бей велел помещать своих подданных «под надзор в племя, дуар или другой пункт, определенный Генеральным резидентом, дабы пресечь: 1) враждебные действия по отношению к нашей персоне и нашей фамилии, к державе-протектору или администрации протектората, 2) политическую или религиозную пропаганду, наносящую вред общей безопасности». В этой связи Бургиба заявил, что Его Высочество фактически отрекся от трона, уступив последние крохи своей власти Генеральному резиденту²⁵⁶.

«*L'Action Tunisienne*» 22 мая 1933 г. опубликовала другую статью Бургибы под названием «Странная позиция». В ней столь же резко осуждалось поведение членов туземной секции Большого Совета, которые удалились со своей экстренной сессии, где дебатировались аграрные вопросы, чтобы «замкнуться в башне из слоновой кости», проигнорировав протесты, которые они получали со всех концов регентства в тот самый момент, «когда народ нуждается в том, чтобы знать, кто с ним и кто против него». Ведь аграрная политика, продолжал автор, всего лишь один аспект общей политики властей протектората. «В колониальных делах все связано. Политика натурализации – еще одно средство разъединить тунисский народ. Она идет рука об руку с грабительским разорением народа, чтобы ослабить его и лишить силы сопротивления». Наконец, 26 мая, всего за пять дней до запрещения газеты, Бургиба писал, что новые законы «висят дамокловым мечом над нашими головами», власти начали с атак на сырых и малых (*les petits, les humbles*), одного выслали с сыновьями в Алжир (речь шла о семье алжирцев, французских подданных – М.В.), другого на Крайний Юг и т. д.

²⁵⁵ Bourguiba H. La Tunisie et la France..., p. 58.

²⁵⁶ Ibid., p. 61.

«Везде идут обыски, у всех, кого подозревают в прохладных чувствах к Протекторату или официальным улемам»²⁵⁷.

Тем временем старые вожди Дустура, питавшие симпатии к религиозным деятелям, особенно к шейху Тахару Бен Ашуру, великому муфтию маликитов, известному своими просвещенными взглядами, постепенно выходили из игры. К тому же они были напуганы официальным запретом партии, последовавшим через две недели после ее майского съезда. Как результат, «старшие» дустуровцы умыли руки и тем самым подставили себя под огонь критики «молодых», группировавшихся вокруг «L'Action Tunisienne», которая теперь была уже не редакцией газеты (запрещена с 31 мая 1933 г.), а фракцией, готовой взорвать единство Дустура, с трудом достигнутое в ходе «Съезда на улице Горы».

Внешне внутрипартийная борьба выглядела как поединок честолюбивых лидеров, прежде всего людей, самых энергичных в обеих группировках, Хабиба Бургибы и Мухеддина Клиби (см. ниже отрывок из воспоминаний д-ра Матри). На деле проблема заключалась в том, что группа «L'Action Tunisienne» хотела не упустить момент, когда население возбуждено, и развернуть патриотическую пропаганду, а старые члены руководства, напротив, предпочитали занять выжидательную позицию. Это стало ясно в ходе развернутой «молодыми тунисцами» кампании гражданского неповиновения (июнь – июль 1933 г.), которая к середине лета пошла на убыль, чтобы уступить место новому раунду борьбы против политики натурализации.

Вопреки ожиданиям, что чувства «ксенофобии» туземцев улягутся после распоряжения правительства от 12 мая выделять на мусульманских кладбищах огороженные участки для натурализованных (в народе их немедленно прозвали «собачьими кладбищами»), жесткие столкновения на национально-конфессиональной почве не прекратились. Если в столице ситуацию власти смогли взять под контроль, то в провинции, особенно в Сахеле и Джериде, продолжали вспыхивать беспорядки. Население было настроено на то, чтобы исключить натурализованных из мусульманской общины.

Накануне прибытия в Тунис нового Генерального резидента, 6 августа 1933 г., разыгралась самая мрачная сцена «войны за место на погосте». Разъяренная толпа преградила путь похоронной процессии, которая под охраной солдат и полицейских сопровождала семью натурализованного, потерявшего ребенка. (Его отец, житель Монастира, добился разре-

²⁵⁷ Ibid., p. 65, 68.

ния похоронить сына рядом с родственниками). На процессию посыпался град камней, среди пострадавших был комиссар полиции со сломанным ребром, и против нападавших раздался выстрел. Перепуганный местный каид обратился к гражданскому контролеру области Сус, и тот прислал на подмогу моторизованный отряд Иностранного легиона и конную жандармерию, но уличные драки стихли только к вечеру. Дело закончилось одним убитым и десятком раненых. Самого Бургибы среди взбунтовавшихся горожан не было. Однако он горячо принял сторону земляков и 4 сентября направился без ведома других членов руководства партии Дустур для объяснений к бею во дворец. Возглавил большую делегацию монастирцев, подавших жалобу на своего каида и просьбу освободить задержанных.

Это вызвало раздражение лидеров Дустура, которые не были намерены портить отношения с новым губернатором. Они обвинили Бургибу в причастности к кровавому инциденту в Монастире и вынесли ему порицание за то, что он присвоил себе – перед беом – роль партийного представителя. Ящик Пандоры был открыт... Началась серия конфликтов в Исполнительной комиссии, где с трудом уживались ветераны дустуровского движения и те, кто называл себя «молодыми тунисцами». С обеих сторон посыпались взаимные обвинения, и Хабиб Бургиба на пятый день после своего проступка, то есть визита во дворец, демонстративно «хлопнул дверью». Вскоре за ним последовали его сторонники, включая Шедли Хайраллаха, которые вынужденно или добровольно вышли из партийного руководства.

Как мы уже говорили выше, группа руководителей Дустура имела конфиденциальную беседу с Пейрутоном, но Бахри Гига сделал этот факт достоянием общественности, за что 17 ноября был исключен из партии. В знак солидарности с ним подали в отставку Махмуд Матри, Тахар Сфар и М'хамед Бургиба. Таким образом, были сняты возникшие ранее противоречия самого Бахри Гиги с главным редактором «L'Action Tunisienne»²⁵⁸.

²⁵⁸ Противоречия в редакции возникли по поводу «дела Шеника» (о фигуре этого конфликта, Мухаммеде Шенике, подробнее см.: Биографическое приложение). Бахри Гига и Али Бухаджеб даже вышли из редколлегии газеты, оставшись в издательском совете. Поскольку Али Бухаджеб отвечал за все материальные вопросы, связанные с выпуском «L'Action Tunisienne», ей грозило исчезновение. Но это лишь распалило Бургибу, он «принял вызов» и именно тогда оставил блестяще начатую карьеру адвоката и прочие дела, чтобы взвалить на себя весь груз забот о своем детище, этой газете (Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 56).

Конфигурация враждующих группировок окончательно определилась. Поход выставить заслуженных партийных вождей в неблагоприятном свете самплыл в руки «молодых» активистов. За подозрительные визиты генерального секретаря — Ахмеда ас-Сафи, его заместителя и других членов Исполнительной комиссии к губернатору в них полетели стрелы обвинений и коллаборационизме.

Из мемуаров д-ра Махмуда Матри: «Бургиба объявил 9 сентября 1933 г. о своей отставке, ... другие вышли из Исполнительной комиссии в ноябре. С этого момента все вместе, кроме Бухаджеба (бывший член редакции «L'Action Tunisienne» — М.В.), вступили в борьбу против руководства старой партии. Эта борьба скоро приняла яростный характер. Самым ожесточенным из старых дуэтов был Мохиддин Клиби, а самым динамичным среди нас — Хабиб Бургиба. Складывалось даже впечатление, что это дуэль между двумя людьми... Действия против старых дуэтов развернулись сначала в Тунисе-столице с собраний в различных кварталах, а потом перенесли в провинцию. Газета «Ирада», выпуск которой с недавнего времени [с 8 января 1934 г.] был разрешен, повела против нас бурную кампанию. Нас обвиняли в том, что мы раскольники, ренегаты и предатели. Мое мнение было таково: пусть себе кричат гласом попиющего в пустыне, ведь мало кто их воспринимал всерьез. Однако злобные атаки привели моих товарищей, особенно Бургибу, в негодование и вызвали у них желание ответить ударом на удар. Между тем правительство, обычно столь чутко реагировавшее на публичные собрания, закрывало глаза на это дело, надеясь извлечь свою пользу из братоубийственной войны. Но вопрос состоял не в том, чтобы парировать атаки Мохиддина, надо было либо реформировать методы партии, либо заменить ее другой. Поэтому мы и задумали созвать чрезвычайный съезд, который должен был принять определенное решение»²⁵⁹.

С ноября 1933 г. сыскная полиция фиксировала постоянные разъезды «пятерки» (братья Бургиба, Махмуд Матри, Тахар Сфар и Бахри Гийа) по городам и поселкам Сахеля, где создавались все новые ячейки дуэтов. Буквально по пятам за ними следовал Мухеддин Клиби — «директор» Исполнительной комиссии Дуэтура. На собраниях, которые устраивались в кофейнях и по домам, иногда на рабочих местах, горячо обсуждался раскол в руководстве партии. При этом, как отмечалось в докладной записке на имя генерального секретаря тунисского правительства²⁶⁰, «ситуация

²⁵⁹ El-Materi M. Itinéraire d'un militant (1926-1942), Tunis: Cérès Production, 1992, p. 54-55.

²⁶⁰ Секретная информационная сводка за декабрь 1933 г. — февраль 1934 г. о деятельности диссидентской группы дуэтов. Текст этого документа из французских архивов опубликован вместе с выдержками из арабской прессы того же

Сахеле ухудшается изо дня в день, а дуэтовцы (речь шла о фракции Бургибы — М.В.) проявляют все большую изобретательность, используя малейший повод, чтобы шумно выставить себя напоказ». Полиция подозревала, что сторонники «L'Action Tunisienne» ответственны за криминальные действия местных жителей против натурализованных мусульман, которых в лучшем случае ждала общественная изоляция, в худшем — грабежи и разорение имущества²⁶¹.

К тем, кто не хочет примкнуть к их лагерю, продолжает все тот же источник, дуэтовцы проявляют агрессивную враждебность и, напротив, всячески поощряют своих сторонников. Например, на свадьбу простого рыбака, который едва успел вступить в партию, собралось до 200 туземцев, среди них можно было видеть местных нотаблей. Толпа размахивала тунисскими флагами и транспарантами с такими лозунгами: «Да здравствует Дуэтур!» или «Слава Аллаху, который даст нам освобождение!». Свадьба происходила в деревушке под Монастиром. Этот город, наряду с Махдией — родиной Тахара Сфара, становится одним из объектов эффективной пропаганды группы «L'Action Tunisienne», при этом Бургиба и члены его команды призывают верующих возносить молитвы в честь мученика Шаабана аль-Бхури, того смутьяна, что погиб во время прискорбных августовских событий²⁶². Мало того, в Монастире сложились два опасных очага

периода в сборнике Высшего института истории национального движения «Съезд в Ксар-Хелляле 2 марта 1934». Авторы: Абд аль-Маджид Керим, Хусейн Рауф Хамза, Хади Джаллаб (*Му'тамар Ксар Хилляль 2 марис 1934. Тунис: аль-ма'хад аль-'али ли тарих аль-харака аль-ватанийя*, 1994, с.20-39).

²⁶¹ Приведем такой пример. В декабре 1933 г. в одном из городков Сахеля обыватели подожгли сельскохозяйственный склад своего соседа — члена муниципального совета, сын которого, натурализованный тунисец, жил в Сусе и работал служащим на предприятии «Compagnie Française du Transport» (Там же, с. 20).

²⁶² Вот как выглядела эта картина, увиденная глазами осведомителей. В полицейском рапорте за январь 1934 г. отмечалось, что в середине месяца «дуэтовская партия (группа Бургибы)» созвала по случаю праздника розговенья митинг в Монастире, на который собралось до 500 человек со всей окрестности. Захватив с собой мраморную плиту, они двинулись на кладбище, где был похоронен Шаабан аль-Бхури, над его могилой два часа к ряду произносились речи, выступал Хабиб Бургиба и представители из Монастира, Ксар-Хелляля и Кайруана. Присутствующие сделали фотографии надгробной плиты, которые затем продавались по всей стране, а деньги шли в партийную кассу. Свежая эпитафия на этой плите гласила, что здесь лежит праведник, который «не побоялся защитить свою веру и права», далее следовали традиционные восхваления покойному и обещание рая. Один из ораторов на митинге 14 января заявил, что французское правительство восстановило против себя два миллиона тунисцев и что оно бессильно против

Как сделать партию массовой...

дустуровской пропаганды, первый, это – «Ассоциация выпускников франко-арабской школы», которая устраивает ежедневные собрания... Второй, – разношерстная группа агитаторов, состоящая из соседей и некоторых родственников Хабиба Бургибы, в том числе один башмачник, два нотариуса, три учителя, разносчик газет, пара бродяг и проч. Всего человек двадцать. Эта агитбригада, с одной стороны, добивается в разных инстанциях освобождения лиц, еще содержащихся под стражей после 7 августа 1933 г., с другой, – оказывает давление на имамов местных мечетей, чтобы те использовали кафедру как политическую трибуну, не ограничиваясь религиозным наставничеством. Такая мысль прозвучала 20 ноября 1933 г. на очередной свадьбе, превращенной в митинг. Нотариус Мухаммед Салах Бен Фрадж произнес целую речь и сказал, что имамы обязаны «говорить о социально-экономических и политических вопросах, имея в виду, что большинство тунисцев интересуется дустуровской программой»; а если они не захотят этого делать, заявил нотариус, надо срывать их проповедь. «И что же, – заключает свой рассказ осведомитель, – наутро вчерашним оратором был послан к имаму ханифитской мечети некто Али Хаммуда по прозвищу “Баабессе”, дважды судимый, которого сопровождал другой субъект такого же сорта. Однако имам пожаловался кайду и не стал выполнять подобную директиву. Оба агитатора исчезли». Зато неугомонный Мухаммед Салах бен Фрадж вместе с другим коллегой-нотариусом, да еще с дустуровцем Абдессалемом Бургибой, который тоже не в ладах с законом (содержатель подпольного бара, где ведутся политические споры), явились к женщинам, что собирают приношения в завиях²⁶³. И троица прозрачно намекнула на нежелательные последствия, которые могут возникнуть, если женщины допустят, чтобы в завию ступила нога натурализованного, иначе, мол, они сами за этим проследят.

Надо сказать, что Исполнительная комиссия Дустура в этот период не сидела сложа руки; ее члены наведывались то в Сахель, то в расположенные южнее города Сфакс и Габес, где их маршрут пересекался с агитационными турне Бургибы и его сторонников. Тогда собрания дустуровцев выливались в жаркую баталию между соперничающими группировками²⁶⁴.

Дустура. На выходе с кладбища начался сбор пожертвований, якобы в пользу Мусульманского благотворительного общества, но по слухам эти средства предназначены на постройку мавзолея над могилой убиенного. Покинув Монастир, добавляет источник, Хабиб Бургиба помчался догонять Бахри Гигу, Тахара Сфара и М'хамеда Бургибу, которые отправились в Сфакс вести агитацию за свою группировку (*Му'тамар Каср Хилляль 2 марис 1934*,...с. 26-28).

²⁶³ Завия – обитель мусульманского братства, иногда это молельный дом или комната. Некоторые завии считались «женскими».

²⁶⁴ Так, 18 января 1934 г. группа руководителей Дустура в составе Ахмеда ас-Сафи, Салаха Фархата, Шадли Халлади, Мохиддина Клиби и проч. объехала Сахель, за-

и причем тут кладбища?

Причем, действительно, полиция, которая могла в любой момент применить закон, запрещающий политические сходки, предпочитала роль наблюдателя, поскольку власти протектората все еще надеялись, что националисты перегрызутся друг с другом, и жизнь войдет в свои берега.

Столица тоже не была забыта группой «L'Action Tunisienne». Зачастую собрания, на которых присутствовало от одной до трех сотен человек, проводились в бедняцких закоулках, а состав участников был весьма разнообразным. Например, в конце января 1934 г. состоялась сходка 200 дустуровцев – в основном кустарей из цеха фесочников и метвия, выходцев из-под Габеса²⁶⁵. Что обращает на себя внимание: если первые исторически принадлежали к одной из самых высоких по социальному статусу ремесленных корпораций, хотя ее процветание было уже в прошлом, то вторые представляли собой новообразованную этно-профессиональную общину мигрантов-южан, занятых «черной работой» (портовый грузчик на поденном заработке или возница, доставляющий в город товары на своей арбе, и т. п.). Жилище обитателя квартала Тронжа²⁶⁶ – Белькасема Гнави,

тем остановилась в Сфаксе, где собрание проходило в ателье ковровщиков и деревянных дел мастеров у Ахмеда Бен Слама – президента местного филиала мусульманской Ассоциации инвалидов и ветеранов войны. Присутствующие задавали острые вопросы относительно причин выхода Бургибы из руководства партии. Члены Исполнительной комиссии разъясняли суть дела, пока в дверях не появились сам Хабиб Бургиба, Тахар Сфар, Бахри Гига и Хеди Шакер (владелец магазина в г. Сфакс). Тут началась словесная перепалка в самых резких выражениях, и хозяин ателье пригрозил, что больше не будет предоставлять свое помещение для митингов. Обе компании разошлись и уселись в разных кафе, чтобы продолжить политическую дискуссию. После полуночи те и другие снова разошлись в свои стороны. При этом в группе руководителей Дустура, добавляет осведомитель, «особое недовольство выражалось тем, что Бургиба увел за собой почти всю интеллектуальную молодежь» (Там же, с. 24-25, 30-31).

²⁶⁵ Там же, с. 29-30.

²⁶⁶ Название квартала указывает, что на его главной улице некогда торговали сборщики кедровых орехов. (*Pellegrin A. Op. cit.*, p. 33). Тронжа, как и Хальфавин, представляли собой аналог среднеазиатских «махалля» с общинным укладом жизни, а топографически входили в предместье Бэб Свика, что означает «Ворота маленького рынка». Маленького, то есть местного, в отличие от «сука», главного городского базара и производственного центра, состоявшего из ранжированных по достоинству торговых рядов медины. Тот и другой квартал (иногда стражи порядка в своих донесениях их путали) были оккупированы осевшими в столице мигрантами-южанами, из тех районов, где еще сохранялись квазиплеменные зем-

который впоследствии возглавил синдикат извозчиков (arabatiers) и возрожденную ВКТТ²⁶⁷, служило местом сборищ для приверженцев группы «L'Action Tunisienne» и одной из ее штаб-квартир. Собрание вел д-р Матри, а затем с двухчасовой речью выступил Хабиб Бургиба. Оба говорили о том, что враждебная им фракция во главе с Ахмедом ас-Сафи только делает вид, что занята патриотическим делом, в действительности же обслуживает свои собственные меркантильные интересы. На следующий день снова состоялось собрание на одной из улочек близ Большой мечети, где выступал Бахри Гига перед аудиторией в триста человек; тема была примерно та же. Еще через два дня, сообщают сыщики, «партия Тунисского действия» организует сходку в квартале Тронжа. Здесь д-р Матри, вспоминая прошлогодние события, в обличительном тоне подчеркнул, что 14 апреля 1933 г., когда полиция напала на жителей соседнего квартала Хальфавин, осадивших дом натурализованного псевдопокойника, г-н ас-Сафи «облачился в свою адвокатскую мантию и пошел в суд, где просидел целый день, хотя там у него не было никакого дела»... Наконец, 20 февраля 1934 г. сотня дустуровцев во главе с пятью членами группы «L'Action Tunisienne» направилась к дому правительства Дар Эль-Бей на площади

ляческие отношения. Тронжа была преимущественно заселена выходцами из местечка Метвия под Габесом. Еще одна деталь, которая указывает на «простое», а в прошлом даже приниженное положение некоторых южан – фамилия аль-Гнави, которую носил лидер партийной ячейки квартала Тронжа. Слово «гвинея» («гинеа», «гинава», «кинава», «гнава») – берберского происхождения и обозначает общину чернокожих суданцев, выходцев из Западной Африки, получило со временем семантическое расширение и стало обозначать (в Марокко) «Страну Черных» и самих обитателей Тропической Африки. Поскольку через оазисы Джерида и отчасти Габеса так же, как и через марокканские оазисы, веками шла караванная торговля, в том числе работорговля, негроидное население южного Туниса – чаще всего мулаты, полукровки или, пользуясь латиноамериканским термином, «квартироны» использовались до XX века включительно уже не как рабы, а как хаммасы-издольщики на финиковых плантациях, возделывать которые местное население («белые» обитатели оазисов) считало зазорным. (Об этнологии см. *Мамвеев В. В.* Примечания // *Лев Африканский Африка – Третья часть света*. Перевод с итальянского, Л.: «Наука», 1983, с. 474).

²⁶⁷ Это относится к 1936-1937 гг., когда Белькасем аль-Гнави, выйдя из ссылки, которую он отбывал вместе с Бургибой и другим учредителями Нового Дустура, выступил инициатором повторения эксперимента Мухаммеда Али аль-Хамми по созданию в Тунисе национального профцентра (подробнее см. ниже).

Касбы, чтобы выразить недовольство декретом Его Высочества, который «сохранил натурализованным status quo на мусульманских кладбищах»²⁶⁸.

Итак, можно видеть, что в течение всего периода, когда готовился Ксар-Хелляльский съезд, на собраниях, где выступали Хабиб Бургиба, д-р Матри или другие члены их группы, наряду с обсуждением основного вопроса – о противоречиях в партийном руководстве не умолкал разговор о натурализованных. Учредители Нового Дустура, до создания которого оставались считанные дни, словно разыгрывали эту карту, намеренно раздувая религиозный пыл населения. Подобное начало их карьеры ставило в тупик многих исследователей, характеризовавших партию Новый Дустур как носительницу чисто светского националистического идеала. Или надо признать обратное? А может быть, прав Кл. Г. Мур, который считал, что Бургиба и его друзья, интересуясь прежде всего политической стороной дела, заняли накануне Ксар-Хелляльского съезда «мнимую реакционную позицию», желая не столько расколоть партию, сколько захватить ее аппарат²⁶⁹. Это не ускользнуло от внимания старой гвардии, которая уже тогда обвиняла «молодых выскочек» в том, что они – «атеисты, пытающиеся использовать религию в политических целях»²⁷⁰.

Последнее утверждение было не лишено основания. Обратимся еще раз к документам французского колониального архива, где сохранились отчеты о наблюдениях за деятельностью двух группировок дустуровцев непосредственно после их «развода», увенчавшегося съездом, который

²⁶⁸ *Му'тамар Каср Хилляль 2 марис 1934...* с. 30, 35.

²⁶⁹ *Moore Cl. H.* Tunisia since Independence. The Dynamics of One-Party Government, Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1965, p. 32. Косвенно в пользу этой точки зрения свидетельствует и тот факт, что юридическим хозяином (гарантом) издательства газеты «L'Action Tunisienne», которая стала флагманом кампании против натурализации, являлся тунисец-мусульманин с французским гражданством – Бешир Ясин. (*Mahjoubi A.* Op. cit., p. 539). Его имя неоднократно упоминается среди агитаторов, которые вели пропаганду в Сахеле. 27 декабря 1933 г. сыскная полиция сообщала: д-р Матри, Хабиб Бургиба, Бахри Гига и Тахар Сфар, все четверо – члены группы «L'Action Tunisienne» поехали на двух автомобилях в Сахель, чтобы продолжить свою агитацию против «Дустура»; их сопровождал Бешир Ясин. Он же 7-8 января 1934 г. вторично посетил вместе с приятелями Сахель и пропагандировал в Сусе и Монастире газету «Jeune Tunisie», которая скоро появится. (*Му'тамар Каср Хилляль 2 марис 1934...*, с. 24-25). Видимо, речь шла о несостоявшемся издательском проекте.

²⁷⁰ «Ирада», 16 февраля 1934. (Цит. по: *Moore Cl. H.* Op. cit., p. 33).

старые дустуровцы – члены дезавуированной в Ксар-Хелляле Исполнительной комиссии во главе с Ахмедом ас-Сафи – провели 27 апреля 1934 г. На что политбюро Нового Дустура ответило сначала попыткой расстроить замысел противников, а когда этого не удалось сделать, распространило воззвание, в котором, во-первых, объявило данный съезд недействительным, во-вторых, представило себя, группу «L'Action Tunisienne», как беззаветных поборников ислама, в отличие от тех, кто преследует свои узкокорыстные интересы и не достоин благословения свыше.

Из рапорта городского начальника полиции: «Узнав, что [альтернативный] съезд планируется на 27-е число, Хабиб Бургиба собрал сторонников группы L'Action Tunisienne у д-ра Матри с целью обсудить, как бы сорвать это мероприятие, если им помешают на нем присутствовать... Кроме того, неодустуровцы решили создать свой Национальный Совет, состоящий из 20 руководителей секций... Хабиб Бургиба собрал их у *метв* аль-Гнави, на улице Тронжа... Выступив перед многочисленной аудиторией, Хабиб Бургиба изложил им причины, почему созывается этот съезд и заявил, что необходимо выступить против ас-Сафи и его друзей, чтобы им помешать. Взял слово также д-р Матри, который утверждал, что переговоры с ас-Сафи ни к чему не приведут и призвал всех следовать совету Хабиба Бургибы: "Если ас-Сафи в последний раз не захочет нас слушать, мы ворвемся силой в помещение. И таким образом сорвем этот съезд". Делегацию добровольных парламентариев, которые отправились к ас-Сафи, чтобы добиться от него приглашения членов политбюро [néos], тот выставил за дверь. Между тем он договорился со своими людьми провести собрание ночью. Съезд открылся в 21 час и закончился к 9 утра следующего дня. Сторонники Бургибы сгрудились перед зданием, где проходил съезд (на улице Гарнута в тунисской медине – *М.В.*), и шумели до трех часов пополудни, а потом разошлись по улицам арабского города со здоровыми в адрес Хабиба Бургибы и с возгласами "Долой ас-Сафи и компанию!"»²⁷¹.

2 мая 1934 г. Новый Дустур выпустил циркуляр, в котором подчеркивалось, что члены старого руководства не подчинились решению съезда в Ксар-Хелляле, продолжая через газету «Ирада» свои нападки на избранных членов политбюро. «А в завершение этой комедии решили провести свой воображаемый конгресс... Некоторые дустуровцы, не зная об истинных причинах конфликта, пошли туда, другие сделали то же самое, чтобы выразить свое возмущение против того, что д-р Матри и его друзья не были приглашены. Но они оказались перед закрытыми дверями, да еще

²⁷¹ Му'тамар Ксар Хилляль 2 марис 1934..., с. 97-100.

перед кордоном полиции. Комедия была разыграна за глухой калиткой»²⁷². Далее в циркуляре утверждалось, что многие делегаты из провинции, побывавшие «на воображаемом конгрессе», тут же разыскивали членов политбюро во главе с доктором Матри «и заявили о своей принадлежности к его партии», аналогичные заявления поступили письменно... Циркуляр заканчивался словами: «Да поможет Бог тем, кто готов служить на благо религии и страны, ради ее спасения, не думая о себе и жертвуя самым дорогим, что у них есть. Да устыдит Он тех, кто делает обратное, преследуя личные интересы либо интересы своих ближних и присных»²⁷³.

В более поздних документах, например, в материалах второго (1937 г.) и последующих съездов Нового Дустура²⁷⁴, призывы и формулировки религиозного свойства исчезают. Партия, едва возникнув, переключилась на социально-экономические требования, которые вышли на первый план в ее пропаганде. Само по себе негативное отношение неодустуровцев к переходу мусульман в иностранное гражданство еще не раз находило случай себя продемонстрировать²⁷⁵. Однако для руководства Нового Дустура первостепенное значение имело не отлучение натурализованных от мусульманской общины или предание их анафеме, а сопротивление желанию колонизаторов «стереть» национальную идентичность тунисского народа (*аз-затийа аль-кауми́я*)²⁷⁶. И французский же «принцип почвы» (*jus soli*), а именно «француз – тот, кто родился во Франции», они интерпретировали в том духе, что, во-первых, этот принцип следовало бы по аналогии распространить и на Тунис, где действовал обратный закон: кто родился в регентстве от европейцев-иностранцев, из которых один (од-

²⁷² Там же, с. 104.

²⁷³ Там же, с. 107.

²⁷⁴ См.: Néo-Destour. Tunisie. Les congrès du Néo-Destour. Tunis: Secrétariat d'Etat à l'information, 1959.

²⁷⁵ «L'Action Tunisienne», когда она уже издавалась вторично (с декабря 1936 г.), однажды вышла специальным выпуском под шапкой «Натурализованные признают свою ошибку и хотят ее исправить». Они просят, – продолжала газета, – Его Высочество Бей и президента Французской республики о возможности вернуть себе тунисское подданство, дабы снова стать мусульманами». (Ils demandent leur réintégration dans la nationalité tunisienne pour redevenir Musulmans). Речь шла о том, что собрание Лиги франко-мусульман проголосовало за соответствующую резолюцию. (Фотокопия этой газетной полосы см.: Kassab A. Histoire de la Tunisie... p. 412).

²⁷⁶ Бургиба Х. *Хайа́туху ва джухудху*..., с. 35.

на) или обои здесь родились, – тот француз²⁷⁷. Во-вторых, распространение гражданства метрополии хотя бы и на тонкий слой мусульман означает поползновение к аннексии протектората.

Все это лишь подтверждает то мнение, которое нам кажется наиболее убедительным, что кампания против натурализации, развернутая в 1933 г., служила Бургибе и его команде не столько самоцелью, сколько инструментом в борьбе за то, чтобы перетянуть массы на свою сторону. Естественно, что издержками этой борьбы, которая велась под лозунгами: «отстоять принцип тунисского подданства мусульман» и, следовательно, «натурализованным нет места ни в храме, ни на кладбище», партия Новый Дустур навлекла на себя обвинения в лукавстве. Те частые упреки в ее адрес, что она, родившись двуликим Янусом, поворачивает, по словам Анри де Монтети, «одно свое лицо, демократов-западников, к Западу и другое, исламских ксенофобов, – к армии своей поддержки»²⁷⁸. Но тот же внимательный наблюдатель справедливо заметил, что «теоретики» Нового Дустура – люди двойной культуры, независимо от их личных убеждений, должны были, желая возглавить партию народа, «владеть страстным языком своего народа и говорить на этом языке», даже с риском, что их увлечет за критическую черту²⁷⁹. Вероятно, если бы они поступили иначе, то оказались бы выброшенными на обочину тунисского национализма, в котором ведущую роль могли захватить другие силы.

Вопрос о месте захоронения натурализованных мусульман, «возможно, даже несколько неожиданно» для самих членов редакции «L'Action Tunisienne», – пишет Н.А. Иванов, – позволил им «установить контакт с массами». Анализируя события 1933 г., автор делает, на наш взгляд, чрезвычайно важный вывод: «В ходе кампании против натурализации Матри Бургиба и их сторонники дали бой улемам на религиозной почве и выиграли его. Они подорвали престиж улемов-реформаторов, которые в это время в ряде других арабских стран, в частности в Египте и в Алжире, укрепляли свои позиции, выступая под флагом арабизма и обновления ислама. Здесь

²⁷⁷ Только итальянцы под это правило не подпадали: они могли сохранять гражданство «по крови». В общем для всех положение их поставила лишь отмена в 1944 г. конвенций от 1896 г. (См. Себа П. Указ. соч., с. 214).

²⁷⁸ Montety (de) H. Les données du problème tunisien, «Politique Etrangère», janvier-mars 1952, p. 452.

²⁷⁹ Ibid., p. 452.

же, в Тунисе, религиозно-обновленческое движение было скомпрометировано в самом начале, едва коснувшись сферы политики, и это оказало огромное влияние на последующее развитие национально-освободительного движения... Массы верующих мусульман отвернулись от улемов-реформаторов и пошли за людьми в галстуках и европейских костюмах»²⁸⁰.

Размышляя по этому поводу, Н.А. Иванов также подчеркивает, что группе «L'Action Tunisienne», которая была, судя по всему, равнодушна к спорам, «противопоставлявшим мусульманских реформаторов и традиционалистов... удалось вырвать массы из под влияния религиозных вождей. До сих пор это не удавалось ни коммунистической партии, избегавшей любой полемики на религиозной почве, ни социалистам, которые вели фронтальную атаку против «народного опиума»»²⁸¹. А в другом месте автор пишет, что, благодаря победе «новых» дустуровцев над «старыми», окончательно определившейся в 1937 г., когда возвращение Таальби на родину закончилось его политическим фиаско, «Тунис оказался единственной арабской страной, где накануне второй мировой войны арабским националистам не удалось создать сколько-нибудь серьезной общественной базы»²⁸².

²⁸⁰ Иванов Н. А. Указ соч., с. 142-143.

²⁸¹ Там же, с. 141, 143.

²⁸² Там же, с. 293.

«Великая депрессия» и арабский мир. Некоторые исторические параллели

Стоит остановиться на этом последнем вопросе, который следовало бы расширить и уточнить, имея в виду, что неодустуровцы, включая Бургибу, не были абсолютными противниками арабского национализма, если понимать его как идею взаимодействия патриотических сил региона, унаследованную от Антиимпериалистического конгресса в Брюсселе и от «Североафриканской Звезды» [19]. Напротив, с 1936 г. когда появилась такая возможность, они стремились завязать сотрудничество с другими молодыми национальными партиями и движениями Магриба, который являлся для них по определению «Арабским Западом»²⁸³, а не «Французской Северной Африкой». Имели эпизодические контакты с эмиром Шекибом Арсланом, ливанским эмигрантом и трубадуром арабского национализма, который с 1918 г. обосновался в Швейцарии, где выпускал от имени арабского Национального комитета журнал «La Nation Arabe» (1930-1939) и,

²⁸³ Термин «аль-магриб» (букв.: «Запад», «Страна Заката») унаследованный от ранних арабских географов, исторически употреблялся то в узком значении (океаническое побережье современного Марокко), то в самом широком смысле: весь мусульманский мир на запад от долины Нила. Заметим, что ныне привычное понятие «Магриб», как правило, означающее совокупность трех стран: Алжира, Туниса и Марокко — сравнительно медленно входило в политический оборот. В качестве иллюстрации приведем пассаж из книги английского журналиста Александра Верта (Alexander Werth. France 1940-1955, London, 1956), который специально нужно пояснить: «название "Магриб", применяемое иногда только в отношении Марокко, обозначает, по панарабской (курсив наш — М.В.) терминологии, всю Французскую Северную Африку» (Верт А. Франция 1940-1955, Сокращенный перевод с английского, М.: Изд-во иностранной литературы, 1959, с. 564). Действительно, в 20-е и особенно в 30-е годы прошлого века среди националистов Французской Северной Африки, общавшихся друг с другом главным образом в Париже или Женеве, начало складываться течение, которое наблюдатели нарекли «панмагрибизмом» (См.: Julien Ch.-A. Op. cit., p. 35). Ратовавшие за единство угнетенных народов «Великого арабского Магриба», панмагрибисты обращались к легендам эпохи могущества средневековых государств этого региона, словно «взвывая к духу» халифа Абд аль-Му'мина, который на самом деле был бербером и в 1130-1160 гг. единожды объединил племена и земли от Атлантики до Киренаики в рамках непрочной империи Альмохадов (распалась в середине XIII в.).

образно говоря, сотворил «пуп земли» мусульманского мира на женевской улице Ernest-Hentsch, где находилось его информационное бюро²⁸⁴.

Другое дело, что в межвоенный период «новые» дустуровцы, интересуясь положением дел на Ближнем Востоке, в частности, судьбой Палестины и подмандатных территорий Франции, не имели тесных связей с египетскими националистами, на которых по традиции, восходящей к началу 20-х годов, ориентировались «archéos» во главе с шейхом Абдельазизом Таальби, их патриархом и моральным лидером.

Между тем имеет смысл провести сравнение между Тунисом и Египтом, а оно напрашивается, хотя бы потому, что с конца позапрошлого столетия и по меньшей мере с 1907 г., когда одновременно сформировались египетская Национальная партия, или Партия отечества (*Хизб аль-ватани*) и кружок младотунисцев (*Тунис аль-Фатат*), в развитии национального движения обеих стран просматриваются явные параллели. Так, в 1919-1920 гг. состоялось рождение «двоюродных сестер», партий Вафд и Дустур, — не близнецов, но социально родственных организаций, если принять во внимание состав их верхнего эшелона²⁸⁵.

Само собой разумеется, положение вафдистов в Египте, которые не только вели борьбу за парламентские мандаты, но и формировали кабинеты министров, существенно отличалось от положения дустуровцев в Тунисе, что вытекало прежде всего из различий в юридическом статусе той и другой страны. В первой режим протектората был упразднен односторонним решением Лондона 22 февраля 1922 г., хотя де-факто сохранялся под флером независимости. Поэтому предоставление Египту государственного

²⁸⁴ Julien Ch.-A. Op. cit., p. 32. После выхода Италии и Германии из Лиги Наций (1934 г.) Арслан проявлял симпатию к фашистским режимам, которая не осталась без ответа (подробнее см.: Биографическое приложение).

²⁸⁵ По сути, с учетом преемственности программы, а также личного состава их участников, имела место трансформация младотунисской партии Эволюционистов в Либерально-конституционную (Дустур). Между тем начало существования младотунисцев как политической организации, озаменованное появлением газеты «Le Tunisien», относится к февралю 1907 г., то есть имеет тот же «год рождения», что и Национальная партия Мустафы Кямиля в Египте, которая явилась предшественницей Вафда. Некоторые исследователи отодвигают «точку» начала параллельного развития египетского и тунисского национальных движений еще дальше: к концу XIX в. (См., например: Laroui A. L'Histoire du Maghreb. Un essai de synthèse, Paris: Maspero, 1970, p. 332).

суверенитета с четырьмя «оговорками», так называемыми reserved points — в отношении Судана, охраны имперских путей, египетской армии под командованием английского «сирдара» и т.д. — было воспринято каирским политическим бомондом как «национальная катастрофа». Во второй режим внешнего покровительства оставался в силе, хотя де-факто являлся замаскированным завоеванием. И таким образом полностью отвечал замыслу его организаторов, согласно которому французский Генеральный резидент «управляет от имени Бея всем Тунисом сверху донизу»²⁸⁶.

В одной стране действовала конституция, опиравшаяся на бельгийский и османский образцы²⁸⁷, в другой о конституции только мечтали. Дустуровцы могли участвовать, что и делали, лишь в избрании «великих советников», то есть членов туземной секции Большого Совета, сугубо консультативного органа. Секция, напомним, насчитывала всего 26 заседателей (до 1934 г.); и не все из них, строго говоря, были выборными²⁸⁸.

²⁸⁶ Фраза, принадлежащая Полю Камбону (*Cambon P.* Op. cit., p.156).

²⁸⁷ Имеется в виду османская конституция 1876 г., которая воспроизводила ряд положений бельгийской конституции 1831 г. Спisanная с этой модели, египетская конституция 1923 г. была далека от принципов, на которых строились европейские конституционные монархии. Парламент делил законодательную инициативу с королем, который имел право отклонить любой законопроект, расформировать кабинет министров, даже если он опирался на депутатское большинство, и распустить парламент. Этим правом король Фуад I (1917-1936, до 1922 — султан) регулярно пользовался, и при нем ни один состав палаты депутатов не доработал положенного срока. 22 октября 1930 г. он и вовсе отменил конституцию 1923 г. (восстановлена 13 декабря 1935 г.) и ввел другую, усилившую авторитарную власть короля. Рекомендованный правительством Исмаила Сидки (июнь 1930 — сентябрь 1933), новый избирательный кодекс установил имущественный и образовательный ценз, заведомо лишавший права голоса до 80% потенциальных избирателей. Исключалось выдвижение кандидатов из числа лиц свободных профессий, врачей, адвокатов, журналистов и проч., живущих вне Каира. Зато возможность бороться за место в парламенте получили «омды» — деревенские старосты, на чью лояльность обычно могло рассчитывать правительство, пребывающее у власти. 20 октября 1930 г. королевским декретом были распущены муниципальные советы, избранные при кабинете Наххас-паша, председателя Вафда. Другие декреты ужесточили цензуру и ввели более строгие уголовные наказания (см.: *Vatikiotis P.J.* The History of Egypt from Muhammad Ali to Sadat, Second edition, London: Weidenfeld and Nicolson, 1980, p. 276, 287).

²⁸⁸ В соответствии с декретами 28 декабря 1933 г. и 6 января 1934 г. численность туземной секции Большого Совета была увеличена с 26 до 41 члена. При этом во-

Но поскольку речь идет не о тождестве, а о сходстве, последнее заключалось в том, что на определенном этапе обе ведущие — каждая в своей стране — и уважаемые партии могли почувствовать, что влияние их пошатнулось. Наступило разочарование «старой гвардией» националистов. На том же отрезке времени, когда Старый Дустур уступал место Новому Дустуру (в целом этот период занял 1930-1937 гг.), политический ландшафт Египта изменился до неузнаваемости; и отнюдь не случайно середина тридцатых получила здесь символическое название «годы молодежи» [20].

Действительно, в условиях мирового экономического кризиса, отозвавшегося на берегах Нила катастрофическим падением цен на хлопок и разорением мелких и мельчайших хозяйств, наиболее активными выразителями чувства фрустрации, охватившего население, которое бежало из деревни в город, являлись все более многочисленные молодые люди, получившие среднее и высшее образование²⁸⁹. Параллельно возникла проблема их собственной безработицы. Студенческие забастовки и демонстрации, несмотря на их запрет, стали «образом жизни» Египетского (ныне — Каирского) университета²⁹⁰. И не только аль-Азхар с его сотнями слушателей, но и это крупнейшее на Ближнем Востоке высшее учебное заведение²⁹¹,

хранялась система двойных выборов этой секции: 18 «советников» избирались членами тунисских экономических палат (Сельскохозяйственная палата Севера, Торговая палата столицы и др.), 23 — избирались населением по раздельным куриям и при ограниченном числе голосующих. (Подробнее см. *Себа П.* Указ. соч., с. 219-220). Основной задачей Большого Совета являлось, как то гласила статья 7-я бейского декрета от 13 июля 1922 г., рассмотрение проекта бюджета, предложенного Советом министров регентства, состоявшим из министров (тунисцев), которые были в меньшинстве, и глав департаментов (французов). В случае разногласий между двумя секциями Большого Совета, французской и «туземной», за правительством и, следовательно, Генеральным резидентом, оставалось последнее слово.

²⁸⁹ С 1928 по 1933 г. число египетских студентов возрастало в среднем на 21 % ежегодно. В целом за этот период высшее образование получили 7,5 тыс. человек (*Ковалев В.С.* Египет: Уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции (1879-1981), Минск: Изд-во «Университетское», 1984, с. 97).

²⁹⁰ *Reid D. M.* Cairo University and the Making of Modern Egypt, Cairo: American Univ. of Cairo Press, 1991, p. 120.

²⁹¹ До тех пор, пока светский университет в Каире оставался камерным частным вузом, на создание которого пожертвовала свои драгоценности дочь хедива Исмаиля, в нем ежегодно обучалось от 100 до 400 человек. Отчасти это были посетители вечерних курсов. С 1925/26 учебного года Египетский университет становится

где в разное время работали такие корифеи, как египтологи В.С. Голенищев и Гастон Масперо, всемирно известный ориенталист Луи Массиньон (с 1924 г. иностранный член Российской Академии Наук), социо-антрополог Эванс-Причард²⁹², классик современной египетской литературы Таха Хусейн²⁹³, а также первый арабский «феминист», поэт Касим Амин, становится питательной средой радикализма всех сортов, который создал благоприятный фон для выхода на политическую сцену мусульманских группировок, исповедовавших национализм с густым религиозным оттенком. По самой своей природе он контрастировал с «обветшалым» национализмом в духе египетского почвенничества, сложившегося еще в позапрошлом веке.

Среди подобного рода группировок (*гама'ат*), которые первоначально выглядели не более, чем мусульманскими благотворительно-просветительскими обществами, в сильнейшие вырвалась «Ассоциация братьев-мусульман» (*аль-ихван аль-муслимун*), созданная в 1928 г. Ее верховным наставником становится провинциальный учитель – шейх Хасан аль-Банна,

государственным учреждением, и контингент учащихся здесь прирастал значительно быстрее, чем в стенах аль-Азхара. Так, в год основания Египетского университета было набрано 2 тыс. студентов, через десять лет (1935/36 г.) в него поступили 7 тыс. человек. Постепенно возникает острая конкуренция между «азхариотами» и обладателями государственных дипломов при поиске работы в качестве школьных учителей арабского языка, судебных чиновников и клерков (*Reid D. M. Op. cit.*, p. 45, 140, 176).

²⁹² Е. Эванс-Причард подал в отставку в 1933 г. из-за вмешательства властей в дела университета; а отделение социологии закрыли на том основании, что это – вредная наука (*Ibid.*, p. 124). Самое интересное, что в 2000 г. примерно с такой же формулировкой насчет вреда социологии (плюс нарушения в порядке использовании иностранных грантов) был осужден на 7 лет тюрьмы известный египетский ученый Саад ад-Дин Ибрагим, руководитель Центра им. Ибн Халдуна в Каире, занимавшийся исламистами и маргинальными слоями населения.

²⁹³ Таха Хусейн преподавал в университете с 1920 г., еще до его преобразования в государственное учреждение. В 1930 г. был избран деканом факультета словесности, в марте 1932 г. подал в отставку (не без давления правительства Сидки) и вновь возглавил этот факультет в 1936-1939 гг. Выступал в защиту развития светского образования, хотя к концу тридцатых в его собственных взглядах произошел определенный перелом. Как публицист печатался в газетах Вафда и Либерал-конституционной партии. Сторонники обеих партий пользовались влиянием в административном совете университета, ректором которого был «либерал» Лютфи ас-Сеййид (*Reid D. M. Op. cit.*, p. 100-129). После войны Таха Хусейн являлся министром образования в вафдистском правительстве.

основоположник ассоциации, которая возникла в заштатном г. Исмаилия на Суэцком канале, а в 1934 г., стремительно набирая силу, перенесла свой центр в Каир и через год-другой приобрела десятки тысяч приверженцев. Значительному росту популярности «братства», как считает французский исследователь Мартин Гозлан, способствовали два фактора, внутренний и внешний. Прежде всего широкий отклик получило доходчивое слово Хасана аль-Банна против британского господства, унижившего Египет – великий оплот арабской цивилизации. Кроме того, настроения египетского общества во многом формировались под впечатлением событий, разворачивавшихся на Святой Земле²⁹⁴. Арабское восстание в Палестине, вспыхнувшее в 1936 г. и длившееся несколько лет, разбудило в соседних странах юдофобию, подпитывавшую, с одной стороны, ненависть египтян к британским колонизаторам, с другой, – увлечение пропагандой германских нацистов. Чем ближе ко второй мировой войне, тем больше это увлечение в Египте нарастало, в том числе и в офицерской среде.

«Ассоциация братьев-мусульман» в принципе отрицала партии, а также парламентское представительство как европейское изобретение, чуждое исламу. Тем не менее, в 1934 г. шейх Хасан аль-Банна в одном из своих посланий уже не отрицал, что «братство» имеет политический характер. На своем третьем слете в 1935 г. ассоциация впервые поставила для себя вопрос об отношении к существующим в стране общественно-политическим течениям, а на следующий год ее послание «К свету», направленное королю Фаруку и правителям других арабских стран, излагало программу социальных и политических реформ. Одновременно у «братьев» появилась разновидность полувоенной организации, состоявшей из фаланг (*аль-катаиб*), которые в первоначальном виде существовали еще в тот период, когда штаб-квартира ассоциации находилась в Исмаилии. Фа-

²⁹⁴ *Gozlan M. Pour comprendre l'intégrisme islamique*, Paris: Albin Michel, 1995, p. 41. На той же странице автор отмечает, что в 1936 г. лишь один из «братьев» явился участником Арабского восстания в Палестине, а в 1948 г. они направили на войну с Израилем 40 тыс. добровольцев. Как известно, к этому времени «Ассоциация братьев-мусульман» уже насчитывала, по приблизительным оценкам, до миллионна человек (при общей численности населения Египта в 14 млн.). Не удивительно, что редкий из участников Июльской революции 1952 г. в то или иное время не состоял членом или не был среди сочувствующих «братьям», с которыми «Свободные офицеры» под руководством Гамала Абдель Насера порвали лишь спустя два года из-за борьбы за власть.

ланги были нелегальными, однако власти терпели «Братьев-мусульман», они даже получали субсидии от королевского двора, пытавшегося исполнять это и другие мусульманские сообщества против Вафда и левых сил²⁹⁵.

Но вернемся к Тунису. Религиозная экзальтация, охватившая мусульманское население, была вполне очевидным и классическим выражением социального протеста «под религиозной оболочкой». Первопричиной же социальной напряженности, как и в других странах Магриба, в Египте или Сирии либо в далекой Индонезии, где возникла проблема сбыта каучука, стало падение уровня жизни населения, в подавляющем большинстве аграрного, под влиянием кумулятивных последствий экономического кризиса традиционного типа (недороды 1930 и 1931 г.) и кризиса современного типа – относительное перепроизводство 1932 г. при резком падении мировых цен на основные товарные категории²⁹⁶. Внезапность такого двойного кризиса, поразившего эту страну после пяти лет (1925–1929) относительно высоких темпов роста в современном секторе промышленности и земледелия, а также процветания некоторых традиционных отраслей хозяйства экспортной ориентации (того же оливководства), вполне могли произвести впечатление то ли божьего гнева, то ли козней «неверных».

Кстати, затоваривание на рынке оливкового масла, цены на которое достигли дна в 1933 г., болезненно затронуло Сахель с его главным сокровищем – плантациями культурной маслины. Не менее тяжелые последствия вызвал обвал цен на пшеницу, основную статью экспорта фермер-

²⁹⁵ Лишь после Палестинской войны, когда «Ассоциация братьев-мусульман» по-вернула острие критики против монархии и правительства, считая их виновными в поражении на палестинском фронте, она стала подвергаться репрессиям. Впервые была запрещена в 1948 г. по подозрению в покушении на жизнь премьер-министра Махмуда Нукраши, получившего смертельную рану. Жертвой таинственного убийства пал в 1951 г. Хасан аль-Банна, став таким образом первым мучеником «шахидом», среди лидеров исламистского движения (См.: Кошелев В.С. Указ. соч., с. 94–103; Новейшая история арабских стран Африки, Москва: «Наука», 1990, с. 20).

²⁹⁶ Например, цены на оливковое масло, которые во второй половине двадцатых были стабильными, упали по сравнению с 1926 г. на 50% в 1932 г. и на 65% в 1933 г. По сравнению с тем же 1926 г. уровень цен на твердую пшеницу и ячмень упал, соответственно, на 60 и 66% в 1935 г. В этом году по зерновым культурам в Тунисе был отмечен самый низкий показатель за все десятилетие тридцатых (Nouschi A. La crise de 1930 et les débuts du Néo-Destour, «Revue de l'Occident Musulman et de la Méditerranée», № 8, 1977, p. 115–116.)

ских хозяйств на севере Туниса. Колонисты, не говоря уже о крестьянах, не имели средств на уплату долгов. Земли продавались за бесценок. Спекулянты и ростовщики скупали крестьянские parcelлы и даже крупные имения по цене в 10–20 раз дешевле, чем они стоили в начале кризиса²⁹⁷. К осени 1934 г. суды были завалены делами о продаже земельной собственности по гражданским искам. Пошло массовое разорение мелких крестьян-арендаторов. Например, в судах г. Кайруан, возле которого сеют ячмень и низкосортную пшеницу, резко подскочило количество дел о тяжбах между землевладельцами и «хаммасами»²⁹⁸; последних так называли, поскольку в старину пахари-издольщики обычно имели право на пятую (хумс) долю урожая, хотя в реальности получали меньше. (Хаммас первой половины прошлого века приближался по своему положению к рабочему со своим инвентарем). Пошла вниз кривая цен на овечью шерсть, которая занимала третье место в сельскохозяйственном производстве и экспорте, после зерновых и продукции оливководства.

В январе 1933 г. комиссия Тарди (группа французских экспертов во главе с ответственным чиновником министерства земледелия) признала, что ростовщический процент в деревне, как правило, составляет не менее 30%, достигая фантастических 300% в год. Это совпадало с мнением газеты «Tunis-Socialiste», она еще раньше сообщала, что достигнуты рекорды в 400%. Члены туземной секции Большого совета, по настоянию которых и прибыла в Тунис вышеозначенная комиссия, оперировали в своей записке, может быть, и завышенными, но отражавшими паническую тревогу данными, что до 200 тыс. глав семейств (значит, каждый второй стар и млад) пострадали от потери земли в обеспечение долгов через судебные инстанции²⁹⁹.

От депрессии на внешнем рынке особо пострадала горная промышленность, а на шахты шли в основном бывшие полукочевники-

²⁹⁷ Poncet J. La colonisation et l'agriculture européennes en Tunisie depuis 1881, Paris: Mouton, 1962, p. 304–305.

²⁹⁸ Таймуми Х. Аль-исти'мар ар-ра'асмалий ва ат-ташккит аль-иджтима'ийа ма кабля ар-ра'асмалий: аль-кадихун «аль-хаммасат» фи-ль-арьяф ат-тунисийа [Капиталистическая колонизация и докапиталистические социальные структуры: рабочие-«хаммасы» в тунисской деревне], т. 2, Сфакс: Дар Мухаммед Али аль-Хамми, 1999, с. 212–214). Автор изучил судебные архивы Кайруана за 1931–1935 гг. В этом районе была распространена традиционная издольщина в отличие от капиталистической аренды, получившей развитие на севере страны.

²⁹⁹ Таймуми Х. Указ. соч., с. 206.

степняки, поскольку месторождения фосфоритов (бассейн Гафса – Габес) расположены в зоне их расселения. Двукратное к середине тридцатых сокращение производства, а соответственно, и спроса на рабочую силу в добывающей промышленности Туниса усугубило бедственное положение обитателей так называемых бедуинских районов страны. В один узел с этим сплелись разорение традиционного ремесла под наплывом европейских промышленных товаров, начало «демографического бума», развитие миграционных процессов и т.д.

При этом можно заметить следующее. Новый Дустур в ходе своего образования «оккупировал» примерно такую же социальную нишу, как египетские «Братья-мусульмане», которые завоевывали сердца обездоленного городского люда и представителей нижнего среднего класса... Известно, что некоторые лидеры «Ассоциации братьев-мусульман», не включая знаменитого Сейида Кутба³⁰⁰, в молодости имели опыт сотрудничества с партией Вафд либо к ней тяготели; она не была однородной, но в целом держалась на светских позициях. В отличие от вафдистов, за которых по привычке голосовала деревня, хотя сами они вращались в аристократических кругах и выражали прежде всего интересы имущего класса, «Братья-мусульмане» апеллировали к городским низам, учительству, прослойке мелких служащих, затем и к офицерству незнатного происхождения и т.п. Временами объявляли «табачный бойкот», часто использовали мечети и завии как митинговые площадки, отделяли себя от официального духовенства, заложив в тридцатых основу той политизации ислама, которая пробила себе дорогу в наши дни, выйдя из-под спуда светски ориентированного (пусть не в чистом виде) арабского национализма, торжествовавшего в насеровский период.

³⁰⁰ Сейид (Саййид) Кутб (1906-1966) – теоретик и идеолог «Ассоциации братьев-мусульман». Под влиянием отца, провинциального политического деятеля, связанного с Национальной партией (*Хизбу-ль-Ватан*) Мустафы Кямиля, рано познакомился с кругом политических проблем своего времени. Учительствовал в провинции и состоял в партии Вафд, затем вышел из нее, но сохранял интерес к партийной политике вплоть до конца второй мировой войны. После пребывания в США (1946-1951 г.), где пережил духовный кризис и приобрел отвращение к западному образу жизни, вступил в «Ассоциацию братьев-мусульман». При Насере подвергался арестам, приговорен к смертной казни трибуналом во главе с будущим президентом Анваром Садатом и повешен 29 августа 1966 г. (См. *Рассел ван Е. А. Коран и его мир*, СПб: Петербургское востоковедение, 2001, с. 308).

Наконец, нынешние – современные египетские Братья-мусульмане, породившие за время существования своей организации множество ответвлений и отколовшихся группировок, число которых нарастало в период правления Анвара Садата, представляют собой «умеренное» крыло исламистов; ибо они отказались от насильственных методов борьбы за свой идеал, выраженный в сколь простой, столь и туманной фразе: «Ислам это – решение». Но за ними огромное влияние в Египте, который в этом смысле является дремлющим вулканом.

Тунисские же интегрлисты (Движение исламской направленности, затем – партия Нахда), история которых в основном укладывается в 1971-1991 гг., таким влиянием не обладали ни тогда, ни позже, а сегодня о них слышно не столько на родине, сколько за рубежом³⁰¹. (Где выходцы из Туниса – зачастую граждане европейских стран, встречаются среди рассеянных по миру североафриканцев, которые замешаны в индивидуальных или групповых террористических актах). Поэтому президент Бен Али, как отмечалось в предисловии к настоящей работе, имеет основание заявлять,

³⁰¹ Партия «Нахда» заявляет о своем существовании главным образом устами находящегося уже много лет в эмиграции ее лидера Рашида аль-Ганнуши. В интервью представителю издания «Les Cahiers de Confluences» Ольфе Ламлун он заявил, что «режим 7 ноября», то есть смену власти в ноябре 1987 г., «можно назвать худшей из катастроф, пережитых Тунисом за долгое время», а что касается демократии и прав человека, то этот режим добился на вид беспримерных успехов, но в действительности поверхностных, на уровне официального дискурса...» (Lamloun O., Ravenel B. (ed.) *La Tunisie de Ben Ali. La société contre la régime*, Paris: L'Harmattan, 2002, p. 255-256). Далее, этот режим характеризуется Рашидом Ганнуши как «диктаторский», с чем соглашаются и правозащитники, отчасти выступая с самокритикой за то, что они – как и основная часть интеллигенции – в свое время слишком резко высказывались против исламистов, расчистив тем самым путь всеохватывающему полицейскому надзору... См., например, интервью бывшего члена партии Движение за демократические свободы, Хмаиса Шаммари (Ibid., p. 225-232). Эти проблемы, нетрудно заметить, перекликаются с теми, которые возникли в странах Центральной Азии и некоторых регионах России, причем универсальный рецепт, как найти баланс между демократией и потенциальной угрозой ее подрыва исламистами, которые к ним же, принципам демократии, и правам человека, апеллируют, пока не найден. Хорошо это или плохо, пока можно констатировать, что из политической жизни Туниса исламисты на сей день вытеснены, а факт своей популярности доказывают неофициальными данными об итогах парламентских выборов 1989 г. (Ibid., p.259).

что его страна – пример успешного искоренения такого зла, как терроризм, возражающий на почве воинствующего ислама. Такого рода исламу в Тунисе противопоставляют «цивилизованный», толерантный ислам, признающий величие других культур³⁰². Эту официальную позицию тунисского руководства и, следовательно, правящей партии ДКО – прямой наследницы новых дустуровцев, в общем и целом разделяет большинство населения. Интеллигенция же считает, что вероятность возвращения исламизма в Тунис лежит не внутри страны, а вовне; и одним из таких потенциальных источников называют мусульманскую диаспору во Франции. Но это уже особая проблема...

Корни указанных различий между тенденциями развития отдельных стран региона, на наш взгляд, лежат именно в тех социально-политических процессах, что обозначились в тридцатые годы, когда выход на авансцену «Братьев-мусульман» и подобных им ассоциаций совпал с кризисом европейской демократии и усилением фашистских партий, которые немедленно приступили к пропаганде среди арабских националистов, не оставив без внимания ни Ближний Восток, ни Алжир, ни французские протектораты Северной Африки. Вопреки тому, что «братство» Хасана аль-Банни выступало против партий и партийной борьбы, оно на деле имело квазипартийную структуру и признаки массовой партии. Последнее относится и к партии «*Мыср аль-Фатат*», выступавшей под триединым лозунгом «Бог, Родина, Король»³⁰³. Такого рода объединения, будь то ассоциация

³⁰² См., например: Беллажи М. Основные направления политики Туниса по борьбе с терроризмом, «Вестник Московского университета», № 2, 2003, с. 80-84. (Публикация – запись выступления Чрезвычайного и полномочного посла Тунисской республики в Москве перед студентами ИСАА. Отражает официальную точку зрения и в этом плане представляет большой интерес, демонстрируя стиль подхода к исламу правительства страны).

³⁰³ Партия *Мыср аль-Фатат* (Молодой Египет) в марте 1940 г. была переименована в Исламскую националистическую партию, после первой арабо-израильской войны присвоила себе название Социалистической партии (1948 г.) и перешла в лагерь противников монархии. Следует отметить, что эта партия-хамелеон оказалась прародительницей современной Социалистической партии труда (СПТ). Последняя была создана в 1978 г. президентом Анваром Садатом, который надеялся найти в ней «лояльную оппозицию слева»; в 1979-1983 гг. запрещена, так как осудила мирный договор с Израилем, впоследствии блокировалась в разных комбинациях с «Братьями-мусульманами». Председателем СПТ в 1978-2001 гг. являлся ныне покойный Ибрагим Шукри, который, начиная с 1933 г., был связан с

ция с чертами партии, или, наоборот, политическая партия с чертами мусульманского братства, были сильны тем и тогда, когда они обретали лидера, способного выдержать соревнование в риторике и произвести впечатление на верующих, живших мессианскими ожиданиями. Тунис здесь не исключение.

Более того, теоретически допустимо, что он мог стать второй после Египта страной, где получил бы, при прочих равных условиях, широкий размах «мусульманский национализм», репликой которого явилось, например, движение улемов-реформаторов в Алжире. Но этого не произошло. И вероятно, причина кроется в том, что Новый Дустур, который захватил в Тунисе основное политическое пространство, своим существованием предотвратил развитие подобного сценария... Уже в начале 1934 г. в народе ходили слухи, что «Бургиба – всемогущ»³⁰⁴. И некая сакрализация его образа, которую в дальнейшем сознательно поддерживала партия «людей в галстуках и европейских костюмах», на данном этапе, позволив себе такую версию, сыграла положительную роль.

По сути, целью Бургибы и Нового Дустура было стать единственной партией страны, где к началу прошлого века действовали 19 религиозных братств с 500 завиями и, возможно, 300 тыс. последователей. Не счи-

«Молодым Египтом». В последние годы СПТ стали называть просто Рабочей партией, опуская прилагательное «социалистическая». Не допущенная к участию в избирательной кампании 2000 г., она постаралась очистить себя на уровне руководства от лиц, симпатизирующих «братьям», или считающихся таковыми. (Подробнее см.: Видясова М.Ф., Умеров М.Ш. Египет в последней трети XX века. Опыт либерализации экономики и политической системы, М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002, с. 224-225).

³⁰⁴ Сообщения агентов сыска. (Цит. по: Абд аль-Маджид Керим и др. *Му'атамар Каср Хилляль 2 марис 1934...* с.35). На то, что культ личности Бургибы зародился в начале существования Нового Дустура и «развивался снизу», а действия властей протектората дали ему разгон, вполне объективно указывал в свое время директор СДП – Мухаммед Саях, составитель сборника документов по истории национального движения. Он отмечал, что репрессии Пейрутона «окружили руководителей Нового Дустура ореолом мучеников и подлинных знаменосцев тунисского национализма». Лидер партии – Бургиба, чье «завораживающее имя» было отныне на слуху, виделся героем необычайной эпопеи. «Городские и бедуинские народные поэты уже воспевали его подвиги, его мужество и стойкость, экзальтированно описывали его страдания. Народное воображение было настолько возбуждено, что возвращение Вождя (из ссылки весной 1936 г. – М.В.) отпраздновали как несравненную победу» (Histoire du mouvement national tunisien. 9 avril 1938..., p. XIV).

178 мелких завий «марабутов» и 600 кубба – построек над могилами «*тих*»³⁰⁵, которым поклонялось население, на 90% неграмотное. Но вождь партии «*пéос*», не удалось похоронить партию «*archéos*», они смогли *те* загнать конкурента в угол. Подчинить себе весь Дустур им удалось не под силу ни созывом Ксар-Хелляльского съезда, ни после него. Как не могли они тогда и позже, реанимируя в 1937-1938 гг. национальные профсоюзы «издания 1924 г.», привлечь к себе всех рабочих, кроме беднейших слоев формирующегося городского пролетариата, в котором еще живы племенные предрассудки вчерашнего выходца из деревни. Не смогли, потому что большинство лиц наемного труда осталось за социалистами, то есть – не за партией СФИО, а за европейскими профсоюзами во главе Дюрелем и «дюреллистами» (кстати, еще один фактор, объективно действовавший против развития событий по «египетскому сценарию»).

Тем не менее, члены содружества учредителей Нового Дустура сумели создать в стране, где мусульманское население было в два с лишним раза меньше, чем население соседнего Алжира³⁰⁶, массовую партию, минимум в 20 раз превосходившую по численности Партию алжирского города (ППА) Мессали Хаджа, между тем партию тоже массовую и «*арбейскую*» в своей основе³⁰⁷. Они смогли навязать обществу и крестья-

³⁰⁵ *Исп. Ch.-A. Op. cit.*, p. 102; подробнее: Тили А. *Ам-турук ва аль-исти 'мар аль-франсий би аль-бияд ат-тунисия* [Тарикаты и французский колониализм в Тунисе] (1981-1939), Тунис: Издательство факультета Мануба, 1992.

³⁰⁶ В 1931 г. соотношение равнялось (2,2:5), ныне – примерно (1:3) за счет разницы в уровне рождаемости.

³⁰⁷ По данным Р.Г. Ланды со ссылкой на Ш.-А. Жюльена по одной из его работ и на статью «*Revue algérienne des sciences juridiques, économiques et politiques*» (№ 4, 1972), популярная в конце тридцатых Партия алжирского народа, созданная во главе с бывшим сержантом французской армии, затем – парижским чернорабочим Мессали Хаджем, вернувшимся на родину весной 1937 г., насчитывала 1 тыс. человек в сентябре 1938 г. и 2,5-3 тыс. ровно через год (Ланда Р.Г. Кризис колониального режима..., с. 206). Массовой обе партии, Новый Дустур и ППА, являлись прежде всего по принципу организации, то есть стремлению вовлечь в свои ряды максимально большее число людей, в отличие от: 1) «кадровых» партий состоящих из небольшого числа влиятельных политиков-профессионалов и ориентировавшихся на финансовую помощь привилегированных слоев общества; 2) «юридических» партий, в которых отсутствует институт официального членства, а их сторонники выражают им поддержку посредством голосования на парламентских, муниципальных и проч. выборах (См., например: Политология. Энциклопедия

нину (как его основной фигуре), склонному к общению в мистических братствах, веками привыкшему к социализации в рамках суфийских завий или племен³⁰⁸; смогли навязать той же «рассерженной молодежи» тридцатых, которая самореализовывалась в союзах нового типа, вроде братства Верховного наставника Хасана аль-Банни, свою организацию, не уподобляя ее религиозному братству. Хотя и подстраивались под нравы населения, иногда разыгрывая перед ним свои митинги-спектакли в духе традиционных народных праздников и с появлением на горизонте ковыльных степеней белого всадника – Бургибы, этого «неслыханного нового пророка».

Но время гегемонии Нового Дустура было еще впереди. Чем она обернулась, когда политическая элита, сформировавшаяся вокруг этой партии агностиков и в то же время партии бедных, даже – париев общества, сырых и униженных (*масакин*), стала правящей, а следовательно, ее задачей стало сохранение собственной власти, и чем эта гегемония отзывается сегодня, – это уже следующий вопрос и другая «особая проблема».

литический словарь, М.: Изд-во Publishers, 1993, с. 246). Эта схема опирается на целый ряд классификаций, предлагавшихся философами, начиная с Дэвида Юма, социологами (Макс Вебер и др.); современные классификации в основном развивают постулат французского политолога Мориса Дюверже, который в 1951 г. разделил партии по признаку их организационного строения на два основных типа: кадровые и массовые (см.: Категории политической науки, М.: МГИМО, Россия, 2002, с. 298-309). Вместе с тем обе эти партии: тунисская и алжирская, тяготеющие друг к другу, подпадают под определение Юма «*party of affection*» («партия приверженцев»), подразумевающее объединение людей по привязанности к тому или иному лидеру.

Эванс-Причард, который изучал эту проблему на материалах ливийских племен, показал, что население воспринимало завий (тарикаты) как свои общинные институты. Это вполне характерно и для других регионов, где наблюдалось совмещение функций племенного вождя и религиозного лидера. Однако в Тунисе тридцатых престиж марабутов падал. Одной из причин этого явления было то, что шейхи-наставники завий, причем некоторые из них были вымышленными шейхами и даже на взгляд французских спецслужб являлись авантюристами, спешили заявить о своей верности Франции и властям протектората. Об этом свидетельствуют документы: их письма, телеграммы, адресованные в Резиденцию осенью 1934 г. и весной 1938 г., когда партия Новый Дустур подвергалась сильнейшим гонениям. (См.: *Риджалъ ад-дин ва аль-харака аль-ватанийя. Каканъ нассий ва шафавийя* [Религиозные деятели и национальное движение. Документальные и устные источники] 1881-1938, Тунис: Высший институт истории национального движения, 1993, с. 117-128; Тили А. Указ. соч., с. 293).

* * *

Кладбищенская история, послужившая толчком к образованию Нового Дустура, конечно, не красила Бургибу в глазах французов, посчитавших его «экзальтированным мятежником». Однако не случайно он писал (еще в мае 1933 г.), возмущаясь равнодушием туземной секции Большого Совета к фактам насилия при разгоне стихийных демонстраций, с одной стороны, и к «сверхзлодейским» декретам, изданным от имени бея, — с другой, что «Франция, раньше равнодушная, была взволнована. Депутаты парламента поспешили увидеть все своими глазами, самим услышать, диагностировать болезнь и предложить способ лечения. Журналисты — и не из последнего десятка — приехали изучить положение на месте... Левые партии реагировали. Социалисты, радикал-социалисты, республиканцы, демократы публично и решительно выразили свое возмущение новыми методами правительства, его роковой политикой устрашения и диктатуры. Дюран-Анливьер протестовал, Иохим Дюрель протестовал...»³⁰⁹.

Действительно, члены СФИО в Тунисе, как и коммунисты, а они летом 1934 г. возобновили работу, сделав первую попытку выделиться в автономную партию [21], весьма негативно относились к политике протектората в последние годы губернаторства Мансерона — человека, известного своими антифашистскими взглядами, который сам по себе и не был реакционером, но сделал за свое правление множество ошибок. Трижды подняв фитиль к пороховой бочке: проведя в Тунисе католический конгресс, отпраздновав с особой помпой 50-летие протектората и попытавшись силой — с применением армии — погасить конфликт, вспыхнувший вокруг проблемы натурализации. Еще больше объективных причин для сближения между левыми силами и неодустуровцами, возникло в период правления Пейрутона, которого его же соотечественники называли, кто с одобрением, кто с ненавистью, «железным кулаком» или «проконсулом», припоминая Римскую Африку. Именно такого человека просили себе в губернаторы французы, жившие в Тунисе, но не все...

Не будем во всех деталях останавливаться на том, что преследования колониальных властей, обрушившиеся на Новый Дустур осенью 1934 г., затронули одновременно и «левых» политиков Туниса (депортации, аресты, запрет на выпуск печатной продукции и т. д.). Явное размеже-

³⁰⁹ Bourguiba H. La Tunisie et la France..., p. 64.

вание между последними и дустуровцами новой волны произошло позднее, в начале 1938 г.; и во многом по поводу акции контр-насилия, каковой считали руководители Нового Дустура поднятые ими народные демонстрации, не получившие одобрения ни со стороны социалистов (и коммунистов), по ряду причин считавших эти демонстрации неуместными, ни со стороны некоторых членов самой неодустуровской партии.

Тем не менее, остается фактом, что в организационном плане боеготовая партия Новый Дустур, насчитывавшая уже к 1937 г., то есть по прошествии трех лет после своего учредительного конгресса, по разным оценкам, от 50 до 100 тыс. человек и разветвленную сеть первичных ячеек, являлась слепком с французской СФИО»³¹⁰. Эти слова принадлежат Клементу Генри Муру. Другие же авторы и современники событий усматривали прямое сходство Нового Дустура, «отдававшего предпочтение европейским политическим технологиям», с ведущими партиями III Интернационала, прежде всего с ФКП. Среди таких технологий, надо сказать, отчасти унаследованных от Старого Дустура, была внутрипартийная дисциплина, которой *«archéos»* как раз и не придерживались.

Строившаяся если не на деле, то по бумаге согласно принципу демократического централизма, партия Новый Дустур состояла из первичных ячеек (*cellule, халлийа*), управляемых выборным комитетом, и более крупных секций (*section, шу'уба*). Первоначально их было 20. В городах секции соответствовали кварталу, в сельской местности — шейхату. Партийные комитеты распространяли газеты, листовки и брошюры, читка которых часто происходила вслух, проводили собрания, создавали вечерние образовательные курсы. Региональные «федерации» Нового Дустура (объединявшие, по мере роста численности ячеек, несколько секций), пользовались известной самостоятельностью, но подчинялись центральному аппарату партии. Ее высшей инстанцией считался съезд, исполнительным органом — политбюро, избираемое делегатами и подотчетное съезду. Из числа членов политбюро (первоначально 5 человек) избирались председатель партии, генеральный секретарь и заместитель генерального секретаря, а также казначей и его заместитель. В промежутках между съездами контрольные функции и задачу определения стратегии на ближайший период должен был выполнять Национальный совет (*аль-маджлис аль-миллий*) [22]; на его сессиях присутствовали члены политбюро и главы региональ-

³¹⁰ Moore Cl. H. Op. cit., p.34.

ных федераций. Поскольку партия, находившаяся в лучшем случае на полуправильном положении, смогла провести до независимости Туниса только пять общенациональных съездов (1934, 1937, 1948, 1952, 1955), а избранные руководители то и дело попадали в тюрьму, широко практиковалась кооптация членов политбюро. Случалось, что оно на длительный период и полном составе оказывалось под арестом. Тогда в экстренном порядке формировалось временное политбюро, так это было в 1935 г., в течение которого сменили друг друга шесть разных составов, каждый раз с новым руководителем. Подобное повторилось в 1938-1943 гг.

Все это свидетельствует о том, что, несмотря на ведущую организационную роль и эмоциональное влияние Бургибы, вокруг которого изначально складывался культ вождя, Новый Дустур не был партией, распадающейся без своего лидера. Образно говоря, французские власти, сканируя верхушку партии, постоянно видели, как из под земли вырастает новая трава, которая им, наверное, казалась зубьями дракона.

Относительно численности партии Новый Дустур необходимы некоторые уточнения. Согласно уставу, принятому на учредительном съезде, в ней предполагалось индивидуальное членство; коллективное же, когда в партию вступали целыми дуарами (поселками), допускалось лишь в порядке исключения: кое-где в степях и на юге, в зоне проживания полукочевников. После прихода к власти во Франции правительства Народного Фронта (4 июня 1936 г.), когда партия Новый Дустур получила возможность проводить открытые митинги и собрания, ей удалось развернуть эффективную агитационную кампанию и охватить сетью своих ячеек практически всю страну.

В письме к Хеди Нууре от 23 декабря 1936 г. Хабиб Бургиба пишет: «Необходимость постоянного контакта с массами признается сейчас всеми товарищами как фундаментальная догма нашей партии». В предыдущих письмах, от 12 и 30 ноября 1936 г., Бургиба интересуется, получили ли партийные билеты, высланные во Францию, чтобы оформить членство в парижской секции, а также с радостью сообщает: «наша пропаганда, как никогда, простирается уже и на Север (зона французской аграрной колонизации – М.В.)... и теперь в Бедже создана мощная дустуровская федерация, вторая по значению после Сахеля»³¹¹. Зимой 1936-1937 гг. были разверну-

³¹¹ Histoire du mouvement national tunisien. 9 avril 1938. Le «procès» Bourguiba. Documents inédits, interrogatoires et dépositions. Tunis: C.D.N., 1967, p. 36, 54, 64.

ты агитационные турне лидеров Нового Дустура, имевшие большой успех, хотя сам Бургиба подолгу не мог участвовать в этой работе из-за болезни.

По сведениям газеты «L'Action Tunisienne», возобновившей выпуск с 16 декабря 1936 г., на тот момент партия имела до 400 первичных ячеек, 162 секции и 12 региональных федераций³¹². На втором съезде, состоявшемся 30 октября – 2 ноября 1937 г., председатель партии Махмуд Матри заявил, что численность ее рядов достигла 70 тыс. человек. Цифра, судя по всему, приблизительная, но правдоподобная³¹³. Полицейские сводки на тот же год, цитируемые во многих публикациях, определяли количество ячеек Нового Дустура в 353, а численность их состава – в 50 тыс. человек, из них 33 тыс. в Сахеле. Правда, упоминая эти сводки, Ж. Ганьяж предполагает, что в некоторых случаях полиция, смешивая активистов и сочувствующих, относилась к членам партии целиком все взрослое мужское население Сахеля, где влияние Нового Дустура было вне конкуренции. Лишь в административном центре данного района, г. Сус, «старые» дустуровцы преобладали над «новыми», соответственно: 500 и 200 человек³¹⁴. По данным Мура, который ссылается на бывшего колониального чиновника и ученого-социолога Анри де Монтети, автора неизданного труда по истории тунисского национального движения, Новый Дустур к 1937 г. насчитывал около 28 тыс. активных членов, состоявших в 432 ячейках³¹⁵. О наличии в стране от 350 до 480 первичных партийных ячеек говорят и другие источники, а некоторые авторы утверждают, что Новый Дустур имел до 400 тыс. приверженцев, «представлявших все социальные категории»³¹⁶. Скорее всего речь идет именно о приверженцах, единомышленниках, а не о членах Нового Дустура, которые, вступая в его ряды, приносили клятву верности на Коране³¹⁷ и платили членские взносы в размере 10-12 франков.

³¹² Histoire du mouvement national tunisien. Le Néo-Destour et le Front Populaire en France. Vol. I, Tunis: CDN, 1969, p. 83.

³¹³ На съезде было зарегистрировано 700 делегатов, в среднем каждый мог представлять 100 человек.

³¹⁴ Ganiage J. Op. cit., p. 755.

³¹⁵ Moor Cl. H. Op. cit., p. 108.

³¹⁶ Kassab A. Histoire de la Tunisie. L'époque contemporaine, Tunis: STD, 1976, p. 421.

³¹⁷ Со слов бывшего председателя Нового Дустура – Махмуда Матри, на Ксар-Хелляльском съезде он возражал против клятвы верности на Коране, считая, что «религиозная клятва не подходит для политической партии», но был вынужден подчиниться «ввиду маневров, которые вел Мохиддин Клиби, человек из Старого

Так или иначе, в точке апогея довоенного национального движения повсюду дустворцам, видимо, удалось привлечь в свои ряды несколько десятков тысяч человек, не считая тех, кто присоединялся к их выступлениям, одной из которых становилась улица.

В порядке сравнения отметим, что первая политическая организация, образованная в другом французском протекторате, которая известна в отечественной литературе под названием Марокканский блок национального действия, или дела (МБНД)³¹⁸, не выдавала регистрационных документов и не собирала членских взносов. Ключевое слово ее названия («кутия») лучше бы перевести как «группа» или «комитет», поскольку это не понятие «блок» обычно ассоциируется с межпартийной коалицией, например, предвыборной. В данном случае речь шла о коалиции нескольких людей, объединившихся для мобилизации общественного мнения в своих целях. Она возникла весной 1934 г., после визита султана в Фес, хотя существовала на протяжении ряда лет, в основном после 1930 г., и представляла собой три концентрических круга: внутри «завия» из 12 человек, своего рода ложа для посвященных (само слово «завия» означает «угол», обитель мусульманского братства-тариката, а в Магрибе и само братство или его руководящий центр), далее круг активистов – 150 человек и внешний круг симпатизирующих – 200–300 человек [23].

В свою очередь, Национальная партия за реформы (НПР) Алляля аль-Фаси, возникшая в результате раскола МБНД, за период своего короткого существования (апрель–октябрь 1937 г.), когда она ввела оформленное членство и стала говорить о поисках народной поддержки, насчитывала всего 6–7 тысяч человек – в основном в Фесе, где находился ее штаб. Она развернула свои выступления в мечетях и привлекала арабскую молодежь с традиционным богословским образованием³¹⁹. Другая недолговечная партия, возникшая в 1937 г. и именно с этого времени марокканцы стали употреблять в современном

Дустура» (Histoire du mouvement national tunisien. 9 avril 1938..., p. 85). Позднее д-р Матри вспоминал, что на этот знаменательный съезд, который проходил в частном доме, «собрались представители 50 ячеек или около того, в основном молодежь... Ни один из членов Исполнительной комиссии, хотя мы их приглашали, не присутствовал. Но Мохиддин Клиби вот уже несколько дней, как находится в этом районе» (El-Materi M. Op. cit., p. 55).

³¹⁸ См., например: Сергеев М.С. История Марокко. XX век, М.: ИВ РАН, 2001, с. 98–99.

³¹⁹ Максименко В.И. Указ. соч., с. 19.

значении термин «партия» (*хизб*), была создана Мухаммедом Хасаном аль-Ваззани, она присвоила себе название Партии национального движения (ПНД). По-арабски называлась «аль-харака аль-кауимийа».

Обе партии – наследницы МБНД базировались на поддержке городского населения, а кольцо географии этой поддержки охватывало Северное Марокко с главными очагами политической жизни в Фесе и городах-двойниках Рабате и Сале. К ним можно добавить также Мекнес, бывший стольный град султана Мулай Исмаила (1672–1727), расположенный близ Феса. При этом ПНД, которая в большей степени тяготела к французской культуре (и в этом смысле походила на тунисский Новый Дуствур), проявляла «безразличие, а затем и враждебность к идее объединения с массовым движением»³²⁰. Имевшая место осенью 1937 г., ссылка Алляля аль-Фаси в Габон, а его политического конкурента и такого же, как он, выходца из городского патрициата Хасана аль-Ваззани – на марокканский Юг, привела к замораживанию деятельности националистов, которая возобновилась лишь на рубеже 1943–1944 гг.

³²⁰ Новейшая история арабских стран Африки..., с. 363. Следует иметь в виду, что членов ПНД, которых называли «кауимийистами» (*кауимий*: народный, национальный), в отличие от «ватанистов» (*ватан*: родина, отечество), то есть приверженцев НПР, насчитывалось всего 12 человек – адвокатов, врачей и высокопоставленных служащих. Их лидер, Хасан аль-Ваззани, получил высшее образование во Франции в 1927–1930 гг., был дипломантом Свободной школы политических наук. В 1932 г. Шекиб Арслан взял его к себе в Женеву секретарем; а позже, в момент раскола националистов, тщетно пытался уговорить к примирению со вчерашними сподвижниками. Выход Хасана аль-Ваззани в феврале 1937 г. из МБНД имел причиной ссору с Аллялем аль-Фаси, вызванную ревностью «на финансовой и персональной почве» (Julien Ch.-A., Op. cit., p. 34, 246). Проще говоря, оба претендовали на пост председателя МБНД, который достался Аллялю аль-Фаси на первом съезде «блока», созванном 25 октября 1936 г. Вместе с тем нельзя не отметить, что аль-Ваззани (в противоположность потомственному богослову аль-Фаси – питомцу университета аль-Карауин) был представителем тонкого слоя вестернизированной элиты. В их поколении люди с европейским образованием в Марокко были редкостью. Но и в тридцатых лишь десяток-полтора марокканских студентов ежегодно заканчивали университеты во Франции. На родине всего 450 марокканцев посещали в 1938/39 г. французские школы и еще несколько сот человек учились в «спецшколах» для арабской знати, «écoles des fils de notables», каких было шесть начальных и три лицейского типа (Подробнее см.: Abun-Nasr J. M. A History of the Maghrib. London: Cambridge Univ. Press, 1977, p. 366–367).

Остановимся чуть подробнее на облике НПР, избравшей своим вождем, именно «вождем», а не председателем Алляля аль-Фаси. Сначала она называлась «Марокканским движением за требования» (*аль-харака аль-магрибийя мин аджли аль-маталиб*), затем стала пользоваться названием «Национальная партия за осуществление требований» (*аль-хизб аль-ватани мин аджли тахкик аль-маталиб*)³²¹. По-французски же ее называли то партией, то движением «за реализацию реформ» (*Parti/Mouvement pour la réalisation des réformes*), а иногда просто «Le Parti National». Она раздавала членские карточки, вступающие уплачивали взнос 5 фр., произнося слова обета: «Клянусь Аллахом Всемогущим... со всей искренностью трудиться на благо моей религии, родины и партии национального дела. Мне дорого все то, что Он возлюбил, мне ненавистно все то, что Ему неуживо, и т.д.»³²². Французская Република, обеспокоенная ростом популярности НПР, обратилась к городскому совету Феса (*аль-маджлис аль-балади*), а также к совету улемов мечети аль-Карауин, и те вынесли суждение, что подобная клятва на Коране противна истинной мусульманской традиции, посягает на нее и авторитет султана, который для марокканцев являлся, напомним, особой халифского достоинства «повелителем правоверных». Расхождения НПР с официальными улемами, возникшие из-за того, что молодой шейх аль-Фаси упорствовал в осуждении «берберского дахира», воспламенившего в 1930 г. политические страсти³²³, служили поводом сравнивать ее по аналогии с алжирской Ассоциацией улемов-реформаторов. Действительно, сторонники Алляля аль-Фаси боролись против влияния суфийских братств, открывали в городах частные медресе и обновленные коранические школы. К 1937 г. в них получали начальное образование 5 тыс. детей. Это не мешало сельским жителям, сочувствовавшим НПР, воспринимать ее как союз ихванов «Аллалийа», то есть как братство последователей Алляля аль-Фаси, «идущих его духовным путем». В глазах европейцев они выглядели «религиозной сектой»³²⁴.

³²¹ В русскоязычной литературе НПР зачастую упоминается под аббревиатурой НПОР.
³²² Gaudio A. Allal El Fassi ou l'histoire de l'Istiqlal, Paris: Alain Moreau, 1972, p. 37.

³²³ В 1930 г. Алляль аль-Фаси, в то время – 24-хлетний соискатель степени «доктора» мусульманского права, уклонился от участия в кампании своих друзей против «берберского дахира». Религиозно-политические проповеди начал произносить в 1934 г., и вскоре его лекционный курс в аль-Карауин был отменен (Ibid., p. 36).

³²⁴ Julien Ch.-A. Op. cit., p. 230-247; Ganiage J. Histoire contemporaine du Maghreb de 1830 à nos jours, Paris: Fayard, 1994, p. 479. Не менее любопытно, что осенью 1937 г. жители местечка Хемиссет, главного населенного пункта берберов *айм-земур*,

Между тем некоторые лидеры НПР, в том числе ее генеральный секретарь Ахмед Балафредж³²⁵, были людьми со светским образованием и в начале своей карьеры поддерживали контакты с левыми политическими кругами метрополии. Балафредж окончил лицей в Рабате, затем учился на факультете словесности в Париже, где в 1930 г. был избран членом бюро Ассоциации североафриканских студентов-мусульман (AEMNA)³²⁶. В 1933 г. сопровождал депутата-социалиста Р.-Ж. Лонге в поездке по Марокко и оттачивал критическое перо в его журнале «Maghreb» на разоблачении пресловутой цивилизаторской миссии колонизаторов. В то время парижскую полицию, которая неусыпно следила за деятельностью алжирцев и тунисцев, подозреваемых в коммунистических убеждениях, не особенно волновали студенты из Марокко, ибо полиция была уверена, что эти дети аристократов, вернувшись домой, легко оденут старый шелковый халат³²⁷.

возбужденные эмиссарами из Феса, заговорили о новом племени «*айм-ватан*» (берберское *айм* равнозначно арабскому *бану*, *бени*), племени странных людей, которые называют себя «*ватанийин*», «ватанистами» (Berque J. Op. cit., p. 123).

³²⁵ Балафредж (1908-1990) родился в Рабате в знатной семье андалусского происхождения. Здесь же возглавил «Общество друзей Истины», которое в 1927 г. слилось с фесским кружком салафитов Алляля аль-Фаси (Gaudio A. Op. cit., p. 34). В 1944 г. основал партию Истикляль; председатель ее исполкома, затем генеральный секретарь. В 1956-1958 гг. министр иностранных дел Марокко, с 12 мая по 4 декабря 1958 г. – премьер-министр, снова министр иностранных дел в 1961-1963 гг. Полностью отошел от политической деятельности с 1972 г.

³²⁶ В литературе встречается ошибочное указание, что Балафредж «основал» эту ассоциацию (См.: Африка. Энциклопедический справочник, М.: Советская энциклопедия, 1986, с. 305). AEMNA была учреждена в декабре 1927 г. и ставила перед собой задачу организации студенческой взаимопомощи, позже стала выдвигать политические лозунги, сводившиеся главным образом к требованию возрождения арабского языка и культуры. Руководство AEMNA состояло из президента, вице-президента, генерального секретаря, его заместителя и казначея. В первом составе президентом был тунисец (Шедли Хайраллах, а после его экстрадиции Тахар Зауш), вице-президентом Мухаммед аль-Фаси (брат Алляля), генеральным секретарем Хасан аль-Ваззани. Во втором составе это место занял Балафредж; президентом стал тунисец Мухаммед Сакка (Hamed-Touati M. Immigration maghrébine et activités politiques en France, Tunis: Université de Tunis, 1994, p. 224-225).

³²⁷ В полицейском рапорте, составленном в начале 1934 г., так и утверждалось, что молодые люди из Марокко, принадлежащие к состоятельным семьям, наверняка займутся, получив университетские дипломы, своим профессиональным делом, и поэтому не стоит серьезно относиться к их парижским увлечениям (Ibid., p. 232).

Она ошиблась. Результатом сотрудничества французских социалистов и «младомарокканцами» стало появление «Плана реформ», первой развернутой программы МБНД, которая была выдержана в духе буржуазно-националистических требований и с порога отвергнута³²⁸. Балафредж был если не соавтором, то соучастником издания этой программы, а также одним из организаторов массовых демонстраций: в мае 1934 г. и сентябре 1937 г. Однако он и ему подобные «*évolués*» уступали популярностью Аллялю аль-Фаси, которому помогали его родовитость, мусульманская ученость и элоквиция.

В галерее портретов бывших звезд политической сцены Марокко современный автор, непрофессиональный, но весьма осведомленный историк, дал меткие характеристики двум основным соперникам Алляля аль-Фаси за амплуа главного героя сцены. С одной стороны, это Хасан аль-Ваззани – «Преждевременный Демократ» (*Un démocrate avant l'heure*), или «Протодемократ», который в тайной директории МБНД был единственным республиканцем, державшимся принципа своего клана горцев аль-ваззани «нет султана среди нас, и нет султана без нас». С другой стороны, это Ахмед Балафредж – «И.О.» (*L'intermaire*), вечный дублер и скрытый конкурент «Вождя». Человек породистый и энергичный, который «готов был заключить против Франции союз хоть с дьяволом» и выполнял роль основателя, организатора и практического руководителя, оставаясь в тени более знаменитого игрока³²⁹.

Что касается различий между НПР и ПНД, то они проявлялись прежде всего в персональном стиле их лидеров; обе состязующиеся команды представляли собой, по мнению Робера Резетта (использовавшего выражение Мориса Дюверже), «*partis d'origine extérieure*», иными словами, произросли на местной почве из экзогенного семени; а кроме того, они никак не могут быть размещены справа или слева от оси политических координат, ибо расхождения между ними были не доктринальные, а тактические³³⁰. Правда, при желании можно было найти различие в идеологии «ватанистов» (НПР), и «каурийистов» (ПНД), оно сводилось к тому, что «первые выступали за абсолютную власть султана, вторые – за парламент

³²⁸ План реформ 1934 г. подписали 10 из 12-и членов «завии» МБНД (подробнее см. наш комментарий [23]).

³²⁹ *Belouch B. Portraits d'hommes politiques du Maroc, Casablanca: Afrique Orient, 2002, p. 37-41, 47-49.*

³³⁰ *Rézette R. Les partis politiques marocains. Paris: Colin, 1955, p. 249-250.*

скую форму правления»³³¹, то есть вынашивали идею ограниченной монархии. Этот нюанс не играл, однако, существенной роли, поскольку более рьяные в нападениях на французскую администрацию «ватанисты», дружина Алляля аль-Фаси, привлекли к себе симпатии подрастающего поколения европеизированной молодежи, а «каурийисты», соратники Хасана аль-Ваззани, крайне малочисленные, пребывали почти что в вакууме, пользуясь, вопреки логике, расположением некоторой части молодежи с традиционным арабским образованием. Наконец, за соперничеством неравных по силам партий «*ватанийин*» и «*каурийин*» (что в переводе означает одно и то же) крылась идущая издалека борьба патрицианских кланов, на которые распалась едва оперившаяся «буржуазная интеллигенция» Марокко³³².

Не ведомая широким массам официальная программа НПР, унаследованная от МБНД, оставалась реформаторской и предъявляла французским властям «легальные» требования: соблюдать договор о протекторате, не выходя за его рамки, предоставить марокканцам демократические свободы, в том числе свободу печати, собраний и т.д. Реальная же деятельность этой партии, предтечи послевоенной Истикляля, свелась к агитации в защиту ислама и оборвалась на «интифаде», поднятой вокруг конфликта из-за реки Бу-Феркан³³³. Эта компания протеста – апофеоз деятельности

³³¹ Новейшая история Африки, М.: Наука, 1968, с. 48.

³³² Эта борьба перешагнула из 30-х годов, когда она себя обнаружила, в историю независимого Марокко и была использована к выгоде короля. Двор – центр гравитации политической жизни страны не только поощрял, но и создавал «сверху» многопартийность, играя на вражде традиционных кланов марокканской буржуазии (Об этом см., например: *Brouksy L. Makhzénité et modernité. Révolution tranquille d'un roi, Rabat: Diwan, 2001, p. 135-141.*)

³³³ Конфликт вспыхнул 1-2 сентября 1937 г. из-за слухов, что воды этой речки, протекающей через Мекнес, будут отведены для орошения земли французских фермеров, а правоверные лишатся возможности совершать омовение в мечетях. Бунт в Мекнесе повлек за собой цепную реакцию волнений в разных городах. 20 человек были убиты, свыше 100 ранены. 13 октября съезд НПР призвал к борьбе с режимом протектората «законными средствами». Однако волнения не утихали и докатились до Марракеша. В один прекрасный день полиция взяла приступом мечеть аль-Карауин, задержав всех, кто в ней находился. Тем временем посланцы НПР подняли агитацию вокруг церкви св.Терезы в селе Хемиссет, муссируя слух, что готовится паломничество к этой церкви (возведенной в 1932 г.), и гнев мусульман вновь обернулся против плана «евангелизации» берберов. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Генерального резидента Ногэ-

³³⁴ Джихад без войны. Т. 1. Кн. 1.

НПР – будто по заказу подтвердила обвинение в «клерикализме и расизме», брошенное в общий адрес борцов за марокканское дело еще в мае 1936 г. со стороны СФИО, которая полностью отмежеввалась от своих вчерашних протекторов.

Обращает также на себя внимание, что добровольный выход М. Хасана аль-Ваззани из состава МБНД развязал руки Аллялю аль-Фаси, получившему, как он сам потом признавался, полную свободу действий³³⁴. Эту свободу он употребил на то, чтобы избавиться от услуг покровителей из метрополии. Отныне «салафистская школа» в марокканском национализме возобладала над «прозападной», хотя их латентное противоборство не угасло. Оно получило свое непосредственное продолжение в испанской зоне протектората, где наблюдалось примерно такое же, как во Французском Марокко, расслоение националистов на «западников» и «салафистов», возглавленных, соответственно, Абдель Халиком Торресом³³⁵ (Партия национальных реформ) и *рбаты*, то есть уроженцем Рабата – Мекки Насыри³³⁶ (Партия марокканского единства), который прежде состоял чле-

са. Его указом от 26 октября НПР была запрещена – за незаконное восстановление МБНД, распущенного ранее без всяких репрессий. Среди улик, найденных 29 октября при обыске в доме одного из деятелей НПР, фигурировал проект создания «революционного правительства», которое возглавил бы Алляль аль-Фаси под удивительным титулом «малик» (король, владыка). Он был сослан, другие лидеры НПР посадили в тюрьму или под домашний арест. Балафредж, который назначался «послом» революционного правительства, в тот момент находился в Париже и остался на свободе. Следующие 5 лет он проведет в Женеве рядом с Шекибом Арсланом, наведываясь в Танжер и Тетуан.

³³⁴ *El Fassi A.* The Independance Movements in Arab North Africa, Washington: American Council of Learned Societies, 1954, p. 164. [Перевод с арабского, оригинал книги вышел в Каире в 1948 г.].

³³⁵ Абдель Халик бен Хадж Ахмед Торрес (1910-1970) родился в Тетуане, где основал Ассоциацию марокканских студентов (1932 г.). Участвуя в деятельности МБНД, тяготел ко взглядам аль-Ваззани, выпускал газету «*ар-Риф*». В 1936 г. основал Партию национальных реформ (ПНР) и на следующий год был назначен министром хабусов испанской зоны протектората. В 1956 г. вошел в состав партии Истикляль, с которой слилась ПНР. В 1960 г. занимал пост министра юстиции Марокко, был также послом в Испании, Египте и Тунисе.

³³⁶ Мухаммед Мекки Насыри получил образование в Каире и Западной Европе, где сблизился с Шекибом Арсланом, был участником первых демонстраций в Фесе (1930 г.), за что его выслали из Марокко, сотрудничал в журнале «*Maghreb*» и в комитете по составлению «Плана реформ». В 1936 г. перебрался в Тетуан, где сотрудничал с Торресом, а в декабре 1937 г. основал свою партию, выступавшую за

ном узкого круга «блока», а в Тетуане стал проповедовать в Большой мечети. При этом на севере страны приверженцы обеих школ, или тенденций, обращали обличительный пафос своей речи против Франции, питая несбыточную надежду, что каудильо, бывший Верховный комиссар испанской зоны, сдержит свое обещание, о котором он объявил в Севилье, предоставить этой территории широкую автономию. Как результат, в роли ментора здесь выступали не социалисты, а фашисты и немецкие нацисты. Отправляя свои суда в Сеуту, они забрасывали Испанское Марокко мешками листовок на арабском языке, объяснявших мусульманам, что «евреи вас донимают словно оводы овец», а Франция этим паразитам потакает, и «если бы вы не были рабами Франции, то могли бы прижать их к ногтю как у нас, в Германии», и т.д. и в том же духе³³⁷.

Какой отсюда следует вывод? Возникшая в 1934 г. первая организация (комитет или совет) марокканских националистов, МБНД, через три года преобразованная в НПР и потерявшая при этом горстку «отщепенцев», быть может, в большей степени, чем другие национальные партии Магриба, ее современницы, относилась к типу «party of affection». Выйдя из кокона тайных молодежных сообществ, эта партия лишь на короткий срок, щедро используя религиозные лозунги, смогла увлечь за собой толпу. Однако, как показало дальнейшее, толпа сохранила привязанность к шейху Аллялю аль-Фаси, олицетворявшему «main stream» марокканского патриотизма. Напротив, более светская по своему составу группа диссидентов во главе с Хасаном аль-Ваззани, который пытался вести переговоры о реформах в министерстве иностранных дел Франции, уповая на средство дипломатии, но потерпел провал, за которым и последовал кризис «блока», сразу и навсегда осталась в явном меньшинстве³³⁸.

освобождение и территориальную целостность Марокко, руководил ее центральным органом «*Unidad magroquí*». В 1938-1939 выезжал в Каир. С 1945 г. возглавил танжерское отделение своей партии. В 1972 г. министр хабусов и по делам ислама.

³³⁷ Из текста немецкой листовки 1937 г. (Цит по: *Julien Ch.-A.* Op. cit., p. 235).

³³⁸ В 1946 г. аль-Ваззани основал Демократическую партию независимости (ДПН), которая по-арабски называлась *Хизб аш-шура ва-ль-истикляль* (Партия совета и независимости), а по-французски *Le Parti Démocrate de l'Indépendance*. В декабре 1952 г. она насчитывала 350 человек и в 1955 г. около 500 (*Rézetle R.* Op. cit., p. 358). Из малочисленности компенсировалась интеллектуальным и профессиональным престижем нескольких способных политических деятелей, возглавлявших эту «кадровую» по своему характеру партию, которая выступала как против режима про-

Наконец, главное, что отличало марокканскую действительность, это сплочение наиболее влиятельных сил национального движения вокруг идеи «защиты трона». Эта идея органически сочеталась с лозунгом «защиты шариата» в противовес стремлению французских властей (каким оно виделось националистам) возвести китайскую стену между арабским и берберским населением Марокко. Страны, где арабское население, по опеченочным данным, составляло не более 20% от общего, но преобладало в городах. Еще в начале XX века они представляли собой окруженные зубчатыми стенами крепости, вокруг которых раскинулись шатры кочевников, зачастую — бывших военных поселенцев: племен «*гиш*». Так, на правом берегу устья реки Бу-Регрег, возле г. Сале, в 1916 г. проживали арабские племена численностью 8,5 тыс. человек, в их мелких дуарах было учтено 1730 палаточных жилищ³³⁹. Прочно оседлое земледельческое население (берберское) концентрировалось в горных массивах. Малые города, столь типичные для Туниса, где они играли роль связующего звена между сельской и городской средой, генерируя образованный «средний класс», здесь составляли ничтожную величину, хотя установление протектората подтолкнуло динамику их развития³⁴⁰. Поэтому «городская революция» тридцатых, спровоцированная законом о сохранении обычного права берберов и достигшая апогея в низовом пожаре вокруг воды, практически не затронула марокканскую деревню, если не считать волнений в берберском селении Хемиссет, куда 22 октября 1937 г. направились сеять смуту фесские «толбы» (талибы). После серии таких волнений, подавленных железной рукой генерала Ногеса, решившего срезать на корню молодое племя «ватанистов», их движение словно ушло в песок. Французское Марокко погрузилось в глубокий сон.

тектората, так с нападками на лидеров Истикляль. В отличие от них, ДПН избегали репрессий, не отвергая априори путь переговоров с правительством Франции, при этом высказывала опасение, что независимость Марокко может вылиться в «диктаторский режим под эгидой султана и партии Истикляль» (*Brignon J., Amine A. Boutaleb B., etc. Histoire du Maroc, Paris – Casablanca: Hatier, 1967, p. 398*).

³³⁹ Villes et tribus du Maroc. Document et renseignements. Rabat et sa région, T. 1, Paris, 1918, p. 173-185. (Понятие «дуар», происходящее от слова круг, обозначает стоянку вчерашних кочевников, лачужную или палаточную).

³⁴⁰ Так, в населенных пунктах Марокко свыше 10 тыс. жителей в каждом было учтено 582 тыс. человек в 1921 г. и 1 114 тыс. в 1936 г. (данные по всей стране). При этом на города свыше 20 тыс. жителей в каждом приходилось 568 тыс. в 1921 г. и 1 042 тыс. в 1936 г. (*Amir S. L'Economie du Maghreb, Paris: Ed. de Minuit, 1966, p. 30*).

тревожимый лишь голосами националистов испанской зоны...

Таким образом, марокканское национальное движение, первые две фазы развития которого (1930-1934 и 1936-1937) хронологически совпадают с периодом становления, роста и самоутверждения тунисской партии «*неос*», имело с последней то общее, что катализатором антиколониального протеста в обоих случаях послужили социальные проблемы, порожденные мировым экономическим кризисом. Особенное же заключается в том, что политизированное патриотическое движение во Французском Марокко начало развиваться позже, чем дустуровское в Тунисе, причем МБНД вместе с его двумя дочерними организациями имело относительно узкую горизонтальную и вертикальную общественную базу, по сравнению с той, на которую опирался Новый Дустур. Это объясняется объективными историческими причинами. Во-первых, образ раннего марокканского националиста выглядел более «аристократическим», чем его тунисского собрата, ибо разными являлись базовые социальные структуры общества той и другой страны. Ведь марокканский аристократ являлся человеком «голубой крови» (андалуссцем или шерифом), а тунисский в лучшем случае хранил в сундуке рваный плащ деда, турецкого аги или мамлюка с неясным прошлым³⁴¹. Во-вторых, массовый социальный тип «возмущенного человека» в Марокко того времени это — прежде всего страдающий от эффекта мирового экономического кризиса мелкий производитель в традиционном городе, обитатель муравейника фесской медины, но не крестьянин, ибо крестьянское хозяйство, особенно хозяйство берберов-горцев, относительно слабо втянутое в рыночные отношения, понесло меньшие потери от мирового экономического кризиса, чем хозяйство тунисского или египетского феллаха. В-третьих, поскольку пролетарские слои населения Марокко находились в первоначальной стадии развития, формируясь преимущественно в Касабланке и прилегающих к ней шахтерских районах, они остались вне

³⁴¹ Происхождение из мусульманской Испании ценилось и в Тунисе (куда еще в середине XIII в. устремились беженцы из Севильи), будучи признаком принадлежности к древней традиции городской культуры, но смешение с турками размыло «голубую кровь» здешних андалуссцев. Другая категория лиц с благородной родословной, а именно шерифы, потомки пророка Мухаммеда, не составляли в Тунисе особой касты, и по ряду причин людей с подобной генеалогией здесь было меньше, чем в Марокко, где их древо пышно расцвело в XVI веке.

периметра зоны возмущений³⁴², тогда как в Тунисе лица наемного труда, в том числе сельскохозяйственные рабочие и городской люмпен-пролетариат, маргиналы «современного типа», составляли уже весомую часть социальной базы Нового Дустура, пусть и не основную.

Вместе с тем, обе окраины Магриба, западная и восточная, далеко не одинаковые по своим историческим традициям и этно-социальной структуре, занимали в политической системе французской колониальной империи почти идентичное положение; недаром административно-организационную деятельность властей новообразованного протектората называли в свое время «тунификацией» Марокко. Соответственно, требования националистов той и другой страны не только перекликались, но и совпадали. Частично они заимствовались пионерами марокканского национализма из Хартии Дустура 1933 г., которая была выработана, как уже говорилось, с участием группы «L'Action Tunisienne». Кроме того, и обе ветви дустуровского движения, старая и новая, и Комитет марокканского действия (МБНД) представляли себя рупором общенародных чаяний, что вписывается в логику поведения антиколониальной оппозиции. «Пролетариат, капитализм, все это для нас импортированные слова, не имеющие никакого смысла, — писал летом 1933 г. А. Балафредж, — у нас нет классов, но есть две расы, одна привилегированная, пользующаяся всеми преимуществами, и другая — порабощенная, несущая все тяготы»³⁴³. Подобное заявление, конечно, мог бы сделать любой член инициативной группы Нового Дустура. В долгосрочном плане результаты усилий головных отрядов тунисского и марокканского «действия» оказались, однако, различными.

В этой связи заслуживает внимания собственное мнение Бургиба о специфике методов борьбы Нового Дустура, изложенное им 7 декабря 1962 г. в публичной лекции. Заранее отбрасывая элементы самовосхва-

³⁴² Накануне распада МБНД, а это конец 1936 г., когда она вышла из сократившегося числа лиц, «завербованных» этой организацией в Касабланке, составляло около 700 человек против 3000 в Фесе и 1500 в Рабате (оценочные данные Р. Резетта). Дело в том, что генерал Ногес разрешил в декабре 1936 г. создание профсоюзов в Марокко, строго запретив участие в них мусульман. Это навело активистов «облака» на идею вербовки сторонников в широких народных массах и создания сети своих первичных ячеек. Эмиссары МБНД поспешили по городам и весям, но, как видно из их успеха в Касабланке — главном промышленном центре страны был ограничен

³⁴³ «Maghreb», Paris, août 1933 (Цит. по: Oued G. La Gauche Française et les Jeunes Marocains (1930-1935), «Mouvement Social», Paris, № 3, 1978, p. 102).

ния в этой речи, которые относятся в функциональном смысле к легитимации власти ее прошлыми заслугами, следует признать, что оратор не передегивал факты. А факты, действительно, свидетельствуют о том, что Новый Дустур сумел мобилизовать массы, прививая им свою идеологию «прямого действия», и создать собственную отлаженную «пирамидальную структуру», которая помогала партии выжить при любых обстоятельствах, репрессиях и попытках ее обезглавить³⁴⁴.

«Национальное движение дустуровцев, каким мы его застали в наши молодые годы, — разъяснял президент Тунисской республики, — преследовало расплывчатую цель в виде некоторого конституционно-парламентского режима, но в рамках протектората. Думали, что такой режим сможет гарантировать права тунисцев и обеспечить им определенное равенство с французами... Можно понять политику Дустура, которую он проводил тогда, если вспомнить, что перед лицом расизма «La Tunisie Française» и «Colon Français» (названия крайне правых газет французских колонистов — М.В.) тунисские националисты находили поддержку лишь со стороны левых партий, ратовавших за свободу личности и «гарантию ее защиты» в судебных инстанциях; хотя коммунистическая и социалистическая партии, обе они, боролись из последних сил против всякой формы национализма, никак не желая признавать, что возможно существование тунисской родины, где французы станут иностранцами. Отсюда и позиция первых дустуровцев (нынешнюю молодежь она может шокировать), а именно — их уверения, звучавшие порой, что они-де ни на минуту не представляют себе, что Тунис должен принадлежать тунисцам!...»³⁴⁵.

Они, «наши старшие», продолжал Бургиба, оказались между молотом и наковальней, между перспективой «стать жертвами апартеида или подвергнуться политике ассимиляции, которая означала, по меньшей мере — в принципе, что тунисец станет целиком французом. Поэтому-то первые националисты были столь озабочены соблюдением индивидуальных прав человека, тем чтобы на тунисцев распространялись такие же права, какими пользовались французы... Когда мы, в свою очередь, вступили в борьбу, наше положение было очень деликатным: мы,

³⁴⁴ Правда, сохранив эту структуру, партия на время утратила свои былые «размеры». В годы второй мировой войны численность ее реальных активистов, маскировавших свои ячейки под разным видом, в том числе в организациях Красного креста, созданных в Тунисе в 1942 г., упала примерно до 2 тыс. человек. Однако к 1947 г. соотношение между численностью рядов «пéос» и новой марокканской партии Истикляль вновь составляло 10:1.

³⁴⁵ Bourguiba H. Introduction à l'Histoire de Mouvement National. Conférence prononcée à l'École Destourienne des Cadres de la Nation (Bourse du Travail) le 7 Décembre 1962 [Тунис, 1962], p. 25.

естественно, должны были бороться против идей Тридона³⁴⁶, но мы должны были также сопротивляться идеям Дюрана-Анливьеля и, следовательно, провозглашать, что Тунис – это государство и что тунисцы образуют нацию со своей историей и самобытностью. Мы находились под столь сильным впечатлением прогресса политики ассимиляции, что нам иногда казалось: мы явились слишком поздно, и время работает не на нас. Живые силы нации уходят в русло офранцузивания, о чем бы ни шла речь: кадры, умы, земля, бюджет...».

Президент подчеркивал также, что вместо lamentаций Старого Дустура по поводу несправедливостей, неравенства и дополнительных привилегий, жалующихся французам, Новый Дустур дал национальному движению «план действий, тактику, которой надо было следовать для достижения искомой цели – освобождения Туниса от иноземного господства... Конечно, наша тактика требовала известной гибкости. Лишенные поначалу средства борьбы, мы не могли немедленно противостоять силам оккупантов. Это отнюдь не означает, что дабы завоевать расположение противника или смягчить его, мы готовы были принять идею создания парламента, наполовину тунисского, наполовину французского³⁴⁷. Подобное привело бы к катастрофе, поскольку на место концепции протектората, покровительства, то есть режима временного, которому следовало эволюционировать в сторону полной эмансипации государства-протекте, явилась бы концепция многонационального государства, по сути франко-тунисского, где французская колония обладала бы всеми преимуществами. Наша гибкость состояла в том, чтобы убеждать Францию в том, что перспектива высвобождения тунисской государственности соответствует духу и даже букве протектората. Здесь мы не

³⁴⁶ Имеется в виду Анри Тридон, глава «партии» крупных колонизаторов, которые с 1889 г. повели через газету «La Tunisie Française» кампанию против развития в Тунисе современного образования, ориентированного на местную элиту. Основная мысль состояла в том, что распространение французских либеральных идей «дает оружие в руки мусульманской аристократии», которое будет направлено против безопасности поселенческой колонии, и «чем более образован туземец, тем больше он нас ненавидит». Эти тезисы были развиты в книге Тридона с пророческим названием «Comment la France perdra ses colonies» («Как Франция потеряет свои колонии»), где он выразил беспокойство, что французские школы воспитают «туземный интеллектуальный пролетариат». (См.: *Mahjoubi A.* Op. cit., p. 623). Позднее у Тридона были многочисленные последователи, хотя на практике, при всех зигзагах своей политики, французская администрация способствовала развитию в Тунисе бесплатного школьного образования по модели, сложившейся в метрополии.

³⁴⁷ Формирование совещательного органа (*une assemblée délibérative*), избираемого всеобщим голосованием в равных долях из французов и тунисцев, который был бы наделен правом утверждать бюджет и «создавать законы внутреннего характера» – таково было требование партии Дустур, представленное, в частности, ее третьей делегацией, направленной в Париж во главе с Ахмедом ас-Сафи (декабрь 1924 г.).

шли на риск, трактуя протекторат в качестве режима, который обязан эволюционировать, согласно декларациям тех, кто его установил. Разумеется, в действительности этот режим служил предлогом для того, чтобы осуществлять деперсонализацию протектируемого народа; на это мы отвечали ожесточенным сопротивлением...

Нам пришлось таким образом вести долгую и трудную борьбу за то, чтобы вынудить покровительствующую державу уважать дух протектората, пришлось доказывать, что завершением нормального развития соответствующего режима должна стать независимость. Наше положение в этом смысле уместно было сравнить с положением несовершеннолетнего, благо, если ему повезет иметь опекуна, добросовестно выполняющего свои обязанности: дать образование и всячески содействовать развитию малолетки. Взрослым – он всегда выходит из-под опеки, устанавливая дружеские связи с бывшим опекуном и сохраняя к нему чувство признательности. Вот такую новую концепцию национальной борьбы, концепцию, базирующуюся на представлении об эволюционирующем протекторате, вы и найдете в одном из первых номеров «La Voix du Tunisien», в статье за моей подписью... История учит, говорил я в этой статье, что режимы опеки не могут быть ни чем иным, как явлением преходящим. Когда народ подпадает под такой режим, либо это – просто историческая случайность, и народ сохраняет жизнеспособность, способен воспрянуть и отстоять свое достоинство любой ценой;...либо речь идет о народе павшем и бессильном; тогда он обречен на исчезновение, а режим опеки – лишь отсрочка перед гибелью или поглощением данного народа другим. Так или иначе, опека – это гибридный режим, когда на одной и той же территории существуют два субъекта власти. Одному из них суждено исчезнуть...».

Акцентируя достоинства своей стратегии и тактики, Бургиба также заметил, что «мы смогли избежать прямого конфликта с режимом, равно как и всепоглощающего офранцузивания, направляя дело в нужную сторону: чтобы Франция помогла Тунису выйти из декаданса и построить современное государство». В этом и состояло, – подчеркнул президент, – первое важное отличие Нового Дустура от его предшественников, «от тех, кто были до нас. Однако мы решили не менять название партии, и не то чтобы проблема конституции меня слишком волновала, ведь главным предметом моих забот являлось уничтожение французского господства; дело в том, что я чувствовал в народе привязанность к имени «Дустур» и хотел подчеркнуть преемственность... К тому же делегаты на съезде 2 марта 1934 г. в Ксар-Хелляле, где произошел раскол, в большинстве своем были ранее участниками съезда Старого Дустура (12 мая 1933 г.)... Но деятельность Нового Дустура не исчерпывалась лишь этой новой концепцией борьбы, которая отличалась ясной постановкой цели, реалистической стратегией, гибкой и эффективной тактикой. Другой важный элемент, отличавший нашу пар-

тию от предшествующих движений: создание инструмента борьбы – армии, способной оказать давление на Францию и заставить ее пойти на компромисс»³⁴⁸.

И недостаточно было, продолжал свою мысль Бургиба, расслабить противника, обходить острые углы, «следовало прибегать и к силе, чтобы Франция, наконец, выбрала для себя меньшее из зол. Этот инструмент борьбы, где было его найти? Эту армию, как ее создать? Искать ее в Германии или в Турции?... Об этом не было и речи, нужно было сформировать эту армию из самого тунисского народа, ибо мы не могли рассчитывать ни на кого, кроме самих себя, могли опираться только на ресурсы собственного народа. Он же, народ, надо признать, находился во власти страха – страха перед жандармом, страха перед игом несправедливости и гнета. И что важно, благодаря постоянным контактам с людьми, благодаря собраниям во всех уголках территории, мы сумели воздействовать на умы, их изменить и заставить соотечественников думать об иностранном господстве как о нетерпимой вещи. Это и составило нашу маневренную силу в неравной борьбе, которая длилась четверть века, но которую мы в конечном итоге выиграли».

³⁴⁸ Bourguiba H. Op. cit., p. 30.

Новый Дустур и французские социалисты. Возвращение шейха

Напомним канву событий, происходивших после Ксар-Хелляльского съезда. Начало деятельности партии Новый Дустур было отмечено продолжением ее организационного строительства и агитационной работы – на фоне выступлений представителей разных слоев и групп населения: тунисцев и европейцев, французов и итальянцев, левых и правых, рабочих и колонистов, люмпенов и доселе благополучных фермеров... Демонстрации неодоустуровцев проходили под лозунгом бойкота иностранных товаров, одновременно звучал призыв к отказу от уплаты налогов. Это, как уже говорилось выше, была вторая кампания гражданского неповиновения, повторявшая прошлогоднюю, но достигшая в середине 1934 г. еще более широкого размаха.

Волнения в городах начались с первомайских шествий, организованных профсоюзами, участники пели «Интернационал», а выступления ораторов дублировались на арабском и итальянском языках. К строю манифестантов присоединялись грузчики порта и босяки из бидонвилей, те и другие – вчерашние крестьяне. Наутро город проснулся, как после бедуинского набега: с разбитыми витринами и в обрывках прокламаций. 6 июля демонстрации повторились, за чем последовала высылка из Туниса нескольких респектабельных профсоюзных деятелей-социалистов, а также итальянского антифашиста Боне и заезжих коммунистов из Франции: депутата Девеза, делегата ЦК ФКП – Ферра и делегата УВКТ – Дадо³⁴⁹.

³⁴⁹ Генеральный резидент частично унаследовал прерогативы консулов, представлявших интересы Франции в Тунисе до 1881 г. Следствием этого было применение к негодным политикам королевского эдикта 1778 г., подписанного Людовиком XVI. Представители Третьей республики в Тунисе широко пользовались этим дореволюционным указом, который предоставлял королевским консулам право высылать из Леванта (Сирии) и Варварийских владений (Магриба) любого француза, замеченного «в интригах или дурном поведении, наносящем вред общему благу». На основании эдикта 1778 г. целая группа французских граждан, включая коммунистов, социалистов и крупных профсоюзных деятелей, в 1934 г. была подвергнута депортации. Некоторых якобы перевели на другую работу как государственных служащих. Среди высланных были Иохим Дюрель – преподаватель лицея Карно, он же глава Департаментского объединения Всеобщей конфедерации труда (ДО ВКТ), его заместитель Альбер Бузанке, служивший на воен-

Политическое лето этого года было жарким. И не только в Тунисе, где 7 августа на главной площадке митингов – в Гамбетта-парке собрались французские колонисты, громко осуждая бессилие властей³⁵⁰. Некоторые из них в качестве жеста возмущения против того, что государство оставило их один на один перед лицом экономического кризиса, демонстративно сдавали свои военные билеты. Это заставило Пейрутона, в котором колониальные бароны (*prépondérants*) еще не до конца распознали «своего», но левые уже звали его «разнузданным фашистом», сократить свое служебное пребывание во Франции и поспешить в Тунис. А события, набравшие здесь свои обороты, нельзя рассматривать в отрыве от того, что происходило в метрополии, как, впрочем, и в соседнем Алжире.

Еще в начале 1934 г. фашистские лиги, которые (в отличие от Германии или Италии) не имели во Франции общего руководства, часто соперничали друг с другом и могли показаться простому обывателю всего лишь слоняющимися по улице шалопаями, впервые дружно заявили о себе. В течение января они бесчинствовали на парижских бульварах и скверах, воспользовавшись поднятой в прессе кампанией против коррупции (дело об «аферах Стависского»), а 6 февраля совершили «поход на Бурбонский дворец», собравшись в количестве примерно 30 тыс. человек. Но были остановлены огнем на площади Согласия, потеряв убитых. Событие произошло в тот самый день, когда в Палате депутатов выступал с правительственной декларацией новый премьер – радикал Даладьё, получивший вотум доверия под крики с улицы «Долой воров!», «Депутатов в Сену!». Встревоженные попыткой фашистского мятежа, тысячи парижан вышли на улицы. Не прошло и суток, как правительство подало в отставку.

Всем стало известно имя графа де ля Рока, выдвинувшегося в лидеры одной из самых крупных фашистских групп «Огненные кресты» («*Croix de Feu*»). Она появилась в 1927 г. под видом аполитичной организации бывших фронтовиков – одной из многих – и выглядела более безобидной, чем откровенно националистические и монархические объединения вроде «*L'Action Française*», «*Ligue patriotique*» и др., борьба которых против республиканских институтов не встречала широкой поддержки в стране. Отставной подполковник де ля Рок, шедший на штурм парламента,

ном заводе, а также трое французских коммунистов, делегированных из Парижа с целью восстановления деятельности тунисской федерации ФКП.

³⁵⁰ Berque J. Op. cit., p. 267.

был «алжирцем по профессии», и это имело некоторые прямые последствия для Северной Африки, где он служил в колониальных войсках, участвовал в Рифской войне и завел широкие связи. Фашистские лиги были сильнее в Алжире, чем во Франции, где группировка де ля Рока (в 1936 г. преобразована в ФСП – Французскую социальную партию) даже имела под видом аэроклуба 30 самолетов и выпускала две газеты в г. Алжир и Константине. Нашлись сторонники «Огненных крестов» и в Тунисе³⁵¹.

На западе, в Орании, преуспела другая подобная организация под руководством бывшего члена ЦК ФКП – Дорио, неплохого оратора и популиста, который в Алжире оспаривал у де ля Рока его клиентуру, спекулируя на симпатиях «неофранцузов» (этнических итальянцев или испанцев) к Муссолини, а затем и к Франко. Неудивительно, что реакционеры метрополии ждали «освобождения из Северной Африки»³⁵². А там с 1934 г. поднималось – от Марокко до Туниса – движение так называемых «*Colons tondus*» (теперь их называли бы «скин-хедами»); движение «одновременно аграрное и полувоенное... многие участники которого, – пишет Жак Берк, – действительно, брили голову, чтобы показать свою нужду», и призывали к тому, чтобы «создать в каждом центре (европейском поселке – *M.B.*) военное формирование, подчиняющееся добровольно взятой на себя дисциплине». Их требования к властям сводились к тому, «что можно выразить одним словом – протекционизм»³⁵³.

³⁵¹ Пропагандистский материал они получали из Алжира, а попытку легально организовать предприняли, когда «*Croix de Feu*» была запрещена. Возглавлял их Эдуард Морель, бывший служащий департамента связи, пенсионер. 8 сентября 1936 г. они подали заявку на открытие тунисской секции ФСП, которая вскоре создала свои отделения в Бизерте и других местах (*Aleya Sghaier A. La droite française en Tunisie entre 1934 et 1946, Tunis: ISHMN, 2004, p. 66*).

³⁵² Подробнее о деятельности фашистских лиг в Алжире и связях Дорио, исключенного из ФКП в июне 1934 г. «за фракционную деятельность», с Мессали Хаджем см.: *Ланда Р.Г. Кризис колониального режима...*, с. 93–96; 202–203.

³⁵³ Berque J. Op. cit., p. 266. Глава из книги Берка «Магриб между двумя войнами» так и называется «*Les Colons tondus*», что означает «Стриженные колонисты», а для французов, добавим, имеет свои реминисценции («*le Petit tondu*» – прозвище Наполеона I). Здесь автор сделал такую пометку. «Я нашел в письме Бургибы..., опубликованном в «*L'Action Tunisienne*» 5 марта 1933 г., следующее замечание, которое можно было бы сделать эпиграфом этой главы: «Колониальная действительность подошла к крутому повороту своей истории». Но Бургиба, с присущей ему чувствительностью, на наш взгляд, предвосхитил события на один год».

Полоса волнений националистического характера протянулась через всю Северную Африку. Они были разного свойства: с одной стороны, это проявления жесткого французского национализма (осложненные в Тунисе наличием итальянской колонии, в свою очередь расколовшейся на фашистов и антифашистов), с другой, — подъем «мусульманского национализма», из под которого всплывали антисемитские настроения, не чуждые и европейцам.

Так, 8 мая 1934 г. в Фесе вокруг султана, собравшегося провести молитву в мечети Карауин, состоялись массовые манифестации под лозунгами «Да здравствует Марокко!», «Да здравствует владыка!», что прозвучало как сигнал предупреждения колониальному режиму. Совсем другого рода был инцидент в Константине, где 8 августа того же года случился первый такого масштаба еврейский погром, не имевший никакого отношения к фашистским проидам. Возник, как говорится, на бытовой почве, даже с почти комическим началом и развитием (сбежавший со скотобойни бык посеял панику) и мрачным концом: 24 погибших еврея, напомним, французских граждан. И столь же мрачными последствиями: 144 ареста, 30 смертных приговоров и цепная реакция погромов в других городах и местечках восточного Алжира³⁵⁴, а также в некоторых сопредельных населенных пунктах Туниса.

Между тем иные члены собственно фашистских лиг пропагандировали в Алжире сближение с автохтонным элементом («Нельзя, чтобы одни французы ели хлеб...»). Имевший старые знакомства в «Североафриканской Звезде», Жак Дорио не оставлял своим вниманием алжирских рабочих-иммигрантов во Франции, которые тем временем волей-неволей стали возвращаться домой из-за сокращения рабочих мест. Газета «El-Oumma», которую выпускал Мессали Хадж, стала с 1934 г. широко распространяться в Алжире³⁵⁵. За всем этим пристально следили в метрополии, где быстро изменялся расклад политических сил.

³⁵⁴ Об инциденте в Константине см., например: *Ganiage J.* Op. cit., p. 753-754; *Ageron Ch.-R.* Une émeute anti-juive à Constantine: août 1934, «Revue des Mondes Musulmans et de la Méditerranée», № 13-14, 1973, p. 23-40

³⁵⁵ Газета «El-Oumma» на французском языке издавалась в Париже, определяя себя как «национальный орган защиты интересов алжирских, марокканских и тунисских мусульман». Первый ее номер вышел в октябре 1930 г. Тираж колебался от 2 до 10 тыс. экземпляров, в 1934 г. повысился до 40 тыс. Она продавалась за 50 сантимов в помещении «Североафриканской звезды» (XIV округ Парижа) и близи лежащих киосках, на собраниях и в арабских кафе, имела подписчиков в других городах Франции и пользовалась финансовой поддержкой коммерсантов. Сотнями ее

В стане левых партий наметилась тенденция к объединению, прежде всего — к сближению социалистов с коммунистами. На протяжении почти пятнадцати лет после съезда в Туре обе партии нередко выступали на политической арене как противники, клеймили друг друга. Социалисты объявляли ФКП «врагом №1»; компартия ставила в упрек СФИО и другим социал-демократам политику классового сотрудничества с буржуазией. Теперь у них появился общий враг, и с 1934 г. началось движение к созданию Народного фронта³⁵⁶. Пересматривались и подходы к проблеме национализма в колониях. Тем временем в Тунисе левые силы потерпели — и тоже впервые — катастрофическое поражение на выборах в Большой Совет. Понес урон не в соревновании с заправилами так называемой крупной колонизации, земельными баронами и китами большого бизнеса (с которыми социалисты всегда и боролись), напротив, в соревновании с мелким чиновником, у которого во Франции нет никаких корней, ни собственности, как и возможности получить там хорошую работу³⁵⁷.

выпуски переправлялись в Алжир, а также в другие страны Магриба. Издание этой газеты позволило оживить деятельность «Североафриканской звезды», запрещенной в 1929 г. Среди ее сотрудников на первых порах лидировали коммунисты-алжирцы, но с апреля 1932 г. они открыли свою газету «El-Amel» (*Organe des Travailleurs Nord-Africains*), которая выпускалась нерегулярно тиражом 4 тыс. экземпляров. Тем временем авторы «El-Oumma» все больше насыщали свою пропаганду религиозно-националистическими лозунгами (*Hamed-Touati M.* Immigration Maghrébine et activités politiques en France, Tunis: Université de Tunis, 1994, p. 216, 273, 288).

³⁵⁶ Официальным названием этого партийно-общественного союза было «Rassemblement Populaire» («Народное объединение»), днем его создания считается 14 июля 1935 г., когда на площади Бастилии появились втроем Эдуард Даладь — лидер левого крыла Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов, Леон Блюм — председатель СФИО и Морис Торез — генеральный секретарь ФКП. (К этому времени уже было достигнуто соглашение о единстве действий СФИО и ФКП на основе «Пакта борьбы против фашизма»). На следующий год в Тулузе произошло другое знаменательное событие: воссоединение ВКТ и УВКТ, руководимых, соответственно, социалистами и коммунистами. К Народному объединению, которое чаще стали называть Народным фронтом, примкнула обновленная ВКТ — самая массовая конфедерация французских синдикалистов и другие организации, желавшие создать заслон против «антипарламентских» лиг, включая фашистов-кагуляров, носивших во время своих сборищ особый балахон с капюшоном (*cagoule*). Народный фронт, являвшийся альянсом левых и лево-центристских сил, стал готовиться к выборам в Палату депутатов, состоявшимся весной 1936 г.

³⁵⁷ Следует отметить, что в Тунисе французы — государственные служащие, вклю-

Его олицетворением становится Антуан Колонна, корсиканец по происхождению, которому еще предстояла большая карьера сенатора от Туниса при Четвертой республике и лидера тех французов, что готовы были держаться в Северной Африке до конца. И кстати, называли себя старыми «тунисцами» точно также, как это делали евроалжирцы и даже старые «марокканцы»; хотя в обоих протекторатах не столь многие французы успели родиться, а тем более прожить в поколениях под африканским небом. Не столь многие, как, скажем, в Ороне, который, «типичная французская префектура на алжирском берегу» (Альбер Камю, «Чума»), почти 260 лет был испанским анклавом в государстве алжирских деев³⁵⁸, и где ныне французы – этнические испанцы могли припомнить не то что дедов, а прапрадедов, обосновавшихся «на том берегу» со времен Фердинанда Арагонского или Карла V Габсбурга...

Выборы в Большой Совет Туниса состоялись в мае 1934 г., и теперь его французская секция находилась в руках у правых. Довольный этим результатом, Пейрутон, признав, что два миллиона тунисцев голодают, создал под своим началом Комиссию реформ, задачи которой определил заранее, еще в апреле: «объективно изучить» проблемы и разработать

чая учителей и работников социальной сферы, делились на две категории. Одни находились в кадровом резерве метрополии, их могли и выслать из регентства и политическую деятельность, причем без права на возвращение; но это не обязательно вредило их профессиональной карьере. Других набирали на месте. Их положение было, понятно, более уязвимым, чем у первых, а интересы – более тесно связаны с теми интересами, которыми руководствовались верхи поселенческой колонии. Вместе с тем средний чиновник-француз в протекторате получал оклад более высокий, чем его собрат в метрополии (в виде колониальной надбавки), куда и не стремился переехать, отправляясь в «прекрасную Францию» только на каникулы. Наконец, реформы 1922 г. вполне удовлетворили большинство французов из числа «белых воротничков» в Тунисе, которые откачнулись и от СФИО, и от ФКП.

³⁵⁸ Их государство представляло собой выборную монархию. Из Орона, которым испанцы завладели в начале XVI в., они эвакуировали свой гарнизон только в 1778 г., через 12 лет город был разрушен землетрясением. Завоеван французами в 1831 г. и, по их данным, насчитывал с предместьями 9 тыс. жителей, в том числе 3,8 тыс. в самом городе (из них 750 христиан и 250 мусульман, остальные – евреи). Деи перенесли в него столицу Западного бейлика; примерно та же территория вошла в границы департамента Оран, где образовалась своего рода Малая Испания под французским флагом. Описание вида этого города в 1939 г. см.: Камю А. «Минотавр или остановка в Ороне» в сборнике «Посторонний», М. – Харьков: Фолио, 1999, с. 339-359.

реалистическую программу, «не расточая безрассудно лживые свободы»³⁵⁹. В эту комиссию, сформированную 18 мая, вошли министры (правительства протектората), а также поровну: представители обеих секций Большого Совета и «влиятельные лица» французского общества и «туземного». В таком – индивидуальном – качестве выступил, например, Шедли Хайраллах, пытавшийся реанимировать реформистское течение в тунисском национализме. Приглашение было разослано также «общественно-политическим группировкам»; на это откликнулся Старый Дустур, от него были делегированы ас-Сафи и аль-Айаши. Разделив скептическое отношение социалистов к данной комиссии, политбюро Нового Дустура от участия в ней отказалось, хотя одобрило намерение Пейрутона пресечь, невзирая на лица, взяточничество и разложение в чиновничьей среде. 12 марта «néos» даже устроили манифестацию в поддержку его решения сократить колониальные надбавки французам (с 33 до 28%).

Что касается рядовых дустуровцев, то среди них еще не улеглись споры вокруг разделения партии, хотя деревня в начале лета еще пребывала в относительном спокойствии, предаваясь жизни по заведенному ритму. Судя по впечатлениям одного из будущих вождей Нового Дустура – приехавшего домой на каникулы студента-медика, который еще во Франции свел дружбу с основателями партии, то в весеннем Париже о случившемся у него на родине даже больше шло разговоров, чем в том городке северного Туниса – Загуане, откуда он сам был родом. Вот что ему вспоминалось много лет спустя:

«В 1934 г., когда был создан Новый Дустур...трое студентов в Париже заняли четкую позицию в его пользу. Это были Салах Бен Юсеф, изучавший юриспруденцию, я – Слиман Бен Слиман, студент медицинского факультета и Хеди Нуира... Мы не только были за Новый Дустур, но и вступили в эту партию, отстаивая позицию, занятую нашими товарищами в Тунисе, и сделали в некотором смысле пропагандистами новой партии... Дискуссии насчет раскола чаще всего у нас возникали с Си Абдеррахманом Ялви («Си» – сокращенное от «сиди», то есть «господин» – М.В.), старым активистом-дустуровцем, которого Люсьен Сэн выставил в Алжир за его националистическую деятельность. Он несколько лет прожил в Алжире, а потом приехал во Францию и работал счетоводом. В Париже представлял собой элемент Старого Дустура. Дискуссии... проходили в дружеской атмосфере, однако тон накалялся с обеих сторон. Большинству тунисских студентов-дустуровцев в тот период, кажется, трудно было занять

³⁵⁹ *El Mechat S. Le Nationalisme tunisien. Scission et conflits 1934-1944, Paris: L'Harmattan, 2002, p. 32.*

³⁶⁰ Джихад без войны. Т. I. Кн. I.

ясную позицию. Может быть, они ждали возвращения в Тунис, чтобы принять для себя решение, связанное с расколом и созданием новой партии. Салах Бен Юсеф, завершив свое образование в области права и политических наук, вернулся в Тунис раньше нас двоих. Я же отправился туда по окончании учебного года... Собираясь домой, ожидал увидеть страну, взволнованную проблемой раскола, и был изумлен, даже встревожен тем, что встретил совсем не ту атмосферу, какую ожидал... Каждый занимался своим делом, как и в предыдущие годы. Во время поездки в столицу – каникулы я проводил в Загуане – понял, что проблема раскола волнует часть тунисского общества. Прогуливаясь по авеню Жюль Ферри, встретил Салаха Бен Юсефа, который бурно обсуждал с молодыми интеллектуалами эту проблему... Во время моего пребывания в Тунисе я жил в Краме (пригородный поселок на море – М.В.) у Бахри Гиги. Один из главных создателей Нового Дустура, Бахри Гига оказал большое влияние на ту группу студентов, в которую я входил в годы нашей общей учебы в Париже. А в этот период мне довелось побывать на одном собрании Нового Дустура в столичном квартале Гиб Свика, где выступал Бургиба. Тогда я впервые его услышал. И был под огромным впечатлением его ораторского дара, силы аргументации и способности убеждать слушателей. Настолько был впечатлен, что через несколько дней, встретив Монжи Слима с друзьями, предложил им пойти на одно из собраний, чтобы послушать Бургибу... Помню, я потом присутствовал на собрании в квартале аль-Мар. Мое внимание привлек один молоденький студент в толпе взрослых. Она состояла из простых людей, ремесленников, рабочих, почти не было интеллигентов или служащих...»³⁶⁰.

К этому времени команда учредителей Нового Дустура уже выпускала газету «Аль-Амаль» на арабском языке, ее изданием были заняты в основном Тахар Сфар и Хабиб Бургиба, в качестве владельца («gérant») был зарегистрирован его брат М'хамед. Но одной газеты было недостаточно, чтобы укрепить партию. И тем же летом генеральный секретарь вместе с Фелисьеном Шаллайэ предпринимает большую поездку по стране. Французский профессор-философ и пацифист, человек левых убеждений, Шаллайэ помогал тогда и марокканцам, и тунисцам, которые казались ему близкими по духу. А с Хабибом Бургибой они познакомились еще три года тому назад в Виши на конгрессе правозащитников (март 1931 г.) и даже совместно составили для него доклад «Тунисская проблема»³⁶¹.

³⁶⁰ Ben Sliman S. Souvenirs politiques. Tunis: Cérès Production, 1989, p. 79-81.

³⁶¹ На конгрессе Лиги в защиту прав человека, проходившем весной 1931 г., присутствовали Хабиб Бургиба и Бахри Гига, их сверстник Ахмед Бен Милед, закончивший тот же, что и они, лицей Карно (бывший член «Союза коммунистической молодежи Туниса», а затем – один из основателей Ассоциации североафрикан-

Фелисьена и его жену Бургиба специально пригласил в Тунис и задумал отправиться с ними подальше на юг, чтобы показать, в каком бедственном положении находится тунисский *блед*³⁶². Для этого вызвал Бельхассема аль-Гнави и попросил его сопровождать их, больше того – организовывать поездку. По рассказу самого аль-Гнави, у них было не было денег, но Си Хабиб занял двести франков у аптекаря Бен Хаммуды, и в пятером – еще с одним южанином, Бельхассином Джрадом (член Национального совета Нового Дустура), компания пустилась в путь на знаменитом Пежо, который механики считали безнадежной колымагой, а партийцы прозвали «Зарга» («Голубая»). Ее маршрут лежал через Сфакс и Габес. Организаторы путешествия всё прекрасно устроили, «мы двое, – вспоминал аль-Гнави о себе и своем земляке-напарнике, – выступали заодно и пропагандистами, и охраной, и обслуживающим персоналом». А со слов Фелисьена Шаллайэ, «не было деревни, где бы Бургиба не произносил речей и где бы он не обошел одну за другой каждую семью. Мы поднимались рано и ложились поздно. Но когда на рассвете собирались ехать, обнаруживалось, что Бургиба уже где-то впереди и надо его догонять»³⁶³. Короче, Зарга летела как могла по ухабистым дорогам, Бургиба завоевывал очки, возобновил свои контакты с племенами, земельные интересы которых он еще недавно замышлял в суде. А парижский профессор вернулся домой с убеждением, что Новый Дустур – партия умеренных националистов, которых стоит защищать в большой столице. Все складывалось неплохо: именно так, как и планировали члены политбюро, создававшие не только саму партию, но и ее образ.

Ситуация же в действительности изо дня в день становилась все более напряженной, об экономическом положении в стране летом 1934 г. говорилось выше. Но кто из слушавших Бургибу на митингах и потом выступавших в партийные ячейки мог тогда подумать, что очень скоро ему придется оказаться «l'Homme à terre» («Поверженным на землю»)³⁶⁴ и на-

«ких студентов-мусульман («AEMNA»), Слиман Бен Слиман и Мухаммед Сакка из Монастира (Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 52). Бен Слиман писал в своих мемуарах, что в Виши, где состоялось его знакомство с Бургибой, последний удивлял тем, что «мыслил освобождение Туниса в лоне Франции» (Ben Sliman S. Op. cit., p. 73).

³⁶² Общее в Магрибе (диалектальное) название сельской местности, деревень и мелких городков, а также их населения.

³⁶³ Цит. по: Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 67-68.

³⁶⁴ Заглавие, которое Бургиба дал в книге «Тунис и Франция» главе о своей ссылке

долго замолчать. В августе деревня уже бурлила. В домах французских обывателей с беспокойством заговорили, что в степях появились отряды вооруженных всадников. И вернувшийся из Парижа Пейрутон, который всегда хитрил перед нанесением удара, решился на выпад. В первой декаде сентября он закрыл все оппозиционные газеты, в том числе «Tunis Socialiste»³⁶⁵, а с 3 сентября приступил к арестам неблагонадежных³⁶⁶. Вышестоящему начальству объяснял свои действия тем, что слишком активный Новый Дустур получает поддержку со стороны СФИО, коммунистов и членов французской Лиги в защиту прав человека. Они-де подбивают к открытому бунту население Туниса, «гетерогенное, отсталое и склонное к фанатизму, которое подхватило опасную заразу после событий в Фесе и Константино»³⁶⁷. Таким образом, «Сатрап» оправдывал свою жесткую линию, которую могли и не одобрить в официальном Париже, ссылаясь на необходимость пресечь летний мятеж, которого в Тунисе не было.

в р-н Татавин на Крайнем Юге (*Bourguiba H. La Tunisie et la France. Vingt-cinq ans de lutte pour une coopération libre. Paris: Julliard, 1954, p. 70-74*). Эта глава, состоящая из небольшого введения и текста письма, направленного Бургибой в ноябре 1934 г. из лагеря Бордж-ле-Бёф (*Bordj-Lebœuf*) в Резиденцию к Пейрутону, заканчивается фразой из его письма: «Не ждите от меня ни покорности, ни просьбы о милости, ибо иначе я навсегда потеряю от противника уважение к себе, который дорожу. Это письмо, увы, слишком длинное, просто... попытка развеять трагическое недоразумение. [Далее просьба пошадить беднягу-тунисца, участника Верденской битвы, который имел неприятности за то, что послужил курьером с предыдущим письмом.] Что до меня, то – всегда к Вашим услугам. Я приемлю удел суровой ссылки, ни будь ей ни конца, ни срока... и проживу изгоем, желая оставаться стоя» (Цитата из Виктора Гюго).

³⁶⁵ 9 апреля 1935 г. начался судебный процесс по делу этой газеты. На скамье подсудимых оказались лидеры тунисской федерации СФИО – Дюран-Анлиньель, Коэн-Хадрия, Серж Моатти, Ив Фэвр. К неудовольствию властей, на процессе в качестве адвоката прибыл депутат французского парламента Венсан Ориоль (социалист и будущий президент Четвертой республики). Вердикт был сравнительно легкий: штрафы и от 1 до 2 месяцев тюрьмы.

³⁶⁶ 3 сентября 1934 г. были арестованы и препровождены без суда следствия на поселение в «военной зоне» 8 неодустуровцев и 6 коммунистов, среди последних: Хасан Саадауи, Леон Зана, Люсьен Валенси (Каздагли Х. *Татавур аль-харави аш-шуйу'ийа би тунис* [Развитие коммунистического движения в Тунисе]. 1919/1943, Тунис: Изд-во Тунисского университета, 1992, с. 195).

³⁶⁷ Служебная записка Пейрутона за август – октябрь 1934 г. из архивов Резиденции (Цит. по: *El Mechat S. Op. cit., p. 34*).

На деле локальные вспышки беспорядков возникли позже, осенью, когда по стране разнеслась весть, что Бургиба арестован. Пригодился прошлогодний «суперзлодейский» декрет Мансерона, развязавший руки Генеральному резиденту, которому для решения судьбы беспокойных элементов уже не требовалось ни согласия бея, ни разбирательств с участием адвокатов. 5 сентября в Мокнине, куда сбежался народ с окрестных сел и деревень, произошли стычки со стражами правопорядка, один из которых был убит. Сгорела дотла районная управа («*кахьялик*»). В Сахеле было объявлено чрезвычайное положение. Стихийные бунты продолжались еще несколько дней, хотя основной формой протеста было всего лишь закрытие лавок, а лидеры партии, оставшиеся на свободе, призывали народ к спокойствию, проводили мирные митинги³⁶⁸. И пока еще оставалась надежда, что «недоразумение» рассеется.

Тем временем Марсель Пейрутон туманно обещал, что готов к милосердию и обсуждает этот вопрос с Ахмед-беем. Однако в ноябре, обращаясь к членам французской секции Большого Совета, он заявил: «Тунис уже рассматривают как самый болезненный невралгический узел всей Французской Северной Африки, на интегральности которой покоится военная безопасность Франции,... поэтому каждый, кто под любым видом стремится посеять здесь идеи беспорядка, идеи мятежа, это – человек, работающий против Франции»³⁶⁹. Становилось ясно, что ссыльным на свободу скоро не выбраться. Напротив, последовали новые аресты.

В самом начале следующего года настала очередь членов 2-ого политбюро, которое возглавляли Тахар Сфар, Бахри Гига и Салах Бен Юсеф. Собрав тысячи подписей под обращением к Ахмед-бею, делегация Нового Дустура вручила ему эту петицию 1 января, когда бей по традиции прибыл в мечеть аз-Зейтуна в связи с окончанием Рамадана. Молитва пре-

³⁶⁸ Так, 14 сентября пресса сообщила, что накануне вечером в Гамбетта-парке состоялся тунисский митинг. Перед толпой, которую трудно было сосчитать, что-нибудь от 2 до 4 тыс. человек, Тахар Сфар и Бахри Гига рассказали о своей поездке в центральную и южную часть страны, где они вели пропаганду в пользу «спокойствия», а также посетили арестованных д-ра Матри и братьев Бургиба. Ораторы выразили надежду, что Генеральный резидент сдержит свое обещание, и в ближайшие дни ссыльные смогут вернуться в Тунис (*Ibid, p. 106-107*).

³⁶⁹ Речь Пейрутона, опубликованная 6 ноября 1934 г. в «*La Dépêche Tunisienne*» (Цит. по: *Histoire du mouvement national tunisien. Documents. Le néo-destour face à la première épreuve, 1934-36, Tunis: CDN 1969, p. 125*).

вратилась в бурный митинг, с которого государь еле унес ноги. Членов политбюро, а также лидеров неодустуровского движения в Сфаксе (Хеди Шакера) и в Бизерте (Хабиба Бугетфу) немедленно выслали на Крайний Юг³⁷⁰. В их отсутствие было последовательно создано еще пять составов политбюро в течение одного года. 3-е политбюро под руководством Шедди Хайраллаха, ранее не входившего в Новый Дустур, действовало с 6 января по 12 апреля 1935 г., организовав ряд мощных манифестаций в защиту ссыльных и поддержку национальных требований³⁷¹. Взамен сформировалось 4-ое политбюро во главе с Махмудом Бургибой, которое в конце сентября 1935 г. было арестовано за подпольную деятельность. Запретив им пребывание на «гражданских территориях», в Сахару отправили членов

³⁷⁰ В конце марта 1935 г. всех собрали в Bordj-Lebœuf, который стал символом этой ссылки (Ibid, p. 82). Подробнее об условиях существования заключенных в лагере можно узнать из воспоминаний М. Матри. Он рассказывает, что их группу, лидеров Нового Дустура, летом держали в маленькой келье (*гурфа*), где было душно и кишели блохи, но спать под звездами было опасно из-за крыс, змей и скорпионов, залезавших под одеяло. Зато зимой их поселили в палатки, где ночью стоял ледяной холод. Всеческим издевательствам их подвергали охранники, то выставившие арестантов под палящее солнце, то принуждавшие за мелкую провинность таскать с места на место гору камней. Однако они не были лишены интеллектуальной пищи. Д-р Матри выписывал медицинские журналы и взялся изучать английский язык; погрузился в трудноватый для него Коран, то и дело обращаясь к французскому переводу, с интересом стал изучать арабскую историю, обнаружив, что эпоху Людовика XIV он знает лучше эпохи Багдадского халифата, а историю династии Валуа — лучше, чем династии Хафсидов. Он изучал также труды Ибн Халдуна, анналы Ибн Аби Динара и Ахмеда Ибн Абиля Диафа, сочинение которого в прекрасной рукописной копии имел при себе Тахар Сфар. Последний читал вслух «*Kitab al-agani*», поэмы Абу Нуваса и аль-Мутанабби (классиков средневековой арабской литературы). Бургиба предпочитал французских писателей и поэтов, стихи которых, Ламартина и Мюссе, он мастерски декламировал, а книга Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» привела его в такое волнение, что он разразился рыданиями (*El Materi M. Op. cit.*, p. 92-94).

³⁷¹ Это 3-е политбюро было дезавуировано самими ссыльными, так как оно полностью ориентировалось на переговоры с Резиденцией. В то же время Белькасем Гнауи, опираясь на докеров и пролетарские ячейки Нового Дустура, пытался организовать альтернативное политбюро под своим руководством. Полиция напала на след заговорщиков, и около 200 человек в начале апреля было арестовано, сам Гнауи отправился в Bordj-Lebœuf. Насчет Хайраллаха пошли порочащие его слухи, и он на время уехал в Италию как частное лицо.

комитета пропаганды Нового Дустура: Алляля Лауати, Насера и Тайеба Бен Аммаров, Хассуну аль-Каруи³⁷². Тогда образовалось 5-ое политбюро во главе с Нуреддином Заушем, затем 6-ое и в конце декабря — 7-ое политбюро, членов которого постигла та же участь. Волнами руководителей партии, а заодно с ними группы других активистов, в той или иной форме выражавших солидарность с заключенными, отправляли в опаленные солнцем лагеря. Количество ссыльных, содержащихся на военной базе Bordj-Lebœuf, достигло 60 человек, из них 46 «новых» дустуровцев, двое «старых» и 12 коммунистов³⁷³. Такими же волнами они получили освобождение весной 1936 г., а вскоре, благодаря приходу к власти во Франции правительства Народного Фронта, которое объявило своим триединым девизом «Pain, Paix, Liberté» («Хлеб, Мир, Свобода»), смогли действовать открыто.

В апреле 1936 г. в Тунис прибыл новый Генеральный резидент, Арман Гийон, бывший префект департамента Нор — крупного угольно-промышленного района на севере Франции, ранее работавший директором службы «социальной гигиены» в департаменте Сена. Близкий к социалистам, этот чиновник по своим личным качествам и послужному списку заметно отличался от своего предшественника. Еще не ступив на тунисский берег, он заявил, что ликвидирует концентрационные лагеря. Первоначально ссыльных лидеров Нового Дустура рассредоточили в более обжитых районах, чем Крайний Юг. Одних отправили на остров Джерба, где отбывал конец своей ссылки Бургиба, других — в оазисы Зарзис или Габес. К лету все смогли вернуться домой. Но пока под условие, тут же ими проигнорированное, отказаться от политической деятельности.

Если верить картине, запомнившейся Махмуду Матри, последними отпустили на волю восьмерых человек. Сам он был в группе, находившейся в Габесе (откуда его забрал на своей машине старинный приятель, Мухаммед Мокаддем). Еще проезжая через Сфакс, где освобожденный ранее Хеди Шакер, «самый верный здешний активист», попросил д-ра Матри сделать остановку, он был засыпан подарками. Торговцы дарили ему кто письменные принадлежности, кто

³⁷² *El Mechat. Op. cit.*, p. 53.

³⁷³ *Martin J.-F. Op. cit.*, p. 132. Автор, видимо, приводит данные на конец 1935 г. Ранее, 3 сентября, часть ссыльных была выпущена из лагеря. Но некоторых снова возвращали после вторичного ареста. Осенью сюда попал Жорж Адда, застигнутый в подпольной типографии коммунистов, которая печатала листовки «*nôos*», в феврале 1936 г. здесь появились Эжен Бессис и Морис Сфец (*Kraïem M. Le Parti Communiste Tunisien pendant la période coloniale, Tunis: ISHMN, 1997, p. 149-161*).

ткани и обувь, кто перстень или ящики фиников и бидоны оливкового масла. Но это он в основном сдал в местное благотворительное общество. Далее проследовали на скоростях, хотя во всех придорожных селениях люди готовились его приветствовать. Однако и дома — на вилле в Сайда Манубийа (тогда это была окраина г. Тунис), не удалось пообщаться с семьей, женой и двумя детьми, младшая из которых — дочь Лейла, оставленная крошкой, не узнала отца. Четыре дня и четыре ночи особняк д-ра Матри осаждали поздравители. Являлись оркестры музыкальных обществ и команды гимнастов. Его друзья, а именно Хабиб Бургиба, Тахар Сфар, Бахри Гига и Салах Бен Юсеф принимали подобные поздравления в медине — в большом арабском доме, подготовленном на этот случай городской партийной ячейкой. «Кое-кто объяснял мое отсутствие среди них желанием выделиться, я же просто не мог вырваться к ним хоть на минуту из-за наплыва визитеров». Только на третий день после возвращения в столицу вожди Нового Дустура собрались вместе и посетили Генерального резидента, чтобы — под предлогом выражения ему благодарности — поговорить о назревших реформах. Тот в целом соглашался с ними, но просил, «даже умолял» воздержаться от резких шагов, которые могли бы напугать колонистов и рассматриваться как новая попытка взбаламутить народ. «Оставьте мне возможность реализовать мою программу, она будет важным этапом удовлетворения ваших справедливых требований. Шаг за шагом вы придете к своей цели. Не кричите слишком громко, избегайте страстных тонов и трескучих заявлений, которые не понравятся французам, даже правительству Народного фронта и вашим друзьям из левых» — сказал напоследок Арман Гийон³⁷⁴.

Освобожденный 23 мая, Бургиба уже через неделю, 1 июня, обратился с письмом к генеральному секретарю тунисской федерации СФИО, выразив готовность пойти на контакты со всеми партиями Народного фронта, чтобы согласовать взаимоприемлемые пункты срочных требований «в духе идеала справедливости и братства, положенного в основу Народного объединения»³⁷⁵. Созданное по образу и подобию Народного фронта во Франции, это объединение (*Rassemblement Populaire de Tunisie*) представляло собой региональный комитет «департаментских» отделений трех партий, профсоюзов (ДО ВКТ) и нескольких общественных организа-

³⁷⁴ *El Materi M. Itinéraire d'un militant...*, p. 111-113.

³⁷⁵ *Histoire du mouvement national tunisien. Le Néo-Destour et le Front Populaire en France. Vol. I, Le Dialogue (Documents III)*, Tunis: CDN, 1969, p. 29-30. В ответ было получено письмо Козна-Хадрия в несколько строк с благодарностью и сообщением, что он персонально, один, не может рассматривать предложение Нового Дустура, это будет сделано на съезде тунисской федерации СФИО, назначенном на 21 июня 1936 г. (*Ibid.*, p. 31).

ции³⁷⁶. Оно действовало под эгидой социалистов, которые в течение следующих двух лет безоговорочно поддерживали правительство Французской республики и его представителя — Армана Гийона. Ставило во главу угла задачи международного антифашистского движения и защиту социальных прав трудящихся, содействовало некоторому укреплению позиций тунисских коммунистов, работало сообща с Новым Дустуром в комиссиях по помощи голодающим, однако свои предложения, касавшиеся политической реформы протектората, сформулировало лишь в январе 1937 г. В эту программу вошли главным образом требования по демократизации процедуры выборов и созданию вместо двухсекционного Большого Совета еди-

³⁷⁶ В Народный фронт, который победил в апреле — мае 1936 г. на последних парламентских выборах, состоявшихся до войны, вошли социалистическая партия СФИО, насчитывавшая около 200 тыс. человек, еще более многочисленная компартия (ФКП), Партия радикалов и радикал-социалистов, в течение ряда лет игравшая ведущую роль во французской политической жизни, а также крупнейшая профсоюзная организация — ВКТ, которая в марте 1936 г. на съезде в Тулузе смогла преодолеть свой давнишний раскол (на ВКТ и УВКТ), и несколько других группировок левого толка. Имея большинство мест в палате депутатов, СФИО воспользовалась правом сформировать правительство, которое 4 июня 1936 г. возглавил Леон Блюм. Коммунисты отказались от министерских постов, но заявили о готовности поддерживать мероприятия кабинета, направленные на осуществление программы Народного фронта. В свою очередь, комитет Народного объединения Туниса, учрежденный после митинга в столичном Гамбетта-парке 14 июня 1936 г., предусматривал самостоятельность организаций-участниц. В него вошли филиалы тех же трех партий, что составили костяк Народного фронта во Франции, профсоюзы ДО ВКТ, члены Союза бывших фронтовиков, Лиги прав человека и гражданина, Международной лиги женщин за мир и свободу, Международной лиги борцов против антисемитизма, Лиги работников образования и, наконец, организация «Красные соколы» под председательством г-жи Люсьен Козн-Хадрия, супруги генерального секретаря тунисской федерации СФИО. Социалисты играли роль координаторов Народного объединения Туниса. В отличие от Франции, коммунисты здесь были в меньшинстве, после репрессий Пейрутона их всего насчитывалось несколько десятков человек, и даже к 1937 г., работая в благоприятных условиях, они сумели создать, а точнее воссоздать только 10 ячеек в столице и ее предместье Хаммам-Лиф и 7 ячеек в городах Бизерта, Ферри-виль, Сфакс, Сус, Кайруан и др. Личный состав ячеек, численность которого, по явно завышенным данным спецслужб, достигла 800 человек, характеризовался наличием французов, евреев, арабов и итальянцев; удельный вес последних накануне второй мировой войны заметно возрастал (*Kraïem M. Le Parti Communiste Tunisien pendant la période coloniale*, Tunis: ISHMN, 1997, p. 171-172).

ного законодательного органа, избрание депутатов которого производились бы раздельно, тунисцами и французами³⁷⁷. В самом начале своей деятельности Народное объединение категорически отвергло идею восстановления национальных профсоюзов, с которой летом 1936 г. выступили Аммаль-Каруи (бывший соратник Мухаммеда Али), вернувшийся из Египта, и Белькасем Гнави, только что переживший ссылку вместе с Бургибой и его товарищами. Тунисские коммунисты, их возглавил Али Джрад, еще один бывший узник Bordj-Lebœuf и, кстати, земляк Белькасема Гнави, числились среди авторов соответствующего коммюнике³⁷⁸, а в дальнейшем вели через газету «L'Avenir Social» систематическую атаку против «второй» ВКТТ, которую все же создали неодустуровцы и их сторонники.

10 июня 1936 г. состоялась сессия Национального совета Нового Дустура, утвердившая состав политбюро. (Оно стало считаться «четвертым», поскольку предыдущие, подпольные, выполняли лишь временную задачу сохранения партии). Руководство вновь взяли в свои руки учредители Нового Дустура — члены первого политбюро, избранные на Ксар-Хелляльском съезде, но место М'хамеда Бургибы занял теперь Салах Бен Юсеф, сблизившийся с генеральным секретарем за время пребывания в лагере³⁷⁹. Этот 25-летний адвокат, выходец с о-ва Джерба, становится канцеляристом партии и вскоре вошел в когорту наиболее ярких неодустуровских агитаторов. С речами на массовых митингах стал выступать и впервые пробовавший себя в качестве оратора Слиман Бен Слиман, врач-офтальмолог, в то лето вернувшийся из Парижа и с жаром рассказывавший слушателям о деятельности «Североафриканской звезды» и своем личном

³⁷⁷ Ibid., p. 189.

³⁷⁸ Cohen Hadria E. Du protectorat français à l'indépendance tunisienne. Souvenirs d'un témoin socialiste, Nice: Centre de la Méditerranée moderne et contemporaine, 1976, p. 122.

³⁷⁹ Ко II съезду Нового Дустура (30 октября — 2 ноября 1937) в политбюро, помимо Хабиба Бургибы — генерального секретаря, входили Махмуд Матри — председатель, а также Тахар Сфар, Бахри Гига и Салах Бен Юсеф (Бургиба Х. *Хайатуху ал-джихадуху*, ... с. 69). Н.А. Иванов ошибочно указывает, что 10 июня 1936 г. шестым членом политбюро был утвержден Слиман Бен Слиман (Иванов Н.А. Указ соч., с. 243). Последний приехал из Франции только в середине лета, причем Махмуд Матри опасался излишне «строптивого нрава» Бен Слимана и под угрозой своей отставки настоял на том, чтобы молодые и горячие головы не устраивали манифестаций в честь его возвращения на родину (El Mechat S. Op. cit., p. 62). Он был избран в политбюро на II съезде партии.

участии в работе французского Народного фронта. Местная пресса стала писать о нем как об «активисте популистской тенденции»³⁸⁰.

Итогом работы Национального совета 10 июня 1936 г., поручившего членам политбюро приступить к реорганизации партии, стала Программа-минимум, которая выразила требования Нового Дустура, подразумевавшие «эмансипацию Туниса с помощью Франции» (по-арабски данная формулировка выглядела так: *тахрир тунис би муса'ада фаранса*). Чтобы донести эту программу до сведения французской общественности, Хабиб Бургиба, не мешкая, отправился в Париж, где левые силы праздновали победу, а парламент спешно вотирует законы, согласованные 7 июня — между коллективным представителем патроната, Всеобщей конфедерацией французских производителей, и профсоюзами ВКТ — по так называемому Матиньонскому соглашению. Оно было заключено после мощной общенациональной забастовки в первую неделю июня и встреч договаривающихся сторон с арбитражным участием Леона Блюма в резиденции правительства «Отель Матиньон», отсюда и название знаменитого соглашения. (Предусматривало 40-часовую рабочую неделю, оплачиваемые отпуска и другие социальные гарантии, составившие революцию в положении трудящихся).

Требования Нового Дустура, которые, будь они осуществлены, означали бы широкую автономию Туниса, были сформулированы 10 июня в многостраничном документе и тщательно детализированы. В основном они сводились к следующему:

- Предоставление тунисскому народу конституционных гарантий, обеспечивающих его права в деле утверждения госбюджета и законодательной сфере. Введение всеобщего избирательного права. Позже к этому пункту было добавлено предложение заменить Большой совет на «национальный парламент» (*аль-барляман ат-тунисий*). Расшире-

³⁸⁰ Ben Sliman S. Op. cit., p. 90. На митинге в Гамбетта-парке 28 августа Слиман Бен Слиман говорил, что тунисцы должны приветствовать правительство Народного фронта и заинтересованы в нем, чтобы добиться максимума уступок от Франции, а затем идти дальше. «Вот цель сотрудничества, как мы ее понимаем. Оно лишь первый этап. Наша конечная цель — полная независимость Туниса. Наш злейший враг — это француз, который поселился в Тунисе, чтобы отобрать земли у тунисцев, это чиновник, который обогатился здесь и посылает деньги во Францию. Вот где причина обнищания Туниса, который некогда был спокойным и процветающим» («L'Afrique française», Paris, № 8-9, 1936, p. 264). Резюме этого выступления тут же напечатала газета «Tunis-Soir».

ние компетенции национальных судов и создание условий для их истинной независимости. Ликвидация «военных территорий». Борьба с лихоимством в госаппарате. Доступ тунисцев ко всем управленческим должностям. Признание арабского языка официальным в администрации. Обязательное образование для тунисцев и преподавание арабского языка в школах всех ступеней. Введение закона о гражданстве «по образцу законов, действующих в других странах».

- Борьба против нищеты, создание фонда помощи безработным, организация общественных работ. Улучшение тунисского земледелия путем расширения кредита мелким и средним земледельцам. Уважение земельных прав тунисцев. Пересмотр налоговой системы, в том числе введение прогрессивного подоходного обложения и упразднение ряда косвенных налогов, прежде всего тех, которые давят на бедноту. Равенство в оплате труда между французами и тунисцами в соответствии с принципом «равную оплату за равный труд». Применение в Тунисе социального и трудового законодательства Франции. Национализация в пользу тунисского государства крупных предприятий (электричество, газ, горные разработки, транспорт и проч.)³⁸¹.

На берегах Сены делегата партии в лице ее уже прославленного лидера с энтузиазмом встретили тунисские студенты, которые – числом свыше двухсот – составляли самую большую группу среди учащихся со всех концов французской колониальной империи. В Париже действовала весьма активная ячейка Нового Дустура, ее в 1934–1936 гг. возглавлял Слиман Бен Слимман, а после его отъезда в Тунис (по окончании учебы), это дело взяли в свои руки упомянутый уже Хеди Нуира и Хабиб Тамер. Их другом и меценатом был дустуровец Мухаммед Бен Халифа, тунисский предприниматель средней руки, постоянно живший во Франции³⁸². Вскоре

³⁸¹ Бургиба Х. *Хайатуху ва джихадуху...*, с. 62; Иванов Н.А. Указ. соч., с. 216.

³⁸² Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 74. Садок Бен Мухаммед Бен Халифа, известный также как Садок Бен Хадж, уроженец Монастира, содержал в Париже гостиницу. Вице-председатель парижской секции Нового Дустура. В конце тридцатых входил в Комитет защиты Туниса против итальянских претензий. Летом 1940 г. бежал из оккупированной зоны в Марсель, нашел там приятеля, тунисского еврея, который содержал харчевню и посылал корзинки с едой членам руководства партии, находившимся в здешней тюрьме. Сведения о нем французской разведки см.: Khaled A. Documents secrets du 2-ème bureau. Tunisie-Maghreb dans la

ячейка была преобразована в секцию. Пока же Бургиба, который появился в Париже к середине июня, познакомился поближе со своими новыми молодыми друзьями. Он нравился им своей горячностью, иронией и коммуникативностью, проводил с ними вечера, играя в компании свою традиционную роль шеф-повара, а зачастую и спорил, поскольку они казались ему проникнутыми слишком «прогрессивными идеями»³⁸³.

Сам он в Париже ориентировался на левых социалистов, группировавшихся вокруг газеты «La Flèche», в то время выражавшей антиколониалистские взгляды. Большую помощь в установлении связей на французском политическом Олимпе ему оказал Гастон Бержери, видный деятель радикал-социалистической партии, который еще в 1931 г. приезжал в Тунис как депутат парламента, чтобы выступить адвокатом по делу газеты «La Voix du Tunisien». Вторично побывал в Тунисе летом 1933 г. Короче, Бургиба получил первую в своей жизни встречу с Ш.-А. Жюльеном, который 6 июля провел его в Министерство иностранных дел.

Здесь их принял заместитель министра, ответственный за дела подмандатных территорий и протекторатов – Пьер Вьено. Ожидая вызова у дверей его кабинета, вчерашний ссыльный (по свидетельству Жюльена) настолько волновался, что совершенно онемел. Но зато в беседе блеснул своим красноречием, и будто вырос на несколько дюймов, одержав первую дипломатическую победу во святая святых французской внешней политики.

Вдохновленный Бургиба, которого, действительно, впервые выслушали как «представителя интересов нации», переживал душевный подъем и даже уехал лечиться на курорт Виттель в Вогезах. Оттуда 5 августа 1936 г. он писал Хеди Нуире: «широкое массовое движение, которое является залогом освобождения нашей родины, переживает ныне крайне опасный кризис роста. Оно – на решающем повороте. Его раздирают две тенденции. И председатель (Махмуд Матри – М.В.), которому должно во-

conjoncture de pré-guerre 1937-1940. Tunis: STD, 1983, p. 119, 647, 760.

³⁸³ Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 74. Парижская ячейка, о которой идет речь, представляла собой «Комитет в защиту свобод в Тунисе». Ее создал Бен Слимман, срочно выехавший во Францию 9 сентября 1934 г., когда уже начались аресты, с полномочиями партийного делегата и заданием создать такой комитет. Он собирался в помещении Ассоциации североафриканских студентов-мусульман, иногда дома у Бен Слиммана, сотрудничал с коммунистами и другими левыми силами Франции, доставляя им информацию о положении в Тунисе. Готовивший ее к печати Хеди Нуира становится генеральным секретарем комитета (Ben Sliman S. Op. cit., p. 82-84).

площадь собой единство партии, примирять обе тенденции, стремится подержать своим весом одну из них. В итоге он лишь роет яму между двумя элементами, в равной мере необходимыми...». Далее автор письма рассуждает о том, что лучшим выходом из ситуации было бы созвать закрытое совещание политбюро, пригласить на него тех активистов, которые считаются слишком «беспокойными» («turbulents»), а также наиболее уважаемых и влиятельных руководителей партийных секций, чтобы устранить расхождения взглядов по тактическим вопросам и «не стирать на людях грязное белье». Вместо этого д-р Матри делает эти расхождения достоянием общественности. Помимо своего рода «детской болезни левизны» в рядах Нового Дустура, которую его старший товарищ не хотел или не мог лечить, Бургибу беспокоило и то обстоятельство, что газеты «Tunis-Socialiste» и центральный орган французских социалистов «Populaire» обходят молчанием его собственные контакты с руководством СФИО, в частности визит в «колониальную комиссию» этой партии. И под конец письма просил Хеди Нуиру поторопиться с заметками парижских журналистов³⁸⁴.

Тем временем Тунис, вздохнувший после пейрутоновской «свободы работать и молчать», бурно митинговал. 14 июня победа Народного Фронта была отпразднована на массовом митинге в столице, собравшем около 15 тыс. человек, в том числе 6 тыс. мусульман. Пришли грузики из порта во главе с Али аль-Каруи, который был «южанином», как и большинство докеров, которых он, не будучи человеком их профессии, выводил на демонстрации еще в 1924-1925 гг. Руководили митингом представители тунисской федерации СФИО, от коммунистов выступал Хасан Саадауи, недавний узник Bordj-Lebœuf. Гремели рабочие духовые оркестры, развивались национальные флаги Франции и Туниса, и над толпой вздымался лес рук со сжатым кулаком – знаком антифашистской солидарности... Вскоре такие же митинги прокатились в Бизерте и нескольких крупных городах провинции.

22 июня 1936 г. Новый Дустур получил от партии социалистов предложение обсудить взаимоприемлемые пункты требований к властям³⁸⁵. В одно и то же время – в августе 1936 г. все партии и общественные организации, независимо от их политической окраски, смогли вос-

³⁸⁴ Histoire du mouvement national Tunisien. 9 avril 1938. Le procès Bourguiba. Documents inédits. Interrogatoires et dépositions, Tunis: CDN, 1967, p. 31-33.

³⁸⁵ Информация, полученная от д-ра Матри на его допросе (Ibid., p. 90).

пользоваться снятием предварительной цензуры на печать³⁸⁶; бывшие ссыльные и арестанты получили амнистию. В столице ходили слухи о слиянии Тунисской федерации СФИО и Нового Дустура. Говорили, что дустуровцы будут вступать в партию социалистов на индивидуальной основе, в качестве обычных членов. Впрочем, это были только слухи³⁸⁷.

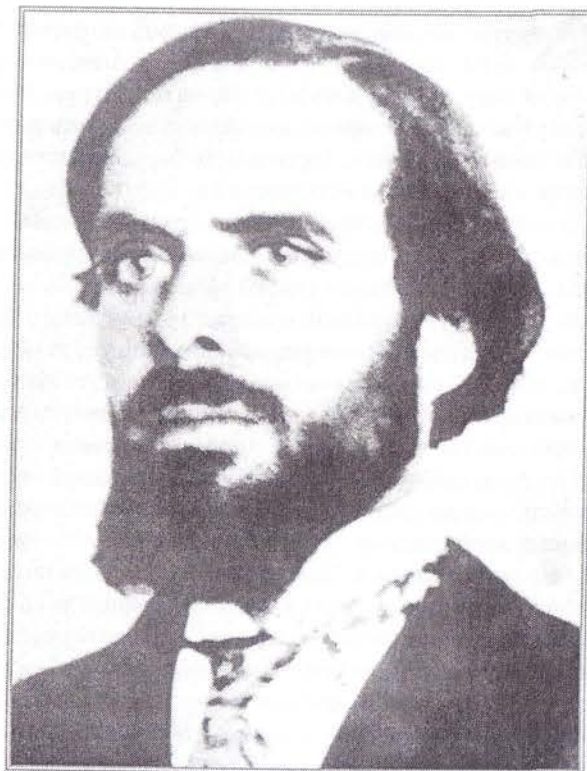
Проведя во Франции почти все лето, Бургиба снова добивается приема в Министерстве иностранных дел, где 28 августа он вручил Пьеру Вьено меморандум, излагавший ближайшие требования Нового Дустура. При этом на первое место были вынесены социально-экономические пункты партийной программы-минимум: прекращение «официальной» земельной колонизации, ликвидация так называемой колониальной трети – надбавки к жалованию чиновников-французов, реформа фискальной системы и пересмотр бюджетной политики, которая, подчеркивалось в меморандуме, доселе строилась на «расовом принципе», а именно означала использование расходной части бюджета регентства в пользу европейцев и формирование доходной части за счет непомерного налогообложения тунисского населения³⁸⁸. Вместе с тем в этом документе, датированном 25 августа 1936 г., содержалось признание за Францией ее «приобретенных прав» в Тунисе, в том числе имущественных прав европейских поселенцев и права метрополии соблюдать – в отношениях с регентством – свои интересы в области международной безопасности. В этой связи горячо поддерживалось заявление Армана Гийона о том, что «Тунис нельзя удерживать силой, это чревато опасностью в случае конфликта»³⁸⁹.

³⁸⁶ Единственное исключение в августовских декретах 1936 г., воспроизводивших декреты, уже изданные во Франции, было сделано для фашистских группировок. Так, в декрете об ассоциациях говорилось, что будут распускаться те из них, которые либо вызывают вооруженные манифестации на улицах, либо по своей форме и военизированной организации представляют собой боевые группы или частную милицию, не являясь упорядоченно созданными обществами допризывной военной подготовки, спортивными и физкультурными обществами.

³⁸⁷ После некоторых колебаний Народное объединение Туниса отвергло идею сотрудничества – на организационном уровне – с Новым Дустуром, подтвердив предыдущие решения федерации СФИО о защите индивидуальных, но отнюдь не коллективных (национальных) прав тунисцев (Kraïem M. Op. cit., p. 189).

³⁸⁸ Bourguiba H. La Tunisie et la France..., p. 88-89.

³⁸⁹ Ibid., p. 86.

Бургиба весной 1936 года
под конец своей ссылки, остров Джерба

Поход в министерство 28 августа явился уже третьей встречей Бургиба с П. Вьено. Первая, на которой его сопровождал Ш.-А. Жюльен, ограничилась обнадеживающей беседой. В августе Бургиба дважды встречался с заместителем министра иностранных дел и к последнему визиту подготовил свой меморандум, названный «Нотой». Видимо, августовские переговоры, которые были устроены секретно³⁹⁰, прошли в более сдержанном духе, чем в начале июля, поскольку за истекшее время Вьено успел подвергнуться давлению со стороны тунисских французов-колонистов. Те

³⁹⁰ Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 75

в свою очередь, стучались в двери МИДа на Кэ д'Орсэ. Да и обстановка во Франции менялась на глазах. Не прошло и двух месяцев после одобрения парламентом прогрессивных социальных законов в духе программы Народного фронта, как в стране была проведена девальвация франка. Естественно, это сказалось и на положении в колониях. Только с 4 августа в Тунисе вводились местные законы на принципах Матиньонского соглашения, но патронат делал все, чтобы помешать их применению. Пока рабочие бастовали, в деревне воцарился голод. Поэтому меморандум Бургиба охватывал далеко не все требования программы-минимум партии Новый Дустур. В нем больше говорилось об экономических бедствиях тунисцев и подчеркивалась надежда на мирную эволюцию протектората. Тем не менее с утра в день визита Бургиба направил товарищам в Тунис телеграмму, зачитанную ими на митинге в столичном Гамбетта-парке, со словами: «Сегодня в 15 часов буду принят Вьено. Видел резидента вторник (Гийона – М.В.), Жюля Мока среду (социалист, член кабинета Леона Блюма – М.В.)... Благоприятный климат. Большие надежды».

Для разъяснения своей программы руководители Нового Дустура разъезжали по деревням и кочевьям. На многочисленных митингах в Гамбетта-парке 28 августа и 11 сентября 1936 г. дали отчет о своей деятельности. Триумфальное воодушевление царило на втором митинге, где присутствовал Бургиба, уже вернувшийся из Франции (5 сентября) и доложивший о результатах своей поездки, положительный эффект которой он, возможно, искренне преувеличивал. «Несмотря на то, что партия теоретически оставалась распушенной, Новый Дустур стал институтом, с которым должны были считаться», – вспоминает д-р Матри, которого А. Гийон часто принимал как председателя партии в своей резиденции. Очень важным пунктом их договоренности было то, что Новый Дустур получил prerogative взять под свой контроль найм поденщиков на общественно полезные работы, которые спасали людей от безработицы и позволяли им не умереть от голода³⁹¹.

Осенью руководители партии побывали на приеме у Ахмед-бея, что настойчиво рекомендовал им сделать Генеральный резидент. Правда, последовав его совету, члены делегации (Матри, Бургиба, Гига, Сфар, Бен Юсеф, Бен Слиман), заранее считали аудиенцию во дворце пустым делом, не надеясь найти понимание у «старого суверена, эгоиста и тупицы, который никогда не хотел и мизинцем пошевелить, чтобы поддержать истин-

³⁹¹ El Materi M. Op. cit., p. 121.

ных защитников тунисского государства и, следовательно, его же тро-
на»³⁹². Поэтому, наскоро ознакомив бея со списком своих предложений,
они решили дольше «не утруждать себя потугами привлечь его на нашу
сторону». Зачитать список взялся на ходу Хабиб Бургиба, а когда получил
дружеское замечание, мол, нарушаешь субординацию, лишь пожал плеча-
ми. «Хотя и меня, и товарищей, — вспоминал д-р Матри, — покорила эта
манера, мы не стали заострять внимание на неблагополучии, уже сущест-
вовавшем внутри нашей маленькой группы»³⁹³.

К этому времени Генеральный резидент — декретом от 11 августа —
предоставил в Тунисе свободу печати и собраний. Как грибы после дождя,
здесь открывались новые и возобновляли свою жизнь старые газеты. Об-
щее количество их наименований вместе с журналами достигло сотни —
рекордный показатель для страны в 2,6 млн. жителей. Многие газеты, и не
принадлежавшие Новому Дустуру, печатали статьи его лидеров, помещали
на видном месте их фотографии. От имени дустуровского движения, по
всех его спектрах, включая реформистов, «archéos» и «néos», представите-
лей различных буферных группировок и промежуточных течений, высту-
пали не только политические издания, но и литературные газеты, развлека-
тельные, сатирические и проч. (По данным Р.Г. Ланда, в этот период в Ал-
жире издавалось около 70 газет и журналов разных наименований и
политической окраски).

В одном из первых номеров «L'Action Tunisienne», которая снова
начала издаваться под редакцией Бургибы, он опубликовал 23 декабря

³⁹² Ibid., p. 113. Автор описывает этот визит к Ахмед-бею без указания даты. Судя
по мемуарам Слимана Бен Слимана, делегация посетила дворец в селе Ла Марса
1 ноября 1936 г. (Ben Sliman S. Op. cit., p. 91).

³⁹³ El Materi M. Op. cit., p. 114. Имелись в виду трения между ссыльными, возник-
шие из-за того, что в начале лета 1935 г. под давлением начальника лагеря они
написали покаянное письмо. Об амнистии просили пятеро соучредителей партии
и Салах Бен Юсеф. По настоянию Хабиба Бургибы был составлен протокол из
собраний, отражавший его частное мнение, то есть несогласие с письмом, кото-
рое он, однако, подписал. (Прошение не возымело действия, и позже М'хамед
Бургиба написал личное письмо Пейрутону, снискав себе помилование). 11 декабря
1958 г. протокол собрания, пролежавший под спудом более 23 лет, был обнаружен
президентом, главным образом с целью очернить Бен Юсефа, уже ставшего его вра-
гом и бежавшего за границу, но тем самым Бургиба задел д-ра Матри и Бахри Гину,
которых он перед этим взял с собой в путешествие на старое место их ссылки.

1936 г. установочную статью «Le Destour et France», где развивалась его
генеральная идея наполнения юридической формулы протектората реаль-
ным содержанием. Он писал, что партия, делегируя его в Париж, предло-
жила Народному Фронту «широкий эксперимент»: мирным способом ори-
ентировать развитие режима протектората на создание «нормального ре-
жима, который будет зиждиться не на подчинении слабого сильному, а на
свободном выборе и ясном понимании взаимных интересов». Несколькими
строками выше он выражал веру в то, что плодом искреннего сотрудниче-
ства между Францией и «элитой тунисского народа» непременно будет
«свободный и счастливый Тунис», связанный культурными узами с Фран-
цией, которая должна «воспитать тунисский народ... вырвать его из нище-
ты и... создать, словами Дюрана-Анливьея, людей на месте рабов»³⁹⁴.

Ссылка на одного из лидеров Тунисской федерации СФИО показа-
тельна. Несмотря на то, что Новый Дустур не вошел в Народное объедине-
ние, созданное в Тунисе левыми партиями, женскими организациями и
профсоюзами³⁹⁵, все они вместе активно занялись помощью голодающим,
а некоторые пункты минимальных требований Нового Дустура и требова-
ний Народного объединения были почти идентичными. Однако социали-
сты в Тунисе, даже более откровенно, чем правительство метрополии, воз-
главленное лидером СФИО — Леоном Блюмом, держались за идею сохра-
нения Туниса в составе французской империи.

Не молчала и пресса Старого Дустура, выражавшая скепсис в от-
ношении успехов переговорного процесса, затеянного Бургибой и его кол-
легами. Хотя «archéos» не выдвигали какой-либо новой программы, о чем
свидетельствует и название их газеты «La Charte Tunisienne» («Тунисская

³⁹⁴ Ibid., p. 91-92.

³⁹⁵ Н.А. Иванов дал одному из параграфов своей монографии заголовок «Отказ от
объединения с СФИО», объясняя этот шаг партии прежде всего тем, что Бургиба
был равнодушен к марксистскому учению, поэтому Новый Дустур «отмежевал-
ся» от ВКТ и СФИО, хотя «отнюдь не сжег мосты, ведущие в лагерь французской
демократии» (Иванов Н.А. Указ. соч., с. 263-266). Документы и мемуары, отно-
сящиеся к рассматриваемому периоду, говорят об обратном: Новому Дустуру
было в 1936 г. отказано в приеме в «Народное объединение Туниса», поскольку
платформой объединения являлись антифашистские лозунги в противовес на-
ционалистическим. Коммунисты в этом отношении после 1935 г. (следуя новым
решениям Коминтерна) были даже жестче, чем социалисты; поэтому левые пар-
тии по отношению к национальному движению в Тунисе поменялись местами.

Хартия»³⁹⁶, отсылающее к документу 1933 г., приверженцы Старого Дустура, будто внезапно осмелев, заговорили о предоставлении Тунису полной независимости. И были не одиноки. Дело в том, что на тунисскую публику большое впечатление произвели, во-первых, англо-египетский договор «о дружбе и союзе» 26 августа 1936 г., декларировавший прекращение британской военной оккупации Египта³⁹⁷, во-вторых, франко-сирийский договор 9 сентября 1936 г. (аналогичный – с Ливаном в ноябре). Последний предусматривал осуществить в трехлетний срок с момента ратификации отмену французского мандата³⁹⁸. Правда, радость в Египте вскоре сменилась унынием, а вафдистский кабинет, заключивший пресловутый договор, был вынужден уйти в отставку. Ратификация соглашений с Сирией во французском парламенте затягивалась и затягивалась... Тем не менее, глядя из Туниса, положение на Ближнем Востоке менялось к лучшему. Это ранило национальное самолюбие тунисцев, вместе с тем – усилило присущую лидерам Старого Дустура тягу к панарабизму. Следует при этом иметь в виду, что, если Тунис исторически являлся восточными воротами Магриба, а тунисская элита, начиная с конца XIX столетия, время от времени заболела «егип-

³⁹⁶ «La Charte Tunisienne», выходившая с 25 июля 1936 г. по 4 апреля 1938 г., считалась наряду с газетой «*Ирада*» официальным органом партии Старый Дустур. Ее редактором являлся Али Бухаджеб, бывший член редколлегии «L'Action Tunisienne», который в 1933 г. порвал с группировкой Бургибы (Khaled A. Op. cit., p. 826).

³⁹⁷ Как известно, этот пункт был обставлен целым рядом условий, сводивших его на нет. Вместе с тем договор предусматривал замену британского Верховного комиссара на посла, который в действительности продолжал вмешиваться во внутренние дела Египта; подтверждался статус Судана как англо-египетского condominium, что не отвечало желанию националистов, выводивших людей на улицу с лозунгом «За единство долины Нила», то есть за возвращение Судана под египетскую корону.

³⁹⁸ Договор «о дружбе и помощи», предусматривавший отмену мандата над Сирией, стал результатом переговоров заместителя министра иностранных дел – Пьера Вьено с делегацией из Дамаска. Ее составили лидеры Национального блока, образованного накануне выборов в Учредительное собрание 24 апреля 1928 г., на которых эта партия, выступавшая за реформы, получила большинство голосов. В январе 1936 г. она приняла Национальный пакт, требовавший единства и независимости сирийских территорий; другие пункты касались борьбы с сионизмом и за арабское единство. Договор «о дружбе и помощи», так и оставшийся на бумаге, предусматривал гарантию экономических интересов Франции и сохранение за ней двух военно-воздушных баз.

томаний», то и ветры, приносившиеся с востока, меняли свой характер. По мнению большинства историков, в Египте – этой своего рода лаборатории конфликтов, поныне терзающих мусульманский мир, 30-е годы прошлого века были отмечены упадком либеральной идеологии³⁹⁹, что имело далеко идущие последствия для арабского региона в целом и не могло не сказаться на настроениях определенной части тунисских националистов.

* * *

Наступил 1937 г., который многое изменил в каждой стране и мире. «Мы входим в новую эру – эру смятения»⁴⁰⁰. Этот год был тяжелым для Франции, она еще не выползла из экономического кризиса, напротив, происходило огромное повышение внутренних цен, что в значительной степени ликвидировало результаты девальвации, произведенной в 1936 г., которую эксперты считали «остановившейся на полдороге», а потому неэффективной. «Самым простым, – пишет Шарль Беттельхейм, – было бы снижение таможенного барьера, но и в данном случае то, что было сделано (сниже-

³⁹⁹ Речь идет не только о развитии организаций наподобие «Братьев-мусульман», о чем уже говорилось выше, но и о некотором кризисе сознания, захватившем цвет интеллектуальной элиты египетского общества. Это прослеживается в работах таких крупных писателей, как Таха Хусейн, в содержании газетных публикаций ведущих представителей Вафда и Партии либералов-конституционалистов, например, издателя газеты «*ас-Сийаса*» Мухаммеда Хусейна Хейкала. Последний обратился к сочинению серии книг о жизни Пророка и первых халифов, будучи не единственным из прежних «западников», кто стал искать истину в непреходящих ценностях ислама в противовес светской идеологии, торжествовавшей в Египте первой половины 20-х годов. (Подробнее см.: Vatikiotis P. J. Op. cit., p. 324-326). Эхо этих изменений слышалось и в Магрибе. Тунисский книжный рынок, пишет Ш.-А. Жюльен, был наводнен литературой из Египта, оттуда приезжали театральные труппы, в кинотеатрах появились египетские фильмы. Однако автор считал, что непосредственное влияние на умонастроения здешней публики оказывал Шекиб Арслан, благодаря которому «Тунис втягивался в панарабский миф» (Julien Ch.-A. Op. cit. Volume I, p. 103). Действительно, проведенный при активном участии эмира Арслана второй Мусульманский конгресс в Женеве (1935 г.) мог вызвать более горячий интерес в Тунисе, нежели предыдущие собрания подобного рода, начиная с двух Халифатистских конгрессов в Каире и Мекке (1926 г.) или первого Мусульманского конгресса в Иерусалиме (1931 г.), где ставились вопросы, все же достаточно далекие от жизнеотрашающих проблем Северной Африки.

⁴⁰⁰ Дневник Андре Жида, запись 7 мая 1937 г. (Gide A. Journal, 1889-1939, Paris: Gallimard, 1970, с. 1260-1261).

Новый Дустур и французские социалисты

ние таможенных пошлин на различные товары от 20% до 15%), оказалось недостаточным, чтобы компенсировать повышение цен иностранных товаров во французской валюте. Поэтому на деле произошло усиление протекционизма, что способствовало повышению цен». Инфляция, раскрученная в 1936 г., шла параллельно с вымыванием золотых запасов Французского банка – эмиссионного института. «С другой стороны бюджетный дефицит вновь и вновь вынуждает государство прибегать к займам со все более высоким процентом и в то же время – к кредитам Французского банка. Бегство капиталов приводит к выкачиванию золота из Контрольного фонда, учрежденного в момент девальвации 1936 г... В конце июня 1937 г. оказалось необходимым оторвать франк от золота, чтобы прекратить утечку золота. Падение курса франка (фунт стерлингов быстро достигает курса в 133 франка) временно улучшает положение, но спекуляция на понижении франка возобновляется. Не было принято никаких серьезных мер борьбы с этой спекуляцией, и она со всей тяжестью оказывала давление на французскую политику, в то время как бюджетный дефицит вынуждал государство прибегать к новым кредитам Французского банка. В итоге к сентябрю 1937 г. фунт стерлингов стоил 153 франка наличными»⁴⁰¹.

Надо ли уточнять, что Тунис, входивший в зону франка и французского таможенного союза, испытывал на себе все эти передряги, а про западным националистам было все труднее доказывать пользу сотрудничества с Народным фронтом и ориентации на переговорную политику с метрополией. Напротив, инфляция в голодающей стране (этот год во всей Северной Африке был чрезвычайно засушливым) подбрасывала козыри в руки их противников.

Ожидаемое, а затем и состоявшееся возвращение в Тунис шейха Таальби, чьим капиталом были его обширные заграничные связи, усилило распространение – через печать Старого Дустура – идей арабского и мусульманского превосходства. Делала свое дело и «Ассоциация по защите и распространению Корана»⁴⁰², приверженцы которой ополчились на планы

⁴⁰¹ Беттельхейм Ш. Экономика Франции 1919-1952 (Перевод с французского). М. Изд-во Иностранной литературы, 1953, с. 148-149. После некоторого улучшения в конце 1937 г. падение франка возобновилось, с мая 1938 г. он становится денежной единицей, привязанной к фунту стерлингов (Там же, с. 149).

⁴⁰² Следуя по стопам «Ассоциации алжирских улемов-реформаторов», преподаватели аз-Зейтуны во главе с шейхом Абд аль-Азизом аль-Бауанди создали в 1934 г.

Возвращение шейха

расширения в Тунисе школьного образования европейского типа⁴⁰³, в том числе против обучения девочек иностранным языкам. Повели наступление на представителей интеллигенции, пытавшихся развивать идеи Тахера Хаддада, ратовали в пользу женского затворничества и т.п. Это давало дополнительные аргументы Бургибе, который на встречах с ответственными лицами во Франции старался их убедить, что лучше им договариваться с Новым Дустуром, нежели допустить, чтобы национальное движение ушло в руки обскурантистов.

Неизвестно, кому из французского начальства пришла в голову мысль посодействовать приезду Таальби, которому в 1923 г. Люсьен Сэн якобы оплатил билет в один конец; гуляли такие кривотолки. Во всяком случае, без санкции Кэ д'Орсэ и Генерального резидента ему трудно было бы вернуться после четырнадцатилетнего отсутствия. Подданные Его Высочества бея легально путешествовали с паспортом «protégé français», и нечто вроде тунисской въездной визы должны были получать в посольствах метрополии за границей, например в Каире, где шейх Таальби в июне 1937 г. и принял соответствующее предложение, даже не разрешение, которого давно и безуспешно домогался.

Для многих, кто встречал его 8 июля того же года на набережной в гавани Ла Гулетт, он был воспоминанием молодости – о прочитанной когда-то книге «Тунис-мученик», о демонстрациях во главе с Таальби и его портретах, которые висели в красном углу дустуровских ячеек все эти годы его «самоизгнания». Сейчас ему самому уже было за шестьдесят, и он чувствовал себя действительно шейхом, авторитетным деятелем международ-

«Ассоциацию за сохранение и распространение Корана в Тунисе»; они открывали при мечетях новые школы, проводили «коранические диктанты» и т. п. В унисон их изданиям стародустуровская печать ратовала за умеренную модернизацию религиозного образования и его всемерное развитие, опасаясь, что распространение французских школ будет способствовать нашествию западной морали. Между тем в числе руководителей алжирских «улемов-реформаторов», превратившихся в крупную политическую силу, блистал Ахмед Тауфик аль-Мадани, в прошлом один из отцов-основателей Дустура. В начале 1935 г., он получил разрешение приехать «по семейным обстоятельствам» в Тунис, уроженцем которого являлся, опубликовал здесь брошюру на тему о мусульманском возрождении и немедленно возобновил контакты с бывшими соратниками. (См.: Иванов Н.А. Указ соч., с. 181-182; Julien Ch.-A. Op. cit., p. 103).

⁴⁰³ В программу Народного фронта входила ликвидация неграмотности.

ного панарабского движения. И уже мало напоминал того молодого человека, который посещал когда-то социалистические кружки в Тунисе, издавал книгу «L'Esprit libéral du Coran» с посвящением французскому сенатору от левого блока – г-ну Валлэ, прибавившему текст своей благодарности к этой книге, не имеющей, как и «La Tunisie martyre», арабского оригинала и не известной, в какой мере принадлежащей перу Таальби⁴⁰⁴. Этот грузный, располневший человек мало походил и на энергичного тунисца средних лет, ищущего связи во Франции, где с ним встречались депутаты от оппозиции времен Парижской мирной конференции, и которого неожиданная слава «мученика за правое дело» вознесла над всеми другими основателями партии Дустур, навсегда обеспечив ему звонкий титул «за'им». Но мало кто мог угадать в тот день, когда народ высыпал вождю навстречу, что через месяц другой в его сторону полетят гнилые помидоры, улюлюканья и свисты, а также обвинения, дескать, он и его приспешники – «старые тюрбаны» и «неома рабуты», что было не совсем справедливо. А в противную сторону полетели столь же несправедливые слова: «безумцы» и «предатели».

На первых порах замысел Таальби состоял в том, чтобы выступить арбитром между двумя Дустурами. А «néos», со своей стороны, сделали вид, что его приезд – осуществление самых их заветных чаяний, хотя накануне Бургиба твердо заявил, что он «будет идти своим путем с ним... или без него»⁴⁰⁵. Некоторые члены политбюро испытывали неподдельную радость, смешанную с расчетом. Так, на странице мемуаров Махмуда Матри, названной «Возвращение Таальби», можно прочитать: «В конце июня 1937 г. мы узнали, что шейху Абдельазизу Таальби разрешено вернуться в Тунис. Лично я был счастлив. Не видел его со времени моего первого отъезда во Францию в 1918 г., а знал старого лидера еще в своем детстве, когда Таальби посещал кружок старых тунисских националистов (младотунисцев – М.В.), которые почти каждый день собирались в лавке одного из моих дядьев, шейха Амара аль-Матри, на Сук аль-Берка. Его там можно было встретить в компании Бушуши, братьев Баш Хамба, М. Джайби, Б. Фурати и самого младшего из них, Садока Змерли. Старый Дустур не проявлял энтузиазма по поводу возможности лицеизреть своего вернувшегося создателя... Мы

решили воспользоваться этим обстоятельством, чтобы привлечь Таальби к нам и послали Салаха Бен Юсефа вместе с молодым сыном шейха встречать его еще в Марселе. По прибытии в порт Туниса он был встречен членами политбюро (Нового Дустура – М.В.) во главе большой толпы, среди которой Старый Дустур блистательно отсутствовал...»⁴⁰⁶.

Первым на палубу парохода поднялся д-р Матри и зачитал приветствие. Дети в национальных костюмах, букетики жасмина, раскаты характерных арабских криков одобрения, несущихся от женской толпы, сливаясь в сплошное «юу-юу», – все это создавало картину ликующей Родины. Однако Таальби впоследствии жаловался властям, что «бригады Бургибы» поджидали его – «отца национального возрождения» (как это было только что оглашено в приветствии) внизу у сходней и не позволили ему приблизиться к народу. «Дав ему отдохнуть несколько дней, чтобы он смог принять у себя дома всех своих друзей, включая руководителей и членов Старого Дустура, мы организовали в его честь многолюдный митинг в Гамбетта-парке, где он произнес замечательную речь, одновременно твердую и умеренную. Он мог дать себе, таким образом, отчет в силе нашей партии и в том, что она пользуется доверием населения. Это не мешало ему сетовать на раскол и желать восстановления национального единства. Я был почти готов разделить с ним это мнение, но ощущал большую сдержанность своих товарищей по политбюро, особенно со стороны Бургибы»⁴⁰⁷.

В течение почти целого месяца между 8 июля и 5 августа царила неопределенность. Арабская пресса Туниса расточала восторги в связи с тем, что повидаться с Таальби прибыл из Алжира лично Бен Бадис, председатель Ассоциации улемов-реформаторов, который там был уже почти за святого. Докладывала о том, как умудренно беседовали между собой эти «столпы и прибежища полумесяца»⁴⁰⁸. Тем временем д-р Матри дал в честь Таальби у себя домашний обед. «Дискуссия прошла в атмосфере безупречной куртуазности, и я находился под впечатлением, провожая своих гостей, что согласие вот-вот будет достигнуто»⁴⁰⁹. После этого Матри уехал с женой отдыхать во Францию и вернулся только в конце сентября.

⁴⁰⁴ Bendana K. Les ouvrages de Taalbi, entre évidences et mystères de sa biographie «Rawafid». Revue de l'Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National, № 1, 1999-2000, Tunis, p. 99.

⁴⁰⁵ Garas F. Op. cit., p. 112.

⁴⁰⁶ El Materi. Op. cit., p. 128.

⁴⁰⁷ Ibid., p. 128.

⁴⁰⁸ Иванов Н. А. Указ. соч., с. 287.

⁴⁰⁹ El Materi M. Op. cit., p. 128.

Махмуд Матри, первый председатель Нового Дустура

Среди гостей, отобедавших в компании с Таальби, были все члены политбюро, сфотографировавшиеся на память с шейхом, который держал на руках дочку хозяина. На самом деле он очутился меж двух огней. Бургиба вряд ли готовился уступить ему первенство. Исполнительная комиссия Старого Дустура, в свою очередь, разделилась. Самым горячим сторонником воссоединения дустуровских рядов выступал Мохиддин Клиби, он имел общую договоренность на этот счет с д-ром Матри еще в Габесе, где они вместе заканчивали ссылку. Самым твердым противником консен-

суса являлся Шедли Халлади, который заявил, что «сотрудничать с политиками, алчущими лишь дутой славы – бессмысленно»⁴¹⁰. Салах Фархат колебался, но тоже не спешил объединять усилия с «коллаборационистами», готовыми пойти на уступки Франции. Тем не менее, шейх Таальби сумел собрать 21 июля у себя дома (он поселился в Ла Гулетте) представителей альтернативных руководящих органов: политбюро Нового Дустура и исполкома Старого Дустура. 5 августа в тунисской печати было опубликовано их совместное коммюнике.

Для подготовки объединения «двух Дустуров» была создана согласительная комиссия из пяти человек под председательством Таальби⁴¹¹, и в газетах появлялись групповые фотографии улыбающихся руководителей обеих партий. Но в конце августа переговоры были прерваны. Таальби и Бургиба скрестили шпаги не в столице, а в провинции. Оба предприняли агитационные турне. На полуострове Кап-Бон (Рас эт-Тиб) шейха встретил радостный прием, и он, недолго думая, отправился напрямик через Хаммамет в Сахель, где его ждала неудача. Здесь-то он и получил град камней, залежавшихся помидоров и прозвище «Томатный шейх». В окрестности Кайруна, где Бургиба уже успел посетить кочевников *злазз*⁴¹², Таальби схать не решился. Двинулся на север, и поступил неосмотрительно.

Пренебрежительный сюрприз ждал его 25 сентября в городке Матир на северо-востоке страны (нижняя долина р. Меджерда), в районе, который считался зоной традиционного влияния Старого Дустура. Здесь путь Таальби преградили рабочие дружины и охранные отряды, приведенные из Бизерты, Сук эль-Хемиса и Беджи самыми задиристыми членами руководства партии Новый Дустур – Хеди Нуирой, начинающим адвокатом, и Хабибом Бугетфой, участником Ксар-Хелляльского съезда. Автомобиль

⁴¹⁰ *El Mechat S. Op. cit.*, p. 152.

⁴¹¹ Кроме председателя, в нее вошли Тахар Сфар и Слиман Бен Слиман, Салах Фархат и Али Бухаджеб.

⁴¹² Уточним, что это были скотоводы-полукочевники. Они заседали свои скудные поля то на меньшей, то на большей площади, а в самые засушливые годы почти совсем не сеяли. Описывая поездку к ним, Бен Слиман, сопровождавший Бургибу, пишет, что тот вел машину часа четыре подряд и далеко за полночь попросил спутника не спать, а сам немного отдохнул, и затем они снова двинулись в путь. Под утро прибыли на место, дождались рассвета на постоялом дворе и принялись за работу. Им помогал Садок Хамида, популярный народный оратор, «партия возлагала на него большие надежды по работе в деревне» (*Ben Sliman S. Op. cit.*, p. 102).

Новый Дустур и французские социалисты

шейха был перевернут, началась невообразимая потасовка. Аналогичные события повторились в Ферривиле и Бедже. В начале октября шейх Таальби сдался и прекратил свои турне.

Члены политбюро Нового Дустура и другие с шейхом Таальби (слева от него на снимке Хабиб Бургиба)

Строго говоря, «néos» действовали не совсем честным образом: в война двух Дустуров уже принесла первые жертвы, один член Старого Дустура в драке был убит, 14 человек получили ранения. Газеты «*cathédre*» после этого печального события вышли с карикатурой, на которой изображались д-р Матри и Бургиба с окровавленными ладонями. Правда, сатирическим пером дела было не поправить. «Живую легенду» вконец дискредитировало то, что ему пришлось прятаться за спину французской полиции. Такого нигде не любят... Но главное сражение было выиграно все же не в рукопашной, а на митингах. Шейх Абдельазиз Таальби произвел огромное впечатление. Он говорил красивой арабской речью, гортанной и певучей, которую в деревне, однако, мало кто понимал. Бургиба, который уже привыкли слушать, говорил глуховатым «тунисским» языком, с се- хельским акцентом, зато каждое слово было понятно. Да и сам он был

Возвращение шейха

«свой»... Портреты лидеров менялись местами, хотя по существу они рассуждали иногда об одном и том же, правда, с некоторыми нюансами.

Центральной проблемой дискуссии на данном этапе служил «план Вьено», впервые выдвинувший ту идею, о которую в дальнейшем – с продолжением после второй мировой войны – будут биться националисты, и не только в Тунисе. Пьер Вьено предлагал для Северной Африки, прежде всего для протекторатов, решение, которое заключалось в несколько двусмысленном понятии «*co-souveraineté*», подменявшем вопрос о независимости, обещанной в 1936 г. самим Вьено от имени Кэ д'Орсе подмандатным территориям (Ливану и Сирии). Старый Дустур категорически был против такого плана и с самого начала занял оппозицию к правительству Народного фронта. С этим в итоге полностью солидаризировался Таальби.

Уповая на свой международный авторитет, который, наверное, переоценивался его поклонниками и самим шейхом, он сконцентрировался на религиозной компоненте «арабо-исламского» национального самосознания и сделал ее коньком своей агитации. При этом после своих странствий по Востоку, длившихся 14 лет, плохо еще ориентировался в тех изменениях, что претерпели за время его отсутствия раздвоенное теперь дустуровское движение, основателем которого он считался, да и само тунисское общество.

Еще только пробуя ипостась независимого арбитра, витающего над разногласиями двух партий, он подчеркнул 25 июля 1937 г. в обращении к молодежи: «Мы продали наши души врагу... Только вера может нас спасти. Она сделает нас могучими, негибкими. Молодые мусульмане должны вновь ее обрести, она сделает их стойкими воинами Ислама». Этот призыв 28 июля опубликовали газеты «*Ирада*» и «*La Charte Tunisienne*». В следующие дни и месяцы он все больше старался представить себя потенциальным вождем национального движения не только Туниса, но и всего Магриба, рекламируя поддержку, которой пользуется со стороны египетских политических кругов и лидеров панисламизма.

Не оставил его своей заботой великий муфтий Иерусалима. В октябре 1937 г. Амин аль-Хусейни публично обратился с письмом к Таальби, возмущая его как неустанного «защитника исламского единства»⁴¹³. Однако, понеся поражение в словесных ристалищах с Бургибой, шейх был вынужден смириться с более скромной ролью почетного главы и консультанта

⁴¹³ El Mechat S. Op. cit., p. 153-154.

та партии «archéos», которая окончательно приняла его в свои объятия⁴¹⁴.

Отсюда вытекали два неизбежных последствия. Первое, в самом Старом Дустуре стала проигрывать «светская партия», уступив место, условно говоря, «религиозной», получившей в приданое те самые заграничные связи Таальби, которыми он гордился. Второе, после успешного выхода «néos» из своего рода «войны алой и белой розы» обострилось взаимное недовольство членов политбюро, вынесенное ими еще из сахарской ссылки. Как результат, Бургиба оказался в положении, между прочим, знакомом по советской истории, когда Генеральный секретарь попадал в некоторую изоляцию в ЦК КПСС и опирался на секретарей обкомов. В данной коллизии это было, с одной стороны, политбюро Нового Дустура, высший исполнительный орган партии, где расклад сил наметился в соотношении 3:2 в ущерб генеральному секретарю – формально второму, а фактически первому лицу в партийной иерархии (и *primus inter pares* в команде соучредителей), с другой, – большинство руководителей районных секций партии на местах. Они же, как правило, члены Национального Совета партии (*аль-маджлис аль-миллий*) или участники его расширенных пленумов. На этих людей генеральный секретарь и опирался, вынужденный учитывать и подстраиваться под их настроения, подчас более радикальные, чем в политбюро, в том числе и у самого Бургибы⁴¹⁵.

Одновременно нарастала напряженность в отношениях лидеров Нового Дустура с их друзьями-социалистами. Вину за это д-р Матри возла-

⁴¹⁴ В своих выступлениях, которые перепечатывала стародустуровская пресса, Таальби характеризовал Бургибу как предателя и отступника, который союзу с мусульманскими братьями предпочел союз с французскими колонизаторами. Не оставался в долгу и Бургиба, называя конкурента «марабутом». Обрадованные затеявшейся сварой, «archéos» подпевали шейху, обыгрывая даже физические достоинства и недостатки соревнующихся, в том числе их рост и полноту. Так, «La Charte Tunisienne» писала в стиле спортивного репортажа, что ее фаворит превосходит своего противника морально и физически, в длину и ширину «она на несколько локтей» (Цит. по: Иванов Н.А. Указ. соч., с. 289).

⁴¹⁵ Д-р Матри вспоминает, что по возвращении в сентябре из Франции он застал воспаленные умы. «Я пытался их обуздать, находя понимание со стороны Тахара Сфара, Шедли Шакера и, в известной степени, Бахри Гиги. Зато другие (Бургиба, Бен Юсеф, Бен Слимман, Хеди Нуира, Бельхаван, Монжи Слим, Махмуд Бургиба, Бугетфа и т.д...) буквально сорвались с цепи». В другом варианте текста, первый черновик, автор пишет: такое неистовство (*frénésie*) «означало, что партия еще не преуспела в своей реорганизации» (*El Materi M. Op. cit.*, p.132).

гал на Бургибу, усматривая корень зла (даже под ретроспективным углом зрения) в той отрицательной черте характера своего товарища, которую он мягко называл неосторожностью. Особенно запомнился ему один эпизод, относящийся к осени 1937 г., о котором он пишет, предварительно отметив, что те люди, которые были на их стороне во время борьбы с Пейрутоном, стали проявлять холодность:

«Дюран-Анливьер, д-р Коэн Хадрия и Серж Моатти дистанцировались от нас. Только месье А. Фише, ответственный в “Tunis Socialiste” за рубрику “Открытое окно”, и его очаровательная супруга Эва Нозэлль проявляли к нам прежнюю симпатию. Она все старалась не пропустить любую оказию, чтобы мы смогли разъяснить свою позицию французам, которые были проездом в Тунисе. Однажды она нам устроила встречу на своей квартире в доме на rue de la Loire [rue Eve Nohelle]⁴¹⁶ с молодым профессором права из Алжирского университета, неким месье Буске. Пришли на эту встречу Тахар Сфар, Хабиб Бургиба и я... С самого начала у нас возникло чувство, что перед нами упертый человек, настроенный отнюдь не на то, чтобы понять собеседника, а выложить перед ним свои раз и навсегда принятые взгляды. Разговор вскоре перешел на повышенные тона. В один прекрасный миг, исчерпав свои аргументы, он заявил Хабибу Бургибе: “Если бы вы получили должность каида, меньше бы стали показывать неблагодарность к Франции”. Услышав эти глупые слова, Бургиба побагровел и кинулся на дерзилу-профессора. Через несколько секунд волосы стали у обоих дыбом, полетели в стороны оторванные галстуки и клочья растерзанных сорочек. Нам, месье Фише, Тахару Сфару и мне, едва удалось разнять антагонистов... Конечно, у Бургибы было в тот день из-за чего впасть во гнев, но столь бурная реакция показывала, что его нервное возбуждение достигло пароксизма. Это не могло меня не озаботить... близился конгресс Нового Дустура»⁴¹⁷.

Решения к нему были уже подготовлены. В частности, речь шла о проекте развернутого внутреннего устава партии. Вопрос о слиянии двух партий, дебатировавшийся летом, стал уже не актуальным. Однако заочная полемика с деятелями Старого Дустура, которые обвиняли Бургибу в предательстве национальных идеалов, заняла свое место в пространной речи

⁴¹⁶ В квадратных скобках вставка издателя мемуаров, указавшего современное название улицы.

⁴¹⁷ *El Materi M. Op. cit.*, p. 134.

генерального секретаря на II съезде партии, где он отметил: «Наши противники упрекают нас в том, что мы признаем протекторат в качестве режима совместного суверенитета (*un régime de co-souveraineté*). И пользуются они при этом арабским выражением “*siada mouzdaouja*”⁴¹⁸, выражающим идею смешения двух суверенитетов, французского и тунисского, а точнее сказать, — комбинации напололам французского и тунисского суверенитетов...». Но совсем не это, доказывал Бургиба, хочет сказать Новый Дустур. Напротив, газета «*L’Action Tunisienne*» в номере за 23 мая 1937 г. подчеркивала (далее он цитирует): «Не надо забывать, что Тунис — страна “совместного суверенитета”. И это предполагает, что Тунис обладает отдельной государственностью, которая имеет собственное бытие, свои prerogatives и свое поле деятельности, очерченное договорами». Но сегодня, продолжал свое выступление Бургиба, «когда тунисская государственность превратилась в миф (выше он говорил «фантом» — *M.B.*), когда публицисты, юристы, консулы и политики желают покончить с этим обременительным и бесполезным мифом, когда они провозглашают, что “Тунис — французская земля и навсегда французская”, отнюдь не вредно напомнить о договоре, который хотя бы формально признавал тунисскую государственность»⁴¹⁹.

⁴¹⁸ «*zayadj*» означает «брак, супружество», а также «скрещивание»; «*mutazayadj*» (диал.: «*муздауж*») — «женатый, семейный». Бургиба имел в виду семантическое различие, возникающее при переводе с французского.

⁴¹⁹ Bourguiba H. La Tunisie et la France... p. 130.

Разрыв времен.

«Мятеж» 9 апреля 1938 г.

Трагической страницей в истории национального движения Туниса послужили события 9 апреля 1938 г., ставшие здесь своим «кровавым воскресеньем». Последовавшие за тем аресты временно обезглавили Новый Дустур, основные руководители которого, включая Бургибу, надолго оказались за тюремной решеткой. На пороге уже была вторая мировая война, лишь после окончания которой возобновилась полнокровная деятельность политических партий и профсоюзных организаций, будет несколько ослаблено давление цензуры на национальную прессу.

Ныне 9 апреля отмечается в Тунисе как день памяти о героях, павших за освобождение Родины. В официальной партийной литературе Нового Дустура эта историческая дата заняла место отправной точки так называемого второго испытания, или пробы сил. А 67 лет тому назад, в тот горестный апрельский день, Бургиба говорил о «пессимистическом огне», жгущем сердца людей, идущих на безнадежную битву, и одновременно выражал надежду на успех. Иного мнения придерживались оппоненты. Незадолго до «мятежа» — ведь так, а не иначе французские власти квалифицировали апрельские события — одна из газет Старого Дустура вышла со статьей под заголовком «*Le bateau ivre du Néo-Destour*»⁴²⁰, предупреждавшим своей реминисценцией: команда Бургибы — «Корабль дураков», несущийся по волнам на гибельные рифы⁴²¹. Отрицательно оценили его плавание и участники антифашистского блока в Тунисе...

Чтобы вкратце осветить причины разыгравшейся драмы, возвратимся на несколько месяцев назад. Убедившись в иллюзорности надежд на обещания правительства Народного Фронта, партийные руководители, стоявшие на стороне Бургибы, стали еще в 1937 г. делать упор на развертывание забастовочного движения. В начале следующего года под давлением Бургибы на пост главы ВКТТ был проведен его ставленник Хеди Нуира, представитель политбюро Нового Дустура [24]. Это решение, как и само воссоздание «мусульманского профцентра», левые деятели Туниса

⁴²⁰ Julien Ch.-A. Op. cit., p. 136.

⁴²¹ Статья в газете «*La Charte*» принадлежала Абд аль-Хакку (Шедли Халлади).

сочли прискорбным⁴²²; хотя в их заявлениях резко осуждались действия полиции, жертвой которых стали погибшие рабочие-туниисцы.

На митингах, которые проводились агитаторами Нового Дустура, вновь зазвучали призывы к бойкоту французских товаров и неуплате налогов, к отказу от рекрутской повинности⁴²³. Однако попытки переговоров с представителями правящих кругов и общественности метрополии все еще продолжались. Бургиба, д-р Матри, Бахри Гига и другие члены руководства партии выезжали в Париж, там их тепло принимали. Хотя доверительные беседы зачастую носили частный характер, в лучшем случае – полуофициальный. Что касается Бургибы, то он посещал Францию в феврале и октябре 1937 г., перед последним отъездом заявил: «Мы будем бороться

⁴²² В Тунисе, как и во Франции, произошло воссоединение ВКТ и УВКТ, которыми руководили, соответственно, социалисты и коммунисты. С весны 1936 г. существовала «новая» ВКТ. Ее департаментское объединение в Тунисе насчитывало в тот год 92 профсоюза и 19 тыс. членов (Иванов Н. А. Указ. соч., с. 205). Вскоре количество профсоюзов ДО ВКТ увеличилось до 107, а членство в них возросло до 30-40 тыс., из них 3/4 составляли туниисцы (Bessis J. Le mouvement ouvrier tunisien de ses origines à l'indépendance, «Le Mouvement social», oct.-déc. 1974, p. 94). Между тем Новый Дустур, писал об этом времени Поль Себа, отражая мнение ТКП, «берет на себя достойную сожаления инициативу возрождения (в 1937 г. – М.В.) Всеобщей конфедерации труда Туниса, хотя поводов, вызвавших ее появление в 1924 г., теперь уже не существовало» (Себа П. Указ. соч., с. 243).

⁴²³ Вооруженные силы, расквартированные в Тунисе, состояли из соединений французских и колониальных войск, а также из войсковых частей, укомплектованных частично или полностью туниисцами. Согласно «закону о наборе» от 12 января 1892 г., туниисцы отбывали трехлетнюю воинскую повинность. От нее были освобождены лица, имеющие диплом об образовании в объеме начальной школы и выше (имеется в виду государственная школа французского образца), студенты аз-Зейтуны, евреи и жители столицы. Что касается тех, на кого распространялось действие закона, то отбывание воинской повинности определялось жеребьевкой. Однако рекруты могли избежать службы, уплатив «цену замены». В итоге военную обязанность приходилось нести представителям самых бедных слоев мусульманского населения. В мирное время власти лишь частично прибегали к «закону о наборе», воспроизводившему порядок формирования бейской армии доколониальной эпохи. В 1914-1918 гг. его применение, напротив, ужесточилось, при чем откуп возрос в денежном выражении, а затем отменен. В предвоенной обстановке конца тридцатых проводилась расширенная мобилизация рекрутов. (О законе, регулировавшем воинскую повинность в Тунисе, см.: Себа П. Указ. соч., с. 217; Mahjoubi A. Op. cit., p. 184).

против всякого фанатизма. Как против фанатизма старых марабутов, так и против фанатизма привилегированных»⁴²⁴. Вместе с тем заверял, что готов на сотрудничество со всеми, кто готов протянуть туниисскому народу руку.

Демонстрация в Тунисе 8 апреля 1938 года
(на первом плане женщины под чадрой)

В Париже он был приглашен на встречу с группой марокканцев во главе с Балафреджем, который предложил обсудить общую обстановку в Магрибе и возможность согласованных действий. Это совещание 12 октября лишнее раз показало, что лидеры НПР и Нового Дустура стоят на разных позициях. Завязавший контакты с абвером, генеральный секретарь НПР старался склонить собеседника к мысли, что «Италия поможет», а тот отвечал, что ее заигрывание с исламом преследует корыстную цель; и с такой помощью Тунис может потерять статус протектората и превратиться в колонию. «При нынешнем положении вещей в Тунисе и Марокко, – сказал он, – мы должны остерегаться любого иностранного вмешательства. Мы сможем добиться независимости собственными средствами... путем дого-

⁴²⁴ Garas F. Op. cit., p. 115.

вора об альянсе с Францией в различных сферах. Мы надеемся, по крайней мере, достичь таких результатов в Тунисе»⁴²⁵. Но его надежду уже точили сомнения. После разговора с Гийоном (в том же октябре в Париже) он писал: «Народный фронт в Тунисе, как и во Франции, напугал обладающих силой денег, но не сумел их обезоружить... зато обманул своих друзей»⁴²⁶.

Для сомнений Бургибы, да и других активистов партии в искренности намерений Франции имелись основания. С самого начала деятельности правительства Народного фронта его программа, если не считать Сирии с Ливаном, не предусматривала решения национально-колониального вопроса. Потеря Северной Африки – поселенческой колонии тем более не рассматривалась. Все ограничивалось частными инициативами и заявлениями, вроде слов, произнесенных Вьено в июле 1936 г. на официальном завтраке, проходившем в кругу ученых-арабистов: «Мы должны быть созидателями освобождения, которое отныне должно происходить под нашей опекой, но с пользой для нас»⁴²⁷. (Этой фразы – не более, чем цитаты из старого высказывания маршала Лиотэ, архитектора французского протектората в Марокко, было достаточно чтобы вызвать негодование газеты колонистов «La Tunisie Française»).

В феврале 1937 г. правительство Леона Блюма объявило «паузу» в проведении социальных мероприятий, а летом (21 июня) его первый коалиционный кабинет ушел в отставку. Тем временем Генеральный резидент в Тунисе – Арман Гийон, вопреки собственным либеральным взглядам, шел на поводу у колониальных сеньоров (*grépondérants*), которые восприняли формирование правительства Народного фронта «как предвестие космической катастрофы», а Пьера Вьено – «как антихриста»⁴²⁸.

В открытом письме на имя Генерального резидента прозвучала рекомендация Робера Венка, председателя Французской сельскохозяйственной палаты Туниса, защитить всех французских земледельцев, чьи интересы он представляет, не обращать внимания на «лживые» парижские декларации, ограничить пропаганду профсоюзных организаций и Дустура, натравливающую арабских рабочих на их работодателей. В заключение автор почти угрожал: «Если энергичные и быстрые меры не будут приняты, то прольется кровь. И я буду считать Вас виновным» (Газета «Colon Français» 23 января 1937 г.). Несмотря на отно-

⁴²⁵ Ageron Ch.-R. Une conversation entre Bourguiba et trois leaders nationalistes maghrébins – 12 octobre 1937, «Revue d'Histoire maghrébine», Tunis, № 15-16, 1979, p. 141-146.

⁴²⁶ Цит. по: Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 81.

⁴²⁷ Berque J. Le Maghreb entre deux guerres. Paris: Seuil, 1962, p. 279.

⁴²⁸ Julien Ch.-A. Op. cit., p. 129.

ведь, которую ему дал в печати Арман Гийон, посоветовав рассмотреть вместе с профсоюзами условия жизни и оплаты сельскохозяйственных рабочих, через несколько недель Венек был под овацией переизбран на свой пост⁴²⁹.

В довершение ко всему, за визитом Вьено в Тунис, где он 1 марта 1937 г. выступил по радио, посулив широкие реформы, последовали кровавые инциденты с разгоном забастовщиков-шахтеров в поселках Мдилла и Метлави на юге Туниса. (Горняков, сгрудившихся около оружейного склада охраны предприятия Les Phosphates de Gafsa, заподозрили в худших намерениях). Тем самым впервые – события произошли 4 марта – было нарушено относительное спокойствие, наблюдавшееся в регентстве около девяти месяцев.

В новый кабинет Камилла Шотана (июнь 1937 – март 1938), который еще опирался на Народный фронт, отступая от его программы, Пьер Вьено не вошел. Другой ставленник Блюма, сохранивший за собой пост генерального секретаря Высшего средиземноморского комитета по Северной Африке, речь идет о Ш.-А. Жюльене, имел всего лишь prerogative сбора и анализа информации, но не принятия решений. Состоявшийся в Марселе 34-й съезд СФИО (июль 1937 г.) занял крайне сдержанную позицию в отношении национального движения. В стенах французского парламента все громче звучали голоса депутатов от Северной Африки, требовавших жестких мер в защиту интересов европейских колонистов.

Не удивительно, что Бургиба, который считал отставку Вьено дурным знаком, начал говорить о том, что партия забирает свой «авансированный кредит доверия» правительству метрополии, но в противовес этому продолжал подчеркивать ее доверие к местному губернатору, на самом деле не веря в его возможности. Со своей стороны «grépondérants», недовольные мягкотелым Гийоном, полагались не столько на штатского хозяина «Дома Франции», сколько на главнокомандующего войсками в Тунисе – Шарля Анота, под началом которого находился многотысячный армейский корпус, а фактически и полиция. (Под конец так и случится, что Гийон в кризисной ситуации уступит бразды правления генералам).

Из этой своей поездки в Париж, имевший нулевой результат, Бургиба вернулся крайне раздраженным, в МИДе ему на сей раз не открылись двери. На месте Вьено сидел другой человек – Альбер Сарро, бывший генерал-губернатор Индокитая, видный деятель радикал-социалистической

⁴²⁹ Иванов Н. А. Указ. соч., с. 229; Kassab A. Op. cit., p. 423.

партии, который занимал ранее пост министра колоний и другие ключевые посты в правительстве, в том числе и премьерское кресло. Все усилия Бургибы получить встречу с ним оказались напрасными, несмотря на старание помочь в этом деле Мухаммеда Шеника, в чьем присутствии уязвленный генеральный секретарь Нового Дустура якобы поклялся, что покажет Сарро и компании «где раки зимуют»⁴³⁰.

В сгушавшейся политической атмосфере партия готовилась к проведению II съезда, который начался 30 октября 1937 г. и шел четыре дня. На нем предполагалось обсудить ситуацию, сложившуюся после возвращения в Тунис шейха Таальби и его неудачной попытки восстановить единство Дустура. Однако главное место в повестке дня заняла не эта проблема, к осени уже потерявшая свою остроту, а определение отношения партии, во-первых, к правительству Народного фронта и, во-вторых, к лозунгу независимости. Мнения делегатов по обоим вопросам заранее разделились. Поэтому положение Бургибы, выступавшего с основным докладом, было крайне сложным.

Доклад, опубликованный по окончании съезда в «L'Action Tunisienne» (номер за 6 ноября), содержал несколько разделов, центральный из них шел под названием «Наше сотрудничество с правительством».

Приступая к этому разделу, Бургиба начал со слов: «До меня дошло, что некоторые делегаты хотят, чтобы партия прекратила свое сотрудничество с правительством и вернулась в оппозицию. Я считаю, что эта тенденция – если она существует – следствие поверхностного восприятия действительности... Ведь есть «сотрудничество и сотрудничество». Важно не слово а его содержание. Сотрудничество, предложенное первым правительством Народного фронта, и в первую очередь г-ном Вьено, подразумевало «эффективное участие самого тунисского народа в управлении общественной жизнью» и, следовательно, открывало перспективу поэтапного движения народа на пути к освобождению, с опорой на Францию. Поэтому-то привилегированная верхушка режима столь яростно атаковала подобные предложения...».

После краткого экскурса в историю вопроса Бургиба заявил, что он лично всегда был категорически против позиции «все или ничего», а также разоблачил инсинуации «старых дустуровцев», которые первыми «расценили наше отношение к Генеральному резиденту (А. Гийону – *M.B.*) как форму коллаборационизма». В этой связи он отметил: «Франция в лице

⁴³⁰ *El Materi M. Op. cit., p. 133.*

г-на Гийона перестала видеть в нас подстрекателей и врагов... Следовало ли нам ответить на это отказом, драпируясь в тогу непримиримости, тем самым играя на руку эксплуататорам народа?» Ведь им только того и надо, продолжал докладчик, чтобы трубить затем об «арабской опасности» или о том, что их хотят «сбросить в море».

Он также отметил, что параллельно с контактами, которые «мы поддерживали с представителями демократической Франции... велась фундаментальная работа по воспитанию и организации масс путем методической пропаганды... Колониализм прекрасно знает, что силу ему придает невежество, чувство обреченности его жертв, их неорганизованность...

Я говорю и повторяю, что дустуровская идея – это форма франко-тунисского сотрудничества в духе договоров. В тот день, когда Франция благодаря нашей деятельности, признает эту формулу, она найдет нас готовыми взять на себя ответственность и разделить с нею тяжкое бремя власти...

Сегодня мы не ищем другой судьбы и другого счастья, кроме полной опасностей судьбы бойца. С риском для собственной жизни мы расчищаем путь перед теми, которые придут после нас, перед теми, кому и будет суждено взять в свои руки власть. Горы предрассудков еще преграждают путь к подлинно искреннему сотрудничеству между Францией и тунисским народом. Могущественные интересы этому противостоят. Чтобы рассеять первые и нейтрализовать вторые, требуется время и мужество».

Нагнетая патетику своей речи, Бургиба далее говорил: «Человек, ныне обращающийся к вам, наверняка ближе стоит к концентрационным лагерям, чем к власти, ближе к Габону или Гвиане, чем ко дворцу Дар Эль-Бей. О! Не сомневайтесь, это меня не заставит сдать, напротив, из всего, что я сию минуту сказал, вытекает: я сделал мало по сравнению с тем, что остается сделать, и я должен удвоить свои усилия чтобы преодолеть все препятствия, которые еще лежат на пути к плодотворному сотрудничеству между Францией и нами»⁴³¹.

Переходя затем к следующему вопросу, оратор заявил: «Лично я понимаю, что народ, живущий под иномземным гнетом, может испытывать стремление к полноценной независимости. Но подобное стремление – не единственная данность тунисской проблемы. Есть множество других, которые было бы преступно не принимать во внимание, выбирая путь, каким идти, и его главное направление». Среди этих данностей, уточнял Бургиба,

⁴³¹ *Bourguiba H. La Tunisie et la France..., p. 131-137.*

географическое положение Туниса и аппетиты, которые он возбуждает. «Нельзя не надо бояться называть вещи своими именами. В столь важном деле надо смотреть правде в глаза и хладнокровно предвидеть все варианты развития событий. Можно вообразить независимость Туниса, добытую ценой резкого разрыва с Францией, в итоге победоносного восстания... Я говорю о восстании лишь гипотетически, поскольку при настоящем положении дел оно почти наверняка обречено на поражение, которое закончится ужасающей бойней. Что до надежд на получение нами независимости в результате европейской войны, в которой Франция потерпит поражение, то это, я полагаю, — смешно. Даже, если представить себе такое, не надо быть пророком чтобы предсказать, что Тунис, лишенный французской поддержки, попадет в хищные когти другой державы; и все нужно будет начинать сначала...

Но и опасности, исходящие изнутри, не менее реальны. Ведь, если допустить невероятное — Тунис вдруг обретает независимость одним из двух способов, о которых говорилось выше, и вдобавок окружен со всех сторон не только мирными, но и филантропическими державами... верите ли вы, что он сможет управлять сам собой. Где она, команда, способная, не нанося ущерб стране, взяться за рычаги управления и в одночасье заменить собой команду, которая вот уже полвека ревниво удерживает власть и в ней привыкла? Ибо осуществление власти в современных обществах, и особенно в демократических обществах, не терпит ни эмпиризма, ни наплевистости. Оно предполагает не только политическую зрелость и экономическую организацию, от каких мы еще далеко, но в особенности — умение владеть техникой управления государством, умение, которое тунисская элита, вот уже полвека систематически оттесняемая от сферы управления, утратила. Однако! Следует ли из всего этого вывод, что надо оставить надежды на будущее и смириться с вечным рабством? Ни в коей мере... И цитируя из наших противников не вправе сказать, что в нашей непосредственной пропаганде мы подготавливаем тунисские массы к тому чтобы они склонились перед рабской долей, приняли ее как неизменное и вечное состояние...»⁴³²

Результатом острой дискуссии на II съезде Нового Дустура стало половинчатое решение. В констатирующей части резолюции по общеполитическим вопросам было записано, во-первых, что курс на переговоры с правительством Народного фронта являлся оправданным, поскольку кабинет Леона Блюма «подавал знаки либеральных намерений в отношении на-

⁴³² Ibid., p. 138-141.

родов Северной Африки»; во-вторых, что «нынешнее правительство (кабинет Шотана — М.В.) демонстрирует своими конкретными шагами желание вернуться к старым ошибкам силовой политики и запугивания, которые были осуждены прежним кабинетом», в-третьих, что новые негативные тенденции явно свидетельствуют: благотворный процесс развития отношений с Францией приостановлен. Но это еще не дает оснований партии «со всей ответственностью идти на разрыв»; вместе с тем она отзывает свое «благоприятное предрасположение» («le préjugé favorable») к правительству Народного фронта и считает своим долгом предупредить о возможности наступления реакционных сил... В резолюции также подчеркивалось, что «этот провал (инициатив Вьено — М.В.) высветил парадоксальный факт — действительная власть в Тунисе принадлежит вовсе не регулярным органам, которые обусловлены режимом протектората (бейское правительство под призрением Генерального резидента), но анонимной и безответственной бюрократии, присвоившей себе одновременно prerogatives тунисского государства и протектирующей державы»⁴³³.

В постановляющей части говорилось, что «ввиду сложившейся обстановки, партия возлагает на политбюро две ближайшие задачи. Первая: всемерными усилиями, главным образом средствами прямой агитационной работы, осуществлять воспитание и организацию тунисских масс. Вторая: поддерживать регулярные контакты с Францией и продолжать разъяснительную работу на этом направлении, дабы развеять подозрения, нередко замешанные на клевете, сближать сердца, создавать вокруг партии и тунисского народа атмосферу доверия и симпатии, что, в свою очередь, укрепит позиции и облегчит здравомыслящим французам их задачу — содействовать эмансипации тунисского народа»⁴³⁴.

Как видно, в тексте резолюции II съезда понятие «независимость» (*истикляль*) подменялось более осторожным выражением «émancipation» (*тахрир*). Вновь повторялся тезис о необходимости движения Туниса к освобождению под эгидой Франции, но подчеркивалось, что партия, все еще надеясь на добрую волю французских демократов, отказывает в доверии правительству Народного фронта, а точнее, действующему кабинету министров. Тем не менее, смысл этой резолюции был понят не только во вла-

⁴³³ Из текста общеполитической резолюции под названием «Motion de politique générale» (Ibid., p. 153-154).

⁴³⁴ Ibid., p. 156.

се. Что же это на самом деле! Бессознательность? Или цинизм?»⁴⁴⁰. Многие поняли эту публикацию так, что Бургиба сжег корабли.

В ходе забастовки 8 января в Бизерте погибли рабочие, протестовавшие против высылки одного из них (профсоюзного лидера) в Алжир. Несколько отраслевых профсоюзов, входивших в ВКТТ, были запрещены... После этого Бургиба заговорил уже о «проконсуле Гийоме – 1938», отметив в частности: «Я прекрасно понимаю желание, возникающие в некоторых правительственных сферах как во Франции, так и в Тунисе, раз и навсегда покончить... с дустуровской «раковой опухолью». Но народ, он останется и рано или поздно скажет свое последнее слово»⁴⁴¹.

Между тем назревали, а к концу 1937 г. приняли открытую форму разногласия между «умеренными» и «твердыми» среди самих вождей Нового Дустура. Не согласный с принятой на II съезде резолюцией, в особенности же – с призывом партии к забастовке 20 ноября, которую он позднее назвал «первым звеном в цепи несчастий»⁴⁴², Махмуд Матри вскоре отказался от поста председателя партии, написав соответствующее заявление со ссылкой на неудовлетворительное состояние своего здоровья. Его точку зрения разделяли Бахри Гига и Тахар Сфар, которые, однако, задержались с выходом из политбюро, считая, что медицинский предлог сразу для троих будет выглядеть неубедительным. 3 января 1938 г. отставка Махмуда Матри была объявлена (пост председателя остался вакантным)⁴⁴³.

Кстати, особое огорчение д-ра Матри, до конца верившего в успех переговоров с Францией, вызвала оскорбительная для губернатора статья «Бессознательность или цинизм», опубликованная Бургибой без его ведома. Председатель Нового Дустура расценил этот шаг как вопиющее проявление самоуправства, свойственного генеральному секретарю. С января пошли кулуарные слухи, что Махмуд Матри намерен образовать собствен-

⁴⁴⁰ Bourguiba H. Op. cit., p. 163 («великие советники» – члены Большого Совета).

⁴⁴¹ Ibid., p. 165-166.

⁴⁴² Histoire du mouvement national Tunisien. 9 avril 1938..., p. 93.

⁴⁴³ На мартовском заседании Национального Совета партии председательский пост предлагался Тахару Сфару, который от него отказался, и Слиману Бен Слиману. Последний сделал то же самое, сославшись на стесненное материальное положение; холостой, он работал врачом-практикантом (interne) в больнице Садыкии, имея там жилье и стол при зарплате 1000 франков в месяц. Других предложений не поступило (Ben Sliman S. Op. cit., p. 106).

ную партию, сблизился с «archéos» в лице Таальби и т.п. Вероятнее всего, он просто хотел выйти из игры»⁴⁴⁴.

Отныне в руководство выдвинулся «второй эшелон» активистов партии. Это были в основном ее приверженцы со времен Ксар-Хелляльского съезда (в том числе некоторые его участники), но при этом, как правило, несколько более молодые люди, чем Хабиб Бургиба и другие отцы-основатели Нового Дустура⁴⁴⁵. С большим или меньшим основанием их расценивали как представителей «экстремистского» течения. Речь в частности шла о Слимане Бен Слимане, Хеди Нуире и Хабибе Бугетфе – тех делегатах II съезда, которые как раз и «хотели чтобы партия прекратила

⁴⁴⁴ Мемуарная литература – интересный источник, но субъективный. Одни и те же эпизоды людям запоминаются по-разному, даже если они совершенно искренни. Д-р Матри пишет, что в послесъездовский период его беспокоил авантюризм Бургибы и накал митингов, призывавших к вооруженной борьбе («Спрашивается, с каким оружием?»), а история со статьей стала последней каплей, переполнившей чашу его терпения. Подав в отставку, он прервал всякую политическую деятельность, в том числе контакты с А. Гийоном, и отвергал предложения своих сторонников создать новую партию. «Впервые Тунис имел организованную народную партию. Было бы ошибкой пытаться ее подорвать» (El Materi M. Op. cit., p. 141). Вспоминая то же самое время, Бен Слиман рассказывает, что спустя несколько дней после II съезда д-р Матри, сидя с ним и Бен Юсефом в кафе, волновался из-за взрывоопасной обстановки: «Я никого не боюсь, поеду на Бэб Свика, влезу на машину и прокричу толпе: Да, я – человек, которому страшно!». Позже на собрании политбюро, обсуждавшем вопрос о его самоотставке, д-р Матри якобы заявил, что политика – не его призвание, дескать, он занялся ею из дружбы к Бургибе и теперь лично хочет избежать репрессий; при этом плакал (Ben Sliman S. Op. cit., p. 100-101).

⁴⁴⁵ Проблема, как нам представляется, заключалась не в возрастной разнице как таковой. Например, Бен Слиман был моложе Хабиба Бургибы всего на два или три года. Однако его жизнь во Франции пришлась не на середину двадцатых, как у первого поколения вождей Нового Дустура, а на тридцатые. Он и Хеди Нуира, закончив учебу, вернулись на родину в 1936-1937 гг., это на десять лет позже, по сравнению с моментом возвращения в Тунис д-ра Матри, Бургибы, Сфара и Гиги. Атмосфера и расклад политических сил в самой Франции в эти десятилетия, соответственно, 20-е и в 30-е годы XX века, была различной. Изменились за это время настроения и в среде рабочей эмиграции из Северной Африки, равно – как и студенческой среде. Не случайно, на взгляд Генерального резидента, само появление Бен Слимана в Тунисе означало, «что слияние между старой партией дустуровцев и новой вряд ли произойдет» (Служебная записка А. Гийона, октябрь 1936 г. Цит. по: El Mechat S. Op. cit., p. 136).

свое сотрудничество с правительством». Они стояли за возобновление борьбы и развертывание массового антиимпериалистического движения независимо от того, какие силы правят во Франции. Основной тезис речи Бен Слимана, на которого, кстати, после съезда были возложены функции главы контрольной комиссии Нового Дустура⁴⁴⁶, состоял в том, что партийные и персональные перемены во французском правительстве не имеют никакого принципиального значения и не изменяют природу французского колониализма. Хабиб Бугетфа, выступавший на съезде с развернутым общеполитическим докладом, призывал делегатов к открытой борьбе с Францией и властями протектората.

Примечательно также, что 26-летний Хеди Нуира, всего за несколько месяцев до съезда вернувшийся из Парижа, где он возглавлял внешний – в основном студенческий отряд Нового Дустура, неожиданно выдвинулся в профсоюзные лидеры⁴⁴⁷. 29 января 1938 г. после бурной потасовки в помещении, где происходил съезд ВКТТ, он был избран председателем этого национального профцентра, конкурировавшего с Департаментским объединением ВКТ (ДО ВКТ). Новая организация, созданная весной 1937 г. под началом Белькасемом Гнави, увела за собой далеко не всех арабских рабочих. Лица наемного труда, занятые в современном секторе экономики, были охвачены, как и раньше, отраслевыми профсоюзами ВКТ, а в партии, если не считать р-на Бизерты, удельный вес таких рабочих и служащих до войны был незначительным [26].

В литературе, посвященной Тунису, бытует несколько версий, объясняющих резкий поворот Нового Дустура в сторону конфронтации с

⁴⁴⁶ Kassab A. Histoire de la Tunisie..., p. 427.

⁴⁴⁷ Критикуя Бургибу за авторитаризм, современные тунисские историки зачастую вспоминают эпизод с силовым назначением Хеди Нуиры руководителем ВКТТ вместо Белькасема Гнави. Но в этой идее был свой здравый смысл. Почти неграмотный Гнави (которому официально ставилось в упрек желание оторваться от партии и сосредоточить деятельность профсоюзов на чисто экономических требованиях) заменялся на образованного адвоката. «К сожалению, – писал Слиман Бен Слиман о Гнави, – этот человек, которого мы выудили в квартале Тронжа, куда он ретировался после тяжелого испытания в Bordj-Lebœuf, оказался не на высоте, особенно когда в Тунисе запахло репрессиями. Мы поставили рядом с ним (еще в 1937 г. – М.В.) Хеди Нуиру, чтобы он ему эффективно помогал. Однажды когда я посетил Нуиру в помещении ВКТТ возле Бэб Бнат, он гневно обрушился на меня за то, что мы взвалили на него эту работу» (Ben Sliman S. Op. cit., p. 99).

режимом и – шире – с партийной коалицией Народного фронта; поворот, имевший место в первые три месяца 1938 г., даже раньше, и болезненно воспринятый в демократических кругах Франции, прекрасно осведомленных о том, что Тунис является объектом усиленной обработки фашистской агентуры. Среди этих версий есть и такая, подброшенная полицией, что Бургибу якобы подкупила итальянская разведка. Другая версия, которая заслуживает внимания, состоит в том, что после морального поражения Таальби, ретировавшегося с арены соперничества между «arçhéos» и «néos», наблюдался массовый наплыв в ячейки Нового Дустура активистов-неофитов, возбуждавших в населении не только националистический, но и религиозный «психоз». К тому же в руководстве региональных федераций и центральном аппарате партии брали верх радикальные лидеры, вроде преподавателя арабского языка Али Бельхавана – кумира столичной молодежи, нового члена политбюро Слимана Бен Слимана, о котором позже говорили, что это единственный «исторический лидер, сменивший «феску на блузу»⁴⁴⁸, члена Национального совета партии Хабиба Бугетфы, вотиной которого являлась рабочая Бизерта, и т.д. Как следствие, Бургиба, который «боялся оказаться полководцем без армии», согласился, вопреки пафосу собственной речи, включить в итоговую резолюцию II съезда Нового Дустура пункт о фактическом переходе партии в оппозицию. А после 20 ноября 1937 г. уже «не столько партия вела массы, сколько массы вели партию», в которую хлынули «мелкобуржуазные и непролетарские элементы»⁴⁴⁹. «Вожди и даже хозяева толпы, – писал Роже Ле Турно, – стали ее пленниками, она толкала их перед собой...и все вперед, и вперед»⁴⁵⁰.

Апофеоз этого марша в пропасть наступил в марте 1938 г., когда Аншлюс, который Франция «пропустила равнодушно», навел тунисских националистов на мысль, что метрополия уже бессильна и не станет реагировать на их действия. Такую интерпретацию логики поведения Нового Дустура выдвигали многие очевидцы событий, от известных французских деятелей (левый социалист Ш.-А. Жюльен и др.), историков и публицистов,

⁴⁴⁸ Имелся в виду его «революционность», а также выступление на III съезде партии (1948 г.), где он ратовал за то, чтобы отказаться от чисто интеллигентского состава политбюро и ввести в него пролетариев.

⁴⁴⁹ Иванов Н. А. Указ. соч., с. 313.

⁴⁵⁰ Le Tourneau R. Evolution politique de l'Afrique du Nord musulmane. 1920-1961, Paris: Colin, 1962, p. 87.

в целом сочувствовавших антиколониальному движению, до анонимных аналитиков из «2-ого Бюро» при генштабе Французской армии в Тунисе.

Некоторые факты давали основание для подобного вывода. Листая опубликованные ныне сводки сыскной полиции, в которых перемежаются сведения о происках итальянской разведки, положении на ливийско-тунисской границе, настроениях в армии (в частности, о состоянии духа арабов-новобранцев), и действиях националистов, можно убедиться в том, что пропаганда лидеров Нового Дустура звучала крещендо. О «неистовом» тоне митинговых выступлений самого Бургибы свидетельствуют и другие наблюдатели, как европейцы, так и тунисцы, которым запомнилось это время.

Ниже приводятся выдержки из конфиденциальной информации, ложившейся на стол Генерального резидента, начальника штаба французских войск в Тунисе, а также направляемой нескольким аналогичным адресатам в Алжире, Рабате и Браззавиле. Осведомители дружно подчеркивали активизацию пропагандистских усилий партии Новый Дустур, фиксируя, разумеется, наиболее провокационные заявления своих «подопечных». Вот что сообщалось в сводках за начало 1938 г.:

На следующий день после событий в Бизерте, 9 января, «Дустуровская молодежь» в Сусе устроила собрание, на котором слышались возгласы: «Мы идем один за другим! Но никогда не капитулируем перед французским флагом». Однако 16 января Салах Бен Юсеф и Хеди Нуира, выступая в Сфаксе по поводу тех же самых событий, призвали «дустуровское население» (la population destourienne) сохранять спокойствие и избегать проведения манифестаций.

Почти весь январь прошел без крупных трудовых конфликтов. В первой половине февраля партия Новый Дустур повела активную пропаганду, но пока без видимых результатов. Генеральный секретарь Хабиб Бургиба объезжал Сахель в сопровождении Слимана Бен Слимана и с эскортом дустуровских скаутов, которые должны были поддерживать порядок на собраниях и скандировать по речи своего шефа. Он заявил в Монастире 30 января: «Наша партия имеет теперь свою армию. Правительство и полиция боятся наших скаутов...». В Каппа-Кебира 2 февраля, говоря о налогах, воскликнул: «Франция сосет нашу кровь!». В Махдии 6 февраля: «Нечего страшиться европейцев! Не бойтесь выходить на демонстрации, напротив, вы должны воспользоваться тем, что европейские государства грызутся между собой, в этот момент митингуйте со всей силой».

Хабиб Бургиба продолжает курсировать в Сахеле, часто успевая в один день выступить на разных митингах. Призывает не платить налоги и уклоняться от военной службы. Собрание в Махдии 13 февраля. Бургиба раскритиковал местную партийную секцию за недостаточно активную деятельность. И закончил свою речь на звенящей ноте, обращаясь к горожанам: «Лишь волей народа мы

сумеем победить самолеты, танки и французские пулеметы!». 16 февраля сказал на митинге в Сиди Альуан: «Не бойтесь смерти, ибо лишь жертвами мы достигнем нашей цели, ступайте, не колеблясь, на демонстрации, когда получите приказ... Не бойтесь властей. Если однажды меня арестуют, выходите с протестами. Ведь Франция, когда увидит перед собой народ, полный решимости защищать свои интересы, она будет обезоружена и вынуждена слаться».

1 марта. Завершив поездку по Сахелю, Хабиб Бургиба отправился на полуостров Кап-Бон, где заявил в Мензель-Темиме: «Надо сбросить иго и показать, что наша раса равна французам!». Присоединившийся к его турне Монжи Слим неоднократно выступал с призывами не платить налоги⁴⁵¹.

Кроме этого в полицейской хронике за январь – февраль 1938 г. отмечалось, что в более сдержанной обстановке, чем на митингах в Сахеле, прошло собрание секции Нового Дустура в г. Тунис, где приняли следующее решение. «Партия не вмешивается в профсоюзное движение, которое имеет свои самостоятельные задачи, но приветствует избрание на пост председателя ВКТТ такого сознательно борца, как Хеди Нуира». Сама же партия сейчас занимается рядом экономических проектов, направленных на то, чтобы порвать связи тунисских производителей с европейскими посредниками и европейским рынком. В этих целях планируется создание специального Тунисского банка с капиталом в 5 млн. франков. Борьба между двумя партиями националистов, информирует тот же источник, продолжается и «создается впечатление, что за последние месяцы Старый Дустур отвоевывает позиции»⁴⁵². Что касается Нового Дустура, то в числе опасных маневров с его стороны отмечалось возобновление кампании против натурализации⁴⁵³, а главное – проникновение агитаторов на запретные «военные территории», где уже возникло несколько партийных ячеек.

⁴⁵¹ Khaled A. Documents secrets du 2-ème bureau. Tunisie-Maghreb dans la conjoncture de pré-guerre 1937-1940, Tunis: STD, 1983, p. 250-279.

⁴⁵² Ibid., p. 263.

⁴⁵³ К примеру, в декабре 1937 г. призывная комиссия вручила повестку некоему жителю Тебульбы (Сахель), который являлся членом Нового Дустура и сыном натурализованного. Молодой человек отказался идти в армию, заявив, что он «тунисец, а не француз», и не желает нести ответственность за выбор своего отца. «Вопрос о статусе натурализованных на днях был снова возбужден Новым Дустуром, – докладывала в марте 1938 г. военная разведка, – и один из членов руководства партии во время своей агитационной поездки собрал многочисленные заявления от людей, желающих отказаться от французского гражданства. Инциденты, не слишком серьезные, но потребовавшие вмешательства полиции, случились

Складывалось такое впечатление, что в политическом плане Новый Дустур больше уже не искал союзников, полагаясь на собственные силы. От него отворачивались французские друзья. Тем не менее, 10 марта в Париж выехал член политбюро Бахри Гига, направленный, по его же словам (сказанным позднее на допросе), с «пацифистской миссией». Ему поручалось, первое, установить контакт с Гийоном, который находился в Париже, а также с чиновниками МИДа, курирующими тунисские дела, дабы подтвердить «наличие в партии тенденции к сотрудничеству, горячим сторонником которого, — уточнил Бахри Гига, — я сам являлся». Второе, встретиться с парижской секцией своей партии, с членами Партии Алжирского народа и, по возможности, — с представителями французских политических кругов⁴⁵⁴.

13–14 марта состоялась последняя в 1938 г. сессия Национального совета Нового Дустура. В лаконичной резолюции было записано: «Заслушав сообщение генерального секретаря (Бургибы) о современном политическом положении; принимая во внимание тот факт, что власти проявляют непонимание легитимных требований тунисского народа; ввиду все более агрессивной политики правительства в отношении партии, ...выразить доверие политбюро, в первую очередь — генеральному секретарю, чьи статьи и речи верно отражают политическую линию партии». Затем резолюция призывала активистов «продолжить борьбу против пагубной и деструктивной политики колониализма, готовя массы к сопротивлению». Призвала весь тунисский народ теснее сплотиться вокруг своих вождей и партии в минуту, когда под угрозой находится свобода первых и само существование второй. В заключение говорилось, что Национальный Совет «снимает с себя ответственность за осложнения, могущие возникнуть в случае, если правительство будет упорствовать в своей едва закамуфлированной политике репрессий против Партии народа и, следовательно, — против народных чаяний, которые партия выражает»⁴⁵⁵.

В этой резолюции, собственно, впервые и прозвучали слова, бросившие открытый вызов режиму. Через несколько дней эмиссар из Туниса разыскал в Париже Бахри Гигу, которому вручил письмо от Бургибы, датированное 15 марта. В нем сообщалось: «Вопрос о реакции партии на аг-

рессивное наступление правительства стал предметом обсуждения, которое заняло в воскресенье (13 марта — М.В.) целый день до полуночи. Были приняты серьезные решения. Министерский кризис и формирование нового кабинета Блюма..., о чем стало известно вчера утром, не изменили позицию Национального совета... Совет наметил основное направление и тактику борьбы, которым должны следовать партийные секции, чтобы выиграть сражение. Бесперывные массовые манифестации по всей территории, а если того станет мало, уклонение от призыва в армию и от уплаты налогов, как бы это ни было рискованно. Члены Национального совета обязались довести указание до всех секций, в нем не представленных ...»⁴⁵⁶.

19 марта Бен Слимман от себя лично направил письмо Бахри Гиге, подчеркнув, что после дискуссий требования партии сводятся к одному: создание национального правительства, назначаемого тунисским парламентом, избранным народными массами (*un gouvernement national issu d'une Assemblée Tunisienne élue par les masses populaires*)⁴⁵⁷.

Итак, документы различного происхождения подтверждают, что партия, в которой ослабили позиции «умеренных» в пользу «экстремистов», взяла курс на ужесточение борьбы, хотя вряд ли задумывалось какое-либо вооруженное восстание. При этом, на наш взгляд, остается открытым вопрос: в какой степени Новый Дустур в период с осени 1937 г. по март 1938 г. сознательно вел за собой толпу... и в какой мере становился «заложником толпы», подчиняясь ее настроениям?

Скорее всего, изменение настроений самого Бургибы, а в конечном итоге именно он диктовал стратегию и тактику партии (здесь согласимся с Ф. Гара, державшимся такого мнения)⁴⁵⁸, определялось сочетанием нескольких факторов. Это были, во-первых, ответ на усиление реакционных тенденций в метрополии после падения первого кабинета Леона Блюма и, по сути, распада Народного фронта, во-вторых, желание оправдаться за переоценку ситуации, то есть за провал мирных переговоров с Францией, предпринятых в 1936 — начале 1937 г., в-третьих, стремление предупредить волну возможных симпатий к Старому Дустуру, который как будто бы оказался прав в своей «блестящей изоляции».

5 марта в Мсакене и 8-ого в Сук эль-Арба в связи со смертью и похоронами натуризованных» (*Khaled A. Op. cit., p. 249, 280*).

⁴⁵⁴ Histoire du mouvement national tunisien. 9 avril 1938. Le «procès» Bourguiba..., p. 99.

⁴⁵⁵ Bourguiba H. Op. cit., p. 167.

⁴⁵⁶ Histoire du mouvement national tunisien. 9 avril 1938. Le «procès» Bourguiba..., p. 102-103.

⁴⁵⁷ Ben Sliman S. Op. cit., p. 108.

⁴⁵⁸ Garas F. Bourguiba et la naissance d'une nation, Paris: Julliard, 1956, p. 116.

Объективным фактором, усиливавшим нервность в руководстве Нового Дустура, были уже прокатившиеся репрессии в Алжире и Марокко. Если говорить только о жертвах репрессий в лице главных лидеров, то алжирец Мессали Хадж, арестованный 27 августа 1937 г., и Алляль аль-Фаси, арестованный 25 октября того же года. Не следует сбрасывать со счетов, наконец, то обстоятельство, что после короткой передышки Тунис вновь посетил жестокий голод, а циклические засухи – «семь коров тонких после семи коров тучных» – оказывали свое влияние на подъемы и спады массовой политической активности населения. Как бы то ни было, события весной 1938 г. развивались стремительно, а детонатором взрыва послужило почти случайное стечение обстоятельств.

Речь идет прежде всего о непредвиденных выступлениях учащихся коллежа Садыкийя, возбужденных слухами, что одному из их любимых учителей – Али Бельхавану грозит отставка с должности⁴⁵⁹. Коллеж закрыли вместе с интернатом, и штаб-квартира партии на rue du Tribunal стала приютом для школьников. С конца марта столичная молодежь бурлила, к учащимся светских учебных заведений присоединились слушатели аз-Зейтуны. В первых числах апреля 1938 г. несколько видных деятелей Нового Дустура, в том числе Махмуд Бургиба и Салах Бен Юсеф, а также Слиман Бен Слиман, Юсеф Руисси и Хеди Нуира были арестованы за подрывную агитацию в районах Беджи и Сук эль-Арбы (ныне Джендуба)⁴⁶⁰.

В этой связи политбюро назначило в столице демонстрацию протеста. Но толком подготовка к ней не велась, почти всех членов политбюро не было на месте. Как утверждал впоследствии Хабиб Бургиба, мероприятие предусматривалось на 10-ое число и должно было пройти мирно.

⁴⁵⁹ Бельхавану было отказано в предоставлении зала для публичной лекции. Он все же намеревался ее провести, а директор коллежа, г-н Атийя, кстати, первый тунисец на этой должности после установления режима протектората и «старый» дустуровец, решил избавиться от слишком беспокойного филолога.

⁴⁶⁰ Надо признать, что их агитация не была невинной. Во время своего пропагандистского турне Бен Слиман и его напарник Руисси, взятые под стражу 4 апреля, подталкивали население не только к неуплате налогов и уклонению от службы в армии, но и саботажу на транспортных путях. Кроме того, они водрузили во время митинга тунисский государственный флаг над зданием партийной ячейки в Бедже, презрев запрет администрации, которая разрешала вывешивать этот флаг только в сугубо официальных местах (Ben Sliman S. Op. cit., p. 111-115).

Тем не менее, демонстрации в г. Тунисе начались раньше – 8-9 апреля и, как огонь по сухому кустарнику, перекинулись на другие города страны. Люди сами выходили на улицу под лозунгами Нового Дустура, они несли плакаты на двух языках: «Хотим тунисский парламент!», «Нам нужно национальное правительство!», «Власть тунисцам!»; причиной же стихийных митингов и кровавых стычек с полицией 9-ого числа послужило известие о том, что Али Бельхаван задержан во Дворце правосудия, без всякой на то официальной санкции.

Хабиб Бургиба накануне ареста, 9 апреля 1938 года

Достоверно известно, что Бургиба, который лежал больным, не был организатором манифестаций в Тунисе, однако отклонил просьбу Махмуда Матри, посетившего его 9 апреля, предотвратить массовые выступления, грозившие назавтра, если не с часу на час, перерасти в уличные беспорядки. Ответ был: «Слишком поздно!...». Тогда Матри сам пошел впереди митингующих, стремясь их успокоить. Собственно, демонстрации были мирными, но людской поток, устремившийся из мусульманских кварталов на

площадь Республики, к зданию Резиденции, выглядел угрожающим. Другой поток огигбал медину вдоль западной стороны, по шоссе, которое теперь называется Бульваром 9 апреля. По толпе в этот день был открыт огонь, в результате имелись погибшие, точное количество которых не известно...

Совпадение это или нет, но 8 апреля ушел в отставку второй кабинет Леона Блюма, продержавшийся всего 27 дней. Для Туниса прямое следствие кризиса в верхах, разыгравшегося во Франции, заключалось в том, что из Парижа не приходило никаких распоряжений, Генеральный резидент был в растерянности... Решение принимали военачальники, а может быть делом правил случай. Нож в руке неизвестного тунисца или выстрел сенегальского стрелка. Секретные службы – источник, на который мы уже ссылались, сделали вывод: манифестации 9 апреля носили в Тунисе характер «вооруженного бунта». Среди возмутителей спокойствия в первых рядах были заводилы (*hommes de main*), явно пришедшие, не горожане; все происходило при отсутствии кого-нибудь из влиятельных или хорошо известных членов неодаустуровской партии⁴⁶¹.

«*Барляман туниссий, барляман туниссий...*» – звенело в ушах д-ра Матри. Эти крики толпы и выстрелы в нее стихли, когда пала ночная тьма. «Пройдя через пустынную медину, я оказался в штаб-квартире партии, на rue du Tribunal. Там я нашел молодых людей, даустуровских активистов и прочих, возившихся вокруг нескольких тяжело и легко раненых. Я организовал отпавку самых тяжелых в больницу Садыкийя на чем попало (на скамейках, досках и даже на снятых с петель дверях). После чего сам отправился в больницу узнать, чем могу быть полезен. Сначала проинк в морг, где уже лежала дюжина окровавленных трупов... оттуда побегал в хирургическую палату, перед которой кричали и стонали многочисленные раненые, лежавшие кто на кушетках, кто на полу. Весь персонал был за работой». Надев медицинский халат, д-р Матри присоединился к коллегам. Д-р Габриэль Брюн, директор больницы, сам оперировал или ходил от стола к столу, наблюдая за работой ассистентов. Выйдя в 4 утра из операционного зала с лицом, залитым потом, он сказал в общем присутствии: «И кто виноват во всем этом, д-р Матри?» – «Полиция». – «Нет, это ваш друг Бургиба». – «Это уж скорее ваш друг Картерон»⁴⁶². Последняя ремарка имела в виду генерального секретаря тунисского правительства, которого

⁴⁶¹ *Khaled A. Documents secrets du 2-ème bureau ...*, p.288.

⁴⁶² *El Materi M. Op. cit.*, p.151-152.

многие считали виновником неудачи всех либеральных начинаний Гийона.

В дни апрельских событий Бургиба написал статью под названием «*Rupture*» («Разрыв»), которая не была опубликована, ибо газету «*L'Action Tunisienne*» немедленно запретили, но содержание статьи, подготовленной к номеру 10 апреля, известно; конфискованная рукопись была приложена к следственному делу. Ниже следуют выдержки из этой статьи, которую автор заканчивал, когда возле квартала Бэб-Бнат уже засвистели пули:

«Между тунисским народом и Протекторатом – снова разрыв. Своим агрессивным натиском последних дней...правительство развязало битву. Конституционалистская партия на этот раз принимает вызов. Со всеми рисками, которыми он чреват, и до победного конца! Или пусть ждет нас поражение! Но партия уверена в своей победе, поскольку все преимущества на ее стороне. И первое важное преимущество – это французское общественное мнение. Ведь все французские политические круги, правые и левые, знают, чего мы требуем... Никаких серьезных сомнений не должно возникнуть у людей доброй воли относительно ставок в игре, в той схватке, которая идет между народом, задыхающемся без свободы и униженным, с одной стороны, и кучкой грабителей (*prébendiers*), цепляющихся за свои привилегии, – с другой... И месяца не прошло после падения правительства Народного Фронта, как те жалкие свободы, предоставленные в августе 1936 г., были практически сведены к нулю... Свобода собраний и пята простым решением Резидента (указ от 15 июля 1937 г. – *M.B.*), это означало для партии ограничение возможности развиваться, рекрутировать новых членов и создавать вокруг себя широкое общественное мнение. Иными словами, она была лишена возможностей, которые при нормальных условиях привели бы ее к власти. Легальные пути отныне перекрыты...

Новый Даустур ответил расширением контактов с массами, донося свое слово в самые отдаленные уголки регентства... и смог всего за несколько месяцев подготовить к сражению, которое он предвидел, армию дисциплинированных и решительных активистов, мобилизуя народ, осознающий свои права и готовый их завоевать любой ценой. Это – наше второе преимущество, не уступающее по значению первому.

Партия вступает сегодня в битву, имея серьезные шансы на победу. Борьба будет тяжелой, суровой, непримиримой. Потому что эгоизм привилегированной верхушки не имеет границ. Как не имеет границ ее презрение к арабам. Но и готовность идти на жертвы у тунисского народа

безгранична. Своего рода священное опьянение (*une sorte de Pivresse sacrée*) сегодня овладело массами... Мне, прикованному к постели, с трудом удастся канализовать это движение. Что будет завтра, когда меня отправят к моим товарищам на сырую циновку в тюремных стенах? Что станет, когда все руководители, все кадры, все ответственные люди окажутся во мраке заточенья?... Но даже, если вся партия погибнет в неравной борьбе, Франция никогда не достигнет для себя безопасности в этой стране, пока не пересмотрит в корне свою политику в отношении Туниса...»⁴⁶³.

Словно на одном дыхании с этой статьей, исполненной отчаяния и надежд, Бургиба в сентябре 1938 г., уже из тюремных стен, направил письмо своему адвокату, мсье Доминику⁴⁶⁴, где подчеркивал: «Репрессии в Тунисе, репрессии в Алжире, репрессии в Марокко. На робкие требования этих народов, стремящихся к идеалу свободы и справедливости... она (Франция — *М.В.*) отвечает арестами, депортациями, объявлением чрезвычайного положения и расстрелами. Это ли способ готовиться к войне, которая уже стучится в наши двери?... Сегодня, через пять месяцев расследования “мятежа 9 апреля”..., когда уже перевернули все наши архивы, все наши счета, все наши публикации и переписку, результат — лишь к чести партии. Можно даже сказать, что новые обстоятельства, возникшие за эти пять месяцев, обязывают французское правительство пересмотреть в комплексе и без замедления тунисскую проблему, при этом сделать выводы из пережитого урока».

Далее, отрицая прямую или косвенную ответственность партии за беспорядки 9 апреля и подчеркнув, что политика репрессий лишь сплотила народ вокруг партии, которой пришлось перейти на нелегальное положение, Бургиба указывал на опасное развитие международной обстановки: «Мы живем под угрозой всеобщего пожара, который может вспыхнуть не сегодня, так завтра. Несмотря на элемент блефа в шумных обставленных шагах некоторых диктатур (возможно, это намек на под-

⁴⁶³ Histoire du mouvement national tunisien. 9 avril 1938. Le «procès» Bourguiba..., p. 1-6.

⁴⁶⁴ Вице-председатель партии радикал-социалистов. Вторым французским адвокатом являлся Андре Бертон. Адвокатами по делу арестованных руководителей партии выступали тунисцы Мухаммед Ноаман и Хеди Кефаша, они же являлись для Бургибы и связными с оставшимися на свободе товарищами. Защитником по этому делу, так и не доведенному до суда, становится также Хасан Гелатти (*Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 88*).

готовку Мюнхенского соглашения — *М.В.*), опасность представляется реальной. Тревожит мысль, что катастрофа может разыгаться внезапно — и в тот момент, когда напряженность в отношениях между тунисским народом и Протекторатом достигла апогея». В тот самый момент, уточняет Бургиба, когда властям приходится сталкиваться с акциями саботажа, с покушениями на общественные здания, порчей телеграфных линий и т.п. «Управлять — это значит предвидеть. Французское правительство должно взвесить и предвидеть все возможные последствия силовой политики (в Тунисе — *М.В.*) и ее отголоски в остальной Северной Африке, равно как и в арабо-мусульманском мире. Что касается нас, то мы готовы всеми силами защищать дело Франции,... но категорически отказываемся, каковы бы ни были меры давления, оставить наш идеал, предать наш народ или же прельститься словесным обманом»⁴⁶⁵.

Мотив заключения под стражу Бургибы, за которым пришли утром 10 апреля, состоял из следующих пунктов: «провокация расовой ненависти и подстрекательство населения к нарушению законов страны; прямое побуждение к грабежам, убийствам и нанесению ущерба или поджогу имущества; действия, направленные на то, чтобы сорвать или задержать отставку новобранцев к месту несения службы либо отвратить призывников от выполнения воинского долга»⁴⁶⁶. Все это грозило ему виселицей.

⁴⁶⁵ Histoire du mouvement national tunisien. 9 avril 1938. Le «procès» Bourguiba..., p. 7-25.

⁴⁶⁶ Бургиба Х. *Хайатуху ва джихадуху*,... с. 80 и след.

Новый Дустур уходит в подполье. Кольцо Монсеф-бея

Что же происходило на свободе, после того как Бургиба, для которого требовали смертной казни, был арестован? По приказу Генерального резидента 12 апреля было объявлено о роспуске партии Новый Дустур, ее помещения опечатаны, а найденные в них документы, включая личные письма, конфискованы и присоединены к следственному делу. Всего под стражу на разные сроки было взято до 3 тыс. человек. Это — приблизительная цифра, которую называла печать и запомнили свидетели событий.

По данным документации французских архивов, к середине августа 1938 г., когда по указанию нового главы французского правительства — Эдуарда Даладье в Тунисе было снято осадное положение, всего по стране подверглось аресту свыше 900 человек, около 500 из них преданы суду. Облавы к этому времени прекратились, многие из задержанных «по подозрению» отпущены⁴⁶⁷. Следствие не добыло доказательств подготовки вооруженного восстания. Но армейские генералы во главе с Шарлем Анотом взяли власть в свои руки. В провинциях усердствовало местное начальство, кое-где членов Нового Дустура наказывали публичной поркой, на кострах сжигались их эмблемы, литература и партийное имущество. Курьезный эпизод имел место 20 апреля в сахельской деревушке Бенихасан, где один

⁴⁶⁷ Еще в середине дня 9 апреля 1938 г. в Тунисе и его окрестностях было введено осадное положение, следом распространенное на другие города, где в ответ на кровавую бойню в столице прошли демонстрации протеста. К 20 апреля общее количество арестов, произведенных в регентстве, составило 659. При этом в округе Тунис было конфисковано 160 единиц оружия, в том числе 23 револьвера «очень старых моделей» и 3 охотничьих ружья. В округе Сус — 49 единиц, в том числе 8 револьверов и 10 ружей. Ко дню снятия осадного положения (17 августа), на территории тех районов, где оно действовало, было произведено 908 арестов. За это время 380 человек были приговорены к различным срокам заключения гражданским судом Суса и военным трибуналом Туниса. Почти сто заведенных дел еще находились в стадии расследования. Из 432 человек, задержанных «по подозрению», 355 были освобождены, остальные еще содержались под стражей в ожидании рассмотрения их дел специальными комиссиями, назначенными Генеральным резидентом. Некоторые приговоры, вынесенные в Сусе, были отменены кассационным судом Алжира (*Khaled A. Documents secrets...*, p. 291, 374, 376).

из руководителей новодустуровской ячейки взобрался на минарет, чтобы возвестить в порыве раскаяния, что отрекается от партии⁴⁶⁸. В столице на широком, обсаженном пальмами *avenue Gambetta* (ныне — проспект Мухаммеда V) беспрерывно устраивались военные смотры и парады.

«Мягкотелый» Гийон, чей престиж как администратора сильно пострадал, все же был доволен, найдя доказательства — заключение экспертизы, что некое письмо, якобы указывавшее на прямую связь Бургибы с итальянской агентурой, поддельное. Фактически он спас жизнь будущему президенту, переслав в Париж специалистам Министерства обороны это письмо, которое в итоге было изъято из следственного досье. Сообщая хорошую новость д-ру Матри, улыбающийся Гийон сказал: «Вот видите, Вы были правы... это апокриф. Я рад за Ваших бывших друзей». На что Матри обронил: «Которые и остаются моими друзьями»⁴⁶⁹.

В тюрьме, где содержались главные зачинщики беспорядков, между заключенными шли свои некрасивые «разборки»⁴⁷⁰. Удар, нанесенный по партии, был действительно, оглушительным. Все, кто вступил в нее, привлеченные престижем, каким она пользовалась, благодаря своим отношениям с правительством, поспешили ее покинуть, и даже сделались ее врагами. Остальное население впало в глубокую апатию»⁴⁷¹. Это впечатле-

⁴⁶⁸ Иванов Н. А. Указ. соч., с. 348.

⁴⁶⁹ *El Materi M. Itinéraire d'un militant...*, p. 156-157.

⁴⁷⁰ В военной тюрьме г. Тунис оказались все члены Национального Совета и политбюро, включая Бахри Гигу и Тахара Сфара, хотя во время событий оба отсутствовали. Тахар Сфар 8 апреля находился в Сусе по адвокатским делам и вернулся в столицу 9-ого, здесь и узнав о случившемся. Сначала его не трогали, и он даже намеревался выступить защитником своих товарищей на суде, но 22 апреля за ним явилась полиция. То же самое произошло 24 апреля с Бахри Гигой в Париже. Махмуд Матри, уже не состоявший в партии, был привлечен к дознанию как свидетель. Все трое дали показания против Бургибы. Не отрицали его «подстрекательскую роль» в беспорядках, к тому же выложили перед следователем свои внутрипартийные претензии к лидеру-диктатору. (Эти материалы опубликованы в сборнике «Histoire du mouvement national tunisien. 9 avril 1938. Le "procès" Bourguiba» без купюр, которые, на наш взгляд, президент Бургиба должен был сделать или приказал бы их сделать, будь он настоящим диктатором). Как результат, Бахри Гига и Тахар Сфар вскоре получили амнистию. Пережив в тюрьме психологический кризис и затем — тяжелую депрессию, второй из них умер в 1942 г.

⁴⁷¹ *El Materi M. Op. cit.*, p. 158.

ние Махмуда Матри подтверждает и Роже Ле Турно⁴⁷². Он пишет, что «многие буржуа и мирные граждане испустили вздох облегчения: нарыв прорвался, и на смену постоянной лихорадке, трепавшей тунисское население, пришел период разрядки... Нельзя поэтому сказать, что принятые меры якобы вызвали всеобщее осуждение в Тунисе»⁴⁷³. В самом деле, не только испуганные обыватели всячески открещивались от мимолетных симпатий к Бургибе. Левые партии, со своей стороны, приняли за чистую монету далеко не новые обвинения в адрес националистов об их падкости на деньги европейских соперников Франции.

Коммунисты склонялись к тому, чтобы рассматривать апрельские события как результат объединенных усилий реакционной колониальной администрации и итальянского фашизма. В своей резолюции они заявили, что вожди Нового Дустура совершают двойное предательство: в отношении народа и самой партии, которая «в основной своей массе остается прогрессивной и демократической». Обращает на себя внимание, что компартия в самом начале апрельских событий, еще до расстрела уличной демонстрации в Тунисе, расценила поведение лидеров Нового Дустура именно как двойное предательство. Во-первых, по отношению к их «собственной партии, ее программе, ее принципам»; во-вторых, по отношению ко всему тунисскому народу, который они готовы «отдать в позорное фашистское рабство».

9 апреля 1938 г. «L'Avenir Social» вышла под девизом «Сплотиться вокруг Народного фронта», доказывая необходимость поддержать демократическую Францию, в том же номере был опубликован текст резолюции ТКП. Она гласила: «Политбюро Тунисской коммунистической партии собралось вечером в четверг, 7 апреля, чтобы рассмотреть ситуацию, создавшуюся после ареста некоторых членов политбюро партии Новый Дустур, официально обвиняемой в побуждении к гражданскому неповиновению и неуплате налогов, к отказу от несения военной службы, что равнозначно поддержке происков фашистов в Тунисе... Политбюро (ТКП – М.В.) одобряет действия правительства в отношении этих пособников итальянского фашизма, который мечтает закабалить нашу страну». Вместе с тем «советует не отождествлять отдельных лидеров с основной массой членов дустуровской партии, которые,

⁴⁷² Известный специалист по истории и социологии Северной Африки. Довольно долго жил в Тунисе, где был директором департамента народного просвещения.

⁴⁷³ *Le Tourneau R.* Evolution politique de l'Afrique du Nord musulmane (1920–1961). Paris: Colin, 1962, p. 89.

безусловно, остаются верными своим антифашистским идеалам, равно как и народным интересам... Призывает народ к спокойствию, которое необходимо, как никогда, в сложившихся международных условиях, призывает его к борьбе за удовлетворение срочных требований рабочих, крестьян, интеллигенции, мелких тунисских ремесленников и торговцев...»⁴⁷⁴.

Монсеф-бей в парадной маршальской форме

Через неделю «L'Avenir Social» писала: «К несчастью, случилось то, что мы предвидели. Обманутая Новым Дустуром, часть населения последовала призыву к забастовке и проведению манифестаций»⁴⁷⁵. Обнаро-

⁴⁷⁴ Цит. по: *Каздагли Х.* Указ. соч. (Приложение), с. 363.

⁴⁷⁵ Цит. по: *Kraïem M.* Le Parti Communiste Tunisien..., p. 192–193.

дованный 15 апреля и затем перепечатанный в центральном органе Французской компартии, собственный «Призыв к туниССкому населению» от имени ТКП вновь предостерегал: «в ваши ряды проникли элементы, которые, спекулируя на нищете, в которую вы повергнуты, хотят восстановить вас против демократии и свобод. Это – те элементы, которые не представляют даже незначительного меньшинства, а лишь нескольких беззащитных и готовых продать свою родину индивидов»⁴⁷⁶.

В свою очередь, местная федерация СФИО повторила слухи о фашистских связях Нового Дустура. В принятой ею 12 апреля резолюции она осудила кампанию ненависти против Франции, выразив глубокое сочувствие «жертвам долга – солдатам и служащим правопорядка, погибшим или раненым на своем посту». В унисон заявлениям ТКП, эта резолюция подчеркивала, «нет никаких сомнений относительно сговора некоторых влиятельных элементов из Нового Дустура с агентами иностранной пропаганды»⁴⁷⁷. Одобряя в целом поведение властей, а значит, и расправу над манифестантами, социалисты требовали не больше, чем отмены осадного положения. Но этого было достаточно, чтобы вызвать раздражение генерала Анота. Ему фактически была делегирована верховная власть в регентстве декретами Генерального резидента от 9-11 апреля, которые установили в городах и самых густонаселенных районах страны чрезвычайный режим, соответствующий порядку военного времени.

Между тем центральное руководство СФИО дезавуировало резолюцию департаментской федерации, объяснив, что из-за военной цензуры оно с запозданием получило текст документа и не смогло вовремя отреагировать. Несколько позже, в июле, Леон Блюм выступил в парижской газете «Populaire» с серией статей, посвященных туниССким делам, где главной мыслью была следующая: «не надо в вожди генералов». Региональная конференция федераций СФИО, созванная 23-24 апреля в Алжире, взяла общий курс на борьбу за удовлетворение интересов мусульманского населения Северной Африки, прежде всего – экономических⁴⁷⁸. На этом фоне изменился тон и характер социалистической печати, в частности, газеты «Tunis-Socialiste», которая снова превращалась в орган оппозиции.

⁴⁷⁶ «L'Humanité», Paris, 21.4.1938.

⁴⁷⁷ «L'Afrique française», Paris, № 6, 1938, p. 256.

⁴⁷⁸ Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche..., p.198.

В статье, опубликованной на ее страницах 19 мая 1938 г., подчеркивалось, что «экономические проблемы требуют экономического решения» и что необходимо взяться за привилегии господ, которые вот уже десятилетия являются безраздельными хозяевами Туниса. При этом вновь осуждалась деятельность Нового Дустура, который атаковал профсоюзы ДО ВКТ «не хуже правых», тем самым играя на руку «империалистическим элементам» и нанося ущерб «туземному пролетариату»⁴⁷⁹. Главной мишенью критики туниССких социалистов становится военщина.

Так, 14 июля, в день французского национального праздника, Робер Ладель⁴⁸⁰ заявил на профсоюзном собрании в Бизерте, что взятие Бастии – революционный праздник и вовсе не повод для военного парада. «Я не понимаю», добавил он, почему гвоздем программы является дефиле «сеющих смерть и нищету», тогда как народ желает лишь мира. «И откуда только берутся эти зеваки, сбегаящие глазами на орудия разрушения и людей, марширующих с саблями наголо!»⁴⁸¹.

Все лето социалисты вели упорную кампанию за освобождение Шедли Рхайема, видного профсоюзного деятеля, пострадавшего за оскорбление армии в печати. Этого бывшего участника издательской группы «La Voix Tunisienne», председателя секции ДО ВКТ в Бедже, арестовали 8 июня, а через неделю приказом генерала Анота газета «Tunis-Socialiste» была подвергнута запрету и не выходила больше месяца⁴⁸². Вместо нее в эти дни рассылалась тем же подписчикам однополосная «La Tunisie Ouvrière». Оперативно созданная, эта газета стала затем издаваться еженедельно как самостоятельный орган рабочей прессы.

Тем временем д-р Коэн Хадрия встречался в Париже с рядом крупных политических деятелей и был принят главой правительства, доби-

⁴⁷⁹ Цит. по: El Mechat S. Le Nationalisme Tunisien scission et conflits. 1934-1944, Paris: L'Harmattan, 2002, p. 196.

⁴⁸⁰ Служащий департамента связи, который в начале 1938 г. становится генеральным секретарем ТуниССкой федерации СФИО вместо д-ра Коэн-Хадрия, возглавлявшего федерацию на протяжении семнадцати лет.

⁴⁸¹ Khaled A. Documents secrets du 2-ème bureau..., p. 355.

⁴⁸² Она возобновила свое издание с 22 июля. Однако вскоре было заведено судебное дело на преподавателя женского лицея Робера Бижауи – секретаря столичной секции ДО ВКТ, который в номере «Tunis-Socialiste» от 31 августа 1938 г. «нанес публичное оскорбление» войскам, дислоцированным в Тунисе (Ibid., p. 424-425).

ваяя решения в пользу отмены в Тунисе режима осадного положения.⁴⁸³ Спохватилась и коммунистическая печать, выступив с осуждением бессмысленной жестокости карателей, которая лишь «служит врагам Франции», ибо на какое-то время, писала 1 июня 1938 г. «L'Humanité», политика репрессий «может заставить замолчать Тунис, но вселяет в его сердце ненависть к Франции».

Таким образом, как тунисские коммунисты, так и социалисты, стремились воспользоваться моментом, чтобы перетянуть на свою сторону как можно большую часть приверженцев Нового Дустура. Но если первые в этом не преуспели, о чем будет сказано ниже, то социалистам, которые главенствовали в ДО ВКТ (где коммунисты были их слабым партнером), отчасти удалось сгладить неблагоприятный эффект от своих первоначальных заявлений, сделанных по следам апрельских событий, и переключить внимание рабочих-мусульман на собственные лозунги. Под крыло «сегетистов»⁴⁸⁴ возвращались тунисцы, примкнувшие было ко «второй» ВКТ, оставшейся без лидеров. Так поступили летом 1938 г. два синдиката: хлебопекеров (*boulangers*) и работников, занятых на погрузке зерна (*ouvriers céréalistes*); докеры колебались.⁴⁸⁵ Идея создания национального профцентра, принадлежавшая Мухаммеду Али аль-Хамми и подхваченная Новым Дустуром, снова потерпела неудачу.

Пацифистские лозунги местных отделений СФИО и ВКТ, их требования к патронату соблюдать трудовое законодательство, в том числе декрет о 40-часовой рабочей неделе, упорная борьба за повышение оплаты труда в горнодобывающей промышленности, на транспорте и в других отраслях хозяйства, все это, естественно, привлекало тунисских рабочих. Социалисты брали реванш за свои опрометчивые изъятия восторга по поводу разгона демонстрантов 9 апреля и жестких репрессий против националистов.

⁴⁸³ Ibid., p. 338.

⁴⁸⁴ Les cégétistes – члены ВКТ (CGT). В Тунисе они явно преобладали над рабочими и служащими, входившими в местное отделение Всеобщей конфедерации христианских трудящихся (Во Франции накануне войны, соответственно, 5 млн. и 500 тыс.). Конкуренция социалистов и коммунистов в руководстве тунисского ДО ВКТ проявила себя на выборах в его Административную комиссию 28 января 1938 г. (на них победил А. Бузанке); возобновилась в 1944 г. и послужила – при ином раскладе сил – одной из причин разлада внутри этой организации, из которой в третий раз и уже окончательно выделились национальные профсоюзы.

⁴⁸⁵ Khaled A. Op. cit., p. 335, 379.

Ситуация была, однако, не столь простой, как может показаться на первый взгляд, а разгадка к ней находилась в Париже, где перед уходом депутатов на парламентские каникулы 1938 г. практически распался Народный фронт, о существовании которого все еще говорил Даладьё. Обострились разногласия не только между партиями, но и внутри парламентских партий, речь идет о СФИО и радикал-социалистах (слаженная ФКП – исключение), что предвещало ту «потерю чувства национального единства», которой многие французы позднее объясняли как метания правительства во внешней политике накануне Мюнхенских соглашений, так и катастрофу Франции на девятый месяц ее выжидательных военных действий, получивших название «Странная война» («Drôle de guerre»), подслушанное в солдатских окопах. Катастрофу сильнейшей тогда европейской державы, вступившей во вторую мировую войну с «пораженческими настроениями» и военной доктриной, унаследованной от Вердена, с устаревшими танками и авиацией, «с ружьями без патронов и людьми без ружей»⁴⁸⁶.

Отказавшись участвовать в правительстве радикала Даладьё (10 апреля 1938 – 20 марта 1940), политическая ось которого резко сдвинулась вправо, СФИО «как ни одна другая партия раскололась по вопросу о внешней политике»⁴⁸⁷. Ее генеральный секретарь Поль Фор возглавил непримиримых пацифистов, воспринявших идею сохранения мира любой ценой. Вокруг Леона Блюма концентрировались более умеренные пацифисты, которые осенью того же года, когда пал его кабинет, «хотя и с отвращением», но проголосовали за ратификацию Мюнхенских соглашений. Левое крыло социалистов (меньшинство) возглавил Жиромский, который еще два года тому назад сложил с себя обязанности члена бюро федерации СФИО в департаменте Сена, протестуя против «политики невмешательства» в гражданскую войну в Испании, и требовал организации системы коллективной безопасности для отпора натиску гитлеризма в Центральной Европе. К такому пониманию вещей тяготели некоторые независимые социалисты (например, бывший министр Поль-Бонкур), сомневавшиеся в том, что «капитулянтство» приведет к добру, а надежды генералитета и увлеченного дворцовыми интригами правительства на то, что в случае военного конфликта Франции удастся отсидеться за дорогостоящей линией бе-

⁴⁸⁶ Ribard A. Histoire de France, Paris: Ed. du Myrte, 1947, 431.

⁴⁸⁷ Goguel F. La politique des partis sous la III-e République, Tome II, 1933-1939, Paris: Sueil, 1946, p. 314.

тонных укреплений по границе с Германией, оправданы.

Яростными оппонентами лагеря миротворцев, олицетворяемого правым радикалом и министром иностранных дел Жоржем Бонне, которого подозревали в подыгрывании оси «Рим – Берлин», были коммунисты, которые (до августа 1939 г.) занимали самую воинственную позицию в деле противостояния фашизму, поддерживая «оборонную политику» Франции. На том же стояли и патриоты-консерваторы – традиционные носители антигерманских настроений, относившиеся к так называемой партии Существовавшего порядка⁴⁸⁸.

Несмотря на сильную автономистскую традицию французского синдикализма, заложенную Амьенской хартией 1906 г., а может быть и в силу этой традиции, противной желанию коммунистов «поставить силу синдикализма на службу одной партии», руководители ВКТ в основном следовали в фарватере пацифистского курса СФИО⁴⁸⁹. Это стоило им, как известно, ответственности за соучастие в «моральной демобилизации» страны. Обвинения, настигшего после поражения Франции в 1940 г. политических деятелей самого разного толка, включая Леона Блюма, которого одни считали «патологическим врагом коммунистов», другие неисправимым марксистом, и многие – виновником преступной политики невмешательства, отдавшей на растерзание каудильо и его иностранным покровителям испанский *Frente popular*.

Конечно, среди профсоюзных деятелей в центральном руководстве ВКТ и департаментских отделениях этой 5-миллионной армии трудящихся не было полного единомыслия по вопросам внешнеполитического курса правительства, которое пыталось совместить дипломатию умиротворения, «державшую путь к Мюнхену», и оборонную политику. Нельзя забывать, однако, что с 1936 г. во Франции опасались государственного переворота руками военных с целью свержения республиканского строя. А сбывшаяся моделью такого развития событий, отправной точкой которых стало Марокко⁴⁹⁰, была гражданская война в Испании, где к концу лета 1938 г. республи-

⁴⁸⁸ «Le parti de l'Ordre Etablie» противопоставлялась тогда партии Движения, «Le parti du Mouvement», на крайне левом фланге которой аналитики середины XX в. помещали СФИО и ФКП (Goguel F. Op. cit., p. 9).

⁴⁸⁹ Paul-Boncour J. Entre deux guerres. Souvenirs sur la III-e République. Sur les chemins de la défaite, 1935-1940, Paris: Librairie Plon, 1946, p.147-148.

⁴⁹⁰ Поднятый 17 июля 1936 г. в Испанском Марокко, мятеж генерала Франко на следующий день перекинулся в Испанию. Армия фалангистов, воевавшая против

канское правительство потеряло Мадрид и две трети территории страны; потенциальной угрозой – обстановка в Тунисе, где властвовали генералы...

Между тем правительство Франции, прямые (бюджетные) военные расходы которой сильно отставали как от немецких, так и от британских, пошло на чрезвычайные экономические меры. Среди них была милитаризация промышленности, в том числе отмена 40-часовой рабочей недели, закрепление рабочей силы за военными заводами и другими стратегически важными отраслями хозяйства. Встречавшая сопротивление французских профсоюзов, эта социально-экономическая политика, отменявшая их исторические завоевания («Матиньонские» соглашения), затрагивала и Тунис, где с середины 1938 г. ухудшались условия труда.

Протестуя против духа милитаризма, тунисские социалисты и лидеры ДО ВКТ призывали трудящихся-мусульман сосредоточиться на актуальных задачах профсоюзного движения. Генеральный секретарь ДО ВКТ – Альбер Бузанке, выступавший в местной и французской печати, а также другие деятели-социалисты разъясняли, что их «окончательный разрыв с дустуровцами» произошел именно из-за того, что последние стали поддерживать Всеобщую конфедерацию тунисских трудящихся (ВКТТ) и взяли ее под свою полную опеку, тем самым «ослабив борьбу рабочего класса за свои права». Нет ничего «преступного в том, – писала г-жа Бижауи в газете «*Tunis-Socialiste*», – чтобы желать независимости своей родины... Мы отделились от дустуровских вождей, когда у нас сложилось убеждение, что для них куда менее важно построить общество, где к труду не будут относиться как к бедному родственнику, чем отнять прибыли у тех, кто не относится к автохтонному элементу»⁴⁹¹.

С помощью делегатов из Парижа «сежетисты» организовали свои агитационные поездки по Тунису. Руководители профсоюза горняков возглавили ряд крупных забастовок на шахтах с требованием повышения заработной платы и соблюдения трудового законодательства. Аналогичные выступления прошли на предприятиях по обслуживанию железнодорожного транспорта. В наэлектризованной атмосфере регентства, которая отра-

республиканского правительства Мадрида, в значительной мере рекрутировалась из марокканских мусульман, в первую очередь – рифов. Испанские события во многом определяли отношение французских левых кругов к происходившему в Тунисе до и после 9 апреля 1938 г.

⁴⁹¹ Цит. по: «L'Afrique française», Paris, № 6, 1938 p. 256.

единение Туниса, присоединились к критике антидемократических декретов, высказав в разосланном по своим ячейкам циркуляре (август 1938 г.) идею о слиянии ТКП с федерацией СФИО «в единую рабочую партию»⁴⁹⁸. Однако на деле занятая ими позиция оказалась проигрышной. Они констатировали, что требование «уважать договоры о протекторате» ставит их перед выбором: либо подчиниться этому требованию и, сообразно ему, изменить свой устав, либо оказаться на нелегальном положении, «отрезать себя от масс» и даже отправиться в тюрьму, то есть «все взять или все потерять». Предлагалось первое решение – подчиниться, причем в той части циркуляра, где анализировались причины, побудившие Генерального резидента к принятию декрета об ассоциациях, подчеркивалось: «Начиная с марта этого года, неодустуровские вожди сделали союзниками фашизма... и то, чего реакция не могла добиться одна, она этого достигла благодаря действовавшему заодно с нею неодустуровцам». Результат, полученный самими коммунистами, был противоположным их желанию сохранить связь с массами⁴⁹⁹. Многие члены партии из числа тунисцев-мусульман стали выходить из нее, некоторые вступали в подпольный Новый Дустур. Все это происходило незадолго до первого съезда ТКП (20–21 мая 1939 г.), отчитываясь перед которым Али Джрад, переизбранный генеральным секретарем, в неизменном виде повторил прошлогодний тезис: «Разрыв с Новым Дустуром бесповоротный. Его вожди продались фашизму. Их связи с Шекибом Ареланом – агентом Муссолини служат тому ярким доказательством»⁵⁰⁰ [27].

Между тем 18 октября 1938 г. Арман Гийон оправился в очередную служебную поездку во Францию и по прибытии в Париж был уведомлен об освобождении от своего поста, получив должность государственного советника. Перевели в другое место и Шарля Анота, отозванного из Туниса. На здешней сцене появились новые персонажи. Генеральным резидентом становится Эрик Лабонн – карьерный дипломат, бывший советник посольства в Москве (1925–1928), который затем работал в Марокко и послом в Мехико, а с 1936 г. вплоть до своего назначения в Тунис выполнял миссию французского представителя в Барселоне, при республиканском правительстве⁵⁰¹. Он прибыл в порт Ла Гулетт 22 ноября 1938 г. и

⁴⁹⁸ Ibid., p. 442.

⁴⁹⁹ Kraïem M. Le Parti Communiste Tunisien..., p. 194.

⁵⁰⁰ Khaled A. Op. cit., p. 534.

⁵⁰¹ Dictionnaire biographique français contemporain, Paris: Pharos, 1950, p. 18.

с ним у тунисцев были связаны радужные надежды, равно как опасения у колонистов. Но тот в качестве девиза своего правления объявил «Порядок, сплоченность и производительность», подчеркнув, что «мы отнюдь не намерены отречься от того достоинства, которое завоевали наши отцы». С головой ушел в военные и хозяйственные вопросы, и «делал вид, что для него не существует никаких других проблем»⁵⁰². Обдумывал идею развития в Тунисе металлургического дела (кстати, наладил добычу лигнитов, весьма приготившуюся в условиях войны), и своим строгим обликом, высоким воротничком и темной одеждой производил на самых разных людей похожее впечатление – скорее пастора, чем губернатора.

Аресты саботажников то и дело производились, но суровых приговоров, как правило, не было. Генеральный резидент явно не хотел привлекать внимания к дустуровскому подполью в обстановке, когда под боком вверенной ему провинции – в Триполитании наращивалась численность итальянских войск и проводились крупные военные маневры. Несмотря на то, что 29 сентября 1938 г. Даладье подписал Мюнхенское соглашение, вроде бы отодвинувшее непосредственную угрозу войны, французы к ней на всякий случай готовились, а Тунис в этой ситуации приобрел особое стратегическое значение. 17 декабря Муссолини официально денонсировал Римский договор 1935 г. Это почти означало *casus belli*. В Италии открыто заговорили о необходимости как минимум исправить границы на юге Туниса и о желательности установления над ним совместного франко-итальянского протектората⁵⁰³.

⁵⁰² Иванов Н. А. Указ. соч., с. 365.

⁵⁰³ Свои претензии так называемого исторического характера Италия предъявила к Франции еще за 2 года до объявления ей войны. Ливорнская газета «Il Telegrafo», являвшаяся собственностью министра иностранных дел Чиано, поместила 1 июня 1938 г. статью под заголовком «Когда она будет итальянской?». Речь шла о плане аннексии Корсики. Осенью в той же газете выдвигалось требование передачи Италии уже не только Корсики, но также Ниццы и Савойи. 30 ноября 1938 г. во время дебатов по внешней политике в итальянском парламенте, где присутствовал Франсуа-Понсе (посол Франции), после заявления Чиано о приверженности его страны к миру, но без отказа от «естественных стремлений ее народа», группа депутатов поднялась с криками: «Тунис! Корсика! Савойя!». Французский посол покинул дипломатическую ложу, но выйдя из парламента, встретил толпу демонстрантов, выкрикивающих те же лозунги. «Слова Чиано будто послужили сигналом к этим выкрикам» (Reynaud P. Mémoires, t. II, Paris, 1963, p. 276). Бросив

Всю первую декаду декабря 1938 г. не только французское, но и мусульманское население Туниса принимало участие в стихийных акциях протеста против заявления министра иностранных дел Чиано, сделанного на фоне того, что в Ливии, где местных жителей насчитывалось менее миллиона, полным ходом шла политика заселения – в Киренаику было введено 20 тыс. итальянских колонистов и планировалось довести эту цифру до 100 тыс. Такая новость не прибавила симпатий к Муссолини в Тунисе, где принимали ливийских беженцев и оживилась деятельность «Общества по защите Триполитании и Киренаики»⁵⁰⁴. Газета *«ан-Нахда»* обратилась к Генеральному резиденту с просьбой запретить местную, откровенно фашистскую газету *«L'Unione»*, а еще лучше выгнать всех итальянцев и иностранных подданных, чтобы освободить рабочие места для тунисцев, страдающих от безработицы и итальянской конкуренции на рынке труда⁵⁰⁵.

Тревожный 1939 г. начался с демонстративного визита в Тунис французского премьера. Он находился в регентстве с 3 по 5 января, посетил бейский дворец, проехался по улицам Туниса-столицы, чтобы сесть в специальный поезд, который доставил его через Сус и Сфакс до Габеса. На юге, где кончалась железнодорожная ветка, Даладьё инспектировал строительство линии укреплений близ границы с Ливией, откуда ожидали вероятного агрессора. Эту сплошную «стену прикрытия», возводившуюся в течение нескольких лет между Средиземным морем и подножьем горной цепи Ксур (которую также называют Матмата), прозвали второй «линией Мажино». Свой краткий визит премьер-министр завершил в Бизерте и заявил: «Мы дадим отпор любому нападению, прямому или косвенному, произведенному при помощи силы или хитрости. Мы сделаем это с решимостью и энергией, которым ничто в мире не сможет противостоять»⁵⁰⁶.

Франция перчатку, Италия в декабре 1938 г. денонсировала Римский договор «Лаваль–Муссолини» от 7 января 1935 г., который по сути был обменом французского невмешательства в эфиопские (абиссинские) дела на обязательство Италии соблюдать статус-кво в Тунисе, весьма двусмысленный при наличии в этом французском протекторате своего рода итальянского анклава.

⁵⁰⁴ Усилиями ливийских политических эмигрантов в Дамаске было учреждено в 1928 г. «Общество по защите Триполитании и Киренаики», а его тунисский филиал открылся в 1931 г. (Прошин Н. И. История Ливии, конец XIX в. – 1969 г. Москва: Наука, 1975, с. 179).

⁵⁰⁵ Khaled A. Op. cit., p. 445.

⁵⁰⁶ Цит. по: История дипломатии, Т. 3, М.-Л.: ОГИЗ, 1945, с. 652-653.

Действовавшие в подполье активисты Нового Дустура дали указание своим сторонникам использовать приезд Даладьё для организации массовых демонстраций под двуединым лозунгом защиты Франции и национальных требований Туниса. Вдоль авеню Гамбетта над толпой, приветствовавшей главу французского правительства, взмыли плакаты с надписями: «Освобождение вождям!», «Долой привилегии!», «Да здравствует Даладьё!», «Дустур не враждебен Франции!», «Да здравствует Бургиба!»⁵⁰⁷. На площадях Старого города – у ворот Бэб Свика и Бэб Саадун и на улице Хальфавин собрались группы от 500 до 800 человек каждая, расселившиеся служителями порядка. Впоследствии это расценивалось тунисскими историками как одна из самых успешных акций партии после ее официального роспуска. Однако полиция, задержав 12 человек – в основном учащихся аз-Зейтуны и трех «рецидивисток» (женщин под чадрой, которые еще в день встречи Лабонна требовали освобождения Бургибы и предстали перед судом; он их оправдал), констатировала, что подавляющее большинство манифестантов выражало во время премьерского визита сплошной энтузиазм.

Старый Дустур, по ее данным, не проявлял признаков активности. Ироде бы собирался сформулировать новый устав, но остался на том же положении, на каком находился с мая 1933 г., де-юре нелегальном. Собрания членов Исполнительной комиссии, которые ни для кого не были секретом, проходили на квартире шейха Таальби, где его посещали вереницы заезжих гостей из Египта, Ирака и Сирии. Некоторую сенсацию вызвало то, что Таальби вдруг объявил о своем намерении уехать навсегда в Индию, но отбросил эту идею то ли с появлением в Тунисе Эрика Лабонна, то ли в связи с ухудшением своего здоровья.

Партия «таальбистов» продолжала дежурную критику французской политики: главным образом по части прошлого отчуждения земель у тунисцев, небрежения к их плачевному экономическому положению и потребностям в деле развития религиозного образования. Опубликовала несколько заявлений по палестинскому вопросу, обсуждавшемуся тогда в Каире. Наконец, занялась проектом создания акционерного общества по производству швейных изделий и планировала издать книгу об истории национального движения в Тунисе⁵⁰⁸. Но возникшие было опасения Рези-

⁵⁰⁷ Khaled A. Op. cit., p. 456.

⁵⁰⁸ Ibid., p. 378.

денции насчет того, что вокруг Таальби вновь сгруппируются дустуровцы, оказались беспочвенными.

Если часть привлеченных с середины 1936 г. в ряды Нового Дустура его «престижем перед правительством» поспешили ретироваться, перебегая в стародустуровские ячейки или просто забравшись в собственную раковину, то этого нельзя сказать о молодых, а лучше сказать, «запасных» партийных кадрах. Чуть ли не на следующий день после расстрела демонстрации в Тунисе-столице, когда в других городах еще шли выступления протеста – мирные, но давшие повод к новым арестам, образовалось подпольное политбюро, возглавленное такими деятелями, как Бахи Ладхам и Хеди Саиди. Первый сумел вечером 9 апреля бежать из окруженного полицией центрального помещения партии на rue du Tribunal и скрыться, второй был задержан, но через некоторое время выпущен на свободу. К ним присоединился Хабиб Тамер, вернувшийся из Парижа в конце 1938 г. Тридцатилетний врач, многие годы проживший во Франции, где он осуществлял (после отъезда Нуиры и Бен Слимана) руководство «зарубежной» секцией Нового Дустура, этот человек никак не был замешан в апрельских беспорядках и в этом смысле – вне подозрений. Его медицинский кабинет служил прекрасным местом для партийного штаба. Каждый день в число пациентов сюда являлись связные. Где-то печатались листовки, развозить которые под грузом на своих телегах брались неизменные активисты Нового Дустура, «karabatiers» с улицы Тронжа...

После 10 апреля 1938 г., когда была запрещена «L'Action Tunisienne», партия не имела легальных изданий. Однако ее молодые деятели стали выпускать газеты «L'Action Nord Africaine», «La Voix des jeunes», «Тунис аль-Фатат», «Куль шей би-ль-макиуф». Название последней означает «Все, как оно есть». Эта газета, рассчитанная на невзыскательного читателя и выходившая до сентября 1937 г., возобновила свой выпуск, а в ее типографии, принадлежавшей Хеди Саиди (ранее – главы «отдела пропаганды» Нового Дустура), устраивались тайные встречи членов 5-го подпольного политбюро⁵⁰⁹. Многие материалы, созвучные тону публикаций вышеупомянутых печатных органов, появлялись в газете «Ан-Нахда», основанной еще в двадцатых Реформистской партией, но теперь являвшейся скорее частным изданием Шедли Касталли – ее владельца⁵¹⁰.

⁵⁰⁹ Ibid., p. 441, 801.

⁵¹⁰ Иванов Н.А. Указ соч., с. 291.

Одной из главных тем, поднимаемых в этих газетах, было доказательство несправедливости обвинений, выдвигаемых против лидеров Нового Дустура. В ответ на обвинительное заключение следствия по их делу «Ан-Нахда» перепечатала статью из «La Voix des jeunes», которой стал известен факт неблагоприятных свидетельских показаний Таальби (против Бургибы) и устроила в своих номерах за 11-13 июля 1939 г. воображаемый «процесс над шейхом Таальби и его бандой»⁵¹¹.

Хабиб Тамер, глава 6-ого политбюро Нового Дустура

Статьи в газетах и листовки, попытки что-то сделать для заключенных, в том числе найти хороших адвокатов, индивидуальные «акты саботажа»,

⁵¹¹ Khaled A. Op. cit., p. 579.

участившиеся в 1939 г., все это вместе взятое составляло главное содержание деятельности партии в преддверии и начале второй мировой войны. У исследователей до сих пор есть сомнения насчет того, сколько сменилось разных составов политбюро, руководивших неодустуровским подпольем. Сами участники событий дают противоречивые сведения. Ясно одно. Бахи Ладхам, отличавшийся изумительной способностью ускользать от полиции, был арестован 11 мая 1938 г. при провале 5-ого политбюро, но в конце августа отпущен за отсутствием состава преступления. В октябре 1938 г. он организует съезд активистов, чтобы определить тактику действий, собралось человек сорок на одной частной квартире⁵¹². В духе позиции, занятой Бургибой (который в своих письмах из тюрьмы подчеркивал прежнюю ориентацию Нового Дустура на сотрудничество с Францией), 15 декабря того же года от имени политбюро был направлен меморандум в адрес Министерства иностранных дел Франции. Вновь поднимался вопрос о конституции и гарантиях политических свобод, подтверждалась верность партии политике этапов, которая обещала бы «эффективное участие тунисцев в отправлении власти»⁵¹³.

В середине марта 1939 г. спецслужбы сообщали, что Новый Дустур возвращается на политическую сцену. В провинциях «идет реорганизация партии, ... бывшие руководители секций поддерживают тесные контакты с временным секретным комитетом»⁵¹⁴. Среди его членов тем же источником были названы Хабиб Тамер, Мухаммед Салах Местири, Хеди Саиди и, что интересно, «реформист» Мухаммед Ноаман (сочетанный главой комитета), а также Зин аль-Абдин Сенуси⁵¹⁵ — один из зятя бей,

⁵¹² Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 88.

⁵¹³ Histoire du mouvement national. Le Néo-Destour face à la deuxième épreuve 1938-1943, Tunis: CDN, 1970, p. 239-244.

⁵¹⁴ El Mechat S. Op. cit., p. 208.

⁵¹⁵ Зин аль-Абдин Сенуси (1898-1966) был сыном довольно известного общественного деятеля, шейха Мухаммеда Сенуси, который преподавал в Аз-Зейтуне и являлся директором «Journal Officiel Tunisien», трудился над антологией тунисских авторов эпохи средневековья и нового времени. Примкнул к движению младотунисцев, за что в 1912 г. был сослан в Габес, затем амнистирован. Во время первой мировой войны эмигрировал, примкнув к «протурецкой» группе Али и Мухаммеда Баш-Хамба. Его сын, Зин аль-Абдин Сенуси, рано потеряв отца, воспитывался матерью и получил самое элементарное французское образование, посещая аз-Зейтуну, но в 1920 г. оставил учебу без всяких дипломов. Занялся историческими изысканиями и эссеистикой. Основал собственную типографию, пожег

имевший репутацию книгочея и ангела-покровителя начинающих литераторов. Это свидетельствует по меньшей мере о том, что не только «пылкая молодежь», но и часть солидной околупартийной публики, ранее осуждавшей экстремизм Нового Дустура, качнулась в его сторону.

К весне 1939 г. пошли слухи, что партия готовится отметить годовщину 9 апреля, однако Генеральный резидент принял надлежащие меры. Чтобы успокоить страсти, он распорядился выпустить 150 заключенных (освобожденных условно), а тем, кто примет участие в забастовке, пригрозил строгими санкциями. И утром в соответствующий день все кафе и лавки окрыли свои двери. Правда, в Монастире была перехвачена кипа листовок, но и здесь забастовка не состоялась. Цензура тщательно следила за содержанием газет. Так, в начале апреля 1939 г. «Тунис аль-Фатат» была лишена права выпуска на три месяца. Летом одна за другой аналогичному запрету подверглись «L'Action Nord Africaine» и «La Voix des jeunes», которые — в этом у властей уже не было сомнения — являлись рупором Нового Дустура⁵¹⁶. Зато 29 апреля бей приложил печать к подготовленному Э. Лабонном декрету, которым амнистировались свыше 600 осужденных по политическим мотивам и подследственных. Эта мера не коснулась только 28 человек, проходивших по одному делу с Бургибой⁵¹⁷.

Подобный жест милосердия, конечно, объяснялся не столько внутренней обстановкой в регентстве, сколько ее развитием в Центральной Европе, к которой было приковано внимание правительства метрополии.

новав на нее семейные драгоценности. Стал издавать журнал «Le monde littéraire» и продолжил работу отца над антологией, которая стала делом его жизни. Не имея четких политических пристрастий, играл заметную роль в совете Литературного клуба, который с 1936 г. симпатизировал Новому Дустуру. Выпускал газету «Am-Tunis», которая была среди наиболее читаемых в стране и соперничала тиражом с неодустуровскими «аль-Амаль» и «L'Action Tunisienne». С конца 1937 г. эта газета, которую рассматривали как неофициальный орган партии, перестала поддерживать политику Бургибы. Затем, как видим, Сенуси вновь сблизился с неодустуровскими кругами. В 1943 г. он оказался в Риме, где провел два года, зарывшись в архивах, в дальнейшем снова вернулся к литературным занятиям, нерегулярно выпускал свою газету. (О газете «Am-Tunis» см.: Иванов Н. А. Указ. соч., с. 315; о биографии Зина аль-Абдина Сенуси см.: Zmerli S. Figures tunisiennes. Les Contemporaines et Autres, Tunis: MTE, 1972, p. 127-131).

⁵¹⁶ Khaled A. Op. cit., p. 573.

⁵¹⁷ Ibid., p. 513.

Мало кто мог надеяться после аннексии Чехословакии, что немцы на этом остановятся, и колониальной администрации не стоило раздражать тунисцев в то время, когда в арабском мире с угрожающей скоростью росли симпатии к державам «оси». Такие настроения, естественные в ожидании войны и гаданиях, кто победит, подогревала женева газета «*Nation Arabe*» Шекиба Арслана, взятая – как считали французы – на содержание абвером и распространявшаяся тайными путями в Северной Африке. Имели успех и другие средства нацистской пропаганды. (Как известно, наряду с «политическим» отделом берлинский МИД имел в своем составе «культурно-политический» и «радио-политический», роль последнего в работе на пропаганду в арабском эфире была велика).

Подпольщики, а также не связанные с партией энтузиасты взяли по всей стране за вредительские операции. Правда, акты саботажа, наиболее типичными из которых были вывод из строя телефонных подстанций, порча линий электропередачи, железнодорожного полотна, обычно проходили без особого ущерба и человеческих жертв. Зачастую вину за такие диверсии – вроде появления булыжника на рельсах – брали на себя дети и подростки, по возрасту не подлежавшие ни суду, ни следствию. Полиция и бесились разводить руками. Самый крупный взрыв прогремел 25 октября 1939 г. и разрушил стену казармы у тунисской Касбы. Это случилось уже после нового введения в Тунисе осадного (военного) положения.

3 сентября 1939 г. правительство Даладье сделало Берлину заявление о том, что оно будет считать своим долгом выполнить «обязательства, взятые Францией в отношении Польши», и таким образом метрополия вступила в войну. Она отозвалась в Тунисе резким скачком цен и спекуляцией на те товары, которые тут же исчезли из продажи. Некоторые предприятия – шахты – закрывались и это подтолкнуло безработицу, зато интендантские заказы обеспечили работой ремесленников. В одних районах страны были неплохие урожаи, но возникали проблемы со сбытом. Засуха в центре и на юге оживила миграцию кочевников, которые мелкими группами уходили на север. Недовольство мусульман вызывали регулирование торговли, принудительные закупки скота и продовольствия по низким ценам на нужды армии, насильственный сгон населения на строительные работы оборонного назначения. Наконец, и то, что по старому закону на тунисских евреев, занимавших в госучреждениях места французов (уходивших на фронт), не распространялась воинская повинность.

Тунисские резервисты пытались уклониться от мобилизации. За малейшее оскорбление офицера или солдата, за подслушанные в кафе или у цирюльника разговоры о том, что молодым людям лучше бы спрятаться от призывной комиссии и т.п., виновных бросали в тюрьму и судили по закону военного времени. Никакой, даже самый либеральный губернатор не мог этому воспротивиться. Все, что было в силах Э. Лабонна, который советовал не плодить героев-мучеников⁵¹⁸, это затягивание «процесса Бургибу», следственная часть которого была завершена к 10 июня 1939 г. с формулировкой «побуждение к гражданской войне и покушение на государственную безопасность», но без обвинения в шпионаже в пользу иностранной державы. Слушания по делу, однако, все откладывались [28].

В ноябре 1939 г. Бургибу и его товарищей перевели в г. Тебурсук, где их ждала военная каторжная тюрьма. Все же они и оттуда, хотя с возросшими трудностями, получали известия с воли и, наоборот, могли давать друзьям какие-то указания. Главный связной – адвокат Хеди Кефаша был разоблачен и взят под стражу⁵¹⁹. В том же месяце члены 5-ого политбюро во главе с Бахи Ладхамом вновь задержаны и на сей раз преданы суду. С этого момента руководство подпольными структурами партии взял на себя Хабиб Тамер. В новом поколении лидеров партии этот человек, бывший активист «Североафриканской Звезды», явил собой одного из ярких выразителей прогерманских настроений, которые, правда, у него и других членов 6-ого политбюро в разной мере определились по ходу войны⁵²⁰. Имеются в виду, в частности, такие фигуры, как кузен д-ра Тамера и его правая рука Тайеб Слим (младший брат Монжи Слима), Хасин Трики и Рашид Дрис. Они занялись выпуском газеты «*Тунис аль-Фатат*», которая через

⁵¹⁸ *El Mechat S.* Op. cit., p. 213.

⁵¹⁹ *Ibid.*, p. 212.

⁵²⁰ После поражения Франции Хабиб Тамер склонялся к одобрению «нового порядка», замысленного державами «оси». Об этом было заявлено в меморандуме, который он направил от имени партии в итальянскую комиссию по наблюдению за перемирием. (В Тунисе действовали итало-немецкие комиссии такого рода, но итальянцы в них преобладали). Меморандум гласил: «Тунис желает прежде всего освобождения, но понимает, что не может существовать в абсурдной изоляции. Напротив, он намерен кооперироваться с новой Европой и новым порядком, предусмотренным державами Оси, но не как жертва этого порядка, а по вольному согласию как полноправная и свободная страна» (*Bessis S., Belhassen S.* Op. cit., p. 282).

несколько первых номеров была подвергнута санкциями, на три месяца прекратила выпуск, затем издавалась до сентября 1939 г.⁵²¹

На том этапе, о котором здесь идет речь, возглавивший партию Хабиб Тамер, пользуясь своими обширными связями, накопленными в Париже, установил контакты с подпольными ячейками Партии алжирского народа (ППА), действовавшими в Константине и на приграничных территориях Алжира. В воинских частях распространялись листовки порочащего и антифранцузского содержания; их то и дело обнаруживали в солдатском ранце у мусульман, надевших военную форму. Гражданскому населению подбрасывались листовки с такими, скажем, обещаниями: «Французы не платят, а немцы, когда будут здесь, станут платить лучше»⁵²². Но кто был автором этих подметных листов, совсем не ясно. Многие из них заканчивались словами: «Да здравствует Бургиба!», «Да здравствует Дустур!».

С началом войны типографские мощности, имевшиеся у издательств, связанных с Новым Дустуром, были конфискованы, листовки писались от руки или на машинке. Более существенной уликой против подпольщиков служили тайники взрывчатки. Их нередко находили на юге Туниса, в шахтерских районах. В январе 1940 г. были арестованы члены параллельной партии «Комитета сопротивления» во главе с уроженцем Джербы – Беширом Зарг аль-Айнуном, который до апрельских событий руководил одной из неодустуровских ячеек на этом острове. Комитет, создавший широкую сеть в провинции, видимо, являлся основным исполнителем диверсионных операций⁵²³. Не избежал ареста и д-р Тамер. Отсидев несколько недель в тюрьме, руководитель 6-ого политбюро в начале августа был отпущен, так как серьезной вины, кроме петиции, которую он подавал во дворец с просьбой освободить Бургибу и других заключенных, за ним не обнаружилось⁵²⁴. Что касается Бахи Ладхама, то в феврале 1940 г. он был осужден и проведет вместе с товарищами долгие месяцы в стра-

⁵²¹ El Mechat S., Op. cit. p. 211.

⁵²² Khaled A. Op. cit., p. 605, 614.

⁵²³ Подробнее см.: Иванов Н. А. Указ соч., с. 377.

⁵²⁴ Вторично арестован 21 января 1941 г. при попытке перейти тунисско-ливийскую границу, несколько раньше было арестовано около 20 человек, в основном молодых людей, составлявших верхушку партийного руководства. Несмотря на коварство ответственных вишистских чиновников перед министром внутренних дел Пюше, они получили суровые приговоры (El Mechat S. Op. cit., p. 233-234).

ном каторжном лагере Lambèse на юге Алжира, куда позднее сослали многих членов ФКП и группу тунисских коммунистов⁵²⁵. А еще в том памятном году, когда подошла к развязке «Странная война», Франция капитулировала, правительство бежало в Виши, а собравшиеся в запыленном кинотеатре депутаты поставили крест на Третьей республике, отменив ее конституцию, дважды поменялась власть в тунисском «Доме Франции».

Летом 1940 г. на смену Эрику Лабонну, уехавшему послом в Москву⁵²⁶, явился «старый знакомый» Марсель Пейрутон. Но, промелькнув и даже не вникая в местные дела, он сдал свои полномочия шестидесятилетнему адмиралу Жан-Пьеру Эстева. Последнему – ибо англичане успели довольно бессмысленно потопить французский флот в гавани Мерс-эль-Кебир возле Орана – пришлось осваивать административное поприще. Неудивляющий адмирал постарался завязать отношения с некоторыми бывшими политическими деятелями Туниса, звал их на светские обеды и до поры до времени не имел осложнений со дворцом, где царил мертвое затмение. Старый Дустур официально приостановил свою деятельность и, надо сказать, ни в какой форме державам «оси» сочувствия не выказывал. «Ирада» с 22 мая 1940 г. добровольно прекратила выпуск; а шейх Таальби,

⁵²⁵ Так называемый пакт Молотов-Риббентроп обошелся тысячами арестов и казнями французских коммунистов. Поддержав инициативу СССР, они изменили своей прежней линии, которой выгодно отличались от «капитулянтов» в парламенте и правительстве. Как результат, 25 августа 1939 г. издание газет и журналов ФКП было приостановлено, 26 сентября запрещена и сама компартия. Последовал арест 27 ее членов, депутатов парламента. В марте 1940 г. они были осуждены на 5 лет лишения свободы и сосланы в Алжир, где содержались в тюрьме Maison Carrée. Освобождены в феврале 1943 г. вместе с сотнями других французских коммунистов, находившихся в Lambèse и других концентрационных лагерях. Вместе с членами Алжирской компартии (АКП) они развернули легальную деятельность в Алжире, стали издавать газеты. Реабилитировавшая себя героическим участием в Сопротивлении, компартия вошла в состав Французского комитета национального освобождения (ФКНО), в котором была представлена двумя комиссарами. Вскоре после завершения военных операций союзников на территории Туниса (май 1943 г.) получила возможность свободно действовать и ТКП.

⁵²⁶ Через несколько месяцев был отозван правительством Виши. После войны – Генеральный резидент в Марокко (5 марта 1946 – 14 мая 1947), затем специальный представитель президента республики по организации структур Французского союза. В этой связи осуществлял изучение экономических проблем в колониях; считался проповедником идеи «Евроафрики».

⁵²⁷ Джихад без войны. Т. 1. Кн. 1.

еще недавно раздражавшийся филиппиками в адрес британских колонизаторов на Востоке, обернулся англофилом и заявил, что все назревшие вопросы будут решаться после победы союзников.

Из воспоминаний д-ра Махмуда Матри: «В мае 1940 г. началось генеральное наступление немецких армий на Западном фронте. Италия выбрала этот момент для того, чтобы объявить Франции войну, и следом в Тунисе были интернированы все итальянцы, способные носить оружие. Для нас это было странное зрелище: длинные вереницы итальянцев, раньше столь гордых и заносчивых с «карабами», как их вели с опущенными головами (в концентрационные лагеря, куда скопом отправили фашистов и антифашистов — М.В.) под снисходительным взором охраны из тунисских стрелков и спаги... Тем временем все более тревожные новости приходили из Франции, весть о поражении союзников нас не удивляла, но взволновала. Летом я жил на взморье... и по дороге в Тунис-столицу стал свидетелем сцены, которая погрузила меня в глубокое раздумье. У места по названию Chouchet Radès заметил французских артиллеристов, демонтирующих противоздушную батарею, установленную несколько дней назад и теперь ненужную. Через несколько мгновений люди и орудия были уже на грузовиках... В ту самую минуту я увидел маленький караван кочевников метлизи (из-под Сфакса), они заняли то самое место, которое только что покинул батарейный расчет... Все еще глядя на пришельцев, заметил рослую женщину-бедуинку с камнем, который она собиралась вбить в землю, чтобы поставить палатку маленького лагеря. Эта бедуинка символизировала для меня вечный Тунис — страну Ганнибала, Кахины⁵²⁷, Аглабидов, Зиридов, Хафсидов. Тунис, который ни римский, ни арабский, ни испанский, ни турецкий, ни французский — тунисский Тунис.

Добравшись до города, я обнаружил, что все заняты своим обычным делом, как будто ничего и не произошло. Это была лишь видимость, на самом деле тревога закралась в души. Стараясь держаться хладнокровно, французы были в унынии, у многих — покрасневшие глаза. Тунисцы в большинстве своем, за-

⁵²⁷ Кахина («Пророчица» или «Колдунья») так называемая царица Ореса, предположительно исповедовавшая иудаизм, по другой версии — христианство. Вторглась в конце VII века со своими племенными ополчениями на территорию византийской провинции Африка (совр. Тунис) навстречу арабам, частично здесь уже закрепившимся. Намеревалась их выгнать, применяя тактику «выжженной земли». По легенде, разрушала города и деревни, чтобы освободить обрабатываемые земли под пастбища. Это привело местных жителей, речь идет о романзованном населении Восточного Магриба, к союзу с арабами против воинственных берберских племен. Кахина потерпела поражение в 703 г. от арабского полководца Хасана ибн Ноамана и погибла под г. Эль-Джем (античный Фидрус), что лежит южнее Суса и виден путнику издали своим огромным амфитеатром в руинах.

быв обиды, искренне разделяли горе Франции. Вечером мы услышали выступление генерала де Голля (очевидно, его речь по лондонскому радио 22 июня 1940 г. — М.В.). Никто из нас не придавал значения словам неизвестного бригадного генерала. Но всерьез поговаривали о создании французского правительства в Северной Африке, чтобы продолжать войну, несмотря на перемирие, подписанное Петеном. Амбициозный и беспринципный чиновник, Пейрутон не знал, чью взять сторону: пойти за де Голлем или подчиниться Петену? Сначала в своем обращении к населению он вроде бы склонялся к первому решению. Но через 24 часа отдал приказ по радио всем подчиняться правительству Маршала — «единственному легитимному правительству Франции»...

Любопытно, что оба его выступления были адресованы сперва «тунисским друзьям», а уже затем «французам, живущим в Тунисе». Неслыханный приоритет, отданный тунисцам, не мог не обратить на себя наше внимание. Спустя несколько недель... его заменил адмирал Эстева. Для тунисцев личность резидента в то время мало значила: не могло быть и речи о реформах, политических или иных. Таким образом, Эстева застал спокойную страну, находившуюся почти в состоянии оцепенения. Ахмед-бей, престарелый восьмидесятилетний государь, вел растительное существование в окружении своего малочисленного двора, состоявшего из незначительных лиц, даже не отдававших себе отчета о важности событий, которые переворачивали мир... Старый Дустур, как обычно, не подавал признаков жизни. Члены Большого Совета трепетали перед адмиралом. Новый Дустур время от времени заявлял о себе каким-нибудь изолированным актом, что провоцировало аресты нескольких активистов, еще остававшихся на свободе...

К моему полному изумлению, я был приглашен нанести визит новому резиденту. Хотя мне уже попадался его портрет в газетах, живым во плоти он явился для меня сюрпризом. Со своей лохматой бородой, упрямым лбом и маленькими, глубоко посаженными глазами, с медленной, в раскачку походкой, он производил впечатление настоящего морского волка, точно такого, как изображают в приключенческих рассказах для детей. Возможно, он был дельным адмиралом, но через полчаса разговора я понял, что он не мог быть ни хорошим администратором, ни хорошим политиком... Сам себя воображал человеком из железа и стали, как раз подходящим для своего поста: «командовать военным кораблем, это — лучшая школа, чтобы научиться управлять страной». Я поостерегся при первом контакте с этим человеком заводить речь о наболевших тунисских проблемах или спросить о политзаключенных. Я только задал вопрос, где же они, и ответ был: «Думаю, что в Марселе. Во всяком случае, они там, где находятся»⁵²⁸.

Упомянув тунисцев, которые в сороковом, «забыв обиды, искренне разделяли горе Франции», д-р Матри имел в виду, конечно, самого себя и немногих ему подобных. Иные образцы мемуарной, равно как и художе-

⁵²⁸ El Materi M. Op. cit., p. 177-180.

Новый Дустур уходит в подполье

ственной тунисской литературы, говорят об обратном. Одни злорадствовали, другие выжидали, для подавляющего большинства вторая мировая была «чужой войной». Ее начало совпало в Тунисе с циклом урожайных лет, вишистские власти, несмотря на морскую блокаду, объявленную им англичанами, наладили вывоз продукции из Северной Африки в Германию, а резкое сокращение торговых связей с метрополией, на две трети оккупированной немцами, было на руку местным предпринимателям. Впервые в Тунисе заработали ткацкие предприятия, которые можно назвать фабриками. Репрессии против итальянцев, снятые при режиме Виши, но зато обращенные против евреев, освободили место в некоторых сферах деловой жизни мусульманам [29].

Наконец, без всякого сожаления они проводили в последний путь Ахмед-бея, который скончался 18 июня 1942 г., а перед тем умерли подряд один «походный бей» и другой, принц Тахар и принц Бешир. Судьба улыбнулась Мухаммеду аль-Монсефу, третьему по очереди престолонаследнику, который и не надеялся занять трон Хусейнидов, жил скромно в Ла Марсе, где любил кататься в старомодной коляске, притормозить лошадей у какой-нибудь лавки, попить чайку с хозяином и побеседовать о делах насущных. Этот старший сын Насер-бея (ум. в 1922 г.) не имел других богатств, кроме денежного пособия, полагавшегося каждому члену разветвленной бейской фамилии, и виллы в ста метрах от железнодорожной станции, откуда ездил до города в общем вагоне. Возведенный без обычной церемониальной пышности 18 мая 1942 г. в «походные беи», Мухаммед аль-Монсеф провел в этом качестве ровно месяц и подарил кольцо с бриллиантом первому (врачу), кто принес ему приятную новость о смерти его дяди. Крепкий мужчина 62-х лет с гусарскими усами, некогда взявший в репетиторы собственному сыну молодого Махмуда Матри и чье двадцатилетнее уединение разделяли поэт Шедли Хазнадар, Али Кахья и еще два-три основателя Дустура, он был симпатичен как представителям тунисской интеллигенции, так и простым людям.

Оживленные ночи Рамадана ранней осенью 1942 г., когда новый паша-бей, одетый в шитую золотом маршальскую форму, появлялся в своей коляске на площади Бэб Свика, прошли необычайно весело. Запах благовоний растекался по старым улочкам. Торговля шла хорошо, курился дым над жаровнями, гремела ритмичная музыка... Народ был в приподнятом настроении. Правда, второй день праздника розговенья, 12 октября,

Кольцо Монсеф-бея

был омрачен «инцидентом во дворце Бардо» – публичной ссорой между Монсеф-беем и адмиралом Эстева. Первый тут же направил в Виши телеграмму с просьбой извинить его от наглого Генерального резидента. Но на Бэб Свика мало кто знал, в чем суть была этой ссоры. Знали, однако, что лидеры Нового Дустура все еще за решеткой и что бей хотел бы их выручить.

Для них борьба за свою жизнь и идеалы продолжалась. И если не было места действию, оставался голос, который пусть слабо, но доносился из тюремных камер...

ИСТОРИЧЕСКИЕ СПРАВКИ И КОММЕНТАРИИ

№ 1

«Бей» или «бай» (тюркск. господин) титул феодального владельца или наместника какой-нибудь области, соответствующий арабскому «эмир» (*амир*). В Тунисе – титул монарха. Изначально тунисские беи занимались сбором налогов, а завоевав власть в провинции, стали автономными правителями, опираясь на войско, набранное в основном из местных жителей, которое потеснило янычарский корпус, низведенный до положения одного из войсковых подразделений и, наконец, распущенный.

Эволюция властных отношений в османском Тунисе прошла три этапа: 1574-1591 г., прямое управление турецкого пашы, 1591-1640 г. правление деев – пожизненных, но выборных правителей, избиравшихся верхушкой янычар, с 1640 г. возвышение беев над деями. Вторую и начало третьей фазы Тауфик Башруш назвал «движением от принципата к доминату». Под принципатом автор подразумевает правление деев, под доминатом – установление верховной власти беев, основавших наследственную династию Мураидов (*Bachrouch T. Formation barbaresque et pouvoir a Tunis au XVII-e siècle, Tunis: Publ. de l'Université de Tunis, 1977, p. 125-143*).

Первую половину XVII в. можно рассматривать и как эпоху двоевластия. Деи владели столицей и ее окрестностями, занимались пиратством, беи осуществляли власть во внутренних районах страны и собирали налоги. Во времена Рамдан-бея (ум. около 1613 г.) был взят курс на планомерную борьбу с вождами военно-кочевых союзов. Задача состояла в том, чтобы поданные (*ахль, райа*) вместо дани кочевникам платили государственные подати. Это дело крепко взял в свои руки корсиканец Мурад Корсо (1613-1631), вольноотпущенник Рамдан-бея и родоначальник династии беев Мураидов. Однако подлинным основателем этой бейской династии становится Хаммуда-бей, единственный сын Мурада Корсо, который в 1635 г. одержал решающую победу у селения Эль-Хамма над бедуинами *аулад-саид*, тем самым освободив от этих «прельщенных шайтаном арабов» узкий проход на юг между морским побережьем и солончаковой впадиной Джерид, что позволило ему выйти к горному массиву Матмата (Ксур), естественному порогу Сахары, и повергнуть его к своим ногам.

«И когда весть об этой победе (при Эль-Хамме – *М.В.*) услышали соседи непокорные, то к нему прибыли их посланцы, просящие о милости, ...вести о его победе, как голуби, полетели во все концы, ... в сердцах подданных воцарился трепет, и узнали они, что его звезда поднимается вверх, а звезда его врагов опускается вниз, что он удачлив и счастлив». Так описывала деяния Хаммуды-бея хроника Ибн Аби Динара, созданная в конце XVII в. Его сын Мурад II (1635-1675) продолжил преследование «непокорных» и добился еще большего возвышения власти беев, уже имевших собственное войско. Продолжая, подобно отцу и деду, «царствовать в седле», он начал с того, что стал назначать на должность деауляти своих ставленников, а встретив сопротивление «турок левантийцев», часть из них истребил, других «унизил» и в последние годы своего правления зажил оседло во дворце Бардо. (Полный перевод отрывка, повествующего о войнах Мураидов с кочевниками, см.: *Видясова М.Ф. Социальные структуры доколониального Магриба. Генезис и типология. М.: Наука, 1987, с. 282-284*).

С тех пор дальние вассалы, воцарившиеся в Тунисе, согласовывали с Османской империей лишь собственную внешнюю политику, да и то лишь время от времени. Они самостоятельно заключали договоры с иностранцами об условиях торговли, но участвовали в турецких военноморских походах и получали от султана благословение на власть. Соответствующий указ (фирман) поступал задним числом. При этом звание «бей», в полном варианте – «паша-бей», стало монаршим титулом. С 1705 г. им пользовался дом Хусейнидов. Основатель династии – ага сипахив Хусейн бен Али, грек по происхождению, был избран после трех лет междуцарствия (падения династии Мураидов, угасшей во внутрисемейных распрях и «военной диктатуры» аги Ибрагима Шерифа), собранием тунисской знати и духовенства в момент, когда шла очередная война Туниса с Алжиром, которая клонилась в пользу последнего, и поспешил получить инвеституру от султана. Он носил сразу несколько взаимозаменяемых титулов: бей, дей, бейлербей, вали, паша, дауляти, мирмиран... При нем еще подвизался турецкий паша – номинальный наместник, делегированный Портой, который сидел, однако, взаперти, разве что посещая мечеть по пятницам и символизируя собой духовное верховенство султана-халифа. Позже наместником «Великого турка» считался сам тунисский бей и паша одновременно. Наследование престола у Хусейнидов осуществлялось не от отца к сыну, а к старшему члену рода. Разумеется, возникал соблазн нарушить это правило,

и войны из-за престолонаследия, самая крупная из которых, тридцатилетняя, разразилась в середине XVIII в., порождала великую смуту. (См., например: *Mohamed Seghir Ben Youssef*. *Mechra el-Melki, Chronique tunisienne* (1705-1771), II-ème édition, Tunis: Ed. Bouslama 1978; *Frank L.* *Tunis, description de cette Régence*, Paris, 1850; *Mzali M.S.* *L'hérédité dans la dynastie husseinite*, Tunis: M.T.E., 1969; *Cherif M.-H.* *Pouvoir & société dans la Tunisie de Husayn bin Ali* (1705-1740), Tome I, II, Tunis: Publications de l'Université de Tunis, 1984-1986).

В первой трети XIX в. окончательно закрепился обычай, исключавший сыновей бея из его прямых наследников, если в наличии имелся претендент более зрелого возраста. Это давало то преимущество, что в монархии не мог попасть малолетка, которым бы манипулировали мать, родня и вельможи, но хорошо, если на троне не оказывался беспомощный старик. Обычно новый паша-бей, празднуя свое восшествие на престол, проявлял жесты милосердия, прощал опальных, выпускал заключенных и оповещал письмом султана и консулов, что войско, улемы и знатные горожане, а также простонародье (*аль-'амма*) присягнули ему на верность. Соответствующая церемония (*байа*) происходила в два приема. Сначала в частном кругу и затем на площади у крепостных ворот, а с 1759 г. — только во дворце, где бею целовали руку и придворные простирались ниц; вслед за ними появлялись делегаты из провинции. За сим в Стамбул отправлялись богатые подношения, а обратно поступал султанский фирман, к которому прилагались дары: шитый золотом кафтан с меховой опушкой, сабля или кинжал в инкрустированных ножнах. По этому случаю устраивалось еще одно празднество: фирман торжественно зачитывался, бей одевал кафтан, и три дня со стен крепости палили пушки. Ежегодно из Стамбула бею доставлялось еще какое-нибудь парадное платье в подтверждение (*такрир*) того, что Порты признает действующего правителя; эта традиция сохранилась до середины XIX в.

При восшествии на престол Мустафы-бея (1835-1837) впервые возникла заминка с фирманом, ибо османское правительство устами своего великого визиря выражало недовольство излишней самостоятельностью Туниса, подпадавшего под французское влияние. В ответ бейский посланник убеждал: «Я оставил Мустафу-бея на троне как преемника его брата. Мусульмане страны его признали... Если вы хотите сохранить узы, связывающие мусульман, следуйте же обычаю...», и бей получил свои «регалии»: кафтан, оружие и знак отличия «мирмирана», что примерно соответствовало генеральскому чину, которое полагалось тунисским беям в ос-

манской иерархии. С 1840 г. они повысили свой статус, испросив себе маршальское звание «*мушир*», которое употреблялось в переписке между Стамбулом и Тунисом. В местных источниках можно встретить упоминание Ахмед-бея (1837-1855), инициатора этого новшества, просто как «первого маршала», его преемников на троне — как «второго маршала», «третьего» и т.д. Французы использовали по отношению к главе тунисского царствующего дома титул «*Son Altesse*» («Его Высочество»), тогда как марокканский султан именовался по французскому дипломатическому этикету «*Sa Majesté*» («Его Величество»).

В былые времена бей-наследник замещал пашу-бея в двукратных ежегодных экспедициях для взимания налогов, махалла, поэтому наследный принц носил по традиции довольно странный титул «походный бей» (по-французски: «*Bey du Camp*»). Случалось, что пожилой наследник умирал раньше своего царствующего брата, кузена или дяди. Тогда в достоинство походного бея возводился следующий по старшинству родственник, для чего устраивалась церемония с барабанным боем, после которой счастливчик мог стричь, но не брить бороду. Он произносил стандартную клятву верности монарху, желая ему долгих дней жизни, хотя искренность этих слов оставалась на его совести.

Бейская семья в первой половине XX в. насчитывала добрую сотню человек, они, как правило, вели праздную жизнь во дворцах, разбросанных в окрестностях Туниса, пользуясь бюджетными средствами, которые определял их «цивильный лист». Бей-государь имел несколько дворцов, летних и зимних. Его родичи жили скромнее. «Бейское семейство очень многочисленно, — отмечали в служебном докладе чиновники французской Резиденции эпохи раннего протектората, — однако не стоит жаловаться, ведь мы можем восстанавливать их друг против друга и не зависеть от кого-либо из них» (*Chérif M.-H.* *Le fonctionnement du Protectorat après Paul Cambon. Mémoire DES d'histoire*, [Paris], 1958, p. 5). Правда, ловить рыбу в мутной воде дворцовых интриг было довольно дорогим удовольствием. Так, наследному принцу Тайеб-бею, который еще в 1881 г. пытался перескочить свою очередь на занятие престола, с 1886 г. выплачивался ежегодный пенсioen 120 тыс. франков; мало этого, наделанные им долги были погашены в 1892 г. за счет средств местного банка, на что потребовалось специальное решение Кэ д'Орсэ. Деньги были потрачены зря; ибо этот «походный бей» так и не дошел до трона, старший брат-государь его пережил.

«Бедность» Хусейнидов составляла характерную черту колониального Туниса. Независимо от того, кто из них оказывался в государях, все они существовали в финансовой зависимости от французских властей Земли «бейлик», казенные и частные имения монарха, были фактически экспроприированы, объявлены государственными и отданы в фонд так называемой официальной колонизации, а своего рода пенсия из бюджетных средств, которую получал монарх, вечно оказывалась недостаточной. Он влезал в долги, чтобы поддержать достойный уровень содержания двора своего собственного семейства, пускался в спекуляции недвижимостью, при случае и шантажировал Генерального резидента в надежде на списание личных долгов. Один из таких примеров тунисский историк Махмуд Абдельмула приводит из истории службы Генерального резидента Габриэля Аляпетита (1906-1918), который во время первой мировой войны задабривал бея всевозможными орденами, марокканскими, русскими и английскими, а также погашением его накопленных долгов перед казной (*Abdelmoula M. Le mouvement patriotique de libération en Tunisie et le Panislamisme (1906-1920), Tunis: Ed. MTM, 1999, p. 166*).

№ 2

Под меньшинством «в униформе с золотыми галунами» Бургиба имел в виду придворное окружение бея, которое с середины XIX в. переделось в военную форму европейского образца, расшитую звездами и прочими знаками отличия. Конкретно же в цитируемом отрывке речь шла о том, что в Тунисе, «свободу которого мы хотим завоевать», не будет различий между евреями и мусульманами – подданными бея. Впрочем, европейские поселенцы тоже подразумевались в кругу счастливых граждан независимого государства, о котором еще мечталось, если они захотят считать Тунис «своей родиной» и жить в ней по «законам, предполагающим равные права и равные обязанности для каждого». Чтобы поместить эти слова в исторический контекст, необходимо дать представление о численном составе и некоторую самую общую характеристику населения страны в начале 30-х годов, когда партия Новый Дустур во главе с Хабибом Бургибой выдвинулась на политическую авансцену. Уместными будут и сравнения по отдельным показателям с другими странами Магриба. Сделать это позволяет единовременная демографическая перепись, проведенная в 1931 г. в Алжире, Тунисе и Французском Марокко. Чуть раньше, а именно

в 1930 г., перепись населения была осуществлена в испанской зоне Марокко и Танжере – городе, находившемся под международным контролем. Однако марокканские данные 1930-1931 гг. выглядят заниженными хотя бы по той причине, что по окраинам французской зоны протектората еще не завершилось «умиротворение» племен, до которых перепись не дошла, к тому же многие марокканцы уклонялись от нее, подозревая, что она затеяна в интересах фиска. Возможно, недоучтено было в Марокко около 500 тыс. человек.

По официальным итогам демографического обследования, в Северной Африке проживало всего 13 млн. мусульман – арабов и берберов, 1,2 млн. европейцев и 320 тыс. евреев. Эти показатели выявили тенденцию к повышению динамики роста коренного населения региона, которая обозначилась прежде всего в Алжире. Последним Франция владела уже сто первый год (как раз накануне переписи отгремело шумное празднование знаменательного юбилея), и к 1931 г. здесь проживали 3/4 европейцев Северной Африки. За первую треть XX в. их удельный вес в составе народонаселения Алжира практически не изменился (с 14 до 15%) после интенсивного миграционного притока в 1850-1860 и 1870-1900 гг. Напротив, незадолго до первой мировой войны Алжир, который пользовался также полуофициальным названием «Африканская Франция», становится источником трудовой миграции в метрополию, а с середины двадцатых – крупным экспортером рабочей силы. В политической системе французской колониальной империи он занимал уникальное место.

Его территория, приобретенная «по праву завоевания», считалась, по конституции 1848 г., неотъемлемой частью Франции, административно делилась на три департамента: Алжир, Оран и Константина под управлением префектов и генерал-губернатора – штатского чиновника, которого при Третьей республике назначало и смещало министерство внутренних дел. Особый статус имели сахарские области, так называемый Большой Юг (свыше 2 млн. кв. км и около 500 тыс. жителей), где сохранился первоначально общий для Алжира режим «военной зоны», сокращенной в пользу «гражданской», которая только за 1871-1881 гг. возросла с 31,5 тыс. до 103 тыс. кв. км. и затем удвоилась. Это явилось определенной политической победой европейских поселенцев, приступивших к колонизации Алжира с расчистки пустующих земель, из которых новоприбывшие буквально руками вырывали дикие кусты, опунции и карликовые пальмы, налаживая свой быт в спартанских условиях. Прибывавшие в Алжир поодиночке и

партиями колонисты, авангард которых составили люди авантюрного склада, основную массу – крестьяне, рабочие и ремесленники, являлись выходцами из Франции, из Испании, Италии и с Мальты. Среди первых поселенцев, объявившихся на завоеванной территории после 1834 г., встречались столь фантастические фигуры, как польский князь Святополк де Мир-Мирский, занявшийся земельными спекуляциями, но в три года разорившийся; ему подобных прозвали «колонистами в желтых перчатках» (*Julien Ch.-A. Histoire de l'Algérie contemporaine*, Paris: PUF, 1964, p.120).

К 1839 г. в долине Митиджа колонистов на мелких участках по 10 га, раздававшихся им во временное пользование, насчитывалось 15 тыс. человек, а вместе с наемными рабочими-европейцами – 18 тыс., многие из них были вырезаны повстанцами эмира Абд аль-Кадера. В более мощном, чем первая волна, но не всегда стабильном притоке иммигрантов, наблюдавшемся, начиная с сороковых годов XIX в., участвовали несколько тысяч немцев и швейцарцев (пожелавшие выехать через Францию в США, они вместо этого были доставлены в Африку). Однако самой многочисленной группой после французов, которые предпочитали селиться в г. Алжир и его окрестностях, осваивая долину Митиджа, были испанцы, легко адаптировавшиеся к местным условиям земледелия. Они устремились в департамент Оран, где образовали компактную общину; эмигрировали в основном из Валенсии и с Балеарских о-вов. В 1901 г. испанцев, прозванных «улитками», ибо они прибывали в Алжир со всем домашним скарбом на спине, насчитывалось 155 тыс. (против 364 тыс. французов, включая натурализованных). На следующем месте по численности стояли итальянцы (по разным данным, от 38 до 40 тыс. в 1901 г.), обычно селившиеся возле г. Бон (ныне Аннаба) и на восток от него, ближе к Тунису, занимаясь рыболовством и ловлей кораллов, реже – земледелием. В Алжире осели некоторые ветераны Африканской армии, которая с 1831 г. включала в себя новообразованный Иностранный легион, в него брали людей, просто называвших свою фамилию, иногда вымышленную, их национальность, сословное происхождение и прежняя биография оставались неизвестными.

Стихийной иммиграции, шедшей на фоне завоевания (усмирение кочевников-туарегов и жителей дальних оазисов продолжалось до 1909 г.), сопутствовала организованная политика заселения Алжира французами, начатая в середине XIX в. Случалось, правда, что обещанные колонистам молочные реки и кисельные берега оборачивались недостроенными усадь-

бами под соломенной крышей в ждавших их агропоселениях, которые создавались по целевым программам (иногда на основе концессий частным инвесторам или компаниям) и должны были принять новых людей. Тем не менее, только в 1848-1849 гг. возникли 50, а за 1851-1858 г. – 68 европейских деревень («villages de colonisation»); позже возводились более крупные села, так называемые центры колонизации.

Надо сказать, что первопроходцы, составившие корень европейского общества Алжира, с опаской и даже с негодованием относились к власти офицеров, считая, что «арабские бюро», по сути – военные комендатуры, творившие суд и расправу над туземцами, ставят под угрозу их, поселенцев, собственную безопасность, настраивая мусульман против мирных тружеников. Местная печать раскрывала злоупотребления снискавших «верную славу «арабских бюро», при создании которых в 1833 г. (и реорганизации 1844 г.) преследовались не только репрессивные, но и гуманитарные цели: борьба с болезнями, распространение агротехнических знаний среди туземного населения и его перевод на оседлость, защита лесов и т.п. Между тем решение Сената от 7 июля 1864 г. подчинило алжирских префектов командующим военных округов, подлив масла в огонь «войны с военщиной», в которую после ужасов голода 1867 г., восстановившего самих безобидных туземцев против европейских фермеров, которым пришлось вооружаться для охраны своего хозяйства, втянулась и африканская церковь в лице архиепископа Лавижери, упрекавшего армию в том, что своими бесчинствами она мешает прозелитизму и цивилизаторской миссии Франции. Эхо этой страстной полемики отзывалось в метрополии, где много лет не утихали споры между сторонниками гражданского режима в Алжире и сторонниками военного.

В пылу таких споров законодательный корпус за полгода до краха Второй империи обсуждал проекты реформ, призванных реорганизовать управление Алжиром, о котором Наполеон III, туманно говорил, что это «не колония в собственном смысле», и тем самым внес полную сумятицу в умы европейских поселенцев. В самом деле, под его давлением сенаторы официально объявили в 1863 г. Алжир арабским королевством (*royaume arabe*), а территорию алжирских племен – их «несменяемым владением». Тем же решением Сената предписывалось размежевание территории племен, «дабы точнее подсчитать их богатства и ресурсы» и, где возможно, «учредить частную собственность», что вылилось в подготовку ограбления

общинников; но временно колонизация была парализована. Совершив в том 1865 г. путешествие по заморским департаментам, загадочный император, прозванный «Сфинксом Тюильри», пролил свет, наконец, на свою идею. «Эта страна, — объяснил он маршалу Мак-Магону, губернатору Алжира, — одновременно арабское государство, европейская колония и французский лагерь». Пытаясь разгадать загадку сфинкса, одни полагали, что бывший карбонарий заигрывает с традиционной алжирской знатью в надежде вырастить из них крупных феодальных вассалов, верных Франции, другие сошлись на том, что он стремится избежать слишком явного притеснения алжирцев, очень невыгодного ввиду союза с турками. Как бы то ни было, встревоженные головоломками императора («Если королевство, то во главе с кем? Не с эмиром ли Абд аль-Кадером, которого собираются вернуть из Сирии!»), колонисты кинулись в лагерь республиканцев, ратуя при этом за «ассимиляцию» Алжира: в смысле полной ликвидации административно-правовых различий между ним и Францией. Частично такая ассимиляция была осуществлена, но остановилась на полпути. Решением Сената (от 9 марта 1870 г.), который совершенно обошел вниманием усилия комиссии, образованной правительством в целях подготовки «конституции» Алжира, на его гражданскую территорию распространялось общее французское право. Однако теоретически вытекавшая из этого положения принудительная ассимиляция туземного населения, здесь не практиковалась; планы сделать всех алжирцев французами, если и претворились в жизнь, то в отношении лишь одной этноконфессиональной группы.

24 октября 1870 г. был издан декрет, инициированный министром юстиции Кремье и поддержанный министром внутренних дел Гамбетта, гласивший: «Местные евреи, проживающие в департаментах Алжира, объявляются французскими гражданами. С момента обнародования настоящего декрета все вопросы их статуса должны решаться в соответствии с французским законодательством...». Таким образом еврейская община Алжира (на момент обнародования декрета это — 37 тыс. душ) поголовно обрела французское гражданство, которое раньше ее представители получали по желанию, причем этим правом воспользовались немногие: по разным данным, от 144 до 289 человек. Социальное и имущественное положение алжирских евреев, завидное лишь у горстки семей, которые скопили себе состояние еще в XVIII — начале XIX в., разбогатев на крупных финансовых махинациях, не могло измениться в один день. Ровно так же,

как не сразу изменились быт и нравы этих «неофранцузов», к эмансипации которых стремился многоопытный адвокат и политический деятель либерального толка Адольф Кремье (1796-1880), плохо представлявший себе обстановку в Алжире, где он бывал лишь короткими наездами и проникал с чувством к своим единоверцам. Поднятые с дна общества, они оказались на шаткой доске между европейскими колонистами, не готовыми принять в свой круг экзотических «восточных» евреев, и мусульманами, которые с осени того же 1870 г. пользовались несколько двусмысленным статусом французских подданных.

Стоит отметить, что знаменитый «декрет Кремье» был выпущен одновременно с принятием других важных решений по Алжиру при чрезвычайных обстоятельствах — в разгар франко-прусской войны — делегацией правительства «национальной обороны», находившейся в Туре. Прорыв под Седаном был уже позади, Париж — в осаде, во многих городах Франции создавались коммуны, до парижского восстания оставалось несколько дней, а до провозглашения Парижской Коммуны пять месяцев. Городская коммуна возникла и в Алжире, примеру которого последовали несколько других городов страны. Требования алжирских коммунаров, возглавленных амнистированным ссыльным республиканцем, сводились к ускорению гражданских реформ, в том числе речь шла о создании местных представительных органов и суда присяжных. Внешне демократические, эти реформы, которые промульгировались в метрополии, а в основном готовились в Алжире, грозившем отделиться, если требования здешних европейцев не будут удовлетворены, проводились в интересах колонистов.

Посылавшие телеграммы поддержки Парижской коммуне, они добились расширения своего представительства в законодательных органах Франции, где вскоре завели свое влиятельное лобби в лице горстки «профессиональных» депутатов, десятилетиями подвизавшихся на парижской политической сцене. Среди них особой энергией отличались Эжен Этьен и Гастон Томпсон. Родившись в Оране в семье солдата, Этьен был в свои сорок лет избран в 1881 г. депутатом, в 1891 г. назначен вице-министром колоний и не покидал парламентскую скамью в течение 30 лет. Но Томпсон его превзошел, парламентский стаж этого депутата из Орана составил более 50 лет (1877-1932). Что касается тунисских французов, то они при Третьей республике не имели своих представителей в законодательных органах метрополии, где их интересы защищали «томпсоны».

Они и другие политические долгожители того же рода (скажем депутат Эмиль Марино, мэр Константины и владелец местной газеты «Républicain», убеждавшей администрацию быть «беспощадной» с туземцами), внесли свою лепту в формирование порядка «колониального двоевластия». Иначе говоря, постоянной игры между, с одной стороны, силами европейской верхушки Алжира, которая имела свою руку в парижских министерствах и парламентских комиссиях и, с другой стороны, правительством Франции, которое волей неволей шло на поводу у этой верхушки, преследовавшей собственные эгоистические цели. В этой связи Р.Г. Ланда приводит любопытную цитату из доклада Жюлья Ферри сенатской комиссии 1892 г. Бывший премьер-министр, лично являвшийся символом французской колониальной экспансии, писал: «У колониста Алжира много пороков. Он партикулярист и более всего желает эксплуатировать туземца и метрополию. Моральный и интеллектуальный уровень колонистов почти не поднимается выше повседневных работ. Они мало пекутся об общих интересах Франции и колонии. Дух гражданственности среди них еще не преобладает» (Ланда Р.Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830-1918). М.: Наука, 1976, с. 190). Сетую на провинциальность и узколобость алжирского колониста, неспособного воспарить над местническими интересами, автор доклада скорее всего имел в виду власть имущих и нуворишей: тех воротил колониального бизнеса, которых называли «grépondérants», что буквально означает «превалирующие».

Отстаивая свои позиции, эти влиятельные «тузы» порой вступали в бой с неудобным им генерал-губернатором, как это случилось в 1891-1897 гг. с Жюлем Камбоном (младшим братом Поля Камбона), будущим крупным дипломатом, который с первого же дня своего появления в Алжире стал «врагом общества». Каким же был средний тип евроалжирцев, прозванных, отнюдь не презрительно, «черноногими» («pieds-noirs»)?

Социальная и этническая разнородность поселенческой колонии Алжира, отчасти сформировавшейся по принципу «плавильного котла» и во многом за счет иммигрантов, влекомых не жаждой наживы, а бегством от нищеты, составляла ее специфику. Некоторые французы являлись потомками пионеров колонизации, оказавшихся в Алжире в результате таких событий, как промышленный кризис и революция 1848 г., подтолкнувшие переселение за море 20 тыс. парижских мастеровых (работавших ранее по государственному найму), половина из которых вскоре погибла от лихих

ний и болезней или уехала обратно, не сумев перейти к крестьянскому труду. Не раз возникала идея сделать Алжир своего рода Австралией – местом поселения каторжан. И действительно, здесь был создан каторжный лагерь Ламбэз (ныне г. Тазулт) для ссыльных республиканцев, чей подневольный труд использовался на строительстве «агропоселений».

После франко-прусской войны на новые земли были выведены около 5 тыс. беженцев из потерянных Францией территорий (Эльзас-Лотарингия). Эти эльзасцы, как и парижане 1848 г., в основном были ремесленниками или фабричными рабочими-ткачами. Вскоре они начали сдавать полученные земельные участки в аренду, а большинство перебралось из сел с ностальгическими названиями «Мец», «Страсбург» и т.п. в алжирские города, где многие вернулись к прежним занятиям...

Однако бедняцкое происхождение, да и скромное положение подавляющей массы евроалжирцев отнюдь не толкало их к сближению с мусульманами, которых они опасались, как римляне варваров. Благодушные мечтания сен-симонистов и поклонников Фурье, воспевавших идеал свободного труда вместе с колонистами-арабами, разбились о жестокую действительность. Колонизация шла за гранью доблестных интыков, и отношения поселенцев с туземцами, пока последние не двинулись батрачить на европейские фермы, долго оставались отношениями воюющих сторон. Вместе с тем низкое социальное происхождение многих евроалжирцев, в том числе испанцев (зачастую – совсем неграмотных крестьян, которые прибывали в Алжир с тощей сумой, но памятуя, что их историческая родина изгнала евреев-сефардов в 1492 г.), вовсе не исключало, если не способствовало, их склонности к юдофобии, обращенной на новых сограждан-иноверцев, которых иммигранты презирали не меньше, чем мусульмане, обиженные возвышением своих «бывших рабов».

Коллективная натурализация евреев, возможно, преждевременная и явно психологически не подготовленная, вызвала гнев многих европейцев Алжира, требовавших ее отменить. Сразу возник миф, что кабилское восстание 1871-1872 гг., лидер которого, башага аль-Мокрани (ранее лояльный французам), как-то заявил, дескать, лучше он станет «подчиняться офицеру, чем еврею», было вызвано, поспешной акцией Кремье, которая якобы и стала причиной смуты. Хотя действительные причины и даже повод волнений в Кабилии – последней невзятой крепости на территории северо-восточного Алжира лежали совсем в иной плоскости, нежели трения между

мусульманами и иудеями, которых большинство алжирцев, и правда, считало пособниками, если не виновниками оккупации их земли «гяурами».

Антиеврейская лига, созданная в Алжире вслед за изданием «декрета Кремье», оказалась живучей. Она бурно реагировала на дело Дрейфуса, учинив в 1898 г. травлю местных евреев, одного из которых линчевали, снова потребовала отмены пресловутого декрета и провела в мэры Алжира своего кипучего лидера, натурализованного француза итальянского происхождения Массимилиано Милано по прозвищу «Макс Режи» – подстрекателя погромов. Антисемиты почувствовали себя хозяевами положения и тотчас потребовали отставки слишком либерального генерал-губернатора. Случившиеся впервые в январе 1898 г., погромы прокатились с новой силой в сентябре следующего года. В ходе этих потрясений обнаружилось, что алжирские департаменты были единственной территорией Франции, где антисемитский угар сказался на избирательном процессе.

Печальные события, тех лет не прошли без следа, завещав свой груз новому столетию, и сыграли свою роль в развитии перекрестного негативного восприятия еврея – полуевропейца, полутуземца – в глазах французских шовинистов и мусульманских националистов, нашедших свою точку соприкосновения в доморощенном алжирском антисемитизме, обострившемся на фоне экономического кризиса 30-х годов прошлого века.

Параллельно складывалась особая социальная психология европейского меньшинства Алжира, культивировавшего идею собственного физического и морального превосходства не только над «дикими» арабами, в сражении с которыми гибнет под г. Джиджелли литературный герой Дюма, виконт де Бражелон, но и над «скардным, вялым и т.п.» населением метрополии. Эта массовая психология со временем породила сепаратистские настроения евроалжирцев, заложенные еще в конце XIX в., и проявлявшиеся в том, что поселенцы, в основном католики, смешиваясь через брачные отношения, стали осознавать себя как настоящих «алжирцев» (в отличие от арабов, «которым место в Аравии»), или некую «неолатинскую расу», идея которой, взращенная церковниками, реакционными политиками, антисемитами, арабофобами и, наконец, авторами «L'Afrique Latine» (журнал, издававшийся в Алжире и популярный до первой мировой войны), странным образом совмещалась у представителей этой новой расы с бьющим через край французским патриотизмом великодержавного свойства. Тем самым, носителей которого позже стали называть «ультра».

Помимо парижской и местной прессы правого толка, щедрой на изображение пугающей картины «туземного мира» и влиявшей на воспитание умов евроалжирцев, делали свое дело произведения второсортных, но имевших изрядную читательскую аудиторию французских писателей, создавших жанр «колониального романа» (Л.Бертран, К.Фаррер, П.Бенуа, Л.Лекок и др.), процветавший в первом десятилетии прошлого века и несколько утративший героико-национальный пафос в послевоенные 20-е годы. Тем не менее, певец «латинского духа» Луи Бертран активно продолжал вести свою агитацию художественным словом, а Пьер Бенуа – мастер любовно-авантюрных романов с колониальной экзотикой («Атлантида», «Дорога гигантов», «Хозяйка ливанского замка», «Полуночное солнце»), перед второй мировой войной стал склоняться к фашизму, импониравшему определенной – и немалой части европейского населения Алжира. Имел хождение и термин «algérianisme», введенный в 1911 г. беллетристом Робером Рандо (Арно), который восхищался алжирским чудом, якобы превзошедшим римские деяния, благодаря которому «imperium» неолатинского народа «станет править миром» (*Ganiage J. Histoire Contemporaine du Maghreb de 1830 à nos jours*, Paris: Fayard, 1994, p. 242).

С декабря 1900 г. совокупность трех алжирских департаментов получила гражданскую правосубъектность, что придало им характер административной автономии и, строго говоря, противоречило расхожему мнению о том, что «Алжир – продолжение Франции». По ряду вопросов префекты и другие чиновники напрямую подчинялись парижским министерствам и ведомствам. Однако институт генерал-губернаторства представлял собой центральную исполнительную власть в масштабах всего Алжира. Идея его ассимиляции уступила место концепции «rattachement», т.е. «присоединения» к метрополии, а позже заменена идеей «ассоциации». Поэтому тезис «Алжир это – Франция», вытекающий из текста французской конституции 1848 г., и представление о том, что «Алжир – наша родина», а в Париже «нас не понимают», свободно уживались в умах евроалжирцев. На практике квазиавтономия Алжира означала всевластие верхушки поселенческой колонии, ревниво охранявшей свои привилегии, выступая против ассимиляции алжирцев-мусульман, общее количество которых в 1914 г. превысило 4,5 млн. и на 92% состояло из сельских жителей. Их перемещению в города препятствовали, помимо всего прочего, местные законы, ограничивавшие внутреннюю миграцию мусульманского населения.

Урбанизация в Алжире вплоть до второй трети XX века «высасывала» из деревни в основном европейцев. В 1872 г. около 40% европейского населения Алжира составляли сельские жители, их абсолютная численность поднялась почти в полтора раза к 1880 г., поскольку с юга Франции потянулись крестьяне, бежавшие из пораженных филлоксерой винодельческих районов (главным образом из Прованса и с берегов Гароны). Болезнь растений, бороться с которой приходилось сплошным выкорчевыванием старой лозы, впервые поразила в 1865 г. департамент Гар, затем распространилась в районе Бордо, а в 1890 г. охватила с большей или меньшей интенсивностью все виноградники Франции. Их нескоро удалось обновить. Тем временем благодаря иммиграции виноградарей определилась ведущая специализация товарного земледелия Алжира — экспорт вина. Однако, несмотря на то, что эта отрасль относится к трудоинтенсивным, уже к 1906 г. уровень урбанизации среди алжирских европейцев повысился до 66% и дальше продолжал расти. Это сопровождалось процессом укрупнения средней земельной собственности фермеров, которые воспользовались, во-первых, экспроприацией земель 250 племен, восставших в 1871-1872 гг., после чего парламент ассигновал 50 млн франков на создание новых сельскохозяйственных колоний, членам которых раздавались участки до 20-40 га каждому; во-вторых, «законом Варнье» от 1873 г., модифицированным в 1887 г., по которому аннулировалась неразделенная форма собственности *мульк* (собственность, в принципе «безуловная», почти частная, но не всегда индивидуальная) и отменялась неоплачиваемость вакуфных земель *хабус*. Те и другие земли, как и общинные владения *арш*, принудительно разбивались на мелкие наделы, передавались в частные руки и становились объектом купли-продажи. Бум купчих сделок привел к тому, что в некоторых районах за десять лет обширные угодья полностью поменяли хозяев, иногда гектар плодородной земли продавался за 1,5 франка. Поэтому 1871-1900 гг. оказались периодом стремительного увеличения европейской земельной собственности в ущерб «туземной», оттесненной из относительно влажных долин на сухие плато, горы Высоких плато, или на подверженные эрозии склоны Кабилских гор. Лучшие земли достались европейцам. Не случайно после «золотой эры» колонизации последней трети XIX в. все реже стали встречаться сезонные или постоянные рабочие-французы или испанцы, их место стал занимать «туземный» сельский пролетариат.

Закон от 26 июня 1889 г. устанавливал, что каждый европеец, рожденный в Алжире, становится французом, если по достижении совершеннолетия не откажется от этого статуса. Таким образом, разношерстное по историческому и этническому происхождению европейское население, которое в последней трети XIX в. бурно росло за счет иммиграции, «автоматически» получило французское гражданство, ранее возникавшее по удовлетворению личного запроса о натурализации. (В индивидуальном порядке его оформляли и некоторые мусульмане). Тем самым был дан зеленый свет появлению «креольского» общества евроалжирцев, которое в дальнейшем росло за счет самовоспроизводства, так как на рубеже веков иммиграция замедлилась, а с 1911 г. фактически остановилась и, напротив, пока еще тонкой струйкой потекла трудовая эмиграция алжирцев-мусульман во Францию, прежде всего в Марсель, где они нанимались в докеры, открывали свои харчевни и постоялые дворы. По данным на 1912 г., когда впервые был разрешен выезд алжирцев в метрополию, там насчитывалось 12-13 тыс. таких отходников, обычно выезжавших на заработки без семьи. Но это было только начало. К 1914 г. одних кабиллов стало во Франции 15 тыс. (против 5 тыс. в 1912 г.). Алжирцы выезжали и в соседний Тунис, где имелся неудовлетворенный спрос на рабочую силу в горной промышленности.

После первой мировой войны кабилы, которые обычно имели в каждой большой семье до 3-4-х родственников во Франции, составляли здесь не менее половины выходцев из Алжира (всего около 100 тыс.), находивших работу в металлургической, химической, строительной и горной промышленности, а также в сфере обслуживания. Они образовали крупные колонии в индустриальных зонах метрополии, задерживаясь там не на месяцы, а на годы. Сама по себе пролетарская эмиграция, примерно в пять раз превосходившая число рабочих-мусульман, остававшихся в Алжире, становилась главной особенностью алжирской социальной структуры. Во Франции, а не на родине алжирцы приобретали элементарную квалификацию, знакомились с профсоюзным движением и лозунгами левых партий. Этой особенностью не исчерпывалась, однако, картина развития колониального Алжира, представлявшего собой в социальном плане мозаику, которую известный социолог Пьер Бурдьё назвал «системой каст», характерных как для арабо-берберского общества (которое вопреки усилиям властей, направленным на его этнический раскол, консолидировалось на основе ислама), так и для европейского общества, «блоком» являвшегося

классом господ, но разделенного изнутри массой официальных и невидимых барьеров (*Bourdieu P. Sociologie de l'Algérie*, Paris: PUF, 1963, p. 141).

К 1931 г. в Алжире постоянно проживало свыше 907 тыс. европейцев (805 тыс. — без учета евреев с французским гражданством). Общий удельный вес европейского анклава составил около 15% населения страны и затем стал неуклонно снижаться, несмотря на сравнительно высокую рождаемость в семьях «неофранцузов» испанского, итальянского, смешанного или, наконец, еврейского происхождения. Так называемые европейцы-иностранцы, как правило, представляли собой иммигрантов в первом поколении, ибо отказ от французского гражданства являлся сложной процедурой и не приносил никаких экономических выгод. Абсолютная численность иностранцев с 1911 г. приобрела устойчивую тенденцию к сокращению. Тем не менее, в 1936 г. среди алжирских европейцев насчитывалось 127 тыс. иностранцев из 946 тыс. (включая евреев) и в 1954 г. — 71 тыс. из 984 тыс.

Алжирские французы, лично наделенные теми же политическими правами, что и жители метрополии, избирали от каждого департамента одного сенатора и двух депутатов нижней палаты парламента. Вместе с тем реформы первых десятилетий Третьей республики привели к созданию общих для Алжира представительных органов. Консультативного «Высшего совета», созданного, а точнее восстановленного в 1894 г., и «Финансовых делегаций», учрежденных во исполнение декрета от 23 апреля 1896 г., которые собирались на пленарную сессию для утверждения местного «специального» бюджета (дефицит которого всегда покрывался за счет французского обычного бюджета). Среди финансовых делегатов изначально было 48 французов, представлявших интересы колонистов-аграриев и лиц, занятых несельскохозяйственной деятельностью (по 24 человека в каждой секции), а также 21 алжирец, в том числе шестеро кабиллов, за которыми были закреплены их места в третьей секции. Финансовые делегации в течение 20 лет отстаивали взимание с алжирцев «коранических налогов» сверх введенных в Алжире прямых и косвенных налогов, обеспечивавших специальный бюджет гражданской территории. Военная территория управлялась «бюро по делам туземцев», преемниками «арабских бюро», которые в 1870 г. были подчинены генерал-губернатору, а в 1880 г. упразднены.

«Высший совет» Алжира, куда вошли 60 человек, в том числе главные чиновники администрации и всего 7 представителей коренного населения, на первых же заседаниях объявил алжирцев «нижней расой».

годной лишь «служить у колонистов в качестве батраков, каменщиков, умелых сапожников» (*Жансон К. и Ф. Алжир вне закона*, М., 1967, с. 78). Впоследствии этот совещательный орган был расширен, в его составе стало 10 алжирцев, в том числе четверо, подобранных генерал-губернатором, и шестеро выборных делегатов, избравшихся ограниченным числом лиц, назначенных властями. В каждом из трех департаментов, которые делились на полноправные (европейские) коммуны и смешанные коммуны, избирался, как и во Франции, «генеральный совет». Он состоял из 24 европейцев и 6 алжирцев, их электорат был ограничен всего пятью тыс. человек, включая кайдов и мелких чиновников.

Каиды, ага и башага, выполнявшие функцию провинциальных администраторов, подбирались французскими властями не столько из представителей традиционных «великих семейств» (условно говоря, феодальных), которые иссохли, обеднели, если не были уничтожены, сколько из подраставшей «снизу» арабской и берберской клиентелы. Офранцуживание этой новой элиты шло медленно. Появившиеся было с 1865 г. «арабско-французские» школы, в которых утром велось преподавание по-арабски, вечером по-французски, вскоре были закрыты. К 1882 г. оставалось всего 16 таких учебных заведений первой ступени и три коллежа в больших городах. Для подготовки школьных учителей было создано педагогическое училище в пригороде Алжира, в него принимали европейцев и мусульман, но речь шла в последнем случае о единицах. В 1890 г. только 2%, а в 1914 г. 5% мусульманских детей, почти исключительно мальчиков, посещали школу: французские или «коранические» учебные заведения, созданные тем же французами с целью подготовки чиновников со средним образованием, сведущих в арабском языке и мусульманском праве. Лишь 34 алжирца к 1914 г. получили законченное среднее образование с аттестатом зрелости (французской степенью бакалавра) и 12 стали обладателями диплома о высшем образовании (*Ganiage J. Op. cit.*, p. 247). В светские французские школы, являвшиеся в глазах большинства алжирцев учреждением «гяуров», они и сами неохотно отдавали своих детей. Исключение составляла Кабилия, где местные нотабли отнеслись к этому вопросу более либерально, разрешив детям посещение школ, где изучался французский язык, необходимый для общения с европейцами. После введения в марте 1912 г. воинской обязанности для алжирцев (реализуемой по жребию и от которой можно было законно откупиться), служба в армии оказалась более широ-

ким каналом их социального продвижения и приобщения к европейской среде, нежели государственная система образования, против распространения которой на мусульман активно выступали европейские поселенцы, ссылаясь — устами своих избранников — на дороговизну этого мероприятия. Попытки внедрения в Алжире элементов демократической политики в сфере народного просвещения, развернутой во Франции при правительстве Жюлья Ферри и означавшей бесплатность образования, а также единообразие учебных программ, вылилось в создание особых школ для туземцев (*écoles auxiliaires*), которые появились в 1884-1908 гг. и обслуживались кадрами низкой квалификации. Крайне редко встречались мусульмане на службе в аппарате центральной колониальной администрации, на уровне департаментов. И вопреки тому, что можно было бы думать, имея в виду, что Алжир — старейшее и головное звено французских владений в Северной Африке, формирование местной интеллектуальной элиты, воспитанной в европейском духе, отставало здесь и по времени, и в количественном отношении от данного процесса в Тунисе. В начале 30-х годов прошлого века вестернизированная прослойка мусульманского населения (*«évolués»*) была в Алжире тонкой и даже «скандально немногочисленной» (*Berque J. Le Maghreb entre deux guerres, Paris: Seuil, 1962, p. 103*).

Между тем Тунис к 1931 г. ровно как 50 лет находился под французским протекторатом; и, несмотря на то, что этот режим юридически считался временным, принципиальных различий не наблюдалось в системе колониального управления Алжиром, где османские институты были сметены, и государством тунисских беев, формально уступивших покровительствующей державе лишь свой «внешний суверенитет». В аналогичном положении находилось Марокко, которое последним из трех стран Магриба вошло в состав французской колониальной империи (на основе Фесского договора 1912 г. о протекторате), и где система отношений между султанским госаппаратом — «махзеном» и французской администрацией строилась по уже отработанной в Тунисе модели.

Переходя к данным о составе населения Туниса, следует оговориться, что колониальная статистика выделяла три основные категории жителей Северной Африки: европейцы — по признаку гражданства, мусульмане и евреи — по конфессиональной принадлежности. Всего эти три категории насчитывали в Тунисе, округленно, 2 410 тыс. душ (1931 г.). Что касается европейцев, то эта группа населения, среди которой далеко не все

были французами по гражданству и происхождению, насчитывала в совокупности 186 тыс. человек (195 тыс. вместе с подгруппой натурализованных тунисцев, евреев и мусульман). Часть старопоселенцев переехала в Тунис из департамента Константина, многие с Корсики; почти половину издешних европейцев составляли подданные итальянской короны.

Среди европейцев, учитываемых в Тунисе, особую группу составляли мальтийцы, как известно, арабоязычные со своим специфическим диалектом. По роду занятий и быту они мало отличались от большинства издешних жителей-мусульман, хотя были ревностными католиками. Некоторые жили на селе и батрачили у тунисских хозяев. Описывая прием у себя их делегации в январе 1884 г., после того, как Англия отказалась от режима капитуляций в Тунисе, и мальтийцы переходили из-под консульской юрисдикции под юрисдикцию французских судов, Поль Камбон изобразил такую картину. Мальтийские нотабли явились первыми, не желая смешиваться с «простыми», но те все же ворвались толпой во двор и в салон, человек триста: «рабочие, дети с их священниками во главе с мальтийским монахом, ... настоящим капуцином, который покрикивал на них по-мальтийски... Эти люди меня окружили, толкали, целовали мне руки, в общем, настоящие арабы» (*Cambon P. Correspondance 1870-1924, Paris: Grasset, 1940, p. 214*). К моменту установления французского протектората выходцев с о-ва Мальта, английской колонии, насчитывалось 7 тыс. Их иммиграция в Тунис берет начало с середины XIX в. Когда-то они промышляли контрабандой, потом жили извозом (их фаэтоны ожидали седоков у ворот Баб аль-Хадра в Тунисе-столице), а по ходу дел заняли свою профессиональную нишу в шоферах такси. Некоторые преуспели в сфере розничной торговли. После установления французского протектората эта группа населения имела тенденцию к росту, а затем к сокращению: с 13,5 до 8,6 тыс. за 1921-1931 гг. Переписью 1936 г. их было учтено 7,3 тыс. и в 1946 г. — 6,5 тыс., что объясняется не столько резмиграцией, сколько переходом мальтийцев во французское гражданство. Вопрос об их натурализации явился в начале 20-х годов предметом дипломатических осложнений между Парижем и Лондоном, впрочем, мирно улаженных.

Испанцы и греки, самые крупные вслед французами, итальянцами и мальтийцами этнические меньшинства Туниса, имели незначительный удельный вес, теряясь среди «прочих» европейцев. В декабре 1920 — феврале 1921 гг. к ним присоединилась русская община, которая длительное

время обреталась в плавучем доме на борту судов Черноморского флота переименованного в Русскую эскадру, навечно бросившую якорь в Бизерте. Оставшиеся на месте своей «последней стоянки» русские моряки и члены их семей, которые в конце 1924 г. получили право на оформление французского гражданства, работали по разным специальностям (врачи, медсестры, механики, землемеры, дорожные строители, домашняя прислуга и т.п.), иногда страдали от безработицы. Они в общем-то довольно быстро растворились в местной европейской среде, если не считать того, что посещали православные приходы и свои клубы по интересам. Многие из них постепенно разъехались кто-куда, а в Тунисе осело всего 700 из почти 6 400 человек, включая 1 тыс. женщин и детей, прибывших на кораблях под Андреевским флагом, призрачные силуэты которых еще в начале 30-х годов можно было видеть на причале арсенала Сиди Абдаллах близ Ферривилиа. Судя по мемуарам единственной участницы этого плавания, ныне живущей в Тунисе, отношения белоэмигрантов с тунисцами были с обеих сторон вполне благожелательными, правда, в 1920 г. местная федерация СФИО выразила протест по поводу присутствия врангелевского флота в территориальных водах Туниса (*Ширинская А.А.* Последняя стоянка, М.: Воениздат, 1999, с. 150); позже левые профсоюзы чинили русским препятствия в трудоустройстве. Большие неприятности (вплоть до увольнения со службы) создавала им, со своей стороны, администрация. Но это касалось тех русских, которые из патриотических соображений не хотели брать французское гражданство. Поэтому случалось, бывшие офицеры царского флота торговали пирожками или мастерили лодки.

По большей части европейцы обосновались в приморских городах: 95 тыс. в г. Тунис и его окрестностях; свыше 30 тыс. – в Бизерте, Сфаксе и Сусе, вместе взятых (1931 г.). Бизерта становится крупнейшей военно-морской базой Франции в Южном Средиземноморье. Сфакс – местом отправки фосфатов, по вывозу которых Тунис до 1927 г. занимал первое место в мире (уступив его затем Марокко). Сус – железнодорожным узлом на пути между Тунисом и Сфаксом и торговым портом местного значения. Основную часть экспорта из порта Тунис – Ла Гулетт (его раздвоенность объясняется особенностями акватории) составляли: зерно, главным образом пшеница, железная, свинцовая и цинковая руда. По тоннажу грузооборота г. Тунис стоял примерно на том же месте, что г. Сфакс.

Некоторая часть европейцев (около 10%) жила по аграрным фермам, другая в небольших районных центрах вроде Беджи – старинного города, основанного в I в. до н. э., или Сук эль-Хемиса, само название которого выдает его происхождение от «четверговой» сельской ярмарки. Жизнедеятельность этих населенных пунктов северо-западного Туниса была непосредственно связана с развитием зернового хозяйства современного типа, которое сложилось на площади «колониационного фонда», а проще говоря, на землях, тем или иным способом изъятых из тунисской собственности. Всего в этот фонд, расположенный главным образом на севере страны, отошло до 1/5 возделываемых угодий. При этом площадь под пшеницей возросла за 1900-1930 гг. в два раза, ее производство – втрое. В двадцатых росли объемы ее экспорта во Францию, а в полеводстве был резко поднят уровень механизации. Отметим, что в Алжире, где имела место прямая конфискация земельных угодий (домен турецких деев, часть племенных земель и проч.), европейцы захватили 2/5 площади обрабатываемого клина; причем доля сельских жителей среди французов, хотя и падавшая, была здесь существенно выше, чем в двух соседних протекторатах.

Земля поселенцам в Тунисе никогда не раздавалась бесплатно, как в Алжире. Зато министры, генералы, сенаторы, депутаты и даже ловкие редакторы парижских газет приобретали за бесценок огромные имения по 2-4 тыс. га каждое. Уже в 1887 г. третья часть всей принадлежавшей французам земли в Тунисе была сосредоточена в руках 175 владельцев, индивидуальных и корпоративных. Как результат, иностранная земельная собственность являлась здесь высоко концентрированной (итальянские виноделы – исключение), а средний «Français tunisien» был скорее чиновником, чем фермером. По данным переписи 1936 г., французы в сельской местности составляли менее 22 тыс. человек, из них в районе Сфакса постоянно проживали 366 человек, в Сахеле – 533, в окрестностях Кайруна – 269, а в южных областях страны, таких, как Гафса и Габес – единицы.

В свою очередь европейская колония Французского Марокко выглядела преимущественно городской, к 1931 г. она насчитывала 160 тыс. человек (против 14 тыс. в 1909 г.), среди которых 115,6 тыс. имели французское гражданство (против 3,7 тыс. в 1909 г. и 500 в 1892 г.). В начале прошлого века европейское население «Шерифской империи» на ¾ состояло из испанцев, затем они уступили место французам. Это единственная часть Магриба, в которую после первой мировой войны хлынули им-

мигранты из Франции, остальные – выходцы из разных европейских стран или из Алжира, привлеченные марокканской целиной. На территории Испанского Марокко и Танжера проживало 60 тыс. европейцев, при общей численности мусульман в обеих зонах – 738 тыс.

По состоянию на 1931 г., мусульманское большинство составляло в Тунисе 2 159 тыс. человек (для сравнения: 5 млн. в Алжире и 5-5,5 млн. во Французском Марокко). Если верить оценочным данным на 1881 г., то мусульманское население на тот момент составляло в Тунисе около 1,5 млн. человек. Следовательно, за сорок лет (в 1921 г. тунисцы впервые были охвачены переписью) оно возросло на 400 тыс. человек и за следующие десять лет – на 260 тыс. В четырех портово-промышленных городах страны суммарно насчитывалось свыше 159 тыс. мусульман. Среди них было учтено 103 тыс. человек в г. Тунис с предместьями, где они составляли 44% всех жителей разного гражданства и вероисповедания. Далее, по убывающей: 28,7 тыс. мусульман проживали в Сфаксе (удельный вес 72%), 14 тыс. – в Бизерте (60%) и 13,3 тыс. – в Сусе (52%).

Помимо мусульман, деливших с европейцами пространство больших, по здешним меркам, городов, следует еще иметь в виду жителей некоторых приморских районов, где получила свое развитие модель урбанизации традиционного типа «не деревня и не город»: от 1-2 тыс. до 10 тыс. обитателей в каждом таком «бурге», или «бальда» – как называли их, например, в земледельческом Сахеле на центрально-восточном побережье страны. К этому промежуточному типу населенных пунктов, характерному прежде всего для «морского фасада» Туниса, тяготели андалусские городки в нижней долине р. Меджерда – Тестур, Тебурсук, Меджез эль-Баб, Галаат-эль-Анделес и др. Их близнецом южнее столицы был г. Загуан, основанный, если не возрожденный в XVII-XVIII вв. беженцами из Испании на упирающейся в облака одинокой горе, где быют ключи, некогда снабжавшие водою по акведуку римский Карфаген. Другие андалусские поселения (Радес, Арьяна, Сиди-Бу-Саид) вошли в пригородный ареал столицы. Всего на северо-востоке Туниса насчитывалось четыре десятка сел и городов, обязанных своим существованием вынужденной миграции морисков, тайно исповедовавших ислам и гонимых инквизицией. (Большинство из них покинуло Испанию после изданного в 1609 г. указа Филиппа III об изгнании морисков). Населенные пункты, расположенные между заливами Хаммамет и Габес, даже маленькие деревушки, как правило, имеют непре-

равную историю, восходящую к римской, если не к пунической эпохе. Такие города, как Сус (Hadrumetum) и Сфакс (Taphura), были основаны раньше Карфагена, вошли в его морскую империю, претерпели свои метаморфозы при римлянах, вандалах, византийцах и т.д., но никогда обращались в мертвые развалины.

«Социальная специфика Туниса заключается в древности и значимости городской жизни, равно как в интенсивности сельской жизни на возвышенных равнинах страны. Эти два фактора отличают Тунис, который во внутренней своей части весьма походит на Алжир, но в приморской – не имеет себе подобия нигде в Северной Африке» (J. Despois). Единственным крупным городом внутреннего Туниса был Кайруан, где в 1931 г. проживало 20,5 тыс. мусульман, составлявших абсолютное большинство (95%) его жителей. Расположенный посреди степей, вдали от моря, он считался религиозной столицей страны. Но от его бывшего великолепия осталась лишь грандиозная мечеть Сиди Окбы, заложенная в 670 г. первыми арабскими завоевателями. Кочевники его не пощадили, и после долгих веков упадка Кайруан, вокруг которого были истреблены оливковые насаждения, представлял собой скорее большую деревню, славившуюся разве что своим ковроделием, и один из локальных еженедельных рынков. Экономическая модернизация колониального периода обошла его стороной.

К слову, приведенные выше данные свидетельствуют, что мусульманское население Туниса было не до такой степени вытеснено из европеизированной городской среды, как алжирское. Например, в Алжире-столице с предместьями в 1931 г. насчитывалось 113 тыс. мусульман (удельный вес 33,5%), а во втором по величине г. Оран их было всего 36,7 тыс. (21%). И даже в Константине – самом «традиционном» из крупных алжирских городов, где удержалось его арабское ядро, на долю мусульман (53,8 тыс.) приходилось чуть больше половины обитателей. В четвертом и пятом по величине городах, Боне и Филиппвиле, мусульмане составляли, соответственно, 45% и 50,2% населения. При этом в Алжире, где с 1881 г. действовал «Туземный кодекс» – своего рода закон об апартеиде, выше была степень сегрегации между европейцами и мусульманами. И хотя данный кодекс постепенно отменялся, начиная с того, что сокращалось число его статей, а по закону 1919 г. обрели привилегированный статус ветераны войны, легко получавшие гражданство метрополии, алжирская городская среда была в буквальном смысле расчленена на европейскую и мусульман-

скую. Это иллюстрирует, например, тот факт, что прибывшие в Алжир в конце 1943 г., аккредитованные при ФКНО, мусульман просто «не видели», если не считать мелькающих где-то вдалеке фигур.

Нетрудно заметить также, что по состоянию на 1931 г. в городах Тунис и Алжир абсолютная численность мусульман была примерно одинаковой: соответственно, 103 и 113 тыс. человек. Это означает, что уровень концентрации мусульманского населения в главном городе страны ощутимо различался: по грубому подсчету, каждый двадцатый тунисец-мусульманин жил в столице против одного из пятидесяти алжирцев. Но за «голыми» цифрами скрывалось и качественное различие столичного населения обеих стран. К этому расположили многие исторические обстоятельства.

Если обратиться к периоду французского завоевания Алжира, то разнообразные оценки говорят о том, что г. Тунис около 1830 г. как минимум вдвое превосходил по людности резиденцию алжирских деев, которая в доосманскую эпоху являлась сугубо локальным центром, пограничным между Тлемсенским султанатом Абдельвадидов и владениями младшей ветви Хафсидов. Обе династии прекратили свое существование в результате османского завоевания, благодаря которому впервые западный и восточный Алжир были объединены, причем, не столько экономически, сколько политически в рамках одного автономного государства, имевшего форму выборной монархии. Получивший стимул к развитию при «турках», которые сторонились местного населения, город Алжир, взбирающийся на гору своими улицами-лестницами, мог в свои лучшие времена вмещать до 80 тыс. жителей, включая христианских пленников, труд которых использовался на фортификационных работах и в оружейных мастерских. Но в первой трети XIX в. город насчитывал не больше 40-50 тыс. человек. Селились они только внутри крепостных стен: в «верхнем» и «нижнем» городе. Во-первых, это – постоянное торгово-ремесленное население, исконные горожане (*бельдия*), которых европейцы называли «маврами», имея в виду прежде всего купечество. Во-вторых, пришлый люд, в том числе некоторые ремесленники и кабилы-отходники (*баррания*). В-третьих, наверху социальной иерархии, турки-воины и правители (*махзанийя*), не подвергшиеся ассимиляции, ибо они хранили чистоту своей касты. Их французы поголовно истребили или выгнали. По подсчетам самих французов, занявших город в июле 1830 г., здесь находилось всего лишь 30 тыс. человек, в том числе 4 тыс. турок, 5 тыс. евреев, 2 тыс. негров, 1 тыс. берберов и ара-

бов, остальные – мавры, реальные или мнимые потомки андалусцев, а также кулугли, происходившие от смешанных браков янычар с местными женщинами (*Julien Ch.-A. Op. cit., p. 10*). После 1830 г. наблюдался исход мусульманского населения из городов. За сотню лет в городской черте Алжира оно полностью обновилось; и в 1931 г. здесь нашлось всего 40 человек (!), происходивших из семей городских нотаблей, обитавших в столице алжирских деев на момент падения их государства (*Les classes moyennes au Maghreb, Paris: CNRS, 1980, p. 55*).

Первые беженцы снимались с места непосредственно в момент завоевания, оставляя французам почти пустые города, другие постепенно тянулись на восток, в пределы Османской империи (в тот же Тунис), а последняя волна «мусульманского исхода» поднялась из Тлемена в 1911 г., когда его разом покинули около 4 тыс. человек, эмигрировавших в Сирию, что извело традиционную элиту этого города, некогда являвшегося одним из политических и религиозно-культурных центров Среднего Магриба.

Тунис же, который выполнял столичные функции с XIII в., не пережил подобных опустошений. При этом демографическое господство столицы, которая и ныне резко обгоняет второй и третий города страны по численности жителей, определилось еще в доколониальную эпоху. На момент заключения договора о протекторате г. Тунис насчитывал до 100 тыс. жителей, в том числе 70 тыс. мусульман. Между 1881 и 1926 гг. их количество возросло до 83 тыс., за следующие пять лет увеличилось еще на 20 тыс. Столица явно стала привлекать все большее количество мигрантов из провинции. Они устремлялись в средневековую медину и ее предместья (Бэб Свика, Хальфавин, Бэб Саадун и т.д.), что вместе образует Старый город (*Vieux Tunis*). Рядом с ним строился и расширялся новый европейский город с регулярной планировкой, садами и бульварами. Расцвели также поселки вдоль южной и северной полосы Тунисского залива, что придало современной столичной агломерации подковообразный вид. Особой популярностью пользовались приморские поселки по линии г. Тунис – Ла Гулетт – Ла Марса. В эту пригородную зону, населенные пункты которой еще в XIX в. связала с центром столицы пассажирская железная дорога (TGM), проходящая через Карфаген, и отчасти – в собственно городские новые кварталы потянулось зажиточное население из медины, обычно не бросающее старое жилье, а сдавая его в аренду. Сейчас оно частично реставрировано и

даже стало «модным», а в середине XX в. многие жилые кварталы медины, занятые мигрантами, представляли собой гнойник бедности и болезней.

Вторую категорию местного населения Туниса составляли евреи, которые в демографической статистике учитывались по графе: «Israélites». Согласно переписи 1931 г., их насчитывалось 56, 2 тыс. человек. Общее количество евреев, по оценке на тот же год, достигало 65 тыс. человек, включая тех, которые успели получить французское гражданство, если не состояли в итальянском подданстве.

В своем большинстве они проживали в г. Тунис с предместьями, другая компактная группа – на о-ве Джерба, где иудейская община существует с незапамятных времен. По научным представлениям, первые евреи прибыли к берегам Северной Африки вместе с финикийцами, а если верить преданию, то бежали от Вавилонского плена при царе Навуходоносоре. В отпавлении культа наблюдались различия, типичные для собственно тунисских, можно сказать, автохтонных евреев («*тванса*»), с одной стороны, и выходцев из Южной Европы («*грانا*»), – с другой. Старые и особо почитаемые синагоги находились на Джербе, в Эль-Хамме под Габесом, в Тестуре и сахельском селе Мокнин. Новая большая синагога была выстроена в г. Тунис на авеню де Пари, возле квартала Лафайет. Гебраическое образование велось на еврейско-арабском диалекте. Печатавшиеся на нем газеты отражали разные идейные тенденции, а именно взгляды консерваторов, сионистов и реформистов. Среди всех евреев, независимо от их гражданства или подданства, больше половины, 36 тыс., проживали в столице или ее ближайших пригородах, например, в Ла Гулетте. На их долю падало около 15% населения Большого Туниса. В процентном отношении евреи в Тунисе составляли более крупную часть населения, чем в Алжире (около 100 тыс.), где почти все они, кроме обитателей сахарской территории (оазиса Мзаб), получили французское гражданство, образуя от 7 до 12% населения в городах Алжир, Оран и Константина. Наконец, в Марокко демографические переписи 1930 и 1931 г. учли 124 тыс. евреев во французской зоне протектората и 15 тыс. – в испанской, 12 тыс. в Танжере.

Статистика этого не показывает, но мы знаем, что мусульманское население Туниса отличалось моноэтничностью (арабы, точнее: арабизированные) и конфессиональной общностью (в основном сунниты-маликиты, реже – ханифиты). Берберы здесь к XX в. составляли ничтожное меньшинство; христианами являлись только европейцы. Небольшая, но правда,

экономически активная группа мусульман-ибадитов с о-ва Джерба (слово «*джерби*» стало означать хозяина городской бакалейной лавки) представляла собой единственное исключение в однородной суннитской массе. Основная линия водораздела проходила между оседло-городской средой (горожане и прочные крестьянские общины) и зыбким бедуинским миром («*бадава*»), т.е. по границе хозяйственно-культурных типов. Но кочевой стихии, как таковой, и бедуинов – в классическом смысле слова – в Тунисе не было, а процесс оседания кочевников, еще не заверченный, шел со времен османского завоевания под давлением тунисских беев, выкроивших себе под эгидой Высокой Порты собственное государство. В ходе образования этого автономного владения, связь которого со Стамбулом все ослабевала, местные правители, опиравшиеся на оседлый элемент, покоряли и «*рассеивали*», пишет хронист, военно-кочевые союзы, подчиняя их центральной власти. В свою очередь, французская аграрная колонизация дополнительно сузила географическую сферу функционирования кочевого и полукочевого хозяйства, замкнув его в сухих степях, а образование на севере капиталистического аграрного сектора (значит, и сельского пролетариата) оказывало прямое разрушающее влияние на традиционную деревню.

Тем не менее, в колониальном Тунисе «*сегментарная*» – племенная и квазиплеменная структура, уже подвергшаяся значительной эрозии, давала себя знать и как реальность, и как отраженный фактор общественного сознания. Хотя в социальной ткани тунисского общества такого рода самоорганизация населения, безусловно, имела менее выраженный характер, по сравнению с Алжиром или Марокко, где кочевники в новое и новейшее время сохраняли более высокий удельный вес, чем в Тунисе, а в горных массивах Атласа и алжирской Кабилии крепки были берберские соседско-родовые общины, аналогичные по форме и по существу клановым («*тейповым*» и проч.) социумам кавказских горцев. Вместе с тем как в сельской местности, так и в городах Туниса существовали своего рода субэтнические группы, зачастую селившиеся компактно на новом месте, если они мигрировали, сплываясь в земляческо-профессиональные общины. Об этом говорят названия многих кварталов, улиц и прочих уголков Туниса-столицы. Так, по дороге между Бэб аль-Хадра и площадью Хальфавин можно и сейчас встретить кафе «У метвия», вывеска которого напоминает о том, что здесь жили выходцы из городка Эль-Матвия под Габесом, в основном чернорабочие, грузчики и т.п.

В первой трети XX в. промышленное развитие Туниса, кроме добычи полезных ископаемых, в которой на 80% были заняты мусульмане, и том числе отходники из Алжира, Марокко и Триполитании, обслуживалось европейцами. Арабы появляются на городском рынке труда в качестве докеров. Среди квалифицированных рабочих – это железнодорожники, водители на трамвайных линиях. Разумеется, многие были заняты поденной работой или трудились по найму в различных мелких заведениях. Судя по данным на 1928 г., всего в промышленности и торговле насчитывалось свыше 60 тыс. работающих по найму, в том числе 55,5 тыс. на предприятиях под надзором инспекции труда; из них 17 тыс. итальянцев, 9,6 тыс. французов и прочих европейцев, остальные – тунисцы (*Kraïem M. Nationalisme et syndicalisme en Tunisie 1918-1929, Tunis: Imprimerie de l'UGTT, 1976, p. 325*).

Сильно уступавшие в численности евроалжирцам, поселенческие общины Туниса и Марокко имели, каждая, свое географическое происхождение и специфическую социальную структуру, особенности которой в самом общем виде можно определить следующим образом. Отсутствие широких низов в европейском социуме Марокко и преобладание представителей «средних слоев» в составе французской поселенческой колонии Туниса. Бок о бок с ней существовала итальянская колония – своего рода «государство в государстве», унаследованное от османского режима капитуляций и международных договоров конца XIX в. Отношения итальянцев с тунисцами были лучше, чем у тех с французами. Они вместе делили черствый хлеб. Однако уже в 1912 г. возник первый трудовой конфликт, обнаживший конкуренцию между итальянцами и тунисцами, занятыми на обслуживании трамвайных линий столицы. Требование бастующих и участников бойкота муниципального транспорта уволить всех вагоновожатых итальянцев объяснялось, правда, и таким привходящим обстоятельством, как итало-турецкая война в Ливии, отнюдь не способствовавшая укреплению интернациональной дружбы трудящихся соседней страны. В дальнейшем конкуренция на рынке труда, причем тяжелого физического труда, между арабами и итальянцами окрашивала в свои тона многие политические события в Тунисе, переплетавшиеся с волнами подъема и спада стачечной борьбы.

Данные переписей 1930-1931 гг. и другие демографические сведения приводятся по: *Ganiage J. Op. cit., p. 237, 244, 460-463; Bercher L., Broumschwig R., Cardoso A., Despois J., etc. Initiation à la Tunisie, Paris: Adrien Maisonneuve, 1950, p. 136-139, 179-181, 281-283; Despois J. La Tunisie. Ses régions, Paris:*

Colin, 1961, p. 187-188. См. также: Ланда Р.Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (180-1918), М.: Наука, 1976, с. 71-108, 187-200; Adda L. Le statut des Italiens de Tunisie. Cent ans de tergiversations // Les relations tuniso-italiennes dans le contexte du protectorat, Tunis: Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National, 1999; Donato M. Rue des Maltais: la vie de la colonie maltaise de Tunisie, Nice: Ed. Jacques Gandini, 2002; Painero R.H. Les Italiens dans la Tunisie contemporaine, Paris: Publisud, 2002; Рясова Т.Г. Этноконфессиональные меньшинства в социально-культурной жизни Магриба (1880-1939 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, ИСАА при МГУ, 2003.

№ 3

Некоторые тунисцы окончили французские лицеи, основанные еще до 1881 г. католическими миссионерами; и на первых порах чиновники колониальной администрации даже радовались тому, что в Тунисе нашлась «городская буржуазия», тянущаяся к современному образованию. В 1897 г. количество школьников-мусульман, получавших такое образование (*enseignement moderne*), составляло 4656 человек против 4241 школьника-еврея, 2683 французов и 2832 итальянцев. Однако не прошло и двух лет, как реакционная верхушка поселенческой колонии развернула атаку на просветительское дело, требуя ограничить, если не остановить преподавание французского языка туземцам, чтобы «не делать из них деклассированных». Сигнал был подан рапортом Сельскохозяйственной палаты Туниса, где и содержалась мысль о современной школе как фабрике деклассированных мусульман, а рупором обскурантистской кампании становится газета «*La Tunisie Française*», которая 5 мая 1899 г. выступила со статьей, следующим образом мотивируя свою позицию: «Волнение, наблюдаемое в мусульманском мире, в значительной мере – результат образования, которое мы даем нашим протеже. Преподавая им историю цивилизованных народов, позволяя им, благодаря знанию нашего языка, читать французские издания, книги и газеты, мы сразу возбуждаем в их душах идеи равенства и братства, к которым они не предрасположены ни семейным воспитанием, ни традициями своей среды; эти идеи, вдруг вспыхнув в мозгах, не подготовленных к их восприятию, преобразуются в удвоение гордыни и стремление туземцев к смутным идеалам, неведомым старшему поколению». Один из июньских номеров той же газеты развивал ту же тему: «И по-

звольте, как вы себе представляете, чтобы араб, чья голова устроена иначе, чем наша, отягощенный атаклизмом пассивной покорности и раболепства, смог вдруг усвоить эти идеи, чуждые его религии?... Ведь родители, желающие пользоваться уважением детей, — продолжала газета, — на их глазах не ссорятся. Боги всегда живут на небесах, ибо увиденные вблизи, они никогда не произведут иллюзий в толпе». Авторы подобных заявлений подчеркивали, что тунисцев следует держать в стороне от информации о политических битвах в метрополии (имелся в виду кризис вокруг дела Дрейфуса). Подоплекой же агрессивного наступления против обучения мусульман во французской школе стала негативная реакция на появление первого тунисского просветительского общества Халдунийа, стремившегося содействовать не только элитарному, но и народному образованию. Наступление принесло свои плоды: осенью 1899 г. в школьных классах насчитывалось всего 3820 мусульман (3061 в 1902 г.) против 3754 евреев (4368), 3137 французов (4301) и 3526 итальянцев (5097). К 1902 г. были закрыты 10 школ в населенных пунктах с чисто мусульманским населением. Вместе с тем появилась и несколько лет муссировалась идея создать в Тунисе арабское педучилище, где под руководством французов готовились бы наставники медресе (что практиковалось в Алжире), а светские школы для мусульман вовсе закрыть. Дело дошло до французского парламента, который эту идею не одобрил (*Chérif M.-H. Le fonctionnement du Protectorat après Paul Cambon, Mémoire DES d'histoire, [Paris], 1958, p. 111*).

№ 4

Земельные конфискации и другие репрессии коснулись многих зажиточных провинциалов, принявших участие в восстании 1864 г. против удвоения подушного налога-межба. В этом восстании, начатом «арабами» (как горожане и оседлые жители Магриба называли когда-то всех без разбора кочевников), под конец приняли участие широкие слои населения, что в результате имело следствием возвращение центральной власти к традиционным формам управления и отмене эфемерной конституции 1861 г. Есть сведения, что во время событий 1864 г. и карательной экспедиции в Сахель генерала Заррука некоторые пострадавшие члены семейства Бургиба оказались брошенными в темницу. Не исключено, что предки этого семейства, которые в поколении отца и дедов Хабиба Бургибы принадлежали к обедневшим нотаблям г. Монастир, обосновались здесь в последней трети XVIII

в., переехав морем из Ливии. Возможно, это случилось около 1785 г., когда Северную Африку поразила чума и вспыхнули феодальные междоусобицы в области Западный Триполи под управлением династии Караманли. Некоторые авторы, в том числе тунисские журналистки Софи Бессис и Сухейр Бельхасен, приводят и такие данные, впрочем, почерпнутые из местной легенды, что родоначальник семьи — Хадж Бургиба аль-Кабир (т.е. «Большой»), якобы покинул ливийский г. Мисрата в 1795 г. и привез с собой вместе с чадами и домочадцами сорок рабов, да еще их детей, которые со временем получили освобождение. Он-то и явился основателем «квартала триполитанцев» в Монастире. Предки же Хабиба Бургибы по матери, которые обосновались в этом городе с XVII в., происходили из берберского рода Кефаша с марокканского юга. (*Bessis S., Belhassen S. Bourguiba. À la conquête d'un destin, 1901-1957, Paris: Groupe Jeune Afrique, 1988, p. 13-15*). Между тем встречные миграции между Тунисом и соседней Триполитанией, условная граница между которыми возникла лишь в 1560 г., имеют давнюю историю и продолжались в новое время (известно, например, что в 1881 г. из Туниса на территорию современной Ливии откочевали около 250 тыс. «арабов», часть из них затем вернулась); а земледельческо-городская среда Сахеля веками абсорбировала как степных полукочевников, так и выходцев из лимитрофной османской провинции.

Судя по архивным источникам, ядро квартала триполитанцев, «*аль-хума ат-трабельсийа*», где население было смешанным, сложилось между 1600 г. и 1650 г. В нем жили пращуры Хабиба Бургибы, его дед, затем отец с двумя братьями. Самый старший член этой семьи, фигурирующий в налоговых реестрах начала XIX века, был нотариусом. Еще одна семья, носившая прозвище-фамилию Бургиба, существовала в другом квартале Монастира, ее родство с первой под сомнением. Достоверными можно считать сведения о том, что дед будущего президента, Хадж Мухаммед Бургиба, был весьма состоятельным человеком, у него в личной собственности находилось 558 оливковых деревьев, не считая тех 688, что имел его отец, соответственно, прадед Хабиба Бургибы, который в 1819-1820 гг. являлся шейхом квартала триполитанцев. (В то время средняя собственность сахельской семьи составляла 25-26 деревьев). С 1838 по 1845 г. Хадж Мухаммед управлял «казенным» имением в 3 800 стволов культурной маслины на разных садовых участках вокруг Монастира. Речь идет о конфискованной беим собственности бывшего фаворита, затем проданной в частные руки. Однако карьеру деда погубило восстание

1864 г., в котором он принял участие. Чтобы избавиться от железного ошейника, ему пришлось уплатить 7 тыс. испанских риалов, да еще расстаться с запасом в 370 литров оливкового масла. Выпущенный из тюрьмы, Хадж Мухаммед слег в постель, чтобы никогда не подняться, он умер в 1865 г. Видимо, его судьба была типичной для многих провинциальных нотаблей Сахеля, эпоха процветания которого падает на вторую половину XVIII и начало XIX в., особенно на годы правления Хаммуды-бея (1782–1814), когда кочевое хозяйство было потеснено, уступая землю плугу, наблюдалось оживление экономических связей с Египтом и соседним бейликом Константина. Шла в гору заморская торговля оливковым маслом (продукт питания и сырье для мыловарения), растущий спрос на которое предъявляли европейские страны, и продолжалось бурное расширение оливковых насаждений. Между 1676 и 1840 г. оливковый «лес» Монастира разросся вдвое, до 84 тыс. стволов; плантации всего кандата, административным центром которого являлся этот город, увеличились в 10 раз, а вокруг некоторых селений – даже в 16 (Мокнин) или в 35 раз (Ксар-Хелляль).

Следующий период был отмечен, с одной стороны, усилением европейской экспансии, в том числе англо-французским соперничеством за влияние в Тунисе, с другой, – стремлением центральной власти и ее «слуги» завладеть богатствами Сахеля: через увеличение налогового гнета или же экспроприацию собственности провинциальных нотаблей, не относившихся к столичной («турецкой» или «мамлюкской») военно-служилой знати. Среди причин, побудивших Хадж Мухаммеда Бургибу и его земляков поддержать восстание Али Бен Гедахема (так звали вождя мятежников), было то, что ряд городских налогов, которые раньше не ложились на четыре населенных пункта страны, включая Монастир, было решено распространить на все города, кроме столицы. Разыгравшейся осенью 1864 г. «войне в Сахеле» предшествовали неудачные переговоры Заррука с повстанцами и разлад между ними, инспирированный царедворцами, которые сумели возбудить застарелые племенные и местнические распри. (См.: *Poncet J.* Note sur la situation de la Tunisie à la suite des événements de 1864-68, «Cahiers de Tunisie», Tunis, 1954, p. 324-328; *Slama B.* L'insurrection de 1864 en Tunisie, Tunis: MTE, 1967; *Chérif M.-H.* Expansion européenne et difficultés tunisiennes de 1815 à 1830, «Annales», Paris, № 3, 1970; *Kraïem M.* La Tunisie précoloniale, Tome II. Economie, société, Tunis: STD, 1973; *Chater K.* Insurrection et répression dans la Tunisie du XIX siècle: la mehalla de Zarrouk

au Sahel (1864), Tunis: Publ. de l'Université de Tunis, 1978; *Sayadi M.S.* Monastir. Essai d'histoire sociale du XIX siècle. Tunis: Imprimerie la Presse, 1979).

№ 5

Учебный комплекс Садыкийя, уникальный в своем роде, составил таким образом противовес традиционной системе мусульманского обучения, сложившейся с XII века под эгидой Большой мечети аз-Зейтуна в Тунисе. По образцу Садыкийи впоследствии стала развиваться сеть начальных франко-арабских школ. Они работали наряду с собственно французскими, которые полностью копировали школу метрополии. Накануне первой мировой войны публичные (бесплатные) школы современного типа, каких по состоянию на 1909 г. насчитывалось 203, посещали около 5 тыс. выходцев из мусульманских семейств, 23 тыс. детей получали основы арабской грамоты в куттабах, а в частных коранических школах (средняя ступень традиционного мусульманского образования) обучалось до 1 300 человек. (*Hamed M.* Elites et Protectorat, fin XIX-ème, début XX-ème siècle: Influences et déficits // *Les relations tuniso-françaises au miroir des élites.* Tunis: Université des Lettres, des Arts et des Sciences Humaines, Publications de la Faculté des Lettres – Manouba, 1997, p. 194). В 1926 г. насчитывалось 418 начальных школ современного типа, из них 253 – французские и 143 франко-арабские школы, в том числе 22 для девочек. К 1930 г. общее количество таких учебных заведений возросло до 470, а количество охваченных ими детей из мусульманской среды достигло 29 тыс., что составляло почти половину школьников всех конфессий и национальностей. Учебные заведения второй ступени существовали только в крупных городах, большинство – в столице, и таких средних школ в 1926 г. было всего 15. Лучшей из них и самой престижной считался лицей Карно, где количество учеников-мусульман возросло с 65 в 1914 г. (из общего числа 1 230) до 316 в 1929 г. (из 1 950). Из других мест сюда ехали заканчивать учебу в старших классах либо держать экзамены на бакалавра, а из Алжира приезжали экзаменаторы: студенты, проверявшие задания, и профессора – члены жюри, как описывает это бывшая ученица выпуска 1932 г. бизертского коллежа им. Стефена Пишона (Ширинская А.А. Указ соч. с. 176).

Между 1911 и 1923 г. в Тунисе были созданы небольшие учебные заведения, которые давали высшее светское образование. Таких было три, а студентов в каждом от 100 до 250 человек. Одно из них специализировалось

на изучении арабского языка и литературы, другое на юриспруденции, это было отделение-филиал Алжирского университета, не дававшее ученых степеней уровня магистра и доктора. Третьим являлась Школа изящных искусств (*Mahjoubi A. Les origines du mouvement national en Tunisie, 1904-1934, Tunis: Publications de l'Université de Tunis, 1982, p. 612-614.*)

До независимости высшее образование светского типа тунисцы получали, как правило, во Франции либо в Алжире, где университет был создан (1909 г.) прежде всего для обслуживания европейцев, или, что случалось реже, – в Каире. Там под протекцией царствующего дома с 1908 г. действовал частный Египетский университет, который с марта 1925 г. становится государственным учебным заведением и в 1936 г. получил название Университет им. короля Фуада (ныне Каирский университет). После второй мировой войны появились Александрийский университет и второй столичный университет им. короля Фарука (ныне Айн-Шамский). В это время количество тунисцев, учившихся на Ближнем Востоке, видимо, возросло. Бургиба, например, рекомендовал своему сыну поступить в один из египетских университетов, но тот закончил свое образование в Гренобле. С 1945 г. в самом Тунисе появился эмбрион университета – Высший институт, обслуживавшийся как местными педагогами из Карно, так и присланными из Франции. На его базе в 1959 г. был создан Тунисский университет.

№ 6

Как это часто бывает, название некоторых общественных движений и организаций приходит от противной стороны. Еще в конце XIX века французы стали применять определение «младотунисцы» (*Jeunes Tunisiens*), по аналогии с «младотурками» (*Jeunes-Turcs*), применительно к тунисским интеллектуалам, выступавшим за реформы в рамках режима протектората, за равноправие тунисцев с французами, модернизацию образования и т.д. Рупором этих требований служили печатные органы, начиная с культурно-просветительских изданий, первым из которых, становясь газетой «*аль-Хадира*» («Столица»), выпускавшаяся с августа 1888 г. Беширом Сфаром, Али Бушушей и их друзьями, которые в конце 1896 г. основали общество Халдунийа, открыв при нем публичную библиотеку (ныне – Национальная библиотека Туниса) и образовательные кружки. В целом лояльная властям протектората, «*аль-Хадира*» выходила без перерыва до 1911 г., пока ее не закрыли вместе с другими органами национальной

печати, издаваемыми на арабском языке. Кроме нее за двадцать с лишним лет было основано несколько десятков других наименований арабских газет и журналов (по данным исследователей, свыше ста), которые подвергались запрету за малейшую критику в адрес властей предержащих, но зачастую появлялись вновь, изменив лишь свое название («*Rawafid*», *Revue de l'Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National, Tunis, № 6, 2001, p. 8-10.*)

Особую роль сыграла первая в Тунисе франкоязычная газета «*Le Tunisien*» (пресса европейской колонии не в счет), которая издавалась в 1907-1912 гг., а в 1909-1911 гг. выходила также в арабском варианте. Ее душой и основателем являлся Али Баш-Хамба (1875-1918), политический и моральный лидер движения младотунисцев, иначе – «партии Эволюционистов», которая опиралась на Общество выпускников Садыкйи, созданное в 1905 г. по предложению все того же Баш Хамбы, и представляла собой ассоциацию, или группу единомышленников, сложившуюся вокруг этой газеты. Еженедельник «*Le Tunisien*» вышел с подзаголовком «*Organe des intérêts indigènes*» («Орган туземных интересов») и распространялся по подписке за 8 франков в год. В первом номере за 7 февраля 1907 г. Али Баш Хамба был обозначен как «политический директор» газеты, и главным материалом была помещена «Наша программа», которая гласила: «Первостепенная наша забота – это вопрос образования. Он является жизненно важным для тунисцев. С болью приходится констатировать, что после 25 лет французского протектората девять десятых наших соотечественников еще прозябают в темноте невежества. Требуется полная реформа образования. Достоинство своих традиций и демократических идеалов, Франция должна ввести бесплатное и обязательное начальное образование во всем Регенстве. Вместе с тем правительство Протектората должно содействовать тому, чтобы обеспечить туземцам доступ к высшему образованию. Тогда тунисское общество сможет произвести людей, способных в значительной мере взять на себя управление своей страной. Но для этого равным образом необходимо, чтобы двери администрации были для них открыты».

После наиважнейшего первого пункта выдвигался ряд социально-экономических требований, точнее – пожеланий. Отметив, что сельские жители «самый обездоленный класс нашего тунисского общества», авторы программы ставили вопрос об упразднении подушного налога *межба*, об организации сельских касс кредита и взаимопомощи, системы агротехни-

ческих школ, о создании под опекой Direction de l'Agriculture «туземных» агроцентров, подобных центрам фермерской колонизации, а также о допуске мелких тунисских землевладельцев к приобретению участков из доменального (государственного) фонда. Обращалось также внимание на необходимость создания лечебниц для фельдшерского обслуживания деревни. Третья область, которую затрагивала программа, это реформа тунисской судебной системы: «мы выступаем за полную ее реорганизацию на основе принципа разделения властей и кодификации законов». Под конец подчеркивалось: «воздавая должное благотворному значению... протекции со стороны нации, известной своими традициями свободы и справедливости, мы готовы приложить все наши усилия чтобы лояльно содействовать Франции в осуществлении ее цивилизаторской миссии». (Цит. по Le Mouvement Réformiste en Tunisie 1815-1920 [Сборник документов], Tunis: Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National, 1994, p. 161-162).

На следующий год плеяда младотунисцев – Бешир Сфар, Садок Змерли, Хайраллах Бен Мустафа и др. участвовали в работе Североафриканского конгресса (Париж, 6-10 октября 1908 г.), где они составили самую большую делегацию из 12 человек. Те, кто не смог приехать, прислали свои доклады, в которых вновь ставились вопросы просвещения и модернизации общества. Следует добавить, однако, что между самими младотунисцами были определенные расхождения по вопросу о том, как должна эволюционировать система образования. Если Али Баш Хамба, во всяком случае на первых порах, совершенно отчетливо выступал с западнических позиций, ратуя за развитие образования светского типа, то другая часть его сподвижников стояла за модернизацию уже имеющейся «пирамиды» традиционной школы, вершину которой составлял университет аз-Зейтуна. Полемизируя с ними, Баш Хамба заявлял, что «арабский язык еще не смог адаптироваться к выражению научных идей», и добавлял, что полвека усилий, приложенных в Египте, где многое переводилось на арабский язык и многое имитировалось, «не породили ничего оригинального». Словом, египетское образование, модернизированное, но не европейское, принесло слишком скромные плоды (Micaud C.A., Brown L.C., Moore C.H. Tunisia, the Politics of Modernization, New York: Praeger, 1964, p. 31).

Тем не менее, сторонники усовершенствования мусульманского образования сделали свои конкретные шаги. Так, в 1909 г. Хайраллах Бен Мустафа, чьи собственные дети учились во французских лицеях, выступил

инициатором создания привившейся в Тунисе системы частных коранических школ, в лучшую сторону отличавшихся от куттабов, функционировавших при деревенских и квартальных мечетях. (Позднее частные коранические школы подобного образца получили свое развитие в Марокко и Алжире). За реформу образования в самой аз-Зейтуне высказывались шейх Таальби и его группа, сложившаяся из наставников и бывших учеников этого мусульманского учебного заведения. В целом же довоенные младотунисцы, среди которых преобладали выходцы из «высшего света», в той или иной форме получившие европейское образование и, как правило, воспитанники Садыкийи, «гораздо уютнее чувствовали бы себя в Тунисе президента Бургибы, чем в Старом Дустуре двадцатых годов» (См.: Micaud C.A., Brown L.C., Moore C.H. Op. cit.), хотя именно часть этих людей образовала в 1919-1920 гг. инициативную группу партии Дустур, которую вначале внешние наблюдатели, да и сами участники этого дела продолжали именовать движением «младотунисцев».

Завершающим аккордом их довоенной деятельности послужили два события. Так называемое дело о кладбище Джеллаз (ноябрь 1911 г.) и «бойкот трамваев» (февраль 1912 г.). Оба они рассматриваются – хрестоматийно – как «пробуждение масс»: первый в истории Туниса выход городской толпы на улицу, превращение улиц и площадей города в новую арену политического действия. Наконец, как попытку просвещенной элиты в лице младотунисцев найти контакт с этой возмущенной массой и артикулировать ее требования. Словом, как начало начал национального движения, выбравшегося за пределы уютных стен домов аристократии, библиотек и просветительских обществ. (См., например: Ziadeh N. Origins of Nationalism in Tunisia, Beirut, 1962).

В первом случае речь идет о стихийных беспорядках, возникших в Тунисе из-за слухов, что часть территории старинного мусульманского кладбища столицы собираются отвести под городскую застройку. В толпе, которая хлынула выражать свой протест, имелись убитые и раненые. Жертвами волнений, которые были напрасными, ибо хлопотами одного из младотунисцев муниципальный совет уже переменял свое неудачное решение, стали 8 итальянцев и французов. Следом 35 человек были приговорены к смертной казни. Газеты на арабском языке, кроме официального вестника и совершенно аполитичной «Зохра», были закрыты, в Тунисе с окрестностями введено осадное положение. Все это происходило на фоне

итало-турецкой войны, которая шла рядом (в Триполитании) и пробудила в Тунисе дремлющие симпатии к Османской империи. Их отражала, в частности, газета «аль-Иттихад аль Исламий» («Исламский союз»), которую начал было выпускать в 1911 г. Али Баш Хамба с помощью шейха Таальби в качестве редактора. Само собой, она тоже была закрыта, но флагман младотунисской прессы – газета «Le Tunisien» все еще продолжала издаваться. На франкоязычную печать данный запрет не распространялся (*Mahjoubi A. Les origines du mouvement national en Tunisie 1904-1934...*, p. 129-130).

Следующий подвод для беспорядков в столице не заставил себя долго ждать, а начались они из-за гибели тунисского мальчика, попавшего под трамвай, вожатым которого был итальянец. Дело приобрело характер трудового конфликта, поскольку тунисцы, работающие на трамвайных линиях, выдвинули в этой связи свои требования: дать им больше рабочих мест, а заодно прогнать с работы итальянцев. Со своей стороны, жители арабских кварталов дружно поддержали решение не пользоваться услугами общественного городского транспорта. Лозунг с таким призывом появился в виде настенного плаката в ночь на третий день после несчастного случая на рельсах. Младотунисцы отнюдь не были организаторами обоих «мятежей», но не преминули откликнуться на события и воспользоваться моментом для критики режима. Что касается объявления бойкота, начатого 10 февраля 1912 г., то к этому они были причастны. Создав специальный комитет для поддержки идеи бойкота, они сформулировали требования к трамвайной компании, среди которых: уволить итальянцев, уравнивать зарплату французов и тунисцев, создать последним условия продвижения по службе и, наконец, замедлить движение трамваев вблизи арабского жилья. 15 февраля этот перечень требований опубликовала «Le Tunisien». Следом газету запретили, и она прекратила свое существование, а шестерых младотунисских лидеров выдворили из столицы. По высочайшему решению от 12 марта 1912 г., Хасана Геллати выслали в Алжир, откуда он был родом, Али Баш Хамбу, Абдельазиза Таальби и Мухаммеда Ноамана – во Францию, Садока Змерли и Шедли Даргута – в селение Татавин на юге Туниса. Еще одного члена комитета, возглавившего кампанию бойкота, Мухтара Кахью, как лицо, состоящее в родственных отношениях с царствующей фамилией, посадили под замок в бейском дворце.

Вскоре они были амнистированы. Однако Али Баш Хамба решил не возвращаться, следующим образом объяснив свой выбор: «Я оконча-

тельно порываю все связи с Тунисом. Есть деревья, которые можно сломать, но не согнуть» (Цит. по: *Mahjoubi A. Op. cit.*, p. 139). Он поселился в Стамбуле, где к нему присоединился его младший брат, Мухаммед. Их движимость и недвижимость в Тунисе была конфискована. Оба выступали со статьями в турецкой печати. Тем временем Али Баш Хамба, близкий к кругам младотурецкого комитета «Единение и прогресс», все же не оставлял мыслей о Тунисе. В 1914 г. он выдвинул лозунг вооруженной борьбы за его независимость. Более того, разрабатывал планы создания объединенной Североафриканской республики (на территории от Киренаики до Марокко). Дважды: осенью 1915 г. и весной 1916 г. Баш Хамба пытался организовать на тунисском юге восстания с помощью агентов кайзеровской Германии и членов ливийского ордена сенусситов. В 1917 г. приступил к формированию особой северо-африканской бригады и собирался ее возглавить в качестве политического руководителя. Вместе с тем предпринимал дипломатические шаги в Берлине, Вене и даже в Гааге с целью заранее обеспечить международное признание замысленной им республики, рассчитывая, разумеется, на победу «центральных держав». Умер в Стамбуле в тот самый день, 29 октября 1918 г., когда войска Антанты вошли в столицу Османской империи.

Что касается Мухаммеда Баш Хамбы, то он предпочел с 1914 г. обосноваться в нейтральной Швейцарии, где выпускал «La Revue du Maghreb» (1916-1918 гг.). С первых же номеров это женевское издание, не имевшее шансов на распространение в Тунисе, было представлено в качестве восприемника газеты «Le Tunisien». На страницах журнала, главным автором которого был сам издатель, вопрос о независимости стран Северной Африки не поднимался, как и не делались прогнозы относительно исхода мировой войны. До ее окончания, а точнее – до появления декларации президента Вильсона, журнал доказывал необходимость все тех же гуманитарных и социально-экономических реформ, которых требовали раньше младотунисцы, включая восстановление в Тунисе конституционного правления и, следовательно, режима ограниченной монархии. Лишь в одном из последних номеров «La Revue du Maghreb» (за май-июнь 1918 г.) появилась статья под заголовком «Наша независимость», где говорилось о вопиющем угнетении «алжиро-тунисского народа» (sic), который «вызывает к мировому сообществу, требуя признать свое право на свободное и независимое существование» (Цит. по: *Mahjoubi A. Op. cit.*, p. 142-145). С Мухаммедом Баш Хамбой сотрудничала тунисская эмиграция, подвизавшаяся в

Берлине, которая состояла из троих бывших сторонников младотунисского движения, их было именно трое и не больше, если иметь в виду особо активных деятелей. Это – лица с богословским образованием, шейхи Салих Шериф, Исмаил Сфаихи и Мухаммед аль-Хедир Хусин. Их имущество на родине было конфисковано. Сама запрещенная организация младотунисцев распалась в годы первой мировой войны. В отличие от эмигрировавших братьев Баш Хамба, другие ее видные участники получили амнистию и мирно проживали в Тунисе.

Среди новейших публикаций см.: Нур ад-Дин ад-Даки. *Харака ат-шабаб ат-тунисий* [Движение младотунисцев], Тунис: Высший институт истории национального движения, 1999.

№ 7

«Марабут» – понятие, аналогичное ближневосточному «дервиш». В одних случаях это были странствующие, а порой и нищие чудотворцы. В других – весьма влиятельные и зачастую принадлежавшие к городской верхушке шейхи религиозных завий (тарикатов). В Тунисе подобные мистические братства суфийского толка были широко распространены в сельской среде. Крупнейшие из них: Тиджанийя, Кадирийя, Рахманийя и Сенуссийя. Последнее существовало с XIX в. и главным образом в южных районах, прилегающих к Ливии. В тунисской столице, где на кладбище аль-Джеллаз якобы покоится знаменитый шейх Сиди Бель Хассен Шазли (1196-1258), большую популярность приобрело суфийское братство Шазилийя, известное по всему мусульманскому миру. Газета «Le Tunisien» в номере от 13 ноября 1911 г. утверждала, что приблизительно ¼ арабского населения города составляли его адепты (*Mahjoubi A.* Op. cit., p. 105, 131). Более вероятно, что основатель и эпоним братства шазилитов, чья *нисба* происходит из тунисского селения Шазила, где он обитал в пещере, ведя скитальческую жизнь (затем переехал, гонимый, в Александрию), скончался на пути из хаджа в селении Хумсайра в Верхнем Египте. Стараниями османских правителей его могила на берегу Красного моря стала в XVI-XVII вв. центром архитектурного комплекса и местом паломничества. Драматические события, которые, по крайней мере, дважды, в 1911 г. и 1933 г., разворачивались вокруг кладбища аль-Джеллаз в Тунисе, объясняются, помимо всего прочего, особой святостью этого места, где находится «вторая» могила знаменитого суфия. Принятое в русской традиции написание его имени: Абу-л-Хасан аш-Шазили

(Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991, с. 287. Об известных эпизодах его биографии см. также: *Trimingham J.S.* The Sufi Orders in Islam, London – New York: Oxford University Press, 1973, p. 48).

Между тем одно из ответвлений братства Шазилийя сыграло заметную роль в истории Марокко, где по преданию родился Сиди Бель Хассен Шазли: с этим «боковым» братством Джазула идентифицировали себя султаны Саадида (1509-1659), которым оно послужило опорой при восхождении к власти. Религиозные братства нередко стояли за народной смутой, выступали с оружием в руках против захватчиков. Такова была, например, роль алжирской ветви братства Кадирийя в борьбе эмира Абд аль-Кадера – шейха племен хашим и наследственного мукаддама (руководителя) этой ветви кадиритов, в борьбе против французов и создании мятежного государства, которое просуществовало в боях с 1832 г. по 1847 г. (Сдавшийся на милость победителей, вождь этого государства был доставлен во Францию, затем отпущен на жительство в Сирию). В свою очередь, братство Тиджанийя поддерживало в Тунисе восстание 1864 г., одним из лозунгов которого было возвращение бейлика Хусейнидов, уже подпавшего под европейское влияние, в лоно Османской империи. В первой трети прошлого века, а частично и раньше дервишские «ордена» и марабуты перешли в Магрибе к сотрудничеству с колониальными властями, чем объясняется падение их авторитета. (Подробнее см., например: Глили А. *Ам-турук ва аль-исти'мар аль-фарансий би аль-бияд ат-тунисийя* (1881-1939) [Тарикаты и французский колониализм в Тунисе], Тунис: Изд-во Тунисского университета, 1992).

№ 8

«Мамлюк», или «мамелюк» означает «белый раб». Применительно к Египту – это правящая каста вольноотпущенников, своего рода военно-феодалная ксенократия, находившаяся на вершине социальной лестницы с 1250 г. до 1517 г., позже оспаривала влияние у турецких янычар. В начале XIX века утратила военное значение, а ее верхушка была физически истреблена египетским правителем Мухаммедом Али. В Тунисе «сословие» мамлюков появляется приблизительно в XVII в., частично они представляли собой пленников тунисских пиратов; регулярное приобретение мамлюков на невольничьих рынках, видимо, завелось при бее Хаммуде-баша (1782-1814). Особое влияние они приобретают с 1822 г. в результате «малой

дворцовой революции» и возвышения главы «белых рабов» — некоего Джузеппе Серта, женившегося на бейской дочери, принявшего ислам и именуемого Абу Абдаллах Хусейн Ходжа Баш-Мамлюк, или Хасин Баш-Мамлюк (*Bouali M. Les Temps de la Non-Révolte, 1827-1832, Tunis: STD, 1976, p. 583-604*). При нем янычарский корпус был распушен.

Происхождением тунииские мамлюки были из некоторых районов Грузии или с Северного Кавказа, встречались греки и проч. Хронист Ибн Абиля Диаф сообщает, что при бее Хусейне (1824-1835) грузины и черкесы, считавшие себя хозяевами страны, взяли верх, потеснив греков и выражая им презрение. Это подтверждают и другие источники. Так, в 1831 г. один из мамлюков, сказавшийся греком, обратился во французское консульство с жалобой на притеснения от хранителя печати (*сахиб ат-таби'а*) и на тот момент главного царедворца, который нанес обиду еще двум мамлюкам, бывшим неаполитанцам. Консул заступился за троих. (*Raymond A. (ed. et traduction). Ibn Abil-Diaf. Chronique des rois de Tunis et du Pacte Fondamental. Volume II. Commentaire historique. Tunis: Alif, 1994, p. 82*). Иные достигали самого высокого положения в системе бейской администрации. Упомянутый выше Хасин Баш-Мамлюк в течение нескольких лет был «сильным человеком» Туниса, пользуясь покровительством (грузина?) Шекира Сахиб ат-Таби'а, должность которого превратилась в его фамилию. Хасин Баш-Мамлюк впал в немилость в 1829 г., позже лишен имущества, проданного за долги, в том числе собрания старых рукописей, перешедших в конечном итоге в собственность столичной Большой мечети (*Raymond A. Op. cit., Volume II, p. 145*) и ныне составляющих фонд манускриптов Национальной библиотеки Туниса. Работоторговля была запрещена Ахмед беем (1837-1856). Однако мамлюки не сошли с политической сцены. Выходцем из мамлюков и предположительно черкесом/абхазцем был, в частности, морской министр Хайрадин-паша, возглавивший в 1857 г. группу тунииских либералов и занимавший с 1873 до середины 1877 г. пост «великого визиря».

№ 9

В начале XX в., пишет Л.А. Фридман, ряд египетских помещиков и купцов начал использовать свои накопления для приобретения акций иностранных компаний, а также предприятий, основанных инонациональным компрадорским капиталом (армяне, греки, сирийцы-христиане и т.д.). Однако в то время подобные примеры были единичными; очень крупные

средства проматывались за границей. «Тип египетского помещика — прожигателя жизни — так же примелькался в Париже или Ницце, как фигура прословутого “русского князя”» (*Фридман Л.А. Капиталистическое развитие Египта, М.: Изд-во Московского университета, 1963, с. 223*). Однако, начиная с 20-х годов, после образования египетского банка «Мыср», аккумулировавшего денежные средства старопомещичьей верхушки, полным ходом шло формирование банковского и промышленного капитала национальной буржуазии, тесно связанной с государством и правящей династией. Привилегированной сферой вложений национального капитала являлась торговля хлопком, хлопкоочистительная и текстильная промышленность. Аналогичные процессы не могли иметь места в Тунисе, где земельные владения бея и местных «феодалов», расположенные в основном на севере или на северо-востоке страны (зона хлебопашества; садоводство, овощные культуры), не шли ни в какое сравнение с земельной собственностью египетских пашей. К тому же эти владения еще в конце XIX в. были по большей части проданы французам. Показательной является судьба одного из крупных царедворцев, Мустафы Бен Исмаила, который в 1878-1881 гг. возглавлял бейское правительство. На момент установления французского протектората имел 24 поместья, одних оливковых деревьев до 100 тыс. стволов, 20 лавок в г. Тунис, все распродал и умер в Стамбуле нищим в 1887 г., а по другим данным, в 1889 г. (*Mahjoubi A. Op. cit., p. 24, 48*).

Фонд европейской колонизации расширялся за счет разных источников, в том числе путем имматрикуляции «племенных земель». При этом французские власти покушались на частные хабусы (вакфы), то есть земли, завещанные религиозным учреждениям, но находившиеся на правах пользования (без права продажи) в руках частных тунииских собственников — крупных и мелких землевладельцев, которые могли сдавать свои участки арендаторам или возделывать их самостоятельно (Подробнее: *Себа II. Тунис. Опыт монографии, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1953, с. 41-52*).

Хабусы делились на «общественные» и «частные». Первые были непосредственно переданы мечетям, мусульманским благотворительным обществам, больничным и учебным заведениям. Вторые, о неприкосновенности которых и пеклись националисты, были завещаны религиозным учреждениям, но с тем условием, что собственность перейдет в их распоряжение по истечении неопределенного времени; и лишь в том случае, если иссякнет род основателя (дарителя) хабуса. Наследники такого лица, может

быть и очень дальнего предка, пользовались доходами с земли, могли это право пользования кому-то уступать. Однако хабусное имущество, а к нему относилась добрая половина пахотной земли в Тунисе (реже площади под оливковыми и фруктовыми насаждениями) была изъята из сферы свободной купли-продажи. Помимо земли, институт общественных и частных хабусов распространялся на другие виды недвижимости. Исторически он возник как вид «публичной» собственности мусульманской общины. Примерно с XII века становится основным источником существования культовых учреждений и способствовал консолидации, а также профессионализации служителей культа. С другой стороны, этот институт служил средством обеспечить дарителя и его потомкам гарантию от произвольной конфискации объекта дарения. В суженном виде хабусы, или вакфы (тот и другой термин – синонимы) существуют в современных арабских странах, где созданы особые министерства, управляющие этим имуществом. Например, министерство вакфов в Египте, аналогичное – в Сирии, где правительство Хусни Заири в 1949 г. произвело национализацию этого вида собственности. В Тунисе институт хабусов ликвидирован декретами 1956-1957 гг.

Желая придать новый импульс аграрной колонизации, французские власти протектората решили в 1919 г. приступить к разработке декрета «об обмене на деньги» частных хабусов. Слухи о готовящейся реформе, воспринимавшейся в народе как очередное посягательство неверных на священный шариат и земельные права тунисцев, накалили атмосферу в регентстве. «В этих условиях на почве общей вражды к реформе частных хабусов произошло примирение, а затем и быстрое сближение официального духовенства и лидеров мусульманского национализма» (Иванов Н.А. Кризис французского протектората в Тунисе (1918-1939), М.: Наука, 1971, с. 46). Борьба за хабусы стимулировала создание партии Дустур, которая в рамках своих требований ставила вопрос о либо прекращении так называемой официальной колонизации (проводимой с посредничеством властей), либо о доступе тунисцев к приобретению земли из ее фонда. А также об уравнивании денежного вознаграждения служащих-тунисцев и французов. Последние получали, работая в администрации либо в системе социальных учреждений, «колониальную надбавку», составлявшую треть их жалования. Вопрос об уравнивании зарплат волновал не только мелких чиновников, но и представителей элитарной прослойки тунисского общества, которые состояли на службе в различных ведомствах и меньше тяготели к деловому

миру, чем египетские аристократы. Для чего в Тунисе не было и реальных возможностей, поскольку основные отрасли городской экономики, не говоря уже о крупном промышленном секторе, были оккупированы европейцами. Оплотом тунисской буржуазии, которая в основном росла «снизу», стала со временем «южная столица» страны – Сфакс, где французская поселенческая колония была сравнительно немногочисленной. Образование тунисского капиталистического сектора в сельском хозяйстве Северного Туниса относится преимущественно ко второй половине XX века и также не было связано с помещиками. По данным аграрной переписи 1950 г., фермерские хозяйства, принадлежавшие тунисцам и развивавшиеся частично за счет выкупа или аренды земли у феллахов, частично – за счет приобретения ее у французов, занимали около трети обрабатываемых площадей «современного сектора».

№ 10

В плеяде основателей партии Дустур лишь один Ахмед Сакка, уроженец г. Монастир, был родом из провинции. Он родился в 1891 г. и был сыном каида. Закончил в Тунисе лицей Карно. Продолжил образование в Париже, где женился на француженке, стажировался в адвокатской конторе у Хасана Геллати в Тунисе, затем снова вернулся во Францию. По возвращению на 1919 г. работал помощником левого депутата Бертон (позже члена ФКП). Все остальные принадлежали к столичному патрициату. Садек Змерли происходил из знатной турецкой семьи; один из его предков, вернее всего, уроженец Измира (о чем говорит прозвище «Змерли», ставшее фамилией), в начале 60-х гг. XIX в. был заместителем начальника дворцовой гвардии. Шедли Хазнадар – внук великого визиря Хазнадара (1837-1873), известного махинатора и злого гения истории доколониального Туниса. Этот Мустафа Хазнадар (не путать с Мухаммедом Хазнадаром, его воспитанником и восприемником) заправлял казной, отсюда его прозвище *хазнадар*, т.е. казначей, возглавлял правительство и финансы, при этом довел их до полного банкротства. Некоторые фамилии известных политических деятелей, такие, как Хазнадар, Кахья и проч., свидетельствуют о высоком положении их отцов и дедов при «старом порядке», другие (что в первом случае тоже не исключается), указывают на происхождение из так называемых ренегатов, или «турок по профессии». По большей части – итальянцев или греков, обращенных в ислам; подобных было предостаточно в военных и дворцовых кругах Алжира или Туниса XVII-XVIII вв. Сре-

ди дустуровских активистов второго плана найдем и человека с весьма экзотической родословной – это Шедли Даргут, бывший участник движения младотунисцев. Один его родственник (Мадани Даргут) вошел в первую исполнительную комиссию Старого Дустура, другой (Али Даргут) в тридцатых был членом Нового Дустура. Их предок, знаменитый пират Даргут-раис (в европейском написании: Draghout), в середине XVI в. был неконованным королем о-ва Джерба и полновластным хозяином близлежащих земель, погиб в 1565 г. при осаде Мальты. Правительство Франциска I именovalo пирата в посланиях к нему «Великолепным сеньором моря». Менее знатное происхождение имел лидер партии, Абдельазиз Таальби, дед которого – бывший алжирский кадий (судья) покинул родные края, «не желая жить под властью немусульманского правительства», и около 1840 г. переехал к тунисскому бею, высоких постов здесь не занимал. (Об упомянутых лицах см., например: *Kraïem M. La Tunisie Précoloniale*, Tome I, Etat, Gouvernement, Administration, Tunis: STD, 1973, p. 440-454; *Les hommes du Destour à travers les archives microfilmées du P.N.R.* «Watha'iq», Université de Tunis, ISHMN, № 13, 1990, p. 16-119).

№ 11

Развитие социалистического, а затем и коммунистического движения в Тунисе отражало тенденции, складывавшиеся во Франции. При этом здесь наблюдалось раннее вовлечение в деятельность социалистических кружков и просветительских обществ, а также профсоюзов, основанных социалистами, представителей местного населения, в том числе мусульманского. В апреле 1906 г. собрался съезд представителей левой интеллигенции, республиканцев, радикалов и социалистов (всего 154 делегата), а в 1908 г. была основана социалистическая федерация Туниса, которая позже вступила во Французскую секцию Рабочего Интернационала (СФИО). В годы первой мировой войны она ничем себя не проявляла: по некоторым данным сохранилась лишь столичная ячейка из 20 человек. Она возобновила свою деятельность с 1919 г., когда ее фактическим лидером становится Робер Лузон, горный инженер по образованию, землевладелец, участник войны и кавалер Ордена почетного легиона. Материально независимый человек, он крайне критически относился к политике Франции в колониях, вел переписку с лидерами II Интернационала и стремился привлечь в круг своего общения тунисцев из рабочих, мелких служащих и учащихся. На

собрании 2 февраля 1919 г. Робер Лузон предложил издавать на свои средства газету «L'Avenir Social», она стала выходить с марта и быстро приобрела своего читателя. 13 апреля 1919 г. в Бизерте состоялся первый съезд Тунисской федерации СФИО. Вслед за этим, в мае, возникла группа «социалистической молодежи», во главе с учащимся лицея Карно – Морисом Рембо (1902-1925), сыном учительницы и служащего. В октябре 1920 г. она переименовала себя в «Союз коммунистической молодежи Туниса» и ходатайствовала о присоединении к III Интернационалу. 18 декабря того же года в пользу данного решения высказалось большинство участников «федерального» съезда тунисских социалистов, а именно 23 из 38 человек, собравшихся за столиками модного тогда и ныне существующего «Кафе де Франс», в одном из политических уголков центра тунисской столицы на авеню Жюль Ферри (с 1956 г. авеню им. Хабиба Бургибы). В их числе были 20 делегатов от Туниса, остальные – от трех других городов (Бизерта и Ферривиль, а также Сус) и от столичного пригорода Ла Гулетт. На протяжении всего 1920 г. предметом обсуждения в кругах социалистов было также содержание памфлета «Тунис-мученик», отношение к которому вырисовывалось весьма неоднозначное (Каздагли Х. *Татаввур аль-харака ши-иу'йи би тунис* [Развитие коммунистического движения в Тунисе], 1919/1943, Тунис: Изд-во Тунисского университета, 1992, с. 35-36, 54).

После раскола Французской социалистической партии на съезде в г. Тур, созванном 25-30 декабря 1920 г., соответственно, раскололась и тунисская федерация ФСП, которая насчитывала около 300 членов (всего в ФСП состояло тогда 180 тыс. человек). При этом тунисская делегация располагала на турецком съезде девятью мандатами. Из них шесть за резолюцию Кашена – Фроссара о немедленном присоединении к III Интернационалу и три за то, чтобы вынести вопрос на дальнейшее обсуждение. На съезде присутствовали Андре Дюран-Анливьер и Хасан Геллати, которые отчитались об итогах «федерального» съезда в Тунисе, но оба от себя поддержали резолюцию Лонге, принятую меньшинством делегатов, покинувших зал заседаний. Как и во Франции или в Алжире, начало 1921 г. стало в Тунисе периодом, когда определился «развод» социалистов: на сторонников восстановленного II Интернационала и сторонников Коминтерна, хотя некоторые не сразу сделали свой личный выбор. Меньшинство образовало Тунисскую федерацию СФИО, которую до весны 1938 г., возглавлял Э. Коэн-Хадрия, врач по профессии. В лучшие времена она насчитывала

лишь несколько сот членов, но пользовалась влиянием, далеко выходящим за рамки собственных ячеек. Социалисты руководили профсоюзным движением. Под их эгидой находилось Департаментское объединение Всеобщей конфедерации труда (ДО ВКТ), которое к 1924 г. охватывало 56 отраслевых профсоюзов, а в конце тридцатых – свыше 100, включая те, что были созданы наемными работниками, занятыми кустарным промыслом. Следовательно, свои трудовые требования они предъявляли отнюдь не французским хозяевам. Шахтеры-мусульмане и докеры-неевропейцы – представители массовых профессий – сравнительно поздно были охвачены профсоюзным движением. Параллельная прокоммунистическая структура, Унитарная всеобщая конфедерация труда (УВКТ), существовавшая в 1922–1936 гг. (воссоединилась с ВКТ на съезде в Тулузе), завоевала в Тунисе ведущие позиции фактически только на одном крупном предприятии, на арсенале.

С 1 марта 1921 г. адвокат Дюран-Анливьер приступил к изданию еженедельной газеты «Tunis-Socialiste», которая ратовала в защиту интересов рабочего класса и всех угнетенных, одновременно – за неизбежность режима протектората. Напротив, ранние тунисские коммунисты, включая европейцев, исходили из того, что предварительным условием социального освобождения трудящихся должна стать независимость Туниса, поэтому они выражали готовность к сотрудничеству с Дустуром и, в частности, с шейхом Таальби, который в начале двадцатых флиртовал с коммунистами. Последние не строили иллюзий насчет его конституционных требований, отмечая намерение консервативного крыла националистов «реконструировать арабское феодальное общество», но вместе с тем призывали к созданию единого антиимпериалистического фронта. 27 марта 1921 г. на собрании в Ферривиле была учреждена Тунисская федерация Французской коммунистической партии (ФКП), первоначально называвшаяся Section fédérale internationale Communiste (S.F.I.C.), т.е. Федеральной секцией Коминтерна. На этом собрании, где присутствовали делегаты из четырех городов (Бизерта, Ферривиль, Тунис и Сус), был избран Исполком S.F.I.C. с участием бывшего «младотунисца» – Мухаммеда Ноамана, который в начале того же месяца вместе с Хасаном Геллати выступил соавтором дустуровского «Манифеста» (Каздагли Х. Указ соч., с. 57, 75). Информация о персональном составе избранного в марте исполкома, по сути – промежуточного органа, имеется лишь частичная. Наряду с лицами свободных профессий, муниципальными, почтовыми и прочими служащими, большую роль среди пионеров

коммунистического движения в Тунисе играли работники сферы образования. С июля 1921 г., после отъезда во Францию одного из них – преподавателя М. Вейли, первого президента федерации, ее возглавил Р. Лузон. Он сразу выступил за привлечение тунисцев в ряды этой организации. Судя по материалам 2-ого съезда ФКП, общая численность коммунистов в Тунисе достигла 200 человек, а к середине 1922 г. возросла до 300 человек, из которых 3/4 составляли тунисцы-мусульмане (См.: Иванов Н.А. Кризис французского протектората в Тунисе, М.: Наука, 1971 с. 35).

Самая крупная группа действовала в столице, где штаб-квартира S.F.I.C. располагалась на улице Сук Бельхейр в народном квартале Хальфавин. Основная городская ячейка – «европейская», которая на самом деле имела интернациональный состав, насчитывала к концу 1921 г. сорок человек или около того (по данным осведомителей полиции). Она же взяла на себя роль оргкомитета партии. В нее входили Робер Лузон, Жан-Поль Финидори, Энрико Коста, Марсель Жубер и др., а также Мухтар аль-Айари, двое братьев Бургиба (Мухаммед и М'хамед), Ахмед Бен Милед, Мухаммед Бельхассин... Она заседала по воскресеньям, и примерно половина участников этих встреч принадлежала к числу «знакомых лиц», другие – малоизвестные. Здесь присутствовали, например, Абдельазиз аль-Махжуб (издатель-газетчик из Сфакса), мать и сын Рембо, двое артистов арабского любительского театра, преподаватели лицея Карно. Трое лицейцев – француз Рембо, итальянец Коста и мусульманин Бен Милед представляли «коммунистическую молодежь», которая была запрещена в феврале 1921 г. без судебного преследования ее участников и уже в ноябре возродилась под именем «синдикалистская молодежь».

Существовала еще так называемая туземная партийная организация, видимо, созданная для мусульман, совсем не владевших французским языком, да и вообще малообразованных, но «интересующихся». Ее пятничные собрания, в которых обычно участвовали и члены европейской группы, включая Лузона, собирали до 300–400 слушателей и шли с переводчиком. На одной такой сходке Мухтар аль-Айари заявил: «Сейчас наша партия – прибежище бедных, но когда-нибудь она станет правительством...» (Kraïem M. Le Parti Communiste Tunisien pendant la période coloniale, Tunis: ISHMN, 1997, p. 40–47, 69). Вторым после столицы полюсом деятельности коммунистов был Ферривиль под Бизертой с его арсеналом и металлическими мастерскими. В других городах действовали в основном

инициативные группы, зачастую создававшиеся теми же столичными жителями у себя на родине и распространявшими марксистскую литературу, брошюры и листовки, газеты – свои и французские (например, «L'Humanité»). Подобные организации возникли в Сусе и Монастире, а также в Кайруане. Самой южной точкой, где сложилась коммунистическая ячейка из 10-12 человек и группа коммунистической/синдикалистской молодежи, был г. Сфакс.

18 декабря 1921 г. на общем собрании, состоявшемся в Ла Гулетте (портовом пригороде Туниса), которое считается первым съездом тунисских коммунистов, было избрано политбюро из 9 человек. В него вошли трое мусульман. Для сравнения: вначале деятельности алжирских секций ФКП, которые группировались вокруг газеты «La Lutte Sociale», среди 400 активистов насчитывалось только 2 алжирца (Ланда Р.Г. История Алжира XX век, М.: ИВ РАН, 1999, с. 56). Председателем бюро, избранного в Ла Гулетте, становится Лузон, генеральным секретарем – Жубер, торговый служащий, его заместителем – М'хамед Бургиба, переводчик в канцелярии правительства, казначеем – Жан-Поль Финидори, муниципальный служащий.

Выпускали тунисские коммунисты несколько газет. Это прежде всего «L'Avenir Social», которая с 13 февраля 1921 г. выступала от их имени, а с 8 мая выходила со специальной полосой на арабском языке. Одним из ее ведущих авторов, а затем и редактором (после Жубера) становится Рембо, подлинный романтик коммунистической идеи, который по окончании лица поехал было учиться в Лион на факультет философии, в 1924 г. вернулся безнадежно больным и незадолго до своей кончины опубликовал серию статей под русским псевдонимом «Мужик» (Каздагли Х. Указ соч., с. 55). Осенью 1921 г. «L'Avenir Social» опубликовала аналитический доклад, составленный раньше, 1 мая того же года, с развернутой характеристикой национального движения в рамках Дустура и его внутренних противоречий. К этой теме газета возвращалась и в дальнейшем. Она выходила по воскресеньям тиражом около 1 тыс. экземпляров и распространялась главным образом в тунисской столице.

На более широкую аудиторию была рассчитана газета, писанная на простом (разговорном) арабском языке, это – «Хабиб аль-умма» («Друг нации»), она появилась 23 октября 1921 г. и затем выходила под другими названиями. Распространялась по подписке и в розницу тиражом до 3 тыс. экземпляров. Ее издавал и редактировал Мухтар аль-Айари, бывший железнодорожник, фронтовик, награжденный солдатским крестом, и в то

время, о котором идет речь, – секретарь профсоюза трамвайщиков. (Это было редким случаем, ибо законы метрополии воспрещали нефранцузам возглавлять профсоюзы). На 16-м номере власти протектората закрыли газету, однако она возрождалась под названиями: «Хабиб аш-Шааб» («Друг народа»), «Аль-Мазлум» («Угнетенный»), «Аль-Хабир» («Сведущий») и проч. Всего сменила семь названий за 2,5 месяца, пока не появился 4 января 1922 г. декрет о печати, имевший целью остановить подрывную агитацию через арабоязычную прессу. В частности, напрямую запрещались коммунистические издания на арабском языке и с советской символикой.

Последней попыткой обратиться к массовому читателю явилась так называемая Красная брошюра, которая была напечатана тиражом 3 тыс. экземпляров в типографии, принадлежавшей Лузону, и под его именем. Она имела название «Маджалля» («Журнал») и алую обложку. Полный заголовок этой наспех подготовленной публикации в 44 страницы, без даты, которую выпустили в январе 1922 г., был следующим: «Аль-мас'ала ат-тунисийа ва халлуха би васатати аш-шуй'ийа» («Тунисский вопрос и его коммунистическое решение»). Под ним стояло изображение серпа и молота в колосьях, сверху – призыв «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!». (Каздагли Х. Указ соч., с. 62). Любопытно, что содержание брошюры воспроизводило в основных чертах идеи «Туниса-мученика», который к этому времени стал «Евангелием» тунисского национализма. В частности, обращает на себя внимание начало брошюры, в котором, как и в памфлете Таальби, идеализировалось доколониальное прошлое, якобы отличавшееся, несмотря на злоупотребления бейского двора, справедливым распределением богатств... Зато в конце предлагался выход: всем присоединяться к коммунистической партии. (Выдержки из текста: Annuaire de l'Afrique du Nord, Ex-en-Provence: CNRS Edition, T. XIII, 1975, p. 878-882). Поскольку Лузон не владел арабским, редакторами этой брошюры, а скорее всего и основными авторами, явились Мухаммед Бельхассин – работник департамента финансов и Махмуд Бургиба, подготовившие Красную брошюру к изданию (Kraïem M. Op. cit., p. 78).

Однако за все расплачиваться пришлось Лузону, он был арестован, приговорен к штрафу и шести месяцам тюремного заключения, затем выслан во Францию. (В октябре 1922 г. представлял Тунис на II съезде ФКП и состоял в ее колониальной комиссии; в 1926 г. опубликовал статью «Бонапартистская опасность», направленную против сталинизма, и вышел из

компартии). Были произведены другие аресты, коснувшиеся тех, кто пытался распространять брошюру, основной тираж которой был конфискован. Однако власти не воспрепятствовали приезду в регентство Поля Вайян-Кутюрье, его выступление 26 марта 1922 г., посвященное вопросу о свободе прессы, собрало целую толпу, где можно было видеть самых разных людей. Среди них: член Исполкома партии Дустур – М. Джайди, социалист Иохим Дюрель, он же преподаватель лицея Карно, почтовый служащий Барро, принявший на себя обязанности руководителя федерации коммунистов, а также Мухаммед Бельхассин, братья Бен Милед, братья Бургиба и т.д. Поднявшийся на эстраду Абдельазиз аль-Махжуб разбрасывал брошюры «За Советскую Россию» и «Краткий курс коммунизма», отпуская оскорбления в адрес оцепления из полицейских (Доклад комиссара полиции. Цит. по: *Kraïem M. Op. cit.*, p. 70-71).

Новый гнев властей коммунисты навлекли на свою голову, когда пытались сорвать праздничный прием в столице Туниса французского президента Мильерана. Так, 23 апреля 1922 г. Мухтар аль-Айари и Махжуб аз-Зани обошли медину, уговаривая торговцев (от имени Таальби) закрыть лавки и в такой – традиционной для арабского базара форме – выразить знак протеста в день президентского визита. За выпады в адрес Мильерана подверглись судебным санкциям директор издательства «L'Avenir Social» и автор статьи – М. Рембо, которого приговорили к месяцу тюрьмы условно. Некоторые коммунисты были уволены со службы (*Ibid.*, p. 88, 103). В итоге тунисская секция ФКП была запрещена 17 мая 1922 г. по приказу правительства Пуанкаре. Закрылась и первая страница существования тунисского коммунистического движения, которое, как мы видим, соприкасалось с возникшим одновременно дустуровским (национальным) движением, отчасти совпадало с ним; поэтому власти не случайно путали коммунистов мусульман и националистов, отождествляли их друг с другом, считая в целом врагами Франции и ее порядка. Правда, летом 1922 г. по поручению парламентской фракции коммунистов в Тунис приехал Андре Бертон, один из лидеров ФКП, который добился освобождения ряда заключенных и 9 июня торжественно объявил на легальном митинге, собравшем 300 человек, о восстановлении местной федерации коммунистов. Он-то и доложил в Париже, что ¼ ее участников – мусульмане. Однако в ближайший период состав федерации претерпел существенные изменения, ибо в 1922-1924 гг. значительная часть активистов партии – европейцев (Лузон, Барро, Коста и

др.) были высланы без права возвращения в Тунис или покинули его под угрозой ареста. Отошли от деятельности коммунистической федерации некоторые раньше заметные в ней представители тунисской интеллигенции (это касается, в частности, старших братьев Хабиба Бургибы).

Созданная по социал-демократическому образцу, она оставалась в 20-е годы без централизованного партийного аппарата и ясной организационной структуры. Тем не менее, газета «L'Avenir Social» продолжала издаваться, а место Лузона в качестве лидера-вдохновителя коммунистов занял Финидори, склонявшийся к троцкистским взглядам. Основные силы до начала 1925 г. включительно были направлены на деятельность в рамках профсоюзного движения, в том числе на базе местного отделения УВКТ и созданного осенью 1924 г. национального профцентра (недолговечной ВКТТ), что послужило поводом к обвинению тогдашних ведущих деятелей тунисского коммунистического движения в анархо-синдикализме. Таким образом, в силу не столько внешних, сколько внутренних причин, Тунисская федерация ФКП на первом этапе своей деятельности ставила во главу угла решение колониального (национального) вопроса, разделяя тем самым тезисы Коминтерна, сформулированные в Баку на первом съезде народов Востока, прошедшем в сентябре 1920 г.

Противоположного мнения придерживались алжирские коммунисты, и оно заключалось в следующем: «Освобождение туземного населения может быть лишь результатом революции во Франции». На этой почве возникли расхождения между Тунисской федерацией ФКП и ее аналогом в Алжире, где лишь в конце 1922 г. мелкие коммунистические секции, состоявшие почти из одних европейцев, были объединены в Алжирскую федерацию ФКП. Эти расхождения выявились уже на первом региональном съезде коммунистов Северной Африки, состоявшемся в апреле 1922 г. в Алжире и на втором их съезде 24 сентября того же года в алжирском г. Блида. (Подробнее: *Богусевич О.В.* Зарождение коммунистического движения в Тунисе // Африка: проблемы истории, М.: Институт Африки АН СССР, 1986, с. 168-169).

Парадокс, на который обращают внимание исследователи, заключался в том, что социал-демократы в Тунисе опирались на профсоюзы и, соответственно, имели поддержку в лице рабочего класса, в котором постепенно увеличивалась доля тунисцев-арабов. Коммунисты же были партией мелкой буржуазии, а точнее служащих. Руководимая ими УВКТ за-

воевала себе позиции только на военном арсенале в г. Ферривиль, где были заняты квалифицированные рабочие и преобладали европейцы, главным образом выходцы с Корсики (чаще занятые ручным трудом, чем другие французы), а также в трамвайных депо столицы. Однако предпринятая в 1923 г. попытка создать в Тунисе арабский филиал Профинтерна (весной этого года делегация тунисских железнодорожников посетила Москву) не увенчалась успехом. За своей малочисленностью коммунисты, работавшие в профсоюзах, предпочли остаться или вернуться в ряды «сежетистов», т.е. членов департаментского объединения ВКТ (CGT). На следующий год местная федерация ФКП одобрила идею создания национальных профсоюзов, зародившуюся среди бастовавших докеров г. Тунис, которые требовали таких же зарплат, как у грузчиков Марселя. Сначала, правда, коммунисты колебались: поддерживая стачком, избранный в августе 1924 г., они выступали против идеи создания «мусульманского» профцентра. Например, Мухтар аль-Айари резко осудил перспективу раскола рабочего движения, затем поменял позицию. Напротив, руководитель «коммунистической/синдикалистской молодежи» — учащийся Ахмед Бен Милед, арестованный 13 сентября в Бизерте, был исключен из партии, так как остался при прежнем мнении. (Позже уехал на продолжение учебы в Париж). С середины сентября коммунисты предоставляли докерам свои типографии, печатали статьи в пользу бастующих, собирали для них деньги.

Судя по всему, лидеры Тунисской федерации ФКП рассчитывали использовать неожиданно открывшуюся перед ними возможность развернуть более широкую, чем прежде, массовую пропаганду коммунистической идеи. При этом они оспаривали влияние на столичных докеров не только у ДО ВКТ, которое в то время пользовалось покровительством властей, но и у Дустура, поскольку многие портовые грузчики, да и другие категории чернорабочих входили в его партийные ячейки.

3 декабря 1924 г. Мухтар аль-Айари был избран во временный исполком Всеобщей конфедерации тунисских трудящихся (ВКТТ), возглавляемый Мухаммедом Али аль-Хамми. Издатель газеты «L'Avenir Social» Жан-Поль Финидори сопровождал генерального секретаря ВКТТ в агитационных поездках по стране, освещая события в своих статьях и донося их до франкоязычной публики. В одном из номеров этой газеты звучали такие призывы: «Коммунизм всегда поддерживал в Тунисе пролетариат против французского империализма. Рабочие! Вступайте в коммунистические ра-

ды. Да здравствует свободный пролетариат в свободном Тунисе! Да здравствует ВКТТ!» (*Menaja A. Mohammed Ali al Hammi. Fondateur du Syndicalisme Tunisien, Tunis: Artypo, 1985, p. 146*). Поддержка, оказанная коммунистами этой организации, оказалась для них фатальной.

Состоявшийся в ноябре 1925 г. суд над главными зачинщиками забастовок, вынесший вердикт о высылке Финидори (согласно протоколу следствия, корсиканца 35 лет, холостого) и Мухтара аль-Айари (36-летнего отца семейства), никогда уже не вернувшихся в Тунис, нанес тяжелый удар по коммунистам. У них, победно рапортовал в январе 1926 г. Генеральный резидент, остались только три ячейки: одна в Ферривиле, на арсенале, вторая в Тунисе почти из одних «туземцев», и третья тоже в столице — группа железнодорожников, которая практически бездействует. Главное же, констатировал Люсьен Сэн, «распался их центральный аппарат, находившийся в руках европейцев»; в самых крупных городах остались разрозненные ячейки от 5 до 12 человек в каждой, а также литературные кружки и полудомашние клубы. Примерно такую же картину изображали в своих отчетах и представители «колониальной комиссии» ФКП, посещавшие Тунис в 1927-1928 гг. Один из них даже пришел к выводу, что местная компартия исчезла, и был не далек от истины. Другое дело, что в работе «кружков» участвовали новые люди, Хасан Саадави, Мойше Зана, Али Джрад и др., которым предстояло возглавить партию в тридцатые годы (*Kraïem M. Op. cit., p. 106-107, 119-120*).

Обращает на себя внимание тот факт, что тунисская федерация ФКП, деятельность которой была на подъеме в первой половине 20-х годов, вошла в полосу кризиса в то же самое время, когда пошло на спад, а фактически уже прекратило существование (в организованной форме) коммунистическое движение в Египте. Оно было связано, прежде всего, со вторым по значению после Каира и космополитическим по составу населением египетским городом — Александрией. В январе 1923 г. александрийская секция Социалистической партии, контролировавшая созданную ранее Всеобщую конфедерацию трудящихся Египта (ВКТЕ), провозгласила себя Египетской компартией (ЕКП) и, соответственно, секцией Коммунистического Интернационала. Через год уже представляла собой вторую по численности личного состава компартию Востока. Об этом говорят следующие данные. Численность компартии Китая в 1924 г. составляла 800-900 человек, Турции — 600, Палестины — 100. В рядах самой крупной арабском регионе

Египетской компартии (ЕКП) в начале того же года было не менее 700 активистов, но уже в конце февраля – начале марта того же года вафдистское правительство (сформированное Заглул-пашой) подвергло ее разгрому. Поводом к этой акции стал захват рабочими нескольких фабрик в Александрии (центром выступлений стала маслوبيная фабрика «Эголин»). От последствий этого разгрома партия так никогда и оправилась, хотя в конце двадцатых ее ячейки функционировали в Каире и Александрии, а в Москве учились ее посланцы, два десятка человек разных национальностей, большинство из которых в Египет не вернулось (Косач Г.Г. Первые коммунисты Египта: попытка создать групповой портрет, «Восток – Ориент», № 5, 2002, с. 62-83).

Некоторые, ранее не известные сведения об участниках ранней коммунистической организации в Тунисе, полученные из устных источников, в том числе со слов Финидори, содержатся в диссертации: *Ben Temime L. La fédération communiste de Tunisie (1921-1922), un effort précoce de tunisification*. Université Paris VIII, 1976. См. также: *Moneta J. Le P.C.F. et la question coloniale (1920-1965)*, Paris: Maspero, 1971; *Rodinson J. Marxisme et le monde musulman*, Paris: Seuil, 1972; *Galissot R. Sur les débuts du communisme en Algérie et en Tunisie. Socialisme colonial et rupture révolutionnaire // Mélange d'histoire sociale offert à Jean Maitron*, Paris: les Editions ouvrières, 1976; *Tlili H. La Fédération Socialiste et «La Tunisie Martyre»*, «Cahiers de Tunisie», № 99-100, 1977; *Hadri N. L'U.R.S.S. et le Maghreb (de la révolution d'octobre à l'indépendance de l'Algérie) 1917-1962*, Paris: L'Harmattan, 1985.

№ 12

В ряде отечественных публикаций указывается, что Реформистская партия (*Хизбу-ль-Ислах*), отколовшаяся от Дустура, «объявила о своем создании» в апреле 1922 г. (Иванов Н.А. Указ. соч., с. 55; Тунисская Республика. Справочник, М.: Наука, 1993 г., с. 98, 429). Таким образом, это событие падало бы на момент политического кризиса, разразившегося в регентстве накануне визита президента Мильерана. В действительности Реформистская партия во главе с Хасаном Геллати к этому времени уже существовала. Датой ее основания принято считать 16 апреля 1921 г. (см., например, *Kassab A. Histoire de la Tunisie. L'époque contemporaine*, Tunis: STD, 1976, p. 389). Полагают также, что «реформистское» течение возникло внутри Дустура сразу после ареста Абдельазиза Таальби, когда некоторые усомнились в осуществимости требований, изложенных в «Тунисе»

мученике». Присоединившись к их мнению, Хасан Геллати – один из основателей Дустура опубликовал 28 августа 1921 г. резкую статью против Таальби в газете «*Tunis Socialiste*», а с середины следующего месяца стал издавать газету «*Аль-Бурхан*». Она обнародовала 19 сентября программу требований, в нескольких пунктах отличавшуюся от более раннего дустуровского «Манифеста», автором которого был сам Геллати. Это, собственно, и означало появление Реформистской партии, которая выступала за уравнивание в правах европейцев и мусульман, отказываясь от идеи независимости даже в отдаленной перспективе. Ратовала в пользу проекта реформ, предложенного 2 февраля 1922 г. группой французских парламентариев во главе с Пьером Теттанже. Эти реформы, особенно в части, касавшейся модернизации сферы судопроизводства, во многом отвечали тем требованиям, которые Хасан Геллати отстаивал еще в довоенное время, например, в статьях, опубликованных им в 1907-1908 гг. под псевдонимом «Нассакх» (*Micaud C.A., Brown L.C., Moore C.H. Op. cit.*, p. 28).

Представляя собой не более чем издательскую группу газеты «*Аль-Бурхан*» (с 1923 г. выходила под названием «*Ан-Нахда*»), партия включала, помимо самого Геллати, «политического директора» этой газеты, еще двух известных ветеранов младотунисского движения – Мухаммеда Ноамана и Садока Змерли, а также ряд начинающих политиков. Среди них: журналист Шедли Касталли (владелец издательства), коммерсант Тахар Мхири, Бешир Акаша, Хассуна Айаши, Рашид Хейдер и Мухаммед Бургиба (См. Иванов Н.А. Указ. соч., с. 55). По мнению некоторых историков, эта «кучка интеллектуалов» становится с 1921 г. придатком, или «туземным филиалом» Тунисской федерации СФИО, выступая заодно с ней в оппозиции к коммунистам (*Kraïem M. Op. cit.*, p. 83). Со своей стороны, Садок Змерли таким образом говорил о Хасане Геллати уже после его смерти: «Он основал одну за другой экономическую газету «Нахда», которая недолго просуществовала, а затем – ежедневную информационную газету под тем же названием. Она выражала умеренную тенденцию, образуя собой шарнир между полуофициальными органами печати и газетами, всецело подчиненными Дустуру (*Zmerli S. Figures tunisiennes. Les Contemporains et les Autres*, Tunis: M.T.E., 1972, p. 122).

Встречается мнение, что *Хизбу-ль-Ислах* прекратила свою деятельность в 1928 г., после того как Хасан Геллати – ее политический руководитель проиграл выборы в Большой совет, а Шедли Касталли –

редактор газеты «Ан-Нахда» потерпел поражение на выборах в Торговую палату (*Mahjoubi A.* Op. cit., p. 276-280). Однако наиболее стойкие реформисты продолжали высказываться от имени этой партии. Ее примирительное отношение к протекторату в 20-е годы отчасти объяснялось спекулятивной конъюнктурой в послевоенном регентстве. Оставаясь практикующим адвокатом, Хасан Геллати проявлял интерес к предпринимательской деятельности, сблизившись на этой почве с небезызвестным Мухаммедом Шеником, которому досталась роль ведущего лидера нарождающейся тунисской буржуазии. Зато в дустуровских кругах Шеника и К* клеймили как «коллорабационистов».

№ 13

Каидат — основная единица административно-территориального деления бейского Туниса; во главе каидатов, размеры которых значительно варьировались в зависимости от их населенности, стояли каиды — чиновники, назначаемые беем. Иногда их подбирали из числа представителей племенной верхушки, так было на юге и в центральной (степной) части страны, где преобладало полукочевое население. Помощниками каидов были старосты, стоявшие во главе «шейхатов», то есть селений или кварталов, и другие должностные лица, ответственные за сбор налогов и поддержание порядка на местах. После установления французского протектората принцип «этнического» административного деления заменили на чисто территориальный, количество каидатов сократилось примерно вдвое, а прерогатива назначения каидов перешла к колониальным властям. Кроме того, в 1884 г. был учрежден институт «гражданских контролеров», назначаемых и смещаемых Генеральным резидентом. От одного до 3-х, а то и 4-х каидатов входили в округ (*circonscription*) под началом гражданского контролера — француза, к обязанностям которого, помимо наблюдения «за административной деятельностью туземных начальников», принадлежала организация общественных работ, природоохранные мероприятия, городское благоустройство, местное дорожное строительство и проч. По отношению к европейцам гражданские контролеры выступали в качестве непосредственных администраторов. Вне сферы гражданского управления оставались «военные территории» — особая зона, в которую были выделены 4 кандидата, расположенные южнее округов Габес и Гафса. Эта зона находилась под контролем военного коменданта и 4-х бюро по делам туземцев (*Vigean de*

Affaires indigènes) во главе с офицерами французской армии. Одной из причин сохранения на Крайнем Юге оккупационного режима служила необходимость следить за сухопутной ливийско-тунисской границей, отделившей французские владения до 1911 г. от Османской империи, позднее — от итальянской колонии. После первой мировой войны французские власти организовали единую для Туниса и Алжира систему «сахарской полиции». Опорой этой полиции, которая взаимодействовала с комендатурой, являлись форты и гарнизоны, служившие также местом ссылки.

С 1922 г. Тунис, за исключением Крайнего Юга, был разбит на области (*région/джиха*), каждая состояла из нескольких округов гражданского контроля. Было образовано пять таких крупных областей с центрами в городах Эль-Кеф, Бизерта, Тунис, Сус и Сфакс. Согласно новому законодательству, в советы каидатов входили представители коренного населения, в советы областей — тунисцы и представители европейских поселенцев. Прямое избирательное право имели только европейцы. Для «туземного» населения были предусмотрены двухступенчатые выборы: сначала в них участвовали те, «кто пользуется всеобщим уважением в силу их общественного положения, или их благочестия, или их почтенного возраста, или их образования, или услуг, оказанных государству». Эти лица определяли на местах (в шейхатах) коллегию выборщиков, а те уже избирали членов совета каидата. Последние, в свою очередь, направляли своих делегатов в областные собрания. (См. Себа П. Тунис. Опыт монографии, М.: Изд-во Иностранной литературы 1953, с. 222-226; *Mouilleau. Fonctionnaires de la République et artisans de l'Empire. Le cas des contrôleurs civils en Tunisie (1881-1956)*, Paris: L'Harmattan, 2000).

№ 14

Речь идет о третьей по счету делегации Дустура, направленной в Париж 29 ноября 1924 г. для переговоров с правительством Эдуарда Эррио, лидера радикал-социалистов, которые вместе с кандидатами от СФИО завоевали, соответственно, первое и второе места на выборах в Палату депутатов в мае того же года. Делегацию из Туниса составили 4 человека: генеральный секретарь партии — Ахмед ас-Сафи, его заместитель — Салах Фарахат и члены комиссии по пропаганде: Ахмед Тауфик аль-Мадани и Таieb Джмаиль. Помимо главной задачи — встречи с французским премьер-

ром, державшим также портфель министра иностранных дел, посланцам было поручено распространить среди депутатов меморандум под названием «Тунисский вопрос», где критиковались ущербные реформы 1922 г. и доказывалось, что 9 пунктов программы партии Дустур не противоречат духу и букве договоров о протекторате. В готовившемся с лета меморандуме, авторами которого были ас-Сафи и Джмаиль, а также помогавший им Дюран-Анливьель (см.: «Watha'iq», № 24-25, 1998-1999, р. 31), выдвигалось предложение о преобразовании двух секций Большого Совета в единое собрание, обладающее правом вето бюджет и разрабатывать законы местного значения, приводились конкретные примеры несправедливостей французской политики в деле аграрной колонизации, затрагивался вопрос о неравном положении тунисцев и европейцев на государственной службе и т.д.

Делегация, проведя целый месяц в Париже, так и не дождалась приема у главы правительства. Не имевший надежного большинства в парламенте и подвергавшийся атакам со стороны клерикальных группировок, Эррио «уже не был тем радикалом, который с распростертыми объятиями принимал первую делегацию Дустура в 1920 г.»; на сей раз он уклонился от встречи, но в виде утешительного приза направил в Тунис комиссию с поручением разобраться в некоторых проблемах, главным образом связанных с сельским хозяйством. (Kassab A. Histoire de la Tunisie. L'époque contemporaine, Tunis: S.T.D., 1976, p. 399). По возвращении в Тунис, ас-Сафи принял у себя членов Исполкома и дал разъяснение своей неудачи, списав ее на генерального резидента (Люсьена Сэна), который ставил палки в колеса, убедив Эррио в связях дустуровцев с компартией. Во время своего визита в Париж последние всеми силами старались доказать обратное. «Во Франции, — отмечали они в своем меморандуме, — Коммунистическая партия представлена в Палате депутатов всего 26-ю голосами, которые не принесут никакой пользы тунисцам. Напротив, мы знаем, что лучший способ загубить справедливое дело — это доверить его коммунистам, доктрина которых и методы деятельности пугают представителей государственной власти (effrayent les Pouvoirs Publiques). С другой стороны, несомненно, что тунисцы не могут иметь никакой связи с коммунистами или испытывать к ним симпатии, поскольку их доктрина находится в очевидном противоречии с принципами исламизма... Но мы — несколько и не националисты! Что мы на самом деле просим у Франции? Реформ внутреннего характера, основанных на принципе искреннего и братского сотрудни-

чества между французами и тунисцами, в полном соответствии с режимом протектората и интересами Франции в Тунисе». (La Question Tunisienne. Mémoire présenté par la 3-e délégation envoyée en France par le peuple tunisien en décembre 1924. Цит. по приложению к брошюре: Bourguiba H. Introduction à l'Histoire du Mouvement National, Tunis, 1962, p. 45). Информанты службы внутренней безопасности сообщали 29 декабря 1924 г., что ас-Сафи, вернувшийся домой все-таки с надеждами, поскольку в Париже его принял председатель Палаты депутатов и пообещал поддержку, просит всех «соблюдать спокойствие и не делать ни малейшего шага, который заставил бы подумать, что тунисцы — революционеры». Однако, добавлял анонимный автор доклада, «дустуровцы в целом недовольны результатами поездки делегации. Экстремисты, в основном метвия (разнорабочие, выходящие из-под Габеса — М.В.) хотят революции, а дустуровцы стараются призвать их к порядку и убедить, что тунисцам еще не по плечу бороться с протекторатом» (Цит. по: «Watha'iq», № 24-25, р. 104-105). Меморандум «третьего вафда», опубликованный в Париже, был близок по содержанию к взглядам Реформистской партии Хасана Геллати; однако в мае 1925 г. Дустур прервал временный альянс с этой партией и с тунисскими социалистами, «возобновив автономную деятельность» (Иванов Н.А. Указ. соч., с. 83).

№ 15

Определение «партия эстетов и буржуа» совпадает с оценкой, которую давали Старому Дустуру многие французские историки, среди них — непосредственные наблюдатели и даже участники событий (Ш.-А. Жольен, Р. Ле Турно и др.). Отчасти подобное «клише» создали лидеры диссидентской группировки во главе с Бургибой, обвинявшие своих оппонентов в отъявленном консерватизме, а главное — в бездеятельности. Например, Жамиль Абун-Наср, которому принадлежит добротная и трижды выпущенная Кэмбриджем монография по истории Магриба, пишет: «Не имея за собой массовой организации, лидеры Дустура оставались изолированными в своей эксклюзивной социальной среде (in their exclusive social milieu), и поэтому, — продолжает автор, — не способная отразить удар, партия после репрессивных январских декретов 1926 г. перешла в пассивное состояние» (Abun-Nasr J.M. A History of the Maghrib. Second Edition, London: Cambridge Univ. Press, 1977, p. 343). Современные тунисские исследователи склонны к пересмотру этого устоявшегося представления, подчеркивая, что оно,

может быть, и справедливо по отношению к партийной верхушке, которая тоже не целиком состояла из «эстетствующих буржуа», но противоречит фактам, свидетельствующим о массовом характере Дустура 20-х годов. В этой связи Али Махжуби ссылается на данные властей протектората, которые в октябре 1924 г. оценивали количество ячеек партии в 70, а численность ее членов – в 45 тыс., не считая «симпатизирующих». Примерно на то же время Тауфик аль-Мадани приводил в своих мемуарах цифру 30 тыс. человек. В дальнейшем она испытывала колебания.

При этом партия имела свои отделения в провинции, а в столице дустуровские ячейки существовали не только в аристократических кварталах (*Mahjoubi A. Op. cit.*, p. 533). Действительно, ныне опубликованные рапорты полицейских агентов информируют, например, что по случаю праздника *маулид*, дня рождения Пророка, руководство партии собралось в своей разукрашенной штаб-квартире на rue d'Angleterre, затем большая компания в 400 человек двинулась стайками – генеральный секретарь ас-Сафи в авто, остальные пешком – в «филиал» на улице Тронжа, то есть в квартал самого «низкого класса», улаживать отношения с тамошними «радикалами». Затем они таким же образом обходят другие, в том числе и новые филиалы в кварталах Хальфавин, Сиди Мансур и т.д. Наконец, собирается толпа в две тысячи человек. Над входом каждого из помещений партийных ячеек видны плакаты с надписями по-арабски «Тунис – тунисцам!». А слепой продавец дустуровских газет тянет песнь с проклятиями в адрес Франции, Генерального резидента и прочих начальников, да и вообще всех «руми», толпа ему подпевает. (Доклад спецкомиссарата в Тунис от 12 октября 1924 г., факсимиле см.: «Watha'iq», № 24-25, 1998-1999, p. 139-140). Что касается пассивности Дустура, которая была им проявлена в течение пяти лет после «третьей делегации» в Париж в декабре 1924 г. и майской демонстрации 1925 г. («стачки мусульманского базара»), то эту относительную инертность можно объяснить не только результатом драконовских законов, но и тем обстоятельством, что вторая половина двадцатых явилась в Тунисе периодом урожайных лет и общего хозяйственного подъема на фоне благоприятной внешнеторговой конъюнктуры. Для одних – имеющих это создало привлекательные возможности втянуться в капиталистическое предпринимательство, поэтому часть руководителей Дустура и независимых политиков-сателлитов перешла на позиции сотрудничества с режимом, продолжая его «мягкую» критику. Для других, основной массы населения, которое в то

время не голодало, условия существования были сносными. Между тем в довольно рыхлой Исполнительной комиссии партии, как и в редакциях газет «дустуровского круга» взаимодействовали два течения: строгих «легалистов», их возглавлял Ахмед ас-Сафи, и более решительных, по крайней мере на словах, деятелей из числа мударрисов (преподавателей) и шейхов (профессоров) из-Зейтуны, а также же лиц иного рода занятий, получивших «зейтуновское» образование. Они-то и представляли собой своего рода фракцию антизападников. Их голос был слышнее (См., например: *Kassab A. Op. cit.*, p. 383).

№ 16

Так называемый берберский дахир представлял собой указ, подготовленный специальной комиссией при Генеральном резиденте Люсьене Сэне и подписанный молодым султаном Мухаммедом бен Юсефом (1927-1961 с перерывом в 1953-1955; с 1957 г. – король Мухаммед V), появился в развитие более ранних указов, касавшихся того же вопроса. Неожиданно для авторов дахира он произвел шоковое впечатление. Спустя полвека удалось собрать свыше 200 статей и телеграмм протеста по его поводу (опубликованы томом в 660 стр.), исходивших от различных мусульманских организаций, видимо, поднятых на ноги известным деятелем панарабского движения Шекибом Арсланом. Этот документ, подлинное название которого «О сохранении обычного права берберов», предусматривал передачу судопроизводства в районах проживания берберов из рук кайдов (представителей султанской администрации) вождям племен, подчинившимся непосредственно французским органам власти. Дахир предписывал сохранение в берберских племенах обычного права, адата, вопреки шариату. По сути дела, он преследовал двойную цель: углубление противоречий между арабами («пришельцами») и берберами («автохтонами»), а также уделение роли традиционного корпуса улемов, священнослужителей и знатоков права. После издания дахира французская администрация начала активно использовать берберов для службы во французской армии, им был облегчен доступ на чиновничью службу. В берберских районах, преимущественно в Среднем Атласе, населению полагалось использовать либо берберский (бесписьменный), либо французский языки. Без арабского обходились в местных школах, а также в коллеже г. Азру, четвертом марокканском учебном заведении такого уровня. Клирики разрабатывали планы приобщения берберов к католической церкви. Не случайно первая годовщина издания дахира была отмечена му-

сульманами как день траура, поста и молитв. К марокканским мечетям присоединились тунисские. Здесь, в регентстве, где берберской проблемы как таковой не существовало, марокканские дела воспринимались именно в религиозном ракурсе; а политические деятели, со своей стороны, рассматривали злополучный указ, навязанный марокканскому султану, как общее наступление Франции, незаконно расширяющей свои, в общем-то, ограниченные – с юридической точки зрения, права протектирующей державы.

«Берберский дахир», послуживший детонатором движения националистов в Марокко, был признан самими французами их «величайшей ошибкой» и отменен. Вместо него издан новый дахир от 8 апреля 1934 г., из которого изъяли пункт о передаче уголовных дел в берберских районах под юрисдикцию французских судов. Прерогативы каидов, пашей и Высшего шерифского суда (по тяжким преступлениям) были восстановлены. В остальном порядок жизни берберских племен, как и прежде, регулировался по местным традициям, кодифицированным в серии дахиров, первый из которых появился еще в 1914 г. Унификация гражданского права, касавшаяся также еврейской общины Марокко, была произведена после обретения страной независимости (*Luccioni J. L'élaboration du dahir berbère de 1930. «Revue de l'Occident Musulman, Aix-en-Provence, № 38, 1984, p. 75-82).*

№ 17

Пресса зарождается в Тунисе с середины XIX века. Это были итальянские или французские «листки», не считая правительственного вестника, выходившего на арабском языке. Ряд европейских периодических изданий был основан бежавшими в Тунис сторонниками Гарибальди, который и сам появлялся в Тунисе под разными именами. В период протектората печать регулировалась «бейским декретом» от 14 октября 1884 г., представлявшим собой модифицированный закон о печати, принятый тремя годами раньше во Франции. При этом сумма залога, вносимая учредителем газеты политического направления, была вдвое больше, чем для прочих изданий. В связи с введением в 1911 г. режима осадного положения в г. Тунис и окрестностях (после «дела о кладбище Джеллаз») все арабские газеты, кроме нейтральной «*Зохра*» («Звезда Венеры») были закрыты.

С началом мировой войны режим осадного положения был распространен на всю территорию регентства. Лишь весной 1920 г. было дано временное разрешение на издание арабских газет и журналов,

через год новый губернатор Люсьен Сэн, снял этот режим, чем не замедлила воспользоваться партия Дустур. Однако на том этапе у нее не было центрального печатного органа, дустуровцы выпускали несколько газет одновременно, рассчитывая, что так лучше будет их сохранить. Зачастую две-три газеты имели одного и того же редактора. Случалось, если газету запрещали, она через некоторое время появлялась под новым названием. В силу декрета от 6 мая 1893 г. (дополненного ужесточившим его декретом от 4 января 1922 г.) периодические издания на арабском языке или иврите могли быть приостановлены на определенный срок либо закрыты в административном порядке. Для запрещения франкоязычных изданий требовалась более сложная (судебная) процедура. Этим отчасти объясняется тот факт, что в начале тридцатых главным рупором тунисских националистов являлись газеты на французском языке, тон которых был более решительным, чем у арабской прессы. Однако уже 31 мая 1933 г. власти закрыли сразу три газеты на французском языке в обход законов; аналогичные меры применялись и к газетам левых партий. Например, орган департаментской федерации СФИО, газета «*Tunis-Socialiste*» была закрыта 15 июня 1938 г. по распоряжению даже не гражданских, а военных властей. (См.: *Martin J.-F. Op. cit., p. 123-127; Mahjoubi A. Op. cit., p. 253-274; 433-464; Afraoui K. Colonialisme et la presse en Tunisie (1881-1939), «Rawafid», Tunis, № 6, 2001, p. 7-28).*

№ 18

Демографический перевес итальянцев над французами в Тунисе давно являлся головной болью правительства метрополии. По данным на 1881 г., в регентстве проживало 19 тыс. европейцев, из них итальянцы составляли 59%, а французы – всего 4%. И хотя эти данные, представленные консульствами, были скорее всего неполными, реальное соотношение могло быть только в пользу итальянцев. Согласно переписи 1911 г., европейцев насчитывалось в Тунисе 148 тыс. человек, в том числе 46 тыс. французов против 88 тыс. итальянцев. Среди них преобладали сицилийцы, полуграмотные крестьяне и рыбаки, а также выходцы из других бедных и перенаселенных районов Южной Италии, от которой было рукой подать до соседнего арабского берега. Как результат, ко второй трети XX века в европейском аграрном секторе Туниса сложилось крупное французское владение на северо-западе страны и мелкое итальянское фермерство на северо-востоке.

Среди итальянских поселенцев в городах велика была пропорция лиц физического труда, мастеровых, строительных рабочих и докеров, которые в известной степени составляли конкуренцию тунисцам, влившимся в городские пролетарские слои. Массовая трудовая эмиграция из Италии в Тунис, отчасти носившая организованный характер, наблюдалась в первом десятилетии прошлого века, новоприбывшие в этом потоке зачастую устремлялись на шахты, где еще не хватало рабочих рук. Для горняков, среди которых пользовались влиянием члены Итальянской рабочей партии, выпускалась газета «Il Minatore». Существовала в Тунисе и другая разнообразная пресса на итальянском языке (хотя грамотностью итальянская колония в целом не блистала). Выпуск этой печатной продукции, в том числе издававшейся анархистами, ускользал из-под контроля властей протектората, отношения которых с итальянским консульством были напряженными.

Итальянцы пользовались в Тунисе правом экстерриториальности. Это определялось франко-итальянскими конвенциями 1896 г., которые подверглись частичному пересмотру лишь в 1923 г. Отныне всякий родившийся на здешней территории автоматически считался французом, если его мать с отцом не являлись подданными бея и сами родились в Тунисе. На рубеже 20-х-30-х годов численность французов и итальянцев в Тунисе сравнялась, а по данным переписи, проведенной 12 марта 1936 г., к этому времени французское население приросло, в том числе и за счет натурализации, до 108 тыс. человек, против 94,3 тыс. итальянцев. Так называемый Римский договор Лаваль – Муссолини в 1935 г. вновь подтвердил действие конвенций 1896 г. в отношении гражданства, которое итальянцы могли менять лишь добровольно. Итальянская колония в Тунисе, согласно тем же старинным конвенциям от 1896, имела собственную систему школ, библиотек, культурно-просветительских обществ, медицинских учреждений (в столице: клуб «Данте Алигьери», госпиталь им. Гарибальди и т.п.), которыми пользовались и тунисцы, благо услуги социальных учреждений, принадлежавших итальянской короне, были бесплатными. По историческим причинам, к итальянской среде тяготела образованная прослойка представителей местного еврейства. Если основная их масса жила в своих традиционных кварталах «хара» еще в большей нищете, чем мусульманские городские низы, то зажиточная община «евреев из Ливорно» (испанские сепарды, перебравшиеся к тунисскому бею через Тосканское герцогство), в свое время пользовалась средневековыми привилегиями. Некоторые ли-

ворнцы обосновались здесь в позапрошлом веке, когда между Италией и Тунисом был заключен договор о капитуляциях (1868 г.), а в первой половине XX в., наряду с офранцуженной еврейской интеллигенцией, имелаась другая ее прослойка, европеизация которой шла в русле приобщения к итальянской образовательной системе в самом Тунисе и на Апеннингах. Среди лиц с итальянским гражданством в 1931 г. примерно 3 тыс. составляли «евреи-ливорнцы», они же «грانا»; многие из которых имели свободные профессии, были также торговцами, врачами, фармацевтами, преподавателями. Незначительный отток итальянцев из Туниса наблюдался накануне второй мировой войны, когда они реэмигрировали семьями или записывались в итальянскую армию (*Ganiage J. Op. cit.*, p. 316, 460, 463; *Martin J.-F. Op. cit.*, p. 101)

№ 19

«Североафриканская Звезда» (САЗ) была официально основана в марте 1926 г. Зародилась эта организация около 1924 г. и на том этапе была тесно связана с ФКП, членом которой до 1930 г. являлся ее генеральный секретарь, алжирец Мессали Хадж. Штаб-квартиру имела в Париже, а массовую базу – в «красном поясе» его предместий, где к тому времени уже обосновались десятки тысячи мусульман. Исповедуя вульгарную марксистскую идеологию, приправленную своего рода «национал-анархизмом», выступала в защиту социальных интересов рабочих-иммигрантов из Северной Африки и за ее освобождение от колониальных пут.

В исполком САЗ из 10 человек постоянно входили 6-8 алжирцев, но тунисцы в нем изначально были представлены, начиная с Шали Хайраллаха – первого председателя «Североафриканской Звезды» в 1926-1927 гг. По своему замыслу, которое отражало и само название САЗ, она являлась выразительницей интересов коренного населения всей Северной Африки. Но в основном состояла из алжирцев, живших на заработках в Париже, Лионе и других промышленных центрах Франции, которая стала импортировать рабочую силу еще во время первой мировой войны, в ходе которой понесла значительно большие людские потери, чем восторую.

Великая депрессия внесла свои «возмущения» в этот процесс. Так, в 1930-1934 г. во Францию выехало 105 тыс. алжирцев и 11 тыс. вернулось; в 1935-1939 гг. выехало 145 тыс. и вернулось 85 тыс. *Ланда Р.Г. История Алжира. XX век, М.: ИВ РАН, 1999, с. 62).* При все этих встречных миграциях около 100 тыс. алжирцев ежегодно находились в метрополии

против 10-15 тыс. человек из Марокко и Туниса. В 1944 г. тунисская колония во Франции насчитывала всего 700 семей из приблизительно 80 тыс. магрибинцев (La Tunisie de 1939 à 1945, Actes du 4-ème séminaire sur l'histoire du mouvement national, juin 1987, Sidi-Bou-Said, Tunis: Impr. Officielle, 1989, p. 333). Трудовая эмиграция из Туниса в первой половине прошлого века была незначительной в процентном отношении. Однако все источники указывают, что среди учащихся во Франции тунисцы были впереди как алжирцев, так и марокканцев. Они играли ведущую роль в студенческой ассоциации выходцев из Северной Африки (АЕМНА), прописавшей на улице Сан-Мишель. Многие из них участвовали в деятельности «Североафриканской Звезды». Одним из активистов ранней САЗ был выпускник лицея Карно, Ахмед Бен Милед. Следующее поколение тунисских студентов, обучавшихся во Франции, также внесло свою лепту в работу «Звезды», а в период отсутствия ее лидера Мессали Хаджа, которому пришлось скрываться в Женеве (1935-1936), руководство ее работой взяли на себя студенты, в том числе неодушуровцы Хеди Нуира и Слим Бен Слим. После их отъезда на родину с САЗ особенно тесно был связан Хабиб Тамер, будущий руководитель «б-ого» политбюро Нового Дустура, времен второй мировой войны.

В ранний период своего существования САЗ выпускала газету «L'Ikdam de Paris» (октябрь 1926 – январь 1927 гг.), которая вышла тремя номерами 8 тыс. экземпляров каждый и была запрещена, а затем издавалась под названиями «L'Ikdam Nord-Africaine» (май – сентябрь 1927 гг.) и «L'Ikdam de l'Etoile Nord-Africaine» (декабрь 1927 – май 1928 гг.). Выпуск газеты был нерегулярным, последний тираж составил 500 экземпляров.

Подвергнутая запрету в 1929 г., САЗ продолжала действовать нелегально и была восстановлена в 1932 г. под названием «Славная Североафриканская Звезда». 28 мая 1933 г. она провела в Париже общее собрание, его организаторами были Мессали Хадж, коммунист Имаш Амар и Раджеф Белькасем, которые развернули пропаганду в арабских кафе и пользовались услугами таксистов-алжирцев в качестве связных. Собрание приняло новую программу, заявив о независимости САЗ от какой-либо политической идеологии, хотя эта организация в новом формате еще довольно долго продолжала пользоваться материальной помощью ФКП и ее помещениями. В уставе, который был отпечатан и распространялся вместе с программой, было записано, что штаб-квартира САЗ находится в Париже, но «может быть перенесена в любую другую страну, если того потребует политичес-

кая необходимость». Основной задачей организации объявлялась борьба за полную независимость каждой из трех стран, Алжира, Туниса и Марокко, а также достижение единства Северной Африки. От пролетарско-коммунистической окраски ранней САЗ был унаследован вопрос об аграрной реформе, вошедший в программу 1933 г., однако общая тональность этого документа была сугубо националистической. Первая статья устава САЗ определяла ее как ассоциацию всех мусульман Магриба, что заведомо придавало ей конфессиональный характер (Hamed-Touati M. Immigration Maghrébine et activités politiques en France, Tunis: Univ. de Tunis, 1994, p. 219-221).

В этот период «Звезда» начала проникновение в Алжир, где стала массово распространять свою литературу и организовала ряд выступлений против французских колонистов; в 1934 г. была снова запрещена. Мессали Хадж осенью того же года был арестован, в июне 1935 г. выпущен по амнистии, а затем бежал в Швейцарию. Однако организация не распалась, ее прикрытием служил «Национальный союз североафриканских мусульман».

В сентябре 1935 г. она насчитывала 2,5 тыс. активистов против 1 тыс. человек годом раньше и сотрудничала с левыми силами, о чем свидетельствует собрание 27 июня 1935 г., организованное французской Антиимпериалистической лигой. На нем выступали Анри Барбюсс, Ф. Журден и Мессали Хадж, протестуя против декрета министерства внутренних дел изданного в апреле того года и запрещавшего «всякие беспорядки и манифестации против французского суверенитета». Этот декрет был призван участниками собрания как мера, направленная на угнетение колониальных народов и как покушение на свободу французского пролетариата. 3000 выходцев из Магриба во главе с Мессали Хаджем пришли 14 июля 1936 г. на знаменитый митинг левых партий на площади Бастилии (Ibid., p. 257).

Летом 1936 г. САЗ вышла из подполья, вернув себе прежнее название, и получила представительство в центральном комитете Народного Фронта. 26 января 1937 г. была распущена декретом министра внутренних дел, опиравшимся на закон «о милиции», воспрещавший партиям или общественным ассоциациям иметь при себе паравоенные формирования.

В том же году на основе «Звезды» была образована Партия алжирского народа (ППА/РРА), которая сформулировала идею создания Алжирской республики со своим парламентом и статусом доминиона. Учредительный съезд ППА состоялся во французском г. Нантер, но вскоре Мессали Хадж, ее новоизбранный председатель, объявился в Алжире, где и

развернул свою деятельность. В это время его духовным наставником становится Жак Дорио - один из «акушеров» ранней САЗ, проделавший путь от члена ЦК ФКП, ведавшего колониальными вопросами, до основателя профашистской партии (Ланда Р.Г. Указ. соч., с. 66).

С октября 1930 г. центральным печатным органом САЗ являлась франкоязычная газета «El Oumma», резко увеличившая свой тираж в 1932-1934 гг. (с 12 до 40-44 тыс. экземпляров). В 1937 г. она выходила как орган ППА и была запрещена осенью того же года. Истории «Североафриканской Звезды» посвящена обширная литература. Об участии в ней выходцев из Туниса см., например: *Ben Fradj Ch. L'idée nationale dans le discours de l'Etoile Nord-Africaine*, «Revue Tunisienne des Sciences Sociales», Tunis: Centre d'Etudes Economiques et Sociales, № 122, 2001, p. 39-61.

№ 20

Относительно Египта надо сказать следующее. Обладавшая неоспоримым влиянием под руководством своего основателя – Саада Заглул-паша (1857-1927), который считался национальным героем, партия Вафд все более тускнела при его преемнике Наххас-паше. (Председатель партии в 1927-1953 гг. до ее запрета «Свободными офицерами»). Стройной системы низовых организаций-ячеек никогда не создавала. В первой половине тридцатых она переживала глубокий кризис. К этому времени ее руководство состояло из чиновников высокого ранга, нескольких крупных землевладельцев, начинающих инвесторов и промышленников. Электоральную базу Вафда составили сочувствовавшие этой партии широкие круги городской мелкой буржуазии, европеизированная интеллигенция, студенты и старшие школьники; в провинции – помещики средней руки и некоторые зажиточные крестьяне. Феллахи, когда партия была в силе, выражали ей поддержку во время избирательной кампании, повинаясь указаниям омы, деревенского старосты, и добровольных агитаторов в лице сельских учителей (Подробнее: *Vatikiotis P.J. The History of Egypt from Muhammad Ali to Sadat*, Second edition, London: Weidenfeld and Nicolson, 1980, p. 320-329).

В 1924-1925 гг. партия Вафд принялась за создание под своей эгидой синдикатов рабочих и служащих вместо распущенной Египетской федерации труда (1921-1924), которая в свое время тяготела к левому движению и вошла в Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн). Вафдистские рабочие профсоюзы в Каире, Александрии и городах зоны

Суэцкого канала возглавили адвокаты Макрам Обейд, Захир Сабри, Хусни Нафи и др. Позже правительство Исмаила Сидки (1930-1933) позаботилось о том, чтобы разогнать либо поставить под свой контроль профсоюзы, пользуясь услугами полицейских агентов и провокаторов. В такой роли выступил в 1930 г. некий экс-принц Аббас Халим – авантюрист, близкий одно время к Вафду, «пытавшийся сделаться “вождем” рабочих и нажить себе на этом политический капитал» (Фридман Л.А. Капиталистическое развитие Египта (1882-1939), М.: Изд-во Московского университета, 1963, с. 354, 357).

Оттесненная от участия в парламенте (1930-1935), партия все еще считалась наиболее яркой выразительницей антибританских настроений и, следовательно, авангардом «национальной революции». В 1930-1931 гг. стачечное движение проходило в основном под лозунгами вафдистов. Однако их усилия, направленные на то, чтобы любой ценой вернуться во власть, начали вызывать то самое разочарование, которое выразилось позднее в этикетке «политиканы», приклеенной к партии Вафд организаторами военного переворота 1952 г. Ее раскол происходил на верхушечном уровне. Из нее уходили в свободное плавание отдельные авантюристы и солидные политики, среди них был, например, крайний реакционер Исмаил Сидки, бывший коллега Заглула, некогда разделявший с ним ссылку на Сейшельских островах. От нее отпочковывались так называемые малые партии, служившие на руку королю. Это, например, «*Immixad*» (Союз) Яхьи Ибрагима, образованный накануне выборов 1925. При аналогичных обстоятельствах Ибрагим Сидки создал партию «*Шааб*» (Народ) в 1931 г.

После роспуска четвертого вафдистского кабинета (май 1936 – декабрь 1937) от партии Вафд откололись «саадисты» Ахмеда Махера и Махмуда Нукраши; последние были связаны с крупным финансово-промышленным капиталом. Между тем на уровне сочувствующих партия теряла резерв своей поддержки в пользу «Ассоциации молодых мусульман» (с 1927 г.) и «Братьев-мусульман», а также партии «*Мыср аль-Фатм*» («Молодой Египет»), которая появилась в 1933 г. (до 1938 г. ассоциация). Историки обращают внимание на тот факт, что партия Вафд, будучи в оппозиции, исподволь поощряла «экстремизм» своих сторонников, в том числе кровавые стычки во время выборов или такие вылазки, как неудачное покушение на жизнь премьера Исмаила Сидки, тем самым выпустив из бутылки джинна терроризма. Кроме того, она создала свои ударные молодежные бригады «голубые рубашки», которые немедленно нача-

ли сражаться с «зелеными рубашками» – полувоенными формированиями партии «*Мыср аль-Фатат*», которая имела профашистский оттенок и пользовалась поддержкой королевского двора. (Направила своих делегатов в 1936 г. на знаменитое Нюрнбергское собрание национал-социалистов). Некоторые авторы считают, что увлечение германским фашизмом в Египте тридцатых было связано не столько с влиянием его идеологии, в которой здесь мало кто разбирался, сколько с привлекательностью «формы» и внешней атрибутики нацистов, а также с ростом антибританских и антисемитских настроений накануне второй мировой войны. Это, в частности, относится к Анвару Садату, который в 1942 г. был арестован по обвинению в сотрудничестве с немецкой агентурой (*Beattie K.J. Egypt During the Sadat Years*, New York: Palgrave, 2000, p. 28).

№ 21

Апрельский съезд ФКП в Сен-Дени (1929 г.) принял к сведению решения VI съезда Коминтерна, который рекомендовал превращение филиалов французской компартии на колониальной периферии в автономные организации. Внутренний кризис в самой ФКП на протяжении 1929-1930 гг., аресты большинства членов ее ЦК, а также отъезд во Францию из Туниса наиболее активных коммунистов – Робера Бека и Виктора Заны («Мустафы») помешали немедленному осуществлению этой задачи. Наконец, в отношении Туниса было принято промежуточное решение: ввиду крайнего ослабления деятельности местных ячеек, заняться восстановлением организации, как таковой (*Kraïem M. Op. cit.*, p. 122-123). Содействующие этому факторы появились в начале тридцатых и объясняются теми же причинами, которые подтолкнули возникновение Нового Дустура. К тому же декрет от 16 ноября 1932 г. признал за трудящимися в Тунисе право на профсоюзную деятельность, которую раньше «терпели» в регентстве, но законом она не была защищена (*Ibid.*, p. 126). Это давало коммунистам возможность легально наладить работу в профсоюзах, фактически прерванную с их стороны после провала «эксперимента» Мухаммеда Али. В том же 1932 г. колониальная комиссия ФКП под руководством Андре Ферра разработала совместно с аналогичной структурой УВКТ план широких действий: ведение пропаганды с разоблачением колониализма и в поддержку «революционных движений, враждебных империализму»; совместная борьба французских трудящихся и рабочих-иммигрантов в метропо-

лии; возрождение коммунистической прессы в колониях и подготовка «туземных» кадров (*Каздагли Х. Указ. соч.*, с. 173). В начале 1933 г. ФКП установила связи с тунисскими ячейками, которые по сути все начинали с нуля. Весной следующего года в Тунис прибыли трое французских коммунистов Девез, Ферра и Дадю, которым по поручению ЦК ФКП удалось реанимировать местную федерацию, главным образом – в тунисской столице.

17 июня 1934 г. на частной квартире состоялся съезд тунисских коммунистов; присутствовали 25 человек. Они избрали исполнительное бюро (Бессис, Брахим, Гюзейл, Мурад, Валенси) и более широкий региональный комитет как ядро компартии. Было решено развернуть работу в профсоюзах, бороться против фашизма и французского колониализма.

При этом оба Дустура («*archéos*» и «*néos*»), уже успевшие в этом году провести отдельные съезды, были признаны пособниками колонизаторов и союзниками арабского феодализма; в этой связи предусматривалось привлечение «всеми способами» неустуровцев в коммунистические ячейки. Вскоре членский состав этих ячеек возрос до 200-300 человек (*Kraïem M. Op. cit.*, p. 140, 159), то есть достиг уровня начала двадцатых. При этом заново созданная партия, которая получала литературу из Франции, частично – через Алжир, а денежную помощь от организации *Secours rouge internationale* (в которой сама участвовала), и в материальном, и в идеологическом отношении оставалась филиалом ФКП. К вопросу о самоутверждении в качестве автономной организации коммунисты вернулись на съезде 1939 г., на котором образовали самостоятельную Тунисскую компартию (ТКП), формально независимую от ФКП. О дальнейшей ее судьбе, помимо указанных монографий Хабиба Каздагли и Мустафы Крайема, см.: *Hamza H.-R. Communisme et nationalisme en Tunisie de la «Libération» à l'indépendance* (1943-1956), Tunis: Université de Tunis, 1994; *Sebag P. Communistes de Tunisie* (1939-1943), Paris: L'Harmattan, 2001.

№ 22

Этот орган, «*Conseil National*», выполнявший функцию ЦК Нового Дустура, по-арабски назывался «*аль-маджлис аль-миллий*». На II съезде партии был избран в количестве 29 человек, иногда созывался в расширенном составе. Обращает на себя внимание, что *маджлис* – общеупотребительное арабское слово, означающее: собрание, совет, правление, палата и т.п. Между тем *миллий* – слово турецкое, означающее «национальный», кото-

рое, насколько нам известно, для современных тунисцев звучит как иностранное. Идет ли речь о заимствовании? Не совсем. Так, анализируя терминологию тунисских историков-анналистов XIX в., исследователи отмечают, что наряду с расплывчатым понятием «умма», которое могло означать, религиозную общину верующих-мусульман либо, по контексту, «народ» Османской империи, в лексиконе тунисских авторов появлялись пока еще неустойчивые термины, сопряженные с представлением о тунисском сообществе. Это *ватан* – «родина» как государственное пространство и нечто большее, чем племенная территория или город (село) с его землями; *джинс* – «род», «этнос» или «раса»; *милла* – термин, восходящий к понятию «конфессиональная община», но меняющий свое значение на близкое к «нация». При этом тунисские авторы, прежде всего Ибн Абиля Динаф, подчеркивали, что евреи – единственные иноверцы среди подданных бей, – тоже «дети страны» (*Abdesselem A. Les Historiens Tunisiens des XVII-e, XVIII-e et XIX-e siècles. Essai d'histoire culturelle. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1973, p. 488*). Таким образом, можно сделать вывод, что прилагательное «миллий» к тридцатым годам прошлого века в Тунисе было употребительным, а в названии руководящего органа Нового Дустура – идентичным французскому «national».

Вместе с тем у неодустуровцев присутствовал элемент отождествления себя с младотурками. Например, в преамбуле к публикации одного из документов, представленных в книге «Тунис и Франция», Бургиба с соавторами пишут, что Пейрутон, едва он начал свою губернаторскую карьеру в Тунисе, надеялся столкнуть лбами «старые тюрбаны» и «молодых турок» («jeunes turcs»), поэтому закрывал глаза на бурную деятельность последних и исподволь поощрял раскол Дустура. На Ксар-Хелляльском съезде «молодые турки» как раз и взяли в свои руки партию, что не ослабило, а наоборот, усилило национальное движение. Видимо Бургиба хотел здесь подчеркнуть, что его фракция выступала истинной продолжательницей дела младотунисцев – зачинателей национального движения в Тунисе, которые в свое время подражали младотуркам и шли по их стезе. (См. *Bourguiba H. La Tunisie et la France. Vingt-cinq ans de lutte pour une coopération libre, Paris: Julliard, 1954, p. 70*).

№ 23.

Марокканский блок национального действия, или дела (МБНД), его

арабское самоназвание – «кутля аль-‘амаль аль-ватаний» (с мая 1934 г.), представлял собой прообраз политической партии. С него и начинается история политической жизни в Марокко, а с точки зрения некоторых исследователей, МБНД «напоминал тунисский Старый Дустур между 1920 г. и 1925 г.» (*Abun-Nasr J.M. A History of the Maghrib. Second Edition, London: Cambridge Univ. Press, 1977, p. 369*). С этим мнением можно согласиться, однако с существенной поправкой. Если в рядах Старого Дустура, который почти сразу завел у себя членскую регистрацию, к 1923–1924 гг. состояло, по разным оценкам, 30–45 тыс. человек, то 10 лет спустя в первой организованной силе марокканского национализма – максимум 500 человек.

Эта группировка, по-французски ее принято именовать не «блоком», а комитетом («Comité de l'Action marocaine»), сложилась вокруг трех людей – Мухаммеда Хасана аль-Ваззани, Ахмеда Балафреджа и Алляля аль-Фаси. Последний выдвинулся среди них на первое место, хотя зачинателем националистического движения, которое можно квалифицировать как «moderne», явился скорее Хасан аль-Ваззани. Дипломированный политолог, он пользовался расположением в социалистических кругах метрополии, а с 4 августа 1933 г. выпускал в Фесе, не без помощи своих парижских друзей, газету «L'Action du Peuple» (арабоязычная пресса была здесь попросту запрещена). Часть ее названия «l'action», по-арабски «аль-амаль» (действие или дело) вошла в название партии-коалиции МБНД, в которой сотрудничали молодые люди, чьи личные взгляды и пристрастия составляли мозаику всех цветов и оттенков: от «абсолютного агностицизма» и увлечения идеалами либеральной демократии до салафизма, которому Ш.-А. Жюльен еще полвека тому назад давал определение «пуританство в неоваххабитском стиле» (*Ch.-A. Julien. L'Afrique du Nord en marche, Paris: Juillard, 1972; Tunis: Cérès: 2001, p. 216, 229*).

За редким исключением это были отпрыски местной знати: имена их предков нетрудно встретить на страницах позднесредневековых хроник, равно как и среди авторитетных летописцев (ан-Насыри, аль-Киттани и др.). А следует сказать, что знатность как приобретенный или наследуемый статус возникала в традиционном Марокко примерно по той же модели, что и в османских провинциях, однако имела свою специфику. Особое значение имела древность рода. Среди людей белой кости фигурировали, во-первых, реальные или мнимые потомки Пророка (*шорфа*, множ. от *шериф*), которые на крайнем западе арабо-мусульманского мира как нигде, разве что в

Йемене, где их именуют «сейидами», то есть господами, образовали весомую и многослойную общественную группу. (О причинах повышения их морального престижа со времени перерастания Реконкисты в оккупацию марокканского побережья португальцами см., например: *Видясова М.Ф.* Социальные структуры доколониального Магриба. Генезис и типологии, М.: Наука, 1987, с. 216-226). Во-вторых, это выходцы в каком-нибудь союзовом колоне из мусульманской Испании (*андалу*), которые считали себя людьми более благородного происхождения, чем остальное население страны, «подобно шерифам, относились к своей генеалогии с почтением и бдительно защищали свой круг от самозванцев» (*Орлов В.В.* Традиционная социальная организация Алауитского Марокко, М.: ИСАА при МГУ, 1998, с. 84).

Особое место в социальной иерархии занимала патрицианская верхушка Феса, сословие которых (*фасси*) пополнялось извне и, напротив, разветвлялось по другим городам, сохраняя при этом корпоративную солидарность. В свою очередь, среди них выделялись кланы-фамилии мусульманских книжников, таких, как преславный род андалусцев аль-Фаси аль-Фихри, «отмеченный величием» (Там же, с. 84).

С достойнейшими улемами, которые получили образование в университете аль-Караун или в равных ему медресе, преподавали в них богословие, имели право на издание фетв и т.п., могли, однако, соперничать лидеры некоторых сельских суфийских братств. Например, крупнейшим суфийским «университетом» на севере Марокко, в горах, издавна являлась завия местечка Ваззан (Уэззан), цитадель братства Тайбийя. Выходцы из фамилии наставников этого братства, слывших шерифами (род аль-Ваззани), пустили корни в Фесе, где к началу XVIII века была открыта их вторая завия, и, как следствие, они тоже относились к элитарному сообществу *фасси*, наряду с исконными горожанами: *ахль Фас*. Уловить смысл этого последнего понятия, дословно означающего не более, чем «люди, обитатели Феса», поможет Лев Африканский – эрудированный фесец, оказавшийся пленником сицилийских пиратов и крещеный в Риме под именем Giovan Lioni (1520 г.), который уточнил для своего нового читателя при описании «королевства Фес», что здесь встречаются «жители города, т.е. его знать, – люди поистине цивилизованные» (Лев Африканский. Африка – третья часть света. Перевод с итальянского, Ленинград: Наука, 1983, с. 148). Еще один образец совмещения потомственного шерифского достоинства, престижа носителей мусульманской ученой традиции, силы богатства и

лидерства в суфийском братстве – семейство фесцев аль-Киттани, из числа которых появлялись, речь идет уже о XX веке, подлинные отцы города (*Berque J. Le Maghreb entre deux guerres*, Paris: Seuil, 1962, p. 188). При этом в Марокко, которое не раз за свою доколониальную историю переживало периоды междоусобиц, территориального распада и «феодалной анархии», суфийские обитатели и тарикаты (что обозначается в Магрибе одним словом: *завийа*) выполняли триединую функцию религиозных, политических и коммерческих центров, оказывая покровительство своей клиентеле, иногда иновещерской. Такова далеко не полная картина сложного и своеобразного городского мира «Шерифской империи» (европейское название владений султана), где с середины XVII века верховной властью, то могущественной, то ослабевавшей и теократической, которую в последнем смысле никто не оспаривал, обладали шерифы Алауиты родом из оазиса Тафиалет. Особенности этого мира отразились на развитии антиколониального движения, взявшего старт в 1934-1937 гг. с так называемой оппозиции городов, и равным образом – в зеркале политических партий, которые отличаются по сию пору далеко не уникальным на Востоке, но ярко выраженным «семейным» характером (Подробнее см.: *Rézet P. Les partis politiques marocains*, Paris: Colin, 1955).

Что касается формы внутреннего устройства МБНД, то она объясняется историей этого объединения, восходящей к середине 20-х годов. В то время г. Фес, традиционная религиозная и культурная столица страны, он же – местонахождение теологического университета аль-Караун и высшего совета улемов Дальнего Магриба, становится очагом «салафистской» агитации. (*Abun-Nasr J.M.* Op. cit., p. 366). Отток капиталов и торговли в новую экономическую столицу страны Касабланку (25 тыс. обитателей в 1907 г. и 163 тыс. в 1931 г.), растущую, как гриб из-под земли, и учреждение административной столицы в Рабате (55 тыс. в 1931 г.), обусловили упадок Феса (112, 5 тыс. в 1931 г.), где свыше 1/5 населения составляли мусульмане, против 1/2 – в двух первых городах. Скученное в медине Феса, где плотность жителей в старых кварталах превышала 1-1,5 тыс. человек/га, это торгово-ремесленное население все еще подчинялось мухтасибу, т.е. главе цеховых старейшин и блюстителю мер и весов, а сверх того – паше-градоначальнику, который творил суд и расправу от имени султана.

Богатое купечество *фасси*, некогда заправлявшее караванной торговлей, простиравшейся в глубины Африки, осталось по большей части за

боргом освоения «полезного Марокко» (выражение маршала Лиотэ), в основном приатлантического, где после первой мировой войны, задержавшей этот процесс, шло энергичное развитие колониально-капиталистического хозяйства. Тем временем французские генералы, не опуская шашку в ножны, покоряли дальние окраины Марокко, что под эвфемизмом «расификация» выставлялось как соби́рание земель, утерянных султаном. Параллельно развернулось восстание племен в испанской зоне – так называемая Рифская война (1921-1926), которая в своем апогее перешагнула испано-французскую линию раздела протектората.

На этом фоне к концу 1925 г. возникли два тайных общества. Одно в Фесе – салафистского направления, связанное с мусульманским просветительством и учреждением «свободных школ» (Алляль аль-Фаси, Мухаммед Гази, Ибрахим аль-Киттани), другое в Рабате, тоже не лишённое религиозной окраски, но созданное людьми, получившими образование европейского или смешанного типа (Ахмед Балафредж, Мухаммед Хасан аль-Ваззани, Мухаммед Лиазиди и др.). Заметим, что кружки рабатского общества частично составила молодежь родом из того же Феса, обученная во франко-арабских школах и аристократических лицеях. Среди наиболее известных в будущем политиков только Мухаммед Лиазиди, уроженец Рабата, был сыном мелкого чиновника. В столице, которая до 1912 г. являлась одной из резиденций султана, но все же – второстепенным городом, родился и Балафредж, который был выходцем из знатной семьи андалусцев. Деятельность того и другого общества поначалу сводилась к домашним собраниям, участники которых, согласно зарисовке Резетта, «курят, потягивают мятный чай и ведут беседы о политике» (*Rézetta P. Op. cit., p. 58*). Правда, уже в 1926 г. на страницах книги или брошюры одного из членов рабатской группы, Мухаммеда ан-Насыри, мелькнули слова, будто обе группы составляют «*хизбу-ль-ислах*», то есть партию реформистов (*Abun-Nasr J. Op. cit., p. 368*), что не должно вводить в заблуждение, ибо арабское «*хизб*» может означать просто союз единомышленников или действующих заодно людей.

По-настоящему их сплотило возмущение указом от 16 мая 1930 г., который выводил берберские племена за рамки шариатского судопроизводства. Ратовавшие за целостность мусульманской общины, которая оказалась под угрозой, молодые друзья активизируются в протестах против «берберского дахи́ра», подписанного султаном, что стоило некоторым из них, включая Хасана аль-Ваззани, средневековой порки. (Ей подверглись

по суду городского паши задержанные члены делегации, явившейся в совет нотаблей Феса). Между тем соборная мечеть аль-Карауин уклонилась от протестов, которые впервые раздались 20 июня 1930 г. под сводами мечетей Рабата и Сале. И с молитвой «*Йа Латыф...*», которую возносят в час горя или наивысшей опасности, народ бросился в другое место – к гробнице основателя города, Мулай Идриса. События 1930 г. подтолкнули слияние двух групп – фесской и рабатской в одну, принявшую название «*аль-джаммаа аль-ватанийа*» (национальное общество, единение или группировка). Лица, составившие ее ядро, по одним сведениям 12, по другим – 25 человек, которые не были вполне известны остальным и называли себя «завией»: отчасти для камуфляжа, поскольку власти не преследовали завий. Вращаясь в собственном замкнутом кругу, они создали вокруг себя два концентрических круга – ближний и дальний. Первый из доверенных лиц, которые осуществляли связь между завией и внешним кругом помощников. В принципе это соответствовало схеме, по которой издревле формировались суфийские ордена. Вся организация в целом переименовала свое название в 1932 г. с *джаммаа* на *кутля* (в совр. арабском: «блок») и постепенно двигалась в сторону превращения в политическую партию. По инициативе Балафреджа и аль-Ваззани, а возможно и других марокканцев – тогдашних студентов в Париже стал издаваться ежемесячный журнал «*Maghreb*» (1932-1934 гг.), который нелегально распространялся в Марокко и освещал в основном проблемы этой страны. Издателем являлся молодой адвокат Робер-Жан Лонге, сын известного социалиста Жана Лонге (1874-1938), внука Маркса, убежденного пацифиста и противника колониализма. В журнале регулярно появлялись статьи членов рабатского кружка – Лиазиди, аль-Ваззани, Омара Абдулжалиля, а также тунисских авторов (Абд аль-Хакк). Фесский еженедельник «*L'Action du Peuple*» стал местным филиалом этого журнала, помещая у себя, кроме его обзоров, материалы и репортажи сугубо локального характера.

Страсти кипели, как и в Тунисе, вокруг вопроса о роли марокканцев в управлении государством. Если первый Генеральный резидент (Лиотэ) урезал и потеснил чиновничий аппарат султанского «махзена», но придерживался мысли, что для режима протектората «лучше контроль, чем прямая администрация», а здешний султан это – не тунисский бей или египетский хедив, он в глазах марокканцев, прежде всего духовный глава мусульманской общины, чья власть имама простирается до Томбукту в Мали,

и французам надо считаться с этим фактом (чтобы «не дать себя захватить врасплох»), то преемники маршала игнорировали это предупреждение. И даже вынашивали идею, едва не реализованную в 1935 г., передать Марокко в подчинение министерству колоний, избрав небезуспешную тактику раздувания вражды в отношении арабской элиты и берберской (горской) знати, играя на конфликтах, свойственных полиэтническому обществу. Между тем идеология марокканских националистов, при всех их персональных различиях и личных склонностях, формировалась вокруг двух взаимосвязанных лозунгов: «приверженность исламу и защита трона как эмблемы единства Марокко». В 1933 г. они учредили Праздник трона – день восшествия на престол Мухаммеда (V) бен Юсефа (поныне отмечается 18 ноября), а на следующий год, 8 мая, обставили прибытие «повелителя правоверных» в Фес для посещения религиозных святынь как грандиозное событие, во время которого раздавались здравицы в честь султана и возгласы: «Vive le Roi!», «Vive le Maroc!». Городская толпа, устроившая беспорядки, сорвала и растоптала при этом французский флаг.

Наконец, МБНД обнародовал «План марокканских реформ» в полторы сотни страниц, он был вначале отпечатан по-арабски в Каире, а в ноябре 1934 г. издан увесистым томом по-французски за подписью 10-и человек, из которых пятеро приняли участие в его составлении. В частности, автором разделов о землепользовании был Омар Абдулжалиль, выпускник Высшего агрономического училища в Монпелье (*Abun-Nasr J.M. Op. cit.*, p. 370). В предисловии были упомянуты видные французские общественные деятели, парламентарии и журналисты, поддерживавшие смелую инициативу. Кстати, среди них встречаются те же лица, которые сочувствовали Новому Дустуру: радикал Гастон Бержери, коммунист Андре Бертон, профессор Фелисьен Шаллайэ и др. По некоторым данным, депутат Жан Пю выступил редактором этой публикации (*Ch.-A. Julien. Op. cit.*, p. 226).

Квинтэссенция в общем умеренных требований МБНД заключалась в том, чтобы французы не выходили за рамки договора о протекторате, соблюдая prerogatives шерифской династии Алауитов. Предлагалось создать выборные органы, передать все министерские посты марокканцам и оставить за французами роль технических советников. Действующее правительство функционировало раздельно: в кабинетах административного городка в Рабате трудились министры-французы в чине «директоров», на ковре и подушках в зале султанского дворца заседали четыре визиря,

которым подлежали дела хабузного имущества, юстиции и охраны внутреннего порядка, этим заведовал главный визирь). Кроме того, ставился вопрос о защите местного ремесла от конкуренции заграничных товаров, о передаче в собственность государства железных дорог и рудных залежей, чтобы их – при слабости национального капитала – не захватили иностранные инвесторы. (Образцом развития общественного сектора, за что и ратовали авторы плана, могла явиться созданная в 1920 г. отраслевая компания-монополист «Office Chérifien de phosphates», служившая в Марокко главным источником бюджетных поступлений и субсидий на развитие экономической инфраструктуры).

План реформ, во многом напоминавший предложения Дустура и, как утверждает Ш.-А. Жюльен, заимствованный у тунисцев с поправкой на местную специфику, был подан в Париже кабинету Лавалля левыми депутатами, в том числе молодым Лонге, входившем в парламентскую комиссию по иностранным делам. На Кэ д'Орсэ документ был получен 1 декабря 1934 г. и положен под сукно; тем временем в Марокко группа «подписантов» разделилась на две делегации, чтобы представить план реформ Генеральному резиденту (Анри Понсо) и Его Величеству. Ответа не последовало, и в стране наступило затишье.

Несмотря на то, что националисты изъявляли полную лояльность монархии и пеклись о ее престиже, 25-летний султан в то время послушно следовал указаниям французских властей. Генеральный резидент и вовсе не стал рассматривать план реформ, назвав его «диссертацией». Газета «L'Action du Peuple», имевшая узкую читательскую аудиторию, была запрещена (еще весной 1934 г., после шумных манифестаций в Фесе). Деятельность националистов сосредоточилась на устной пропаганде в мечетях и создании системы так называемых свободных школ, которые давали улучшенное начальное образование традиционного типа. В своих мемуарах король Хасан II (1961-1999) заверял, что его отец благословил такие школы едва ли не в день своего воцарения, то есть в 1927 г. и даже тайно вдохновлял «Comité de l'Action marocaine», но вопрос остается спорным. Создавались также спортивные клубы, театральные кружки и молодежные общества. Денежным кошельком МБНД становится промышленник из Порт-Лиотэ (ныне Кенитра) Мухаммед Диури, один из десяти марокканцев, подписавших под преданным забвению «Планом реформ».

Открыто вербовать сторонников *кутля* начинает лишь в 1936 г., вновь обратившись с перечнем своих требований к французскому Гене-

ральному резиденту (генералу Ногесу) и султану Мухаммеду бен Юсефу. Свой первый съезд провела 25 октября тоже года в Рабате. На нем была утверждена новая программа, где речь шла в основном о свободе слова и собраний, о праве на создание общественных ассоциаций и расширении доступа марокканцев к получению образования, а также об унификации учебных программ и, следовательно, ликвидации особых франко-берберских школ. Социально-экономическая часть программы была разработана слабо и затрагивала прежде всего аграрные проблемы: от признания равных прав и обязанностей колонистов и местных земледельцев до распространения на феллахов льготных условий кредитования и ликвидации налога на выпас в лесах...

Тем временем Хасан аль-Ваззани безуспешно пытался за кулисами съезда СФИО, открывшегося 31 мая 1936 г. в Эльзасе, поставить марокканский вопрос на обсуждение социалистов, а 7 июля побывал в Париже у заместителя министра иностранных дел Пьера Вьено, добиваясь распространения на Марокко политических свобод, объявленных правительством Народного фронта. Вторично просил аудиенции 19 октября, получил отказ и вернулся через десять дней в Марокко с пустыми руками, когда съезд МБНД уже завершил работу, избрав председателем Алляля аль-Фаси (Хасана аль-Ваззани — генеральным секретарем). Сразу после съезда руководители блока организовали серию демонстраций в поддержку своих требований и на неделю-другую сами попали под арест, но были освобождены по случаю праздника розговенья *'ид ас-сегир*, пришедшегося на конец декабря.

Надо сказать, что в этот период, который стал своего рода оттепелью в Тунисе и других французских колониях, марокканцам «не везло». По ряду причин социальные и политические свободы, которыми частично уже пользовались тунисцы или алжирцы, здесь отпускались по капле. Создание профсоюзов, впервые разрешенное в 1936 г. (дахир от 24 декабря), не позволяло участия в них коренных жителей страны, для которых не предусматривалось и никакого избирательного права, хотя бы по куриям. Трудовое законодательство не вводилось до начала второй мировой войны. Словом, Марокко управлялось железной рукой. В апреле 1936 г., еще накануне парламентских выборов, обернувшихся победой Народного фронта, из Туниса в Рабат перебросили на губернаторство Марселя Пейрутона, которого с распростертыми объятиями встретили олигархи здешней поселенческой колонии. Осенью, 16 сентября, его все же заменили, прислав на место «Сатрапа» генерала Ногеса — недавнего «умиротворителя Марокко», сделавшего в этой стране свою карьеру и став-

шего арабофобом. Тот запретил МБНД (официально распущен с 18 марта 1937 г.), а французский МИД в лице Поля Вьено, который довел сирийский вопрос до парафированного договора об упразднении мандатного режима и все еще раздавал обещания тунисцам, категорически отказался удовлетворить весьма умеренные требования марокканских националистов.

Единственная уступка была сделана в отношении печати; дахиром от 19 января 1937 г. арабская пресса, давно уже свободно издававшаяся в испанской зоне, была разрешена и во французской. (На этот шаг генерал Ногес пошел, учитывая активизацию немецкой пропаганды в Северном Марокко, где франкистские власти снисходительно относились к деятельности националистов, направляя их пыл против Франции). Как результат, «*L'Action du Peuple*» возобновила выпуск в феврале 1937 г., тогда же впервые появились арабские газеты в Фесе, Рабате и Сале, принадлежавшие вступившим во взаимное соперничество аль-Ваззани и аль-Фаси. Не поделив лидерство в МБНД, они создали, каждый, отдельные партии, которым было суждено просуществовать всего несколько месяцев. (См.: *Abun-Nasr J.M.* Op. cit., p. 368-370; *Brignon J., Amine A., Boutaleb B., etc.* Histoire du Maroc, Paris-Casablanca: Hatier, 1967, p. 357, 374, 391-394; *Ch.-A. Julien*. Op. cit., p. 225-229, 238; *Ganiage J.* Histoire contemporaine du Maghreb de 1830 à nos jours, Paris: Fayard, 1994, p. 478-479; *Halstead J.P.* Rebirth of a nation: the Origins and Rise of Moroccan Nationalism, 1912-1944, Mass.: Cambridge Univ. Press, 1967, p. 14-20; *Hassan II.* The Challenge. The Memoirs of King Hassan II of Morocco, London: Macmillan, 1978, p. 20-25, 196-198; *Lugan B.* Histoire du Maroc des origines à nos jours, Paris: Criterion, 1992, p. 257-259; *Waterbury J.* The Commander of the Faithful: the Moroccan Political Elite. A Study in Segmental Politics, New York: Columbia Univ. Press, 1970).

№ 24

Идея воссоздания Всеобщей конфедерации тунисских трудящихся (ВКТТ) возникла уже летом 1936 г. и шла с двух сторон: от ветеранов «первой» ВКТТ 1924-1925 гг. и со стороны Нового Дустура. Решение было принято собранием рабочих-агабатыев (тачечников, или извозчиков) 7 марта 1937 г. на ул. Бэб Свика в Тунисе. Было избрано временное руководство профцентра во главе с Белькасемом Гнави, чьи полномочия подтвердил созванный 27 марта учредительный конгресс ВКТТ. Партия немедленно начала проводить политику «инфильтрации» в отраслевые профсоюзы, что наталкивалось на со-

противление Гнави, считавшего задачей организованного рабочего движения борьбу за удовлетворение чисто экономических требований трудящихся. Руководство ВКТТ не поддержало ни политическую забастовку 20 ноября 1937 г. в знак протеста против репрессий в Марокко и Алжире, ни стачку бизертских рабочих 8 января 1938 г., объявленную после высылки из страны одного из партийно-профсоюзных лидеров Бизерты – Хасана Нури (алжирца по происхождению). В этой связи Бургиба и его друзья из Национального совета партии предприняли шаги по смене руководства ВКТТ.

Избрание Хеди Нуиры ее председателем состоялось 20 января 1938 г. Следующим шагом стал захват штаб-квартиры этой организации, это выглядело следующим образом. *Из свидетельских показаний от 31 января 1938 г. Белькасема Гнави (бывшего председателя ВКТТ) в Комиссии по расследованию г. Тунис:*

«Утром в субботу 29 января в нашем помещении по адресу Бэб Синка, д. 187, должен был состояться чрезвычайный съезд ВКТТ с целью переизбрания двух членов (бюро – М.В.), отстраненных от обязанностей за растрату подотчетных сумм... Собрались все представители из внутренних районов страны. Около 9.30, когда надо было открывать заседание, я заметил присутствие нескольких человек, не имеющих отношения к ВКТТ, в которых можно было узнать членов Нового Дустура из Бизерты. Поскольку они не имели никаких оснований здесь находиться, я попросил их выйти. Они отказались. Я могу вам еще назвать Хеди Нуиру, Салаха Бен Юсефа, Монжи Слима, Аллала Лауити (земляк и личный секретарь Бургибы – М.В.), аль-Мокни и аль-Мокрани из Беджи. Тогда мы сами вышли, а они остались и даже провели там всю ночь, несмотря на то, что мы заявили о случившемся в полицейский участок. Вчера утром я пришел вместе с членами ВКТТ, чтобы отобрать помещение. Но противники нас выгнали и разошлись только под вечер, хотя мы снова обратились в участок. А когда я сегодня утром пришел туда с моими людьми, выяснилось, что поставлен новый замок, и я не смог открыть дверь своим ключом. Ввиду всего этого, заявляю протест против избрания нового бюро, которое состоит из названных мною лиц..., ворвавшихся в наше помещение, занявших его силой, завладев имуществом и документами» (Цит. по: «Réalités», № 532, 19-25 janvier 1996, p. 13).

№ 25

Секретный бюллетень «2-ого бюро» французской армии в Тунисе

(датирован 2 декабря 1937 г.) следующим образом оценивал ситуацию, сложившуюся осенью: «Национальный съезд Нового Дустура, состоявшийся 30 октября – 2 ноября, принял резолюцию, рекомендовавшую политику мирного сотрудничества с правительством протектората. Заявив о солидарности с “угнетенными братьями” (в Магрибе – М.В.), дустуровцы ограничиваются платоническими жестами протеста... Аресты ведущих марокканских националистов, а также меры, принятые в отношении руководителей “Народной Партии” в Алжире, дали всем понять, что французское правительство намерено проводить твердую политику». Это припугнуло тунисских националистов, продолжает автор бюллетеня, поэтому накануне съезда, если не считать обмена колкостями в прессе, борьба между Старым Дустуром и Новым Дустуром затихла. Шейх Таальби временно отказался от агитационных поездок. Что касается самого съезда, то на нем публично обнаружилось «латентное противостояние» двух лидеров партии – председателя и генерального секретаря. Так, д-р Матри в своей речи сделал акцент на том, что, «если завтра мы получим Законодательное собрание или выборные муниципалитеты», партия должна участвовать в этих органах, не упорствуя в своей оппозиции к режиму. Программная речь Бургибы, несмотря на ее умеренность, содержала резкие пассажи.

В остальном генеральный секретарь являлся на съезде «рупором» группировки, которая высказывалась за оппозицию правительству. Окончательные результаты голосования в целом соответствовали точке зрения председателя Нового Дустура. Но противная сторона – клиента шейха Таальби, подвергла критике «трусливую» линию поведения, одобренную съездом. Ради спасения престижа партии, а также для того, чтобы дать выход эмоциям «беспокойных элементов», главным образом членов ВКТТ, политбюро Нового Дустура собралось 7 ноября и составило коммюнике с выражением протеста по поводу мер, принятых в Марокко и Алжире, оно было опубликовано в газетах «аль-Амаль» и «L'Action Tunisienne». Затем политбюро решило организовать в субботу 20 ноября всеобщую забастовку. Вернувшийся с заседания «Высшего Средиземноморского комитета», резидент Гийом заявил, что не потерпит никаких беспорядков. Политбюро не подчинилось и оставило в силе свой призыв к забастовке, она прошла, но без особого размаха, полицией было произведено несколько арестов. (Khaled A. Documents secrets du 2-ème bureau. Tunisie-Maghreb dans la conjoncture de pré-guerre 1937-1940. Tunis: STD, 1983, p. 213-215).

Позднее Ш.-А. Жюльен, который в 1936-1939 гг. был генеральным секретарем «Средиземноморского комитета», крайне отрицательно отзывался об этой забастовке солидарности. И не только потому, что автор книги «Северная Африка на марше» (впервые опубликована в 1952 г.), склонный резко критиковать близорукую политику французского колониализма, принадлежал в описываемый период к правительственным кругам метрополии. В данном случае он отражал точку зрения широких кругов левой демократии, как в самой Франции, так и в Тунисе. Эти круги, поддерживавшие Народный фронт, имели свои основания подозрительно относиться к тем партиям Магриба, связи с которыми – прежде всего с ППА – поддерживал Новый Дустур и солидарность с которыми намеревались выразить инициаторы забастовки. На лидера ППА, Мессали Хаджа, пало подозрение в профашистских симпатиях. Что касается марокканских националистов, то они с благословения панарабских кругов завербовали в обеих зонах Марокко десятки тысяч добровольцев, составивших костяк армии генерала Франко. Бежавший в конце 1937 г. на территорию международной зоны Танжера, Ахмед Балафредж (будущий генеральный секретарь Истикляля) не скрывал свою прогерманскую ориентацию.

№ 26

В архивах Службы госбезопасности (Sûreté Nationale) обнаружены своего рода «переписи» дустуровских активистов – документы, дающие представление о количественной динамике, социальном облике и географии распространения партийных ячеек в Тунисе до второй мировой войны. Сводная информация подобного рода собиралась по заказу французской Резиденции дважды: весной 1933 г., и в начале 1938 г. Ее можно сопоставить с более фрагментарными сведениями, имеющимися на 1924 г., они исходили как от самих дустуровцев, так от властей, сделавших свою приблизительную оценку. Дополнительные цифры содержатся в опубликованных материалах I и II съездов партии Новый Дустур. Картина получается следующая. Генеральный резидент Мансерон впервые распорядился составить и получил от районных комиссариатов полиции данные о националистах в драматический период кампании «против натурализации», когда назревал раскол Старого Дустура, однако партия провела свой объединительный съезд – Съезд на улице Горы (май 1933 г.), оттянувший этот раскол. Надо думать, в списки попали имена наиболее «засветившихся» лиц, за которыми велась постоян-

ная слежка. Таких насчитывалось 1 234, в том числе 230 руководителей местного и районного уровня. Наибольшая концентрация партийных ячеек наблюдалась на севере страны, что совпадало с ситуаций, характерной для 1924 г.: на первом месте столица с ее пригородами (Мануба, Радес, Ла Гулетт, Ла Марса и др.), а также Бизерта и ее промышленный спутник Ферри-юиль. Между тем в Сахеле с 1924 г. по 1933 г. количество городов и сельских округов (шейхатов), где укоренилась партия, возросло с 9 до 34-х. На северо-западе таких населенных пунктов насчитывалось гораздо меньше, всего 7 (Эль-Кеф, Тала и др.), а из южных районов сведения в 1933 г. поступили только по г. Сфаксу, но их нельзя считать полными. В целом по стране к 1933 г. почти 59 % учтенных активистов и руководителей ячеек Старого Дустура были уроженцами Сахеля.

Особый интерес представляют сведения о социальной принадлежности лиц, охваченных «переписью». Половину из них составляли ремесленники и торговцы (в основном, конечно, это так называемый мир мусульманского базара), свыше 20% землевладельцы и крестьяне-собственники, 15% служащие и 8% лица свободных профессий, 4% наемные рабочие и, наконец, 3% учащиеся. Через год, как известно, большинство партийных ячеек поддержало партию Новый Дустур, причем за несколько месяцев перед съездом в Ксар-Хелляле, когда обе враждующие фракции Дустура взяли за массовую пропаганду, а губернатор Пейрутон, со своей стороны, проводил политику «laissez-faire», численность личного состава, да и само количество партийных ячеек могли существенно увеличиться.

Кто же собрался 2 марта 1934 г. на чрезвычайный съезд «раскольников» в доме зажиточного сахельца Ахмеда Айеда?

Обратимся к материалам учредительного съезда Нового Дустура, которые содержатся в брошюре, выпущенной по его итогам. В ней перечислены имена представителей 49 ячеек, присоединившихся к Бургибе и его товарищам по группе «L'Action Tunisienne». Впереди всех по количеству шли 22 ячейки городов и местечек Сахеля; затем 14 ячеек северо-востока страны – Туниса-столицы с окрестностями и полуострова Кап Бон (Рас эт-Тиб). Из последнего района две. Среди прочих была представлена всего одна ячейка Бизерты, но зато – 8 ячеек южных районов, включая Сфакс, Гафсу, Таузар и, наконец, Меденин – единственный город Крайнего Юга, пославший на съезд делегата. Как указывалось в брошюре, еще 11 ячеек телеграфировали съезду о своей поддержке (из городов Махдия, Га-

бес, Эль-Матвия и др.). Таким образом, Сахель и г. Тунис с округой лидировали по числу делегатов, вместе представлявших 73,5 % ячеек, перешедших в новую партию, а с учетом «заочных» участников съезда – 70%.

Что касается руководства, избранного на съезде (члены политбюро и Национального Совета, всего 25 человек), то в нем одну треть – по месту рождения – составили «столичные» (8 человек), которых немного опережали «сахельцы» (9 человек). При этом из Туниса, который первоначально планировался как место проведения съезда, прибыли в основном посланцы с торговых улиц медины, то есть центральной части старого города, или из его предместий. Это – делегаты «территориально-производственных» ячеек рынка *шаваш* (фесочников) и рынка *бельгаджи* (башмачников), а также делегаты от ячейки столичных жителей-мигранов из Джерида, мигрантов из Гафсы и от крупной парторганизации далеко не аристократического квартала Тронжа. Напротив, столичные пригороды, куда медленно, но верно выселялся из медины народ побогаче, были на съезде не представлены, если не считать Хаммам-Лифа. Это означает, что они остались за Старым Дустуром, как и почти весь п-ов Кап-Бон (в хозяйственном отношении: зона виноградарства и интенсивного садоводства), кроме Мензель-Темима и Солимана. Внутренние районы области страны были представлены символически, и почти совсем не представлен Крайний Юг – «военная зона».

Ситуация парадоксальным образом изменилась, когда этот дальний угол территории – он так и выглядит треугольником на географической карте – стал местом ссылки дустуровцев; в 1935 г. полиция уже доносила о наличии зачаточных партийных организаций в предсахарских населенных пунктах. На следующем этапе, при правительстве Народного фронта, за два неполных года, в течение которых партия де-факто действовала легально, причем по принципу, изложенному в циркуляре Салаха Бен Юсефа (17 сентября 1936 г.), что «все ассоциации должны постепенно интегрироваться в нашу партию, чтобы она мало-помалу стала партией целой нации и выразительницей общенациональных интересов и чаяний», она стремительно выросла и набрала такое влияние, что подменяла собой «туземную администрацию». Не у дверей каида, кахьи или шейха, а в помещении местной партиячейки толпились люди со своими просьбами и жалобами.

В этот период партия, действительно, сумела покрыть своей сетью всю страну. Изучая французские архивы, Мустафа Крайем обнаружил подтверждение той высокой цифре, в которую оценивало руководство Нового

Дустура количество своих первичных организаций ко II съезду партии. Так, по данным *Sûreté Nationale*, полнокровных партийных ячеек насчитывалось 432, а вместе с малочисленными группами-филиалами их было 486; это помимо различных «ответвлений», кружков, клубов, молодежных дружин и проч. Судя по географии ячеек, к началу 1938 г. наиболее высокая их концентрация наблюдалась в Сахеле: 137 из 432 (свыше 31%) и в районе Большого Туниса – 107 (24,5%). Сфакс и южные районы вышли на третье место – 81 (18, 5%). Заключал список Крайний Юг с 13 низовыми организациями (3%).

В зависимости от специфики области, сельские ячейки и малые группы составляли от 50 до 80% общей численности «первичек», о которых имеются сведения, и только в столичном районе и на п-ове Кап-Бон среди членов Нового Дустура сельские жители были в меньшинстве. На уровне центрального руководства партии картина была обратной. Среди «вождей» преобладали горожане (См.: *Kraiem M. Le Néo-Destour: cadres, militants et implantation pendant les années trentes // Les mouvements politiques et sociaux dans la Tunisie des années 1930, Tunis: ISHMN, 1985, p. 17-49*).

Поглядим теперь на состав Национального Совета партии, избранного осенью 1937 г. на ее II съезде. Это 10 адвокатов, 8 земледельцев, 6 коммерсантов, 4 врача и 1 аптекарь, 3 журналиста и по одному: *вакий* (нотариус или «стряпчий», адвокат с арабским образованием), продавец газет, плотник, лицо без определенного рода занятий, плюс двое неидентифицируемых. Общий вывод, который вытекает из этих данных, заключается в том, что, если брать за критерий признак социально-профессиональной принадлежности, то между низовым активом Старого Дустура 1933 г., еще не распавшегося, и Нового Дустура конца 1937 г. – начала 1938 г. не было принципиальных различий. Среди рядовых членов материнской и новой партии подавляющее большинство составляли мелкие хозяева. Партия «пéос» оттянула на свою сторону (как выразился один автор, «высосала») значительную часть этой массы, а главное – резко расширила географическое поле своей деятельности в том же Сахеле, не говоря уже о внутренних и южных районах страны, слабо урбанизированных и теперь тоже охваченных ее влиянием. По мере удаления друг от друга обеих партий, старой и новой, становилось очевидным, что возглавляли их в первую очередь адвокаты и журналисты, часто занимавшиеся своим профессиональным делом и публицистикой по совместительству. Но при этом в руководстве Старого Дустура все более четко проступал профиль *балди*, то есть не просто горожанина, а

столичного жителя, имущего и с хорошей родословной, напротив, в руководстве Нового Дустура – образ «roturier», то есть разночинца, выскочки.

Совершенно новым элементом, полностью отсутствовавшим в Старом Дустуре, явилась фигура «сомнительной личности», как ее охарактеризовали бы в полицейском околотке, такого обитателя городского дна, бродяги или босняка (clochard), асоциала. Обычно та же полиция упоминала их как «буйных», «неистовых», особо опасных членов партии. Бургиба и его друзья не стеснялись использовать таких маргиналов с городской окранный из бидонвилей, в качестве своих охранных, а иногда и ударных бригад. Своего рода партийной милиции, которую бросали, в том числе и против конкурента в лице Старого Дустура. Однако, разумеется, не они определяли лицо новой партии. Еще одна интересная деталь проступает из материалов французской службы внутренней безопасности. Вопреки мнению, что после возвращения шейха Таальби на родину летом 1937 г. и развернувшихся вслед батальи между двумя Дустурами, «archéos» немедленно потеряли в численности, а неофиты хлынули потоком в ряды «néos», возможно, наблюдался как раз противоположный процесс. Так, если верить информации полицейской агентуры, между январем 1937 г. и январем следующего года численность старых дустуровцев возросла с 8 тыс. до 12 тыс. человек (затем упала до 9 тыс. в конце апреля 1938 г.). Численность новых дустуровцев, составлявших их регулярную армию, сократилась в указанный период с 32 до 28 тыс. (данные на 31 января 1938 г.). Если принять во внимание, что в ноябре 1937 г. Махмуд Матри на съезде заявил, что Новый Дустур имеет 70 тыс. членов, это означало бы внезапное, как минимум двукратное падение его численности. В реальной жизни дело обстояло, видимо, иначе. Численность партийцев непрерывно колебалась, «постоянными» членами, помимо общеизвестных в стране или своем районе агитаторов, считались те, кто исправно платил взносы. Учитывая же бедственное положение тунисского населения в годы экономического кризиса, трудно вообразить, что такую нагрузку все как один могли выдерживать, пусть это составляло 10 франков в месяц. Зачастую люди ограничивались первым, вступительным взносом, отныне считая себя «навсегда» членами партии, другие волей обстоятельств отходили от ее деятельности, потом вступали в нее вторично, а могли и вернуться в ячейку Старого Дустура. (Автор этих строк частично полагается и на собственные сведения, полученные от прямых участников событий).

Таким образом, неизбежно существовал волнообразный разрыв в

численности между ядром организации, ее основным активом, и «оболочкой» – рядовым составом партийцев, то выполнявших полностью свои обязанности, то уклонявшихся от уплаты взносов. Важно другое, в довоенной партии Новый Дустур доля лиц наемного труда с промышленных предприятий «современного сектора» составляла еще ничтожное меньшинство. Хотя портовая Бизерта (подобно Александрии в Египте) послужила в Тунисе важным очагом развития синдикализма, а бизертская секция Нового Дустура во главе с Хабибом Бугетфой являлась одной из сильнейших, связанный с партией национальный профцентр ВКТТ все же свел воедино в основном отраслевые профсоюзы лиц неквалифицированного труда или представителей так называемых традиционных профессий: от извозчиков и докеров до хлебопеков. Остальные тунисцы-мусульмане, занятые на крупных предприятиях, в том числе шахтеры и путейцы, сохранили верность «европейским» профсоюзам. «Мираж» социального освобождения, созданный французским правительством Народного фронта, этому способствовал.

Как считают тунисские исследователи, партия в дальнейшем учла свою ошибку, совершенную, когда в январе 1938 г. силовым способом попыталась подчинить себе ВКТТ (избрание с помощью кулаков председателем профцентра Хеди Нуиры). Ее сотрудничество с послевоенным национальным профцентром ВТСТ осуществлялось при соблюдении принципа его автономности. В самой партии Новый Дустур была предпринята определенная децентрализация: воссоздание региональных «федераций» – своего рода обкомов, достаточно самостоятельных, и целого ряда специализированных комиссий, осуществлявших связь между низовыми ячейками и высшими органами партийного руководства. Это позволило вновь «соткать» широкую сеть Нового Дустура, который, судя по очередным сводным данным комиссариатов полиции, даже если следующие цифры несколько раздуты, имел в 1944 г. как минимум 180 секций и около 100 тыс. членов. Сомнение последняя цифра, априори приблизительная, вызывает главным образом потому, что французские источники обычно не проводили различия, да и не могли этого сделать с точностью, между плательщиками взносов и прочими (скорее всего, учитывали тех и других).

Изменился, однако, кадровый состав Нового Дустура, лучше всего известный по материалам, относящимся к Сахелю. Так, в 1937 г. здесь до 70% ведущих партийных руководителей составляли земледельцы вкпе с торговцами-ремесленниками, а служащие – 6% и лица свободных профессий – 4%. В 1944 г. первые составляли 40% и вторые вместе с третьими – 42%

(раздельных сведений по двум последним категориям этот год нет).

К этому следует добавить, что хорошо налаженное взаимодействие с национальными профсоюзами, становление которых началось как раз в 1944 г. и увенчалось в январе 1946 г. созданием ВТСТ, сделало работу низовых партийных структур более регулярной, она не закипала лишь в моменты кризисов. Выровнялось и географическое распространение этой работы. Например, треть из 104 партийных митингов и собраний, состоявшихся с апреля по август 1946 г., проходили в северо-западном, центральном и южном Тунисе, то есть во внутренних районах, прилегающих к тунисско-алжирской границе. Остальные – на приморских территориях. Это приблизительно соответствовало удельному весу названных областей в демографическом балансе страны.

Пика своей численности в послевоенный период партия могла достигнуть в 1950 г., когда ее представитель, С. Бен Юсеф, вошел в национальное правительство, которое начало переговоры с официальным Парижем. По французским данным того же происхождения, что и предыдущие (источник: комиссариаты полиции), Новый Дустур тогда насчитывал 260 секций и до 210 тыс. членов. Развернутые потом репрессии вновь заставили партию уйти в подполье.

С февраля 1952 г. она, потеряв часть лидеров, сосланных в лагеря или эмигрировавших, вела вооруженную борьбу. Вторично вошла в правительство в августе 1954 г. Понятно, что лишь с этого времени появляются более или менее надежные цифры, отражающие динамику численного состава партии накануне обретения Тунисом независимости (См.: *Hamza H. R. Le Néo-Destour, des lendemains d'avril 1938 à la veille de l'Indépendance: Hégémonie et Institutionnalisation // La Tunisie de l'après-guerre (1945-1950),* Tunis: ISHMN, 1991, p. 209-229).

№ 27

Современные тунисские историки объясняют упорное нежелание ТКП отступить от этого тезиса тем, что в предвоенный период, когда итальянское консульство в Тунисе стало рассадником фашистской пропаганды, в компартии возросло влияние итальянцев-антифашистов, которые находили в ней свое «естественное убежище». Они вместе с евреями членом подавили в рядах ТКП арабов, относившихся к националистам не столь негативно, как их товарищи, и особенно чутко реагировали на те ша-

ги руководства Нового Дустура, в том числе «мятеж 9 апреля», которые могли быть интерпретированы как объективное пособничество империалистическим домогательствам Италии, если не просто – работа по заказу агентуры Муссолини. Правда, далеко не все ветераны коммунистического движения соглашались с подобным анализом, делающим упор на «этнический» фактор (См., например: *Sebag P. Communistes de Tunisie (1939-1943),* Paris: L'Harmattan, 2001). Но даже, если этот фактор играл свою роль, главное заключалось в том, что коммунисты дисциплинированно следовали установкам VII конгресса Коминтерна (о борьбе с фашизмом и его подручными в лице буржуазно-националистических партий). Он оставался в силе к моменту, когда ТКП проводила свой I съезд, на котором объявила себя самостоятельной организацией, полностью независимой от ФКП, и вновь подтвердила взятый с 1935 г. курс на противодействие Новому Дустуру.

Следует уточнить, что Тунисская компартия, пользовавшаяся этим названием в 1934-1938 гг., еще не выделилась из ФКП, даже формально. Первый, он же – учредительный съезд партии тунисских коммунистов состоялся 20-21 мая 1939 г. в деревне Арьяна (сейчас это один из больших современных кварталов г. Тунис), а само заседание проходило в помещении «еврейского бара» или ресторанчика. Здесь собралось 70 делегатов съезда и около ста слушателей. Судя по всему, большинство из них – жители столицы. Еще на подготовительном совещании 8 января, проведенном коммунистами, которых собралось 60 человек, отсутствовали представители Ферривилия, Суса и Сфакса (*Kraïem M. Op., cit., p. 196*). В качестве наблюдателя в Арьяну прибыл депутат французского парламента Анри Лозера. Как донесла вездесущая агентура военной разведки, Лозера – член колониальной комиссии ФКП, приветствуя участников I съезда Тунисской компартии, был вынужден отметить «большую слабость» организации, вступавшей на путь автономной деятельности (*Khaled A., Op. cit., 534*).

На съезде был принят ряд принципиальных решений, выполнять которые у ТКП не оставалось времени. Так, в отличие от идеи (унаследованной от Лузона – Финидори) о сугубо пролетарской направленности работы Тунисской федерации ФКП, делегатами съезда был определен курс на решение аграрно-крестьянского вопроса как центральной задачи партии (Подробнее см.: *Иванов Н.А. Указ. соч., с. 383-385*). В части решений, касавшихся внешнеполитических вопросов, коммунисты еще в своем предсъездовском заявлении от 8 января 1939 г. потребовали денонсации франко-

итальянских конвенций от 1896 г., осудив при этом «мюнхенскую» политику правительства Даладье. ТКП была запрещена 6 октября 1939 г. согласно бейскому декрету, представлявшему собой реплику французского закона от 26 сентября того же года о роспуске ФКП, принятого вслед за подписанием Советско-германского договора о ненападении. По поводу этого договора, подержанного французскими коммунистами, ТКП не делала официальных заявлений. «L'Avenir Social» в это время не выходила из-за нехватки финансовых средств. Появились только две заметки в антифашистской газете «Il Giornale», где сотрудничали коммунисты-итальянцы. Веллио Спано — автор одной из заметок вспоминал, что оба коллеги, написавших о договоре, заключенном 23 августа 1939 г. в Москве, не вполне были согласны друг с другом, но в общем высказались в его пользу (*Kraïem M. Op. cit., p. 201*).

№ 28

Следственная бригада во главе с полковником де Герин дю Кайла не спешила с вынесением обвинения Бургибе и его товарищам. Затем власти тянули с судебными слушаниями, опасаясь взбудоражить население. Наконец, созрела идея вывезти обвиняемых с территории Туниса. Обстановку того момента отражает документ из архивов французской военной разведки от 3 мая 1940 г., составленный по результатам зондажа общественного мнения среди «нотаблей» Сахеля. Суммируя данные этого своеобразного социологического опроса, автор документа отмечал: «Даже в самых отдаленных дуарах (кочевьях и хуторах — *M.B.*) туземцам известно, что Бургибу и его сообщников собираются судить в Марселе. Не будет ошибкой сказать, что этот безумно амбициозный тип выглядит в глазах тунисцев необычайной личностью и неким “Moul-Es-Sâa” (мусульманским мессией), способным выгнать нас из страны. Они его знают лучше, чем мы...». Но вот что, продолжает автор, говорят нотабли, которых можно отнести к рассудительным людям: «Если бы его сразу выслали в какую-нибудь дальнюю колонию, все бы о нем забыли, как марокканцы забыли Абделькерима и Ахмед аль-Фаси, потому что для арабов отсутствие человека или смерть почти одно и то же. Такое решение было бы лучше, чем таскать его из одной тюрьмы в другую и сделать из него великомученика».

Далее в документе идут рассуждения о том, что суровый приговор лидеру Нового Дустура был бы крайне опасным, а лучше убрать этого человека подальше и лишить шанса на возвращение. Ведь другой тунисский лидер, Таальби, пока его не было в стране, словно перестал существовать, а

стоило ему вернуться в Тунис, как он получил здесь восторженный прием. «Это как раз то, чего следует избегать в случае с Бургибой» (*Khaled A. Documents secrets du 2-ème bureau. Tunisie-Maghreb dans la conjoncture de pré-guerre 1937-1940, Tunis: STD, 1983, p. 704*).

№ 29

Положение евреев в Тунисе во время войны было не столь трагическим, как в Европе, и лучше, чем в Алжире, где они в одночасье были лишены статуса французских граждан, став «апатридами». Однако Генеральный резидент — адмирал Эстева, назначенный в Тунис после франко-немецкого перемирия, буквально следовал инструкциям вишистского правительства и в конце 1940 г. «поспешил внедрить первые же его расистские законы» (*Guez J. A. Au camp de Bizerte, Paris: L'Harmattan, 2001, p. 5*). Старалась и газета «Dépêche tunisienne», ведущий орган колониальной прессы. На евреев она списывала нехватку таких товаров, как сахар, кофе, хлеб (впервые появился непривычный черный). В августе 1940 г. произошли погромы в Кефе и других местах близ алжирской границы, в мае 1941 г. — аналогичные события в Габесе, где полиция все же задержала убийц, которые были преданы суду и казнены. На следующий год еврейская община получила передышку, благодаря воцарению Монсеф-бея, который решительно заявил, что мусульмане и евреи — равноправные его подданные. После вторжения немцев в Тунис он уже стал бессилен; многие евреи были отправлены в концентрационные лагеря на месте или вывезены в Германию, где и погибли (*Mestiri S. Moncef bey. Tome I. Le règne, Tunis: Arcs Editions, 1998, p. 164-165*). При первом же рейде немцев в медину у ювелиров-евреев было конфисковано 17 кг. золота, а 23 декабря 1942 г. отдан приказ, чтобы до конца года евреи уплатили 20 млн. франков для возмещения ущерба семьям, пострадавшим от бомбардировок. На улицах Туниса были повсюду развешены плакаты: «Войны хотело и развязало ее мировое еврейство» (*Martin J.-P. Histoire de la Tunisie contemporanéité, Paris: L'Harmattan, 1993, p. 142*).

Биографическое приложение

Фархат Аббас (1899-1985) алжирский политический деятель, в начале своей карьеры – яркий представитель «ассимиляционизма» как господствовавшего в 20-30-е годы умонастроения алжирской интеллектуальной элиты, получившей европейское образование и доступ к выборным должностям в совещательных собраниях при колониальной администрации. Перейдя в середине сроков на платформу «автономизма», становится вождем умеренных алжирских националистов.

Его отец – разбогатевший крестьянин из Малой Кабилии, бывший каид, затем *ага* и *башага*, был награжден за ревностную службу званием командора ордена Почетного легиона. Среднюю школу Ф. Аббас окончил в г. Джиджелли, два года отслужил в армии, демобилизован в чине сержанта. Высшее образование по специальности фармацевтика получил в Алжирском университете. На студенческой скамье, где он задержался до своих 32-х лет, заинтересовался политикой, возглавил клуб «Студентов-мусульман» и выступал с публичными лекциями. Писал статьи и философские эссе под псевдонимом Кемаль Абенсераг, составленном из имен Кемала Ататюрка и романтического героя Шатобриана («последнего из Абенсерагов»), оплакивающего блеск и пышность прежней арабской культуры. Опубликованный им в 1931 г. сборник статей под названием «Молодой алжирец. От колонии к провинции», становится настольной книгой просвещенной алжирской молодежи, стремившейся к самоутверждению и участию в общественной жизни страны наравне с французами. Позже, оглядывая свой жизненный путь, Ф. Аббас утверждал, что он вовсе не был беспочвенным мечтателем, каким его представляли иные французские авторы, а напротив, «стоял обеими ногами на земле. Решив бороться на почве “колониальной законности”, я избрал путь, казавшийся мне наиболее коротким» (Abbas F. *La nuit coloniale*, Paris, 1962, p. 122-123).

По завершении учебы Ф. Аббас обосновался в г. Сетиф, где завел аптеку, избирался в муниципальные советники и «финансовым делегатом». Вошел в Федерацию туземных избранников (ФТИ) департамента Константина, основанную в 1930 г. натурализованным французом Мухаммедом Бен Джаллулом. В 1933-1939 гг. издавал газету «L'Entente» в качестве ее главного редактора. (Политическим директором являлся Бен Джаллул).

Слабо владевший классическим арабским языком и ратовавший за интеграцию алжирской образованной элиты в лоно французской культуры, Ф. Аббас полагал, что с помощью ассимиляции можно покончить с колониализмом. Квинтэссенция этих идей выражена в часто цитируемом отрывке из его статьи: «Нас, политических друзей д-ра Бен Джаллула, представляют как националистов. Обвинение – не новое. Мое мнение известно: национализм это чувство, которое заставляет народ жить в пределах его территориальных границ, то чувство, которое создало сеть наций. Если бы я обнаружил алжирскую нацию, то стал бы националистом, не стыдясь этого и не считая себя преступником. Люди, жертвующие собой во имя патриотических идеалов, ежедневно восхваляются и почитаются. Моя жизнь не стоит больше, чем их жизнь. Однако я не умру за алжирскую родину, потому что она не существует. Ее я не нашел. Я вопрошал историю, спрашивал живых и мертвых; ходил по кладбищам: ответ – молчание... Нельзя строить воздушные замки». Вывод автора был таков: «мы навсегда связали себя с французским делом в этой стране», но именно поэтому надо добиваться экономической и политической эмансипации коренных алжирцев, ибо «без нее не будет прочного Французского Алжира» («L'Entente», 23.2.1936).

С приходом к власти во Франции правительства Народного фронта наступил новый этап в деятельности Ф. Аббаса. Он ведет пропаганду в пользу плана «Блюма-Виоллетта», который предусматривал немедленное и существенное расширение категории алжирцев с французским гражданством. Морис Виоллетт (с 1936 г. – член кабинета Л. Блюма в ранге государственного министра без портфеля), бывший генерал-губернатор Алжира, предлагал этот план еще с 1931 г. в печати и с парламентской трибуны. Смысл его идеи состоял в том, что ради сохранения политической стабильности в Алжире необходимо предоставить заслуженным и образованным алжирцам всю полноту индивидуальных прав, которыми пользовалось население метрополии, при сохранении за ними мусульманского личного статуса. (По действовавшему закону о натурализации они должны были от этого статуса, в частности, от полигамии, отказываться). Провал плана «Блюма-Виоллетта», так и не дошедшего до парламентских слушаний и встреченного в штыки, с одной стороны, верхушкой французской колонии, а с другой, – новообразованной Партией алжирского народа, вызвал у Аббаса глубокое разочарование. Формально оставаясь вице-президентом ФТИ Константина, он основал в 1938 г. «Алжирский народный союз за

обретение прав человека и гражданина». Программа новой партии, реально насчитывавшей 700-800 человек (торговцы и земельные собственники, адвокаты, учителя, журналисты и т.п.), сводилась к лозунгам: «за равенство и политическую свободу, за хлеб, за гарантированный минимум заработной платы, образование на арабском языке, просвещение мусульманской молодежи, за свободу отправления культа... против колониального империализма». В первых же статьях устава новоявленного союза, который в основном был занят организацией публичных собраний и лекций, заключались два противоречивых тезиса: о «праве народов на самоопределение» и о желании «следовать эволюции и эмансипации Алжира в рамках французской провинции». Вместе с тем Ф. Аббас призывал к работе с массами, разъясняя: «Мы хотим, чтобы Алжир сохранил свое лицо, свой язык, свои обычаи и традиции». Это свидетельствовало о робком повороте его мысли от ассимиляционизма к умеренному национализму и перекликалось с лозунгами Ассоциации «улемов-реформаторов».

В 1939 г. Аббас записался в армию добровольцем и отправился на фронт в нестроевые войска; осенью следующего года вернулся на родину, потрясенный картиной поражения Франции и с уязвленным чувством инородца, к которому пренебрежительно относились его товарищи по военно-медицинской службе. Тем не менее, он надеялся на вишистское правительство. В письме к Петену 10 апреля 1941 г. от имени «алжирской молодежи, крестьян и рабочих» выдвинул проект реформ, предусматривавших равноправие алжирских и французских служащих, обеспечение занятости для сельского пролетариата и отмену военного режима на сахарских территориях. Следующее письмо, а точнее, два сходные письма направил после высадки англо-американских войск союзному командованию в Алжире и представителям новой гражданской администрации. Оба письма, одно от 20-ого, другое от 22 декабря 1942 г., требовали отмены колониальных порядков. В этот период Аббас отказывается от тезиса, что «Алжир – французская страна», и в декабрьских посланиях, которые остались без ответа, предлагал созвать конференцию мусульманских представителей для определения нового статуса этой территории. 10 февраля 1943 г. составил «Манифест алжирского народа», подписанный 56 алжирскими деятелями, известными и малоизвестными юристами, учителями, фармацевтами и некоторыми улемами-реформаторами (автор целый месяц ездил по стране, собирая подписи). В нем кратко излагалась история порабощения Алжира и пред-

лагалось создать автономное алжирское государство со своей конституцией и собственным флагом, учредить равное представительство французов и алжирцев во всех органах власти, провести социальные реформы. В проекте конституции, содержавшемся в этом документе, предлагалось создать республику, в которой соблюдался бы принцип свободы вероисповедания и отделения сферы религии от государства. Однако контуры общего политического устройства алжирской республики и форма ее отношений с Францией не были очерчены. 31 марта «Манифест» был подан генерал-губернатору Алжира Пейрутону (который сделал вид, что готов отнестись к нему со вниманием), а также отправлен в Лондон де Голлю и в Каир правительству Египта.

26 мая 1943 г. Ф. Аббас вместе с несколькими арабскими и кабилскими финансовыми делегатами составил «Проект реформ», развивавший и конкретизировавший программу «Манифеста». Этот, еще более дерзкий документ, в котором содержалась формулировка «алжирская нация», предусматривал создание смешанного алжирского правительства с равным числом французов и мусульман в его составе, которое действовало бы под началом Верховного комиссара (как посла Франции) до тех пор, пока не будет создано местное учредительное собрание. Составленный накануне переезда генерала де Голля из Лондона в Алжир, «Проект реформ» был подан ему лично, а также в канцелярию нового генерал-губернатора – Жоржа Катру. Несмотря на то, что в условиях военного времени «Манифест алжирского народа» выглядел явно утопическим, его эмоциональный эффект трудно переоценить. Он становится своего рода хартией умеренных националистов и принес Аббасу небывалую известность. Однако ни правые, ни левые французские деятели, это касается и коммунистов, которые прибыли из метрополии в незнакомый им Алжир, чтобы представлять в ФКНО свои организации Сопротивления, и возмущались расизмом здешних французов, не поддержали «Манифест». Катру отправил Аббаса в двухмесячную ссылку на юг Орании, считая его зачинщиком бойкота сессии Финансовых делегаций, объявленного (22 сентября 1943 г.) алжирскими избранниками. Саботируя сессию, они выражали возмущение тем, что Катру с ходу отклонил их «Манифест», который был принят к рассмотрению его предшественником. Нашлись и «отказники». Так, 15 октября некоторые из подписавшихся под манифестом, числом двенадцать, ползали в ногах Катру, прося о пощаде.

22 декабря 1943 г. де Голль произнес в Константине речь, в которой сообщил, что ФКНО принял решение «немедленно предоставить десяткам тысяч мусульман (в Алжире – *М.В.*) все права французских граждан» и увеличить количество представителей от мусульманского населения «в различных выборных органах, ведающих местными вопросами» (де Голль Ш. Военные мемуары, т. 2, с. 654). Ордонанс от 7 марта 1944 г. закрепил это обещание, практически нацеленное на то, чтобы привлечь как можно больше алжирцев в заново строящуюся французскую армию. По сути же он воспроизводил план «Блюма – Виоллетта», но этот запоздалый шаг был воспринят националистами как антидемократический и как желание развести по разные стороны алжирцев-мусульман: французских граждан и подданных. Аббас настаивал на том, чтобы французы и алжирцы отныне строили свои отношения как «народ с народом», иначе метрополию, предупреждал он, рано или поздно захлестнет приток ее граждан мусульманской веры. Он создал ассоциацию «Друзья манифеста и свободы» с центром в Сетифе, вступил в контакт с улемами и Мессали Хаджем, лидером Партии алжирского народа, еще находившимся в ссылке. «Друзья» сформулировали более ясную программу, чем сам манифест, предлагавшую установление федеративных отношений между Алжиром и Францией.

После восстания в Сетифе (8 мая 1945 г.) Аббас был арестован, его ассоциация распущена, а газета «Egalité», которую он выпускал, запрещена. Освобожденный по амнистии, он создал в марте 1946 г. партию Демократический союз алжирского манифеста (UDMA) и в том же году был избран депутатом Национального учредительного собрания Франции, где его партия завоевала 10 мест. Первое участие алжирцев (в том числе не имевших гражданства метрополии), в парламентских выборах было результатом применения Ордонанса от 7 марта 1944 г. При этом, однако, французские граждане Алжира выбирали столько же депутатов, сколько «неграждане». Это правило сохранилось и в дальнейшем. 23 августа 1946 г. на дебатах в Бурбонском дворце Фархат Аббас произнес речь, в которой выступил против идеи Французского союза, защищая представленный ранее (9 августа) его фракцией законопроект о конституции Алжира, предлагавший его «автономизацию» и двойное гражданство для населения. В апреле 1948 г. был избран в Алжирское собрание в числе 8-и представителей своей партии, которая в первой половине пятидесятых теряла популярность.

Весной 1955 г. Ф. Аббас установил тайный контакт с Фронтом национального освобождения, члены которого были заинтересованы в том, чтобы использовать его известное имя и политические связи и получили от него деньги и медикаменты. В июне того же года предпринял на встрече в Париже с премьером Э. Форм и другими французскими деятелями последнюю попытку достичь компромисса: предложил создать временное правительство Алжира из представителей европейцев и повстанцев, провести «честные выборы» в Алжирское собрание и дать стране статус «присоединившегося государства», национальный флаг и «внутренний суверенитет» на ближайшие 20 лет. В 1956 г. эмигрировал в Египет, где открыто примкнул к ФНО и вошел в его руководство.

Возглавлял делегацию ФНО на конференции в Танжере (28-30 апреля 1958 г.), где Фронт получил официальное признание в качестве «единственного представителя Алжира» со стороны делегатов Нового Дустура и Истикляля, которые от имени своих правительств заявили о «праве алжирского народа на суверенитет и независимость». В сентябре 1958 – августе 1961 гг. возглавлял Временное правительство Алжирской республики (ВПАР) и эмиграции. На этом посту выступал за дипломатическое решение алжирской проблемы и неоднократно заявлял, что он «бургибист», желающий следовать по стопам тунисского президента, который со своей стороны стремился ликвидировать алжирский конфликт путем переговоров. Из ВПАР был выведен в результате внутренней борьбы в ФНО. С 25 сентября 1962 г. до 14 августа 1963 г. являлся председателем Национального учредительного собрания Алжира. Подал в отставку в связи с несогласием по проекту конституции, который был разработан и выдвинут ФНО, а затем вынесен на референдум в обход депутатов. Перейдя в оппозицию к режиму АНДР, подвергался арестам по приказу Бен Беллы (1964 г.) и Бумедьена (1976 г.). В последний раз провел 15 месяцев под домашним арестом за «Воззвание к алжирскому народу» против диктатуры, который он подписал вместе с другим бывшим главой ВПАР – Юсефом Бен Хеддой. Его судебное дело было закрыто в 1982 г. Реабилитирован в 1984 г. В том же году во Франции вышла его книга «L'Indépendance confisquée» (Подробнее см. Ланда Р.Г. Фархат Аббас, «Вопросы истории» № 9, 2004, с. 58-82).

Мухаммед бен Абд аль-Крим аль-Хаттаби (1881 или 1882–1963), более известный как эмир Абделькерим, продолжил на севере Марокко сопротивление испанской оккупации, начатое его отцом, кадием берберов

бени урьягель, который скончался в 1920 г. и перед смертью завещал сыну бороться до победного конца. Выходец из горской аристократии, Абд аль-Крим получил религиозное образование при мечети аль-Карауин (г. Фес) и светское – в Испании, где учился вместе со своим братом и впоследствии боевым товарищем, Мухаммедом аль-Хаттаби. Неплохо ориентировался в международной обстановке; поработал журналистом в «Telegrama del Rif» и переводчиком в Управлении туземных дел (Oficina de Asuntos Indígenas), которому было поручено провести перепись населения в Рифе. Исповедовал идеал свободной республики горцев, веря в силу оружия и строгую дисциплину повстанцев. Несмотря на ряд резко антизападнических заявлений Абд аль-Крима, его цель состояла в том, чтобы создать модернизированное мусульманское государство. На собрании старейшин племен, а точнее, соседско-родовых общин Рифа была избрана «Национальная ассамблея», выполнявшая функцию парламента. Эмир Абд аль-Крим становится президентом республики и верховным военачальником. В городке Аджир было создано правительство с министерствами юстиции, внутренних дел, внешних сношений и, наконец, слитыми воедино военным и казначейским ведомствами. Парламент принял хартию, так называемый Национальный обет, главным пунктом которого было непризнание договоров, нарушающих права Марокко, или имеющих связь с Фесским договором о протекторате. Но в основном речь шла о соблюдении самостоятельных прав населения Рифа, которыми оно пользовалось до 1912 г.

Армия рифов строилась по усовершенствованному принципу организации традиционного марокканского войска. Битва на плато Анваль (21-26 июня 1921 г.), которая принесла Абд аль-Криму большие военные трофеи, вдохновила его на мысль, что он разовьет свои победы, отстоит все Марокко, и он предпринял наступление на Фес. Не пытаясь захватить древнюю столицу, он приблизил к ней свои сторожевые заставы. Это было в 1924 г., когда республика Риф контролировала уже всю территорию северной части Марокко (испанской зоны), кроме крупных городов. Испанцы обратились за помощью к французам, которые с готовностью согласились, так как были обеспокоены тем, что может произойти соединение сил Абд аль-Крима с мятежным племенем *зерваль*, кочевавшим у подножья Рифа. На следующий год в Мадриде состоялась испано-французская конференция, результатом которой стало наращивание численности экспедиционного корпуса обеих держав в Марокко. Общее командование принял герой

битвы под Верденом – маршал Петен. Нуждаясь в бойцах, умеющих сражаться в горной местности, французы сумели привлечь на свою сторону амгара (берб.: вождь) аль-Глави, хозяина Высокого Атласа. С юга на север стали подтягиваться враждебные рифам марокканские отряды. К весне 1926 г. положение Абд аль-Крима было уже критическим. Его правительство стало предлагать переговоры с целью заключения мира, но выдвинутые им условия не могли удовлетворить противную сторону. 27 мая 1926 г. Абд аль-Крим сдался французам, хотя отдельные племена еще продолжали сопротивление. Республика Риф пала. До этого ее президент обращался в средства массовой информации многих стран, в частности направил письмо в советскую прессу, в нем подчеркивалось:

«Мы... стремимся к тому, чтобы снова сделаться культурной нацией на основе мира и социальной справедливости. Поэтому мы, арабские народы, должны попытаться разбить ярмо, надетое на нас Англией, Францией, Италией и Испанией... Мы требуем, чтобы иностранные державы отказались от бесплодных авантюр и очистили Марокко. Только тогда мы сможем посвятить себя мирной работе и развернуть наше строительство, чтобы занять подобающее место среди народов» (Цит. по: Новейшая история арабских стран Африки, М.: Наука, 1990, с. 358). В одной из деклараций Абд аль-Крима отвергались обвинения в том, что он ведет исламскую священную войну: «Мы не в средних веках и не в эпоху крестовых походов, мы просто хотим существовать и жить независимо. И чтобы нами, кроме Бога, никто не управлял». Он также говорил, что ведет войну не из любви к войне, что он мусульманин, но не фанатик, и другие религии ему безразличны, как не интересует его и защита власти султана, а сражается он ради «полной и безоговорочной свободы несчастного народа рифов...» (Цит. по: *Brignon J., Amine A., Boutaleb B., etc. Histoire du Maroc*, Paris – Casablanca: Hatier, 1967, p. 408). Против восставших применялись авиация и новейшая наземная военная техника, в том числе химическое оружие германского производства. По мнению марокканской Ассоциации жертв войны в горах Рифа (заявление 2002 г.), ядовитые газы оставили след в генофонде местного населения, среди которого часто встречаются больные раковыми заболеваниями.

После капитуляции Абд аль-Крим был сослан вместе с семьей на о-в Реюньон, весной 1947 г. его решили перевести на Корсику. Во время морского путешествия он бежал в Порт-Саиде и остался в Египте. С января

1948 г. возглавил эмигрантский Комитет освобождения арабского Магриба (КОАМ), украсив его своим именем. Не позднее 1952 г., разочарованный словесной шумихой и «кухонными ссорами» внутри комитета, отошел от его деятельности. Избранный, однако, председателем КОАМ на пожизненной основе, Абд аль-Крим оставался номинальным главой комитета до 1956 г., когда эта организация потеряла смысл существования и была распущена. (В отечественной литературе о нем см.: *Фрунзе М.В.* Европейские цивилизаторы в Марокко // Избранные сочинения, М., 1940; Луцкая Н.С. Очерки новейшей истории Марокко, М: Наука, 1973).

Абд ар-Рахман **Аззам-паша** (1893-1976) генеральный секретарь Лиги арабских государств (ЛАГ) с 1945 г. по 1953 г. Кавалер ордена Ливанского кедра и других наград. Родился в провинции Гиза (часть Большого Каира), губернатором которой до английской оккупации Египта являлся его дед. В юные годы сочувствовал Национальной партии Мустафы Кямиля. Учился в Лондоне на врача, но прервал занятия, поступив фельдшером-добровольцем в турецкую армию во время Балканских войн (1912-1913). Во время первой мировой – участник партизанских действий против итальянцев в Киренаике. Вдвоем с бывшим турецким командующим Нурибеем поддержал в 1916 г. попытку создания в Триполитании автономного владения во главе с сенуситским вождем Ахмедом аш-Шерифом, который ранее совершил поход в Египет и был разбит англичанами. На этом авантюры Аззам-паши в Ливии не закончились. Когда Турция выбыла из войны, с его совета и с его же помощью в ноябре 1918 г. была провозглашена Триполитанская республика, правительство которой представляло собой коалицию племенных нотаблей и повстанческих вождей (*Abun-Nasr J.M.* Op. cit., p. 379-380).

В 1923 г. Аззам-паша вернулся в Египет, где вошел в партию Вафд и был избран членом парламента. Позже откололся от вафдистов, перейдя на сторону Али Махера – «сильного человека» Египта, воспользовавшегося для своего возвышения недовольством общественности англо-египетским договором 1936 г. Входил в кабинет Али Махера 1939-1940 гг. как министр по делам вакуфов и социального призрения. В разное время являлся послом в Ираке, Иране, Саудовской Аравии и Турции. С начала тридцатых Аззам-паша выступал как горячий сторонник панарабизма; участник ряда всеарабских конгрессов, автор книг «Герой героев» и «Вечное послание Мухаммеда». Весной 1945 г. занял пост генерального секретаря новообразованной ЛАГ, которая в то время находилась под безусловным влиянием

Великобритании. Подал в отставку после июльской революции 1952 г. и отречения короля Фарука. Двадцать лет прожил за границей, одно время представлял дипломатические интересы Саудовской Аравии. Вернувшись в Египет после смерти Насера, закончил мемуары о своей работе в ЛАГ, развивая в них идею о том, что арабское единство можно достичь лишь на прочной исламской основе. (См.: *Who's Who in Egypt and the Near East*, Cairo: Paul Barbary Press, 1952, p. 227; *Goldschmidt A. Jr.* Bibliographical Dictionary of Modern Egypt, Boulder – London: Lynne Rienner Publ., 2000, p. 29).

Шекиб **Арслан** (1869-1946) один из ведущих лидеров движения панарабизма. Принадлежал к клану друзских эмиров Арсланов, которые традиционно соперничали в Горном Ливане с Джумבלатами. Первые, в отличие от вторых, выступали против сотрудничества с французами в период, когда общину друзов взбудоражили внутренние противоречия по отношению к разделу азиатских провинций Турции. Его взгляды сформировались под влиянием идеологов так называемого арабского возрождения (*nahda*) и особенно Рашида Риды, непосредственным учеником которого он являлся. Знаток арабского литературного языка, эмир Арслан был избран президентом Арабской академии в Дамаске. Автор книги «*Лимаза та'ахара-ль-муслимун ва лимаза такаддама хейрахум?*» («Почему отстали мусульмане, а прогресс у других?»). Она увидела свет в 1349 г. хиджры [1930-31 г.] в Каире и неоднократно выходила в переводах на европейские и восточные языки. Ее английская версия: *Amir Shakib Arsalan. Our Decline and its Causes. A Diagnosis of the Symptoms of the Downfall of Muslims*, Lahore, 1944, переизданная в Пакистане (1952 г.), была вторичным переводом с малайского. Сразу ставшая знаменитой, эта книга, относившая причину отсталости мусульман на счет «невежества», породила целую литературу на данную тему: эссе, поэмы, статьи, доклады и т.п. (*Smith Cantwell W.* *Islam in Modern History*, Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1977, p. 54-55).

Эмир Арслан многие годы прожил в Европе, главным образом в Швейцарии, где с 1918 г. занимался общественной деятельностью и журналистикой; до конца своих дней проявлял неослабный интерес к положению в Магрибе. Его политическая роль получала самые неоднозначные оценки. В годы первой мировой войны он создал в Берлине Ассоциацию народов Востока и установил связи с эмигрантской группой младотунисцев, в частности, с Мухаммедом Баш Хамбой, который в 1920 г. умер у него на руках. Позже познакомился с деятелями дустуровского круга, в том

числе с Шедли Хайраллахом, который, как и Шекиб Арслан, был участником Антиимпериалистического конгресса в Брюсселе (декабрь 1927 г.). Выступая на нем, Шекиб Арслан резко критиковал политику английских лейбористов и французских социалистов в национально-колониальном вопросе, сделав реверансы в сторону ленинского подхода к его решению.

Тогда он уже возглавлял «постоянную делегацию» Сиро-палестинского комитета, обосновавшуюся в Женеве после прошедшего здесь в сентябре 1921 г. Сиро-палестинского конгресса. Его инициаторы, в том числе бывшие члены эфемерного арабского правительства эмира Фейсала в Дамаске, выдвинули следующие требования, направленные в Лигу Наций: признание независимости стран Восточного Средиземноморья – Ливана, Сирии и Палестины, их права объединиться под властью гражданского правительства, ответственного перед парламентом, а также права войти в федеративный союз с другими арабскими государствами. Конгресс избрал постоянный Исполком со штаб-квартирой в Каире. В июле 1922 г. сирийско-ливанская делегация направилась в Лондон, где утверждался текст мандатов, а в ноябре того же года – на конференцию по Ближнему Востоку в Лозанне. Не допущенные на эту конференцию, которая определила современные границы Турции (Лозаннский мирный договор от 24 июля 1923 г.), противники мандатного режима учредили постоянную Сиро-палестинскую делегацию с местопребыванием в Женеве для связи с Лигой Наций и европейскими правительствами. Однако Лига Наций за время своего существования никогда даже не ставила на обсуждение требования арабских националистов, а сама превратилась, по небеспристрастному, разумеется, отзыву бывшего главы британского правительства, «в организацию, которая должна была увековечить военное, а следовательно, и дипломатическое верховенство Франции» (Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Том 2, М.: Изд-во Иностранной литературы, М.: 1957, с. 504). Лига фактически игнорировала находившуюся у нее под боком Сиро-палестинскую делегацию, к названию которой со временем было добавлено и «магрибинская». Малоизвестная поначалу, эта делегация – европейская вотчина Шекиба Арслана все же заставила обратить на себя внимание официального Парижа, благодаря бурной деятельности своего руководителя.

Фанатично преданный идеалам арабского национализма, Ш. Арслан, полагают, в тридцатых полностью сомкнулся с палестинским муфтием Амином аль-Хусейни, активно работавшим в пользу держав «оси». Так, в

1934 г. он был среди участников Восточного конгресса в Риме, в 1935 г. – Мусульманского конгресса в Женеве, где выступил с пространной речью о сионистской угрозе. Под началом Арслана создается сомнительная организация «Исламо-европейский конгресс», а его журнал «La Nation Arabe» стал получать финансовую помощь от Германии. Некоторые исследователи его жизни и творчества сочли характеристику эмира Арслана как борника фашистских идей и агента Муссолини слишком прямолинейной. Однако именно таким он выглядел в отчетах военной разведки Франции конца тридцатых, равно как с точки зрения коммунистов и социалистов Франции, входивших в Народный фронт. «Этот ливанский феодал, – пишет Ш.-А. Жюльен, – в течение 18-и лет раздавал из своего бюро в Женеве указания мусульманам Средиземноморья», и его рука якобы просматривается в перипетиях многих событий в Северной Африке: от бойкота иностранных товаров, к которому прибегали здешние националисты, до франкистского переворота, начавшегося в испанском Марокко, и провала «плана Блюма – Виолетта» в Алжире (Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche..., p. 31-35). Личные контакты Хабиба Бургибы с эмиром Арсланом ограничивались двумя-тремя встречами, состоявшимися между ними в 1937 г. и 1946 г. Более тесные связи с ним поддерживали Ахмед Балафредж и другие марокканские националисты, несомненное влияние он оказал на формирование взглядов Мессали Хаджа, основателя Партии алжирского народа (По этому вопросу см., например: Ланда Р.Г. Кризис колониального режима в Алжире 1931-1954, М.: Наука, 1980; Nouschi A. La naissance du nationalisme algérien, Paris, 1962).

Хабиб Ашур (1916-1999) один из основателей Всеобщего тунисского союза труда (ВТСТ), его генеральный секретарь в 1970-1978 гг., одновременно – вице-президент Международной конфедерации свободных профсоюзов. Родился в рыбацкой деревушке на о-вах Керкенна. Свою партийную и профсоюзную деятельность начинал в г. Сфакс. Образование получил в среднем техническом училище. В 1946 г., когда он вместе с Фархатом Хашедом выступил инициатором создания ВТСТ, являлся мелким муниципальным служащим. Возглавил общегородскую рабочую стачку в Сфаксе (5 августа 1947 г.), во время которой имелись жертвы: убитые и раненные. За это был арестован и в январе 1948 г. предстал пред городским судом, приговорен к 5 годам тюрьмы с последующей высылкой из страны на 10 лет. Приговор был смягчен. Ашур отправлен на жительство под над-

зорм полиции в Загуане, затем в Табарке, Бедже и, наконец, в рыбацком селе Махарес под Сфаксом, что исключило его вплоть до середины 1954 г. из сферы легальной профсоюзной деятельности. В своих мемуарах утверждает, что именно он предложил Бургибе провести V-й чрезвычайный съезд партии в Сфаксе (1955 г.) и обеспечил его охрану, мобилизовав на это 2 тыс. членов местной федерации ВТСТ. Позже входил в высшее руководство правящей партии. С сентября 1957 г. был заместителем генерального секретаря ВТСТ, с 1963 г. генеральным секретарем, в августе 1965 г. был снят со всех постов и исключен из партии. Вернулся на политическую сцену после падения А. Бен Салаха и отказа от «социалистического эксперимента». Общенациональная забастовка 26 января 1978 г. явилась результатом стремления Хабиба Ашура отстоять независимость профсоюзов, которые вели систематическую борьбу за повышение минимальной заработной платы. Он был арестован и заключен в каторжную тюрьму под Бизертой с приговором на 10 лет, в 1980 г. освобожден, жил под надзором полиции, в ноябре 1981 г. избран почетным председателем ВТСТ, а с декабря 1984 г. снова стал его генеральным секретарем. На следующий год был вновь помещен под домашний арест, освобожден в ноябре 1987 г.

Али **Баш-Хамба** (1875-1918) лидер движения младотунисцев, иначе – Партии эволюционистов, которая была основана в 1907 г. и запрещена в 1912 г. Родился в г. Тунис, выходец из знатной семьи турецкого происхождения. Окончил коллеж Садыкийя, позже был назначен его директором. В 1906 г. сдал экзамены в Париже на диплом юриста (со степенью *licencié*), был принят в коллегию адвокатов Туниса. Член просветительского общества Халдунийя, он явился автором идеи создания ассоциации выпускников коллежа Садыкийя (1905). Политическую деятельность начал в 1907 г. с выпуска газеты «*Le Tunisien*», вокруг которой сложился кружок младотунисцев. В марте 1912 г. был выслан из страны и поселился в Стамбуле, где получил административную должность, там и скончался.

Мухаммед **Баш Хамба** (1881-1920) брат Али Баш Хамбы, окончил коллеж Садыкийя, работал по части финансового ведомства, заочно учился и сдал экзамены на диплом юриста. В 1913 г. уехал к брату в Стамбул, вернулся в январе 1914 г. и в марте того же года навсегда покинул родину. Во время первой мировой войны жил в Европе, с мая 1916 г. до сентября 1918 г. выпускал в Женеве «*La Revue du Maghreb*», умер в Берлине.

Али (Алляль) **Бельхаван** (1909-1958) видный деятель Нового Дустура, последний раз был избран в политбюро на чрезвычайном конгрессе партии в Сфаксе (1955 г.). Выходец из «патрицианской» семьи г. Тунис. Окончил школу восточных языков в Париже. Ценитель и знаток арабского литературного языка, автор статей и книг, посвященных национальной проблеме. Будучи преподавателем коллежа Садыкийя, пользовался особой популярностью среди учащейся молодежи, привлекая ее в ряды партии. Его задержание во Дворце правосудия 9 апреля 1938 г. послужило поводом к массовым уличным выступлениям. В тот же день подвергся аресту и помещен в военную тюрьму, откуда был выпущен, но 18 ноября 1939 г. вновь арестован по обвинению в покушении на государственную безопасность и разделил судьбу Бургибы в марсельской тюрьме Fort Saint-Nicolas. Освобожден в 1942 г. и доставлен в Италию, возвратился на родину в феврале 1943 г. В дальнейшем продолжал активную деятельность в руководстве партии, в августе 1946 г. подвергся непродолжительному аресту. 7 мая 1949 г. возглавил Тунисский комитет в защиту мира. (Наряду с Бельхаваном в бюро этого комитета вошли: профсоюзный деятель Нури Будали – заместитель председателя, а также член политбюро Тунисской компартии М. Джрад и представительницы женского движения). Весной 1950 г. подал в отставку с этого поста в связи с расхождениями, возникшими между Новым Дустуром и коммунистами. Был направлен в Каир (1951 г.), чтобы возглавить информационное бюро Нового Дустура. Затем руководил таким же бюро в Багдаде. В начале 1955 г. вернулся в Тунис, где возглавил «*Comité de secours national*». Выступая в послевоенной партийной печати, выражал, в отличие от Бургибы, скорее антизападнические настроения; подчеркивая, что «Восток подарил миру Ганди, а Запад – Гитлера»; тем не менее, встал на сторону лидера, когда осенью 1955 г. в партии разгорелась борьба между сторонниками Бургибы и «юсефистами», выступавшими с панарабских позиций. В 1956-1958 гг. занимал пост мэра столицы. Автор книги «*Тунис ас-Саура*» [Восставший Тунис], Каир, 1954, которая является одним из первоисточников по истории партии Новый Дустур.

Тахар **Бен Аммар** (ок.1890-1985) крупный землевладелец, сделавший состояние при протекторате, председатель Тунисской секции Большого Совета. Член руководства ранней партии Дустур, возглавлял в декабре 1920 г. ее вторую делегацию в Париж. С 1922 г. независимый политик. Премьер-министр тунисского правительства в 1954-1956 гг. Избран

депутатом Национального учредительного собрания, на первом заседании которого 8 апреля 1956 г. подал в отставку со своего поста. В 1957 г. был обвинен в сокрытии доходов от налоговой службы. Однако в действительности пострадал за прошлое «политическое преступление», которое заключалось в том, что он передал французским властям просьбу бея, чтобы полиция не оказывала партии Новый Дустур помощь в борьбе с вооруженными отрядами юсефистов. Вскоре был амнистирован.

Тахар Бен Ашур (1877-1973) богослов. Родился в г. Тунис. Выходец из старинной фамилии улемов-маликитов, славившихся своей эрудицией. В 1907 г. был назначен «делегатом» правительства по делам Большой мечети, с 1913 г. преподавал в коллеже Садыкийя, одновременно — кадий, с 1923 г. муфтий и с 1927 г. — великий муфтий (*баш муфти*). Трижды за свою жизнь занимал пост ректора университета аз-Зейтуна; входил в Совет по реформе богословского образования (в 1910 г. был отозван из него за слишком смелые предложения). Будучи уважаемым лидером движения за реформы в сфере обучения, явился в конце 1930 г. одним из гонителей шейха «низшего ранга» Тахара аль-Хаддада за его книгу «Женщина в шариате и нашем обществе». В 1932 г. новый поворот в карьере муфтия. Не без влияния выступлений зейтуновских студентов ушли в отставку первый министр правительства Халиль Бухаджеб и шейх-уль-ислам Ахмед Байрам — глава тунисской религиозной иерархии. Вслед за этим была проведена реорганизация всей системы духовного управления: вместо одного шейх-уль-ислама были назначены два — Мухаммед Бен Юсеф от ханифитов и Тахар Бен Ашур от маликитов. Последние, то есть аденты одной из четырех суннитских правовых школ, составляли в Тунисе, как и во всем Магрибе, абсолютное большинство мусульман. То, что впервые со времен османского завоевания на столь высокую должность назначен маликитский муфтий, было встречено с энтузиазмом в мусульманских кругах. 20 сентября 1932 г. Бен Ашур занял пост шейха-ректора аз-Зейтуны, где немедленно приступил к долгожданной реформе традиционного образования; она могла не нравиться студентам, но удовлетворяла ветеранов Дустура, которые принадлежали к сторонникам умеренного «мусульманского модернизма» (Иванов Н.А. Указ. соч., с. 140-141; *Abdel Moula M.* Op. cit., p. 124). Одновременно шейх попадает под огонь критики группы «L'Action Tunisienne» в связи с проблемой натурализации. В 1945 г. вторично возглавил университет, пообещав слушателям на сей раз продвинуть реформу обра-

зования в этом учебном заведении и посодействовать улучшению бытовых условий студентов, для которых впервые были созданы сносные общежития. После провозглашения независимости Туниса вновь назначается ректором богословского университета (апрель 1956 г.), который вскоре был превращен в факультет теологии государственного Тунисского университета. Менее консервативный, чем другие «патриархи» аз-Зейтуны, шейх Тахар Бен Ашур рассматривался Бургибой как человек, способный поддержать его реформы.

Фадель Бен Ашур (...-1970) богослов. Сын Тахара Бен Ашура и дочери бывшего премьер-министра (Мухаммеда Азиза Бу Аттура), классического царедворца. Преподавал в аз-Зейтуне и после второй мировой войны возглавил патриотическое движение «зейтуновской молодежи», которое впервые обрело лидеров в лице своих ученых наставников. Оно выступало, в частности, за реформу мусульманской образовательной системы и за уравнивание аттестатов аз-Зейтуны с дипломами светской школы. В июне 1945 г. избран президентом просветительского общества Халдунийа. В январе 1946 г. предоставил зал Халдунийи для собрания учредительного съезда ВТСТ, на котором был избран председателем профцентра (генеральный секретарь — Фархат Хашед). Однако эта председательская должность, созданная ad hoc для Фаделя Бен Ашура, была не более, чем почетной. В августе 1946 г. принял энергичное участие в организации межпартийного съезда («Съезд Независимости»), разогнанного полицией. В независимом Тунисе продолжал преподавательскую деятельность в аз-Зейтуне, превращенной в теологический факультет при Тунисском государственном университете, приглашался для чтения лекций в Марокко королем Хасаном II.

Хайраллах Бен Мустафа (1867-1965), бывший деятель движения младотунисцев, на ранних порах принимал участие в создании партии Дустур. Выходец из мамлюкской семьи, окончил в Тунисе коллеж Алауи. Шесть лет преподавал французский язык в коллеже Садыкийя, затем был переводчиком Высшего смешанного суда. В 1905 г. возглавил вновь созданную ассоциацию выпускников Садыкийи. В апреле 1922 г., будучи шефом дворцового протокола, получил из рук президента Французской республики А. Мильерана орден Почетного легиона, удостоился звания дивизионного генерала, тогда же был назначен на пост Директора управления кабусами (вакуфным имуществом). В дальнейшем отошел от политики.

Слиман Бен Слиман (1905-1986), врач, видный деятель Нового

Дустура, в тридцатых один из партийных вождей «второй волны». Родился в г. Загуан в семье мелкого торговца, содержателя бакалейной лавки, который, судя по мемуарам С. Бен Слимана, не особенно старался дать сыну приличное образование. Имел родственников, занимавшихся кожевенным ремеслом в столице, которые материальной помощи ему не оказывали. Окончил начальную школу в Загуане (1918 г.) и коллеж Садыкийя, куда поступил в 1919 г. по конкурсу, затем – медицинский факультет в Париже. Предварительно сдал во Франции экзамены на аттестат бакалавра, работая дежурным в школьных интернатах (как это делали многие его соотечественники в подобном положении). С 1934 г. участвовал в работе парижской ячейки партии Новый Дустур. В бытность свою во Франции сблизился с организацией «Североафриканская Звезда», а в период отсутствия Мессали Хаджа входил в ее коллективное руководство. По возвращении в Тунис летом 1936 г. немедленно присоединился к лидерам Нового Дустура, редактировал в период отлучек Бургибы газету «L'Action Tunisienne» и участвовал вместе с ним в пропагандистских турне, избран в политбюро делегатом II съезда партии (переизбран на III съезде). 4 апреля 1938 г. был арестован и до конца 1942 г. находился вместе с Хабибом Бургибой в тюрьмах, затем был вывезен в Италию, откуда вернулся в феврале 1943 г. и жил в Загуане. В конце 1945 г. открыл в Тунисе офтальмологический кабинет. С этого времени начинает симпатизировать коммунистам и все больше расходится с Бен Юсефом. После выхода представителей Нового Дустура из Тунисского комитета в защиту мира возглавил его вместо Али Бельхавана, в связи с чем 20 марта 1950 г. был исключен из партии. При этом многие полагали, что его исключение – фиктивное, произведенное с целью успокоить французские власти накануне выдвижения Бургибой программы «7 пунктов», или так называемого почетного компромисса с Францией. Оставался на посту председателя комитета до его отпуска в 1962 г., участвовал в многочисленных международных мероприятиях по линии движения в защиту мира. С 1960 г. по 1962 г. член редколлегии газеты «Tribune du Progrès», являвшейся рупором левой оппозиции, а фактически – органом ТКП. Запрет компартии сопровождался закрытием этой газеты. Сам же Бен Слиман с тех пор занимался исключительно медициной, но оставался кумиром левой студенческой молодежи. 13 августа 1973 г. был награжден орденом почета. Получая его из рук президента, сказал: «Дайте нам больше свободы!» (Ben Slimane S. Souvenirs Politiques, Tunis: CERES, 1989, p. 384).

Салах Бен Юсеф (1909-1961) видный деятель Нового Дустура. Исключен из партии на V съезде в ноябре 1955 г. Уроженец о-ва Джерба, выходец из зажиточной семьи торговцев, практикующий адвокат. Получил среднее образование в коллеже Садыкийя, высшее – в Париже, где закончил факультет права (1933 г.) и Свободную школу политических наук (1934 г.). В начале 1934 г. возглавил в Париже группу студентов-энтузиастов, распространявших газету «L'Action Tunisienne», осенью того же года вошел во 2-ое подпольное политбюро Нового Дустура, в январе 1935 г. был арестован и сослан на Крайний юг Туниса, с июня 1936 г. член политбюро. Яркий оратор, он вскоре занимает второе после Бургибы место в партийной иерархии. Вместе с другими членами политбюро, задержанными в апреле 1938 г., находился под арестом до конца 1942 г. Освобожден немцами и перевезен в Италию. Разделял антифашистские взгляды Бургибы. Возобновил политическую деятельность с 1943 г., стал заместителем генерального секретаря, а затем – генеральным секретарем Нового Дустура; тогда как для Бургибы, находившегося в эмиграции, был восстановлен упраздненный в 1938 г. пост председателя партии. В 1945-1949 гг. Бен Юсеф являлся организационным руководителем Нового Дустура. В начале 1950 г. вошел с портфелем министра юстиции в правительство Шеника. В этом качестве 13 января 1952 г. направился в Париж вместе с другим министром – Мухаммедом Бадра, сочувствовавшим партии. Они имели поручение донести требования Нового Дустура до Генеральной ассамблеи ООН, заседавшей во французской столице. Здесь обоих министров застало известие об очередном запрещении партии. Не ищущая судьбу, в марте 1952 г. Бен Юсеф эмигрировал в Швейцарию, затем в Каир. В составе делегации наблюдателей из Северной Африки участвовал в работе Бандунгской конференции (18-24 апреля 1955 г.), после которой остановился в Каире. Вернулся на родину 13 сентября 1955 г. Немедленно разразился его конфликт с Бургибой, втянувший в свой водоворот партию и полстраны. Историки считают, что долгие годы между Бен Юсефом и Бургибой шла лишь борьба амбиций, обнажившаяся на III съезде Нового Дустура (1948 г.), к которому генеральный секретарь успел заполнить центральный партийный аппарат своими людьми. Вместе с тем, он разделял идею Бургибы о поэтапном движении к независимости при сотрудничестве с Францией, даже готов был идти на более значительные уступки, чем первый. Резкий переход Бен Юсефа к отрицанию политиче-

ского курса Бургибы имел место после Бандунга, где впервые возшла звезда Гамалья Абдель Насера как предводителя движения арабского единства. 28 января 1955 г., получив предупреждение о своем возможном аресте, Бен Юсеф скрылся в Ливии (31 января перешел границу), но после заключения ливийско-туниского межгосударственного соглашения (подписано 6 января 1957 г.) был вынужден покинуть эту страну, где был лишен статуса политического беженца. Переселившись 2 января в Каир, вел отсюда активную пропаганду за свержение «кровавого диктатора» Бургибы, обвиняя его «в желании разрушить мусульманские устои, бросить народ в пучину ереси и разврата, отдать страну в руки Запада» и т.п. 24 мая 1957 г. был заочно приговорен к смертной казни. Участвовал в заговоре начала 1958 г. На судебном процессе, происходившем в Тунисе 3 октября 1959 г., 123 человека были признаны виновными в «юсефистском заговоре», имевшем целью покушение на жизнь президента, в том числе 8 осужденных казнены и 7 человек приговорены заочно к высшей мере наказания. 14 августа 1961 г. Салах Бен Юсеф получил смертельное ранение в висок в одном из отелей Франкфурта-на-Майне, где его посетили двое неизвестных. Инцидент остался неразгаданным. Одни в Тунисе считали убийство делом рук людей, близких к Бургибе. Другие строили предположения, что в нем могли быть замешаны египтяне, поскольку именно в это время, в разгар бизертского кризиса, наметилось сближение между Каиром и Тунисом. Следовательно, Бен Юсеф становился неудобным для Насера политическим иммигрантом. Но последней версии противоречит тот факт, что жена бывшего генерального секретаря, которая сопровождала его в ФРГ и могла знать, с кем ему предстояло там встретиться, затем вернулась на жительство в Египет. Полагают, что «таинственная пара» посетителей состояла из земляков Бен Юсефа, выходцев с о-ва Джерба, которым он спокойно открыл дверь; некоторые тунисцы называют их предполагаемые имена. Президент, узнав о случившемся, туманно высказался насчет того, что это не во вред стране. А некто аль-Уардани, пользовавшийся его расположением, якобы похвалялся спустя годы, что это он сделал выстрел (*Achour H. Ma vie politique et syndicale, Tunis: Alif, 1989, p. 182*). Так или иначе, Бен Юсеф, чья жизнь оборвалась спустя три недели после франко-туниского вооруженного конфликта из-за Бизерты, оказался едва ли не единственным из старых друзей-соперников Бургибы по участию в антиколониальной борьбе, с которым президент не мог пойти ни на какое

примирение. Его прах ныне перевезен в Тунис.

Между тем часть юсефистов была выпущена на свободу задолго до окончания их тюремного срока. Некоторые сделали завидную карьеру. Например, один из них, поддерживавший в 1955 г. Бен Юсефа от имени Всеобщего тунисского союза земледельцев (UGAT), возглавил с 1961 г. Управление государственным земельным фондом (*Office des Terres Domaniales*), а бывший синдикалист Тахар Амира, приговоренный в 1958 г. по делу о юсефистском заговоре к 20 годам каторжных работ, в 1962 г. прямо из тюрьмы направился в директорат новой тунисской сталелитейной компании (*Cl.-H. Moor, Tunisia since Independence. The Dynamics of One-Party Government, Berkley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1965, p. 97*).

Бешир Бен Яхмед (р. 1929). Выходец с о-ва Джерба, получил высшее образование во Франции, где примкнул к студенческой организации Нового Дустура, в апреле 1955 г. возглавил редакцию газеты «L'Action», которая решительно выступила против движения юсефистов. В первом правительстве Бургибы, сформированном в апреле 1956 г., занял пост министра информации. Выступал против однопартийной системы, в связи с чем эмигрировал. В настоящее время живет во Франции, главный редактор основанного им парижского журнала «Jeune Afrique».

Хабиб Бугетфа (1903-1943), деятель Нового Дустура, делегат I и II съездов партии. Сыграл активную роль в событиях 1933 г., поддержав «кампанию против натурализации». На учредительном съезде Нового Дустура в марте 1934 г. был избран членом его Национального Совета и возглавил партийную организацию в Бизерте; там же 8 января 1938 г. поднял демонстрацию против ареста Хасана Нури, председателя городской секции Нового Дустура и секретаря бизертского отделения «второй» ВКТТ (последний был выслан в Алжир). Это выступление было подавлено французскими силами правопорядка и стоило человеческих жертв. Помещенный под стражу, Хабиб Бугетфа в мае 1940 г. был вместе с другими руководителями партии отправлен в марсельский Fort Saint-Nicolas, оттуда переведен на положении интернированного в г. Трец. Освобожден в 1943 г. и вернулся на родину, но 7 мая того же года бежал из страны. Погиб при бомбардировке военного судна, направлявшегося в Италию.

Васила Бургиба (1912-1999), урожденная Васила Бен Аммар,

вторая жена президента Бургибы, с которой он познакомился в 1943 г. (в доме ее братьев, портных, членов Нового Дустура, в свое время отбывавших ссылку в Bordj-Lebeuf). Родилась в г. Тунис и первым браком была замужем за сравнительно небогатым чиновником Бен Шадли, от которого имела дочь. Принимала участие в работе женских организаций, связанных с Новым Дустуром. Некоторые биографы Бургибы рассматривают его развод с верной спутницей жизни, Матильдой, и брак с уже немолодой Василией как политический ход, рассчитанный на альянс с влиятельным кланом Бен Аммаров. Однако есть факты, которые опровергают эту версию. Кстати, она происходила из другой семьи, нежели крупный землевладелец Тахар Бен Аммар (см. выше). После вступления в 1962 г. во второе супружество становится председателем Союза тунисских женщин. Еще с 1956 г. вмешивалась в политические дела и назначения, а в 70-е годы поддерживала фракцию «либералов» в СДП и неодобрительно относилась к идее Бургибы учредить собственное пожизненное президентство. В 1986 г. их брак был расторгнут. Василия уехала в США. Затем вернулась в Тунис, где вела замкнутый образ жизни, избегая давать интервью.

Жан-Хабиб Бургиба (р. 1927) сын президента Бургибы. Родился в Париже и до совершеннолетия имел французское гражданство; высшее юридическое образование получил во Франции. До провозглашения независимости Туниса принимал участие на вторых ролях в деятельности партии Новый Дустур, работал в составе ее нью-йоркского представительства. В июле 1956 г. получил назначение поверенным в делах в США. С октября 1957 г. посол в Италии, в 1958-1961 гг. — во Франции, в 1961-1963 гг. посол в США и по совместительству в Канаде и Мексике. В 1959 г. входил в состав специальной миссии ООН в Лаосе. В качестве представителя тунисского правительства выезжал со специальными миссиями в Индонезию, Малайзию, Конго и Аргентину. В январе 1964 г. назначен государственным секретарем по делам президентства, в том же году на VII съезде Нового Дустура был избран в состав политбюро и становится заместителем генерального секретаря партии. Затем неоднократно избирался членом ЦК и политбюро СДП. В ноябре 1964 г. занял пост государственного секретаря по иностранным делам. В июне — ноябре 1970 г. министр юстиции, с марта 1971 г. председатель совета директоров Национального инвестиционного общества, позднее переименованного в Тунисский банк экономического развития (ТБЭР). Особый советник президента Бургибы и вместо него — мэр

г. Монастир. В период своей работы во главе ТБЭР (до 1988 г.) содействовал привлечению иностранных, в том числе арабских капиталов в экономику страны; выступил инициатором создания Тунисского института информатики. В качестве политического преемника отцом не рассматривался и больших богатств от него не унаследовал. Ныне — пенсионер, имеет троих детей и восемь внуков. С 2002 г. член «Клуба Монако», учрежденного под председательством князя Монако, принца Альберта, и объединяющего общественных деятелей, ратующих за поиск мирного урегулирования конфликтных проблем в зоне Средиземноморья.

Матильда Бургиба (1890-1976), урожденная Матильда Лоррэн, первая жена Хабиба Бургибы и мать его единственного сына. Познакомилась с ним в 1925 г. В то время, вдовствуя, носила фамилию Лефра по бывшему мужу-офицеру, погибшему на войне, и служила в министерстве финансов. Вернувшись с новым супругом в Тунис, где они и оформили брак, сама политикой никогда не занималась, но завоевала всеобщее уважение, разделяя с мужем тяготы его судьбы то подпольщика, то ссыльного, то арестанта. В самые тяжелые минуты партия собирала для нее с сыном деньги, а Матильда выполняла роль почтальона между тюрьмой и товарищами Бургибы, оставшимися на свободе. В 1959 г. перешла в ислам и приняла имя Мунира. После развода (1961 г.) отношения между бывшими супругами оставались почтительными, президент еженедельно навещал Матильду/Муниру, она была награждена из его рук почетным орденом, похоронена в боковом пределе мавзолея Бургибы в Монастире, рядом с родителями и братьями президента, чей прах был сюда перенесен.

М'хамед Бургиба (1887-1953) адвокат. Первым из старших братьев будущего президента активно занялся политикой; 18 декабря 1921 г. избран в бюро Тунисской федерации ФКП, которая образовалась в начале того же года в результате раскола местной федерации социалистов. В этом бюро занял пост заместителя генерального секретаря. Одновременно принимал участие в дустуровском движении, однако вышел из партии Дустур вместе с группой «либералов-западников», образовавших малочисленную и недолговечную Реформистскую партию. С 1932 г. член редакционного совета газеты «L'Action Tunisienne», затем один из пяти соучредителей партии Новый Дустур; арестован вместе с братом 3 сентября 1934 г. и сослан на Крайний Юг. Получил освобождение ровно через год, публично ра-

зрвав отношения с новой партией и отрекшись в своем письме, попавшем в прессу, от политического «экстремизма» Хабиба Бургибы. Этот эпизод не разрушил, однако, связь между братьями. Во всяком случае, после второй мировой войны, когда Хабиб Бургиба находился в Каире, он вел с М'хамедом переписку и давал ему некоторые поручения политического характера.

Махмуд Бургиба (1893-1952) служавший, брат Хабиба Бургибы. В 1921-1922 гг. участвовал в работе коммунистической ячейки г. Тунис. С 1934 г. член Нового Дустура, на следующий год возглавил 4-ое (подпольное) политбюро; впервые арестован осенью 1935 г., вторично – в начале апреля 1938 г. Отбывал тюремное заключение сначала в Тунисе, затем во Франции (Fort Saint-Nicolas), освобожден вместе с другими членами руководства Нового Дустура 16 ноября 1942 г. и вывезен в Италию, вернулся на родину в феврале 1943 г. Впоследствии, заболев, отошел от политической деятельности. Работал литературным редактором в издательстве нескольких тунисских газет. Известен еще и тем, что оказывал материальную помощь Хабибу Бургибе не только в годы завершения его учебы, но и в трудный период, когда младший брат, вернувшись с семьей из Парижа, стажировался почти без денежного вознаграждения во французской адвокатской конторе.

Али Бухаджеб (1888-1965) один из ранних соратников Бургибы. Уроженец г. Тунис, выходец из знатной семьи, фармацевт. Учился и многие годы работал во Франции, где в 1922 г. вступил в СФИО, затем вошел в партию Дустур (1930 г.) и сотрудничал в ее газетах. С 1 ноября 1932 г. член редколлегии «L'Action Tunisienne», которая размещалась в его аптеке. На майском съезде партии Дустур (1933 г.) был избран в Исполком вместе с группой издателей этой газеты, однако к тому времени уже разошелся с Бургибой и в дальнейшем остался в рядах Старого Дустура. С 25 июля 1936 г. по 4 апреля 1938 г. выпускал газету «La Charte Tunisienne». Во время итало-немецкой оккупации находился в г. Эль-Кеф, оставшемся в тылу союзников, где оказывал им помощь. По окончании военных действий стал членом муниципального совета г. Тунис. В 1947-1950 гг. занимал вновь созданный пост министра здравоохранения в правительстве Мустафы Каака.

Хасан Геллати (1880-1966) главный представитель не получившего развития в Тунисе движения «ассимиляционистов», выступавших за уравнивание в правах коренного населения с европейцами под режимом протектората. Уроженец Алжира, он в годовалом возрасте переехал с семьей в

Тунис; по достижении совершеннолетия сохранил алжирское гражданство «не из сентиментального кокетства..., а просто, потому что не мог поступить иначе без риска навлечь на себя недовольство старших родственников» (Zmerli S. Figures tunisiennes. Les Contemporains et les Autres. Tunis: M.T.E., 1972, p.115). Его отец – Али бен Ахмед Геллати, выпускник Алжирского императорского лицея (Lycée Impérial d'Algér), служил в Тунисе судебным переводчиком и принадлежал к высшим общественным кругам. Стремился дать сыну широкое образование, приглашал к нему домашних учителей из аз-Зейтуны и направил в лицей Людовика Святого (позже – лицей Карно). Окончив его в 1898 г., Хасан Геллати получил высшее юридическое образование в Тулузе, с 1902 г. занимался адвокатской практикой.

Состоял в лидерах движения младотунисцев, 12 марта 1912 г. был арестован и выдворен в Алжир; через шесть месяцев получил амнистию, вернулся в Тунис, где возглавил просветительское общество Халдунийа. Один из основателей тунисской федерации Французской социалистической партии (СФИО), представлял ее на съезде в Туре (декабрь 1920 г.), где голосовал против резолюции за присоединение к III Интернационалу. Главный разработчик (вместе со своим другом Мухаммедом Ноаманом) манифеста и программы Либерально-конституционной партии – Дустур. В 1921 г. создал Реформистскую партию, скорее клуб единомышленников, выпускавших газету «аль-Бурхан», переименованную (с 1923 г.) в «Нахда». В период наивысшего подъема довоенной деятельности партии Новый Дустур (1936-1938 гг.) газета «Нахда» выражала ей сочувствие. Будучи адвокатом по делу арестованных после событий 9 апреля 1938 г., Хасан Геллати получал письма от Хабиба Бургибы из марсельской тюрьмы Fort Saint-Nicolas. Рассчитывая на свои связи в политических кругах метрополии, выезжал в Виши (1940 г.) с попыткой добиться освобождения марсельских узников. Воссоздание Реформистской партии под его руководством имело место в 1944 г. и не увенчалось успехом. Садок Змерли, автор его биографии и бывший соратник по движению младотунисцев, сожалел о том, что столь эрудированный и осведомленный человек не оставил никаких мемуарных записок. Вместе с тем подчеркивал, что Геллати в целом одобрял политику модернизации, предпринятую правительством Бургибы, особенно – меры по женской эмансипации. Держал в своем доме светский салон, где «образованные и культурные люди свободно обменивались идеями и обсуждали текущие события». В последние годы жизни страдал амнезией, из которой выходил лишь в редкие минуты, «тихо декламируя то

Биографическое приложение

строфу из Мюссе, то рубай Хаяма) (*Zmerli S. Op cit.*, p. 124).

Бахри Гига (1904-198-) один из пяти соучредителей партии Новый Дустур, адвокат, школьный товарищ Бургибы. Родился в горном селе Такруна (неподалеку от Хаммамета). Закончил коллеж Садикыйя (1921 г.) и лицей Карно (1924 г.). В Париже поступил на юридический факультет Сорбонны и в Свободную школу политических наук. В 1928 г. вернулся в Тунис, где был принят в коллегию адвокатов, в 1930 г. защитил в Париже диссертацию «Эволюция мусульманского права и его применение в юридической практике Туниса». Сотрудничал в газетах «La Voix du Tunisie» и «L'Action Tunisienne», 2 марта 1934 г. избран в политбюро Нового Дустура, в начале 1935 г. сослан в Bordj-Leboeuf, в 1936 г. снова вошел в руководство партии. Был арестован 22 апреля 1938 г., затем выпущен из тюрьмы, дав показания против Бургибы и выступал личным адвокатом Хеди Шакера. В первой половине 1943 г. сотрудничал в правительстве Шеника как инспектор каидатов, позднее отошел от активной политической деятельности. В 1959 г. был избран в Национальное собрание по списку Нового Дустура, привлекался к ответственной работе по земельному ведомству.

Жан Даниель (р. 1920) французский журналист. Родился в алжирском г. Блида. После войны жил во Франции. С осени 1954 г. корреспондент по Северной Африке газеты «L'Express». Автор книг публицистического жанра, освещавших ход алжирской войны и события в Тунисе, в том числе «бизертский кризис» 1961 г., в ходе которого получил ранение.

Али Джрад (1911-...) деятель Тунисской компартии (ТКП), до ее III съезда – генеральный секретарь. Родился в г. Метвия под Габсом. Воспитывался матерью, так как его отец, работая тачечником, обосновался в г. Тунис, куда к нему в 1922 г. переехала семья; здесь же – в квартале Халь-фавин жили многие их родственники-однофамильцы. Али Джрад начал учебу в аз-Зейтуне, с 1925 г. принимал участие в работе дустуровской ячейки своего квартала, являлся поклонником Тахара аль-Хаддада. Впервые арестован в 1926 г. и приговорен к двум годам заключения за распространение листовок, обличавших военные действия французской армии в Рифе и Джебель Друзе. В тюрьме оказался вместе с коммунистом Робером Беком, который научил его французскому языку, рассказывал о европейской литературе и заразил интересом к марксистской теории. Выйдя на свободу, Али Джрад вступил в коммунистическую секцию ФКП, которая

Биографическое приложение

направила его в Москву. Обучался в Университете народов Востока. 16 августа 1935 г. был арестован и сослан в Bordj-Leboeuf. В 1939 г. избран генеральным секретарем ТКП. Вновь возглавил партию после освобождения Туниса от немцев. На митинге 7 ноября 1943 г. объявил Монсеф-бея «пособником фашизма» и тем самым способствовал изоляции компартии в общественном мнении мусульманского населения Туниса. На следующий год коммунисты присоединились к требованию вернуть Монсеф-бея, а в августе 1946 г. участвовали в «Съезде Независимости», но с 1947 г. сфокусировали огонь своей критики на американском империализме и разоблачении плана Маршалла, несколько оторвавшись от насущных проблем Туниса. В этот период Али Джрад переходит на националистические позиции, за что на III съезде ТКП в мае 1948 г. был исключен из партии. Перед этим он направил письмо в ЦК, где отметил, что главной задачей, с его точки зрения, является борьба с французским колониальным режимом, а не противодействие агрессивным замыслам США, и задавал прямой вопрос: «Каким конкретным способом можно бороться в Тунисе против Америки Трумэна и империалистического лагеря, который она возглавляет?» (*Kraïem M. Op. cit.*, p. 266).

Рашид Дрис [Идрис] (р. 1921) партийный и государственный деятель. Уроженец г. Тунис, где окончил коллеж Садикыйя. После событий 9 апреля 1938 г. был арестован на три месяца, затем принимал активное участие в подпольной деятельности партии Новый Дустур. Снова арестован в 1941 г. с приговором на 5 лет тюрьмы и 10 лет изгнания. Освобожден в декабре 1942 г. В период немецкой оккупации выпускал газету «Ифрикийя аль-Фатат», однако на определенном этапе разошелся с Хабибом Таме-ром и был исключен из партии. Стал выпускать газету «аш-Шабаб» («Молодежь»). В мае 1943 г. бежал из Туниса, приговорен заочно к смертной казни. До 1955 г. находился в эмиграции, с 1946 г. – в Египте, а также в Индонезии и Пакистане, где являлся представителем партии Новый Дустур. Вернувшись в Тунис, стал работать в газете «аль-Амаль», с 1956 по 1964 г. входил в кабинет министров, в 1964-1970 гг. посол в Вашингтоне и Мексике, затем постоянный представитель Туниса в ООН, профессор юридического факультета Тунисского университета и редактор его журнала, специалист по международным проблемам. В 1991 г. был назначен руководителем Высшего комитета по защите прав человека (правительственная организация).

Шарль-Андре Жюльен (1891-1991) французский историк и полити-

ческий деятель. Родился во Франции, тридцать лет преподавал в средней школе и около двадцати посвятил работе в различных высших учебных заведениях. Возглавлял кафедру Колониальной истории Сорбонны; основатель и первый декан гуманитарного факультета в Рабатском университете (1957-1961), а также – один из организаторов Тунисского университета. Лауреат многих академических премий, кавалер тунисского Ордена Независимости (Grand Cordon de l'Ordre de l'Indépendance). Автор многочисленных научных трудов.

Как кандидат от социалистов на кантональных выборах (декабрь 1919 г.), одержал успех в алжирском департаменте Оран. После образования Французской компартии (ФКП) являлся ее делегатом в Северной Африке и членом секции Коминтерна в г. Оран. Участник III конгресса Коминтерна в Москве. Весной 1921 г. совершил большое пропагандистское турне, посетил Тунис, где провел около месяца, выступая с лекциями по городам. Большое внимание уделял опыту Парижской Коммуны и Советской России, был гостем Робера Лузона, руководителя местной федерации ФКП (тогда: Французской секции Коминтерна). 27 марта 1921 г. под председательством Ш.-А. Жюльена в г. Ферривиль (ныне Мензель-Бургиба) состоялось учредительное заседание этой федерации и был избран ее первый исполком, приступивший к созданию партийных ячеек. В начале двадцатых Ш.-А. Жюльен являлся одним из ярких выразителей линии ФКП, особенно ее алжирской федерации, в колониальном вопросе. Вразрез с тогдашними тезисами Коминтерна, выступал против поддержки национальных движений, доказывая, что любой инспирированный националистами мятеж приведет к кровавой бойне и может лишь заменить колониальный режим властью мусульманской олигархии, которая усилит эксплуатацию народных масс (см. *Kraïem M. Le Parti Communiste Tunisien pendant la période coloniale, Tunis, Institut Supérieur du Mouvement National, 1997, p. 70, 115*). В дальнейшем его взгляды претерпевали изменения. В 1936-1939 гг. – генеральный секретарь Высшего комитета по Средиземноморью и Северной Африке при совете министров Франции; в 1947-1958 г. советник по вопросам Французского союза.

Среди его наиболее известных работ переведенная на русский язык «История Северной Африки» в двух томах (М., 1960 г.). В оригинале эта книга, охватывающая период с древнейших времен до французского завоевания Алжира, была опубликована частями в 1913-1930 гг. и не свободна от устаревших взглядов, игравших на руку апологетам французского

колониализма. Для книги характерно изображение Магриба как объекта взаимодействия внешних по отношению к региону цивилизаций (пунической, римской и т.д.), а в мусульманскую эпоху – арены циклической борьбы арабских и берберских династий, истощающей и бесплодной. В своей практической деятельности 30-х годов и научных публикациях более позднего периода Ш.-А. Жюльен отличался симпатией к представителям антиколониальной оппозиции, в том числе к Новому Дустуру, что нашло отражение в его не менее известной книге: «L'Afrique du Nord en marche. Nationalismes musulmans et souveraineté française», опубликованной в Париже (1952 г.) и выдержавшей несколько переизданий. В книге резко критиковалась политика французских властей, не отдававших себе отчет о реальных процессах, происходивших в Северной Африке, однако автор с неодобрением отзывался и о позиции Нового Дустура в 1937-1938 г., которая привела к трагедии 9 апреля и роспуску партии. Четвертое переиздание этой монографии по авторской редакции 1972 г. увидело свет в Тунисе (2002 г.). В нашей работе мы обращаемся также к одной из последних публикаций автора, посвященных завершающему периоду завоевания Тунисом независимости (*Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante... (1951-1957), Paris: Les Editions Jeune Afrique, 1985*). Эту книгу автор посвятил Пьеру Мендес-Франсу, который на своем посту председателя французского правительства (июнь 1954 – январь 1955) сыграл большую роль в процессе мирного освобождения Туниса, пойдя навстречу предложениям партии Новый Дустур.

Садок Змерли (1885-1983) участник движения младотунисцев. Выходец из знатной «турецкой» семьи. Учился в коллеже Садыкия, но полный цикл обучения не закончил. Сотрудничал в арабской редакции «Le Tunisien» и в газете «аль-Иттихад аль-исламий». В марте 1912 г. был послан в Кайруан, затем на юг Туниса. В 1920 г. принимал участие в создании партии Дустур, затем отошел от нее, сблизившись с деятелями Реформистской партии. В 1922-1934 гг. работал в министерстве юстиции, которое в те годы возглавлял Тахар Хайрадин, сын знаменитого Хайрадина-наши. В правление Монсеф-бея являлся шефом дворцового протокола. Автор исторических трудов и биографий выдающихся тунисских деятелей.

Шедли Касталли (ок. 1880-1953) – один из основателей партии Дустур и Реформистской партии, издатель газеты «ан-Нахда». Фамилия

Касталли прямо указывает на андалусские корни его родословной; бывший *амин* (глава) корпорации золотых и серебряных дел мастеров г. Тунис. В послевоенный период его газета являлась умеренно националистической и тяготела скорее к Старому Дустуру. В мае 1953 г. баллотировался в столичный муниципальный совет и погиб от руки тунисских террористов, стремившихся сорвать эти выборы.

Жорж Катру (1877-1969) – французский генерал и дипломат, уроженец Лиможа. Имел репутацию либерально-прогрессивного деятеля, хотя в действительности стремился на тех постах, которые занимал, к консолидации владений французской империи. Военную карьеру начал в 1900 г. с участия в «умиротворении» алжирской Сахары, после фронтов первой мировой войны служил в Хиджазе и Дамаске, в 1923-1925 г. – военный атташе в Турции, затем участник подавления восстаний Абд аль-Крима и друзов в Сирии, в 1931-1935 гг. служил в Марракеше, затем командовал армейским корпусом в Алжире (до 1939 г.) и ушел в запас. Назначен генерал-губернатором Индокитая, где его застала вторая мировая война. 25 июня 1940 г. получил приказ сдать свой пост вице-адмиралу Деку. В сентябре того же года добрался до Лондона, где 8 июня 1941 г. выступил с декларацией, обещавшей положить конец мандатному режиму и предоставить Сирии и Ливану статус независимых республик. В тот же день правительство Англии официально поддержало это заявление. 25 июня 1941 г. генерал Катру вместе с союзными войсками, состоявшими из британских частей и батальона «Сражающейся Франции», прибыл на Ближний Восток, где принял обязанности Верховного комиссара Сирии и Ливана; настаивал на возвращении к формуле их договоров с Францией от 1936 г., а в марте 1943 г. дал согласие на восстановление отмененных в 1939 г. конституций обеих стран. 3 июня 1943 г. становится членом ФКНО, возглавив комиссариат по координации мусульманских дел, одновременно был назначен исполняющим обязанности генерал-губернатора Алжира. Столкнувшись с менталитетом здешней поселенческой колонии, он поражался «духу узкого консерватизма», который десятилетиями проявляют «имущие классы в наших владениях» (*Catroux G. Dans la bataille de la Méditerranée. Egypte-Levant-Afrique du Nord, Témoignage et commentaires, Paris: Juillard, 1949, p. 432*). Вместе с тем, генерал Катру, считавший, что впереди еще задача добыть победу, отклонил «Манифест алжирского народа» и заявил 23 июня 1943 г.: «единство Франции и Алжира – догма». В отношении этой страны он считал

предпочтительным курс на «симбиоз французов и мусульман» и подчеркнул, что «никогда не допустит независимости Алжира». 7 марта 1944 г. выпустил ордонанс, направленный на ассимиляцию алжирцев и предоставлявший льготы (в том числе электоральные) франко-мусульманам. 9 сентября сдал пост генерал-губернатора Иву Шатиньо. Был назначен послом в Москву, где 27 февраля 1945 г. вручил М.И. Калинин верительные грамоты. С марта 1948 г. он советник правительства Франции; в декабре того же года, после выступления на конференции по Вьетнаму, был освобожден от этих обязанностей (*Dictionnaire biographique français contemporain, Paris: Pharos, 1950, p. 125-126*).

Осенью 1953 г. возглавил общественный комитет, выступавший за скорейшее предоставление Тунису внутренней автономии; позже сыграл свою роль в урегулировании марокканского кризиса, выезжал на Мадагаскар для встречи с сосланным султаном. В начале 1956 г. оказался в центре политического скандала, разразившегося вокруг Алжира. Правительство социалиста Ги Молле намеревалось направить его в Алжир на губернаторский пост (переименованный в пост «постоянного посланника»). В парламенте раздался голос: «Катру – это символ отказа от Алжира». Мэр Алжира предупредил Ги Молле, чтобы он не появлялся здесь вместе с генералом: «Я не хочу, чтобы председатель совета министров и великий канцлер ордена Почетного легиона (Катру – *М.В.*) были растерзаны толпой». Премьер отправился с визитом в Алжир один, где 6 февраля получил от демонстрантов град тухлых яиц и помидоров. Мрачное совпадение этой выходки «ультра» с 22-й годовщиной попытки фашистского путча полковника де ля Рокка заставило Ги Молле подыскать другую кандидатуру вместо Катру, который собирался прибыть к месту службы 10 февраля. (См.: *Ланда Р.Г. Кризис колониального режима в Алжире 1931-1954, М.: Наука, 1980, с. 115; Черкасов П.П. Агония империи, М.: Наука, 1979, с. 33-35*).

Мохиддин Клиби (1897-1954) деятель партии Старый Дустур. Родился в г. Тунис, образование получил в аз-Зейтуне. Имел торговое заведение на улице Шерстяных тканей в медине, но был беден. Вступил в партию Дустур с момента ее создания, а 29 октября 1922 г. вошел в состав Исполкома. Показал способности в ораторском искусстве; автор патриотических статей и острых памфлетов. Обратил на себя внимание шейха Таальби, который в конце 1923 г. назначил Клиби «директором партии», как бы завещав ему свое дело. Сотрудничал в различных дустуровских изданиях: «*Лисан аш-Ша'аб*» («Глас народа»), «*Аль-Умма*» («Нация»), «*Ирада*» («Добрая воля»). Испове-

довал взгляды, близкие к салафизму, и с этих позиций вел в 1930-1931 гг. кампанию против Тахара аль-Хаддада. В 1933-1934 гг. один из основных оппонентов группы «L'Action Tunisienne», на базе которой образуется партия Новый Дустур. Однако он гневно осуждал репрессии против членов ее политбюро. На торжественной молитве в Большой мечети обратился к бою с просьбой их освободить, за что в начале января 1935 г. был арестован и сам попал в Bordj-Lebœuf вместе с лидерами новой партии. Несмотря на непрерывную политическую конфронтацию с Бургибой, хлопотал по своим каналам о его освобождении из марсельской тюрьмы. В 1947-1949 гг. находился в Египте, где вместе с шейхом-азхариотом аль-Хадером Хусином (аль-Хусейном), уроженцем Туниса, создал Фронт в защиту Северной Африки, который в 1948 г. вошел в Комитет освобождения Арабского Магриба (КОАМ). Клиби представлял в нем Старый Дустур. Активный участник «монсефистского» движения; опубликовал в Каире книги «Драма одной династии» и «Король Туниса». В 1952 г. вновь выехал на Ближний Восток, основал в Каире Тунисский дом и участвовал в Иерусалиме в консультациях по созданию новой международной мусульманской организации. 1 декабря 1954 г. умер в Дамаске.

Бахи Ладхам (1913-1998) партийный и государственный деятель. Родился в г. Тунис в семье мелкого коммерсанта, державшего продовольственную лавку на площади Бэб-Саадун. Закончил коллеж Садыкийи. Впервые подвергся аресту в 1930 г. среди школьников-демонстрантов, протестовавших против Евхаристического конгресса. С 1934 г. примкнул Новому Дустуру. В 1938 г. после повальных арестов среди руководства партии возглавил 5-ое (подпольное) политбюро Нового Дустура, которое вскоре было раскрыто, провел почти четыре месяца в тюрьме, выпущен на свободу и снова арестован. Осенью 1939 г. сослан в концентрационный лагерь «Maison Carrée» (г. Алжир), затем – в Ламбезе на юге Алжира, откуда был освобожден после высадки союзников. В послевоенный период – активный участник партийной деятельности в Тунисе. Служил, работая секретарем тунисской Торговой палаты. В начале 1952 г. выехал в Париж вслед за Салахом Бен Юсефом и Мухаммедом Бадрой (министрами второго кабинета Шеника), оттуда перебрался в Каир. С апреля 1952 до октября 1955 г. находился в США, где добивался решения тунисского вопроса на уровне ООН. За это время из-под его пера вышли многочисленные обращения к афро-азиатским и латиноамериканским государствам с просьбой выступить адвокатами тунисского дела перед Организацией объединенных наций. Во

время переговоров тунисской делегации в Париже о предоставлении Тунису внутренней автономии разделял точку зрения Салаха Бен Юсефа, не одобрявшего эти переговоры и пытавшегося их сорвать. Затем перешел в лагерь Бургибы. Председательствовал на V съезде партии в Сфаксе (ноябрь 1955 г.) и был избран ее генеральным секретарем. В январе 1956 г. занял пост вице-премьера в кабинете Тахара Бен Аммара и в этом качестве был членом делегации на переговорах в Париже о предоставлении Тунису независимости. В апреле 1956 г. становится вице-премьером в правительстве Бургибы, а с 29 июля 1957 г. возглавлял президентскую администрацию (secrétariat d'Etat à la Présidence), одновременно являлся государственным секретарем по делам обороны (1957-1966 гг., вторично в 1968 г.) После восстановления соответствующего поста назначен премьер-министром (7 ноября 1969 – 6 ноября 1970). В сентябре 1970 г. являлся главой межарабской комиссии по урегулированию палестино-иорданского конфликта. В восьмидесятых находился в эмиграции. Его переписка с Ф. Хашедом, Салахом Бен Юсефом, Али Бельхаваном и Ахмедом Бен Салахом опубликована в сборнике: *Ladgham B. Correspondance 1952-1955. Les années décisives*, Tunis: Cérès Production, 1990.

Ахмед Тауфик аль-Мадани (1899-1983) один из основателей партии Дустур. Уроженец Туниса, имевший алжирское гражданство (подданство). Учился в аз-Зейтуне. С 1920 г., не завершив образования, посвятил себя политической деятельности. Впервые подвергнут аресту в феврале 1915 г. за то, что переписывался с родственниками в Стамбуле, опубликовал в алжирской газете умеренно критические статьи и вывесил на дверях мечети аз-Зейтуна листок со стихами, впрочем, чужого сочинения (их автором был Ш. Хазнадар) против воюющих держав Антанты. Французскому языку обучался самостоятельно в тюрьме. В мае 1921 г. избирается членом Исполнительной комиссии Дустура, становится секретарем по пропаганде. В 1923-1925 гг. один из наиболее активных деятелей партии. Возглавил «халифатскую» комиссию Дустура, осуждавшую отмену (3 марта 1924 г.) института халифата в Турции. В декабре 1924 г. выезжал во Францию в составе партийной делегации из 4-х человек, которая в очередной, третий раз пыталась передать правительству метрополии требования Дустура, притом весьма умеренные. В мае 1925 г. опубликовал за своей подписью статью «Правда о событиях в Рифе. Да здравствует свободный и независимый Риф!». За эту публикацию газета «Иффрикия», директором редакции которой являлся

Тауфик аль-Мадани, была закрыта. Сам он выслан в Алжир в наказание за эту статью, а также за пьесу «Тарик Ибн Зийад». Театральный кружок ас-Саади под руководством аль-Мадани намеревался ее сыграть в июне 1925 г. (постановку запретили), чтобы выразить солидарность с вождем марокканских повстанцев Абд аль-Кримом, который в подтексте отождествлялся со знаменитым Тариком, завоевавшим в 711 г. Вестготскую Испанию.

С 1931 г. вошел в руководство «Ассоциации улемов-реформаторов». Становится одним из ее ведущих идеологов и наиболее острым публицистом в окружении Бен Бадиса, тогдашнего лидера ассоциации. Тауфику аль-Мадани, в частности, приписывают авторство знаменитой триединой формулы улемов-реформаторов «Алжир – моя родина, ислам – моя религия, арабский язык – мой язык». В пятидесятых занимал пост генерального секретаря «Ассоциации улемов-реформаторов», содействовал ее присоединению к Фронту национального освобождения (ФНО). В апреле 1956 г. выехал в Каир, где с сентября 1958 по декабрь 1959 г. входил в состав Временного правительства Алжирской республики (ВПАР). В 1962–1963 гг. министр по делам культов в правительстве Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР). Впоследствии отошел от политической деятельности и до конца жизни возглавлял журнал при Национальном центре исторических исследований АНДР. Автор ряда книг на арабском языке, посвященных истории Алжира и мусульманской цивилизации в Северной Африке. Его мемуарная работа «*Хайату кифах*» (Жизнь в борьбе), опубликованная в Алжире в 1976 г., служит одним из важных источников по истории раннего Дустура. (О нем см., например: Р.Г. Ланда. Кризис колониального режима в Алжире 1931–1954, М.: «Наука», 1980; Он же. История Алжирской революции 1954–1962, М.: «Наука», 1983).

Махмуд Матри (1897–1972) врач, соучредитель и первый председатель Нового Дустура, с января 1938 г. независимый политик. Родился в г. Тунис, где дед его, шейх Ахмед аль-Матри, был муфтием (наставником) в аз-Зейтуне и преподавал ханифитский толк ислама, принадлежность к которому являлась верным признаком османского происхождения. Отец Махмуда Матри был имамом ханифитской мечети аль-Каср. Другие члены семьи не являлись служителями культа. Его взрослый брат – Али аль-Матри с 1902 г. работал в больнице. Дядя – шейх Амар аль-Матри владел торговым заведением на Сук аль-Берка, где имели обыкновение встречаться братья Баш Хамба, Садок Змерли и другие младотунисцы.

В краткой автобиографии, написанной им в 1971 г. для Национального Центра документации, д-р Матри сообщил, что его предком слынычар Мехмет Станкули Турки – выходец с греческого о-ва Кос, появившийся в Тунисе около 1680 г. Родичи по материнской линии относили себя к андалусцам, бежавшим из Испании в начале XVII в., и входили в ремесленную корпорацию *шаваш* (фесочников), которая в прошлом занимала высокое место в цеховой иерархии г. Тунис. Сам Махмуд Матри был круглым сиротой, мать умерла родами при его появлении на свет, отец скончался через десять месяцев. До 1905 г. он посещал куттаб на своей улице в тунисской медине, затем получил образование в коллеже Садыкия.

С 1916 г. работал учителем в столичном пригороде Ла Марса, где давал частные уроки сыну будущего бея Монсефа (1942–1943), одновременно готовился к экзаменам на степень бакалавра. Чтобы ее получить, выехал во Францию в 1918 г., там и провел следующие восемь лет, лишь однажды за это время вернувшись на родину. С 1920 г. студент медицинского факультета в Дижоне. В октябре 1924 г. перевелся на учебу в Париж, где в июле 1926 г. защитил докторскую (магистерскую) диссертацию. Не получая в студенческие годы ни стипендии, ни материальной помощи от родни, зарабатывал себе на жизнь дежурным воспитателем в школьных интернатах, а под конец и врачом-стажером в парижской клинике. «Во Франции, – закончил он этим свою автобиографию, – я входил в различные политические организации (Лига в защиту прав человека, Социалистическая партия и Коммунистическая партия), периодически сотрудничал в разных издательствах..., выступая главным образом по вопросам политики французского протектората в Тунисе и общим проблемам колониализма». Среди печатных органов, в которых он публиковался, д-р Матри упомянул парижскую «*Populaire*» (газета СФИО) и еженедельник «*Clarté*» под редакцией Анри Барбюсса. К сожалению, об этом интригующем периоде своей жизни он не оставил воспоминаний, кроме упомянутой лапидарной справки, редко делился ими даже в кругу близких. Поэтому издатель его мемуарных записок (Аззедин Геллуз), с детских лет друживший с сыном Махмуда Матри и сам почитавший его за отца, смог собрать только крохи сведений о нем, относящихся к 1918–1926 гг. Впрочем, один эпизод получил отражение в статье д-ра Матри для газеты «*L'Action*» (4 августа 1958 г.). Эта публикация, озаглавленная «Молодой человек из Туниса вас спрашивает», написанная под юбилей президента, раскрывает обстоятельства знакомства Матри и Бургибы.

Впервые оно состоялось в коллеже Садыкийя, где оба учились, но из-за разницы в возрасте дружеская связь между ними тогда не могла возникнуть.

Сначала изложив свои школьные впечатления, д-р Матри сообщает, что окончив Садыкийю в 1916 г., когда Хабиб Бургиба еще переходил в 4-ый класс второй ступени, он надолго потерял его из виду, а новая встреча их произошла осенью 1924 г. «Стоял туманный ноябрьский день, я находился в бюро редакции профсоюзного еженедельника "La Vie Ouvrière" («Рабочая жизнь» — М.В.), ютившейся в одном из закутков дома № 144 по улице Пеллепор. "Camarade Materi, — позвала меня товарищ Вера П., — молодой человек из Туниса вас спрашивает". Выйдя во дворик, я действительно столкнулся лицом к лицу с молодым человеком 21 года, им оказался Хабиб Бургиба, совсем другой, чем тот, которого я оставил в Тунисе. Как он отыскал эту дыру, в которой меня нашел, на окраине 20-ого округа, в народном квартале? Я не стал спрашивать». Бегло рассказав о дружбе, завязавшейся между ними в Париже, д-р Матри далее пишет: «Через несколько лет мы снова встретились в Тунисе, объединенные общим делом, которое ему, к счастью, было суждено довести до конца...».

После окончания учебы д-р Матри задумал прежде всего изучить на практике патологию заболеваний, распространенных в Тунисе, чтобы стать лечащим врачом. Он вернулся на родину в ноябре 1926 г. и пытался устроиться в больницу Садыкийя (одноименную с коллежем Садыкийя), где работал прозектором его старший брат. Эта бесплатная больница, основанная в середине XVII в. под названием «Муристан Азиза Османа» на пожертвования «принцессы» Азизы — набожной филантропки, получила в 1880 г. новое помещение в виде заброшенной янычарской казармы вместе с новым именем в честь Садов-бея. (С 1956 г. — l'Hôpital Aziza Othmana). Она являлась к описываемому времени единственным крупным медицинским учреждением: с инфекционным отделением на 270 коек, рентгеновским аппаратом, глазной консультацией и проч., доступным простым тунисцам. Однако Махмуду Матри не нашлось в ней места. Тогда он решил стажироваться безвозмездно у французского доктора и в марте 1927 г. открыл собственный медицинский кабинет, где раз в неделю принимал бесплатно бедняков. К нему съезжались пациенты со всей страны и даже из Алжира.

Дипломированных врачей из числа мусульман насчитывалось тогда в Тунисе всего четверо. Матри был в обиде на то, что ему не дали ра-

боты в старейшей «народной больнице», где основным персоналом, включая директора, состоял из европейцев. Однако в своих мемуарах он воздает должное самоотверженным медикам-французам, вместе с которыми ему удалось весной 1930 г. предотвратить вспышку эпидемии с подозрением на чуму. Были оцеплены районы проживания мигрантов из той южной деревни, откуда в столицу перекинулась инфекция, начаты прививки. Городская тюрьма, за неимением другого изолированного места, была превращена в лазарет, откуда сам д-р Матри не выходил сутками. 5 июня, когда страшная опасность уже миновала, тот доктор, который вычислил цепочку передачи заболевания, от него же и скончался. «Все население Туниса вышло на похороны и впервые можно было видеть многих мусульманок, следовавших за cortejem», направлявшемся на христианское кладбище (*El Materi M. Itinéraire d'un militant (1926-1942), Tunis: Cérès Prod., 1992, p. 32-34*).

В 1928 г. д-р Матри учредил комитет помощи студентам, обучающимся во Франции, благодаря деятельности которого их число заметно возросло. (В 1930 г. комитет был преобразован в «Association des Amis de l'Etudiant» и на следующий год зарегистрирован). В комитете сотрудничали братья Бургиба, Тахар Сфар, Тайеб Радван и др. По мере того, как в Тунис прибывали один за другим его парижские друзья, д-р Матри чувствовал себя все менее одиноким. Местом их встреч стал гостеприимный дом Хабиба Бургибы, который вернулся на родину в августе 1927 г. с женой, быстро научившейся готовить восточные блюда, и симпатичным мальшом; с ним возилась вся компания. Некоторые из них числились со школьных лет в рядах Дустура, но Махмуд Матри в эту «склеротическую» партию вступать не спешил. Да и в газетах он не печатался, пока не наступил тот летний вечер в пригороде Крам, когда полиция ворвалась с обыском в помещение вышеназванного комитета и опечатала его кассу. В ответ появилась возмущенная статья д-ра Матри в «La Voix du Tunisien» (1 сентября 1930 г.) с обвинением в адрес французских властей. «Теперь вы уже не можете говорить нашим молодым людям с дипломами ваших университетов: "Это благодаря нам и благодаря Франции вы стали тем, кто есть". Потому что они вправе сказать: "Нет! Это наперекор вам"». Следующие статьи были посвящены все более широкому и разнообразным темам.

За период с сентября 1930 г. по июнь 1932 г. он опубликовал 37 статей в «La Voix du Tunisien», затем стал членом редакции газеты

«L'Action Tunisienne». Его избрание в Исполком партии Дустур (май 1933 г.) произошло заочно, и д-р Матри подчеркивал, что лично он в нее не вступал и никакой клятвы верности на Коране не давал. 2 марта 1934 г. на учредительном съезде партии Новый Дустур избран ее председателем, 3 сентября того же года арестован и по май 1936 г. находился вместе с товарищами в ссылке. В ноябре 1937 г. разошелся с большинством делегатов II съезда Нового Дустура, выступив против конфронтации с правительством Народного фронта. Добровольно оставил свой пост и вышел из партии, написав одно письмо в политбюро с просьбой об отставке в конце декабря 1937 г., другое в январе 1938 г. В первом объяснял свой жест тем, что статья Бургибы, оскорбительная для Генерального резидента, была опубликована, невзирая на его категорическое возражение и «без поправок даже на одну запятую». Во втором – мотивировал отставку состоянием своего здоровья. Хотя его членство в группе «L'Action Tunisienne» и партии Новый Дустур ограничилось пятью годами, роль д-ра Матри трудно переоценить. Отчасти его социальное происхождение, а также изысканная скромность и благородство привлекли к «néos» симпатии представителей старой тунисской элиты. В народе же он был на первых порах не менее популярен, чем Хабиб Бургиба. Отвлекаясь от их личных качеств, главное различие двух лидеров заключалось по существу в том, что д-р Матри, ставивший выше всего мораль и честь, проявил себя твердым сторонником ненасильственных методов действия, Бургиба – сторонником сочетания ненасильственного сопротивления с насилием, а точнее, с угрозой насилия.

Человек, близкий к бею Монсефу (его семейный врач), он в январе – апреле 1943 г. входил с портфелем министра внутренних дел в «патриотический» кабинет Мухаммеда Шеника. До этого вместе Садоком Змерли, шефом дворцового протокола, выработал план реформ, направленный от имени бея в Виши маршалу Петену, который оставил этот план без ответа. Позже д-р Матри участвовал в Съезде Независимости (август 1946 г.) Был членом второго кабинета Шеника (1950-1952), вновь занимая в нем пост министра внутренних дел. Весь состав этого правительства, кроме успешного скрыться за границей Салаха Бен Юсефа, был арестован 26 марта 1952 г. и сослан примерно в те же места (с. Кебили на юге Туниса), где основатели Нового Дустура отбывали первую ссылку. Освобождены в мае того же года.

В марте 1956 г. Махмуд Матри был избран депутатом Национального учредительного собрания Туниса, в 1959 г. – депутатом Национально-

го собрания Тунисской республики. Министр здравоохранения в первом правительстве Бургибы (1956-1957), на этом посту не задержался. К середине шестидесятых совершенно исчез с горизонта политической жизни, посвятив себя медицине. Свое молчание нарушил однажды, направив в тунисскую прессу открытое письмо на имя председателя Социалистической дустуровской партии (СДП).

6 декабря 1972 г. оно было опубликовано. Поводом послужила речь Бургибы, которую тот произнес в Монастире 3 сентября – в 38-ю годовщину их первого ареста. Найдя в словах президента намек на то, что д-р Матри с подачи властей сдерживал его агитационные поездки, бывший председатель партии подчеркнул искренний характер своих предостережений, которые делал в общем присутствии. В той же публикации «Le Docteur Materi nous écrit...», которая прозвучала как гром среди ясного неба, автор письма впервые коснулся болезненного вопроса о своих свидетельских показаниях против Бургибы в 1938 г. В этой связи он заявил, что давал клятву перед следователем «говорить правду и только правду», однако умолчал о том, что действительно могло бы отправить генерального секретаря Нового Дустура на эшафот. Не сказал о фразе: «Надо, чтобы пролилась кровь», – услышанной им от Бургибы в роковой день 9 апреля и заставившей его содрогнуться. (Об этой фразе он и никогда и никому раньше не говорил). Все остальное, продолжал автор, из тех давних его свидетельских показаний либо было секретом полишинеля, либо – написано самим же Бургибой до ареста «черным по белому». Далее он упрекнул президента в неосторожности, допущенной им в ходе все тех же апрельских событий 1938 г., когда тот не позаботился заранее уничтожить или спрятать компрометирующие документы, включая личную переписку членов партийного руководства, доставшуюся полиции. «Уже несколько раз в течение последних лет я имел неудовольствие слышать в ряде Ваших выступлений выпады в мой адрес, напрасные... и неоправданные. Учитывая возложенные на Вас высокие обязанности, я считал своим долгом не реагировать... Многие друзья – и даже наши общие друзья – советовали мне обратиться во французские газеты, но я этого не сделал, полагая недостойным начинать в иностранной прессе полемику с главой государства моей страны... Мы оба, мой дорогой президент, уже на закате нашей жизни. Пора бы забыть нам прошлые обиды. Пора положить конец двусмысленностям и легендам, которые слишком затянулись...» (Цит. по: Ibid., p. 205-209).

13 декабря 1972 г. д-ра Матри не стало. Его мемуары, которые писались «в стол», увидели свет в апреле 1992 г., когда Бургиба отбывал 5-й год своей последней, почетной ссылки. Рукопись не была отредактирована автором. Это – черновые наброски, иногда варианты одного и того же текста, другой раз встречаются нарушения в хронологии изложения событий и очевидные ошибки в датах. Видимо, автор предполагал их уточнить. Издатель постарался упорядочить эти записи, доведенные до 8 ноября 1942 г., и снабдить их комментариями. В приложении помещены некоторые статьи, вышедшие из-под пера д-ра Матри, его письма разных лет и другие документы, восполняющие лакуны текста. В своем предисловии Азедин Геллуз отметил, что в последние годы жизни, если не считать «открытого письма», оказавшегося предсмертным, д-р Матри уклонялся от каких-либо оценок происходящего, как и от критики культа личности президента. В частных беседах на вопросы, связанные с прошлым, отвечал, что его преемник во главе Нового Дустура смог сделать то, на что он сам никогда не был годен. «Представляете ли вы меня, скачущим через город, наподобие предводителя кавалерии [кочевников] злазз?» Собеседники соглашались, что нет (Ibid., p. 16).

Ахмед Мессали Хадж (1898-1974) видная фигура алжирского национального движения. Родился в г. Тлемсен, сын ремесленника. Проходил службу во французской армии под Бордо (1918-1921 гг.). Демобилизованный в звании сержанта, вернулся в Алжир, с октября 1923 г. обосновался в Париже, где перебивался разными заработками и женился на рабочей-французенке. В 1925-1930 гг. состоял членом ФКП и вступил в созданную под эгидой компартии организацию «Североафриканская Звезда» (САЗ), которая была учреждена в 1926 г., стал ее генеральным секретарем, а затем ведущим лидером. Требовавшая независимости Алжира и обоих протекторов, САЗ была запрещена в 1929 г. и возродилась в 1933 г. под названием Славная североафриканская Звезда. С этого времени Мессали полностью порвал с коммунистами. В ноябре 1934 г. был арестован и приговорен к шести месяцам тюрьмы за восстановление распущенной организации. Вскоре вновь подвергается судебному преследованию за то, что в газете «El-Oumma» призвал военных к неповиновению; ему удается бежать в Швейцарию, где он подпадает под влияние Шекиба Арслана. Воспользовавшись амнистией, объявленной 18 июня 1936 г., смог вернуться в Париж к семье. В середине 1937 г. создает Партию Алжирского народа (РРА) и появляется в Алжире, где осенью того же года был арестован, до 1939 г.

находился в тюрьме. Затем был сослан на жительство под надзором полиции в глухую алжирскую провинцию и, наконец, в Браззавиль. Освобожден в 1946 г. и в том же году основал Движение за Торжество демократических свобод (MTLD), которое провело 5 своих представителей в Национальное собрание Франции. В 1954 г. это движение распадается на враждующие группировки, а сторонники Мессали покинули его или были уничтожены в ходе освободительной войны. Сам он был выслан во Францию еще в 1952 г. за резкие выступления на митингах, умер забытым в Париже.

Садок Мокаддем (р.1915) туниисский государственный деятель. По образованию врач, свою деятельность в рядах Нового Дустура начал с 1940 г. При втором правительстве Шеника являлся директором кабинета министра здравоохранения. В начале 1952 г. вошел в подпольное политбюро партии, в декабре того же года был арестован и находился в ссылке до конца 1953 г. С середины 1954 г. входил в правительство Тахара Бен Аммара в качестве министра юстиции, затем – здравоохранения. Избран членом политбюро на V съезде партии в 1955 г. После провозглашения независимости Туниса занял пост министра без портфеля. С июня 1956 г. по июль 1957 г. – туниисский посол в Египте. Затем государственный секретарь по иностранным делам. С августа 1962 г. посол во Франции. В 1964 г. был избран председателем Национального собрания Туниса.

Мухаммед аль-Монсеф (1881-1948, «паша-бей» в 1942-1943), восемнадцатый правитель из династии Хусейнидов, и шестой из тех семи, чье царствование пришлось на эпоху французского протектората. Получил образование в коллеже Садыкийя, где сдружился с будущими дустуровцами, отличался либеральными взглядами. Любил поэзию, хотя глубокими знаниями ни в какой сфере не обладал, а политическую информацию получал главным образом от своего брательника. Вступил на престол 19 июня 1942 г. и не замедлил включить в свое окружение Садока Змерли, д-ра Махмуда Матри и других представителей туниисской интеллектуальной элиты. Сформулировав программу реформ, которая принесла ему репутацию «просвещенного монарха» и общественные симпатии, демонстративно вернулся к позабытой традиции туниисских беев объезжать с эскортом провинцию и первым делом посетил Кайруан; вместе с тем отменил церемонию целования государевой руки и некоторые другие обычаи старинного протокола. 12 октября 1942 г. произошла его публичная ссора с фран-

цузским Генеральным резидентом — адмиралом Эстева, ставленником маршала Петена. На дворцовом приеме бей в резких тонах объяснился с Эстева относительно собственных претензий на верховную власть над своими поданными, которую режим протектората за традиционным сувереном Туниса признавал, но на практике давно сделал призрачной. Сделав замечание адмиралу, что в делегациях представителей различных ведомств нет тунисцев, видны одни французы, он получил грубый ответ. Дескать, эти чиновники пользуются его, Эстева, доверием и поэтому заслуживают того же со стороны бей. «Инцидент во дворце Бардо» произошел всего за месяц до вторжения в Тунис гитлеровских войск. В оккупированную зону попала наиболее населенная восточная часть страны вместе со столицей и г. Бизерта, гаванью французского флота. Воспользовавшись моментом, и несмотря на недовольство Эстева, заискивавшего перед немцами, бей добивается освобождения из тюрем политзаключенных, реализует давнее требование дустуровцев, которых он поддерживал еще в 20-е годы, увеличить долю чиновников-мусульман в административном аппарате и даже сформировал 1 января 1943 г. национальное правительство, впрочем, безвластное. Всем распоряжалось немецкое командование, опиравшееся на французскую полицию, которую оно не считало нужным полностью заменять своими комендатурами, а также на «милицию» местных добровольцев и своего рода французское гестапо под началом Гильбо, уполномоченного делегата из Виши. Между тем не только в большой семье Хусейнидов, но и в кругу близких родственников паши-бей настроения в период немецкой оккупации были разные, вплоть до диаметрально противоположных.

Монсеф-бей, сочетавшийся третьим браком с «камеристкой» своей второй супруги, имел от первой покойной жены дочь и троих сыновей. Старший с детства отличался слабым здоровьем и к этому времени уже умер, а младший был набожен и далек от всего мирского. Средний сын Рауф-бей походил на темпераментного отца и оказывал на государя определенное влияние. При дворе он выступал лидером германофилов. Любитель спорта, охоты, верховой езды и гоночных машин, он был женат на красавице-итальянке и обзавелся деловыми связями и верхах итальянской общины. Пользовался симпатиями среди подростковой молодежи, захватывая ее воображение тем, как с шиком мог прокатиться по улице в спортивном автомобиле или на лошади. Не гнушался общением с народом и в этом тоже был похож на отца. Рауф-бей не

обычайно оживился при немцах. Ратовал за вступление тунисцев в *Arabaïen Légion* и возглавил одну из полувоензированных молодежных организаций. Но увлекался «немецтиной» главным образом в восторге перед выправкой офицеров вермахта.

То же самое относится и к Мухаммед-бею (самому младшему брату Монсефа). Человек с нордической внешностью, как описывает его Саид Мстири, он обожал все военное. Крупный, светловолосый и голубоглазый, смахивающий на шведа и почти всегда в униформе, со стеком в руке, «он бы вполне естественно выглядел в свите прусского короля Фридриха II или царя Александра III» (*Mestiri S. Moncef Bey. Tome 1. Le règne, Tunis: Ed. Arcs, 1998, p. 57*). Мухаммед-бей был воспитанником военной школы *La Flèche*, из которой вынес пристрастие ко всяческим парадам, маршировкам, разводу караула и проч. Для него специально придумали во дворце должность «военного мажордома». Вместе с тем, он был ценителем арабской поэзии и сам брался за перо, а его германофильство носило поверхностный характер, «без сколько-нибудь серьезного политического размышления» (*Ibid.*, p. 58). Среди «насридов» (прямых потомков Насер-бея) самой влиятельной фигурой в придворной свите являлся принц Хасин-бей — другой брат царствующего бей и его главный советник, а также главный мажордом. Он был младше Монсеф-бея на три года. Как и тот, прошел курс обучения в коллеже Садыкийя, причем производил впечатление более начитанного и образованного человека, чем паша-бей. «Аристократ до кончиков ногтей...расчетливый, умный и амбициозный, он безусловно ставил выше всего в своей иерархии ценностей самого себя и собственное будущее, затем — трон Хусейнидов и лишь под конец "тунисцев"» (*Ibid.*, p. 57).

Тем не менее, вокруг Хасин-бея сложилась «партия либералов», в той или иной степени сочувствовавших союзникам. Безусловным лидером этой партии являлся Мухаммед Шеник, в связке с которым выступали Азиз Джеллули и Махмуд Матри. Германский посланник неодобрительно называл их «полуамериканцами». К ним тяготели еще несколько человек, в том числе Али Аннаби — первый в Тунисе обладатель инженерного диплома. В правительстве ему поручили вопросы общественных работ, обычно относившиеся к ведению французов (*Ibid.*, p. 176). Полагают, что именно он являлся инициатором, а скорее всего и автором так называемого второго послания Монсеф-бея к Рузвельту, которое, в отличие от первого — официального заявления о нейтралитете, более ясно выражало сочувствие делу союзников.

В ближний круг монарха входило также трио «archéos» – представителей стародустановской элиты, которые водили дружбу с беем еще до его восшествия на престол, имея с ним общие интересы, родство и свояченичество. Это Али Кахья – один из основателей Дустура и плодовитый автор полемических заметок на религиозные темы, а также его наперсник Шедли Хазнадар, вновь заблиставший в венце «эмира поэтов» во дворцовых покоях. И третий, это Салах Фархат – генеральный секретарь бездействовавшего Старого Дустура. Профессиональный адвокат, он до и после своего назначения (1 января 1943 г.) на пост министра юстиции являлся соавтором или редактором большинства указов, заявлений и других бумаг, вышедших за подписью Монсеф-бея в период его недолгого царствования.

Перечень членов приватного бейского совета был бы не полным, если не упомянуть шефа дворцового протокола (*мудир марасим*), которым становится Садок Змерли, один из ветеранов движения младотунисцев, возведенный по этому случаю в генералы несуществующей бейской армии. По должности он служил переводчиком на официальных приемах, а заодно сглаживал острые углы в беседах между беем и Генеральным резидентом. Сам Монсеф-бей говорил с гостями по-арабски из государственных сообщений, к тому же во французском он был не силен и туговат на ухо.

Кроме министров и их помощников, генерал-церемониймейстера и других официальных лиц, во дворце толпились «бедные родственники», в том числе сыновья покойного Ахмед-бея, прикидывавшие, к какой бы им партии выгоднее примкнуть. Привилегией Хусейнидов новый государь-бей оставил право целовать ему руку, которую отдергивал при попытке сделать это кем-нибудь другим. Широко распахнув двери своего дворца, хозяин принимал публику всех сортов, включая искателей счастья, сомнительных дружков принца Рауф-бея, лидеров молодежных союзов и футбольных команд, суфийских братств и т.д.

Решительный на вид, Монсеф-бей, который хорош был бы во главе гусарского полка и любил общаться без чинов, вместе с тем слушался того, кто первый придет к нему с советом. Роковым для его судьбы был шаг, совершенный то ли по наущению Рауф-бея, то ли по настоянию Эстева, который сам позже предстал перед французским судом. Даже самые ревностные адвокаты Монсефа не смогли дать внятного объяснения (кроме ссылки на его наивность) тому, что его заставило наградить 12 апреля 1943 г. тунисским почетным орденом

«*нишан-уль-ифтикар*» группу немецких и итальянских офицеров, причем сделать это в тот самый день, когда 8-ая армия Монтгомери заняла Сус; а на следующий день немцы уступили возвышенности Энфида и г. Загуан. Ехать до этих мест по нынешним дорогам час-полтора.

С середины апреля главной заботой бея, связь которого с французской Резиденцией и немецким дипломатическим корпусом поддерживал Садок Змерли, стало обеспечение статуса «нейтральной зоны» для Хаммам-Лифа, куда перебрался двор, спасаясь от бомбардировок. Итало-немецкое командование согласилось, но никакой договоренности между воюющими сторонами не было достигнуто. 7 мая, в день штурма столицы во дворец прибыл немецкий офицер и заявил, что его части будут оказывать сопротивление в Хаммам-Лифе, а бею предложил ехать куда ему заблагорассудится или бежать в Германию с последними уходящими транспортом. Бей отказался покинуть свое жилище и остался под обстрелом.

После победы союзников Мухаммед аль-Монсеф был обвинен в прогерманской ориентации, 9 мая временно арестован англичанами, ворвавшимися во дворец, а затем интернирован в Алжире. Наконец, 6 июля 1943 г. под давлением генерала Жиро – сопредседателя Французского Комитета национального освобождения (ФКНО), бей отказался от престола в пользу кузена-наследника, так называемого походного бея Сиди Ламина; после войны был выслан с семьей на юг Франции, где жил на охраняемой вилле. 1 сентября 1948 г. скончался от апоплексического удара. Немецкая пропаганда выставляла Монсеф-бея сторонником Рейха; в его собственной позиции остается много неясного. Тем не менее, многие исследователи считают, что акция французов была с их стороны упущенным шансом разумных переговоров, а вынужденная эмиграция Монсеф-бея, который приобрел в глазах простонародья ореол мученика-шахида, только подлила масла в огонь патриотических чувств местного населения. В отличие от своего знаменитого предшественника, пожилой и бесцветный бей Ламин, которого в шутку называли «отдыхающим монархом», и чья сомнительная легитимность придавала ему неуверенности, на политической сцене середины 40-х годов выглядел скорее декоративным, нежели реальным символом тунисской государственности. Его политическая роль несколько возросла после кончины изложенного двоюродного брата.

См.: *Le Tourneau R. Evolution politique de l'Afrique du Nord musulmane*

(1920-1961), Paris: Armand Colin, 1962, p. 96-114 ; *Bessis J.* Sur Moncef Bey et le Moncefisme: La Tunisie de 1942 à 1948, «Revue d'Histoire d'Outre-mer» LXX, № 160-161, 1983; *Mestiri S.* Moncef Bey. Tome I: Le règne, Tome II: Chronique des années d'exil, Tunis: Arcs Ed., 1998 ; *Змерли С.* *Тунис фи ахд аль-Монсеф-бей* [Тунис при Монсеф-бее] (1942-1943), Бейрут: *Дар аль-гарб аль-исламий*, 1989 (перевод с французского, оригинал издан в Тунисе в 1971 г.).

Мухаммед **Ноаман** (1875-...). Родился в г. Тунис, с 1908 г. член коллегии адвокатов. Участник движения младотунисцев, за эту деятельность в марте 1912 г. был выслан из Туниса, некоторое время находился в Турции, затем получил амнистию. Один из основателей Дустура и член Социалистической партии (СФИО), после ее раскола примкнул к Тунисской секции Коминтерна: 27 марта 1921 г. избран членом ее исполкома, 24 ноября того же года исключен. Присоединился к Реформистской партии под руководством Хасана Геллати. Входил в число адвокатов Бургибы по делу, возбужденному против него после апрельских событий 1938 г., поддерживал с ним дружескую переписку.

Хеди **Нуира** (1911-1993) крупный деятель партии Новый Дустур, один из ближайших сподвижников Хабиба Бургибы; председатель правительства Тунисской республики в 1970-1980 гг. Родился в г. Монастир. Закончил юридический факультет Парижского университета в 1937 г. Член партии Новый Дустур с 1934 г. В годы своей учебы во Франции состоял в переписке с Бургибой и с этого времени выступал в европейской печати, многие его считали «мозгом партии», человеком, умевшим систематизировать и доносить требования Нового Дустура до международной аудитории. В 1936 г. организовал и возглавил секцию Нового Дустура в Париже, на следующий год был за политическую деятельность выдворен из Франции в Тунис, где занялся адвокатской практикой. С 5 января 1938 г. – генеральный секретарь Всеобщей конфедерации тунисских трудящихся (ВКТТ). С апреля 1938 г. по декабрь 1942 г. находился под арестом, в течение двух с половиной лет делил с Бургибой тюремную камеру в Fort Saint-Nicolas, затем вывезен в Италию, в феврале 1943 г. вернулся на родину. В 1946 г. наладил издание партийного еженедельника «Mission». Был избран в состав политбюро на III съезде партии (1948), арестован в 1952 г. (с апреля по сентябрь), затем выпущен на свободу. Вошел в состав первого кабинета Тахара Бен Аммара (1954-1955) с портфелем министра финансов и торговли;

период действия режима внутренней автономии организует Центральный банк Туниса (1955 г.). Начиная с V съезда в ноябре 1955 г. и на всех последующих съездах избирался в политбюро правящей партии. Критически относился к «социалистическому эксперименту» 60-х годов. Двенадцать лет работы Хеди Нуиры, с ноября 1958 г., на посту председателя ЦБ некоторые исследователи рассматривают как закамуфлированную политическую отставку. С ноября 1970 г. премьер-министр и генеральный секретарь СДП. Его роль в партии и государстве настолько возрастает, что семидесятые называют «десятилетием Хеди Нуиры». 26 февраля 1980 г. перенес инфаркт и после лечения в парижской клинике ушел со всех занимаемых постов.

Марсель **Пейрутон** по прозвищу «Сатрап» – профессиональный колониальный чиновник, вошедший в анналы истории Туниса как невольный крестный отец и гонитель Нового Дустура. Имел большой опыт работы, в частности, на Мадагаскаре, в Алжире и Французской Гвинее. Занимал пост Генерального резидента в Тунисе (август 1933 – март 1936 гг.), в Марокко (апрель – август 1936 гг.) и вторично в Тунисе (1940 г.). Оставил без ответа письмо де Голля с предложением перейти на его сторону, разосланное губернаторам и военачальникам французских колоний. С сентября 1940 г. до середины февраля 1941 г. входил с портфелем министра внутренних дел в состав второго кабинета правительства Виши, успел принять участие в издании «расистских» законов, в том числе «Statut des Juifs» от 18 октября 1940 г., запустить на полный ход полицейскую машину, начать охоту на евреев и франкмасонов и, наконец, осуществить дворцовый переворот по устранению вице-премьера Лавалья. Затем отправился послом в Бразилию и Аргентину. Исполнял эту должность до апреля 1942 г. и подал в отставку, когда Лаваль вновь водворился в Виши. Жил в добровольном изгнании в Буэнос-Айресе. Отсюда по инициативе госсекретаря США, а по другим сведениям – Дарлана и Мэрфи (но все телеграммы из Северной Африки шли за подписью Эйзенхауэра) был вывезен, чтобы с 17 января 1943 г. занять пост генерал-губернатора Алжира и члена «Имперского совета». (О контroversах этой истории см.: *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1958, с. 328-329).

Деголлевцы его ненавидели. 20 января 1943 г. посол при союзных правительствах А.Е. Богомолов сообщал из Лондона в Нарком иностранных дел СССР: «Меня пригласил де Голль и сообщил, что Рузвельт и Черчилль в течение нескольких дней находятся в Африке, в Марокко...». Под

конец конференции в Касабланке они позвали де Голля приехать туда вместе с генералом Катру для встречи с генералом Жиро. Де Голль колебался и, собрав заседание Французского национального комитета (ФНК), «доложил ему о положении дел. Ехать или не ехать? Если не ехать, то значит идти на немедленный разрыв с Англией и с США, если ехать, то зачем и с какой позицией? Де Голль передал мне копии телеграмм, которыми он обменялся с Черчиллем и решил поехать. Выезжает сегодня в Марокко. По его мнению, это прямой шантаж со стороны Черчилля, который хочет помешаться с американцами за его счет и может пойти на признание за петэновцами вроде Пейрутона права представлять Францию в этой войне... Американцы выдвинули к власти Пейрутона, то есть петэновца-фашиста, который публично хвастался реорганизацией французской полиции по германскому образцу и добровольно сотрудничал с Германией. Этим выдвижением Пейрутона США угрожают целиком забрать все командные пункты в Северной Африке в свои руки и развернуть политическую линию, совпадающую в основном с линией Петэна. Англичанам это не нравится, и они хотят втянуть в это дело де Голля, обещая ему свою поддержку и угрожая в случае, если он не будет достаточно послушным. Де Голль ругал англичан, и в частности Черчилля, заявляя, что он лицемер, что в тот день, когда Черчилль в беседе с ним бранил Дарлана, английский генерал Каннингхэм подписал с генералом Эйзенхауэром соглашение о признании Дарлана. Де Голль уверял меня, что не уступит англичанам своей руководящей роли во французском движении... При всех этих заявлениях он все же поехал в Марокко» (Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945, Том 1. М.: Политиздат, 1983, с. 143-44).

Между тем Пейрутон, под чью руку собрались вишисты, имущие круги алжирской поселенческой колонии, к которым добавились их собратья-беженцы из охваченного войной Туниса и агенты гестапо, властвовал в Алжире, куда он прибыл за несколько дней до окончания работы Касабланкской конференции. Здесь начал заигрывать с националистами, принял к рассмотрению «Манифест Алжирского народа» Фархата Аббаса, создал Комиссию по изучению экономических и социальных проблем мусульман, которая заседала дважды, 14 апреля и 23 июня 1943 г., во второй раз уже без него (*Ch.-A. Julien. L'Afrique du Nord en marche...* р. 429). При этом, как убеждены тунисские историки, Пейрутон не только косвенно, но и на-

прямую поощрял майские гонения на «коллабрационистов» в Тунисе, начиная с Монсеф-бея и кончая членами деревенских дружин самообороны, созданных в лихолетье без всякой политической мысли.

На следующий день после приезда в Алжир де Голля сложил свои полномочия, выразив просьбу, которую 1 июня 1943 г. удовлетворили, зачислить его в войска капитаном колониальной пехоты. Но проявить себя в бою не смог. Распоряжением Комиссии по чистке, которую создала Временная консультативная ассамблея ФКНО, 21 декабря 1943 г. он был арестован и ожидал суда вместе с Фланденом, бывшим петеновским министром, и Буассоном – бывшим губернатором Западной Африки. Под давлением Рузвельта, который тщетно требовал от ФКНО освободить троих, суд на них был отложен. В декабре 1945 г. Пейрутону было предъявлено обвинение в «деморализации французской нации и ее вооруженных сил»; в 1948 г. он был оправдан и выпущен на свободу. Ему принадлежат две книги, обе малоинтересные: *Peyrouton M. Du service publique à la prison commune. Souvenirs*, Paris: Plon, 1950; *Idem. Histoire générale du Maghreb*, Paris: Michel, 1966.

Ахмед **ас-Сафи** (1882-1935) генеральный секретарь Старого Дустура с 1920 г. Родился в семье выходцев из Сфакса, которые в третьем поколении жили в г. Тунис, многие из них подвизались на судейском поприще. Учился в лицее Алауи, затем в лицее Карно. Высшее юридическое образование получил во Франции (Экс-ан-Прованс). С 1909 г. открыл собственную адвокатскую контору в Тунисе, примыкал к движению «младотунисцев», проявил себя активным противником французских планов натурализации тунисских евреев, которая нанесла бы ущерб представлению о внутреннем суверенитете бейского государства. Избежал репрессий, примененных в 1912 г. к ведущей группе младотунисских лидеров. После первой мировой войны состоял в Тунисской федерации СФИО и был избран 30 ноября 1919 г. в ее руководство. С апреля того же года включился в работу по созданию Тунисской партии, вскоре названной Либерально-конституционной (Дустур). Был избран ее генеральным секретарем еще до первого съезда, состоявшегося в мае 1921 г., который подтвердил его полномочия. Вместе с одним из лидеров СФИО – Мариусом Мутэ написал, видимо, летом 1920 г. предисловие к брошюре Дюрана-Анливьея «Ce que la Tunisie demande à la France» (Paris, 1921), где проводилась мысль, что «экономические свершения Франции в Тунисе достойны восхищения», но тунисцы, увы, не могут воспользоваться их плодами. Этот постулат не вполне соответствовал духу

«Туниса-мученика», и с шейхом Таальби вплоть до его «самоизгнания» в 1923 г. у Ахмеда ас-Сафи складывались напряженные отношения. Постепенно он отходил и от сотрудничества с социалистами, хотя в целом был, как и они, за переговоры с властями протектората. В декабре 1924 г. возглавил третью делегацию Дустура в Париж. Несмотря на то, что в записке на имя Эдуарада Эррио делегация подчеркивала, что «мы – не националисты, а именно конституционалисты, как это и вытекает из самого названия партии», ее новые предложения о реформах в регентстве были проигнорированы. Дальнейшая работа Ас-Сафи в качестве руководителя Дустура характеризовалась стремлением сдерживать «экстремистское» крыло партии и не отличалась яркими шагами; в первой половине тридцатых лидерство перешло к С. Фархату, М. Клиби и другим членам Исполкома, которые осуществляли нечто вроде коллегиального руководства. Современные историки расценивают его взгляды как приверженность социалистическим идеалам XIX в. (См.: Бен Мустафа М.С. *Ахмед ас-Сафи: нашатуху сийасий ва кийададуху ли-ль-хизб ад-дустурий* [Ахмед ас-Сафи: его политическая деятельность и руководство партией Дустур], «Rawafid», Université de Tunis, Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National, № 6. 2001, p. 61-90).

Поль Себа (р. 1919) историк и социолог, натурализованный француз. В прошлом видный деятель Тунисской компартии. Преподаватель лицея Карно, в шестидесятых – профессор Тунисского университета, где вел курс практической социологии. Позднее переехал во Францию. Автор многочисленных научных трудов, в том числе переведенной на русский язык в 1953 г. книги «Тунис. Опыт монографии» (оригинальное издание: Париж, 1951). Опубликовал собственные материалы социологических опросов промышленных рабочих и маргинальных слоев Туниса, а также работы по урбанистским и капитальное исследование, посвященное истории местной еврейской общины (1992). Одна из его последних работ снова возвращает читателя к событиям середины прошлого века: *Sebag P. Communistes de Tunisie (1939-1943)*, Paris: L'Harmattan, 2001.

Монжи Слим (1908-1969) деятель Нового Дустура. Выходец из зажиточной семьи тунисских «мамлюков» греческого происхождения. Адвокат и блестящий журналист. В начале своей политической карьеры являлся председателем Союза североафриканских студентов в Париже, уча-

ствовал в деятельности известной организации «Североафриканская Звезда». С 1934 г. примкнул к Новому Дустуру. Участник событий 9 апреля 1938 г., после которых находился под арестом вместе Хабибом Бургибой до ноября 1942 г.; вывезен в Италию, вернулся в Тунис весной 1943 г. Неоднократно избирался в Политбюро Нового Дустура (в 1945 г. кооптирован). В послевоенные годы Монжи Слим – директор аппарата партии Новый Дустур, несущий ответственность за ее текущие и организационные дела, «второй человек» после генерального секретаря. В начале 1952 г. был интернирован на Крайнем Юге, где находился в течение двух лет. Член переходного правительства Тахара Бен Аммара, сформированного в августе 1954 г. и один из главных участников переговорного процесса с Францией; затем – министр внутренних дел во втором кабинете Бен Аммара, сложившем свои полномочия в апреле 1956 г. Работая на этой должности, сыграл большую роль в создании новой администрации на местах. С 1956 г. – посол Туниса в США и его представитель при ООН. Первым из «африканцев» председательствовал на Генеральной ассамблее ООН в 1961/62 гг. С августа 1962 г. по ноябрь 1964 г. министр иностранных дел. Затем – министр юстиции, продолжал внешнеполитическую деятельность как личный представитель Бургибы. Не заведя собственной семьи, полностью отдавал себя партийной и государственной работе. Мемуаристы свидетельствуют, что президент слегка завидовал международной известности Монжи Слива, который проявил дипломатический талант в разрешении бизертского кризиса и рассматривался в качестве кандидата на пост генерального секретаря ООН после смерти Дага Хаммаршельда, к которому был близок. В тунисской литературе указывается, что избранию Монжи Слива на этот пост воспрепятствовал СССР.

Тайеб Слим (1914-...) деятель Нового Дустура. Уроженец г. Тунис, родной брат Монжи Слива. С 1939 г. – один из организаторов подпольных структур партии, входил в состав 6-ого политбюро, возглавленного Хабибом Тамером, вместе с ним арестован в январе 1941 г. при попытке перехода ливийско-тунисской границы и приговорен к 20 годам каторги. Выпущен из тюрьмы 1 декабря 1942 г., продолжал партийную деятельность под немецкой оккупацией, после освобождения Туниса войсками союзников бежал в Италию, затем в Германию, перебрался в Испанию и, наконец, в Каир (1946 г.), где сотрудничал в Бюро Арабского Магриба. Несмотря на несогласие «умеренной» с позицией, которую занимал Бургиба, вошел в

число его верных друзей. В апреле 1948 г. совершил вместе с ним поездку по Ближнему Востоку, в 1951 г. – по странам Азии. С 1956 г. находился на дипломатической работе в США (при ООН), в Канаде и скандинавских странах. Член политбюро Нового Дустура/СДП с 1959 по 1974 гг. Входил в кабинет министров под председательством Хеди Нуиры.

Бешир Сфар (1856-1917) один из ранних деятелей плеяды «младотунисцев». Принадлежал к знатной семье турецкого происхождения, его отец состоял в чине бригадного генерала бейской армии. С первым набором 1875 г. поступил в Садыкийю, через пять лет был направлен для завершения учебы в парижский лицей св. Людовика. Вместе с ним еще семь отличников Садыкийи отправились во Францию, другие – в Англию и Турцию. Однако по настоянию властей протектората, заинтересованных в переводчиках, а не в лицах с высшим образованием, в 1882 г. стипендиаты, учившиеся в Европе, были отозваны. По возвращении в Тунис, Бешир Сфар начал административную карьеру со счетовода-переводчика в аппарате «генерального секретаря» правительства, дослужился до губернатора провинции Сус и возглавлял комитет по надзору за хабусным (вакуфным) имуществом. Продвигаясь по службе, занимался общественной деятельностью. Соучредитель газеты «Аль-Хадира» (1888) и просветительского общества Халдунийа (1896). Речь Бешира Сфара, произнесенная 24 марта 1906 г. в присутствии французского Генерального резидента по случаю открытия лагеря для голодающих (*текийя*), прославилась как первое публичное выражение требований в защиту интересов местного населения, в частности, против экспроприации хабусных земель в пользу фонда колонизации, а также за развитие образования и административные реформы, призванные уравнивать в правах чиновников-европейцев и представителей тунисской элиты. Тезисы этой речи были донесены его бывшим соучеником и одним из руководителей Халдунийи – Мухаммедом Ласрамом до делегатов Колониального конгресса в Марселе (5-6 сентября 1906). Сам он в составе делегации 12-и «младотунисцев» принимал активное участие в работе Североафриканского конгресса в Париже (6-10 октября 1908). После запрета органов национальной печати в 1911-1912 гг. и высылки группы его единомышленников из Туниса политической деятельностью не занимался. (См.: Zmerli S. Figures tunisiennes. Les successeurs, Tunis: M.T.E., 1967, p. 15-29; Mahjoubi A. Op. cit., p. 121-122).

Тахар Сфар (1903-1942) один из соучредителей Нового Дустура, адвокат. Уроженец г. Махдия, закончил в г. Тунис коллеж Садыкийя и лицей Карно, школьный товарищ Хабиба Бургибы. Летом 1924 г. участвовал в создании Тунисского общества экономической взаимопомощи (несостоявшийся проект Мухаммеда Али аль-Хамми и Тахара аль-Хаддада). Получил высшее юридическое образование в Париже, сотрудничал в газетах «La Voix du Tunisien» и «L'Action Tunisienne», 2 марта 1934 г. избран в политбюро Нового Дустура, в начале 1935 г. сослан на Крайний Юг. После освобождения снова вошел в политбюро Нового Дустура, разделяя умеренную позицию Махмуда Матри в период правительства Народного фронта. Даже возглавлял крыло «умеренных». Арестован 22 апреля 1938 г., затем выпущен из тюрьмы, дав показания против Бургибы. Мемуары, написанные им во время ссылки, являются одним из важных источников, характеризующих идеи основателей партии (*Tahar Sfar. Journal d'un exilé, Zarzis -1935, Tunis: Ed. Bouslama, 1960*).

Абдельазиз Таальби (1874 или 1876-1944) политический деятель и духовный лидер партии Дустур (Старый Дустур), формально не занимавший в ней руководящих постов. Многие годы отдал участию в работе арабских и мусульманских организаций, разъезжая по миру: от Египта до Явы и Филиппинских о-вов. Несмотря на обилие информации о его биографии, в ней остаются белые пятна. Дальний потомок алжирского марабута Сиди Таальби, внук кадия (судьи), который оставил родные края около 1840 г., и сын нотариуса, он родился в г. Тунис. Унаследовал некую недвижимость, по документам числился «собственником» («propriétaire») и на официальной службе нигде не состоял. Получил незаконченное среднее богословское образование в университете аз-Зейтуна (1896 г.) и занимался литературной деятельностью. Издавал газету «Сабиль ар-Рашиад», трактовавшую религиозные вопросы в духе новейших для той эпохи философских веяний. Под давлением шейхов аз-Зейтуны эта газета была запрещена, Таальби временно покинул страну. В 1898-1902 гг. совершил длительную поездку на Восток, добрался до Стамбула и Аравии, слушал в Каире лекции Мухаммеда Риды, основоположника религиозно-обновленческого движения *салафийя*. Воспринял идеи Мустафы Камиля (1874-1908), будущего основателя Национальной партии (1907 г.) и сторонника внутренней автономии Египта в рамках Османской империи.

Встретив некие осложнения в Каире из-за своих религиозных

взглядов, А. Таальби был выслан из Египта. Затем предпринимает путешествие по Алжиру, Марокко и Испании, в котором проводит почти весь 1903 г. По возвращении в Тунис подвергся судебному преследованию за то, что публично поносил почитаемых в городе «святых» и марабутов. Его нападки на схоластику преподавателей аз-Зейтуны и прочие небогоугодные речи (такие, например, заявления, что «халиф Осман первым установил в мусульманском государстве режим деспотизма и произвола»), едва не стоили тогда Абдельазизу Таальби жизни. Сначала незадачливый оратор предстал перед шариатским судом, который собрался вынести ему смертный приговор. Спасительным оказалось вмешательство французских властей: дело передали в гражданскую судебную инстанцию (La Driba), где оно рассматривалось по факту оскорбления общественного мнения (*délit d'opinion*), а защитниками обвиняемого выступили два адвоката: француз и тунисец-еврей – английский протеже. Но куда Таальби водили из камеры предварительного заключения в судебное присутствие, взбудораженная толпа с улочек мусульманского базара, которую подбивал к «суду Линча» шейх братства *Иссавийя*, дважды пыталась растерзать богохульника на месте. Отделавшись в июле 1904 г. легким приговором к двухмесячному тюремному заключению, Таальби не успокоился и на следующий год опубликовал в соавторстве с Хеди Себаи (судебным переводчиком) и Цезарем Бен Аттаром – своим недавним адвокатом книгу «*L'Esprit libéral du Coran*», которая была насыщена цитатами из Корана и хадисов с соответствующими комментариями. Изданная на французском, она содержала критику догматического традиционализма в исламе и выпады против «клириков»; гневно разоблачала предрассудки, насаждаемые суфийскими братствами. Главный пафос этого труда, который впоследствии зачастую приписывался одному Таальби, состоял в идее совместимости «очищенного» ислама с социальным прогрессом. Здесь нашли место также высказывания против ношения чадры и в пользу школьного образования для девочек. В предисловии-посвящении, адресованном одному из французских сенаторов, выражалась надежда, что «сотрудничая со своими покровителями (метрополией – *M.B.*), лучшие умы мусульманского общества смогут содействовать его вхождению в мировую цивилизацию» (*Thaalbi A., Ben Attar C., Sebai H. L'Esprit libéral du Coran, Paris: Leroux, 1905, p. 4*). В отечественной литературе книга упоминается под названием «Дух свободы в Коране», которое несколько искажает смысл ее заглавия в оригинале (См., например: Ту-

нисская республика. Справочник, М.: Наука, 1993, с. 95). Тунисские историки подчеркивают, что она отвечала господствовавшим в начале XX в. ассимиляционистским настроениям тунисских интеллектуалов и питомцев Садыкии, которые – в отличие от зейтуновцев – встретили публикацию одобрительно.

В этот период Таальби примыкал к литературно-политической ассоциации «*Libre Pensée*», в которую входили социалисты Мухаммед Ноаман, Иоахим Дюрель, Козн Хадрия и Андре Дюран-Анливьер (последний в 1905 г. основал также кружок «*L'Essor*», который в двадцатых активно выступал за эмансипацию женщины-мусульманки). Затем сблизился с кружком Али Баш Хамбы, взяв на себя с 1909 г. редактирование арабского выпуска газеты «*Le Tunisien*» – центрального печатного органа младотунисцев. Это впервые принесло шейху Таальби популярность и общественные симпатии. В 1910 г. он был среди тех, кто поддержал забастовку студентов аз-Зейтуны, требовавших модернизации мусульманского образования. В октябре 1911 г. приступил к редактированию газеты «*Imtixad islamii*» («Исламский союз»), нового издания, открытого Али Баш Хамбой вскоре после начала итало-турецкой войны из-за Триполитании и Киренаики. Газета бросила лозунг защиты мусульман под оттоманским знаменем и покровительством халифа. Через месяц была запрещена вместе со всеми органами арабоязычной национальной печати, но по иной причине, нежели ее протурецкое содержание (кризис вокруг кладбища Джеллаз). Арестованный в марте 1912 г. за предполагаемую организацию антиправительственных демонстраций (бойкот трамваев), Таальби был выслан, а по другим сведениям просто уехал во Францию, где провел три месяца, снова путешествовал, посетив Стамбул, арабские страны Ближнего Востока, Индию; вернулся 26 августа 1913 г. и целиком ушел в частную жизнь. Исключение составило лето 1914 г., когда его хлопоты о паспорте для нового выезда в Каир не увенчались успехом, после чего он возобновил свои хождения по арабским кофейням, где заводил разговоры о либеральной политике англичан в Индии и «варварстве» французских колонизаторов.

В 1919 г. основал вместе с группой бывших «младотунисцев» Тунисскую партию, которая, как полагают, по совету шейха Таальби стала затем называться Либерально-конституционной партией (Дустур) и определяла настроения умов в 20-е годы. Совершил неудачную попытку поставить тунисский вопрос на Парижской мирной конференции. Для этого выехал 10 июля 1919 г. «поправлять здоровье» во Францию, где был на сле-

дующий год арестован за публикацию памфлета «Тунис-мученик». Ранее имел через своего переводчика, Ахмеда Сакку, контакты с левыми депутатами парламента, в том числе с Марселем Кашеном. Неслучайно в досье обвинения фигурировало «слияние панисламизма с коммунизмом. Таковы два рычага, приведенные в действие против нас с помощью Таальби». Это – слова из материалов дела Таальби, заподозренного в связях с агентами Берлина и Москвы. Проведя девять месяцев в тюрьме по обвинению в покушении на государственную безопасность, 17 мая 1921 г. был освобожден условно, а затем амнистирован от имени бея, и становится признанным вождем партии Дустур, чему способствовала необычайная популярность анонимного памфлета, за который Таальби понес наказание.

В течение 14 лет – с 26 июля 1923 г. до середины 1937 г. находился в добровольной эмиграции, поддерживая обширную переписку с тунисскими корреспондентами. Среди мест его пребывания были Италия, куда он поехал «по совету врачей», затем Египет и Турция (Стамбул), а также Сирия и другие страны Арабского Востока, в том числе Ирак (1926-1930), где шейх Таальби пользовался покровительством короля Фейсала; сыграл большую роль в создании багдадского университета Аал аль-Бейт и читал в нем лекции. С этого времени выступает в амплу крупного деятеля общемусульманского и панарабского движения. Был среди инициаторов созыва Халифатистского конгресса в Каире 13 мая 1926 г., на котором присутствовал как делегат Ирака. (Конгресс рассматривал идею объявить египетского короля Фуада халифом мусульман вместо низложенного турецкого султана, но пришел к выводу, что эта задача – преждевременная). В 1930 г. решением Сиро-палестинского комитета в Каире назначен представителем Палестинской комиссии в Индии, куда он и отправился на жительство. Один из видных участников Мусульманского конгресса в Иерусалиме (декабрь 1931). Известие о создании Нового Дустура застало его в Бирме, откуда Таальби поспешил вернуться в мае 1934 г., но добрался только до Каира, не сумев добиться визы для въезда в Тунис. Человек скорее бедный, чем богатый, он пользовался финансовой поддержкой из самых разных источников, принимая деньги от частных лиц и некоторых европейских правительств, враждебных Франции. Как явствует из переписки между чиновниками французского МИДа, посольством в Каире и Генеральным резидентом в Тунисе, представительства метрополии за рубежом не отказывали шейху Таальби в просьбе о денежных субсидиях, стараясь

держать его подальше от Туниса, не допуская ни во Францию, ни на территории ее империи. Между тем требование о возвращении Таальби домой стало дежурным лозунгом дустуровцев (См.: *El Mechat S. Le nationalisme tunisien. Scission et conflits 1934-1944*, Paris: L'Harmattan, 2002, p. 110-112).

В его отсутствие партия Новый Дустур пользовалась именем старого вождя тунисского национализма, которого неизменно назначали «почетным председателем» митингов и собраний. Возвращение Таальби из эмиграции состоялось 8 июля 1937 г. и по сути дела было организовано французским правительством, которое через своего посла в Каире передало шейху соответствующее предложение. Однако ему не удалось сбить популярность Бургибы, на что рассчитывали французские власти, обеспокоенные ростом авторитета Нового Дустура. Правда, с этим расчетом смешивались опасения Генерального резидента, впрочем напрасные, что Таальби, который сразу выдвинул лозунг независимости Туниса и освобождения всей Северной Африки (его выступление на митинге в Гамбетта-парке 13 июля), сможет консолидировать распавшуюся партию.

Острый конфликт в рядах националистов, разгоревшийся к осени 1937 г., иногда его называют «войной двух Дустуров», закончился падением популярности Таальби, которую не смогли спасти ни поддержка Бен Бадиса, лидера алжирских «улемов-реформаторов», дважды посещавшего Тунис, ни египетские эмиссары. Между тем симпатии Таальби обернулись к тем консервативным кругам тунисского общества, против которых он выступал до своего отъезда. После событий 9 апреля 1938 г. он вновь понадеялся на личный успех и 29 июня того же года дал свидетельские показания против Бургибы французскому военному следователю, что сделало достоянием общественности и поставило шейха, мягко говоря, в неловкое положение. В дальнейшем Таальби замкнулся в узком кругу своих сторонников, продолжая считаться лидером и наставником партии Старый Дустур, реальное руководство которой осуществляли генеральный секретарь Салах Фархат, Мухеддин Клиби и другие члены Исполкома.

Последняя книга Таальби, впервые написанная им без соавторства и опубликованная в 1938 г., посвящена жизни пророка Мухаммеда. Автор этого сочинения в жанре *сира*, вероятно, составленного из более ранних набросков и материалов к лекциям, выглядит набожным мусульманином. Его задача – изложить основные сведения о бытии Пророка, подчеркнуть его гуманность и политический гений. Летом 1939 г. опубликовал статью в

газете «Ирада» с разоблачением деятельности колонизаторов на Востоке, который «в их глазах... имеет право лишь на обнищание и мракобесие, а что касается еды и одежды, то — носить лохмотья и питаться крошками». (Цит. по: *Khaled A. Documents secrets du 2-ème bureau. Tunisie-Maghreb dans la conjoncture de pré-guerre 1937-1940. Tunis: STD, 1983, p. 578*). Сторонник панарабизма и человек, хорошо известный в заграничных кругах, Таальби поддерживал связи с Ассоциацией алжирских улемов-реформаторов и египетской партией Вафд, был коротко знаком с одним из ведущих идеологов панарабизма Шекибом Арсланом и состоял в переписке с иерусалимским муфтием Амином Хусейном.

С началом второй мировой войны высказывался в пользу союзников. Об этом сохранились донесения в архивах французской военной разведки, которая зафиксировала в мае 1940 г. высказывание Таальби: «Лишь после войны и, надо надеяться, победы союзников встанет окончательно вопрос об эмансипации Туниса, как и других колонизованных арабских стран» (*Khaled A. Op. cit., 714*). В литературе Нового Дустура (СДП) однозначно характеризовался как политик-традиционалист, хотя получал в ней дань уважения. В настоящее время его имя в Тунисе вновь поднимается на щит, и правящая партия в своих документах возводит свою историю не к 1934 г., когда состоялся учредительный съезд Нового Дустура (как было принято при Бургибе), а к 1920 г., то есть к моменту возникновения партии Дустур, связанной с идеями Таальби и его деятельностью.

Среди новейших публикаций о нем: *Bendana K. Les ouvrages de Taalbi, entre évidences et mystères de sa biographie, «Rawafid», Revue de l'Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National, № 5, 1999-2000, Tunis, p. 93-108*. В этом выпуске журнала под рубрикой «Досье Таальби» помещены также статьи на арабском языке: *Сахли Х. «Религиозный и социальный реформизм Таальби»; Амира А. С. «Запад в размышлениях Таальби»* и др. См. также: *Chelbi H. Prise de position du vieux-destour face à l'axe et aux alliés: trois lettres du Cheikh Thaâlbi, «Revue d'Histoire maghrébine», Tunis, № 21-22, 1981, p. 131-142; Ben Miled A., Driss M. A. Taalbi et le mouvement national tunisien, Tunis: Fondation nationale de Carthage, 1991; El Mechat S. Le Nationalisme tunisien. Scission et conflits 1934-1944, Paris: L'Harmattan, 2002, p. 93-116*.

Хабиб **Тамер** (1909-1949) деятель Нового Дустура. Выходец из аристократической семьи, уроженец г. Тунис. Получил медицинское образование в Париже, где вошел в ячейку Нового Дустура. Она была преобла-

зована в партийную секцию, которой он руководил в 1937-1938 гг. Во время войны возглавил 6-ое подпольное бюро партии, арестован 21 января 1941 г. на переходе Бен Гардан при попытке перейти границу с Ливией. Суд, состоявшийся на следующий год, приговорил его к 20 годам каторги. Содержался в гражданской тюрьме г. Тунис, где 11 ноября 1942 г. поднял восстание заключенных и вскоре был освобожден. Под итало-немецкой оккупацией издавал газету «Ифрикия аль-Фатат» (с января 1943 г.), выражавшую надежды на то, что колониальное угнетение Туниса закончится в результате военной победы держав «оси». Бежал из страны 6 мая 1943 г. В том же году заочно приговорен французским судом к смертной казни, скитался (Берлин, Париж, Мадрид), играл видную роль в эмигрантских кругах. Инициатор создания каирского Комитета за освобождение Арабского Магриба (КОАМ), погиб в авиационной катастрофе. Его именем названы крупный госпиталь, улица и сквер в центральной части г. Тунис.

Ахмед **Тлили** (1916-1967) крупный тунисский партийно-профсоюзный деятель. Уроженец г. Гафса, там закончил начальную школу, среднее образование получил в коллеже Садыкийя. С 1937 г. член партии Новый Дустур. Работал учителем, затем служил в почтово-телеграфном ведомстве и в горнодобывающей компании «Сфакс-Гафса». В 1944 г. вернулся в родные места. Сблизился с руководством шахтерских профсоюзов и принял участие в создании автономного Объединения профсоюзов Юга, затем вошел в состав руководства ВТСТ, с 1947 г. генеральный секретарь его отделения в Гафсе и член центральной Административной комиссии, с 1948 г. возглавил и местную федерацию Нового Дустура. В начале 1952 г. организовал структуры вооруженного сопротивления в этом районе. Арестован 14 февраля 1952 г., в июле 1954 г. освобожден. Делегат V съезда партии, на котором впервые был избран в политбюро. В 1956-1963 гг. генеральный секретарь ВТСТ, вице-президент МКСП. До окончания войны в Алжире выполнял особую миссию по поддержанию контактов с представителями военно-политических структур ФНО. После «ссоры в верхах» и смены руководства ВТСТ (1965 г.) эмигрировал, умер в Париже.

Салах **Фархат** (1890-...) один из основателей и с 1935 г. генеральный секретарь партии Старый Дустур, ранее — заместитель генерального секретаря. Родился в г. Тунис и принадлежал к аристократии, о чем говорит хотя бы имя его деда по матери — Хасин-ага, получил европейское образование, был по

профессии адвокатом. С мая 1921 г. член Исполнительной комиссии Дустура. Полицейская справка, составленная на Салаха Фархата в сентябре 1930 г., характеризовала его как «опасного пропагандиста», способного поощрить или возглавить «все движения, враждебные Франции и правительству Протектората». При этом автор справки аргументировал данную характеристику публичными выступлениями Салаха Фархата в 1923–1924 гг., когда тот говорил, что «тунисты создали Либерально-конституционную партию, дабы уподобиться туркам, которые некогда сокрушили Византию, а столетия спустя приняли у себя конституцию на зависть европейцам» и т.п. Прогноз полиции оказался несостоятельным. Салах Фархат основную часть времени уделял своей адвокатской конторе и как партийный руководитель отличался осторожностью. С 1 января до 15 мая 1943 г. входил в кабинет М. Шеника с портфелем министра юстиции. На съезде Старого Дустура в 1955 г. был избран его председателем, уступив А. Табури место генерального секретаря партии.

Алляль аль-Фаси (1906–1974) принадлежал к арабо-испанскому роду аль-Фаси (аль-Фасси), которые в конце XV века оставили Малагу и поселились в Фесе. Они дали много известных имен богословов, знатоков шариатского права, придворных и сочинителей арабской поэзии. Продолжив традицию предков, Алляль аль-Фаси закончил в Фесе мусульманский университет аль-Карауин, где в 1930 г. получил степень доктора мусульманского права и начал преподавать, одновременно читал публичные лекции на политические темы. Относился к обществу салафитов, которое вело кампанию против марабутов, в частности, против братства Тиджанийя. В 1934 г. открыл частную медресе, входил в Марокканский блок национального действия (*кутля аль-‘амаль аль-ватаний*), в октябре 1936 г. был избран его председателем. На следующий год основал Национальную партию, возникшую в результате распада блока. С ноября 1937 г. отбывал ссылку в Габоне, затем в Конго (Браззавиль). Вернувшись на родину в 1946 г., был признан вождем партии Истикляль. В мае 1947 г. по неизвестной причине эмигрировал в Египет, где оставался до 1956 г. Выступал с лекциями в аль-Азхаре и разъезжал с ними по странам Ближнего Востока. В течение первых 7–8 лет своей кайрской деятельности – на посту члена, а затем и генерального секретаря КОАМ – проявлял экстремизм лишь требованием переговоров с Францией «после, а не до» предоставления независимости странам Магриба, не агитируя за вооруженное восстание. Добивался решения марокканского вопроса через ООН, с этой целью выезжал в Нью-Йорк.

Вывдвинул тезис о «Большом Марокко» в его «естественно-исторических границах», простирающихся на юге до р. Сенегал, а на западе исправленных за счет присоединения части алжирской территории: от оазиса Тиндиф, до Коломб-Бешара и Адара. Обнародовал эту идею в Каире весной 1956 г. По возвращении в Марокко, которое в марте того же года получило независимость, но в «колониальных границах», становится советником султана и профессором исламоведения в университете им. Мухаммеда V в Рабате. В январе 1960 г. избран председателем партии Истикляль. В 1961–1963 г. – министр по делам культа. Вышел из правительства вместе с другими членами партии Истикляль в связи с ее переходом в оппозицию. (См.: *Gaudio A. Allal al-Fassi ou l'histoire de l'Istiqlal*, Paris: Albin Morreau, 1971; *Belouchi B. Portraits d'hommes politiques du Maroc*, Casablanca: Afrique-Orient, 2002, p. 29–36; Африка. Энциклопедический справочник. Том второй, М.: «Советская энциклопедия», 1987, с. 510)

Тахар аль-Хаддад (1899–1935) идеолог реформы шариата. Родился в г. Тунис в семье мигрантов из оазиса Габес. Учился в аз-Зейтуне, где получил звание шейха со средней ученой степенью; французским языком практически не владел. Абдельазиз Таальби ввел его в руководство Дустура, но из Исполнительной комиссии он вышел после отъезда Таальби за границу. Автор поэм, эссе и двух книг. Первая под названием «Тунисские рабочие и возникновение профсоюзного движения» увидела свет в 1927 г. (В 1966–1985 гг. вышли ее переиздания и перевод на французский язык). Она посвящена истории создания ВКТТ (1924–1925), одним из основателей и членом руководства которой являлся автор. Эта работа служит первостепенным источником по данному вопросу. В книге Хаддада, – писал французский арабист Жак Берк, – в разделах о забастовках докеров, можно найти «то, что мы сейчас называем исследованием показателей уровня жизни, *études de niveaux de vie*» (*Berque J. Le Maghreb entre deux guerres*. Paris: Seuil, 1962, p. 101). Вторая его книга «Наша женщина в шариате и обществе» была сначала принята благодушно, и вскоре после ее издания, 17 октября 1930 г., в казино Бельведер состоялся многолюдный банкет в честь автора, с присутствием членов культурно-просветительских обществ Халдунийя и Рашидийя. Однако уже на следующий месяц против него была развернута бешеная травля зейтуновскими улемами и некоторыми лидерами Дустура. Ныне признан в Тунисе провозвестником социальной модернизации и первым борцом за женские права, которые зафиксированы в «Законе о личном

статусе» 1956 г. и других официальных установлениях.

Мухаммед Шедли **Хазнадар** (1876-1954) деятель партии Старый Дустур. Офицер бейской гвардии и придворный стихотворец, писавший в классических и новых жанрах. В 1910 г. провозглашен «эмиром поэтов», многие его сочинения имели патриотическое содержание. Избран в Исполнительную комиссию Дустура в мае 1921 г., оставался активным членом партии до 1946 г. Считается зачинателем современной тунисской поэзии. (*Крачковский И.Ю.* Избранные произведения, т. 3, М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 341).

Мухаммед **Хайрадин-паша** (1822?-1890) мамлюк, государственный деятель и предтеча тунисского реформаторского движения. Вероятно, родился в Абхазии (точный год рождения неизвестен), тунисцы считали его «черкесом». В раннем детстве увезен в Стамбул, где попал к некоему Тахан-беку и жил в городе на берегу Босфора. Хозяин дал ему приличное образование, воспитывая как компаньона своего сына, обучил турецкому и французскому языкам. Перепроданный в возрасте 17-19 лет агенту тунисского правителя, жил с 1839/40 г., при дворе Ахмед-бея (1837-1855), который как раз в это время начал реформы в стиле египтянина Мухаммеда Али-паши: отменил рабство и работорговлю, допустил в страну христианских миссионеров, которые положили здесь начало книгопечатанию, открыл военно-инженерное училище в Бардо, так называемую Политехническую школу, где преподавали европейские инструкторы. В 1840-1850 гг. ее возглавлял итальянский офицер Луиджи Каллигари, который ранее преподавал в турецкой военной школе Эскисерай; затем начальником стал французский офицер. Молодой Хайрадин-паша не был слушателем Политехнической школы, как иногда ошибочно указывается (См.: Африка. Энциклопедический справочник. Том второй, М.: Советская энциклопедия, 1987, с. 526). Однако он контактировал с европейскими военными экспертами, благо школа находилась в одном из флигелей бейского дворца. Освоив арабский язык, официальный при дворе, занимался в ранге *бинбаши* интендантским обеспечением созданной на европейский манер конницы, в феврале 1842 г. принял на себя командование кавалерийским эскадроном и стремительно поднимался по службе: к 1848 г. имел чин полковника (*амир алаи*), а к 1853 г. — бригадного генерала (*амир лива*). В никаких военных походах не участвовал, если не считать полувоенные экспедиции паши-бей или его «заместителей» с целью сбора налогов. В 1846 г. сопровождал Ах-

мед-бея в поездке во Францию; тесно общался с членами французской «военной миссии» (1851-1854), прибывшей в Тунис по договоренности с Луи-Филиппом, чтобы создать здесь регулярную армию (доведена до 26 тыс. человек). Ее наращивали главным образом в оборонительных целях: ввиду притязаний Стамбула, который требовал от Хусейнидов возобновить выплату дани и признать в полном объеме свои вассальные обязанности; между тем судьба правителей Караманли, изгнанных в 1835 г. из Триполитании, заставляла бея спешить с «милитаризацией» своего государства. (Сравним: современные вооруженные силы Туниса — 35-40 тыс. человек).

Скорее декоративная, чем боевая армия дорого обходилась казне; и Хайрадин-паше пришлось заниматься больше финансами, чем лошадьми. С 1853 г. до мая 1857 г. он постоянно жил в Париже, куда был направлен разбираться с вопросом о долгах Махмуда Бен Айеда. Этот главный поставщик бейского двора, занимавшийся также откупом налогов, нажил сомнительное богатство, нанеся ущерб государству Хусейнидов, и бежал во Францию, где принял французское подданство. Хайрадин-паша добивался правды в арбитражных инстанциях. Имел также поручение от Порты получить заем у французских банкиров на ведение Крымской войны, в которой Тунис участвовал войсками. Однако, как он признавался позднее, Хайрадин-паша скорее тормозил это дело с заемом, поскольку потенциальные кредиторы требовали несусветный процент. Еще в октябре 1856 г., когда он еще находился в Париже, был произведен в дивизионные генералы, а также назначен морским министром и вали/губернатором Ла Гулетты. Эти две должности совпадали, и Хайрадин-паша оставался при них до 1862 г. По возвращении в Тунис состоял в комиссиях, которые подготовили «Фундаментальный пакт», или *«Ахд аль-Аман»*, положенный в основу конституции 1861 г., и другие законодательные акты в духе турецкого танзимата, в том числе декрет о реорганизации совета министров и судебной системы.

Оба эпохальных документа — Фундаментальный пакт и Конституция разрабатывались с участием французского и английского консулов, которые преследовали в этом деле свои интересы. Причем первый документ Мухаммед-бею (1856-1859) пришлось подписать, поглядывая на мачты военной флотилии под французским флагом, то есть под угрозой европейского вторжения; что не умаляет роль представителей местной знати, выступавших за модернизацию порядка правления. Это прежде всего — Хайрадин-паша и его старший по возрасту друг, урожденный тунисец Ибн Абиль

Диаф (1802-1874), историк и придворный секретарь; он же вместе с консулом Леоном Ла Рошем – главный составитель Фундаментального пакта, возвестившего в сентябре 1857 г. о неприкосновенности во владениях безличности и собственности человека «без различия религии и расы». Что касается мусульманских улемов, то они нехотя подчинились новшествам, retirовавшись при этом из комиссии по реформам. С введением 23 апреля 1861 г. тунисской конституции, Мухаммед Садок-бей (1859-1882) становится первым конституционным монархом в мусульманском мире. В свою очередь, Хайрадин-паша – первым в истории Туниса главой Верховного, или Большого совета (*аль-маджлис аль-акбар*), считавшегося «гарантом Фундаментального пакта» и блюстителем «принципа всеобщего равенства жителей страны перед законом» (Ст. 60 конституции). Однако уже на следующий год, не согласный с политикой главного визиря Мустафы Хазнадара, который вел страну к разорению, Хайрадин-паша подал в отставку со всех постов, сохранив за собой только простое членство в совете.

Отойдя от придворной суеты, посвятил себя ученым занятиям, жил то в своем поместье Мануба под Тунисом, то за границей, в основном во Франции. В декабре 1863 г. безуспешно пытался, как член Верховного совета, воспротивиться идее Хазнадара об удвоении подушного налога, заявив, что для сбора подати придется теперь снаряжать двойное войско, которое проест всю прибыль. Выезжал в Стамбул в 1864 г., чтобы уладить формальные отношения тунисского «королевства» с имперской столицей, к подобной миссии ему еще приходилось возвращаться. В 1867 г. опубликовал в Тунисе объемистый трактат «*Аквам аль-масалик фи ма'рифат ахваль аль-мамалик*» («Пути к познанию положения дел в различных государствах») с описанием политических систем в Османской империи и двадцати европейских странах. Вводная глава этого трактата была издана в Париже под названием «*Réformes nécessaires aux Etats musulmans*» (1868 г.); затем она издавалась частями на арабском языке и в переводе на турецкий. (Полный текст сочинения был малоизвестен).

Автор развивал идею о возрождении мусульманского общества путем заимствования не только западных технических новшеств, но и политических институтов; лучшим образцом государственного устройства ему казалась британская монархия. Виновниками отсталости мусульманского общества считал невежественных улемов; призывал их и государственных мужей немедленно приступить к радикальным реформам, ссылаясь

на негативный опыт Турции, которая, дескать, вот уже сорок лет топчется на месте, ограничиваясь внешними заимствованиями, вроде «переодевания баши-бузук в немецкую военную форму». Основу прогресса европейских стран усматривал в успехах просвещения и науки, обусловленных политическим строем, который зиждется на принципах справедливости, личной и гражданской свободы, обеспечивающих «циркуляцию общественного богатства и заставляющих фонтаном бить сокровища земли...». Высоко отзывался о французской революции 1789 г., подчеркивая, что ее результатом стало появление конституции, базирующейся на декларации «прав человека» (*аль-хукук аль-инсанийа*). Лишь вскользь упомянув казнь Людовика XVI, он подчеркнул: «Этот французский переворот заложил основу новой истории для всего человечества, ибо позволил переход положения человека на более высокую ступень: от состояния личной зависимости к полноте свободы. Тогда как раньше английская революция впервые заложила фундамент государства, покоящегося на правовых институтах». В предисловии к своему трактату автор писал: «мы сами убедились, что наивысшего уровня благосостояния достигли те страны, где свобода пустила глубокие корни». Но отмечал при этом, что у европейцев есть свободы двух типов: гражданские и политические. Первые состоят в праве индивида располагать собой и своим имуществом и т.д., вторые – в праве каждого участвовать в политических делах, выражать свое мнение. Считая безотлагательным делом ввести первые, то есть личные свободы, Хайрадин советовал мусульманским правителям не спешить со вторыми. Сторонник конституционного строя, он исходил из того, что конституция должна отвечать уровню развития и традициям каждой отдельно взятой страны.

В отношении Турции и ее провинций высказывал опасение, что предоставление политических свобод немусульманам позволит им, действуя заодно с европейскими государствами, развалить империю. Конкретно же имел в виду «злоупотребление» европейцами некогда дарованными им привилегиями (договоры о капитуляциях). На практике это опасение Хайрадин-паши выразилось в том, что он выступал против включения тунисцев-иудеев в бейский Верховный совет и разошелся по данному пункту в 1861 г. со своим единомышленником Ибн Абиля Диафом.

Впрочем, Хайрадин работал над своим сочинением, когда тунисская конституция была уже отменена и восстановлен режим неограниченной монархии. Видимо, разочарованный неудачным опытом «демократи-

зации сверху», натолкнувшись на мятеж подданных бея, требовавших отменить непомерные налоги, а заодно и конституцию, автор «*Аквам ал-масалик...*» предлагает (кстати, почти дословно повторяя Ибн Халдуна) опереться на Коран и шариат с тем, чтобы закон был единственным регулятором отношений между людьми. А народу при этом «надлежит наблюдать за тем, чтобы правительство соблюдало законы». Формулируя свои практические рекомендации, Хайрадин ратовал за ограничение власти суверена путем контроля за его поступками со стороны избранных народом представителей, подчеркивая, что у мусульман «политическая роль улемов и министров такова же, как и та роль, которую играют в конституционных государствах Европы палаты представителей». Таким образом, представительная демократия, по Хайрадину, на мусульманском востоке сводится к совещательному принципу (*шур*) или им подменяется, равно как идея «естественных прав человека», в конечном счете, подменяется идеей мусульманского эгалитаризма, якобы заложенного в шариате; что означало шаг назад по сравнению с Фундаментальным пактом 1857 г., где о шариате ни словом не было упомянуто. Это дает основание современным тунисским исследователям, во-первых, отнести трактат Хайрадина к общему течению арабской мысли, которая с XIX в. «настойчиво проявляла стремление к исламизации концепций, рожденных в Европе», предлагая такие дефиниции, как «исламская демократия», «исламские права человека», «исламская наука» и т.п. Во-вторых, усматривать аналогию между эволюцией взглядов визиря-реформатора и эволюцией практики тунисского независимого государства, где при наличии демократической конституции дело шло к подмене принципа парламентского контроля за исполнительной властью принципом традиционной «совещательной демократии» на уровне правящей элиты (Bourguiba, les bourguibiens et la construction de l'Etat National, Zaghouan: Publ. FTERSI, 2001, p.72).

Все еще находясь в полутставке, Хайрадин-паша в 1869 г. назначается председателем Международной финансовой комиссии, которая была создана декретом бея от 5 июля того же года и взяла в свои руки управление тунисскими финансами. Она осуществляла контроль над доходами и расходами (последние были урезаны) в целях погашения тунисского консолидированного долга в 125 млн. франков. Не требует особых доказательств тот факт, что председатель, хотя и влиятельный человек, был всего лишь «свадебным генералом» в финансовой комиссии, состоявшей

из французов, англичан и итальянцев. Что Хайрадину удалось сделать, так это с помощью вице-председателя комиссии – француза Виктора Вилле устранить своего главного политического противника Мустафу Хазнадра, который между тем был его тестем, а в свое время – одним из сторонников конституции. Комиссии удалось раскрыть, что Хазнадар обворовал казну на добрых 50 млн. франков, больше половины этой суммы Садок-бей ему простил, но все же «казначеем» пришлось уступить место победителю.

В 1873-1877 гг. бывший глава тунисских либералов занимает пост первого министра, но к этому времени его собственные взгляды изменились: великий визирь Хайрадин-паша отличался от Хайрадина – автора «*Аквам...*» и еще меньше походил на полного надежд молодого мусульманина-западника, вернувшегося из Парижа в 1857 г. на свою приемную родину, где готовились принять своего рода «билль о правах». За те годы, в течение которых он выступал главным образом в качестве наблюдателя, обстановка в Тунисе и окружающем мире тоже изменилась. После событий 1864-1865 гг. (восстания Али бен Гедахема и карательных походов генерала Заррука) страна, испытывавшая следом эпидемии и голод, была истощена, население пошло на убыль. Государство Садок-бея, «приватизированное» мамлюками, находилось в состоянии политической анархии, и новому премьеру оставалось лишь кое-как укрепить его административный аппарат. Он более уже не верил, что пересадка на мусульманскую почву западных институтов приведет ко благу. Перед лицом европейской экспансии склонялся к мысли, что тунисский вопрос необходимо решать в контексте более широкого «Восточного вопроса», а Тунису – восстановить связи со Стамбулом. В своей практической деятельности Хайрадин-паша выступал как жесткий консерватор. Введенный им земельный кодекс (1874 г.) закрепил бесправное положение арендаторов-хаммасов, работавших за пятую долю урожая, которая им никогда не доставалась, и составлявших нещадно эксплуатируемую, низшую прослойку тунисских феллахов; этот кодекс, действовавший и во времена протектората, представлял собой нечто вроде «второго издания крепостничества». Бывшие сподвижники Хайрадина упрекали его впоследствии за то, что в период своего «визирата» он не восстановил конституцию, которую можно было бы отредактировать, приведя ее в согласие с мусульманским правом. Он, со своей стороны, считал, что в мусульманской стране только владыка способен на проведение реформ, а ничтожный Садок-бей к этому вовсе не стремился, население же,

за исключением горстки людей, никакой конституции не требовало. (См. его поздние сочинения и мемуары, написанные в Турции). Вместе с тем Хайрадин добился восстановления смешанных судов, решавших вопросы по искам между европейцами и мусульманами, провел ряд важных реформ в сфере образования, в том числе основал коллеж Садыкийя (1875 г.), что оказало решающее влияние на последующее развитие страны. Считал себя ее патриотом и верным стражем государственных интересов, который «никогда не домогался ни постов, ни почестей» (Его письмо Садо́к-бею, текст см.: *Kraiem M. La Tunisie précoloniale, Tome I, ...p. 435-439*).

Как и другие представители мамлюкской «аристократии», имел обширные земельные владения, пожалованные ему беем, однако яростно выступал против крупных махинаторов в правительстве, которые один за другим отправили государственную казну в долговую яму. С этим была связана его отставка 21 июля 1877 г., отчасти спровоцированная придворными интригами и наветами французского консула Рустана, который, не пройдет и четыре года, был среди лиц, подписавших договор о протекторате. Покинув Тунис, Хайрадин-паша отправился в Виши, а затем в Париж. С сентября 1878 г. по приглашению султана Абдулхамида жил в Турции, где ему и семейству, за которым послали пароход, был представлен дворец Долма Бейтебе на берегу Босфора; в течение семи месяцев (декабрь 1878 – 22 июля 1879) возглавлял султанское правительство. Его отставка снова была добровольной. Причины этому называют две. Первая из разряда «кадровых»: в Стамбул вернулся изгнанный ранее Мехмет Надим-паша (бывший премьер-министр), которого якобы поддерживал царский посол князь Лобанов, последний настаивал, чтобы Хайрадин-паша взял к себе Надим-пашу министром внутренних дел, от чего «тунисец» отказался. Вторая причина идеологического характера: Хайрадин-паша хотел, чтобы в Османской империи была принята его программа реформ, встретившая сопротивление улемов во главе с шейху-ль-ислам Надимом Эфенди, которые считали, что замысел этих реформ противоречит Корану, хотя автор был убежден в обратном (см. «Revue d'Histoire Maghrébine», № 107-108, juin 2002, p. 103-113).

За свою жизнь Хайрадин-паша совершил 65 дипломатических миссий во Францию, Бельгию, Пруссию, Швецию и Голландию, не считая частных поездок во Францию, где он лечился на водах от подагры. Первой его женой, с которой он сочетался браком в 1862 г., была Дженина (она же Jannette и Лалла Кебира), дочь Мустафы Хазнадара и сестры Ахмед-бея. Имел в этом

браке троих детей. После смерти первой супруги в 1870 г. женился сразу на двоих и обеих жен отверг в 1873 г. Четвертая родила ему двух сыновей и умерла в Турции раньше мужа. Один из них, Тахар Хайрадин, в 1921 г. был приглашен в Тунис, чтобы стать министром юстиции (вновь созданного ведомства), оставался на этом посту до мая 1934 г. и подал в отставку, возмущенный репрессивными указами бея и Генерального резидента.

Документы, касающиеся жизни и творчества Хайрадин-паши, публиковались в журнале «Revue Tunisienne» в 1934-1940 гг.; изданы отдельным сборником в 1971 г. Среди них представляет большой интерес автобиографическое сочинение «Моим детям: воспоминания о моей частной и публичной жизни», из которого между прочим явствует, что знаменитый паша ничего не помнил об обстоятельствах своего пленения или продажи в детстве «в результате какой-то войны (Кавказская война? – М.В.) или миграции», а следы его родни затерялись. Биографы Хайрадина считают наиболее вероятной датой его рождения 1822 г. (во всяком случае, она официально принята), а также, что он принадлежал к племени «абазов», из которого Османская империя снабжалась белыми рабами. По версии самого Хайрадина его отец погиб в сражении с русскими и был «хозяином гор», возможно, это легенда. Есть непроверенные сведения о его поездке из Стамбула в Россию на поиски своих корней. Между тем грузинские источники подтверждают его абхазское происхождение. Благодарим за эту информацию профессора ИСАА при МГУ Фериду Мустафовну Ацамбу, которая знакома с этими источниками и к тому же встречала стариков, знавших деревню и родных Хайрадин-паши.

Его сочинения и некоторые публикации о нем и его времени: *Khayr al-Din al-Tunisi. The Surest Path: the Political Treatise of a Nineteenth century Muslim Statesman. Translated with introduction and notes by L.C. Brown. Cambridge, Mass., 1967; Mzali M.S., Pignon J. Documents sur Khéredine. A mes enfants et annexes, Tunis, 1971; Smida M. Khéreddine, ministre réformateur (1873-1877), Tunis: M.T.E., 1970; Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте, М.: Наука, 1972, с. 52-53; Abun-Nasr J.M. A History of the Maghrib, London: Cambridge Univ. Press, 1977, p. 259-275; Ganiage J. Les Origines du protectorat français en Tunisie, 1861-1881, Paris, 1959; Kraiem M. La Tunisie précoloniale, Tome II. Economie, société, Tunis: STD, 1973, p.239-254, 259, 319-330; Brown L.C. The Tunisia of Ahmed Bey (1837-1855), Princeton, 1974; Van Kriecken G.S. Khayr al-Din et la Tunisie (1850-1881), Leiden, 1976;*

Amairia H. Elite Tunisienne et révolution française, de Khairreddine aux «Jeunes Tunisiens» // Les relations tuniso-françaises au miroir des élites (XIXème, XXème siècles). Tunis: Publications de la Faculté des Lettres – Manouba, 1997. p. 49-62.

Основные статьи земельного кодекса 1874 г. см.: *Le Mouvement Réformiste en Tunisie 1815-1920*, Tunis: Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National, 1994, p.105-107; О сыне Хайрадин-паши, тунисском министре, см.: Сахли Х. *Аль-вазир тахар-баши хайрадин (1875-1937)*. Тунис: Высший институт истории национального движения, 1998.

Шедли **Хайраллах** (1898-...) видный деятель раннего дустуровского движения. Родился в г. Тунис и принадлежал к аристократической семье. Сын Хайраллаха Бен Мустафы (см выше). Закончил коллеж Садыкийи и лицей Карно. В 1921 г. посещал собрания Тунисской федерации ФКП. В 1924 г. поступил на государственную службу, параллельно занимался литературной и политической деятельностью, сотрудничал в печатных органах партии Дустур. После опубликования его «Открытого письма Генеральному резиденту» был вынужден оставить службу и уехал в Париж, где продолжал учебу и участвовал в создании организации «Североафриканская звезда» (март 1926 г.), становится ее первым председателем, а также редактором ее еженедельника, выходившего на французском и арабском языках. В феврале 1927 г. участвовал в работе «Конгресса угнетенных народов» в Брюсселе. За месяц до этого был утвержден постоянным представителем партии Дустур в Париже как член ее Исполкома («Watha'iq», Tunis, № 24-25, 1998-1999, p. 157). 21 декабря того же года поступило распоряжение о его депортации из Франции, и 19 января 1928 г. он вернулся в Тунис, где последовательно открывает газеты: «L'Etendard Tunisien», которая выходила с января 1929 г. по февраль 1930 г. и «La Voix du Tunisien», издававшуюся, с перерывами, в течение двадцати лет. В начале тридцатых примкнул к «молодежной» фракции дустуровцев. С 6 января по 12 апреля 1935 г. возглавлял 3-е политбюро Нового Дустура. Вел переговоры об освобождении сосланных лидеров партии, одновременно – широкую агитацию в ее пользу. Заподозренный в сотрудничестве с французскими властями, весной 1935 г. отошел от ее деятельности. На некоторое время поселился в Риме, затем вновь появился на политической сцене Туниса, возглавив группу независимых националистов, пытавшихся занять промежуточную нишу между Старым и Новым Дустурами. В период существо-

вания во Франции правительства Народного Фронта выступал за конституционные реформы в Тунисе и постепенную эволюцию режима протектората, предостерегая против «тирании масс» (*Иванов Н.А.* Указ. соч., с. 224). После второй мировой войны возобновил издание политического еженедельника «La Voix du Tunisien», выступая за возвращение на трон Монсефбея, с призывами за национальную независимость Туниса, за солидарность народов Северной Африки и в поддержку Лиги арабских государств. Автор трехтомной книги «Le mouvement évolutionniste tunisien» (Tunis, 1934-1938), посвященной движению младотунисцев, одним из видных деятелей которого являлся его отец. Она является важным источником для изучения соответствующего периода и широко цитируется специалистами. Газета «La Voix du Tunisien», в редакции которой начал складываться будущий состав руководства Нового Дустура, прекратила выпуск 24 ноября 1932 г., выходила еженедельно с 28 марта по 30 мая 1933 г., затем с 6 апреля по 25 июня 1937 г. и, наконец, в четвертый раз издавалась с 5 сентября 1947 г. до 27 июня 1950 г. (*Dabbab M.* Index des revues et journaux tunisiens de langue française de 1907 à l'indépendance (1956), Tunis: CERES, 1973, p. 27-28).

Шедли **Халлади** (псевдоним Абд аль-Хакк) адвокат и публицист. Школьный товарищ Хабиба Бургибы по коллежу Садыкийи. В начале тридцатых входил в группу сотрудников «La Voix du Tunisien», получил известность своими статьями в парижском журнале «Maghreb». Остался в рядах Старого Дустура (до 1948 г.). Его отношения с президентом Бургибой были временами конфликтными. Избранный в 1958 г. председателем тунисской коллегии адвокатов, он сам в 1961 г. предстал перед судом за неосторожное высказывание в адрес официальных властей. Бургиба настаивал на его исключении из коллегии, чему последняя воспротивилась. На следующий год Бургиба торжественно заявил о независимости судебной власти, что, собственно, провозглашалось Конституцией 1959 г. «Дело Халлади» свидетельствовало о нарушении этого принципа. Автор брошюры: *Abdel-Hac.* La Tunisie aux fonctionnaires. Tunis: Imp. de la Renaissance, 1932. (Критика бесконечных уступок и привилегий французским гражданским служащим и дискриминации тунисцев). См. также: *Abdel-Hac.* Au temps de la colonisation, Tunis, M.T.E., 1989.

Мухаммед Али **аль-Хамми** (1894-1928) зачинатель национального профсоюзного движения в Тунисе. Настоящее имя – Мухаммед бен Али

Биографическое приложение

бен Мухтар аль-Гаффари. Выходец из бедноты; родился в местечке Эль-Хамма неподалеку от Габеса, в семье феллаха. Мать его рано умерла, и отец отправил сына (лет 6-и или 7-и) в столицу, где он жил у сестры в квартале Сиди Мансур и работал подручным на продовольственном рынке Marché Central, продолжая осваивать азы арабской грамоты в куттабе. Вскоре был взят рассыльным в австрийское консульство, где устроился привратником его старший брат. Прошли годы, и толковый мальчик научился французскому, итальянскому и немецкому языкам, проявлял интерес к механике. Со временем становится шофером консула, который проникся симпатией к юноше, помог ему продолжить образование на вечерних курсах и брал с собой, уезжая в отпуск. Таким образом Мухаммед Али смог повидать Европу. После окончательного отъезда австрийского дипломата обслуживал машину одного из мусульманских духовных лиц.

Считается, что в 1911 г. он пробрался в Триполитанию, чтобы воевать с итальянцами, там познакомился с Энвер-пашой – одним из лидеров младотурецкой партии «Единение и прогресс», стал его личным шофером и вместе с ним уехал в Стамбул. По уточненным данным (полученным от его родни), был нанят Энвер-пашой, когда тот находился проездом через Тунис, сам же провел на ливийской территории, а может быть, только на границе, куда довез седока, всего несколько дней и вернулся обратно, задержавшись в Эль-Хамме у родственников. И лишь по возвращении в Тунис-столицу получил готовый паспорт и некую сумму денег от нового патрона вместе с приглашением присоединиться к нему в Турции.

Отплывший пароход вез Мухаммеда Али к большим приключениям. Но дальнейшие его странствия, которые заняли целых 12 лет, окутаны флером тайны. Известно, что в 1913 г. он записался в турецкую армию, продолжая работать водителем Энвер-паши – военного министра и самого влиятельного члена младотурецкого «триумvirата». Вслед за ним отправился в Германию, где был очевидцем ноябрьской революции 1918 г., а в начале двадцатых там и осел. Есть туманные сведения о его пребывании в Средней Азии в период борьбы советской власти с басмачеством (на стороне которого в стычке с красноармейцами погиб в 1922 г. Энвер-паша), о путешествиях в Египет, Алжир и Марокко. К достоверным относится тот факт, что в 1921 г. Мухаммед Али был принят – на правах оттоманского подданного – в берлинский Koinigliche Universitat, где принялся изучать экономические науки. Впервые после долгого отсутствия посетил Тунис в

Биографическое приложение

1923 г., затем продолжил учебу, но был исключен из студентов за недостаточное прилежание. По другим сведениям, в феврале 1924 г. получил степень «доктора» в Народном университете Берлина. Ходили слухи, что он учился и в других местах. Действительно, одну почтовую открытку с изображением Латинского квартала он прислал из Франции. Так или иначе, оконувшийся в водоворот немецкой политической жизни послевоенных лет и уделявший много времени собственным выступлениям в берлинском клубе арабских студентов, Мухаммед Али прослушал в Германии лекции известных немецких профессоров по таким дисциплинам, как экономика и колониальная политика, государственные финансы, теория и история пролетарского движения, историческая концепция Карла Маркса и проч.

В Тунисе, куда он вернулся в начале марта 1924 г., вновь поселившись у сестры на улице Сиди Мансур – в арабском квартале, Мухаммед Али сблизился с завсегдатаями литературных кафе и кружков, где обсуждались социалистические идеи. Среди них были Ларби Мами, Тахар Ботория и Тахар аль-Хаддад, который в своей книге, написанной три года спустя, признавал, что их новый друг, который столь долго прожил вдали от родины, явился в Тунис с планами, «превосходящими реальность страны, и мы ему говорили, что это – философское мечтание» (аль-Хаддад Т. *аль-уммаль ат-тунисийун ва зухур аль-харака ан-никабийя*, Тунис: М.Т.Е., 1966, с. 42). Молодые люди решили для начала ограничиться развитием потребительской кооперации, рассчитанной на беднейшие слои населения, и основать в различных районах страны кооперативные товарищества (*шарикат тааунийя*). Нельзя не заметить, что к этому времени в Тунисе уже имелся некоторый опыт создания промысловых кооперативов. Они пустили корни в столичной медицине, заменяя собой средневековые корпорации. В этом участвовали с 1919 г. такие деловые люди нового покроя, как Мухаммед Шеник, Мухтар Джемаль и др. К хозяевам одного из самых крупных по торговому обороту кооперативов, а именно к владельцам сверкающих в полутьме ювелирных лавок на Сук аль-Грана (ряды «ливорнцев», серебряных дел мастеров), сначала и пытались обратиться за ссудой Мухаммед Али с друзьями, но получили отказ. Это их убедило в том, что действовать надо самостоятельно.

К лету был разработан устав Тунисского общества экономической взаимопомощи, отдельные положения которого попали в прессу еще до утверждения окончательного варианта. Первым пунктом устава сообщалось,

что «общества взаимопомощи легли в фундамент экономического прогресса европейских стран». Третий пункт определял роль акционеров, «которые будут делить между собой прибыль и воспользуются умеренными ценами на товары». Планировалось, что участники широкого народного проекта станут равноправными компаньонами, внося каждый одинаковую сумму в 100 франков четырьмя траншами (*Menaja A. Mohammed Ali al Hammi. Fondateur du Syndicalisme Tunisien, Tunis: Artypo, 1985, p.18-19*). В один из последних июньских дней 1924 г. зал Халдунийя, обычное место встреч просвещенной публики, был переполнен. Здесь Мухаммед Али вместе со своим единомышленником и отныне alter ego – Тахаром аль-Хаддадом огласили проект своего предприятия. Его горячо расписывал еще один энтузиаст этого дела – лицеист Тахар Сфар (будущий соучредитель Нового Дустура). Через неделю после «презентации» проекта был избран оргкомитет Тунисского общества экономической взаимопомощи, чтобы начать распространение акций. На митингах и собраниях в различных уголках столицы и в провинциальных населенных пунктах Мухаммед Али неутомимо разъяснял блага кооперации мелким хозяевам и рабочим. Хотя ближайшей задачей оргкомитета являлось оказание поддержки самым уязвимым слоям населения, прямо или косвенно страдавшим в тот год от сильной засухи (стоимость потребительской корзины средней рабочей семьи подскочила на 30%), в перспективе мыслилось создание разнообразных кооперативов: от земельных и промышленных, вплоть до банковских. Все это должно было слиться в стройную систему.

«Социалистическая программа Мухаммеда Али и его друзей, выдержанная в стиле лассальянских идей о свободных производственных товариществах, была, разумеется, чистой утопией» (*Иванов Н.А. Кризис французского протектората в Тунисе, М.: Наука, 1971, с. 71*). Она имела целью построение сообщества кооператоров (*'аммат-уль-муштиарикин*), которое, используя знание и разум, будет вести собственные дела и руководить предприятиями, созданными свободными тружениками, а в идеале предполагала завоевание кооператорами экономической власти. «Утопией или идеологией?», со знаком вопроса, называют ее современные тунисские авторы, подразумевая, что эта программа, соединившая доморощенную социологию Тахара аль-Хаддада и немецкие уроки его друга, отвечала «идеологии модернизации», которую – уже не в первом поколении – исповедовали тунисские реформаторы. Усердием биографов Мухаммеда Али, ознакомившихся в берлинских архивах с содержанием прослушанных им

лекций, было установлено, что профессор Зомбарт, читавший в Koinigliche Universitat курс теории и истории пролетарского движения, развивал мысль об устранении конкуренции как стимула производства и причины классовой вражды. Это служит косвенным аргументом в пользу того, что мечтательный философ из Туниса решил немедленно претворить в жизнь социальную утопию у себя на родине. Вместе с тем нельзя не заметить, что авторы мертворожденного проекта ставили задачу преодоления хозяйственной отсталости населения Туниса – как предварительного условия его освобождения – и в этом было рациональное зерно их замысла. Действительно, Тахар аль-Хаддад писал, быть может, имея в виду дело основателей египетского банка «Мыср», который привлекал средства мелких вкладчиков: «Тунисский патронат еще не дошел до того, чтобы объединить свои усилия к тому, чтобы сопротивляться иностранной конкуренции, модернизируя свое производство и концентрируя свой капитал...» (аль-Хаддад Т. Указ. соч., с. 28). При этом он подчеркивал, что «главный конфликт в нашем обществе – не между лицами наемного труда и работодателями, а между земщиками и ростовщиками», однако не исключал, что в будущем это общество ждут классовые конфликты, подобные сотрясающим Европу.

Тем временем внимание Мухаммеда Али привлекла забастовка тунисских докеров, поднятая 13 августа 1924 г. И с этого момента его деятельность целиком переключилась на создание комитета помощи бастующим. Начались новые агитационные поездки бывшего студента, ратовавшего теперь за создание национального профсоюзного центра – Всеобщей конфедерации тунисских трудящихся (ВКТТ). Ее оригинальное название – *«джамиа'ту у'мум аль-'амлия ат-тунисийин*», французское встречается в двух вариантах: «Confédération générale des Travailleurs Tunisiens» и «Confédération générale du Travail Tunisien» (CGTT). На обложке членского билета ВКТТ был изображен человек в бурнуса, разрывающий руками цепи своих оков. У его ног снопы колосьев, коса и плуг, а также серп и молот, но не скрещенные, а разбросанные по земле. На заднем фоне – лучистое солнце, встающее из-за гор. И рядом надпись наискосок: *«аль-хуррийату би-ль-иттихад»* («Свобода в единстве»). Двери в новые профсоюзы были открыты для лиц любой национальности и религиозной принадлежности, однако на практике ВКТТ, нашедшая поддержку коммунистов, обрела популярность только среди арабских рабочих и, как правило, лиц неквалифицированного труда. По данным судебных следователей, в нее вошли 6 тыс. че-

Биографическое приложение

ловек, в том числе 18 немусульман (*Menaja A. Op. cit.*, p. 130).

Она создавалась поэтапно. Начало было положено 3 сентября 1924 г., когда стачечный комитет принял решение, зафиксированное протоколом, об учреждении автономной Тунисской конфедерации труда по уставу, «аналогичному тем, с какими регистрируются рабочие корпорации, связанные с Интернационалом» (аль-Хаддад Т. Указ соч., с. 92). Недовольство столичных портовиков низкой оплатой труда вскоре перекинулось на Бизерту, где произошли столкновения забастовщиков с полицией. Самые драматические события разыгрались 11 сентября. В этот день власти арестовали руководителя бизертской федерации профсоюзов ДО ВКТ – Мухаммеда Хемири. К вечеру огромная толпа собралась у здания комиссариата полиции. Ораторы просили людей не расходиться, пока задержанного не освободят из-под стражи. Тогда полиция и отряд сенегальских стрелков открыли огонь. Один демонстрант был убит, шестеро ранены. Бизертская забастовка, в которой приняли участие рабочие и грузчики, занятые на кирпичном заводе, а также на реконструкции портовых сооружений, остановилась лишь 30 сентября. К этому времени в обоих городах, Тунисе и Бизерте, уже возникли автономные профсоюзы; некоторые – в результате выхода части рабочих, например, путейцев, или целых синдикатов (профсоюз фесочников) из ДО ВКТ. Другие создавались впервые, таких было больше, это профсоюзы докеров, рабочих каменоломен и цементных заводов, мукомолов и грузчиков хлебного рынка (*le syndicat du souk du blé*), рабочих текстильных мастерских машинного типа (*le syndicat du tissage mécanique*) и, наконец, представителей старинных видов ремесла: мастеров по производству бурнусов или занятых выделкой конной сбруи. В небольшом г. Матир был создан общегородской профсоюз рабочих разных специальностей. Стремясь выйти за рамки северо-восточного района страны, Мухаммед Али совершал поездки на юг. Не полностью забросил он и свой проект с кооперативами. Явившись в шахтерский Метлави, где его поначалу встретили враждебно, он таким образом излагал свой план: сначала наладить потребительскую кооперацию, чтобы избавить рабочих от эксплуатации нечестными торговцами, затем создать профсоюзы, которые поднимут материальный и моральный уровень горняков (*Menaja A. Op. cit.*, p. 74).

Осенью 1924 г. Мухаммед Али был уже человеком, о котором все говорили. Одни считали его ксенофобом, другие анархистом, третьи агентом Москвы или Берлина, заброшенным через Стамбул, четвертые – просто мошенником, выманивающим деньги у бедняков на фантастическую

Биографическое приложение

аферу. Газета «Tunis-Socialiste» писала: «Когда в августе нынешнего года в порту Туниса забастовали докеры, ВКТ собиралась объединить их в профсоюз, который волился бы в международную семью труда. Но тут явились молодые дустуровцы с белыми руками... и отвратили своих единоверцев от синдиката *goumis* (европейцев, букв. «римлян» – М.В.), они говорили, дескать, оставайтесь сами по себе, “не доверяйте французам, которые вас никогда не поддерживали, стерегитесь предателей, которые продадут вас французам”... Международное рабочее единство – догма социалистов. Тактика же коммунистов состоит в том, чтобы поощрять любое сепаратистское или националистическое движение. И компартия взяла под свою опеку ВКТТ Мухаммеда Али. Но последняя – вовсе не коммунистическая организация, а националистическая, и поэтому мы с ней боремся... Рабочий союз в этой стране расколот религиозным национализмом» (Цит. по: *Menaja A. Op. cit.*, p.70-71).

В сентябре Иохим Дюрель участвовал на конгрессе ВКТ в Париже, где потребовал срочного распространения на регентство трудового законодательства метрополии, сказав: «недопустимо, чтобы в стране под французским флагом не соблюдались французские социальные законы». 24 октября в Тунис прибыл Леон Жуо – генеральный секретарь ВКТ и представитель Франции в Лиге наций, чтобы изучить положение на месте. Объехав страну и проведя ряд митингов, он 6 ноября отплыл в Марсель, а Жан-Поль Финидори писал позднее в своих неизданных мемуарах, что этот «социал-предатель» поехал распускать в Париже любую ложь, которую способен изобрести (*Ibid.*, p. 63).

Глава кабинета Левого картеля – Эдуард Эррио создал под своим председательством консультативную комиссию, чтобы выработать рекомендации в отношении Туниса, но при этом наотрез отказался признать Мухаммеда Али как профсоюзного лидера и вступить с ним в какие-либо переговоры. В состав комиссии вошел Жуо, визит которого в протекторат не повернул вспять, а даже подхлестнул нежелательный ход событий. Так, 31 октября Мухаммед Али пригласил гостя на Биржу труда, где его ознакомили с сентябрьской резолюцией стачкома и поставили перед свершившимся фактом. Свершился он прямо на глазах присутствующих. В здание биржи народ валил толпой. Корреспондентом дустуровской прессы прибыл Тауфик аль-Мадани, которого избрали в президиум собрания. Отчеты о дискуссии дали газеты «Иффрикийя», «Зохра» и др., благодаря чему историкам удалось восстановить картину почти детально. Первым взял слово

Мухаммед Али и заявил, что тунисские рабочие, будучи представителями самобытной нации (*умма*) осознали: принадлежность к ВКТ им бесполезна, поэтому они решили создать автономный профцентр, который примкнет к одному из Интернационалов в качестве самостоятельной тунисской секции. «Не надо считать нашу организацию, — подчеркнул он, — мусульманской или националистической, напротив, она намерена охватить всех рабочих: французов и итальянцев наравне с тунисцами». На трибуну поднимались Тахар аль-Хаддад и Мухтар аль-Айари. Отвечая на вопрос из зала: «Какой Интернационал имеется в виду?», — последний сказал, что это зависит от выбора самих трудящихся. Если они отдадут предпочтение Ш.ему Московскому, так тому и быть, а если захотят присоединиться ко Ш.ому Амстердамскому, тоже так оно и будет. Жуо пытался успокоить страсти, уверяя, что ВКТ не делает никаких различий между своими членами, а в кулуарной беседе с Мухаммедом Али пригрозил, что его затея обречена на провал. Дюрель возмущался: вот уже который год французы обвиняют его в проарабской позиции, а теперь арабы сочли предателем. «Я утверждаю, что создание такой (автономной — *М.В.*) организации есть проявление национализма». Зал прервал его криками протеста, Дюрель и Жуо покинули собрание, а Мухаммед Али торжественно заявил: «Тунисская конфедерация родилась!». В ответ раздалось: «Да здравствует ВКТТ!» (*Menaja A. Op. cit., p. 64-67*).

После собрания на Бирже труда среди сторонников идеи образования национального профцентра, которая отчасти шла «снизу», возникли разногласия. Некоторые предлагали не спешить и остановиться на достигнутом. Напротив, Мухаммед Али, обнадеженный успехом, надеялся поднять всю страну. С этой целью он совершает поездку в Сфакс, где под влиянием его агитации рабочие-тунисцы, занятые на предприятиях компании «Сфакс-Гафса», создали автономный профсоюз; аналогичное решение приняли докеры. Здесь Мухаммед Али пробыл 5 дней и отправился дальше в сопровождении Финидори, который стал кем-то вроде его пресс-секретаря, готовя репортажи для «*L'Avenir Social*». (Не владея арабским, в агитации не участвовал). Наконец, 3 декабря был создан Временный исполком ВКТТ, генеральным секретарем избран Мухаммед Али, его заместителем Брахим Бен Амор, казначеем Мухаммед Каддур. В комиссию по пропаганде из пяти человек вошли Тахар аль-Хаддад и Мухтар аль-Айари.

Североафриканские рабочие Парижского района прислали новобранным членам исполкома ВКТТ приветственную телеграмму. Мухтар али

Айари, самый опытный среди них профсоюзный деятель, развернул организационно-пропагандистскую работу в районе Бизерта — Ферривиль и в Матире. Мухаммед Али отправился в Габес и 15 декабря появился в Метлави, откуда был скоро выдворен. Этот район, центр фосфатодобывающей промышленности, строго охранялся и в то время представлял собой нечто вроде резервации для туземных рабочих, живших отдельно от европейцев, шкала заработной платы которых была выше; при этом тунисцы и отходники из Ливии, Алжира или Марокко, жили, кажде, в изолированных барачных поселках. Именно здесь, в Метлави, оратор впервые использовал религиозную риторику в своей речи. Проведя ряд неудачных митингов, он сказал шахтерам: «Я пришел к вам в последний раз, и позвольте мне объясниться прежде, чем я уеду. Разве вы не мусульмане? Верите ли вы в Коран? Теперь послушайте... Всевышний сделал мусульман своим избранным народом, ибо они обладают наилучшими качествами, чтобы творить добро и отрицать зло. Нашим предкам это удавалось, поскольку они были единственными наследниками цивилизаций древности. Думаете ли вы, что нашу великую цивилизацию уважают?... Какую жизнь вы здесь влечите, подвергая себя смертельной опасности, получая жалкие гроши, и в вечных долгах перед торговцем... Я вижу вас сейчас с бледными лицами, в отрепьях, покрытыми пылью забоев, а посмотрите на европейцев, которые работают вместе с вами и живут в достатке. Но что мне непонятно, — закончил Мухаммед Али, — так это почему вы не хотите своего счастья и гоните прочь того, кто желает показать вам успешный путь» (Цит. по: *Ibid., p. 75*).

Полностью в своей агитационной кампании на юге Мухаммед Али не преуспел, но снискал внимание горняков. Затем прокатилась волна митингов на разных улицах столицы, самый большой собрался на площади Хальфавин, где выступили с речами руководители ВКТТ. Несмотря на то, что 5 января 1925 г. полиция произвела обыск в доме №31 по улице Сиди Мансур — на квартире Мухаммеда Али, где размещался и штаб ВКТТ, она готовилась к своему учредительному съезду. Он состоялся 19 января после нескольких рабочих совещаний с делегатами из провинции. Временный исполком был преобразован в постоянный. В тот же день в столичном пригороде Хаммам-Лиф, где велась добыча камня-известняка из открытых карьеров, произошли события, послужившие поводом к разгону ВКТТ. Помимо целебных источников, которые и дали название этому предместью, где находился один из бейских дворцов, Хаммам-Лиф славился месторождениями

известняка, лучшими в стране. Здесь же работали заводы по производству гашеной извести. Один из них находился в соседнем поселке Потэнвиле, название которому дала компания «Maison Felix Potin», владевшая в поселке сельскохозяйственными угодьями вместе с заводом. 19 января 1925 г. началась стачка рабочих Хаммам-Лифа и Потэнвиля с требованием повышения оплаты труда. Собственно, участников стачки было не так уж много, всего 200-300 человек, к которым присоединились сельскохозяйственные рабочие «Domaine de Potinville»; их локальная забастовка не шла в сравнение с прошлогодними волнениями докеров. Но она затрагивала экономические интересы издателя «Dérêche Tunisienne», возглавлявшего совет директоров компании «Thermes», связанной со строительной промышленностью. Кроме того, 25 января бастующие затеяли драку с европейцами-штрейкбрехерами. Поэтому события в Потэнвиле получили самую широкую огласку.

5 февраля Мухаммед Али был арестован, то же самое произошло с аль-Айари и Финидори. Митинг протеста 7 февраля собрал перед французской Резиденцией, по разным оценкам, от 600 до 2 000 человек. Здесь же были арестованы двое членов комиссии по пропаганде Исполкома ВКТТ, фесочник Мухаммед аль-Кабади и грузчик Мухаммед аль-Ганнуши (родом из деревни под Габесом), третьим попался торговец с овощного рынка Али бен Мухаммед аль-Каруи. Они привели с собой докеров, а зеленщик еще накануне призывал народ на площади Хальфавин ко всеобщей забастовке. Это послужило достаточным поводом для их задержания.

Из политических партий в защиту арестованных профактивистов встала только ФКП, в том числе парламентарий Андре Бертон, чей депутатский запрос в Париже получил отповедь Эдуарда Эррио, подчеркнувшего сомнительное прошлое Мухаммеда Али. К этому времени французские власти сумели сколотить против него «противоестественный альянс», включавший: Тунисскую федерацию СФИО и ДО ВКТ, партию Дустур, Реформистскую партию Хасана Геллати и, наконец, туземную секцию Большого Совета. Подобный альянс, конечно, возник не случайно. В период деятельности кабинета Левого картеля (1924-1926 гг.) СФИО являлась во Франции одной из правящих партий, которым депутаты от ФКП составляли в парламенте слабую оппозицию. Сложившаяся конъюнктура заставила Дустур, официальную линию которого определял генеральный секретарь Ахмед ас-Сафи (все еще надевавшийся на плоды миссии «третьего вафда» в Париже), заключить союз с влиятельной в регентстве троиствен-

ной коалицией: федерация СФИО и ДО ВКТ вкупе с реформистами, следовавшими в фарватере СФИО. Лидеры этого пятичленного союза, образовавшие своего рода картель противников идеи создания национального профцентра, направили 10 февраля в адрес Эррио общую телеграмму, которая осуждала прозвучавшие в Бурбонском дворце заявления французских коммунистов и одновременно выражала надежду, что правительство метрополии осуществит в Тунисе «либеральные реформы в рамках протектората». 20 февраля газета «Tunis-Socialiste» выразила удовлетворение тем, что дустуровцы выступают за роспуск ВКТТ и слияние сформированных ею профсоюзов с ДО ВКТ. Партийная печать дустуровцев, на которых оказывал нажим Иохим Дюрель, требуя от них занять четкую позицию, «советовала» рабочим вернуться в лоно европейских профсоюзов; хотя вполне вероятно, что многие члены руководства партии Дустур, не говоря уже о ее рядовых членах, были внутренне с этим не согласны.

Судебный процесс над пятью активистами ВКТТ и шеф-издателем «L'Avenir Social» происходил 12-17 ноября 1925 г. Трое осужденных: Мухаммед Али, Мухтар аль-Айари и Жан-Поль Финидори были приговорены к десяти годам изгнания, остальные – к пяти годам. Прокурор заявил в обвинительной речи, текст которой распространила «Dérêche Tunisienne», что коммунист Финидори самый злостный преступник. Живя нищим и безработным на субсидию от своей партии, он – предатель, который хочет погибели своих же сопатриотов. Его товарищ, Мухтар аль-Айари, уволенный из трамвайного депо, тоже давно не рабочий. Правда, на войне он храбро сражался за Францию, «а теперь зачем воюет против нее в мирное время?». Относительно 45-летнего аль-Ганнуши, старшего по возрасту подсудимого, заметил, что этот отец двоих детей, секретарь профсоюза грузчиков на хлебном рынке (Halle aux grains), уже сидел за мелкую кражу. В адрес самого молодого – 25-летнего аль-Каруи, уроженца Габеса, съездив, что этот рыночный перекупщик по народным понятиям вообще относится к «мироедам» и непонятно как и почему оказался в обойме агитаторов, «не будучи пролетарием». По поводу 30-летнего аль-Кабади напомнил, что он сделал свое черное дело, уведя из ВКТ рабочих-фесочников, цеховой профсоюз которых возглавлял. Что касается Мухаммеда Али, то «этот молодой человек без определенных занятий служил шофером Энвер-паша, одного из самых свирепых врагов Франции», мало того, был главным механиком турецкого автопарка и, «значит, воевал против нас». Теперь же создал целую армию в 6 тыс. бойцов и заявил однажды: «Все готовы

к борьбе, даже если это нам будет стоить жизни» (здесь была зачитана выдержка из письма подсудимого). «А цель этой борьбы, — подвел итог обвинитель, — не оставляет сомнения: выгнать французов из Туниса!».

Сам Мухаммед Али, которому в особую вину вменялись его «расистские» высказывания перед шахтерами, пытался доказать чисто синдикалистский характер своей деятельности. В итоге судебного процесса он был обвинен в связях с европейскими коммунистами и сотрудничестве с Германией, в ущерб французским интересам (статья: «покушение на государственную безопасность»). Его адвокатами выступили социалист Дюран-Анливьер и заместитель генерального секретаря Дустура — Салах Фархат; оба стремились строить защиту на тезисе о том, что дело о трудовом конфликте было раздуто до политического в угоду хозяевам предприятий строительного комплекса. Адвокатом Финидори, чье дело прошло через кассационный суд Алжира, выступал г-н Бертон.

Обезглавленные национальные профсоюзы вскоре распались, проводя в феврале — декабре 1925 г. несколько мелких забастовок. Серьезные ноябрьские волнения этого года, спровоцированные установкой памятника кардиналу Лавижери, простирающему руку с крестом в сторону медины, к рабочему движению прямого отношения не имели, разве что были подогреты судебным процессом над Мухаммедом Али и его товарищами, равно как войной в Рифе. Между тем основатель ВКТТ — предтечи современного Всеобщего тунисского союза труда (ВТСТ) остался у себя на родине легендарной личностью. Не исключено, что Хабиб Бургиба в каком-то смысле «примерял» на себя его образ. В своей статье, посвященной развитию тунисского синдикализма, он писал, что ему в бытность лицеистом доводилось слышать речи Мухаммеда Али, которые производили «сильное впечатление горячей убежденностью, ясностью изложения и глубиной взглядов» (*Bourguiba H. La Tunisie et la France, Paris: Julliard, 1954, p. 379*). Однако философскими мечтаниями в лассальянском духе будущий президент, как видно, в то время не увлекся, а вся эпопея с созданием и разгромом ВКТТ происходила в его отсутствие, когда он начинал студенческую жизнь в Париже. Интересна, однако, следующая его фраза: «Отбросив пустые слова, Мухаммед Али пошел к рабочим, считая своим долгом их обучить и организовать. Он пошел к ним на стройки, на шахты и в карьеры. Он говорил с ними их языком и заставил себя понять... В этом был его гений» (*Ibid., p. 381*).

Вместе с тем, идеология основателя ВКТТ до сих пор является

предметом размышлений историков. Предметом спорным. Например, Абделлатиф Менажа (защитивший в Ницце диссертацию на эту тему под руководством профессора Андре Нуши), полагает, что, несмотря на помощь от коммунистов, которую он принимал, лидер ВКТТ придерживался принципа независимости профсоюзов. То есть их автономного — в данном случае, внепартийного характера. Поэтому Мухаммеда Али, которого вожди Старого Дустура хотели бы, но не смогли «приручить», нельзя считать националистом в чистом виде. По мнению Мустафы Крайема, изучавшего проблему в разных аспектах: состав участников ВКТТ, ее отношения с местной федерацией ФКП, уровень развития рабочего класса той эпохи и т.д., Мухаммед Али разделял небезызвестный левацкий взгляд на угнетенные народы колоний как «пролетарскую нацию». В самом деле, судя по содержанию некоторых листовок, выпускавшихся от имени ВКТТ, а также по другим в общем-то фрагментарным и вторичным данным о его идеях, Мухаммедом Али завладела мечта о республике рабочих, которая покоилась бы на фундаменте задуманной им конфедерации национальных профсоюзов. Подобный план в еще большей мере выглядел замком на песке, чем общество свободных кооператоров — проект, с которого начинал свою деятельность в Тунисе этот несколько загадочный человек, один из единичных (в середине двадцатых) представителей той интеллектуальной элиты «из низов», которая сыграла решающую роль в развитии национального движения этой страны.

Его дальнейшая судьба известна в самых общих чертах. Полагают, что после вердикта суда он отправился через Италию в Марокко, чтобы воевать на стороне восставших рифов, но был задержан еще в Танжере и выслан в Египет. Некоторое время преподавал политэкономии в каирском колледже аль-Фалах, служил шофером у важного египетского паши, но уволился, якобы не пожелав взять пассажиром гостя паши — французского посла. Затем стал работать водителем автобуса в Саудовской Аравии. 10 мая 1928 г. по дороге из Джидды в Мекку погиб в автомобильной катастрофе. Эта точная дата сообщалась в публикации, посвященной полувековому юбилею тунисского профцентра ВТСТ (*Dossier UGTT, 50 ans d'histoire, «Réalité», № 532, 19-25 janvier 1996, p. 10*). В литературе назывались и другие предположительные годы смерти Мухаммеда Али. О нем см.: *Kraïem M. Nationalisme et syndicalisme en Tunisie 1918-1929, Tunis: Imprimerie de l'UGTT, 1976; Ben Miled A. M'hamed Ali — La naissance du mouvement ouvrier tunisien, Tunis: Ed. Salambo, 1984* [Мемуарная

книга врача Ахмеда Бен Миледа (1902-1994), бывшего лидера Союза синдикалистской молодежи Туниса]; *Tlili B. Nationalisme, socialisme et syndicalisme en Tunisie et en Algérie 1919-1934*, Tunis: Publ. de l'Univ. de Tunis, 1984; *Bessis J. Les fondateurs, index bibliographique des cadres syndicalistes de la Tunisie (1920-1956)*, Paris: L'Harmattan, 1985.

Фархат Хашед (1914-1952) основатель и генеральный секретарь Всеобщего тунисского союза труда (ВТСТ). Родился в рыбацкой деревне на архипелаге Керкенна возле Сфакса. Окончил здесь же начальную школу и с 14-и лет вел самостоятельную трудовую жизнь. Рано оказался сиротой; сначала жил в Сусе, где его пристроили к родственникам, затем в Сфаксе. С 1936 г. работал кондуктором в Тунисской автотранспортной компании Сахеля и тогда же вступил в профсоюзную организацию этого предприятия. Тесно сотрудничал с социалистом Альбером Бузанке, генеральным секретарем ДО ВКТ, а в начале 1940 г. был избран в руководство региональной федерации ДО ВКТ г. Сфакс. После изгнания итало-немецких оккупантов вместе со своим земляком Хабибом Ашуром и Мухаммедом Нефаа (будущим генеральным секретарем ТКП), восстанавливал в Сфаксе профсоюзные структуры ДО ВКТ, из которого вышел после его мартовского съезда 1944 г., проиграв на выборах в Административную комиссию. Коммунисты завоевали в ней 17 мест из 21, а социалисты, в списке которых значился и Фархат Хашед, оказались в меньшинстве. В том же году с его участием началось создание автономных профцентров Южного и Северного Туниса. Колыбелью этого движения становится Сфакс. Леон Жуо и А. Бузанке, который утратил пост генерального секретаря ДО ВКТ, напрасно пытались «урезонить» Фархата Хашеда. Постепенно он завоевывает авторитет националиста, но пока не стремится к сотрудничеству с Новым Дустуром. В августе 1946 г. были заключены первые соглашения о союзе между автономными профцентрами Юга и Севера, на базе которых, путем их слияния, в декабре 1946 г. образуется Всеобщий тунисский союз труда (ВТСТ). Первоначально он насчитывал 12-15 тыс. членов. Тем временем происходит раскол ДО ВКТ на автономное ОПТТ и местное отделение французской ВКТ-«Форс увриер». Точные данные о численном составе конкурировавших профцентров установить трудно, так как происходили встречные «миграции» из одной организации в другую, а некоторые рабочие имели два членских билета сразу.

По сведениям полиции, которая вела свой учет, в 1949 г. прокоммунистическое ОПТТ имело 26,4 тыс. членов (из них 17,2 тыс. тунисцев), нацио-

налистический ВТСТ – 74,2 тыс. (почти все тунисцы), социалистическая ВКТ-«Форс увриер» 13,7 тыс. (5 тыс. тунисцев), христианские профсоюзы – 2,8 тыс. (250 тунисцев). Согласно собственным данным ОПТТ, эта организация, которая таяла на глазах, насчитывала к своему первому съезду в октябре 1946 г., 70 тыс. членов, ко второму (июнь 1949 г.) 28 тыс. и к третьему (ноябрь 1954 г.) 11, 5 тыс. Напротив, ВТСТ неуклонно наращивал свои ряды.

В докладе, составленном Хашедом 7 января 1952 г. на имя генерального секретаря МКСП, сообщалось, что в ВТСТ состоит 56 тыс. человек (по каким-то причинам эта цифра была им занижена), в том числе 8 тыс. шахтеров и 2 тыс. металлургов, 1,5 тыс. докеров, 10 тыс. строителей, 2 тыс. рабочих консервной промышленности и 5 тыс. сельскохозяйственных рабочих. Крупный отряд ВТСТ составили 7 тыс. работников сферы социального обслуживания и 8 тыс. членов федерации служащих, вхождение которой в профцентр явилось в свое время предметом дискуссии, ибо некоторые считали, что ей не место в системе рабочих профсоюзов. Однако именно служившая интеллигенция, в том числе школьные учителя и преподаватели лицеев, среди которых следует особо отметить известного прозаика Махмуда Мессади, заместителя генерального секретаря профцентра, сыграли большую роль в становлении ВТСТ и были широко представлены в его Административной комиссии. При всех возможных колебаниях, разные источники оценивают его личный состав приблизительно в 80-100 тыс. человек. К 1956 г. она имела 700 низовых организаций (Подробнее см.: *Ben Hamida A. Le syndicalisme tunisien de la deuxième guerre mondiale à l'autonomie interne*, Tunis, Publ. de l'Université de Tunis, 1989, p. 108-122, 390-391; *Kraïem M. Le Parti Communiste Tunisien...*, p. 335-339).

Власти протектората сначала исподволь поощряли раскол синдикалистов, ибо он резко ослабил позиции ТКП в рабочей среде. Эта позиция изменилась после майской забастовки 1947 г. в Сфаксе. Начиная с 1948 г. ВТСТ все более тесно сотрудничает с Новым Дустуром; Ф. Хашед становится постоянным автором газет «Mission» и «аль-Хуррийа», в которых он писал, в частности, о трудностях, чинимых новой организации со стороны коммунистов и социалистов. Федерация СФИО обвиняла его в разжигании национальной розни. Тем не менее, все историки сходятся на том, что дружба с А. Бузанке, завязавшаяся в тридцатых, когда ДО ВКТ было на подъеме, оказала на Хашеда огромное влияние, поспособствовав развитию его демократических взглядов, которых он придерживался в руководстве внутренней жизнью ВТСТ (См., например: *Dossier: Farhat Hached et son époque*,

«Rawafid», № 8, 2003, р. 53-229). Многие выступления Хашеда в тунисской печати свидетельствовали о его намерении твердо поддерживать политических лидеров национального движения, не теряя собственной самостоятельности как главы организации, представляющей интересы людей наемного труда. С января 1952 г. осуществлял общее руководство национальным движением. Убит 5 декабря того же года, предположительно – «Красной рукой».

Хеди **Шакер** (1908-1953) деятель Нового Дустура. Родился в Сфаксе, где в начале тридцатых занимался торговлей и держал собственный магазин. Активный участник подготовки учредительного съезда Нового Дустура, на котором был избран членом его Национального совета. В начале 1935 г. арестован, отбывал ссылку в Bordj-Lebœuf. После освобождения в 1936 г. возглавил организацию Нового Дустура в родном городе. Спустя несколько месяцев после апрельских событий 1938 г., во время которых он вел в Сфаксе за собой мирную демонстрацию, был снова арестован. В мае 1940 г. доставлен вместе с членами политбюро Нового Дустура в марсельскую тюрьму Fort Saint-Nicolas, откуда его затем перевели в городок Трец на юге Франции, где он был интернирован до конца 1942 г. Вернувшись на свободу, получил от Бургибы задание войти в контакт с агентами союзников в Сфаксе, еще оккупированном немцами, с 1943 г. работал над воссозданием партийных структур в южных районах страны. Избран членом политбюро и казначеем партии на III съезде Нового Дустура (1948 г.). Председательствовал на IV подпольном съезде партии, который проходил 18 января 1952 г. Вскоре был вместе с Бургибой и Монжи Слимом сослан в Крумирию (с.-з. Тунис), затем освобожден. 10 марта 1953 г. снова взят под стражу и приговорен к двум годам пребывания под надзором полиции. 13 сентября 1953 г. убит, предположительно – «Красной рукой».

Мухаммед **Шеник [Шник]** (1889-1976) предприниматель и независимый политик. Уроженец о-ва Джерба, выходец из боснийской семьи, на что указывает его фамилия; никаких аристократических корней в своей родословной не имел, по образованию счетовод. Стремился к тунисификации экономических институтов и сыграл роль своего рода «Саввы Морозова» по отношению к партии Новый Дустур. Председатель Торговой палаты Северного Туниса и член Большого Совета, вице-председатель его туземной секции. В 20-е годы стоял на позициях «ассимиляционизма», от которого отказался в период экономического кризиса, выступая за сокращение налогов и административ-

ных расходов, за организацию туземного кредита и меры по защите тунисских промыслов от конкуренции иностранных товаров. Симпатию к Бургибе проявлял с февраля 1933 г., когда тот выступил на страницах своей газеты в защиту Шеника, которого французы обвинили в коррупции. «Дело Шеника» развернулось вследствие того, что осенью 1932 г. он отправился в Париж во главе делегации Большого Совета, которая через голову властей протектората поставила перед Эдуардом Эррио вопрос о плачевном положении Туниса. Администрация ответила поиском компромата в бухгалтерских книгах Шеника, возглавлявшего Тунисский кредитный кооператив (основан в 1922 г.), с которым тесно связаны были, в частности, ткацкие мастерские Ксар-Хелляля. Этот кооператив занимался также выдачей ссуд на строительство жилья. Вопреки позиции руководства Дустура, которое обрадовалось скандалу, разгоревшемуся вокруг «ассимиляциониста», Бургиба доказывал предвзятость и надуманность обвинений, предъявленных Шенику. С тех пор он заручился финансовой помощью самой влиятельной фигуры среди «новых людей» в кругах тунисской буржуазии. Так, летом 1936 г. Шеник передал Бургибе 10 тыс. фр. на его поездку в Париж. Делал пожертвования в пользу Нового Дустура и в дальнейшем. 1 января 1943 г. занял пост премьер-министра в правительстве, которое было распущено в середине мая того же года, вторично занял этот пост 17 августа 1950 г. и вступил в переговоры с французскими властями на основе программы Нового Дустура. 26 марта 1952 г. был арестован и до 14 мая находился в ссылке на юге страны. Позже заметной роли в политических делах не играл; в марте 1956 г. был избран в Учредительное Национальное собрание и беспрепятственно занимался своим бизнесом. Ткацкой фабрикой, созданной Мухаммедом Шеником еще во время второй мировой войны (компания STUFIT), после кончины отца стал заведовать его сын.

MARIA VIDASSOVA

DJIHAD WITHOUT WAR

Tunisian experience of modernization

and the political legacy of Habib Bourguiba (1903-2000)

Volume I. Part 1

A Man From Sahel and His Path to the "Tunisian Renaissance"

Contents:

Foreword.

Introduction.

Destour means Constitution. The Emergence of "two Destours".

"Harlequin's Capital"...and an ordinary commencement of one's life.

The Old Destour. Was it a party from the Pasha street?

Saint Louis, "Satrap" and the split in the nationalists ranks.

Guiding the party of "néos" or from Voice to Action.

How to organize a mass party...and how does it concern cemeteries?

The Great Depression and the Arab world. Some historical parallels.

The Neo-Destour and French socialists. The return of Sheikh.

Rupture. The "insurrection" of 9 April 1938.

The Neo-Destour goes underground. Moncef Bey ring.

Comments and historical data.

Biographical dictionary.

Volume I. Part 2

Battle for Tunisia After the "Torch was lit" and During the Cold War

Contents:

Prisoner in the Fort Saint-Nicolas. Duce's "guest". The Mareth line.

Bourguiba veiled and m-r Hooker Doolittle.

Escape by a fishermen boat. Emigrant life in Cairo.

The program of compromise with France.

Tour round the world...to a bare island. Schuman's response.

King's gift. The "Black hand" against the "Red hand".

The Carthage declaration. Adieu to weapon...

The Youssefist crisis. An extraordinary congress.

Epilogue or prologue to the story about Architect and his project.

Comments and historical data.

Selected bibliography.

Мария Федоровна Видясова

«Джихад без войны»
Тунисский опыт модернизации и
политическое наследие Хабиба Бургибы
(1903—2000)

Том I

Книга 1

Человек из Сахеля и его путь
к «тунисскому возрождению»

Оформление оригинал-макета: Г.В.Чесноков

Утверждено к печати Ученым советом ИСАА
при МГУ им М.В.Ломоносова 19 июня 2003 г.

Подписано в печать 31.03.2005 г.
30 уч.-изд. листов. Формат 60×90 1/16
Печать офсетная. Тираж 700 экз. Заказ № 45-05.

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии ФГУП «Полиграфические ресурсы».

На задней странице обложки: Двери в мавзолей Бургибы

*Великий борец
Строитель нового Туниса
Освободитель женщины*

